CULTURAL VALUES

INTERNATIONAL ANNUAL

2004-2006

CENTRAL ASIA IN PAST AND PRESENT

Edited by Ruslan Muradov

St. Petersburg
St. Petersburg State University
Faculty of the Philology
2008

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

2004-2006

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Под редакцией Р.Г.Мурадова

Санкт-Петербург
Филологический факультет Санкт-Петербургского
Государственного университета
2008

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института Открытое общество – Будапешт

Редакционная коллегия тома

В.И.АРТЕМЬЕВ (Ташкент), А.ГАЛИЕВ (Алматы), С.А.ГОРШЕНИНА (Лозанна),
О.А.ГУНДОГДЫЕВ (Ашхабад), А.Б.ДЖУМАЕВ (Ташкент),
Б.Т.КАБИЛОВА (Душанбе), В.Ю.КРЮКОВА (Санкт-Петербург),
М.А.МАМЕДОВ (Ашхабад), В.П.НИКОНОРОВ (Санкт-Петербург),
В.Н.ПИЛИПКО (Москва), В.Н.ПРОСКУРИН (Берлин),
Б.Л.ЧУХОВИЧ (Монреаль), А.ЯЗБЕРДИЕВ (Ашхабад)

Культурные ценности. Международный ежегодник. – СПб., Филологический факультет СПбУ, 1995– .

2004-2006: Центральная Азия в прошлом и настоящем / Под ред. Р.Г.Мурадова. – 2008. – 256 с.

ISBN ....

Седьмой выпуск сборника посвящен различным аспектам функционирования культуры народов центральноазиатского региона начиная с эпохи бронзы до современности. Среди авторов этого выпуска – археологи, историки, искусствоведы, этнографы, востоковеды-иранисты, тюркологи. Их внимание привлекают малоизученные вопросы истории религий, архитектуры и градостроительства, художественного творчества, отражены новые подходы в изучении традиционных тем. Публикуются также редкие исторические документы, мемуары и биографии ученых.

© Р.Г.Мурадов, составление, общая редакция, 2008.

© Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2008

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

История археологического изучения Маргианы
И.С.Масимов 7

О религиозной принадлежности предков Саманидов
Ш.С.Камолиддин 13

Общая память" тюрко-монгольских династий в визуальной культуре средневековья
Лариса Додхудоева 23

Культ святых при Тимуридах: социально-политический аспект
Лола Додхудоева 32

Машад Кусама в Самарканде: историческая ретроспектива
Н.Б.Немцева 40

Бухара и развитие старых городов Средней Азии
И.И.Ноткин 52

ТРАДИЦИИ И ТВОРЧЕСТВО

Многоликий Восток русского художественного ориентализма (XVIII – начало XX века)
Светлана Горшенина 61

Реминисценции древней храмовой архитектуры в традиционной культуре таджиков
Виктория Крюкова 78

Станислав Бабиков: симфония цвета
Ирина Кистович 84

Сценические лики пророков
Камариддин Артыков 95

ПУБЛИКАЦИИ

Записки о путешествии из Герата в Оренбург в 1840 году (Введение, перевод с английского и комментарии Р.Г.Мурадова)
Ричмонд Шекспир 103

Немцы в Туркестане: от астрономии до геополитики
Валерий Германов 146

Ютакинские страницы
В.А.Булатова-Левина 158

ПОЛЕМИКА

Возвращение Фузули
А.Язбердиев 166

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Погребальные памятники кочевников Северной Бактрии-Тохаристана
Е.П.Денисов 182

Новые данные о раннем походе арабов в Китай
Ш.Камолиддин 187

Взаимоотношения Джанидов и Сефевидов
А.Саидов 190

Миф и письменность в культуре Центральной Азии
А.Галиев 192

Изразцовая панель интерьера мавзолея Абу Саида Абул Хайра
М.Мамедов 195

К вопросу о генезисе амулетниц-тумаров
Э.Гюль 199

Научная хроника 205

PERSONALIA

К 80-летию со дня рождения Бориса Яковлевича Ставиского
Р.Г.Мурадов 213

Егену Атагаррыеву – 70 лет
М.А.Мамедов 216

Туркменистан был ее жизнью
С.М.Демидов 218

Вклад академика Б.А.Литвинского в изучение военного дела Древнего мира
В.П.Никоноров 221

Вслед за Америкой он открыл Туркестан
В.Н.Проскурин 225

Семиречье далекое и близкое
Р.Г.Мурадов 232

Назар Базарбаевич Халимов (1942-2005)
М.А.Мамедов 237

Список научных работ Н.Б. Халимова 238

Иминжан Масимов (1940-2006)
Н.С.Бяшимова, Л.Б.Кирчо 240

Список научных работ И.С.Масимова 242

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии 244
Известия АН Туркменистана 1995-1999 249
Издано в Казахстане 251

TABLE OF CONTENTS

ANTIQUITY AND MEDIAEVAL WORLD

I.Masimov, The History of the Archeological Research of Margiana 7
Sh.Kamoliddin, Religious Belonging of the Samanid Forefathers 13
Larisa Dodhudoeva, "General Memory" of the Turkish-Mongol Dynasties in the Visual Culture of the Middle Ages 23
Lola Dodhudoeva, Cult of Saints under the Timurids: Social and Political Aspect 32
N.Nemtseva, Mashad of Qutham ibn Abbas in Samarkand: archaeological retrospection 41
J.Notkin, Buhara and Development of the Old Cities in Central Asia 53

TRADITIONS AND ARTISTIC CREATION

S.Gorshenina, Diverse Orient of the Russian Artistic Orientalism (18th-early 20th cent.) 62
V.Krukova, Reminiscences of the Ancient Temples Architecture in Traditional Culture of Tajiks 78
I.Kistovich, Stanislav Babikov: Symphony of the Colour 84
K.Artykov, Stage Images of the Prophet 95

PUBLICATIONS

A Personal Narrative of a Jorney from Heart to Orenburg, on the Caspian, in 1840, by captain Sir Richmond Shakespear (Introduction, translation from English into Russian and comments by *R.Muradov*) 103
V.Germasnov, Germans in Turkestan: from Astronomy to Geopolitics 146
V.Bulatova-Levina, My Time in YuTAKE 158

CONTROVERSY

A.Yazberdiev, Return Fuzuli (Disputes about great poet of 16th cent.) 166

MESSAGES AND NOTES

E.Denisov, Funeral Monuments of the Nomads of North Bactria-Tokharistan 182
Sh.Kamoliddin, New Given about Early March of the Arabs into China 187
A.Saidov, Relations between the Janids and the Safavids 190
A.Galiev, Myth and system of writing in Culture of Central Asia 192
E.Gul, A Question about Genesis of Amulet-storages (Tumar) 195
M.Mamedov, Tiles from interior of the Shrine of Abu said Abul Hair 199
Academic News and Events 205

PERSONALIA

R.Muradov, On the occasion of the 80th Birthday of Boris Stavisky 213
S.Demidov, Turkmenistan was her life (About ethnographer Galina Vasilyeva) 216
M.Mamedov, On the occasion of the 70th Birthday of archaeologist Egen Atagarryev 218
V.Nikonorov, Contribution of Academician B.A.Litvinsky in Study of the Military Affair of the Ancient World 221
V.Proskurin, Behind America he Discovered Turkestan (Alexander Rotchev, last manager of Californian Fort Ross) 225
R.Muradov, Semirechie Distant and Near (Dialog with Vladimir Proskurin) 232
M.Mamedov, In Memory of Nazar Khalimov 237
N.Biashimova, L.Kircho, In Memory of Iminjan Masimov 240

REVIEWS ANS BIBLIOGRAPHY

"Magic Bridges" by S.Abdullo (*A.Tumailov*) 244
"The Private Collections of Russian Turkestan" by S.Gorshenina (*R.Denega*) 246
Journal of Academy of Sciences of Turkmenistan in 1995-1999 248
Published in Kazakhstan 251

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МАРГИАНЫ

И.С.МАСИМОВ

Систематические археологические исследования территории древней Маргианы за последние 30 лет XX в. позволили накопить огромный и весьма ценный в научном отношении археологический материал, характеризующий высокоразвитую цивилизацию эпохи бронзы древневосточного типа. В историческом плане изучение этого региона Туркменистана всегда вызывало неподдельный интерес различных специалистов из многих научно-исследовательских центров. Следы богатой и насыщенной событиями истории старой дельты Мургаба представлены остатками многочисленных холмов и архитектурных сооружений прошедших эпох.

Пионером изучения древностей Маргианы был блестящий востоковед Валентин Алексеевич Жуковский, прибывший сюда в 1890 г. по поручению Императорской Археологической комиссии с целью исследования городищ Старого Мерва и прилегающих к нему территорий. В результате этих работ, а также данных средневековых арабо-персидских и других письменных источников, он написал фундаментальное исследование "Развалины Старого Мерва". По словам академика М.Е.Массона, эта книга представляет собою капитальный труд, равного которому нет ни на одном языке, ни по одному из городов Среднего Востока.[1] Другой выдающийся исследователь восточных древностей Василий Васильевич Бартольд существенно обогатил это исследование, опубликовав в 1909 г. работу под названием «К истории Мерва».[2] Однако, в работах В.А.Жуковского и В.В.Бартольда в силу естественных обстоятельств полностью отсутствовали данные, касающиеся истории Мерва и Мервского оазиса до арабского завоевания.

Первые свидетельства древнейшей истории Маргианы были добыты в начале XX в. американской экспедицией под руководством Рафаэля Пампелли, прибывшего в Закаспийскую область от Института Карнеги из Вашингтона. С этой точки зрения наибольший интерес представляют работы сотрудников данной экспедиции на северной периферии земель Мервского оазиса, где сосредоточены многие памятники древнеземледельческих культур этой области. В археологическом отношении их изучение ограничилось сбором подъемного материала с поверхности этих холмов. Попутно произведена фотофиксация и схематическая профилировка, использованная в последующем для выяснения типов памятников. Однако, при определении их хронологии была допущена существенная ошибка: мервские объекты американцы приравняли к анауским.[3]

В последующие годы на изучаемой территории проводилось несколько эпизодических исследовательских мероприятий, среди которых следует отметить работы А.А.Марущенко и Б.Б.Пиотровского, когда в нижних культурных слоях городища Гяур-кала впервые удалось выявить материалы середины I тыс. до н.э.[4] Таким образом, работами названных авторов как бы завершается первый этап археологического изучения Маргианы, включающий в себя отрезок времени с конца XIX столетия до середины XX в.

Второй этап исследований начинается в послевоенный период и связан исключительно с ЮТАКЭ, организованной в 1946 г. при Туркменском филиале Академии наук СССР. Начиная с первых лет деятельности этой экспедиции одной из главных задач, стоявших перед ней, являлось уточнение периодизации и заполнение «белых пятен» в истории Туркменистана за весь исторический период.[5]

С 1949 по 1952 г. XVII отряд, специально созданный при ЮТАКЭ, занимался изучением парфяно-сасанидских памятников, располагавшихся, главным образом, к северу от Мерва, включая и ряд древнемаргианских поселений эпохи раннего железа, на которых в свое время побывала американская экспедиция Р.Пампелли.[6] Вместе с тем, все поездки экспедиции к северной периферии Мервского оазиса, как правило, заканчивались все новыми и новыми открытиями. В 1949 г. XVIII отряд обследовал поселения Яз-депе, три Уч-депе, Гюмиш-депе, Аравали-депе и Коюн-депе. На основе их изучения была предложена новая датировка древ-

немаргианских памятников: от конца II тыс. до VI-IV вв. до н.э. [7]

В 1952-1953 гг. в результате маршрутных поездок открыты Тахирбай-депе и еще ряд других поселений. Кроме того, удалось установить, что территория, лежащая к северу от стены Антиоха Сотера, была густо заселена в эпоху поздней бронзы и раннего железа местными древнеземледельческими общинами.[8] В свете этих исследований перед ЮТАКЭ реально возникли проблемы по изучению вопросов сложения древнейших государств и формирования связанных с ними городских центров. Однако, решение этих задач требовало организации стационарных археологических раскопок. С этой целью при ЮТАКЭ организовали специальный XIV отряд под руководством В.М.Массона, в состав которого также вошли археологи Ю.Ф. Буряков, В.И.Сарианиди, И.Н.Хлопин, С.Н.Юренев и др.

К этому времени параллельные исследовательские работы ЮТАКЭ на древнеземледельческих памятниках подгорной полосы Копетдага позволили установить новую хронологическую колонку протоисторических поселений Южного Туркменистана взамен устаревшей периодизации, предложенной ранее экспедицией Р.Пампелли. Так называемая «намазгинская» стратиграфическая колонка включала в себя шесть последовательных периодов (Намазга I-VI), от раннего энеолита до поздней бронзы.[9] Таким образом, к началу стационарных раскопок в Маргиане в распоряжении ученых появилась достаточно надежная хронологическая колонка, необходимая для проведения сравнительного анализа памятников.

В 1954 г. началось изучение поселения Яз-депе, на основании раскопок которого предложена трехчастная периодизация (Яз I-III) памятников раннежелезного века как Маргианы, так и всей территории Южного Туркменистана.[10] Помимо работ на Яз-депе археологические раскопки проводились и на поселении Тахирбай 3, которое на тот период времени представляло собой наиболее ранний комплекс среди известных древнемаргианских поселений, датируемых периодом поздней бронзы.[11] Кроме работ на Яз-депе и Тахирбай 3, экспедиция обследовала еще пять холмов (Аучин-депе, Якипер-депе, Тахирбай 4, 5 и 6). Материалы, собранные XIV отрядом ЮТАКЭ в течении 1954-1956 гг., впервые позволили научно обосновать историческое прошлое этой части Туркменистана, являвшееся до того достаточно туманным периодом в истории Маргианы доахеменидского времени. Благодаря конкретным артефактам, полученным в процессе раскопок, а также на основании стратиграфических данных определены три хронологических этапа культуры раннежелезного века, названных, по наиболее исследованному памятнику Яз-депе, соответственно Яз I, Яз II и Яз III.[12]

Исследования древнемаргианских памятников позднебронзового века показали существование здесь древнего оазиса, возникшего вдоль одного из протоков реки Мургаб. Археологический материал, полученный из этих поселений, обнаружил их полное сходство с соответствующими комплексами, известными к тому времени на территории подгорной полосы Копетдага. На их основе выделен мургабский вариант культуры поздней бронзы (типа Намазга VI). Несмотря на незначительный объем полученного материала, исследователям удалось подчеркнуть достаточно выразительный характер выделенной культуры, существовавшей здесь в пору поздней бронзы. Вместе с тем, тщательный анализ материала и его сравнение с комплексами прикопетдагской равнины позволили установить ранний и поздний комплексы этой культуры. К раннему этапу были отнесены материалы Аучин-депе, находящие свои параллели как в комплексах Намазга V, так и Намазга VI. С поздним этапом развития местной культуры соотнесены материалы, полученные с поселения Тахирбай 3.[13]

Таким образом, впервые была дана полная по тем временам характеристика поселений древней Маргианы, позволявшая приоткрыть одну из самых темных страниц в истории Центральной Азии и узнать культуру, предшествовавшую ахеменидской.

Третий этап археологического изучения Маргианы насыщен интенсивными исследовательскими работами, продолжающимися в течении последних тридцати лет. Именно на этот период приходятся выдающиеся научные открытия, позволяющие по-новому реконструировать историческое прошлое оазиса в низовьях Мургаба.

Археологические изыскания в старой мургабской дельте вновь возобновились в 1972 г., когда Геоксюрский отряд Института археологии АН СССР под руководством В.И.Сарианиди производил повторный осмотр поселения Аучин-депе и параллельно с этим обнаружил 14 новых памятников оседлых земледельцев эпохи бронзы. В это же время экспедиция В.И. Сарианиди открыла новый, неизвестный прежде Гонурский оазис с центром на поселении Гонур 1. Одновременно им же проведены небольшие раскопочные работы на Тахирбае 3.[14]

Год спустя, в 1974 г., В.И.Сарианиди открыл все поселения Гонурского оазиса, а также холмы еще одного, Тоголокского оазиса.[15] В том же году в обследование памятников древней Маргианы включился и специальный отряд под руководством автора этой статьи, орга-

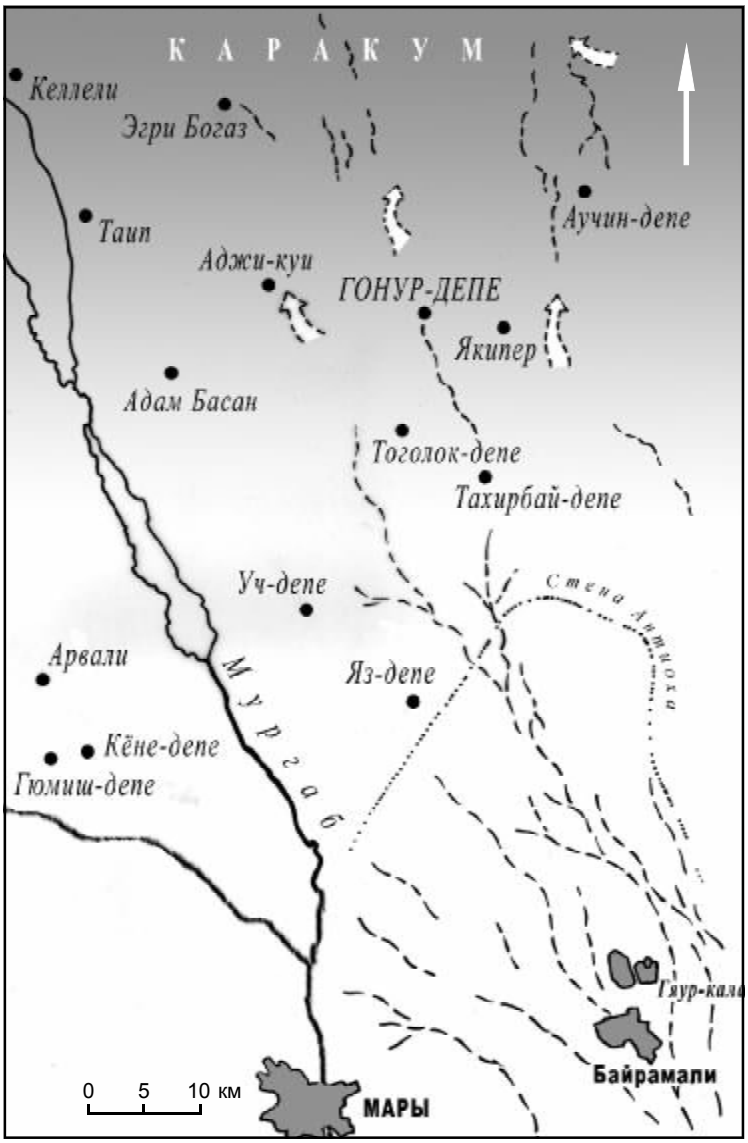
низованный при Институте истории им.Ш.Батырова Академии наук Туркменской ССР. В процессе разведочных работ в районе древних низовий Мургаба отряд открыл первый и, как оказалось затем, центральный холм в южной части такыра Келлели. Этот холм, получивший условное наименование Келлели 1, состоял из двух разновеликих всхолмлений, археологический материал с которых свидетельствовал о принадлежности данного памятника к эпохе бронзы.

В 1975 г. наш отряд обнаружил еще пять неизвестных поселений (Келлели 2-6), которые находились севернее центрального холма. Однако, наиболее значимым в тот сезон явилось открытие остатков былого памятника эпохи энеолита, представлявшего собой россыпь керамики на поверхности такыра, в 10 км севернее Келлели 1. Кроме немногочисленной расписной керамики, здесь обнаружены медная проколка с коническим навершием, а также терракотовая головка статуэтки с удлиненным затылком.[16] Выявленные материалы позволили поставить вопрос о имевшей место миграции древних земледельцев Южного Туркменистана в пределы маргианского региона. В последующем, после обнаружения энеолитического поселения Саразм в Южном Согде, эта точка зрения нашла свое полное подтверждение.

Следующий, 1976 г. мы полностью посвятили разведочным поездкам в западной части древнемаргианского оазиса. Именно тогда удалось найти еще четыре новых оазиса древней Маргианы, названных соответственно Таипским, Аджикуинским, Адамбасанским и Эгрибогазским. При этом с почти двух десятков холмов были сняты инструментальные планы, выполненные гидротехником А.А.Ляпиным.[17]

Таким образом, с 1974 по 1976 г. удалось выявить около 50 древнемаргианских памятников эпохи бронзы и еще около 20 холмов, датируемых эпохой раннего железа. В результате предварительно был очерчен основной круг вопросов, касающихся культурной принадлежности вновь открытых памятников. Вырисовывалась ясная картина заселения низовий Мургаба местными древнеземледельческими племенами сначала в эпоху энеолита, а затем и в эпоху бронзы. Все это легло в основу предварительных публикаций автора, в которых были выделены ранние и поздние культурно-исторические комплексы Маргианы, определен характер их эволюции, а также место, занимаемое цивилизацией Маргианы в системе древневосточных культур.[18]

Тем не менее, новые разведочные исследования продолжались по-прежнему. В 1977 г. экспедиция, возглавляемая В.И.Сарианиди, обнаружила свыше 30 древнемаргианских поселений, с поверхности которых был собран разнообразный материал, среди которого наиболее яркими были находки разнотипных печатей, в том числе каменных печатей-амулетов.[19] Кроме того, в процессе обследования различных памятников В.И.Сарианиди обратил внимание на керамику так называемой «степной бронзы», иногда встречаемой на маргианских памятниках. В этой связи он высказал вполне резонное предположение о мирном сосуществовании оседло-земледельческих общин и степных племен эпохи бронзы.[20]



Расположение памятников в дельте реки Мургаб. Схема (пунктиром обозначены древние русла, стрелками - направления палео-течений)

В 1977 г. автор данной статьи начал раскопочные работы на поселении Таип 1, которые продолжались в течение трех полевых сезонов. За это время совершенно достоверно установлено, что этот памятник представляет собою мощную крепость с цитаделью, усиленной круглыми башнями. За пределами крепости находилось неукрепленное поселение с жилыми постройками и большими дворовыми пространствами. К сожалению, эти раскопки в силу объективных обстоятельств не получили дальнейшего продолжения. Тем не менее, материал, полученный по ходу его изучения, имел большое значение для понимания сути и характера древней Маргианы. В частности, выявление и определение фортификационных сооружений нового типа в качестве составной части маргианских памятников, применительно к памятникам эпохи бронзы явилось весьма важным открытием в среднеазиатской археологии. Кроме того, обнаружение нескольких каменных цилиндрических печатей явилось настоящей сенсацией, напрямую свидетельствуя о дальних связях Маргианы с развитыми культурными центрами древневосточных цивилизаций не только в материальной, но и в духовной сфере.[21]

В свою очередь В.И.Сарианиди провел небольшие раскопочные работы на поселениях Келлели 4 и Аджикуи 8, где в 1977-1978 гг. ему удалось частично выявить остатки архитектурных сооружений в виде отдельно стоящих домовладений.[22]

Естественным следствием проведения предварительных раскопочных работ и накопления соответствующего археологического материала явились публикации, подытоживающие результаты исследований Маргианы.[23] Кроме того, была предпринята попытка упорядочения данных по всем древнемаргианским памятникам в соответствии с занимаемыми ими площадями и их планировочной структурой. Иными словами, проведена их типологическая классификация.[24] Примерно такая же работа по систематизации материалов осуществлена с использованием новых сборов печатей, обнаруженных на холмах западной половины древнемургабского оазиса.[25] Позже В.И.Сарианиди опубликовал серию статей, посвященных анализу мифологических сюжетов на печатях Бактрии и Маргианы, которые в соответствии имеющимися данными были отнесены им к единому Бактрийско-маргианскому археологическому комплексу (БМАК).[26]

Начиная с 1980 г. активные стационарные раскопки по изучению древнемаргианских поселений возобновились с новой силой. В пределах Келлелийского оазиса в течении двух полевых сезонов (1980-1981 гг.) раскопан крупный Монументальный дом квадратной конфигурации (29,5×29,5 м), с обводными стенами в виде коридорообразных помещений.[27] В 1982 г. раскопочные работы перенесены на Келлели 6,[28] а с 1983 по 1985 гг. – на Келлели 3. Последнее представляло собою укрепленное поселение-крепость квадратной формы (128×128 м), четко ориентированное по сторонам света и дополнительно обнесенное снаружи специальным рвом. Сооружение подобного рода на Келлели явилось самым ранним в Центральной Азии из числа всех защитных устройств, которые были открыты к тому времени.[29]

Работы на памятниках Келлелийского оазиса, являющихся одними из самых первых в пределах всей Маргианы, существенно обогатили наши знания о древнейшей истории этой части Центральной Азии на рубеже III – II тысячелетий до н.э. Более того, с открытием этого оазиса время формирования культуры местных земледельцев удалось значительно удревнить, а истоки древнемургабской цивилизации реконструировать с совершенно новых позиций.[30] К сожалению, отсутствие финансирования не позволило завершить должным образом исследование таких замечательных объектов как Келлели и Таип-1.

Начало 80-х годов XX в. ознаменовалось также крупномасштабными археологическими раскопками памятников, расположенных в восточной половине древнемаргианского оазиса, которые продолжаются и в настоящее время. Эти работы, проводимые под руководством В.И.Сарианиди, затронули, в частности, памятники Тоголокского (Тоголок 1, 21) и Гонурского оазисов (Гонур 1), где наряду со зданиями жилого характера полностью вскрыты монументальные сооружения культового и административного назначения.[31] Результатом этих исследований явилась серия публикаций, посвященных как вопросам изучения материальной культуры Маргианы, так и проблемам генезиса, искусства, религиозных воззрений и культурных связей.[32]

В 90-е годы изучением памятников, расположенных в низовьях древнего Мургаба, занимались три различные экспедиции. В частности, в соответствии с «Международным проектом по Мерву» (под руководством проф. Джорджины Херрманн), в котором были задействованы специалисты из Туркменистана и Великобритании, проводились как археологические, так и консервационные работы на городищах Старого Мерва в районе современного г.Байрамали.[33] В свою очередь, с 1989 по 1996 г. северная, наиболее древняя часть Маргианы обследовалась международной экспедицией под руководством проф. Маурицио Този, основной задачей которой являлось составление археологической карты ни-

зовий Мургаба. Итогом этих работ стала публикация, подготовленная сотрудниками различных организаций из Италии, Франции, Туркменистана, Индии и России.[34]

Третья международная экспедиция под руководством В.И.Сарианиди продолжила свою многолетнюю работу на Гонур-депе и с 1991 по 2000 г. функционировала на основе соглашения между Министерством культуры Туркменистана и итальянским Научно-исследовательским центром Лигабуе (Венеция). За эти годы завершились раскопки монументального дворцового комплекса (кремля) Северного Гонура с развитой фортификацией, открыт и полностью исследован гонурский некрополь площадью 10 га, который признан одним из самых крупных могильников III-II тыс. до н.э. в Центральной Азии.[35] В этой работе в различные сезоны принимали участие специалисты из Италии, Туркменистана, России (С.Сальватори, Г.Росси-Осмида, Б.Н.Удеумурадов, Э.А.Мурадова, О.Бабаков, Н.А.Дубова и др.), что нашло отражение в ряде их публикаций.

С 2001 г. начались раскопки в Аджикуинском оазисе в рамках нового проекта Научно-исследовательского центра Лигабуе (руководитель работ Г.Росси-Осмида). Эти исследования затронули два объекта – Аджи-Куи 1 и 9. В первом выявлены кварталы ремесленников, отдельно стоявшие усадьбы и некрополь. Второй представлял собою укрепленное городище в виде параллелограмма общей площадью 0,5 га, обнесенного крепостными стенами с прямоугольными башнями. Это памятник с планировочной структурой, характерную для всех поселений эпохи бронзы Маргианы и Бактрии, который также дает массу артефактов, типичных для БМАК.[36]

В первые годы наступившего столетия продолжились масштабные раскопки Северного Гонура, осуществляемые В.И.Сарианиди. Здесь открыт сложный ансамбль культовых сооружений, непосредственно примыкающих к стенам кремля, выявлен еще один небольшой, но исключительно богатый некрополь, существенно пополнивший коллекцию произведений древнего искусства, собранную в ходе раскопок основного некрополя и других древнемаргианских памятников.[37]

Несмотря на большой объем современных всесторонних исследований старой дельты Мургаба, остается множество актуальных проблем и дискуссионных вопросов, требующих дальнейшего детального изучения. Археологические работы, которые будут продолжаться здесь и в XXI веке, надо полагать, позволят лучше понять феномен, каковым, несомненно, является Маргиана эпохи бронзы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Массон М.Е.* К изучению прошлого Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т.XII. А., 1963, с.10.

[2] *Бартольд В.В.* Соч., т. IV. М., 1966, с.172-195.

[3] *Huntington, E.* Description of the Kurgans of the Merv Oasis // *Pumpelly R.,* ed. Explorations in Turkestan. Vol.1. Washington, 1908. Об этих работах амерканской экспедиции см.: *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.-Л., 1959, с.5-6.

[4] *Ершов С.А.* Археология в Туркменской ССР за 20 лет. // Известия ТФАН СССР. 1944, № 2-3, с.32-33; *Пиотровский Б.Б.* Разведочные раскопки на Гяур-кала в Старом Мерве // Материалы ЮТАКЭ. Вып.1. Ашхабад, 1949, с.35-41. Исследования З.И.Усмановой позволили удревнить хронологию городища Старый Мерв до VII в. до н.э. См.: *Усманова З.И.* Древний Мерв по данным раскопок на Эрк-кале // Мерв в древней и средневековой истории Востока. Тезисы докладов. А., 1990, с.12-13.

[5] *Массон М.Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948-1952 гг. // Труды ЮТАКЭ. Т.V. А., 1955.

[6] Там же, с.202-250.

[7] Там же, с.204

[8] *Массон В.М.* Указ. соч., с.8.

[9] *Куфтин Б.А.* Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культуры Анау // ИАН ТССР СОН. 1954, №1; *Он же:* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы // Труды ЮТАКЭ, т. VII. А., 1956; *Массон В.М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А.Куфтина. // Труды ЮТАКЭ, т.VII.

[10] *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы, с.10.

[11] *Массон М.Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ в 1953-1954 гг. // Труды ЮТАКЭ, т.XV. А., 1974, с.298.

[12] *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.

[13] Там же.

[14] *Сарианиди В.И.* Древности низовий Мургаба // АО 1972 г. М., 1975, с.483-484.

[15] *Сарианиди В.И.* Новые открытия 1974 года. М., 1975.

[16] *Масимов И.С.* Новый оазис бронзы в низовьях реки Мургаб. //АО 1975 г. М., 1976; *Его же:* Археологические исследования в Марыйской области // КД, вып. VII. Ашхабад, 1979; *Его же:* Келлели – новый оазис эпохи бронзы низовий Мургаба // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980.

[17] *Масимов И.С., Ляпин А.А.* Археолого-топографические работы в низовьях древнего Мургаба // АО 1976 г. М., 1977.

[18] *Масимов И.С.* Археологические исследования в Марыйской области; *Его же*: Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА, 1979, №1; *Masimov, I.S.* The Study of the Bronze Age Sities in the Lower Murgab // The Bronze Age Civilization of Central Asia. New York, 1981.

[19] *Сарианиди В.И.* Печати-амулеты мургабского стиля // СА, 1976, №1.

[20] *Сарианиди В.И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане //СА, 1975, №2.

[21] *Масимов И.С., Удеумурадов Б.Н., Вдовин В., Курбанова Р., Русаковская Л.* Изучение культуры эпохи бронзы низовьев Мургаба // АО 1977 г. М., 1978; *Масимов И.С., Вдовин В., Удеумурадов Б.* Второй год раскопок поселения Таип-депе // АО 1978 г. М., 1979.

[22] *Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. А., 1990, с.8-9.

[23] *Масимов И.С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба //СА, 1979, №1; *Его же*:

Типологический и пространственный анализ древних поселений // Методика археологических исследований

и закономерности развития древних обществ. Тезисы совещания. А., 1980; *Sarianidi, V.I.* Margiana in the Bronze Age // The Bronze Age Civilization of Central Asia. New York, 1981.

[24] *Масимов И.С.* Типологический и пространственный анализ древних поселений.

[25] *Масимов И.С.* Новые находки печатей с низовий Мургаба // СА, № 1. М., 1981.

[26] *Сариниди В.И.* Южная Туркмения и Маргиана в эпоху бронзы // ИБ МАИКЦА. М., 1984; *Его же:* Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы // Средняя Азия в древности. М., 1986; *Sarianidi V.* Cult symbolism of Bactrian and Margiana amulets // Orientalia. Iosephi Tucci memoriae dicata. Roma, 1988.

[27] *Масимов И.С.* Жилой дом на Келлели // ПТ 1984, № 2 (38); *Его же*: Раскопки в Келлелинском оазисе // АО 1982 г. М., 1984; *Его же:* Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986, с.171-173.

[28] *Масимов И.С.* Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе, с.176.

[29] *Масимов И.С.* Раскопки Келлели 3 (ТССР) // АО 1985 г. М., 1987.

[30] *Масимов И.С.* Келлелийский оазис и проблема генезиса культуры эпохи бронзы в Маргиане // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов. Ереван, 1982; *Его же:* Культура низовьев Мургаба в бронзовом веке и ее связи с Бактрией // Древнейшие культуры Бактрии. Тезисы докладов. Душанбе, 1982; *Его же:* Раскопки памятников древнемургабской дельды. // АО 1983 г. М., 1985; *Его же:* Инновации в эпоху бронзы в низовьях Мургаба // Технический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху. Тезисы докладов. А., 1987.

[31] *Сариниди В.И.* Монументальный комплекс Тоголок-21 в Маргиане //АО 1984 г. М., 1986; *Его же:* Открытие страны Маргуш // Наука в СССР, вып.1. М., 1986; *Его же:* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990; *Sarianidi, V.I.* Le complexe culturel de Togolok-21 en Margiane // Arts Asiatiques, t.XLI. 1986.

[32] *Сариниди В.* Маргуш: древнее царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002; *Sarianidi, V.I.* Margiana and Protozoroastrism. Athens. 1998; *Sarianidi, V.I.* Miths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow, 1998.

[33] *Herrmann G., Masson V.M., Kurbansakhatov K.* The International Merv Project. Preliminary report of the first season (1992) // Iran, XXXI, 1993.

[34] *Gubaev A., Koshelenko G. and Tosi M.*, eds. The Archaeological Map of the Murgab Delta. Preliminary Reports 1990-95. IsIAO - Roma, 1998. Эта публикация состоит из сборника статей итальянских, российских и туркменских исследователей и отдельного комплекта карт мургабской дельты: археологических и геоморфологических.

[35] *Salvatori, S.* The Discovery of the Graveyard of Gonur-depe 1 (Murghab Delta, Turkmenistan): 1992 Campaign Preliminary Report // Rivista di Archeologia, XVII, 1993; *Salvatori, S.* A Late Third Millennium Graveyard at Gonur Tepe 1 (Murghab Delta, Turkmenistan) // *Parpola A. & Koskikallio P.*, eds., South Asian Archaeology 1993. Annales Academiae Scientiarum Fennicae, series B, vol.271. Helsinki, 1994; *Salvatori, S.* Excavations at the Namazga V Late Graveyard of Gonur 1 (Murghab Delta, Turkmenistan). Preliminary Report on the 1993 Field Season // Rivista di Archeologia, XVIII, 1994. *Salvatori, S.* Gonur-depe 1 (Margiana, Turkmenistan): The Middle Bronze Age Graveyard. Preliminary Report on the 1994 Excavation Campaign // Rivista di Archeologia, XIX, 1995. *Salvatori, S.* Protohistoric Margiana: On a Recent Contribution (Review of 'IASCCA' [International Association for the Study of the Cultures of Central Asia] Information Bulletin 19, Moscow 1993) // Rivista di Archeologia, XIX,1995. *Росси-Осмида Г.,* Некрополь Гонур-депе // КЦ 1996. СПб., 1998; *Сариниди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. *Rossi-Osmida G.*, ed. Margiana, Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Venice, 2002.

[36] *Rossi-Osmida G., Udeumuradov B.* Preliminary Report on Result of Study into the Settlement and Necropolis Adji Kui 1 and 9 // Central Asia Cultural Values, No 2. Padova, 2003.

[37] *Сариниди В.И.* Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сб. статей в честь 75-летия В.И.Сариниди. М., 2004. *Его же:* Гонур-депе: город царей и богов. Ашхабад, 2005.

О РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРЕДКОВ САМАНИДОВ*

Ш.С.КАМОЛИДДИН

В средневековой истории Средней Азии, как известно, особое место принадлежит династии Саманидов, многочисленные представители которой в течение IX–X вв. правили в столичной Бухаре и других городах и областях Хорасана и Мавераннахра. В письменных источниках имеется достаточно много сведений о правлении различных представителей династии Саманидов, о политической, экономической и культурной жизни того периода. Однако, о происхождении этой династии правителей Средней Азии сохранились весьма скудные и противоречивые данные и этот вопрос до сих пор остается окутанным неизвестностью.

Родоначальник династии Саман-худат впервые появился на политической арене в первой четверти VIII в., когда он прибыл из Балха в Мерв к арабскому наместнику Хорасана Асаду ибн ‘Абд Аллаху ал Касри (или ал-Кушайри)[1] и просил его оказать помощь против его врагов в Балхе. Получив от него искомую помощь и восстановив свое положение, Саман-худат, который был зороастрийским жрецом,[2] принял ислам при его содействии и назвал своего сына в его честь Асадом. Позднее вместе с сыном он принимал участие в движении Абу Муслима в Хорасане. Впоследствии его сын Асад служил при дворе ал-Ма’муна[3] во время его пребывания в Мерве. Внуки Саман-худата, сыновья Асада – Нух, Ахмад, Йахйа и Илйас принимали участие в подавлении восстания под руководством Рафи‘ ибн ал-Лайса (190–195/806–810 гг.) в Средней Азии, и уговорили его сложить оружие и сдаться властям. За все эти заслуги ал-Ма’мун перед отъездом из Мерва в Багдад распорядился назначить их правителями и в 204/819 г. они стали наместниками в городах Мавераннахра: Нух в Самарканде, Ахмад в Фергане, Йахйа в Шаше и Уструшане, а Илйас в Герате.[4]

* Настоящая работа выполнена в результате научных исследований, проведенных автором в Британской библиотеке и библиотеке SOAS Лондонского университета, благодаря специальному гранту, предоставленному в 2004-2005 гг. Кембриджским университетом (Великобритания) в рамках программы Комитета по Центральной и Внутренней Азии (The Committee for Central and Inner Asia), за что автор приносит этому университету и его комитету свою искреннюю благодарность.

Саман-худат был основателем селения Саман, расположенного, согласно источникам, в области Балха [5] Самарканда[6] или Термеза. [7] Относительно этимологии этого имени были высказаны различные мнения. Согласно преданию о происхождении Саманидов, имя Саман происходит от слова *саман*, что означает “благоустройство”.[8] В переводе с персидского слово *сāмāн* سامان означает “порядок”, “налаженность”, “благосостояние”, “богатство”.[9] В пехлевийском языке слово *sāmān* означает “граница”, “регион”.[10] Упоминается также собственное имя Sām(ān) или люди Sāmāna (Thamanaois), которые были жителями местности Harahvatiš.[11] Однако, все эти этимологии, на наш взгляд, являются не достаточно убедительными и, скорее всего, не соответствует действительности.

Происхождение имени Саман пытались также связывать со словом *šāmān*.[12] Хотя шаманизм был одной из составных частей духовной культуры древних тюрков, само слово *шаман* в тюркской среде является инородным. Для понятия *шаман* в тюркских языках использовали слово *qam*,[13] *xam*[14] или *kam*,[15] а также *adanliγ* – “делающий заклинание”.[16] Среди урало-алтайских народов Центральной Азии, Урала и Сибири встречается этноним *саман/шаман/самай/самар*, происхождение которого связывается с южными регионами, откуда он был занесен в их среду в глубокой древности алтайской языковой общности.[17] Алтайские бурханисты сообщают о “людях в белых одеждах”, приезжавших на Алтай и призывавших людей верить в единого бога.[18] Следовательно, истоки этого слова следует искать на юге – в Средней Азии, Иране или Индии.

Бируни называет в Средней Азии религиозную общину *аш-шаманийа*, последователи которой были идолопоклонниками, но испытывали сильную ненависть к брахманам.[19] Жители Хорасана называли буддистов *шаманийин* или *шамнāн* (мн. ч. от *шаман*).[20] Ибн ан-Надим называет буддистов *ас-саманийа* .[21] В средние века в Индии упоминается город *Сāмāн*.[22]

В индийской мифологии *šamana* означает “правитель”, одно из имен Йимы, а в буддийс-

кой традиции *šramana* означает "тот, кто прилагает усилия", – это вторая ступень в буддийской иерархии. Отсюда, возможно, происходит и слово *šāmān*.[23] Этот термин идет от пракритского (санскрит) *šamana* (*šramana*), означавшего последователей буддизма.[24] В древности и средние века существовали тесные культурные взаимосвязи между тюрками и индусами, контактной зоной которых была Северная Индия. Подобные связи и нашли свое отражение в наличии общих черт в мифологии и верованиях, в частности, в шаманизме и буддизме.

В зороастрийской религиозной литературе имя *Sāmān* упоминается наряду с именами таких демонов и лиц, как Акаташ (*Akataš*), Акоман (*Akoman*), Арастай (*Arastây*), Варан (*Waran*), Нанхаис (*Nanhais*), Сабук (*Sabuk*), Тауреч (*Taureč*), Хион (*Hyon*) и Зареч (*Zareč*).[25] В глазах зороастрийцев "демонами" могли выступать буддийские боги и священники, а в составе имен некоторых из них можно видеть тюркские слова и этнонимы: *таш*, *тай*, *куман*, *авар*, *тур* и *хион*. Пехлевийское слово *саман* (*Sāhmān*) производится от санскритского слова, означающего "оказывающий внимание, заботу".[26] В средневековых персидских толковых словарях слово *šaman* объясняется в значении "идолопоклонник".[27]

Из этих данных следует, что имя Саман, возможно, было связано с буддизмом, а Саманхудат, следовательно, был не зороастрийцем, как сообщают источники,[28] а буддистом. Это вполне согласуется с тем, что в доисламское время в Балхе, из которого происходил Саманхудат, доминировал буддизм.

Накануне арабского завоевания Балх был крупным городским центром и столицей Тохаристана, значительную часть населения которого составляли тюрки.[29] Город Балх называли столицей страны тюрков (*дар мамлакат ал-атрак*), в которой пребывал их царь.[30] Арабы смотрели на Балх как на религиозную столицу древних тюрков и местонахождение буддийского монастыря Наубахар.[31]

Балх был местом, где впервые признали учение Заратуштры, основоположника зороастризма, и с этим городом связывали начальный период его деятельности.[32] Жители Балха, как и всей Бактрии, первоначально поклонялись огню, что подтверждается археологическими данными.[33] Однако, после распада державы Ахеменидов город стал более тесно связан с Индией и ее духовной культурой. В Авесте трижды упоминается слово *Buiti,* в котором можно видеть индийское *Buddha*, а Балху дается эпитет "*drafsa*" ("с поднятыми знаменами"), что связывается с буддизмом, так как в балхском Наубахаре было множество огромных знамен.[34]

Имеющиеся данные позволяют предполагать, что в эпоху раннего средневековья в Балхе происходил синтез двух различных культур – буддийской и зороастрийской.[35] Здесь одинаково почитались и Будда, и Ахура-Мазда.[36] На изображениях кушано-сасанидских монет Тохаристана (IV в.) представлены как буддийские боги Шива и Митра, так и Ахура-Мазда.[37] Поэтому в средневековых источниках приводятся весьма противоречивые сведения о характере культа в храме Наубахар. Согласно одним, храм был посвящен культу огня,[38] а по другим – он был буддийским монастырем.[39]

По некоторым данным, в храм Наубахар приходили поклоняться и тюрки, и персы.[40] Внутри храма стояли идолы, привезенные сюда из Индии, Синда и различных областей Тохаристана. Каждый год весной на шестой день празднования *науруза* в Балх приезжали многочисленные паломники из всего Тохаристана, а также из Туркестана, Индии, Ирана и Шама (т.е. Сирии). Праздничные обряды в окрестностях храма Наубахар продолжались в течение семи дней.[41]

Исходя из вышеизложенных данных, нам представляется, что храм Наубахар не мог быть местом господства исключительно буддийских канонов. Во-первых, сюда ежегодно приходили поклоняться паломники не только из близлежащих стран, где был распространен буддизм, но и с далекого Запада. Во-вторых, праздничные обряды в храме проводились весной во время *науруза* – священного праздника зороастрийцев. С другой стороны, приходившие сюда паломники из Ирана и Византии не могли быть зороастрийцами, так как в храме находились чуждые их верованиям идолы.

В этой связи представляют интерес данные некоторых источников, согласно которым, удельные цари (*мулук ат-тава'иф*) Балха, не были зороастрийцами, а исповедовали религию *сабиев* и почитали солнце, луну, огонь и семь звезд,[42] а храм Наубахар был посвящен культу луны.[43] Известно, что в арабских источниках *сабиями* называли, главным образом, последователей манихейства.Следовательно, в раннем средневековье в храме Наубахар поклонялись не столько Будде, сколько богу Луны (*Aj tängri*) или богу Солнца и Луны (*Kün Aj tängri*), т.е. верховному божеству манихеев – Мани или Мани-Будде,[44] воплощавшему в себе Будду, Заратуштру и Иисуса Христа – верховных апостолов трех мировых религий. Вот почему сюда приезжали поклоняться представители манихейских общин, разбросанных в разных странах от Византии до Китая.

Манихейское вероучение, зародившееся в III в. н.э. в Вавилонии, вскоре стало популярным в Иране, но было подвергнуто жестоким гоне-

ниям Сасанидами – ортодоксальными зороастрийцами. Репрессии привели к массовому переселению манихеев в страны к северу и северо-востоку от Ирана. В VI-VIII вв. манихейство широко распространилось в Тохаристане, Согде, Семиречье и Восточном Туркестане. Основными центрами этой конфессии являлись Балх, Бухара, Самарканд, Тараз и Турфан. Манихейство исповедовали как оседлые и городские жители, так и большинство кочевых тюркских племен. Оно стало государственной религией Тюркского, Тюргешского, Уйгурского, Карлукского, Кыргызского и Кимакского каганатов.[45] По данным Махмуда Кашгари, манихеями были *чигили* и все тюрки-кочевники от реки Джейхун (Амударьи) до Чина (Великой китайской стены),[46] т.е. население Средней Азии и Восточного Туркестана. Такое широкое распространение манихейства среди тюрков объясняется тем, что с ним хорошо уживались шаманские ритуалы.[47]

Сильная манихейская община несколько столетий (III-VIII вв.) существовала и в Балхе или вблизи от него. В VI в. здесь был написан один из магических парфяно-манихейских текстов, отражающих тесные контакты манихеев и буддистов.[48] Из источников известно, что роль манихеев в VII-VIII в. в Тохаристане, в частности в Чаганиане, была довольно значительной. Буддизм и манихейство в Средней и Центральной Азии сосуществовали на протяжении длительного времени, и влияние буддизма на восточную ветвь этой религии было настолько сильным, что Мани в манихейских текстах именовался Буддой, или лунным божеством.[49] По данным Ибн ан-Надима, первый, кто помимо саманийцев (*ас-саманийа*), т.е. буддистов, переселился из Тохаристана в Мавераннахр, принадлежал к манихеям.[50]

Многие данные указывают на то, что Балх был родиной Бахрама Чубина, прямого предка Саман-худата. С этим городом был связан и один из предков Бахрама Чубина по имени Милад.[51] В тибетском документе VIII в. упоминаются потомки Бахрама Чубина, которые проживали в Балхе.[52] С именем Бахрама Чубина связаны также названия двух населенных пунктов, расположенных в области Балха – Чубин[53] и Чубинабад.[54]

В источниках нет точных данных относительно религиозной принадлежности Бахрама Чубина. Некоторые данные указывают на то, что он не был сторонником ортодоксального зороастризма, хотя и принадлежал к высшему военному сословию Сасанидской империи. Во второй год своего правления (591 г.) Варахран VI (т.е. Бахрам Чубин) чеканил в подвластных ему городах – Абаршахре, Герате и Мерве серебряные драхмы с четким изображением креста рядом с зороастрийскими символами.[55] (*Илл.1*). Если он, таким образом, симпатизировал христианам, то это, конечно, противоречило канонам ортодоксального зороастризма. Но на этих монетах изображен, скорее всего, не христианский, а манихейский крест. Можно предполагать, что Бахрам Чубин исповедовал манихейство, сочетавшее в себе элементы зороастризма и христианства.

Илл.1. Варахран VI (БахрамЧубин), дирхам, серебро.

В этой связи представляют интерес родственные связи Бахрам-чубина с тюркским каганом, проживавшим в Бухаре.[56] Известно, что в конце жизни Бахрам-чубин вступил в родственные отношения с тюркским каганом по имени Пармуда (Ил-тегин, Нили-хан), который был сыном кагана Сава-шаха (Тарду-каган, Шир-и Кишвар) и внуком Истами-кагана (Кара Чурин, Дизавул).[57] Именно от этого брака вели свое происхождение Саманиды.

Считается, что Ил-тегин (Пармуда) был приверженцем буддизма, основателем нескольких буддийских монастырей в Тохаристане и Гандхаре,[58] и именно с ним связывается проникновение буддизма в Бухару.[59] Второе имя Ил-тегина – Пармуда производится от буддийского титула *pramukha*.[60] Однако, второе имя его отца Тарду-кагана – Сава-шах (Шава, Шаба)[61] указывает на то, что он был манихеем. Предполагается, что имя Сава (Шава, Шаба) является бактрийским титулом *šāwa*, означавшим "царь".[62] Однако, согласно другому мнению, это имя происходит от среднеперсидского слова *syava* – "черный" или согдийского *š'w* – "черный").[63] Среди тюрков-манихеев Семиречья было распространено предание о тюркском царе по имени Шу (от согд. *š'w* – "черный".[64] В тюркском манихействе звание *qara* – "черный" означало духовную должность, обладатель которой ведал воспитанием и обучением молодых учеников в манихейской школе.[65] Второе имя Сава-шаха – Шир-и Кишвар (Лев страны)[66] или Иль-Арслан (Лев народа)[67] также указывает на то, что он был манихеем. Образ льва (перс. *шир*, тюрк. *арслан*) и его символы занимали особое место в тюркском манихействе, тогда как в зороастризме и буддизме они почти не используются.[68] Истами-каган (дед Ил-тегина и отец Тарду-кагана) носил также имя Кара Чурин.[69] Имя-титул Кара-чур (*qara-čor*) также широко известно из манихейских текстов Восточного Туркестана.[70]

В кабинете медалей Национальной библиотеки в Париже хранится медальон, выпущен-

Илл.2. Медальон Тун ябгу-кагана, Кундуз, около 625 г., серебро.

Илл.3. Саманиды, район Кабула и Газны, 300 – 351 гг.х., дирхам, серебро.

Илл.4. ал-Мансур ибн Нух и Ахмад ибн ал-Мансур, чекан Кылыч ал-Хаджиба Ахмада ибн ‘Али, Фергана, 359/969-70 г., фельс.

ный около 625 г. в Кундузе Тарду-шадом, сыном верховного тюркского кагана Тун-ябгу и основателем династии тюркских *ябгу* Тохаристана и Гандхары по случаю окончательной победы над эфталитами и присоединения их владений к Тюркскому каганату (*Илл.2*). Иконография медальона, так же как и некоторых монет тюркских *ябгу* Тохаристана, обнаруживает, с одной стороны, подражание драхмам шаханшаха Хурмазда IV, а с другой – индийской религиозной традиции.[71] На лицевой стороне этого медальона также изображен портрет правителя вправо, справа и слева от которого расположены пехлевийские надписи. Предполагается, что на этом медальоне изображен Тун-ябгу каган. На оборотной стороне медальона Тун ябгу-кагана изображены алтарь и два жреца, а также бог Шива с волосами в виде пламени.[72] Нам представляется, что такое сочетание символов зороастризма и буддизма могло иметь место только в рамках манихейской идеологии. Следовательно, как Тун ябгу-каган, так и его сын Тарду-шад, скорее всего, исповедовали манихейство.

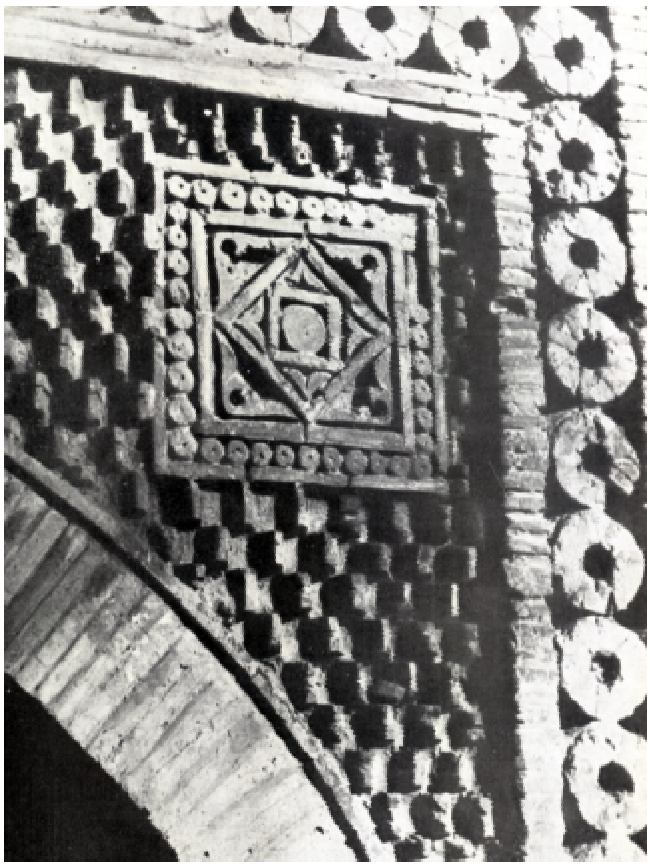
Все эти данные указывают на то, что верховные каганы Западного Тюркского каганата были манихеями. Если учесть, что Бахрам Чубин происходил из Балха и женился на дочери Ил-тегина (Пармуда), то можно предполагать, что он также, скорее всего, был манихеем. Стало быть, их потомки, в том числе и Саман-худат, также были манихеями.

Судя по всему, Саманиды хранили память о буддийско-манихейском прошлом своих предков и с симпатией относились как к буддизму, так и зороастризму. Серебрянные дирхемы, выпускавшиеся Саманидами в 300-351/912-962 гг. в районе Кабула и Газны, содержат изображение быка и всадника (Av), а также индийские надписи (Rv), которые читаются как “во имя (бога) Sri Khudavayaka” (*Илл.3*). Другой тип этих монет содержит изображение быка, бога Sri Khudavayaka (Av) и всадника (Rv).[73]

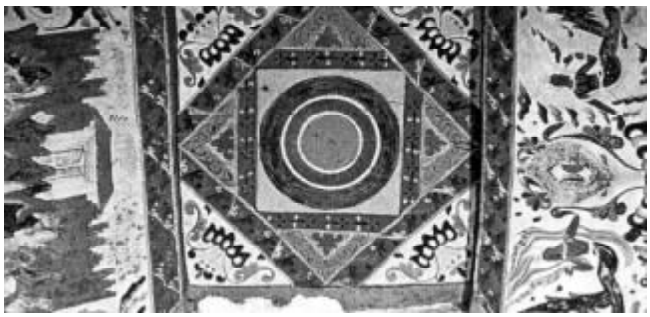
В музее Института археологии Академии наук Республики Узбекситан в Самарканде хранится медный фельс, чеканенный в 359/969-70 г. в Фергане от имени Саманида ал-Мансура ибн Нуха и его сына Ахмада ибн ал-Мансура саманидским наместником Кылыч ал-Хаджибом Ахмадом ибн ‘Али.[74] (*Илл.4*). На лицевой стороне этого фельса имеется изображение классической буддийской мандалы (восьмилепестковая розетка, вписанная в круг, затем в квадрат и еще один круг), являющейся символом Солнца и Космоса, принятой в северных школах буддизма, таких как Махаяна, Ваджраяна и Тантризм, широко распространенных в средние века в Китае, Тибете, Центральной Азии и Восточном Туркестане.[75] Классическая мандала с восьмилепестковой розеткой в середине являлась также символом Будды, и ее возникновение приходится на VIII-IX вв., т.е. период формирования буддийской школы тантризма.[76]

Еще одним памятником, указывающим на связи Саманидов с буддизмом и манихейством, являются символы, изображенные на внешних стенах мавзолея Саманидов в Бухаре (*Илл.5*). Они представляют собой сложную геометрическую композицию, состоящую из встроенных друг в друга квадратов и круга в середине,[77] и олицетворяет космограмму уменьшающейся и увеличивающейся Вселенной.[78] Символ вписанных друг в друга квадратов и дисков имеется также в росписях Варахши.[79] Точно такой же символ изображен в настенных росписях с сюжетными изображениями буддийских преданий в пещерном комплексе Дуньхуан, который был одним из крупнейших буддийских культовых центров Центральной и Восточной Азии эпохи раннего средневековья (*Илл.6*). Эта геометрическая композиция представляет собой другой вид буддийской мандалы, символизирующий универсальную форму развития жизни.[80]

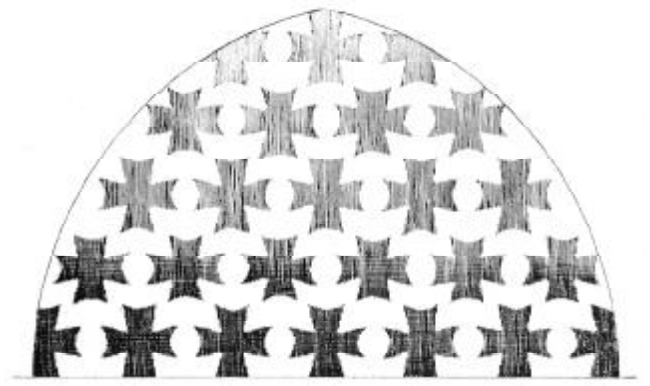
О многом говорит сама планировочная структура здания мавзолея Саманидов, которая пред-



Илл.5. Символ в центре тимпана мавзолея Саманидов в Бухаре. Конец IX в.



Илл.6. Изображение мандалы в настенной росписи пещеры Дуньхуан.



Илл.7. Кирпичная решетка южной арки восьмерика мавзолея Саманидов.

ставляет собой кубический объем, увенчанный полушарием (куполом) и имеющий центрическую композицию – четыре входа с совершенно одинаковыми фасадами.[81] Этот архитектурный образ трактуется как воплощение космограммы: Квадрат – Круг.[82] М.С.Булатов обосновал версию о том, что мавзолей Саманидов представляет собой сабийский (манихейский) храм–обсерваторию, посвященный культу Солнца, из которого велось наблюдение за движением солнца.[83] Общая планировка этого сооружения при виде сверху является точным воспроизведением буддийско-манихейской мандалы.[84] Около мавзолея Саманидов раскопаны остатки более древнего здания, пол которого был украшен рисунком в форме концентрических кругов из кирпичной кладки. Предполагается, что это здание было связано с солярным культом.[85] Скорее всего, это более древнее сооружение могло быть манихейским храмом, построенным предками Саманидов – Ил-тегином (Пармуда) или Сава-шахом (Шир-и Кишвар). Возможно, что мавзолей Саманидов повторяет форму этого храма и является его точной копией. Кирпичная решетка южной арки восьмерика сложена так, что проемы между кирпичами кладки составляют форму равностороннего манихейского креста.[86] (*Илл.7*)

В орнаменте панелей дворца Саманидов на городище Афрасиаб встречается изображение восьмиконечной звезды, вписанной в круг.[87] (*Илл.8*). Изображение такой же восьмиконечной звезды впервые встречается в бронзовых нашивках – бляхах и их аналогиях в керамике пастушеских племен евразийских степей эпохи бронзы.[88] В средние века орнаменты в отделке зданий носили магический характер, служили охраной или символами долговечности здания и благополучия их обитателей.[89] Геометрические символы (многоугольники, круг, квадрат и их сочетания друг с другом, мандала, крест, свастика и т.п.) описывали структуру космоса в его вертикальном и горизонтальном аспектах, в пространственном и временном планах, а также все более и более “уплотняющиеся” образы космоса: земля, страна, город, поселение, дворец, храм, гробница.[90]

Общий вид восьмиконечной звезды напоминает восьмилепестковую розетку –символ Будды. На монетах Караханидов, Сельджукидов, а также Джучидов Золотой Орды встречаются изображения восьмиугольной звезды, составленной из двух вписанных друг в друга квадратов. Эту геометрическую композицию, очевидно, также можно рассматривать в качестве символа, представляющего одну из разновидностей буддийско-манихейской мандалы.

При одном из последних саманидских эмиров Нух ибн Мансур ар-Рида (правил в 365-

Илл.8. Панель с восьмиконечной звездой из резного штука во дворце Саманидов.

Илл.9. Нух ибн Мансур и Фа'ик ал-Хасса, Балх, 368 г.х., фельс.

387 / 976-997 гг.), который был вторым сыном и наследником вышеупомянутого Мансура ибн Нуха, известный саманидский сановник 'Амид ад-Даула Фа'ик ал-Хасса выпустил в 368/978-79 г. в Балхе медный фельс, на лицевой стороне которого в поле изображена шестиконечная звезда – гексаграмма, составленная из двух противоположных треугольников, в сочетании с арабскими письменами.[91](*Илл.9*).

Гексаграмма, которая известна также как "печать Соломона", или "звезда Давида", широко использовалась в средние века в иудаизме, христианстве и исламе. В настоящее время она является символом иудаизма, хотя в этой религии данный знак использовался лишь начиная с конца X в.[92] Наличие ее на саманидской монете является пока наиболее ранним слу-

Илл.10.Панель с гексаграммой из резного штука во дворце Саманидов.

чаем использования гексагарммы в этих религиях.[93] Можно предполагать, что ее появление было связано с усилением иудейской общины, существовавшей в X в. в Балхе и его области. В X в. одни из городских ворот Балха назывались Баб ал-Йахуд (Ворота иудеев).[94] В области средневекового Балха упоминается селение Джахузанак, что означает Малый Джахузан или Малый Йахудан.[95] Недалеко от Балха в Гузганане на пути из Таликана в Фарйаб в X в. находился город Джахузан[96] или Йахудан,[97] который назывался также ал-Йахудиййа.[98] Гексаграммы изображены также на резных ганчевых панелях упомянутого дворца Саманидов (*Илл.10*), а также на монетах эфталитских правителей Чаганиана.[99](*Илл.11).*

Илл.11. Эфталиты, неизвестный правитель, медь.

Происхождение гексаграммы связывается также с буддизмом и Индией, где этот символ впервые был зафиксирован еще в храмах, функционировавших задолго до нашей эры. В тантристском течении буддизма и индуизма гексаграмма является символом классической ман-

далы, олицетворяющей бога Нару-Нарайану. Углы верхнего и нижнего треугольников, составляющих гексаграмму, олицетворяют шесть лиц бога Шивы и бога Шакти. Можно предполагать, что этот символ был заимствован в религиях Ближнего Востока именно из буддизма, где он имеет более глубокие корни. В современном буддизме гексаграмма рассматривается как схема достижения высшей ступени *чакры*, в которой человек становится частью Вселенной. В шести концах этой схемы изображены символы всех мировых религий – свастика, гексаграмма, крест, полумесяц и др. В центре этой схемы расположен цветок лотоса в форме свастики, олицетворяющий высшую седьмую ступень *чакру*.[100]

На другом фельсе, выпущенном тем же Фа'иком ал-Хасса в том же 368/978-79 году в Балхе, в поле изображена пятиконечная звезда – пентаграмма, построенная из сплошных линий.[101] (*Илл.12).* Пятиконечная звезда (пентаграмма) использовалась различными народами всего мира. Исследователи особо выделяют пентаграмму как самый распространенный магический символ древности. Надо полагать, что этот символ был изобретен совершенно независимо в разных частях света и выражает какие-то глубинные свойства человеческого мышления. Пентаграмма символизирует Вечность, Совершенство и Вселенную.[102] Пентаграмма использовалась также в буддизме и других древних религиях Индии и Китая в качестве одного из символов мандалы. Например, в раннем даосизме она символизировала "пять факторов" космогонии: воду, огонь, дерево, металл и землю.[103]

Появление буддийско-манихейских символов на монетах Саманидов могло быть связано с противостоянием и ответной реакцией Саманидов на действия Буидов, которые, захватив в 334/945 г. фактическую власть в Багдаде, объявили себя наследниками сасанидских царей и стали почитать и возрождать некоторые доисламские и зороастрийские культурные ценности.[104] Саманиды были единственным влиятельным суннитским двором, способным оказать поддержку Аббасидским халифам, которые обратились к ним за помощью против шиитских Буидов, захвативших власть в Багдаде и во всей центральной части Арабского халифата.

В нумизматической коллекции Оксфордского университета хранится серебряный медальон, выпущенный в 358/968-69 г. Саманидом Мансуром I ибн Нухом (правил в 350- 365 / 961-976 гг.).[105] На его лицевой стороне изображен портрет правителя вправо с двумя пехлевийскими надписями по бокам (*Илл.13).* Сравнение этого портрета с портретом на медальоне, выпущенном в 351/962 г. в городе Мухаммадия буидским правителем Рукн ад-Давла

Илл.12. Нух ибн Мансур и Фа'ик ал-Хасса, Балх, 368 г.х., фельс.

Илл.13. Мансур ибн Нух, Бухара, 358 г.х., дирхам-медальон, серебро.

Илл.14. Рукн ад-Давла ал-Хасан ибн Бувайх, ал-Мухаммадия, 351 г.х., медальон, медь.

Илл.15. Зик (Жик)-каган, Исфахан или Рей, 616 или 617 гг., медальон, серебро.

(*Илл.14),* свидетельствует о том, что Мансур ибн Нух и его предки относились к другой культуре и, возможно этнической среде, чем Рукн ад-Давла.[106]

Иконография портрета имеет близкое сходство с портретами тюркских правителей Тохаристана, Кабула и Гандхары VII-VIII вв., которые изображены на выпущенных ими монетах в подражание драхмам Сасанида Хурмазда IV.[107] Среди всех сасанидских шаханшахов тюрки с особым предпочтением относились к Хурмазду IV Тюрк-заде, который был внуком тюркского кагана по материнской линии и покровителем тюрков в империи Сасанидов.

Но почти полное сходство с медальоном Мансура ибн Нуха обнаруживают два памятных медальона, выпущенных тюркскими кага-

нами в первой четверти VII в. в честь победы над Сасанидами и эфталитами. Один из них, который уже был описан выше, выпущен около 625 г. в Кундузе Тарду-шадом, сыном верховного тюркского кагана Тун-ябгу.[108]

Второй медальон был выпущен в 616-617 гг. тюркским каганом по имени Зик (Жик) (правил в 610-618 гг.)[109] после победы над Сасанидами, когда его армия вторглась вглубь территории Ирана и дошла до Рея и Исфахана (*Илл.15)*. На лицевой стороне медальона изображен портрет правителя вправо, справа и слева от которого имеются пехлевийские надписи.[110] Этому же кагану принадлежит печать, выпущенная им для администрации завоеванной территории, которая хранится в частной коллекции Форуги в Иране.[111]

Представляется, что лицевая сторона этих двух медальонов послужила прототипом лицевой стороны медальона Мансура ибн Нуха. Сходство портретов выражается почти во всех деталях – такая же густая коса, ниспадающая за спину, такой же костюм и крылатая корона с рогами быка. Различие лишь в том, что портрет, изображенный на саманидском медальоне, имеет более выпуклый нос, более выраженные монголоидные черты, большой миндалевидный глаз и опухшие веки. На портрете Тун Ябгу кагана имеется серьга из трех камней, а на портрете Зик-кагана серьги нет. В ухе же правителя, изображенного на медальоне Мансура ибн Нуха, есть шаровидная серьга, состоящая из одного камня. Эти данные являются документальными свидетельствами, подтверждающими наличие прямой родственной связи между Саман-худатом и верховными тюркскими каганами.

Все вышеизложенные данные позволяют прийти к следующим выводам:

– храм Наубахар, функционировавший в доисламское время в окрестностях Балха, был местом поклонения не только буддистов, но и манихеев, воплощавших в образе Будды своего лунного бога Мани;

– этимология имени Саман показывает, что высший предок Саманидов Саман-худат до принятия ислама исповедовал не зороастризм, как указывают источники, а буддизм или, скорее всего, манихейство.

– Саманиды считали себя потомками не только Бахрама Чубина, но и верховных каганов Западного Тюркского каганата, о чем свидетельствует медальон с изображением одного из их предков – тюркских *ябгу* Тохаристана.

– Саманиды хранили память о буддийско-манихейском прошлом своих предков и использовали их символику на монетах, а также в орнаменте дворца в Самарканде и родового мавзолея в Бухаре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Абу Мунзир Асад ибн ‘Абд Аллах ал-Касри – наместник Джурджана в 98/716-17 г., а затем Хорасана в 106 – 109/724–728 гг. и 117/735 г.; ум. в 120/737-38 г.

[2] *Гардизи, Абу Са‘ид*. Зайн ал-ахбар. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана. Перевод с перс. А.К.Арендса. Ташкент, 1991, с. 62.

[3] В 182–198 / 798–812 гг. был правителем Хорасана с резиденцией в Мерве, а в 198–218 / 813–833 гг. – халиф с резиденцией в Багдаде.

[4] *Frye, R.N.* The Samanids // Cambridge History of Iran, in 7 volumes, vol. 4. The period from the Arab invasion to the Saljuqs. Cambridge, 1993, p. 136–161.

[5] *Hamzae Ispahanensis*, Annalum, libri X, ed. M.E.Gottwaldt, t.1. Textus arabicus, Petropoli – Lipsiae, 1814, p. 237.

[6] *al-Moqaddasi, Abu ‘Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin*, Descriptio Imperii moslemici, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 3. Lugduni-Batavorum, 1967, p.337-338.

[7] *Семенов А.А.* К вопросу о происхождении Саманидов // Труды ИИАЭ АН ТаджССР. Т. 27. Сталинабад, 1955, с.3-11.

[8] Там же, с.4.

[9] Персидско-русский словарь в 2 т. Т.2. М., 1985, с.13.

[10] Dencard, Le cinqueme livre, transcription, traduction et commentaire par Jaleh Amouzgar et Ahmad Tafazzoli, Paris, 2000 (SI, Cahier 23), p.160, 164.

[11] *Herzfeld E.* Zoroaster and his world. Vol. 2. Princetone, 1947, p.708.

[12] *Günaltay M.S.* Islam dunyasinin inhitati sebebi Selcuk istilasi midir? \\ Turk tarih kurumi, Belleten, cilt II, Ankara, 1938, p.77.

[13] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с.413.

[14] *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII – XIII вв. М., 1963, с.346.

[15] *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий, т.2. СПб., 1899, с.476-491.

[16] *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий, т.1. СПб.. 1893, с.463.

[17] *Василевич Г.М.* Этноним *саман/самай* у народов Сибири // СЭ, 1965, 3, с.139-145.

[18] *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002, с.186.

[19] *Бируни, Абу Рейхан*. Избр. произв., т.2. Ташкент, 1963, с.66-67.

[20] *al-Biruni, Abu Rayhan.* The Chronology of Ancient Nations, trans. C.E.Sachau, London, 1879, p. 206; *Бируни*. Избр. произв., т.1. Ташкент, 1957, с.204.

[21] [*Ibn an-Nadim*], Kitab al-Fihrist. Mit anmerkungen hrsg. von G.Flugel. Band I. Leipzig. 1871, s.345; *Flugel G.* Mani, sein Lehre und seine Schriften. Ein Beitzag zur Geschichte der Manichaismus, Leipzig, 1862, p. 76, 105, 385.

[22] *Гийасаддин ‘Али*. Дневник похода Тимура в Индию. Пер. с перс., предисл. и прим. А.А.Семенова. М., 1958, с.186.

[23] *Louis F.* Encyclopaedia of Asian Civilizations, vol.8. Paris, 1985, p. 41, 344.

[24] *Golden P.B.* Religion among the Qipiaqs of Medieval Eurasia // Central Asiatic Journal, 42 (1998), p.180-237.

[25] Anthologie de Zвdspram, edition critique du text Pehlevi, traduit et commente par Ph. Gignoux et A. Tafazzoli, Paris, 1993, p. 395, 414, 430; Dencard, p. 24, 160; Dadastan i Denig, Part 1, Transcription, translation and commentary M.Jaafari-Dehaghi, Paris, 1998 (SI, Cahier 20), p. 107.

[26] Dehkhoda A. (1878-1955) Loghatnвme (Encyclopedic Dictionary), ed. Mohammad Mo‘in and Ja‘far Shahidi, vol.8, Tehran, 1993, p.11769.

[27] *Баевский С.И.* Средневековые словари (Фарханги) – источник по истории культуры Ирана // Очерки истории культуры средневекового Ирана. Письменность и литература. М., 1984, с.221.

[28] *Гардизи.* Указ. соч., с.62.
[29] *Frye R.H.* Op.cit., p.136.
[30] *al-Idrisi.* Opus geographicum, edition secunda, Neapoli – Romae: Prostat apud E.J.Brill (Lugduni Batavorum), MCMLXXXII, vol.4, p.483.
[31] *Gibb H.A.R.* The Arab Conquests in Central Asia. London, 1923, p.8-9, 15.
[32] *Пьянков И.В.* Ктесий о Зороастре // Материальная культура Таджикистана. Вып.1. Душанбе, 1968, с.55-68.
[33] *Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993, с.128-132.
[34] *Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976, с.191-193.

35 В бактрийском документе из Тохаристана, датирующемся 525 г. бактрийской эры (757 г.) упоминаются рядом *vihara* (буддийский монастырь) и зороастрийский храм, а также термины "кладбище" (*дахма*) и сжигать (индийский обряд), что свидетельствует о разнообразии верований и религиозной практики в этом регионе перед приходом ислама. См.: *Симс-Вильямс Н.* Новые бактрийские документы // ВДИ, 1997, № 3, с. 9.

[36] *Бартольд В.В.* Соч., т.VII. М., 1971, с. 470.
[37] *Луконин В.Г.* Кушано-сасанидские монеты // Эпиграфика Востока, вып.18. Л., 1967, с. 26.
[38] *Бируни.* Избр. произв., т.2, с.66-67; *ал-Балхи.* Фаза'ил-и Балх. Тегеран, 1350/1971, с.20, 37.
[39] *Ibn al-Fakih al-Hamadani*, Compendium libri Kitab al-Boldan, ed. M.J. de Goeje // BGA, pars 5, Lugduni-Batavorum: E.J.Brill. 1967, p. 323-324.
[40] *Хофиз-и Таниш ибн Мир Мухаммад Бухорий.* Абдулла-нома. Шарафнома-йи Шохий. 2 жилд. Тошкент, 1969, с.137.
[41] *Ахмедов Б.А.* История Балха (XVI – первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982, с.17.
[42] *al-Ja'kubi,* Ibn Wadhih qui dicitur, Historiae, par I, ed. M.Th.Houtsma, Lugduni-Batavorum; E.J.Brill, 1883. p.179.
[43] *Macoudi,* Les prairies d'or, text et traduction C.Barbier de Meynard, vol. 5. Paris, 1869, p.6-7.
[44] Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии / Под ред. Б.А.Литвинского. М., 1992, с.526; *Зуев Ю.А.* Указ. соч., с.194, 197.
[45] *Кызласов Л.Р.* Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских народов в средние века (язык, письменность, религия) // Вестник МГУ, сер. 8. История. 2004, № 3, с.12-16.
[46] *Кошгарий, Махмуд.* Туркий сузлар девони (Девону-лугот ит-турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М.Муталлибов. 1-том. Тошкент, 1960, с.374.
[47] *Зуев Ю.А.* Указ. соч., с.182.
[48] *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М., 1977, с.178; *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971, с.115.
[49] Восточный Туркестан..., с. 526; *Зуев Ю.А.* Указ. соч., с.194.
[50] *Flugel G.* Mani, sein Lehre und seine Schriften, s. 76, 105, 385.
[51] *Фирдоуси.* Шах-наме. Критический текст. Т.1. М., 1966, с.360; т.3. М., 1965, с.114, 117, 404.
[52] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. Л., 1967, с.162.
[53] *al-Moqaddisi.* Op.cit., p.347.
[54] *ас-Сам'ани.* Ал-Ансаб, т.3. Бейрут, 1981, с.348.
[55] *Колесников А.И.* Дополнительные источники по истории раннесредневекового Ирана и его восточных соседей // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. СПб., 2005, с.112-115.
[56] *ad-Dinawari, Abu Hanifa*, Kitab ahbar at-tiwal, publie par V.Guirgass, Leide, 1888. p.98-102; *Macoudi*, Les prairies d'or, text et traduction C.Barbier de Meynard, vol.2, p.223-224.
[57] *Bel'ami, Abou-'Ali Mohammed*, traduite sur la version persane de Chronique de Abou-Djafar Mohammed-ben-Djarir-ben-Jazid Tabari, d'apres les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury par H.Zotenberg, vol.II, Paris, 1869, 248, 265; *Firdousi*, Le livre des rois, ed. J.Mohl, vol.6, Paris, 1868, p.656-657.
[58] *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. 6. СПб., 1903, с.198, 242-245; *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджина-Тепа, с.120.
[59] *Ставиский Б.Я.* О международных связях Средней Азии в V–сер.VIII вв. (в свете данных советской археологии) // Проблемы востоковедения, 1960, № 5, с.115.
[60] *Harmatta J., Litvinsky B.A.* Tokharistan and Gandhara under Western Turk rule (650–750) // History of Civilizations of Central Asia, vol. 3, Paris, 1996, p.371.
[61] *ad-Dinawari, Abu Hanifa*, Kitab ahbar at-tiwal, c.98-102; *Macoudi,* Les prairies d'or, vol.2, p.223-224; *Firdousi*, Le livre des rois, vol.6, p.656-657.
[62] *Harmatta J., Litvinsky B.A.* Op.cit., p.371.
[63] *Зуев Ю.А.* Указ. соч., с.195.
[64] *Кошгарий, Махмуд.* Туркий сузлар девони, т.3, с.419; т.1. с.117.
[65] *Зуев Ю.А.* Указ. соч., с.201.
[66] *Наршахий, Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар.* Бухоро тарихи / Форс тилидан А.Расулев таржимаси, мухаррир А.Уринбоев. Тошкент, 1993, с.16, 17.
[67] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки, с.464.
[68] *Зуев Ю.А.* Указ. соч., с.188, 192-193, 203.
[69] *Наршахий, Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар.* Бухоро тарихи, с.16.
[70] *Зуев Ю.А.* Указ. соч., с.200-201.
[71] *Harmatta J.* La medaille de Jeb рвhвnрвh // SI, t. 11, 1982, p. 168.
[72] *Harmatta J., Litvinsky B.A.* Op.cit., p.371, p. 370.
[73] *Mitchiner M.* The World of Islam, Oriental Coins and their values, London, 1977, p. 132, 133, 146.
[74] Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн.2. М., 1991, с.102.
[75] *Топоров В.Н.* Мандала // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1991, с.101; Mandala // Encyclopaedia Britannica, vol. 14, Chikago–London, 1973, p.767.
[76] *Арапов А.* Буддийские мандалы и символика Саманидов // Журнал "San'at". Ташкент, 2002, № 4, с. 12-16.
[77] *Пугаченкова Г.И., Ремпель Л.И.* Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960, с.67; *Булатов М.* Мавзолей Саманидов – жемчужина архитектуры Средней Азии. Ташкент, 1976, с.85.
[78] *Булатов М.С.* Храмы Солнца в древней Трансоксиане // Архитектура и строительство Узбекистана, 2005, № 2-3-4, с. 35-36.
[79] *Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, с.152.
[80] *Арапов А.* Космограммы ранних исламских мавзолеев Центральной Азии // Ежегодник Московского отделения Международной Академии архитектуры. М., 2002, с.120-125.
[81] *Пугаченкова Г А.* По древним памятникам Самарканда и Бухары. Изд. 2-е, доп. М., 1968, с.119.
[82] *Булатов М.С.* Храмы Солнца..., с.36.
[83] Там же. См. также: *Булатов М.С.* Мавзолей Саманидов..., с.71-77.
[84] *Арапов А.* Буддийские мандалы и символика Саманидов, с.13.
[85] *Булатов М.С.* Мавзолей Саманидов..., с.91.
[86] Там же.
[87] *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965, илл.104.
[88] *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (По металлическим изделиям). Ташкент, 1991, рис.4, 49, 506.
[89] *Аллаткина Т.* Свастика в резном декоре дворца правителей Термеза // Transoxiana: История и культура. Ташкент, 2004, с.32.
[90] *Топоров В.Н.* Геометрические символы // Мифы народов мира. т. 1. М., 1991, с.272.
[91] www.zeno.ru (№20649)

[92] Первыми из иудеев этот символ начали использовать хазары в конце X в.

[93] Шестиконечную звезду Давида (*najmat Dāwūd*) или печать Соломона (*xātim Sulaymān*) в качестве символа использовали Айюбиды Сирии (XII-XIII вв.) и мамлюки Египта (XIII-XIV вв.).

[94] *al-Istakhri, Abu Ishak al-Farisi*, Viae regnorum, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 1. Lugduni-Batavorum, 1967, p.278.

[95] Jakut's geographisches Worterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St.-Petersburg, Paris, London und Oxford. Bd II, Leipzig, 1868, s.167.

[96] Hudud al-'Alam, the regions of the world, a persian geography, translated and explained by V. Minorsky. London, 1970, p. 107.

[97] *al-Ja'kubi*, Ibn Wadhih qui dicitur, p.287.

[98] *al-Istakhri.* Op.cit., p. 271; al-Moqaddasi, Op.cit., p. 347, 348].

[99] www.zeno.ru (№45945)

[100] www.gaiamind.com/m-star.html

[101] www.zeno.ru (№20654)

[102] *Топоров В.Н.* Геометрические символы, с.273.

[103] Всемирная энциклопедия: Религия. Минск, 2003, с.381.

[104] К ним относятся такие мероприятия, как посещение Персеполя верховными правителями династии Буидов, официальное введение праздника *науруз*, принятие ими титула *шаханшах* и др.

[105] Изображение этого медальона было любезно предоставлено мне английским исследователем Л.Тредвеллом (Оксфорд), которому я приносим искреннюю благодарность. См.: *Treadwell W.L.* A Unique Portrait Medallion from Bukhara dated 969 AD // The Ashmolean, 36 (Spring 1999), p. 9-10.

[106] *Treadwell L.* 'Shвhвnshвh and al-Malik al-Mu'ayyad: The Legitimation of Power in Samвnid and Вuyid Iran' // Culture and Memory in Medieval Islam. Essays in Honour of Wilferd Madelung. Londres, Tauris, in association with the Institute of Ismaili Studies, 2003, p.328. Подробнее об этом медальоне см.: Miles, 1964, p. 283 – 293.

[107] www.zeno.ru Эти монеты содержат легенды на бактрийском, среднеперсидском и индийском (брахми) языках. Особенно близкие аналогии обнаруживают монеты Хинду Шахи-тегина (№20999, №21384), монеты Васудевы (№12962), монеты ябгу Тохаристана (№15170, №21382) и правителей Арахосии (№20783, №26690, №22922). См. также: *Никитин А.Б.* Монеты "иранских гуннов" в Собрании Государственного Исторического музея. Новые нумизматические исследования // Нумизматические памятники Исторического музея. НС. Часть 9 (Труды ГИМ, № 61). М., 1986, с.82-88; *Göbl R.* Dokumente zur geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Band 1. Wiesbaden, 1967, s.25, 26, 140-143, 164, 167-173.

[108] *Harmatta J.* Op.cit., p. 168; *Harmatta J., Litvinsky B.A.* Op.cit., p.370.

[109] Джегуй-каган или Шегуй-каган – внук Тарду-кагана (Кара-чурина), брат Тун ябгу кагана и Ил-тегина Буюрука (Нили-хан, Пармуда), ранее был правителем Чача. О нем см.: *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т.1. М.-Л., 1950, с. 279, 281; *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки, с.138, 154-158, 166; *Кляшторный С.Г.* Генеалогия и хронология западнотюркских и тюргешских каганов VI-VII вв. // Из истории дореволюционного Киргизистана. Фрунзе, 1985, с. 166-167.

[110] *Göbl R.* Medalien des Islamischen Mirrelalters und ihr Formenkreis, in: Litterae Numismaticae Vindobonensis, vol. 3, 1987, p.276-277, pl.39, fig.2.

[111] *Frye R.N.* Sasanian Seals in the Collection of Mohsen Foroughi, Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part 3. Pahlavi Inscriptions, vol. 6: Seals and coins, London, 1971; *Harmatta J., Litvinsky B.A.* Op.cit., p.369.

ОБЩАЯ ПАМЯТЬ" ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ДИНАСТИЙ В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЛАРИСА ДОДХУДОЕВА

Одновременно с проблемой интегрирования завоеванных регионов в единое государство перед номадами-династами вставала задача политической и связанной с ней визуальной пропаганды собственной идеологии, что было необходимо для объединения различных обществ в единую империю. Тюрко-монгольские династии имели своего рода "общую память", которая активно воплощалась правящей элитой в разного рода культурных акциях и, прежде всего, в историографии, генеалогиях, миниатюрной живописи, создававшейся для иллюстрирования рукописных книг, в портретном жанре и в так называемых "воображаемых беседах со своими предками".

В политическом плане завоевания монголов положили конец длительному периоду ориентации Центральной Азии на Арабский халифат как на центр уммы. Однако, чистый номадизм, по мнению Сандерса, никогда не может владеть и управлять империей. Необходима выработка объединяющей идеологии, которая должна обеспечить лидерство правящим элитам. Кроме того, необходимо войти в контакт с покоренными народами более высокой культуры и использовать именно их политическую машину пропаганды.[1] Историческая ситуация требовала от правителей-номадов пересмотра идеологического контакта с оседлым населением и, прежде всего, конвертации в религию подчиненного им народа. [2]

Именно этот процесс имел место каждый раз, когда на территориях оседлого населения образовывались империи под властью династов-номадов. Как и в Арабском халифате, в тюркских и монгольских государственных образованиях народы, культуры сосуществовали вместе, управляемые гетерогенной и взаимосвязанной элитой, которая сохраняла культурные, исторические и лингвистические традиции народов, оказавших в их подчинении. Этот синкретизм разных цивилизационных основ и их унификация становились импульсом для взлета духовной и художественной культуры.

С конца XIII в. правящий класс западной монгольской империи принял ислам и начал говорить по-тюркски, то есть на языке большинства степных номадов. К началу XIV в. институт великих ханов распался, но тюрко-монгольский правящий класс остался в монгольской политической системе и принял исключительное право наследовать Чингисхану, с титулатурой *хан* и *хакан*. Монгольские правители позиционировали себя защитниками исламской религии и закона, хранителями мирового порядка и культурных ценностей, расширяли свой престиж через широкий культурный патронаж.[3] Тюрко-монголы покровительствовали культурам покоренных народов, начинали говорить на их языках и воспринимали религии, которые те исповедывали (буддизм, христианство, ислам), пропагандируя их историю, достижения и даже культурное наследие наряду с собственными. В Центральной Азии и на Среднем Востоке ранние тюркские правители и монголы нанимали персидскую бюрократию, свободно использовали иранское законодательство, администрацию, культурные достижения. Парадоксально, но в период их правления многие классические произведения персо-таджикской литературы становятся главными средствами прокламации идеологии тюрко-монгольских династий. Более того, эпос иранских народов "Шахнаме" Фирдоуси обрел статус главной царской книги, которую постоянно переписывали и богато украшали. По мнению Сандерса, пытаясь имитировать сасанидских шахов, монголы пришли к тому же результату, что и арабские халифы – растворились в своих завоеваниях.[4]

Стремление монголов к подражанию арабским халифам и иранских шахам было вызвано необходимостью легитимизации своего правления в иноконфессиональной и инокультурной среде, желанием представить некую историческую преемственность правления регионами в контексте прошлого и настоящего. Поэтому все культурные акции (создание определенного рода архитектурных памятников, рукописных источников, иллюстраций) преследовали идеологические цели. При этом главными спонсорами выступали тюрко-монгольские правители,

а историческое прошлое и наследие покоренных народов становилось символом их правления. Так, например, Газан-хан, принявший ислам, пытался соединить тюрко-монгольскую элиту с иранскими подданными и способствовать тому, чтобы государство перешло от кочевого к оседлому стилю жизни исламской политии. Вскоре после смерти последнего выдающегося представителя династии ильханов Абу Са'ида в 1335 г. космополитический характер культуры заканчивается. Только в 1370 г. с приходом Тимура произошло вновь их объединение под единым управлением.[5]

Монголы привлекли к себе на службу умелых ремесленников и талантливых художников. В степи не требовалось много специалистов разного профиля, но, приняв уклад жизни оседлого населения, им стало необходимо иметь опытных и высококвалифицированных мастеров. Во время захвата городов и провинций среди жителей они выделяли художников и ремесленников прежде чем учинить расправу с основной частью населения, как это произошло, например, в Отраре, Самарканде, Гургандже, Мерве, Туркестане, Газне, Нишапуре, Тусе, Мосуле и других городах. Рашид ад-Дин сообщает, что в Самарканде, который они захватили в 1221 г., монголы отобрали 3000 ремесленников для своих нужд, некоторые из которых впоследствии работали при дворе, а другие платили ему изделиями собственного производства.[6]

У оседлого населения Среднего Востока, Центральной Азии и кочевников существовали совершенно различные системы ценностей. Используя известное определение Бартфилда, можно было бы сказать, что динамика кочевой жизни с ее идеальным правителем, благословленными небесами и вождем, наделенным харизмой и распределяющим среди своих последователей подарки, была совершенно отлична от жизни оседлого населения, в которой правитель воспринимался посланником небес, блистающим в своем дворце и поддерживаемым своей администрацией.[7] С целью облегчения процесса интеграции в новой культурной среде монголы прежде всего обратились к письменному наследию иранских народов, посвященному легендарным династиям. Патронаж и стремление наполнить известные персидские темы и сюжеты новым содержанием, связанным с их правлением, позволило им почти ассимилироваться в новой среде. В привычные традиционные формы локальной и внешней культур были включены нехарактерные для них содержательные аспекты. Так, многие из монгольских ханов изображались в образе сасанидского шаха Хосрова, героя Бахрама Гура или легендарного Искандера. Таким образом, содержание как бы утрачивало свою специфику, получая нужную для патронов окраску.

Старались и придворные летописцы. Для того, чтобы изменить образ Чингисхана и сделать из него отца народов, ангажированные монголами исламские источники, как правило, успешно преодолевали два препятствия: во-первых, они "забывали" упомянуть, что с Чингисханом связаны массовые убийства мусульман в покоренных им странах, а во-вторых, сам он был "неверным". Описывая его как посланника Аллаха и синтезатора традиций шаманизма с монотеистическим учением ханифитской школы, мусульманские историки слепили из него великого хана и весьма почетную фигуру в исламской тюрко-иранской коллективной памяти.[8]

Первые исламизированные монголы-правители на Среднем Востоке обращались в основном к созданию таких иллюстрированных рукописей как "Всемирная история" ("Джами аттаварих") Рашид ад-Дина, "Шахнаме" Фирдоуси, сборник басен на фарси "Калила и Димна", "Антология персо-таджикской поэзии".

История, написанная везирем Рашид ад-Дином, создана по приказу Газан-хана (правил в 1295-1304), который просил его закончить историю монголов, начатую персидским историком Джувейни. Это сочинение навеяно во многом иранской эпической традицией – в частности, работами Дакики и Фирдоуси, которые обращались к истории и генеалогии главным образом иранских монархов. Рукописи истории Рашид ад-Дина, которая переписывалось на арабском и персидском языках, рассылалось во все уголки государство Ильханов с тем, чтобы распространять информацию о происхождении и деяниях монголов, а так же их месте во всемирной истории. Рашид ад-Дин входил команду тех деятелей, которые участвовали в реализации программы Ильханов по восстановлению экономики, социальной и культурной жизни Ирана. В частности, в окрестностях Тебриза был основан придворный интеллектуальный и художественный центр Рашидийа, где, возможно был создан список из собрания Королевского общества в Лондоне. Он подготовлен при жизни Рашид ад-Дина в 1314 г. и, возможно, что его изобразительный ряд, среди которых есть миниатюры 1307 г.), он определял сам.

Сохранившаяся рукопись "Антологии персо-таджикской поэзии" включает в себя пять поэм (коллекция Честер Битти в Дублине и Британской библиотеки в Лондоне). В списке из Британской библиотеки, которую переписал Мухаммад ибн Са'ид ибн Абдаллах ал-Кари в Ширазе в 1397 г., помимо обычных сюжетов встречаются такие редкие, как:

– Чингисхан сражается с китайцами в горах (л.49);

Илл.1. Махмуд Газневи на троне. Лист Малого «Шахнаме», первая пол. XIV в. Вашингтон, Галерея Фрир.

– Чингисхан молится в мечети Бухары (л.61);

– Халиф ал-Мухтасим распростерся перед Хулагуханом (л.89).

Абулкасим Фирдоуси работал над эпопеей "Шахнаме" около тридцати лет (приблизительно до 994 или 1010 г.). В этом грандиозном труде, где описываются пятьдесят царствований иранских монархов, можно выделить три части – мифологическую, героическую и историческую. Перу Фирдоуси приписывают и ряд генеалогических трудов X-XI вв. Из-за кризиса государства Саманидов "Шахнаме" не была востребована при дворе. По легенде, поэт создал новый вариант поэмы и посвятил ее тюркскому правителю Махмуду Газневи. Сначала тот не смог по достоинству оценить ее и прислал в качестве вознаграждения мелкие серебряные монеты вместо золота. Оскорбленный Фирдоуси раздал их случайным людям и написал на него сатиру, где высмеял необразованного номада. Махмуд Ганзневи раскаялся и послал поэту щедрые дары, но Фирдоуси к тому времени уже не было в живых. И этот, на первый взгляд, малозначительный факт оказал большое воздействие на восприятие тюрко-монгольскими династами гениального сочинения Фирдоуси.

Да, отношения между персоязычным автором и его незадачливым тюркским патроном не сложились, но в истории литературы два этих имени навеки остались рядом. Это обстоятельство не только определило дальнейшую судьбу книги, но и стало главной причиной обращений тюрко-монгольских правителей к "Шахнаме". Создавая многочисленные копии рукописи сочинения Фирдоуси, монгольские династы как бы возвращались к тому времени, когда был создан этот эпос иранских народов, посвященный тюркскому правителю, т.е. этнически чуждому, пришлому монарху. Несмотря на то, что поэт посвятил книгу Махмуду Газневи, ее центральной темой является злободневная и в последующие эпохи проблема легитимности династий, поскольку Фирдоуси видел в чужеродном правителе соперника прежним иранским шахам. Именно связь поэмы с именем Махмуда Газневи, с генеалогией различных династий Ирана и Турана, т.е. территорий, подвластных монголам, а также богатая историческая база и необыкновенная популярность в народе – все это спустя три века после Фирдоуси превратило "Шахнаме" в идеологический документ и политический манифест, основу всей визуальной структуры как тюрко-монгольских правителей, так и элиты оседлого иранского населения (*Илл.1*). Интересно, что в иллюстративных циклах первых монгольских "Шахнаме" особенно подчеркивалась роль Александра Македонского как иностранного царя. Каждый из правителей, заказывая рукописи "Шахнаме", желал видеть в собственной персоне завоевателя мира, в своем правлении модель царской справедливости с чертами героизма, которыми наделил идеализированные образы иранских монархов сам Фирдоуси.[9]

Таким образом, величайшему памятнику персидско-таджикской литературы суждено было жить в различных культурах, на разных языках и в разнообразных формах – подлиннике, переводах, подражаниях. В Иране, Средней Азии, Индии и Турции это сочинение служило своего рода эталоном для написания эпических сочинений, хроник. "Книга царей" копировалась, богато украшалась и иллюстрировалась бесчисленное множество раз.

Ильханы в Иране активно поддерживали развитие архитектуры, создание книг в 1280-1336 г., используя местные традиции и достижения китайского искусства. Одним из выдающихся памятников эпохи стало так называемое "Большое "Шахнаме" или "Шахнаме" Демотта 1330-1360 гг., созданное в Тебризе, столице монгольской империи в Иране. Ее иллюстрации отличаются своеобразным динамизмом. Многие исследователи склонны считать, что вместе с рукописями "Джами ат-таварих" Ра-

Илл.2. Махмуд Инджуи на троне. Шахнаме 1333 г. Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека.

шид ад-Дина она служила пропаганде существующего режима.[10] Действительно, в иллюстрациях рукописи "Шахнаме", как бы созданные по заданию монарха с определенным целями, прослеживаются различные идеи: прославление нового иранского государства под управлением монголов, освещение прошлого в соответствии с новыми вкусами династов и их имперской славой.

Другой монгольский правитель Ирана Шарафаддин Махмуд-шах Инджуи, став наместником Фарса, выступил с притязаниями на восстановление древнего иранского государства, объявив себя "владыкой горизонтов" и государем. Одна из рукописей "Шахнаме"1333 г. (Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека) была создана для династа, который в 1325 г. стал уже независимым правителем. По мнению исследователей, логично предположить, что во фронтисписе рукописи представлен сам Махмуд-шах Инджуи в окружении придворных в монгольских шапках. Над ним, точно так же как в иранских наскальных рельефах–инвеститурах Сасанидов ангелы держат корону[11] (*Илл.2)*. Художники рукописи 1333 г. продемонстрировали свое глубокое знание текста, уважение к традиции, повторяя в некотором роде стиль сасанидских рельефов, но при этом создавая новые оригинальный композиции. Подчеркивание героической мотивации в поэме, кажется, отражает интерес заказчика рукописи.[12]

А.Соудавар назвал "Шахнаме" Демотта политическим манифестом в поддержку легитим-

ности монголов. Это мнение поддержала и А.Адамова, полагая, что миниатюры рукописи "Шахнаме" 1333 г. из Санкт-Петербурга могут рассматриваться не только как политический манифест в поддержку Инджуи, но главное, как демонстрация их независимости от центральной власти монголов.[13] Это действительно отражает сложившуюся ситуацию, когда в XIV в. монгольские ханы, став правителями различных регионов с совершенно отличными друг от друга религиями и культурой, стали номинально и духовно отдаляться друг от друга.

Интерес монгольских правителей XIII-XIV вв. к истории иранских царей был вызван тем, что, став оседлыми и обосновавшись в Иране, они почувствовали себя преемниками великих традиций страны. В Средней Азии поэма "Шахнаме" переписывалась не только на фарси, но и на тюркских языках. Герои Фирдоуси пользовались достаточной популярностью среди господствующих классов и широких масс тюркоязычного населения на протяжении многих веков в Северном Хорезме, кипчакских степях и Золотой Орде.[14]

Спрос на рукописи здесь был достаточно велик, и заказчиками их могли выступать представители различных родов. Для тюркских народов "Шахнаме" продолжало служить в некотором роде эталоном при написании эпических сочинений. Стоит вспомнить "Историю Абдулхайр-хана" Масуда б. Усмана Кухистани (1540-1551 гг.), или же тот факт, что в хронике "Шейбани-наме", ее автор, хорезмийский поэт Мухаммад Салих в качестве украшающих эпитетов использовал имена исторических персонажей Фирдоуси: Хосрова, Джамшида, Устама и т.д. Имя героя иранского эпоса Исфандиара носили хивинские ханы, правившие в XVII-XX вв. Исторические параллели между ханами кунгратской династии и царями древней Персии проводил в своем труде "Фирдаусул-икбал" хроникёр хивинского двора Мунис (XIX в.).[15]

В различных доминионах Средней Азии и Ирана создавались рукописи "Шахнаме" на тюркских языках. Две из них хранятся в собраниях РАН (Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека) и АН Таджикистана. Миниатюры относятся к 70-80 годам XVI в. и являются образцами художественных школ хорасано-мавераннахрского круга. Сюжеты, проиллюстрированные в этих списках, как правило, принадлежат к самым традиционным в персидской книжной живописи.[16]

Рукопись "Шахнаме" из собрания АН Таджикистана (инв. № 1032) переписана двумя каллиграфами на кипчакском языке, и ее оформление не завершено. Тематика миниатюр традиционна, исключение составляют лишь отдельные детали, которые по-своему оживляют сложившуюся иконографию. Отдельные композиции из рукописи на тюрки совпадает с миниатюрами в рукописях на фарси и тюрки, что предоставляет исследователям возможность провести детальное сравнительное изучение этих двух источников. Переписчику, как и художнику, было безразлично, на каком языке создавались рукописи, так как они нередко использовали для иллюстраций готовые образцы.[17]

При дворе другой тюркско-монгольской династии Моголов в Индии, помимо оригинального текста Фирдоуси, существовали и упрощенные его редакции, распространены были и прозаическая, и поэтические версии, как, например, "Мунтахаби Шахнаме" Шамшерхан Тарина. Иранскую эпопею переписывали в Дели, Западной и Северной Индии. Число иллюстраций было различным, в отдельных списках оно достигало полутора сотен.

Мухаммад Ибн Хусам (ум. в 1470 г.) составил сочинение о подвигах Али "Хавар-наме" в подражание "Шахнаме" Фирдоуси, которого он боготворил. В одной из миниатюр Пенджабского списка 1686 г., изображающей Али на коне Долдоле (Британский музей), художник, стремясь подчеркнуть родство "Хавар-наме" с эпосом "Шахнаме", изобразил Али в леопардовом шлеме, что было отличительной принадлежностью иранского героя Рустама. В Индии были написана романтическая поэма "Дараб-наме" Абу Тахира Тартуси, основные герои которой также заимствованы из "Шахнаме" Фирдоуси.

Эпопея Фирдоуси не содержала для Моголов той исторической важности, какую она имела, например, для Ирана или Мавераннахра, так как являлась источником по древней истории другого региона. Основной интерес Бабуриды сосредоточили на историографии своих непосредственных предшественников Тимуридов, и потому поэма "Шахнаме" утратила своё превосходство над другими сочинениями. Этому способствовало и еще одно обстоятельство. Как известно, со второй половины XVI в. литература Индии уже перестала ориентироваться на персидско-таджикскую классику в плане тематики и стиля. Она начала развиваться в ином направлении, постепенно удаляясь от общего русла развития поэзии на фарси той эпохи.

Эпоха Тимуридов являлась для Моголов Индии своеобразной точкой отсчета, поскольку они стремились вести свое генеалогическое древо от этой династии, правление которой было отмечено блеском и великолепием. Не случайно к произведениям, повествующим об истории Тимуридов, – "Зафар-наме", "Матла ас-садайн ва маджма ал бахрайн" Абд ар-Разака Самарканди – в Индии относились с особым внимани-

ем. Этот интерес сказался и в том, как читали и иллюстрировали подобные исторические труды. Например, императора Акбара привлекали в труде Рашид ад-Дина "Джами ат-таварих" в основном главы, повествующие о монголах, сведения о которых были важны для доказательства древнего происхождения его рода и законности правления Моголов в Индии.

Эта власть идеи стала основополагающей. Преемники Тимура правили в рамках исламских традиций, продолжая воспевать свою тюрко-монгольскую культуру, пользуясь титулами, политическими институтами, уделяя особое внимание утверждению идеи династического превосходства и в своих собственных интересах. В этом симбиозе фигура Тимура наряду с Чингисханом занимала центральное место.[18]

Исторический жанр способствовал развитию еще одного вида миниатюрных произведений – портрета и живописных генеалогий, которые также создавались с целью абсолютизации монарха. Родились они, как считают отдельные исследователи, под влиянием культуры османской Турции.[19] Для нарождающейся новой династии, естественно, главной заботой было утверждение себя в различных областях: военной, дипломатической, социальной и культурной сферах. Поэтому далеко не случайно, что ранние изображения носили прокламативный характер. Достаточно вспомнить, что самой первой сохранившейся миниатюрой Моголов, созданной в русле индийской традиции на шелке, было изображение пикника в горах, участниками которого стали предки Бабуридов по мужской линии, т.е. Тимуриды (Британский музей). В композиции все участники праздничной церемонии располагаются в пейзаже согласно иерархии генеалогического древа и времени восшествия на престол.[20] Данная миниатюра положила начало многочисленным воспроизведениям воображаемых бесед Моголов со своими коронованными предками. Подобные воображаемые портреты являлись средством политического объединения государства и, несомненно, способствовали историзации даже мифологических моментов. "Выпрямленное", одномерное время, как и в первых рукописях "Шахнаме", созданных в Иране для монгольских династов, направлено из прошлого в будущее. Они служили средством утверждения генеалогической связи с великими праотцами, созданию общей памяти путем отбора необходимых фактов, подлежащих запоминанию и воспроизведению. Программа создания иллюстративных циклов состояла из исторических событий доктринального или гуманистического характера. Власть требовала от художников, главным образом, риторики и прокламации своей идеологии.

Однако, историю читали по-разному и, прежде всего, применительно к настоящему. Бабур, Хумаюн, Акбар уделяли историографии большое внимание, следуя традиции своих предшественников. Бабур, как известно, задумал создать собственную родословную, доступную для придворного круга, что было наилучшим способом передать через серию иллюстративных текстов законность своего восшествия на престол. Так возникла "Бабур-наме", которую копировали и оформляли на протяжении всей истории могольской династии.

При Акбаре (1556-1605 гг.) были выполнены три версии переводов "Бабур-наме" на персидский язык, из коих лучшим в 1598 г. был признан текст Абдурахим-хана, сына Байрам-хана. Сделав мемуары достоянием широкого круга читателей, для которых фарси являлся языком культуры, император возвел сочинение своего прадеда в ранг исторической хроники, возможно, пытаясь даже затмить сочинение Фирдоуси.

После Акбара исторический жанр хотя и продолжал существовать, но значительно сдал свои позиции. Идеализация Джахангира (1605-1627 гг.) его любимым живописцем Абул-Хасаном не знала границ (*Илл.3*). История правления Джахангира было запечатлено в хронике "Тазаки Джахангири", но сам он предпочитал представать главным героем исторических

Илл.3. Джахангир с портретом своего отца Акбара. 1615 г. Париж, Музей Гимэ.

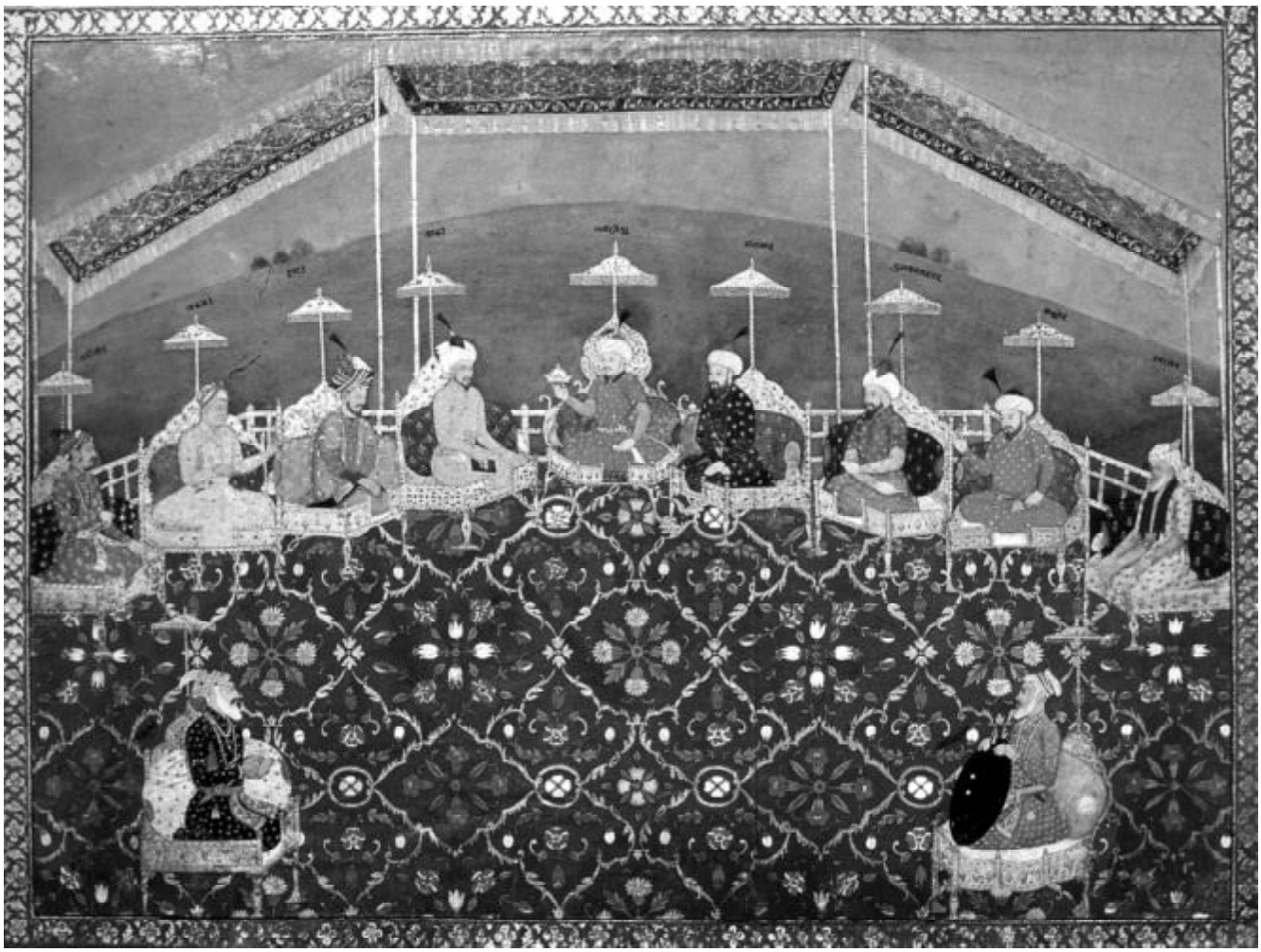
Илл.4. Джахангир принимает чашу от Хосрова. 1605-06 г. Лондон, Британский музей

событий и повседневной жизни. Джахангир обыкновенно восседал на троне среди своих царственных предшественников, дарующих ему право на законную власть (*Илл.4*). К подобным примерам можно отнести своеобразный вид живописных произведений, которые носят название "Воображаемые беседы могольских императоров со своими предками"[21] (*Илл.5*).

Главной отличительной особенностью подобных миниатюр, представляющих празднества и приемы, являлись парадность и церемониальность, которые не считались с историческим временем. Так, в миниатюрах этого жанра "Тимур представляет корону Бабуру в присутствии шаха Хумаюна" ок. 1630 г. мастера Говардана (частная коллекция) и "Тимур, Бабур и Хумаюн", исполненной художником Хашимом для шаха Джахана в 1653 г. (коллекция Кеворкяна) представлен Тимур, умерший в 1405 г., который вручает корону или *сарпе* (ювелирное украшение для тюрбана) Бабуру, который стал правителем Индии только в 1526 г. Историческая правда в данном случае заменена символикой, обеспечившей символическое представление о том, что Бабуриды происходили из рода Тимуридов.[22]

М.Бахтин верно заметил, что "официальные праздники в сущности смотрели только назад, в прошлое, и этим прошлым освещали существующий настоящий строй. Официальный праздник иногда вопреки собственной идее утверждал стабильность, неизменность и вечность всего существующего мироподобия, существующей иерархии, существующих религиозных, политических и моральных ценностей, норм и запретов".[23] Будучи пришлыми монархами, Шейбаниды, как монголы, тюрки и Бабуриды, спешно пытались обосновать законность своего восшествия на престол. С этой целью они использовали пропаганду своей политики и идеологии всеми доступными средствами, в том числе и посредством распространения рукописной продукции. Как и Бабуриды, Шейбаниды подвергли большое количество исторических источников своеобразной ревизии, выделив из них, главным образом, только те факты и свидетельства, которые являлись доказательством законности их пришествия к власти. В Мавераннахре, помимо персоязычных "историй", начали создавать совершенно новые хроники, переводить на тюркский язык такие выдающиеся памятники персидско-таджикской историографии, как "Зафар-наме" Шараф ад-дина Йазди, "Та'рихи Табари" в обработке Балами и др. С целью скорейшей ассимиляции в новой для узбекских правителей культурной среде и превращения их в законных преемников великого прошлого Мавераннахра, Шейбаниды пытались создать свою линию в истории, ища в ней факты, подтверждающие их преемственность династии Тимуридов.[24]

Хотя правители Индии и Мавераннахра преследовали одинаковые политические цели, однако их возможности, миропонимание, осмысление и способы претворения в жизнь их идей и положений были порой различными. Соотношение политической масштабности двух разных государств нашло отражение и в характере интерпретации исторических сочинений. Шейбанидов, как и Моголов, больше интересовали не подвиги легендарных героев, а военные победы конкретных правителей, особенно тех, кто являлся их предшественниками. Подвиги Шейбани-хана были запечатлены в нескольких хрониках, созданных в первое десятилетие XVI в. Одна из них – "Фатх-наме", поэтическое произведение, которое создал придворный литератор Мулла Мухаммад Шади между 1502-1507 гг. Эта "Книга побед" создана по распоряжению самого основателя династии, и в первой же четверти XVI в. появились иллюстрации к ней. Одна из версий, выполненная, возможно, в Самарканде, является примером исторической живописи Мавераннахра эпохи Шейбанидов (Институт востоковедения АН Узбекистана). Суровый, лапидарный, несколько замедленный стиль изображения, придает всему иллюстративному циклу эпический,



Илл.5. Иллюстрированная генеалогия индийских потомков Тимура. XVIII в. Джайпур, City Palace Museum.

былинный характер. Композиции в основном воспроизводят победоносные сражения и мирскую жизнь Шейбани-хана. Коренастые, несколько приземистые, статичные фигуры связаны между собой чисто умозрительно.

Эти миниатюры – плод сотрудничества нескольких местных художников, которые следовали собственным традициям и нормам прекрасного. Им чужды рафинированность и изощренность гератских образцов, а привлекательна реальная жизнь, которую они пытались воспроизвести в меру своих возможностей. Той же функциональностью отмечены миниатюры других рукописей Самарканда, как например, династийной хроники "Шейбани-наме" Мухаммада Салиха 916/1510 г. (Вена, Национальная библиотека).

Портрет в живописи Мавераннахра не является определяющим жанром, хотя в ее истории можно найти ряд интересных образцов, к примеру, предполагаемый портрет Улугбека 1441-1442 гг. (Вашингтон, Галерея Фрир).[25] Впоследствии эта традиция получила развитие в двух разных направлениях и была претворена в идеализированных портретах придворных лиц или легендарных героев, которые редко отличались своеобразием. Что же касается исторических портретов в жанре "воображаемых бесед императоров со своими предками", которыми славилась могольская китабхана, то в Мавераннахре это направление не получило широкого распространения. Одним из редких исключений может считаться серия миниатюр XVIII-XIX вв. к списку "Маджалис ал-ушак" султана Хусейна Байкары, которую переписал Мир-Салих в 1606 г. (Институт востоковедения АН Узбекистана). На страницах этой рукописи, описывающей различные истории из жизни знаменитых людей, можно встретить портреты мистика Джалаладдина Руми, императора Бабура, полководца Тимура и других, но выполнены они непрофессиональным мастером. Действие в композициях практически не развернуто, и главное внимание уделено не столько индивидуальным чертам их облика, сколько традиционному типажу.[26]

Содержательная тематика "Шахнаме", так же как и других персо-таджикских сочинений

во многом определила характер книжной культуры времени тюрко-монгольских династий. Достаточно сказать, что в средневековье поэма Фирдоуси переписывалась чаще других произведений персидско-таджикской поэзии и имела самое большое количество миниатюр. Это сочинение, посвященное истории иранских царей, в контексте иных культур, например монгольской, индийской и тюркской, занимала важное, а порой главенствующее, положение и способствовало формированию и расцвету собственных литературных традиций и искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Sanders J.* The Nomad as Empire Cuilder: A Comparison of the Arab and Mongol Conquest // Diogene 1965, No 52, p.102-103.

[2] *Khazanov A.* Muhammad and Jenghiz Khan Compared: The Religious Factor in World Empire Building // Comparative studies in society and history. Cambridge. Vol.35, 1992, p.461-475.

[3] *Manz B.*Multi-ethnic Empires and the formulation of identity//Ethnic and Racial studies. Vol.26, №1, 2003, p.83.

[4] *Sanders J.* Op. cit., p.94-95, 99.

[5] *Blair Sh.* The Religious Art of the Illkhanids // The Legasy of Chengis Khan. Courtly art and Culture in Western Asia.ed. by Komaroff L., S, Caboni-New York-London, 2003.p.12-15.

[6] *Allsen T.* Ever Closer Encounters: The apportionment of Peoples in the Mongol Epire // Journal of Early Modern History. Vol.1, No 1, 1997, p.35.

[7] *Barfield T.* The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Oxford. 1989 , p.8.

[8] *Biran M.*, From the Accursed to Revered father: Chingis Khan in the Muslim World 13-14th centries. Cambridge, 2001, p.13.

[9] *Grabar O., Blair Sh.* Epic Images and Contemporary History. The Ilustrations of the Great Mongol Shahnama . Chicago-London, 1980, p.27, 54.

[10] *Blair Sh.* The Religious Art..., p.112, 167.

[11] *Адамова А.Т., Гюзальян Л.Т.* Миниатюры рукописи поэмы " Шахнаме" 1333 года. Л., 1985, с. 29.

[12] *Adamova A.* The St. Petersburg Illustrated Shahnama od 733Hijra (1333 AD) and the Injuid Dchool of Painting // The Bisual Langusge of the Persian Book of kings.ed. by R. Hillebrandt.-Edinburg, 2004, p.58-60.

[13] Op.cit., p.59.

[14] *Самойлович А.Н.* Иранский героический эпос в литературах тюркских народов Средней Азии // Фирдавси (934-1934). Л., 1934, с.167.

[15] Там же, с.180-181.

[16] Подробно см.: *Додхудоева Л.* Книжная культура Средней Азии и Индии XVI-XIX вв. Душанбе, 2001, с.88.

[17] Там же.

[18] The Legasy of Chengis Khan. Courtly art and Culture in Western Asia. New York–London, 2003, p.125.

[19] *Robinson B., Falk R.* Persian and Mughal Art: Rothschild and Binney Collection. London, 1976, p.205.

[20] *Barrett D., Gray B.* Indian Painting. London, 1978, p.77; *Stronge S.* Painting for the Mughal Emperor. The art of the Book 1560-1660. London, 2002.

[21] Sotheby's & Co. Oriental manuscripts and Qajar laquers: 28-29 April 1981. London, 1981, No 462, 144; 453, 99.

[22] Treasures of Islam. Geneva. 1967, p.150.

[23] *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.,1990, с.14.

[24] *Галеркина О.И.* Миниатюра Мавераннахра. Альбом. Л., 1980, с.23.

[25] *Додхудоева Л.* Каталог художественно оформленных восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. Душанбе, 1968, илл.4, с.88.

[26] Там же, илл.52, 53.

КУЛЬТ СВЯТЫХ ПРИ ТИМУРИДАХ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ЛОЛА ДОДХУДОЕВА

Общепризнанно, что в мусульманской культуре "власть могил" имеет большое социальное значение, а символика политических установок проявляется посредством "почитания или осквернения власти могил".[1] Церемонии, проводившиеся у могилы некоего влиятельного лица, собирали его близких и подчиненных ему людей, составлявших вместе социальную элиту города/местности, и помогали ей сохранять сплоченность как группе. Такого рода мероприятия позволяли ей каждый раз обновлять эти связи после смерти влиятельного человека, а каждому ее члену – вновь ощутить себя в качестве близких, родных, подчиненных и связанных с данной персоной людей. Целью таких встреч является выражение почтения к данной личности, – средоточию их политических и социальных взаимоотношений. Таким образом, по мнению ряда ученых, могилы в мусульманской культуре важны живым, а не мертвым.[2] Поминальные церемонии у могил давали возможность собравшимся ощутить свои духовное родство с умершим и тесную связь с другими членами группы. Их целью в первую очередь являлось примирение оставшихся со смертью почитаемой личности и обеспечение реинтеграции группы/общества, то есть сохранения ее идентичности.

В свете этого строительство, поддержание в порядке и посещение мемориальных погребальных сооружений и комплексов – важнейшие элементы мусульманской ритуальной и социально-политической практики. Весь комплекс церемоний и мероприятий, связанных с почитанием предков, освящен в исламской традиции представлениями о духовной благости (*баракат*[3]) могил религиозных авторитетов, святых.

Забота правителей о памятниках мемориального типа в исламской традиции с раннего времени превратилась в один из ключевых принципов легитимизации политической власти. В этой связи следует отметить то внимание, которое уделяла первая пришлая династия кочевников – правителей Мавераннахра – Караханидов (999-1140 гг.) сохранению кладбища Джакердиза в своей столице Самарканде.[4] Этот факт может быть расценен и как дополнительное свидетельство попыток, предпринимаемых новыми правителями, к сплочению с городской духовной/интеллектуальной элитой, и как демонстрация почитания ими религиозных авторитетов великого прошлого. Перевод таких сакральных объектов в вакф еще больше сплачивал интересы пришлой кочевой военной и местной религиозной элит, уравнивая их экономические права. Важным объединяющим моментом являлось и наличие сходных представлений о сакральности захоронений предков в двух мощнейших духовных традициях: древнеиранской и тюркско-монгольской.[5]

В последующие века практика посещения могил, совместного чтения Корана у этих священных объектов станет важнейшим компонентом утверждения принадлежности к единой мусульманской ритуальной традиции. По признанию некоторых ученых, новые правители городов постарались соответствовать существовавшим до их появления "церемониальной географии и ритуальным идиомам" в почитании сакральных памятников.[6]

Значительные сдвиги в социальной жизни, идеологии региона произошли в постмонгольский период. "Богословские школы приходят в упадок, уменьшается число конкурентов в религиозной элите (кто-то гибнет, кто-то уезжает, сокращается число учеников). Это усилило клановый принцип формирования религиозной элиты в передаче по наследству привилегий, политического статуса и материальных благ".[7] Как наиболее яркую черту социально-религиозного развития ислама в этот период ученые называют укрепление позиций самых разнообразных течений суфизма как главного выражения мусульманских верований и общинных идентичностей, ключевого символа исламской цивилизации того времени.[8] В среде суфийских групп разного характера различают два основных направления, принципиально отличающихся по проповедуемым концепциям религиозной жизни. Если первое направление занимается самосовершенствованием, опираясь на письменное наследие мусульманства, то глав-

ный упор во втором делается на веру в святых, их духовную и магическую силу, поклонение их могилам, ученикам и потомкам. Такой "суфизм гробниц" представлял собой религию скорее магического восприятия божественной силы, чем этического и эмоционального самосовершенствования.[9] Святой суфий воспринимался как индивид с двумя ликами, имеющий непосредственный контакт с двумя мирами: один его лик был обращен в Богу, другой – к людям: так раскрывалась его духовная и социальная функции.[10] Считалось, что суфии – наследники пророка. Более того, в силу сложившейся социально-политической практики, при отсутствии завещания пророка Мухаммеда по вопросу о тех, кто станет руководить жизнью общины после его смерти, *валайа* (невидимое руководство общиной, или, по крайней мере, отдельными ее сегментами), осуществлялось святыми как "частичное продолжение пророческой деятельности".[11]

В связи с отсутствием церковной организации в мусульманской традиции не существует столь скрупулезной процедуры канонизации, своеобразного ввода в "утвержденный" список святых, как в христианстве; и в равной мере нет и органа, который бы, по выражению М.Шодковича, "регулировал этот культ. Нет также и признанного теологического статуса святости… Нет и того изобилия образов, витражей, статуй, которое наблюдается в христианстве и дает пищу исследованию; память ислама – "слепая" память".[12]

В исламе "канонизация" святых происходит в литературе. Фактически святыми становятся лица, уже признанные таковыми местной мусульманской общиной, и, что чрезвычайно важно, зафиксированные в агиографической традиции, в частности, те, имена которых часто упоминаются в объемных компиляциях.[13] По мнению отдельных ученых, "поскольку многие из агиографов сами впоследствии оказывались «канонизированными« более поздними агиографами, нельзя не увидеть здесь некую систему кооптирования".[14]

Широкое распространение житий святых – подвижников веры, в совокупности с основополагающими первоисточниками содействовало "распространению культуры авторитета в народных массах (*ал-авам*) посредством устной версии биографий, нарраций, восходящих к библейским временам пророков и Времени Провозглашения Ислама"[15] и помогало сохранить осознание своей идентичности со всей *уммой*.

Качественно новый этап эволюции мусульманского мистицизма, особенно в Мавераннахре, выразился в том, что в суфийской среде "прежнее резко отрицательное отношение к светской власти сменяется более гибким подходом".[16] Функцию исправлять общественные беды, действуя как наставник владык, берет на себя суфийский *шейх*. Этот феномен связан с особенностями понимания причин социальной несправедливости в мусульманской традиции. Она ассоциировалась с отсутствием высоких нравственных качеств правителя, а не с несовершенством отдельных социальных институтов.

Каждый из тимуридских правителей дал свой ответ на этот вызов времени. Пантеон святых по большей части формируется в Мавераннахре и Хорасане именно в тимуридский период. Как верно отмечает С.Н.Абашин, при их легализации выбор в пользу того или иного святого происходил по не вполне понятным сегодня причинам, возможно, под влиянием политической конъектуры.[17]

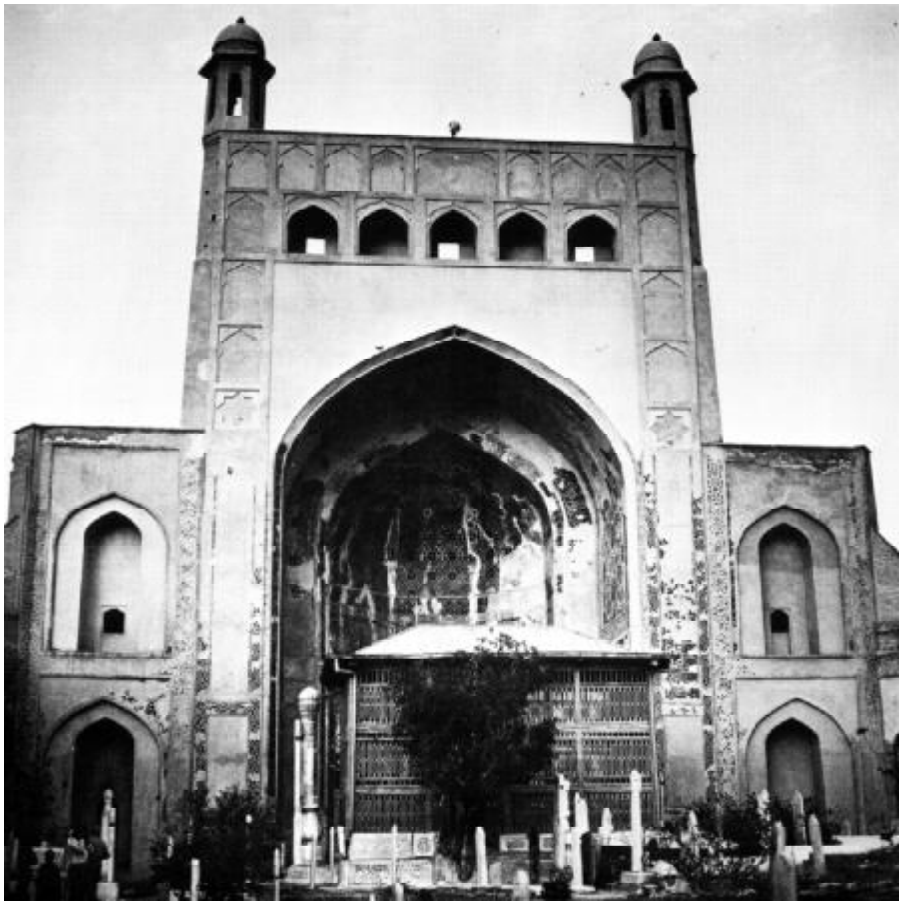
Тимур стал *мюридом* Амира Кулала, заняв, таким образом, позицию "самого первого из *мюридов шейха*", и "закрепив за собой место" между *шейхом* и общиной, а также возможность воздействовать на определенный сектор общества. Это был первый в истории Тимуридов пример признания значимости *суфиев* как важной составляющей социально-политического спектра.

Шахрух использовал религиозный ресурс как фактор интеграции общества и в определенной мере преуспел в этом. Отношения Шахруха с *шейхами* различных *суфийских* орденов были многогранными. Гератский правитель оказывал покровительство многим из них, в то же время демонстрируя готовность прислушиваться к их советам, как послушный *мюрид* посещать их диспуты по спиритуальным вопросам и т.д.

По словам Хондамира Улугбек стал *мюридом «*известного *суфия* Касим-и Анвара, который некоторое время жил в Самарканде. Касим умер, по Хондамиру, в 836/1433-34 г., по Даулетшаху – в 835/1431-32 г.".[18] Сведений о том, что после этого Улугбек попытался стать *мюридом* другого *суфийского шейха,* нет.

Одним из пяти столпов веры, предписанных к неукоснительному исполнению, является обязанность каждого мусульманина хотя бы раз в жизни совершить *хаджж* - паломничество в Мекку. Этот обряд, имеющий ярко выраженное сакральное значение, играл важнейшую "..историко-культурную и социально-политическую роль в средневековом мусульманском мире". [19]

Ученые отмечают любопытный факт фактически полного равнодушия и Тимура, и династов следующих поколений, прежде всего, Шахруха, во всем стремившегося показать себя харизматичным мусульманским правителем, к



Илл. 1. Мемориальный комплекс в Газургахе. Могила Ансари во внутреннем дворе перед главаным айваном.

исполнению важнейшего предписания ислама – паломничества к святым местам ислама. Факты свидетельствуют о том, что и Тимур, и его потомки, не участвуя в "большом" *хадже*, не отказались от идеи, заложенной в совершении этого обряда. Уже в средневековый период считалось дозволительным заменять *хадж* в Мекку паломничеством в другие, более доступные и не столь отдаленные места, имевшие культовое значение; введение таких изменений было продиктовано трудностями самого разного свойства, возникавших при выполнении данного предписания. Такими объектами паломничества становились многочисленные мемориальные сооружения или просто могилы святых и почитавшихся деятелей мусульманской духовной традиции.[20] В контексте восприятия идеи *валайа* как продолжения пророческой миссии, сама могила святого воспринимается как воплощение Мекки, а *зиарат* к ней приравнивается к *хаджу*.[21]

На протяжении всей истории Тимуридов династы фактически создали новые места паломничества, которые, во-первых, позволяли им вновь и вновь подчеркивать приверженность мусульманской классической традиции. С другой стороны, возможность совершить эти "малые" *хаджи* на территории собственного государства явилась прекрасным средством укрепления социальной солидарности населения разных регионов. Трудно найти в средневековье другое средство более тесного и непринужденного социального общения, чем совершение *хаджа*. Если "большой" *хадж* на глобальном уровне означал форму единения всей мусульманской *уммы*, знакомство с "другими мусульманами",[22] то посещение местного мемориала так же свидетельствовало о принадлежности к единой духовной и культурной традиции, только на местном уровне.

Первый пример паломничества к святым местам на территории собственного государства подал сам Тимур, посетив зимой 1397 г. могилу знаменитого суфийского шейха XII в. Ахмада Ясави.[23] Тимур приказал выстроить специальное сооружение над захоронением и строго контролировал возведение мавзолея, известного и сегодня своими грандиозными размерами, простыми массивными формами. Это событие имело ряд весьма серьезных социальных последствий. Пожалуй, знаковым явился факт признания Тимуром "народного ислама" – комплекса народных верований, облаченных в мусульманскую форму, – важной социальной составляющей, имевшей право на существование наряду с "нормативным" исламом.[24] Потомки Тимура и, прежде всего, Шахрух всемерно укрепляли и поддерживали эту традицию, превратив ее в один из ключевых компонентов своей социальной и экономической политики. Более того, со временем династы все более ощущали экономическое преимущество проведения таких "малых" паломничеств, не просто удерживавших перекачку огромных средств в экономику других государств, но помогавших инвестировать их в развитие местной экономики. Тот факт, что и династии, сменившие Тимуридов на всем протяжении исторического развития региона, не отказались от нее, а более того, всемерно поощряли, – яркое свидетельство политических и экономических выгод, которое приносило паломничество к местным святыням.

В период установления своей власти в Хорасане в качестве независимого правителя Шахрух затратил большие средства на благо-

устройство могилы Ансари. Он фактически выстроил мемориальный комплекс, красота которого отмечена в источниках. Захоронение известного святого XI в., знаменитого ханбалистского шейха Абдаллаха Ансари стало центром мемориального комплекса Газургах (*Илл.1-2*), а тот, в свою очередь, – своеобразным духовным центром столицы султаната.[25] Тем самым Шахрух возродил культ высоко чтимого в городе с давних времен "гератского старца", придавая ему статус покровителя Герата.[26] К тому же это восстановление мемориальных захоронений прекрасно вписывалось в общую программу строительства культовых сооружений как выражения могущества династии. Помимо проведения строительных работ Шахрух выделил складывавшемуся мемориальному комплексу значительный земельный надел в качестве *вакфа.*

Шахрух положил начало традиции посещения захоронений прославленных деятелей прошлого по четвергам. Такие вечерние посещения очень скоро превратились в собрания наиболее активных членов общины, представителей религиозной и интеллектуальной элиты общества, на этих встречах цитировался Коран, обсуждались наиболее волнующие на тот момент проблемы, читались литературные произведения, налаживались личные связи. Постепенно Газургах превращался в "общественную трибуну", что особенно проявилось в период правления султана Хусейна.

Илл.2. Памятная плита на северной стороне решетчатого ограждения вокруг могилы Ансари.

Для правителя и его советников такого рода собрания стали важным средством выявления социально активных людей; с другой стороны, наиболее влиятельные личности стремились войти в круг лиц, оказывавших покровительство могиле Ансари и всему мемориальному комплексу. В Газургах стекались финансовые средства для поддержания все более разраставшегося хозяйства *мазара*; трудно переоценить и возможность получения информации самого разного характера, поступавшей с разных концов султаната.

Ученые предполагают, что первоначально Шахрух не планировал придавать мемориальному комплексу Ансари особый статус.[27] Как и во многих других начинаниях, и в этом случае, Шахрух стремился лишь еще раз продемонстрировать неразрывную связь своей династии с мусульманской духовной и культурной традицией. Однако, со временем он осознал, что мемориальный комплекс Газургах и захоронение Ансари полностью отвечают его политическим устремлениям и объединяют общину. Встречи по четвергам у могилы Ансари, которые Шахрух взял за правило непременно посещать, символизировали связи между властью и народом, между разными регионами мусульманского мира и, в равной мере, между представителями различных течений ислама.

В период правления Шахруха были возрождены и благоустроены культовые памятники, связанных с памятью святых и выдающихся представителей не только суннизма. Крупнейшим центром паломничества во второй половине XV в. стала гробница имама Реза в Мешхеде. Само мемориальное захоронение стало популярным еще в X в., но в период правления Шахруха оно было значительно расширено и приобрело статус второго после столицы (Герата) объекта забот династов – прежде всего, жены правителя Гаухаршад. В 1416-1418 гг. она предприняла строительство пятничной мечети в Мешхеде неподалеку от могилы имама Реза. Выгодное географическое положение Мешхеда на перекрестке торговых путей способствовало привлечению капитала в развитие города как важнейшего центра паломничества.

Как показали исследования, возрождение Шахрухом центров, связанные с культом Али и его потомков, не противоречило его жесткой

борьбе с шиизмом. Как заключил глубоко изучивший это явление Р.Макчесни, в этом факте можно увидеть почитание сакральной антропологии, в частности, поклонение памяти всех членов семьи пророка Мухаммеда. Р.Макчесни считает, что в данном случае имеет место еще одна форма религиозности, не связанная напрямую ни с шиизмом, ни с "народным исламом". Ученый дал этому явлению название *албейтизм*,[28] оно заключается в "особом почитании членов семьи пророка Мухаммеда в рамках суннитской традиции". Некоторые религиозные авторитеты того времени, например, Раджаб ал-Бурси, считали почитание священной семьи важнейшей добродетелью мусульманина и даже утверждали, что воспитывая в себе ее, можно искупить все грехи.[2]

Представляется, что имелась и другая веская причина для появления этого феномена в период правления Шахруха. Думается, что позволяя Гаухаршад строить мечеть и в дальнейшем покровительствовать важнейшей шиитской святыне – гробнице шиитского имама в Мешхеде, Шахрух сохранял за собой как правителем уникальную возможность для маневра в политической игре.

Известно, что на территории правления Тимуридов доминировал *суннизм*, однако, при этом необходимо помнить, что *шиизм* никогда не исчезал из их религиозной жизни. [30] Приверженцы шиизма, не проявлявшие своих политических амбиций, оставались на территории государства в рассматриваемый период в качестве религиозного меньшинства. В случае изменения внутренней политической ситуации или перемен в геополитике покровительство шиитским культовым памятникам могло стать прекрасным основанием для возобновления диалога с шиитским руководством, и, в равной мере, инструментом достижения столь важного в политике компромисса. К тому же, в свете проводимой Шахрухом политики исламизации патронат его супруги над главной главной шиитской святыней государства, позволял ему, "сохраняя лицо" и поддержку суннитского большинства, тем самым демонстрировать своею заботу о мусульманах обеих важнейших конфессий. В свете нового титула, принятого им (*"падишах ислама»)* – этот маневр представляется весьма оправданным. Интересно, что уже в 1418 г. по приказу султана Хусейна на фасад мечети, выстроенной на средства Гаухаршад в Мешхеде, наносится надпись, в которой наряду с изречениями из Корана и хадисов приводится славословие Гаухаршад. В дальнейшем интересы шиитского меньшинства стали поддерживаться более явно.

При выборе стратегического партнера в религиозной среде Шахрухом руководил трезвый политический расчет. Опираться на все течения ислама и ни на одно конкретно, сталкивая их интересы, как это делал отец, Шахрух не мог. Изменившиеся условия социальной и религиозной жизни заставляли его выбрать и поддержать лишь одно, лучше всего представленное в Герате, – суннизм. Борьба с шиизмом и различными проявлениями религиозного вольнодумства, исмаилизмом, красной нитью проходит в описании правления Шахруха. Известно, что его расправа с *сайидами* вызвала шок в обществе. Однако, насколько возможно проследить, во всех случаях сурового отношения к представителям указанных течений ислама последние выступали в качестве его политических соперников, что обусловило накал и развитие борьбы. Так, на наш взгляд, не препятствуя возведению мемориальных комплексов, посвященных памяти выдающихся представителей шиизма, Шахрух, тем самым, оставлял возможность для компромисса.

Шахрух представляет собой иной, отличный от Тимура, тип правителя. Стиль его правления символизирует собой модель переходного периода, от стратегии развития государства, во главе которого стоит правитель - воин, а все функции государства - как внешние, так и внутренние - жестко подчинены и фактически определены военными целями, к стратегии внутреннего развития государства. Шахрух показал себя умелым воином, однако фактически все его военные действия были продиктованы главной целью - идеей сохранения собственного государства. Вслед за Шахрухом на исторической сцене появляются правители, назвать которых воинами сложно. В фокусе их интересов остаются практически исключительно вопросы внутреннего развития, культуры и науки, военные же кампании выявляют стремление не завоевать новые территории, а скорее отражать нападения врагов и сохранять территориальную целостность своих государственных образований.

Эпоха Шахруха открывает новую страницу в истории Тимуридов. Это было время постепенного превращения " непоколебимого в своей воинственности, ненасытного в своем стремлении грабить тюркского военного класса в прославленную царственную плеяду людей, покровительствовавших [искусствам и культуре]".[31] Такое преобразование отражало меняющиеся приоритеты династии. Принципы правления Шахруха выявляют его приверженность идеалу мусульманского правителя, сменившие его династы в целом продолжили и укрепили эту традицию. Именно в период правления Шахруха были заложены основы социально-политического и экономического устройства государства, оказавшие в последствие решаю-

щее воздействие на развитие общества и культуры.

После смерти Шахруха, в связи с неуклонным ослаблением политического и военного престижа Тимуридского государства, многочисленные принцы – потомки основателя династии, захватывая власть в различное время в разных городах Хорасана, пытались укрепить свой престиж, декларируя неразрывную связь славного прошлого империи со своим правлением. Никто из них уж не знал Тимура лично – со времени его смерти прошло не одно десятилетие, – однако они стремились использовать миф о его власти и узаконить свое правление, напоминая о нем. Основное внимание Хусейна Байкара в политической сфере было сосредоточено на восстановлении престижа династии Тимуридов.

Приоритетом политической и культурной деятельности Хусейна Байкара было утверждение легитимности правления потомков Омар-шейха на троне Тимура. В дворцовой *китабхане* вновь переписывались главные произведения, прославляющие Тимура – "Зафар-наме" Шами и Йазди, в которых выделялись теперь уже ветвь Омар-шейхидов и их вклад в историю династии. Новые редакции множили список копий, которые были переписаны в период правления Тимура и Шахруха; неудивительно, что именно эти произведения признаются сегодня как одни из наиболее распространенных и популярных исторических трудов мусульманского средневековья.[32]

Еще одним шагом в утверждении своего правления оказалось стремление султана подкорректировать и даже переписать генеалогию своего рода. В первом случае для этой цели служили переписанная для внука Тимура – Халиля Султана – арабская и уйгурская версии генеалогии; в период правления Хусейна Байкара в этот документ также были внесены соответствующие изменения, подчеркивающие роль Омар-шейхидов в истории династии.[33]

В результате специальных изысканий была представлена версия о том, что прапрапрабабушка Хусейна по отцовской линии по имени Сакина Хатун (также известная как Биби Тухти) являлась дочерью шейха Шамс ад-Дина Мухаммада Мискина, сына шейха Абд ал-Вахида, сына ходжи Абд ал-Хади, который являлся сыном и преемником (*халаф-и сидк*) Абдуллаха Ансари. Потомки этой Сакины Хатун породнились с Чагатаидами, а ее прапрапраправнучка стала матерью отца султана Хусейна Байкара.[34] Эта генеалогия, отмеченная у Хондамира, но отсутствующая у Бабура, свидетельствует о попытке султана связать вместе наиболее знатные фамилии из числа Чингизидов, Тимуридов, шейхов и сайидов, тюрко-монгольское генеалогическое древо Тимуридов с родословной наиболее влиятельных мусульманских интеллектуалов прошлого. Так впервые в истории династии была осуществлена попытка возвести родословную не от Тимура, а от крупнейшего представителя духовной традиции "золотого века ислама". С целью еще более укрепить престиж династии в 882/1477-78 г. Хусейн Байкара строит новое мемориальное сооружение на территории кладбища Газургах и производит торжественное перезахоронение там своего отца, дяди и братьев. Весь мемориальный комплекс получает второе дыхание и высокий политический статус.

Известие об открытии старой могилы Али в селении Ходжа Хайран, доставленное Хусейну Байкара братом – Мирзой Байкара, стало отправной точкой в программе исламизации, которую он проводил. Султан Байкара воспринял эту новость с огромным энтузиазмом, сразу же признав подлинность могилы и выделив необходимую сумму на перевод этого *мазара* в *вакф*.[35] История чудесного обнаружения могилы Али после 356 лет забвения получила подтверждение и идеологическое обоснование и в литературных источниках. Известный литератор, ученик Абдуррахмана Джами, Абд ал-Гафур Лари восторженно написал об этом событии и пояснил, почему можно признать истинным захоронение Али в Балхе, а не в Наджафе, что считалось общепризнанным.[36]

Поддержка народной традиции поклонения семье пророка рассматривалась династами как возможная база социального согласия, недостаток которого так сильно ощущался в то время. Традиция поклонения семье пророка – *аль бейт* – соединяла в себе интересы всех слоев населения и носила экуменический характер. Она утверждала общность героев сакральной мусульманской антропологии, объединяя интересы и суннитов, и шиитов, а также суфиев и сект практически всех направлений. К тому же она была понятна и доступна представителям всех страт общества – от представителей элиты до неимущих.

Хусейн Байкара нуждался в символах, которые могли бы служить основой социального объединения; таким символом и призвана была стать вновь обнаруженная могила Али в небольшом селении Хайр (позже – Ходжа Хайр), в 20 км от некогда прославленного Балха. С течением времени перенос гробницы превратил некогда процветавший Балх в малозначительный в социально-экономическом плане городок Вазирабад, а маленькое селение Хайр, напротив, получив вместе с могилой Али почетное имя Мазар и статус города, с течением веков стало известно как Мазар-и Шариф, крупнейший экономический центр на севере Афганистана.

В посттимуридское время традиция поддержки народных верований, связанных с харизмой святых захоронений-*вакфов*, закрепленная Тимуридами, получила, как и сама вакфная собственность, дальнейшее развитие. Поскольку эта категория собственности, как правило, практически не подпадала под строгий административный контроль, это приводило к независимости "сообщества вакфа" от верховной власти, что, в свою очередь, способствовало "дроблению" идентичности. Чаще всего идентичность приобретала характер локальной, фиксирующей определенную территорию, где находился *мазар* (shrine-society) или *вакф*, либо местность, из которой происходил глава группировки или ее члены.[37]

Замкнутость на систему групповой солидарности, основанной на индивидуальной преданности типа "патрон - клиент", финансовая независимость и феномен "внутренней эмиграции" приводили к "атомизации" таких групп. Со временем такие социальные группы стали представлять собой идеальную модель "третьей силы", которая могла быть использована правителем или любым из соперничавших лидеров племен или патронов иного типа в их борьбе за власть или завоевание неких привилегий. Независимость этих группировок, и финансовая, и социальная, давала им значительную свободу маневра и заставляла верховных правителей требовать от них гарантий проявления лояльности. При появлении во главе группировки сильного харизматического лидера перед верховным правителем вставала угроза потери лояльности данной группировки и, соответственно, власти над неким сегментом социального поля; уровень угроз в этой сфере был прямо пропорционален политическим/социальным "весу" и "цене" лояльности группировки.

Ярчайший пример этого феномена из истории посттимуридской Центральной Азии приведен Р.Макчесни. Он наглядно показал, как в момент появления в Мазар-и Шарифе в 1737 г. войск иранского правителя Надир-шаха, именно "сообщество мазара", а не регулярные войска верховного правителя оказали сопротивление захватчикам, проявив себя как государственное образование, способное отстоять политические и социально-экономические права подвергшегося оккупации населения.[38]

Этот исторический факт – великолепное свидетельство того, что в условиях максимального разрыва социального поля и по вертикали, и по горизонтали, "сообщество людей гробницы", скрепленное локальной идентичностью сакрального памятника, берет на себя выполнение важнейших прерогатив государства. К ним, как известно, относятся право на сбор налогов и монополия на осуществление легитимного насилия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Chamberlain M.* Knowledge and Social Practice in Medieval Damascus. 1190-1350 // Cambridge Studies in Islamic Civilization. 2002. P.56.

[2] Там же.

[3] Феномен подробно рассмотрен в целом ряде публикаций. Обобщено:*Colin G.S.* Baraka // Encyclopeadia of Islam, N.e., 1986. P.1032. Благость, исцеление и даже воскресение могли принести соприкосновение не только с деталями самого намогильного сооружения, но и пребывание на его территории, касание водных источников, деревьев, окружавших могилу, самой земли: *Aigle D.* et *Mayeur-Jaouen C.* Miracle et karama. Une approach comparatiste. Turnhout, 2000. P.25. Такой же силой обладали и отдельные вещи, которые носил или к которым прикасался святой, конечно, его мощи (волосы, ногти и т.п.). *Wheeler B.* Mecca and Eden. Ritual, Relics, and Territory in Islam. Chicago – London, 2003. P.72. Особым чудодейственным актом умершего святого – суфия считалось введение человека, посещавшего мазар, в состояние духовного озарения, дававшем ему возможность после этого считаться харизматической личностью и самому выступать в качестве шейха. Такие шейхи, получившие божественный импульс не от учителя ("*муршид*"), как было принято в братствах, а непосредственно от давно умершего святого, чаще при посещении его могилы, назывались *увайси*. Об этом феномене см., например: *DeWeese D.* An "Uvaysi" Sufi in Timurid Mawarannahr: Notes on Hagiography and the Taxonomy of sanctity in the Religious History of Central Asia // Papers on Inner Asia. Bloomington,1993, No 22. Особую группу составляют могилы животных, в частности, собак, принадлежавших особо почитавшимся святым: *DeWeese D.* Dog Saints and Dog Shrines in Kubravi tradition: Notes on a Hagiographical Motif from Khwarazm // Miracle et Karama. Hagiographies medievales compares. Sous la direction de D.Aigle. Turnhout, 2000. P.459-499.

[4] *Davidovich E. A.* The Karakhanids // History of Civilization of Central Asia. Vol.IV. The Age of Achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Part One: The Historical, social and Economic Setting. Ed. M.S.Asimov and C.E.Bosworth. Paris,1998. P.119-143.

[5] *Кляшторный С.Г., Султанов И.М.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. *DeWeese D.* Islamization and Native Religion on the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994. P.179-203. Примеры инкорпорирования древних мемориалов в мусульманскую традицию Средней Азии приведены: *Муминов А.* Святые места в исламе // Маяк Востока, 1-2 1996. С.15-16. См. интересное замечание по данному поводу: *DeWeese D.* Dog Saints and Dog Shrines... P.462, сн.34.

[6] *Chamberlain M.* Knowledge and Social Practice...P.69.

[7] *Абашин С.Н.* Бурханиддин Кылыч: ученый, правитель, чудотворец? О генезисе культа святых в Средней Азии // Подвижники ислама, М., 2003, с.235.

[8] *Lapidus I.* A history of Islamic Societies. Second ed. Cambridge, 2005. P.207.

[9] Ibid, p.236.

[10] *Geoffroy E.* Attitudes contrastees des mystiques musulmans face au miracle// Miracle et katrama..., p.313-314.

[11] *McGregor R.J.A.* The concept of Sainthood according to Ibn Bahila: a Sadili Shaykh of The 8th/14th century // Le Saint and son milieu ou comment lire les sources hagiographiques. Ed. par R.Chin et d.Gril. Cahhiers des annals islamologiques 19. Paris, 2000. P.33. В определенной мере функции, которые взяли на себя *суфии* еще в

монгольский период, придали им в глазах общины статус *асхаб ун нузуль.* В классической мусульманской традиции эти люди, сподвижники Пророка, – *асхабы* – после его смерти посвятили себя укоренению истинной веры, распространяя подлинный смысл Откровения (“*нузуль*”). Подробно см.: *Arkoun M.* The Unthought in Contemporary Islamic Thought. London, 2002. P.82.

[12] *Шодкович М.* Модели совершенства в исламе и мусульманские святые // Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока. М., 1994, с.202.

[13] Меткое замечание Г.Грюнебаума по поводу биографических сборников о том, что они “...может быть, даже больше, чем исторические труды, создали подлинный портрет исламской цивилизации”, можно, на наш взгляд, в полной мере отнести и к агиографическим сочинениям.См.: *Грюнебаум Г.Э.фон.* Классический ислам. Очерк истории (600-1258 гг.). М., 1988, с.91.

[14] *Шодкович М.* Модели совершенства в исламе..., с.204.

[15] *Arkoun M.* The Unthought in Contemporary..., с.245.

[16] Подробно об этом см.: *Zarcone Th.* Le soufisme shez les Timourids et Ulugh Beg // UlughBeg. Le prince astronome. Paris – Samarkand, 1994. P.52.

[17] *Абашин С.Н.* Бурханиддин Кылыч, с.235.

[18] *Бартольд В.В.* Соч., т.II. М., 1964, с.132, сн.77.

[19] *Ермаков Д.В.* Хадж // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991, с.261.

[20] В разное время в религиозной среде Средней Азии существовали представления о том, что *хаджу* в Хиджаз должно предшествовать посещение крупных местных святынь. Так, в конце XIX в. утвердилось поверье, согласно которому “...только поклонившись святому Хазрету (Ахмаду Ясави) в Туркестане, посетив Самарканд и взошедши на Сулейман-гору [в г.Ош, совр. Кыргызстан – **Л.Д.**], правоверный может закончить свой подвиг поклонением Каабе в Мекке”. См.: *Огудин В.Л.* Трон Соломона. История формирования культа // Подвижники ислама..., с.87.

[21] *Aigle D.* et *Mayeur-Jaouen C.* Miracle.... P.26.

[22] По мнению ряда ученых, встреча по пути в хадж с “другими” мусульманами была по меньшей мере столь же важна для самоопределения мусульман-паломников, как и конфронтация с европейскими “другими”. *Eickelman D. F.* and *Piscatori J.* Preface // Muslim Travellers. Pilgrimage, migration, and the religious imagination. Berkeley - Los Angeles, 1990. p.xv.

[23] *Lentz T.W., Lowry G.* Timur and the Princely Vision. Persian Art and Culture in the Fifteenth Century. Washington,1989. P.29.

[24] В связи с отсутствием в исламе церковной организации возникают значительные сложности в подборе терминов, точно передающих сущность различных направлениях мусульманства. “Нормативным” исламом называется комплекс верований, основанный на письменной, “классической” традиции, “народным” – направление исламского мировоззрения, основанного на доисламских традициях и верованиях, устной передаче сакральной мифологии. Подробно об этом см.: *Прозоров С.М.* Ислам единый, ислам региональный // Ислам и проблемы межцивилизационного взаимодействия. М., 1994, с.232-236.

[25] Абдаллах Ансари (ум. 1089) – известный представитель *ханбалитского мазхаба,* мистик, “прославившийся глубоким знанием *хадисов,* строгим аскетизмом (известно, что он клал под голову кирпич вместо подушки). В истории ислама отмечен как активный сторонник идеи неразделенности природы Бога. По иронии судьбы именно этому человеку, гневно осуждавшему почитание святых, выпало на долю стать предметом поклонения”. О нем подробно см.: *Subtelny M.E.* The Cult of ‘Abdullah Ansari under the Timurids // Gott ist schon and Er liebt Schonheit: Fest fur Annemarie Schimmel. 7 April, 1992. Bern,1994. P.377 и далее, там же библиография. Подробно об ансамбле: *Golombek L.*

The Timurid Shrine at Gazur Gah. Toronto, 1969.

[26] Практический каждый более или менее значимый мусульманский город имел своего святого-покровителя. Святым – покровителем Бухары был признан после смерти в 791/1389 г.Баха ад-Дин Накшбанд, получивший почетное прозвание “ *бала – гардан*” - “отвращающий несчастия”. Вера в силу содействия святого среди населения была столь велика, что перед наступлением российских войск на Бухару в 1864 г. бухарцы взывали к его помощи. В произведениях Фитрата, просветителя конца XIX – начала XX вв., эти поверья стали предметом жесткой критики. *Algar H.* A Brief History of the Naqshbandi Order // Naqshbandis / M. Gaborieau, A. Popovic, Th. Zarcone. Istanbul – Paris. P.12. Вера в победу на поле брани при поддержке святых, закрепленная в тимуридских хрониках, была чрезвычайно распространена; об этом свидетельствует, к примеру, факт молений у могилы суфийского шейха ходжи Абдул-Халика Гиждувани (ум. 617/1220 г.), узбекского правителя Убайдулла хана в 915/1509 г.перед решающей битвой при селении Гиждуван с войсками Сефевидов (Ibid., p.9).

[27] *Lentz T.W., Lowry G.* Timur and the Princely Vision... P.74.

[28] “Ал ал-Бейт” (араб.) букв. “потомки [священного] рода, семьи Мухаммада. Об эволюции этого термина см.: Encyclopeadia of Islam. New ed., vol. I. P.237-238.

[29] *Meir Fr.* The Mythical Path // The World of Islam. London, 2002. P.124.

[30] По мнению ученых, картина религиозной жизни в Хорасане и Западном Иране к началу XV в. была весьма “запутанной и сложной”: *Subtelny M.E., Khalidov A.B.*The Curriculum of the Islamic Higher Learning in Timurid Iran in the Light of the Sunni Revival Under Shah-Rukh // Journal of American Oriental Society. 1995, Vol.115, No 26. P.38. “Официально тимуридские правители Ирана и Центральной Азии являлись суннитами ханифитской школы. Однако подавляющее большинство населения Ирана, хотя в городах по большей части жили *ханифиты* и *шафи‘иты*, находилось еще с монгольского периода под сильным влиянием *ши‘изма,* или, по крайней мере, проалидским воздействием, смешанным с суфийскими мотивами”. *Subtelny M.E.* The Sunni Revival under Shah-Rukh and its Promoters: A Study of the connection between ideology and higher learning in Timurid Iran // Proceedings of the 7th meeting of Haneda Memorial Hall. Symposium on 93 Central Asia and Iran. August 30,1993. Kyoto, 1994. P.115.

[31] Именно в этот период Шахрух пытается заявить о себе, как о “*падишахе ислама*”, а на некоторых монетах, битых в его правление, упоминается термин “*халифат*”.

[32] *Lentz T.W., Lowry G.* Timur and the Princely Vision... P.262.

[33] Ibid, p.259.

[34] *Subtelny M.E.* Socioeconomic Bases of cultural patronage under the Later Timurids // MES.Vol.20. P.353.

[35] *McChesney R.* Waqf in Central Asia: Four Centuries in the History of a Modern Shrine.1480-1889. Princeton, 1991. P.35.

[36] Впервые о могиле написал знаменитый испанец Абу Хамид ал-Гарнати, путешествовавший в этих местах в середине XII в. Подробно о событиях, связанных с могилой: *Бартольд В.В.* Соч., т.V. М., 1965, с.195-229. Р.Макчесни посвятил истории могилы Али в Балхе специальное исследование.

[37] О роли мазаров как социально-экономической единицы см. соответствующие разделы в кн.: *Mc Chesney R.D.* Waqf in Central Asia: Four Centuries in the History of a Modern Shrine.1480-1889. Princeton, 1991.

[38] Ibid, p.35.

МАШАД КУСАМА В САМАРКАНДЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Н. Б. НЕМЦЕВА

История религиозной жизни средневековой Евразии VII–VIII вв. была связана с бурными и часто кровопролитными процессами принятия новых верований. Славянские языческие племена Восточной Европы, входившие в состав Византийской империи, в эти столетия принимали христианство. Народы Ближнего и Среднего Востока (Египет, Сирия, Ирак, Иран, Средняя Азия и Кавказ), входившие в состав Арабского Халифата, принимали ислам. Всюду утверждение новых верований было сложным и длительным процессом, который занял полтора-два столетия, сопровождался народными протестами, появлением в истории этих стран «борцов за веру» или мучеников. В дальнейшем имена наиболее известных религиозных мучеников, подвижников были канонизированы духовенством и получили статус «святых», часть которых в исламе и христианстве почитается до сего дня.

В названиях памятников архитектуры, кладбищ, топонимах и гидронимах Центральной Азии, Ирана сохранилось слово *машад* (*машхад, мешхед*) – место мученической кончины. Машады возникли в мусульманском мире еще на ранней стадии сложения и распространения ислама в VII–VIII вв. Это был период сложения Халифата, когда борьба за веру была наиболее острой и актуальной. В XI–XII вв. в связи с распространением суфизма и возрождением древнейшего, языческого в своей основе «культа святых» на местах гибели мучеников за веру над их истинными и мнимыми могилами появились архитектурно оформленные мемориалы, связанные с событиями давних лет – мавзолеи, культовые комплексы и целые архитектурные ансамбли.

Наиболее почитаемые машады уходят в глубину веков, являются объектами поклонения и ныне, хотя истинный смысл термина *машад* и даже сам термин в большинстве случаев давно утрачен в исторической памяти, а местное население зачастую не знает значения этого слова. Но этот термин встречается не только в современной ономастике, но и в средневековых нарративных источниках (самаркандский вакф XI в.) и является косвенным, но важным документом для реконструкции истории завоевательных походов арабов в Средней Азии, географии распространения наиболее кровопролитных событий, связанных с внедрением ислама.

Крайне интересная проблема машадов применительно к архитектурным памятникам, местам поклонения святым, которые до сего дня актуальны, практически не изучена в отечественной науке. В наше время предания и легенды, связанные с историческими машадами, в большинстве случаев утрачены и восстановление имен святых, атрибуция на этой основе функции памятника архитектуры и правильная его интерпретация весьма затруднительна, часто невозможна.

Места поклонения святым, которые множатся в последние годы по всем регионам Средней Азии в связи с новой волной религиозности, представляют огромный познавательный и историко-культурный интерес как крайне важное социальное, психологическое и ментальное явление в истории и духовной жизни мусульманского общества. Изучение святынь, их исторической основы, выявление придуманных, вновь создаваемых в наше время мест поклонения, спекуляций на тему «святые места» – важнейший аспект современных этнографических, социально-антропологических исследований.

Появление машадов в средние века в разных местах мусульманского мира перекликается с созданием в наше время во многих городах и странах Евразии мемориалов памяти солдат, павших на фронтах Второй мировой войны. Подобно средневековым машадам, современные мемориалы, посвященные как неизвестным героям, так и с перечнем имен погибших ставятся в большинстве случаев за тысячи километров от мест их действительного захоронения. Многогранное, универсальное понятие *машад* в XX в. трансформировалось в новую форму почитания или памяти, но смысл этого явления остался прежним.

Впервые машады (араб. *муашшир* – причастие от глагола *ашара* – что-то отмечающее, на что-то указывающее) попали в поле зрения из

вестного венгерского востоковеда и этнографа Игнатия Гольдциера в конце XIX в. во время его путешествия по Египту.[1] Словом *машад*, пишет И.Гольдциер, выражается мысль, что святой, погребение которого почитается в определенном месте, в действительности погребен где-то в другом месте, но что святой явился во сне шейху и указал место своего почитания. Поэтому в мире святых много двойников. Могилы одних и тех же лиц имеются в разных местах стран ислама (с равной претензией на подлинность), являются объектом почитания и паломничества.[2]

Среди местного духовенства и образованных людей Верхнего Египта, как отмечает И.Гольдциер, существовало четкое различие между понятием *кабр*, или *турба* – то есть действительной могилой мученика, и понятием *машад* – местом фиктивной могилы, простой же народ уже в XIX в. не знал этого различия.[3] Такая же ситуация наблюдается в Средней Азии. В настоящее время ни термин *машад*, ни его смысл там практически никому неизвестен. Наличие нескольких мазаров, связанных с одним лицом, среднеазиатские легенды объясняют тем, что человек погиб в одном месте, а его тело было отправлено для захоронения в Мекку на белом верблюде.[4]

В средние века, главным образом, в XI–XII вв. многочисленные архитектурно оформленные святыни, в том числе и машады как фиктивные могилы, связанные с именем какого-либо «святого», устанавливались одновременно в разных областях Халифата, причем иногда в местах предельно отдаленных от реальной могилы означенного лица, и множились в большом количестве, как выгодные духовенству места паломничества.

При этом реальные могилы известных в истории Халифата и ислама исторических лиц также оформлялись крупными архитектурными мемориалами и почитаются поныне. Например, крупный культовый комплекс Мазари-Шариф над мнимой могилой четвертого праведного халифа Али, убитого в 661 г., сложился в XII–XV вв. в одноименном городе близ Балха на севере Афганистана. По преданию, там похоронен зять пророка Мухаммеда, глава шиитской партии халиф Али. В действительности реальные могилы Али и его сыновей ал-Хасана (умер в 669 г.) и Хусейна (убит в 680 г.) находятся в Ираке – в городах Неджеф и Кербела и являются там главной шиитской святыней. Мазари-Шериф в Афганистане – типичный, классический машад.

Культ Али был широко распространен и в Средней Азии. Фиктивные могилы – машады сыновей Али имамов ал-Хасана и ал-Хусейна имеются в Нуратинском районе Навоийской области Узбекистана (около Бухары), с именем Али связан Шаха-Мардан в Ферганской области, гробница около Хивы в Хорезме. Многочисленные легенды и культ Али и его сыновей типа *кадамджой* широко распространен в Таджикистане, на юге Узбекистана, в Хорезме.[5]

Другой крупный машад сложился в Иране, в городе Мешхеде. Само название города связано с машадом восьмого шиитского имама ар-Рази (Реза), мученически погибшего (отравленного) в IX в. около селения Санабад. Близ него в связи с могилой мученика Резы вырос г. Мешхед, впервые упомянутый в X в. Позже, в XII-XIX вв. в Мешхеде около гробницы Резы сложился огромный культовый комплекс, который на протяжении многих веков является главной святыней мусульман-шиитов Ирана. Сюжеты, связанные с халифом Али и имамом Реза показывают, что машады возникали не только на местах гибели за веру, мучениками считались и погибшие в борьбе за власть.

Многочисленные мавзолеи (*кубба*) были воздвигнуты в честь известного в исламе основателя суфийского ордена Кадырийа (*тарика*) – Абд ал-Кадыри Джелали (в народе Гиляни) в разных странах – от Алжира до Индии и Индонезии, хотя реальная могила ал-Кадыри находится в Багдаде.[6] Его почитание имеет столь широкое распространение благодаря разветвленной деятельности дервишского ордена Кадырийа. Вместе с тем, он является наиболее популярным святым, якобы помогающим от недугов. Легенды о нем проникли в самые отдаленные области мусульманского мира.[7]

Часть машадов в Средней Азии безымянна и историческую основу культа в наше время невозможно установить. Крупный культовый комплекс – мавзолей-ханака Ходжа Машад на юге Таджикистана у селения Саят возник в XII в., как показали археологические исследования,[8] и, видимо, связан с гибелью сподвижника (или сподвижников?) пророка. Атрибуция памятника как медресе в научном плане не состоятельна. Этому противоречит в первую очередь географическое положение памятника (на проселочной дороге, в стороне от какого-либо города, обязательного для местоположения высшей духовной школы мусульман – медресе в этот период), а также некоторые архитектурно-планировочные данные Ходжа Машада, в частности, два портальных входа на продольной оси, не характерные для такого закрытого института монастырского типа, как медресе.[9]

Религиозные представления мусульман проникнуты благоговением к памяти людей первого поколения ислама, находившихся в личных сношениях с пророком (*ходжа* – сподвижники Мухаммеда), особенно если они принимали

участие в арабских завоеваниях.[10] Название Ходжа Машад, быть может, отражает давние, вполне реальные исторические события времен завоевания Средней Азии арабами в VII–VIII вв. В XII в. на месте этих событий в честь погибших за веру ходжей был установлен машад – двойной мавзолей с большим двором и худжрами по его сторонам для паломников.

Представляется, что Ходжа-Машад являлся сложным мемориально-культовым комплексом типа мавзолея-ханака (наиболее приближенная функция), в котором сакральная южная часть с двумя мавзолеями и сквозным айваном между ними объединена с дворовой ханакой – местом временного или постоянного проживания паломников. Для сорокадневного поста в массиве пилона южного портала имеется небольшая чилляхана. Два крупных квадратно-купольных помещения по сторонам северного входного портала могли выполнять функцию *джамаатханы* – помещения для общих суфийских радений (*зикр*), диспутов, встреч и т.д. Но документально подтвердить эту гипотезу (как и другие) в наше время пока не представляется возможным. Письменных данных по этому поводу нет, обрывки надписи на портале также их не содержат.

Очень выразительный машад существует в Юго-Западном Туркменистане, на городище Мешхеди–Мисриан (средневековый Дахистан), где сохранились руины мечети, двух минаретов и нескольких мавзолеев XI–XII вв. в том числе мечеть-мавзолей святого Машад-ата IX – X вв. (он же Шир-Кабир).[11] Может быть, название Мешхеди-Мисриан, несет следы значительно более давних исторических событий (гибель за веру времен завоевательных походов арабов в VII–начале VIII вв.(?), чем датированные IX-XII вв. архитектурные памятники. Связь мисрианского машада с тюркским периодом сомнительна, хотя и не исключена. Завоевательные походы тюрков в XI–XII вв. на территории Средней Азии религиозной окраски не имели. Значительная часть тюркских племен еще в середине X в. приняла ислам и проблема верований во взаимоотношениях завоевателей и местного населения не была актуальна.[12]

Большой интерес представляют руины Шахи-Машад XII в. в северо-восточной части Афганистана, где термин машад, судя по надписи на портале, как будто связывается с духовным учебным заведением мусульман – медресе. Памятник, однако, полностью не изучен, топонимика и стратиграфия территории, где он расположен, неизвестны. В первой публикации имеет место лишь краткое описание руин Шахи-Машада и прочтение надписей в декоративной облицовке здания.[13] Несомненно, этот памятник нуждается в более глубоком исследовании.

На территории мусульманского Востока распространено сакральное в христианской и мусульманской мифологии понятие кырк (тюрк. сорок), в некоторых случаях, связанное с гибелью сорока святых воинов-мучеников за веру (существуют и другие сакральные цифры).[14] На северном Кавказе (Дербент) до сих пор почитается Кырхлар – место захоронения сорока «мучеников за веру». Это одно из древнейших почитаемых мусульманами кладбищ Кавказа состоит из огороженного комплекса каменных саркофагов. Местные предания и дагестанские хроники (Дарбанд-нама) связывают Кырхлар с арабским завоеванием УП в., гибелью за веру арабских мучеников во главе с Салманом ибн Раби'а,[15] что кажется наиболее вероятным. Другие данные (даты на саркофагах, стиль эпиграфических надписей) позволяют отнести существующий некрополь Кырхлар к периоду ранних сельджукидских завоеваний.[16] Хронологически последовательное появление в истории «святых мест» новых архитектурно оформленных погребений (истинных или мнимых) и соответственно утрата более старых – довольно распространенное явление и это одна из причин трудностей в определении датировки памятника.

Появление в XI–XII вв. архитектурно оформленных машадов обусловлено, как отмечалось выше, развитием суфизма. Это был период возникновения большого числа суфийских общин – *ханака* и возрождения в этой связи древнейшего культа святых.[17] Около святых мест складывался обряд поклонения (*зиарат*), совершались жертвоприношения. Весь регламент благотворительности проходил под чутким руководством шейхов и мулл.

XI–XII вв. отмечены подъемом общего тонуса в государствах Средней Азии, стабилизацией экономики, расцветом на этой основе строительного искусства, своего рода ренессанса в культуре региона. На территории Средней Азии образовались три тюркские империи, управляемые династиями Караханидов, Сельджукидов и Газневидов. Их правители заботились о процветании и благоустройстве столичных городов и пригородов, от их имени возводились монументальные дворцы, рабаты, караван-сараи, сардобы и мосты.[18] Одновременно строились культовые сооружения в духе и стиле эпохи, нередко представляющие собой подлинные шедевры средневекового строительного искусства, часть которых дошла до наших дней. В числе их были и машады.

Трудно сказать, кто инициировал строительство машадов: вероятнее всего, духовенство. Но при всей сложности отношений тюркских правителей, в частности, Караханидов с духовенством, мусульманские святыни, в том числе

Илл.1. Общий вид ансамбля Шахи-Зинда, фото Надара, 1890 г. (вид с юго-запада).

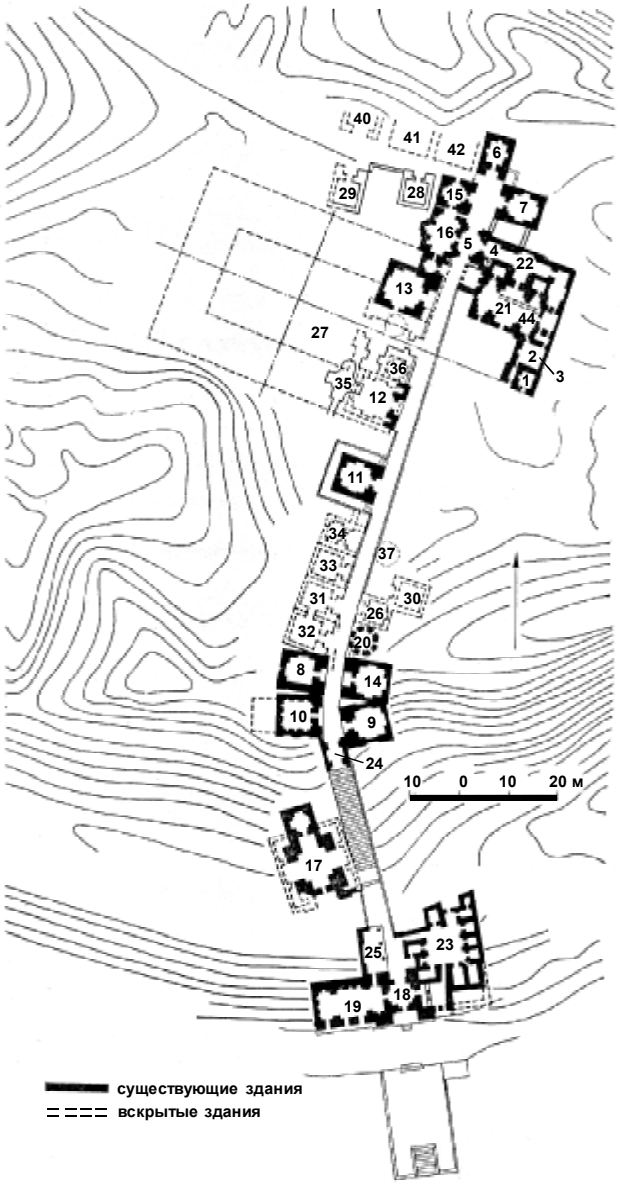
машады являлись важными духовными, идеологическими и культурными центрами городов и государства в целом.

Этот тезис хорошо иллюстрируют крупные культовые комплексы, в которых у машадов от имени правителей возводились медресе, ханака, устанавливались мавзолеи светских лиц. Ярким примером является машад Кусама в Самарканде, действовавший в одном комплексе с правительственным ханифитским медресе Кусамийа, выстроенном в 1066 г. от имени Тафгач Бугра-хана Ибрахима – одного из первых тюркских правителей – Караханидов в Мавераннахре.[19] В XI-XII вв. около машада Кусама, кроме медресе Кусамийа были возведены богато отделанные резной неполивной терракотой и резным ганчем гробницы высшей духовной и светской знати, сложился привилегированный караханидский некрополь.

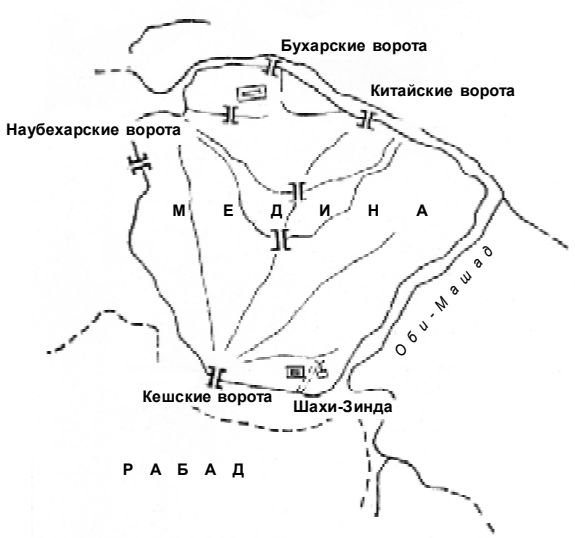
На основе машада Кусама, благодаря его огромной роли в жизни мусульманского общества в последующие века сложился знаменитый архитектурный ансамбль Шахи-Зинда. Целое тысячелетие, с XI в. до наших дней культ Кусама ибн-Аббаса не теряет своего значения. При этом термин *машад* применительно к гробнице Кусама давно вышел из обихода, в позднесредневековой литературе не встречается, с конца XV в. его заменило новое название: Мазари-и Шах,[20] позже – Шахи-Зинда (Живой царь). На всех этапах истории Самарканда паломничество к гробнице Кусама не иссякает, меняется лишь его форма, качество и количество пожертвований. Это отдельная, очень интересная тема.

С XIX в. ансамбль Шахи-Зинда – предмет интереса ученых-ориенталистов, европейских художников *(Илл.1).* В XX в. Шахи-Зинда стал одним из главных архитектурных памятников Самарканда, посещаемых туристами всего мира и объектом масштабных исследовательских и реставрационных работ. Весь ансамбль и его культовая основа (машад Кусама) хорошо изучены археологически.[21] Вскрыты исчезнувшие с лица земли здания XI-XII, XIV-XVII вв, выявлены и определены этапы сложения, преобразований и реконструкций, которые произошли здесь с XI по XX в. Установлено, что планировочная композиция ансамбля Шахи-Зинда была определена исторической топографией юга Самарканда (улицы, дороги, водные магистрали, крепостная стена города и т.д.), сложившаяся здесь задолго до появления религиозно-культового центра города *(Илл.2).*

По машаду Кусама есть целый ряд средневековых письменных данных, в том числе редчайший юридический документ – вакуфный акт XI в.[22] Этот уникальный памятник средневековой истории и культуры является универсальным для понимания машадов вообще, их архитектуры и роли в жизни народов Средней Азии. В этом вакфе впервые документально зафиксирован термин «машад Кусама», позволивший не только понять природу сложившейся на юге Самарканда святыни, но и правильно интерпретировать топонимы и гидронимы



Илл.2. План-схема ансамбля Шахи-Зинда (до реконструкции 2004-2005 гг.).



Илл.3. План-схема городища Афрасиаб (Самарканд VII в. до н.э. – XIII в. н.э.).

средневекового Самарканда в округе Шахи-Зинды.

Значение машада Кусама для домонгольского Самарканда было столь велико, что термин машад распространился на близлежащие части города и существует до сих пор. Южные Кешские ворота в XI-XII в. назывались воротами Машхад, канал у восточного подножья Афрасиаба до сих пор называется Оби-Машад (в доисламское время – Оби Мугон). Жилой квартал на юге Самарканда, где был возведен машад Кусама, в XI –XII вв. назывался кварталом Машад.[23] *(Илл.3).*

Машад Кусама связан с мнимой могилой Кусама ибн Аббаса – одного из первых миссионеров ислама в Средней Азии. Он прибыл в Самарканд с войсками арабов в последней четверти VII в., еще до окончательного взятия города арабами, и там погиб от рук кафиров (немусульман) во время намаза, как гласят многочисленные легенды и предания. Кусам ибн-Аббас – реальное историческое лицо, упомянутое в источниках IX в.(Табари, Белазури). Его имя и дата гибели (676/677 г.) вплетена в орнаментальную композицию майоликового намогильника конца XIV в. (периода правления Тимура) в гурхане комплекса Кусама. Эта же дата (56 г. хиджры) зафиксирована в историческом сочинении Ибн ал-Асира (XII в.), сообщающем о том, что Кусам ибн-Аббас пришел в Самарканд вместе с Саидом б.Османом и был убит.[24]

Легенды и предания повествуют о том, как войско Кусама ибн-Аббаса во время намаза было перебито кафирами, но с самим Кусамом произошло чудо – перед ним раскрылся михраб и он скрылся в нем. По другим легендам, Кусам взяв в руки свою отрубленную голову, спустился в колодец (пещеру), где и живет до сих пор.[25] Народный вымысел здесь причудливо переплелся с реальными событиями, которые происходили во времена первых арабских походов и первых мусульманских проповедей в городах Средней Азии.

Кусам ибн-Аббас был двоюродным братом пророка Мухаммеда и, кроме того, его ближайшим сподвижником. Шахидов, погибших за веру на раннем этапе становления новой религии было много, но, учитывая его родственную связь с пророком, именно в его честь в XI в. на юге Самарканда был возведен машад, а само имя Кусама ибн-Аббаса не без участия Аббасидов увековечено в истории ислама, как одного из главных святых. Ал-Кусам был не только кровным родственником пророка, но схож с ним лицом и характером, как сообщает надпись на мозаичное панно XV в. над входом в комплекс Кусама. Посвятительная надпись, якобы от имени пророка (возможно, из хадисов?), гласит:

«Сказал пророк арабский, хашимитский, корейшитский, мекканский, мединский, привет ему: Ал-Кусам ибн ал-Аббас больше всех людей похож на меня внешностью и характером».[26]

Комплекс Кусама ибн-Аббаса был возведен в северной части Шахи-Зинды, как показали археологические исследования, спустя примерно три с половиной – четыре столетия после его смерти. Время основания этого машада в начале XI в. точно определено на основе стратиграфических данных. Ансамбль Шахи-Зинда, в том числе гурхану с мнимой могилой ал-Кусама подстилают культурные слои периода обживания городища в IX–X вв. со всеми атрибутами быта (глинобитные стены, бадрабы, водопровод и канализация из керамических кубуров, огромное количество глазурованной керамики, монеты)

Ни могилы VII в., ни вообще раннеарабского кладбища этого времени (племени бану-Нахия по данным Кандийи) непосредственно под ансамблем Шахи-Зинда и под гурханой комплекса Кусама нет. Территория эта, как говорилось, являлась жилым кварталом вплоть до конца X–начала XI вв. При археологических исследованиях в гурхане под майоликовым намогильником XIV в. расчищено непотревоженное (в анатомическим порядке) погребение XI–XII вв., которое исключает перезахоронение останков VII в.[27] Это погребение XI в. под намогильником XIV в. – одна из загадок Шахи-Зинды. Как видно, захоронения шейхов или других известных духовных лиц в гурхане с фиктивной могилой святого не противоречило нормам ислама.

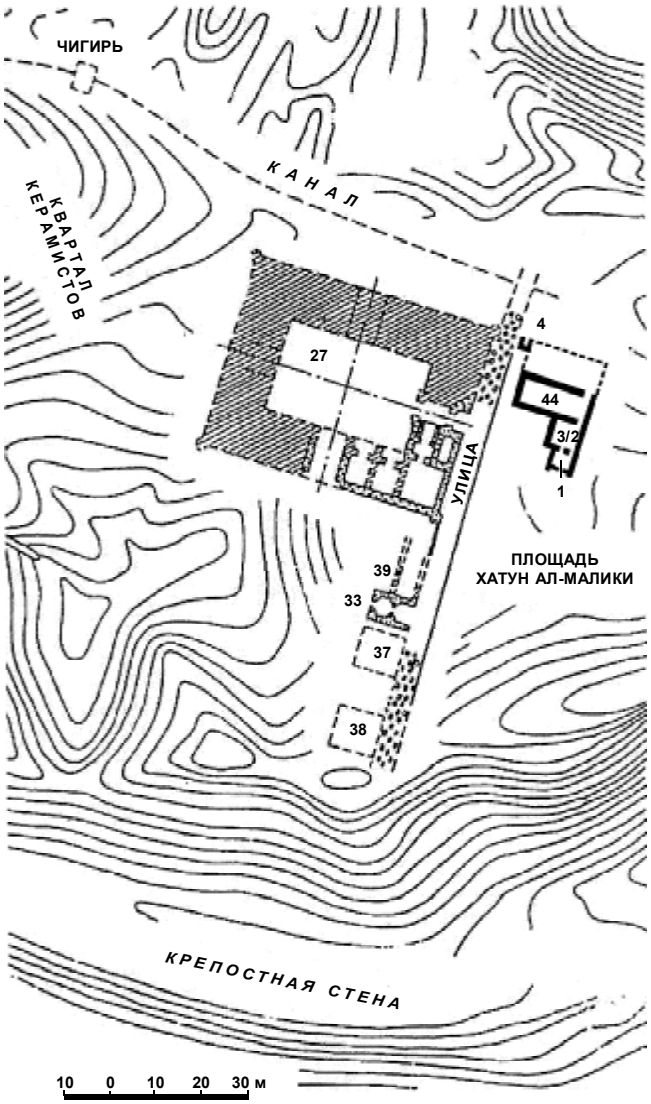
Машад Кусама являлся классическим средневековым машадом Средней Азии, местом почитания канонизированного в исламе святого, установленным не над могилой, а на месте, выбранном шейхами, удобном для зиарата (как и в Египте, по данным И. Гольдциера). Действительное захоронение Кусама ибн Аббаса в VII в., как сообщает Малая Кандийа, было на юге Самарканда, на кладбище первых арабов из племени бану-Нахийа.[28] Смутные данные Малой Кандийи позволяют думать, что это кладбище арабов располагалось где-то поблизости от южных городских ворот,[29] между теперешней Шахи-Зиндой и мечетью Хазрети-Хызр. Там же находилась самая ранняя в Самарканде мечеть Мухаммеда ибн-Васы. «Поблизости от Железных ворот похоронено много известных мучеников за веру и место это внушает страх и уважение. Все население почитает это место».[30]

Кладбище Бану-Нахийа, независимо от точной локализации, было неподалеку от Шахи-Зинды. Малая Кандийа, составленная в XII в., дошла до нас в редакции XV в. и вследствие этого не дает точных ориентиров. Существующее вокруг Шахи-Зинды самое старое, постоянно действующее вот уже 14 веков мусульманское кладбище Самарканда стерло признаки исторической топографии и не оставило никаких следов его древнейшей основы – кладбища Бану-Нахийа.

К XI в. реальная могила Кусама ибн Аббаса VII в., как и кладбище Бану-Нахийа обросли, надо полагать, другими могилами и культовыми постройками. Малая Кандийа сообщает о могилах (мазарах) шейхов и правителей мусульманских.[31] По преданию на ранних могилах мусульман полагался небольшой земляной холм с шестом в головах и чем больше стиралась могила с поверхности земли, тем большую святость она приобретала. Не исключено, что могила Кусама как-то была оформлена: может быть, сооружена сагана, которая к XI в. уже не соответствовала масштабам сложившегося здесь ритуала.

Зиарат XII в. (и более позднего времени) подробно описан в Малой Кандийи. Каждый желающий поклониться могиле царевича Кусама, сына Аббаса должен совершить полное омовение, затем войти со стороны Железных ворот (явно указание на послемонгольский период), где стояла мечеть ибн Васы с катакомбой (сохранялась еще первая мечеть Самарканда VII-VIII вв.). Далее подробно описан путь зиарата со всеми молитвами, просьбами о нуждах, лобызанием порогов гробниц похороненных здесь правителей (караханидский некрополь XI–XII вв. у машада раскопан в 60-е годы XX в., частично в 2004 г.) вплоть до гробницы Кусама. Термин машад при этом в Малой Кандийи уже не упомянут. Приблизившись к месту упокоения царевича Кусама надо войти в мечеть (с северной стороны комплекса) и совершить там два раката намаза. Затем следует изложение молитвы, обозначаются суры Корана, которые надо произнести перед вступлением к святыне. Подробные описания зиарата в основном довольно четко вписываются в известную планировочную структуру этого комплекса.

Поклонения могиле Кусама, жертвоприношения в начале XIV в. ярко описаны марокканским паломником Ибн Баттутой, посетившего Шахи-Зинду в 1335 г. В те времена это была уже загородная святыня, где полностью сохранялись все культовые постройки XI–XII вв., принадлежавшие, видимо, духовенству и караханидской знати (они раскопаны вдоль дорожки-коридора по оси север-юг[32]). Жители города, сообщает Ибн Баттута, приходят поклониться могиле Кусама каждый вечер в понедельник и пятницу. Татары тоже приходят сюда, дают огромные пожертвования, приво-



Илл.4. Ансамбль Шахи-Зинда в XI–XII в.:
1 – гурхана комплекса Кусама;
3/2 – зиаратхана с чилляханой в подпольной части комплекса Кусама; 44 – мечеть XI в. в комплексе Кусама, вскрытая под существующей мечетью XV в.; 4 – минарет XI в. в комплексе Кусама); 27 – медресе Кусамийа 1066 г. у машада Кусама; 33-37-38-39 – вскрытые конструкции и декор XI –XII вв.

дят коров и баранов, приносят дирхемы и динары, которые расходуются для угощения паломников и служителей благословенной могилы.[33]

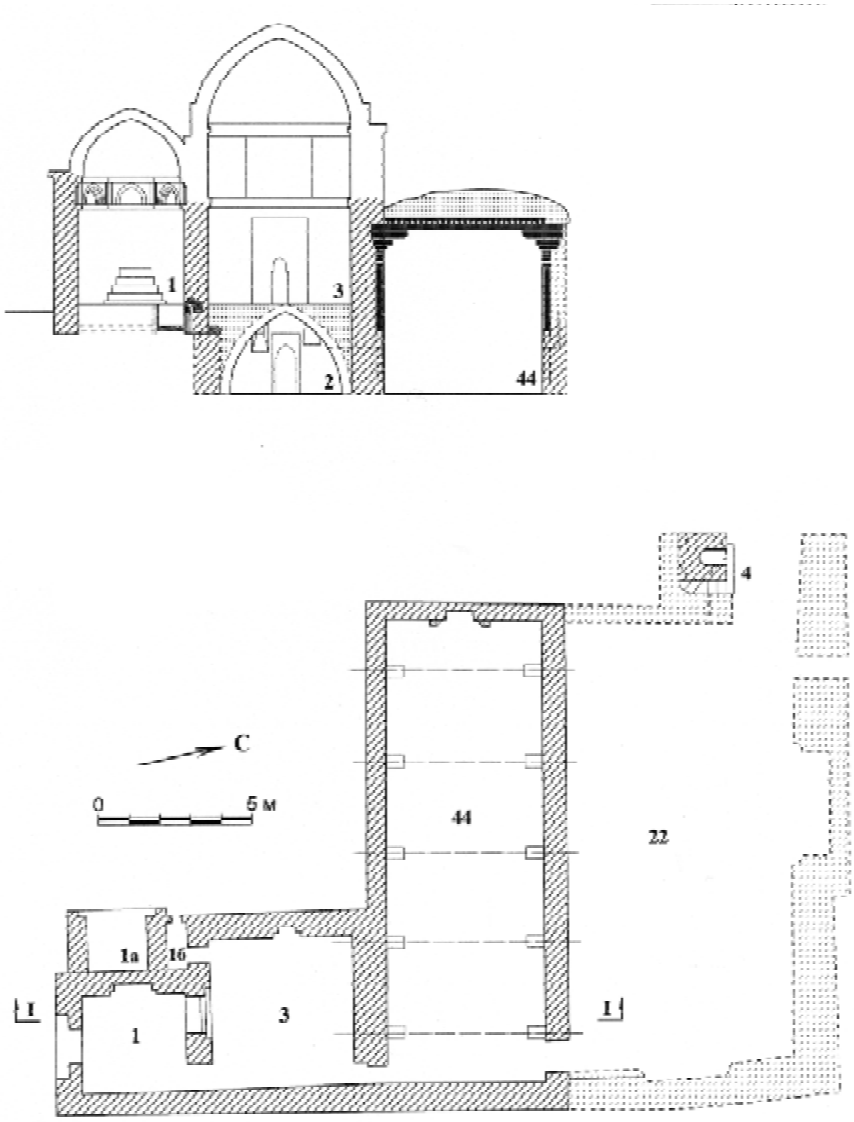
Главный фасад и вход в машад Кусама располагался с северной стороны и был обращен к каналу. Ибн Баттута еще застал эту ситуацию. Снаружи гробницы Кусама течет большой арык, по берегам его жилища для путешествующих, сообщает марокканский паломник. «Татары еще в то время, когда были язычниками, ничего не изменили в этой святой гробнице и даже стали почитать ее, будучи свидетелями ее чудес».[34]

Сведения Ибн Баттуты дополняют данные Малой Кандийи и очень важны для реконструкции истории машада Кусама в монгольское время. Оба этих источника рисуют довольно ясную ситуацию у гробницы Кусама в XII–XIV вв., которая с полным основанием проецируется и на более ранний, и на более поздний периоды. Раскрывается живая, исторически достоверная картина одной из сторон жизни местного населения, связанная с машадом Кусама.

Наиболее древнее архитектурное ядро ансамбля Шахи-Зинда – комплекс Кусама ибн Аббаса представлен компактной группой взаимосвязанных помещений, выстроенных одновременно, слитых в единый и целостный объем. Здесь нет архитектурно разработанных фасадов, портальных входов, следов внешнего декора. Сложный и выразительный конгломерат нарастающих к центру разномасштабных объемов выдержан в однородной серовато-желтой фактуре кирпичной кладки. Аскетизм внешнего облика машада Кусама особенно диссонирует на фоне блестящих мавзолеев ансамбля XIV–XV вв. с голубыми куполами и входными порталами, покрытых глазурованной цветной майоликой и мозаикой.

Машад Кусама был установлен в XI в. на пересечении канала и дороги-улицы, выявленных археологически, в юго-восточной четверти перекрестка, на берегу канала *(Илл.4).* Главная входная часть была обращена на север к водному руслу и, надо полагать, к дороге вдоль него (направление запад-восток). Состав помещений комплекса был определен сложившемся в исламе обрядом поклонения святым местам. Главным помещением была гробница Кусама (гурхана). К ней с севера примыкала (с общими смежными стенами) зиаратхана с полуподземной чилляханой в подпольной части для сорокадневного поста. Планировочную композицию с севера завершала каркасная мечеть в одном уровне с чилляханой. Остатки стен мечети XI в. вскрыты под существующей большой мечетью XV в. *(Илл.5-6).*

Мечеть XI в. имела, судя по остаткам деревянных конструкций, плоское перекрытие, была отделана резным деревом, части которого в виде резного деревянного фриза и консолей обнаружены при исследованиях на северной стене зиаратханы на всю высоту.[35] Композицию завершал небольшой цилиндрический минарет у северо-западного угла мечети, обращенный орнаментированной лицевой стороной на север, к каналу. Вполне очевидно, что минарет конструктивно был связан с мечетью, но сейчас этот участок застроен более поздними помещениями и недоступен для исследований. Эта уникальная двухярусная структура комплекса (с перепадом в уровнях на 2,5 м.) вписана в неровный рельеф местности, который был гени



Илл.5-6. Комплекс Кусама ибн Аббаса в XI в. (разрез I-I по оси север-юг и план с элементами реконструкции, графика Р.Тохтаева):
1 – гурхана; 1а – поминальная ниша; 1б – вход в чилляхану; 2 – чилляхана; 3 – зиаратхана; 4 – минарет; 22 – помещение XI-XII вв. 44 – мечеть XI в. с резным деревом в системе перекрытия.

ально обыгран зодчим для решения единого архитектурного организма.

В отличие от монотонных, лишенных признаков времени фасадов, интерьеры комплекса более живописны. Гурхану в XI в. украшал резной деревянный кенотаф, инкрустированный самоцветами и по углам обитый серебром. Над ним, как сообщает Ибн Баттута, было три серебряных светильника. В конце XIV в. при Тимуре здесь установили трехступенчатый майоликовый намогильник с арочным завершением, существующий и сейчас. При исследованиях гурханы, много раз обновлявшейся в интерьере, найдены фрагменты декора (расписная панель, вымостка пола из голубых изразцов).

С севера от гурханы располагалась обширная зиаратхана XI в., перекрытая в 1335 г. новым куполом из полихромной майолики. Плоское перекрытие полуподземной чилляханы в это же время было заменено сводом. Севернее зиаратханы в одном уровне с чилляханой располагалась каркасная мечеть XI в. с плоской кровлей, отделанной резным деревом. От перекрытия этой мечети на северной стене зиаратханы сохранились деревянные инженерные конструкции – резная деревянная консоль, завершенная стилизованной головой барана[36] и деревянный резной фриз с эпиграфическим орнаментом в стиле «цветущего куфи» с обрывком исторической надписи.[37] *(Илл.7-8).*

Видимо, резным деревом был украшен и михраб в западной стене (он вскрыт в черновой кладке). Резные деревянные детали были разобраны при строительстве существующей сейчас мечети XV в. и использованы в качестве перемычек над окнами и дверьми, а часть обломков резного дерева оказалась под полом *(Илл.9).*

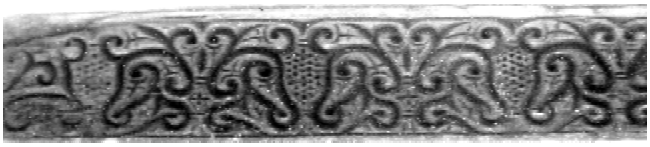
Декором из кирпичных изразцов с северной лицевой стороны был облицован цилиндрический минарет, завершающий комплекс в северо-западной части, сохранившийся на всю высоту до наших дней.[38]

В последующие столетия эта главная святыня ансамбля не раз ремонтировалась, но основная изначальная объемно-планировочная структура комплекса сохранилась с XI в. почти неизменной. Как самая почитаемая часть Шахи-Зинды, она во все времена была предметом внимания духовенства и правителей.

В 60-е годы XX в. были раскопаны остатки медресе Кусамийа. Выявлена и реконструирована схема его планировочной композиции, общие параметры (55×44 м.), строительные приемы и художественная отделка.[39] *(Илл.10, 11).* Ко времени строительства медресе Кусамийа машад существовал, видимо, уже не один год. Из вакфа XI в. следует, что в медресе Кусамийа преподавалось обязательное для всех ду

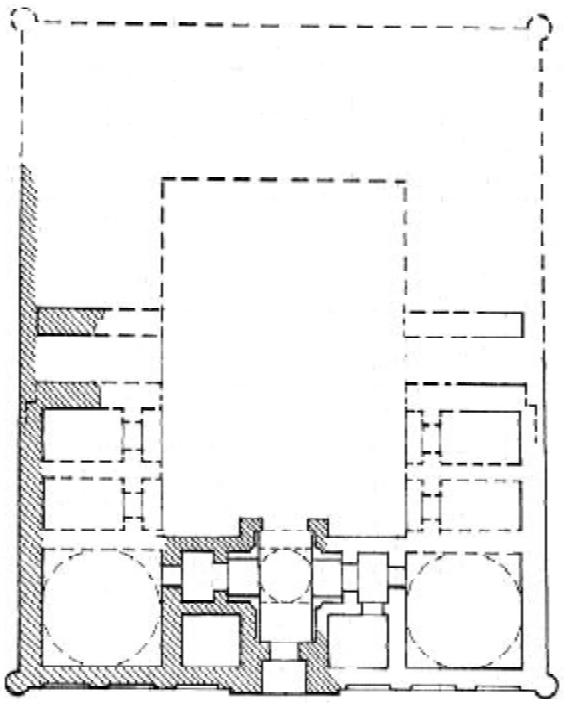
Илл.7. Резная деревянная консоль из мечети XI в.

Илл.8. Деревянный фриз из мечети XI в. с фрагментом эпиграфики: «Да простит Аллах его, его родителей и всех мусульман. О милостивый из милостивых! В [месяце] мухарраме…».

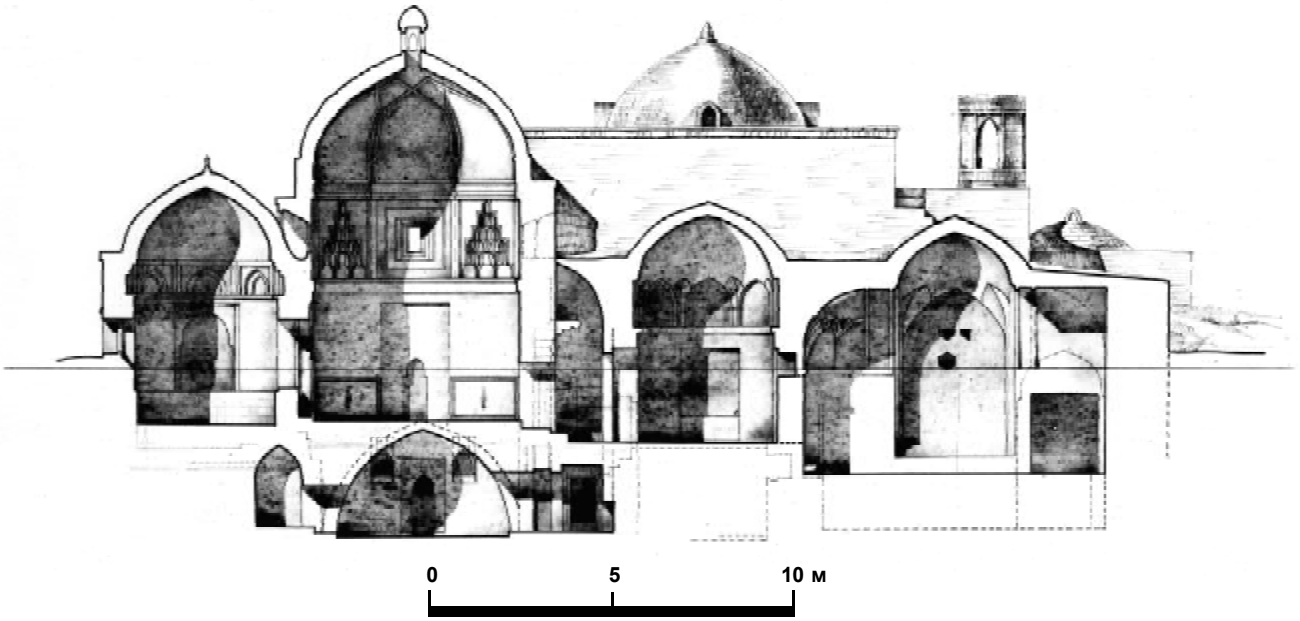


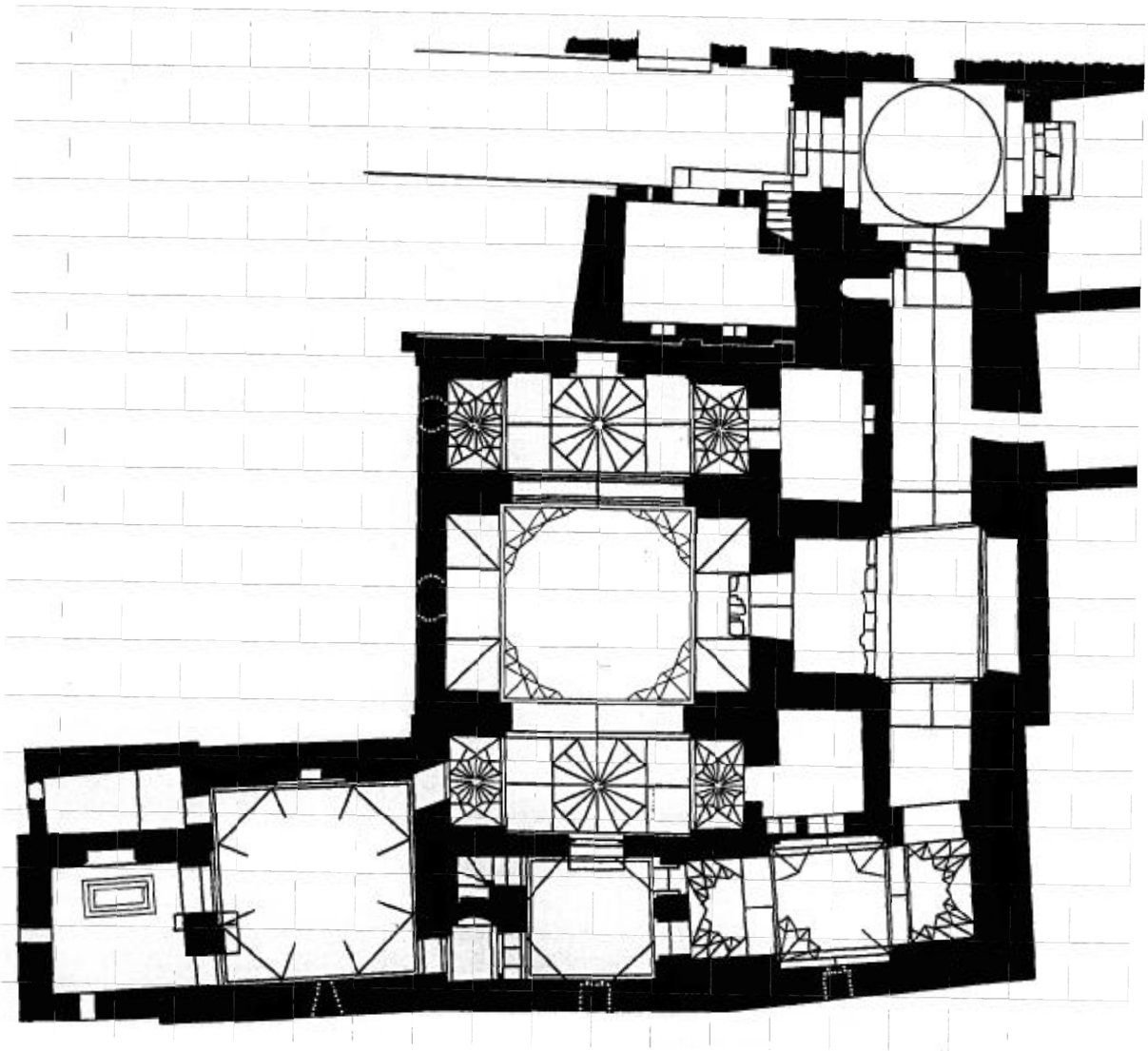
Илл.9. Орнаментальная деталь деревянного фриза из мечети XI в.

Илл.10. Фрагмент облицовки входного айвана медресе Кусамийа 1066 г.(кирпичные изразцы в сочетании с резным ганчем).



Илл.11. Медресе Кусамийа 1066 г., план (зашрихована вскрытая ю-в часть).





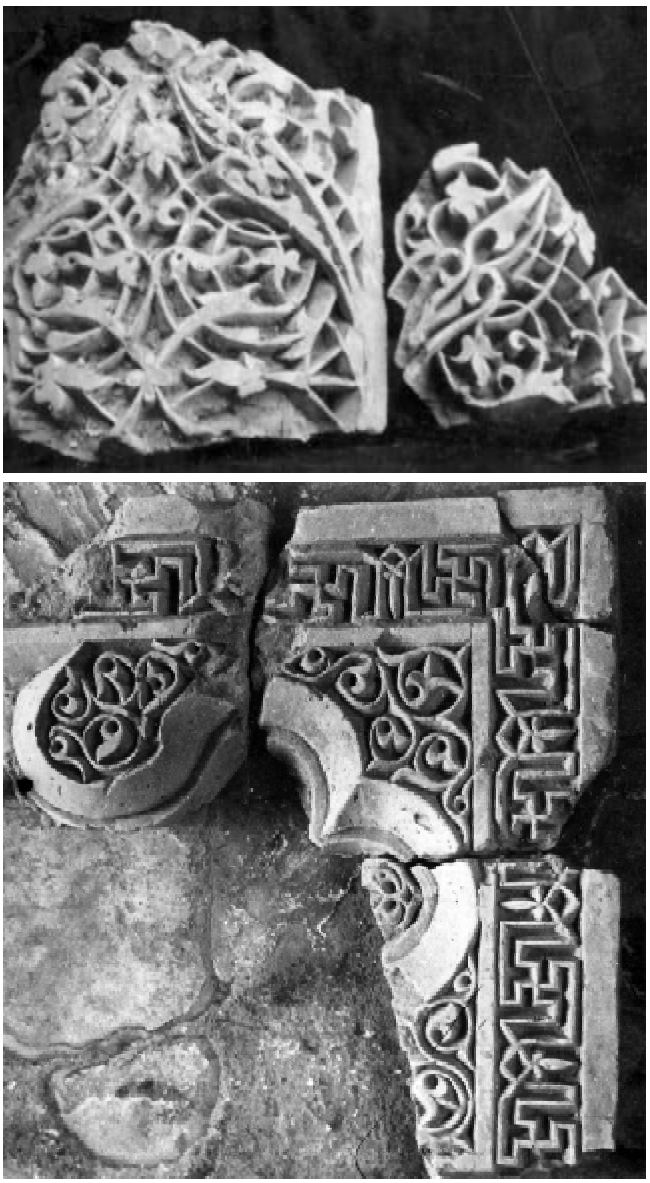
Илл.12-13. Комплекс Кусама ибн Аббаса в XV в. (разрез по оси север-юг и план).

ховных школ в исламе богословие и, одновременно, светские дисциплины. В этом вакфе в связи с распределением завещанных средств четко фиксируется число помещений в медресе: перечисляются мечеть, дарсхана, помещения для изучения шариата, священной Книги, зал для декламации Корана (*дар ал-хуффаз*), аудитория для изучения адаба, небольшие помещения (*худжра*) для проживания студентов, библиотека, дворик и сад.[40]

В градостроительном отношении машад Кусама и медресе Кусамийа, установленные визави, представляли собой ансамбль *кош* – планировочный прием, получивший в дальнейшем в Средней Азии широкое распространение.

Второй важный период в жизни святыни относится к XIV–XV вв. и связан со сложением существующего в наше время ансамбля Шахи-Зинда. Так как еще в XIII в. население покинуло Афрасиаб, культовый центр у машада Кусама превратился в загородный царский некрополь. Источники не сообщают об особой роли культа Кусама в это время, но акцент явно изменился, особенно в 80-90-е годы XIV в. – период массовой застройки гробницами царской семьи. В XV в. на месте мечети XI в. выстроена большая мечеть, в XIV в.(1334/35 г.) появился новый купол над зиаратханой, в подпольной чилляхане вместо плоского перекрытия XI в. появился свод. С северной и восточной стороны комплекс на одном из этапов своей истории был закрыт сводчатым обводным коридором *(Илл.12, 13).* Хотя комплекс Кусама ибн Аббаса при Тимуридах несколько раз перестраивался и ремонтировался, с другими сооружениями XI–XII вв. уже не церемонились. На месте зданий караханидской эпохи появились портально-купольные мавзолеи родственников самого Тимура по женской линии (жены, сестры, племянницы) и эмиров – крупных военачальников его прославленной армии (Эмир-заде, эмир Бурундук, эмир Хусейн). Караханидский ансамбль при Тимуре был разобран на кирпич, часть зданий XI в. вмурована в стены мавзолеев XIV в.(медресе Кусамийа), другая почти снесена до основания. При раскопках найдены лишь основания стен и, главным образом, декор XI–XII вв. *(Илл.14, 15),* неприкосновенной оставалась только главная святыня – машад Кусама.

Общая планировочная композиция ансамбля, сложившаяся в XI–XII вв. вдоль дороги север-юг в пределах крепостных стены города, в XIV–XV вв. сохранилась. В начале XV в. в планировочной композиции ансамбля север-юг возникло новое направление – запад-восток. Появился условно названный «западный коридор», застроенный однокамерными



Илл.14-15. Фрагменты резной неполивной терракотвы XI-XII вв. из Шахи-Зинда.

мавзолеями вдоль действующего еще в это время канала.

В 30-е годы XV в. при Улугбеке застроен внешний склон Афрасиаба, возникла парадная нижняя группа зданий с монументальным портальным входом и группой смежных помещений. С западной стороны в это же время выстроен самый эффектный памятник Шахи-Зинды – двухкупольный мавзолей «матери Султана», как гласит надпись на портале.[41] В гурхане мавзолея, как показали исследования, похоронена молодая придворная дама примерно 35 лет. Внешний склон городища (на месте теперешней одномаршевой лестницы) оформляется тремя террасами, отделанными мозаикой. Перед входным порталом XV в. за дорогой была выстроена баня для зимних омовений (вскрыта в 2004 г. при реконструкции ансамбля).

На протяжении последующих столетий, вплоть до XIX в. ансамбль застраивался небольшими погребальными сооружениями. Это примитивные по архитектуре мавзолеи без облицовки, из сборного материала, сагана, дахма, которые принадлежали средней социальной прослойке населения Самарканда и духовенству. В XVIII в. в нижней группе возникло небольшое медресе, в начале XIX в. – летняя мечеть айванного типа.

Обряд поклонения святыне также менялся на протяжении столетий. В средние века это сугубо религиозная святыня, зиарат к которой был четко регламентирован. В XX в. значение и роль машада в глазах местного населения не снизилась, но при сохранении главных традиционных элементов зиарата появились новые формы почитания святыни, которые в последние десять лет включают в обрядовую систему свадебные церемонии, посещение гробницы молодоженами. Возникли и другие формы и оттенки культа, которые могут представлять интерес для исследователей социальной антропологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гольдциер И.* Культ святых в исламе. М., 1938, с.110.
[2] Там же, с.109.
[3] Там же, с.109-111.
[4] *Муминов А.К.* Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003, с.148.
[5] *Снесарев Г.П.* Хорезмийские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983, с.52-53.
[6] *Гольдциер И.* Указ. соч., с.112.
[7] Там же, с.113.
[8] *Немцева Н.Б.* Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана // СА, 1969, №3, с.171-185.
[9] Атрибуция памятника в качестве средневекового медресе, равно как и строительная периодизация и датировка (*Хмельницкий С.* Ходжа Машад. Берлин-Рига. 2001, с.159-171) противоречат данным археологических и историко-архитектурных исследований (*Немцева Н.Б.* Многофункциональный мемориально-культовый комплекс Ходжа Машад на юге Таджикистана // ОНУ, 1995, № 5-8, с.122-134.
[10] *Гольдциер И.* Указ соч., с.107.
[11] *Демидов С.М.* Машад-ата // Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энц. словарь, вып. 4. М., 2003, с.47-48
[12] *Бартольд В.В.* Соч., т. 1, М., 1963, с.315–316, 373.
[13] *Casimir M.J., Glatzer B.* Sah-i Mashad, a Recently discovered Madrasah of the Ghurid Period in Gargistan (Afghanistan) // East and West, 1971, 1-2, p.53-66.
[14] *Гольдциер И.* Указ. соч., с.114-116.
[15] *Аликберов А.К.* Кырхлар // Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энц. словарь, вып.3. М., 2001, с.62-63.
[16] Там же.
[17] *Немцева Н.Б.* Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре (к истории архитектурного комплекса). Бухара, 2003, с.34-45.
[18] *Бартольд В.В.* Указ. соч., с.378, сл.
[19] *Немцева Н.* Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде // Афрасиаб, вып. III, Ташкент, 1974, с. 99, сл.
[20] *Бартольд В.В.* Указ. соч., с.143.
[21] *Немцева Н.Б., Шваб Ю.З.* Ансамбль Шахи-Зинда (историко-архитектурный очерк). Ташкент, 1979.
[22] *Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б.* Два самаркандских вакфа середины XI в. // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины, в.2. М., 1994, с.48, сл.
[23] *Волин С.Л.* Старейшие письменные известия о Шахи-Зинде // Известия УзФАН, 1940, II, с.69.
[24] *Бартольд В.В.* Указ. соч., с.142.
[25] *Лапин С.А.* Шах-и Зинда и его намогильный памятник // Справочная книжка Самаркандской области, вып.IV, Самарканд, 1896, с.39.
[26] *Шишкин В.А.* Надписи в ансамбле Шахи-Зинда. // Зодчество Узбекистана, вып.II., Ташкент, 1970, с.42-43.
[27] *Немцева Н.Б.* Ансамбль Шахи-Зинда в XI–XII вв. // Зодчество Узбекистана, вып. II. Ташкент, 1970, с.130.
[28] Малая Кандийа (перевод В.Л.Вяткина) // Справочная книжка Самаркандской области, вып.VIII. Самарканд, 1906, с.260-262.
[29] Название южных ворот Железными, видимо относится к редакции Малой Кандийи XV в. (Малая Кандийа датируется XII–XV вв.) О лаколизации Кешских Железных ворот Самарканда см.: *Немцева Н.* Медресе Тапмгач Богра-хана в Самарканде, с.128, пр.41.
[30] Малая Кандийа, с.246.
[31] Там же, с.261-262
[32] *Немцева Н.Б.*. Ансамбль Шахи-Зинда в XI–XII вв., с.145, сл.
[33] Путешествия Ибн Баттуты. Арабский мир и Центральная Азия. Ташкент, 1996, с.278.
[34] Путешествия Ибн Баттуты, с.278.
[35] *Немцева Н.Б.* К истории сложения комплекса Кусама б. Аббаса (новые данные) // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002, с.185, сл.
[36] *Немцева Н.Б.* Легенды и предания как исторический источник в изучении памятников зодчества Узбекистана // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004, с.115-118.
[37] *Шишкин В.А.* Надписи в ансамбле Шахи-Зинда, с.51-52.
[38] *Немцева Н.Б., Шваб Ю.З.* Ансамбль Шахи-Зинда, с.92.
[39] *Немцева Н.Б.* Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде, с.99, сл.
[40] *Большаков О.Ф.* Два вакфа Ибрахима Тамгач-хана в Самарканде // Страны и народы Востока. вып.X. М., 1971, с.172.; *Немцева Н.Б.* Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде, с.134.
[41] *Немцева Н.Б.* Новая интерпретация так называемого мавзолея Казы-Заде Руми в ансамбле Шахи-Зинда // СА, 1981, № 4, с.126-140.

БУХАРА И РАЗВИТИЕ СТАРЫХ ГОРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ*

И.И.НОТКИН

Попытка осветить столь сложную и емкую тему, как формообразование средневековых городов среднеазиатского региона предполагает переход от накопления отдельных фактов исторической топографии исследуемых поселений к их обобщению. Имеется в виду построение графических моделей непрерывного, преемственного развития города как многосложного организма, обладающего особой жизнестойкостью. В этом дедуктивном подходе обнаружение даже на одном из хорошо изученных нами объектов (Хива) цикличных закономерностей его преобразования позволяет проверить этот механизм на других городах, эволюция планировочной структуры которых представлена пока фрагментарно или разноречиво.

Так, по Бухаре, давно привлекавшей внимание исследователей, выдвинут ряд отличающихся друг от друга версий ее сложения и развития.[1] Расхождения относятся, главным образом, к количеству и абрису "колец роста" – крепостных стен, обрамлявших на разных этапах развития Бухары ее застройку. При этом каждая версия обладает своей более или менее развернутой аргументацией (средневековые письменные источники, археологические и этнографические изыскания, старые карты, натурные обследования). Большинство из них мне совместно с В.М.Филимоновым удалось изобразить в виде сопоставимых схем. Не отдавая пока предпочтения ни одной из упомянутых схем, отметим их некоторые недостатки.

Первый – это неожиданное сгущение "колец роста" северней шахристана (В.А.Шишкин, Л.И.Ремпель). Такое приращивание территории внутреннего рабада не характерно для рациональной средневековой фортификации.

Второй заключается в том, что не использован метод "свертывания" плана города к давно прошедшему времени, имея в иду добротную топосьемку Бухары с подробной спецификацией, выполненную русскими военными топографами Фениным и Парфеновым в конце XIX в.[2] В этом отношении пока статична обширная информация, полученная в результате недавних натурных исследований Бухары, опирающихся на этот план.[3]

Третий и главный недостаток ретроспективного анализа Бухары в том, что опущен или трактован весьма произвольно начальный этап формирования шахристана. Между тем, от того, как взаимодействовали между собой цитадель (арк, кухендиз) и примыкавшая к ней жилая застройка, как решалась фортификация этого поселения, во многом зависели его дальнейшие структурные преобразования. При этом имеется в виду, что во всех изначальных решениях среднеазиатского средневекового поселения действовал принцип его "прилепляющегося" развития. Он допускал снос малокапитальных сырцовых и глинобитных строений, но ориентировался на максимальное сохранение сложившихся дорог, их разветвление. Поэтому версия О.Г.Большакова о создании шахристана Бухары наподобие античного римского лагеря с жесткой прямоугольной мелкоквартальной сеткой внутренних связей, которая со временем лишь деформировалась средневековой строительной практикой, представляется мне совершенно неубедительной. Эта версия лишена и исторических аналогов на среднеазиатской почве, и стимулов преемственного градостроительства.

Полагаю, что более достоверными, опирающимися на местный исторический опыт могут быть две иные модели зарождения и развития Бухары: "семиреченская" и "хивинская".

Первая – "семиреченская", заключалась в том, что появление шахристана означало но

*От автора: Статья была подготовлена для Международной конференции под названием "Бухара – мифы, источники, архитектура и городская среда", которая состоялась в Бостоне (США) 9-10 ноября 1996 г. под эгидой Центра Ага Хана по Исламской Архитектуре при Гарвардском университете и Массачусетском Институте Технологии. Она была переведена на английский язык архитектором Георгием Левашовым, который сообщил мне из Бостона весьма благоприятный отзыв о статье руководителя конференции профессора Аттилио Петручоли. Однако по бюрократическим причинам Консульство США в Иерусалиме вовремя не выдало мне визу в США и мне не довелось присутствовать на конференции. В дальнейшем, не смотря на мои запросы в Бостон, мне не удалось получить материалы конференции, что дает основание автору предложить эту статью, перепечатанную без изменений с рукописи 1996 г., заинтересованному читателю "Культурных ценностей".

вый уровень урбанизации уже существовавшего поселения: группа свободностоящих на площади в 8-10 га глинобитных усадеб, каждая из которых была устроена в духе небольшого неприступного замка, объединялась прямоугольным (или близким к нему) кольцом крепостных стен с несколькими воротами.[4] Одна из наиболее укрепленных усадеб включалась в систему фортификации шахристана. При этом на периферии шахристана резервировались территории для последующего их уплотнения уже квартальной жилой застройкой (как в Пенджикенте), или для ведения сельского хозяйства.

В рамках этой урбанистической традиции, датированной археологами VI–IX вв., обнаружены фрагменты и двойных крепостных стен, и упрощенный прием защиты входа в поселение , когда "запиралась" улица, то есть роль канонизированных башенных ворот выполняли крайние жилые дома с утолщенными наружными стенами. Эту деталь важно помнить, имея в виду, что не всегда ворота в город, название которых упоминается в средневековых письменных источниках, означали устройство их как части мощных крепостных стен с бруствером и бойницами.

"Семиреченская" концепция возникновения Бухары укрепляется, если вспомнить слова авторитетнейшего историка X в. Мухаммеда Наршахи[5] о том, что жилые дома в Бухаре его времени были разбросаны как сельские усадьбы. К сожалению, это свидетельство Наршахи игнорируется современными учеными без доказательства его несостоятельности.

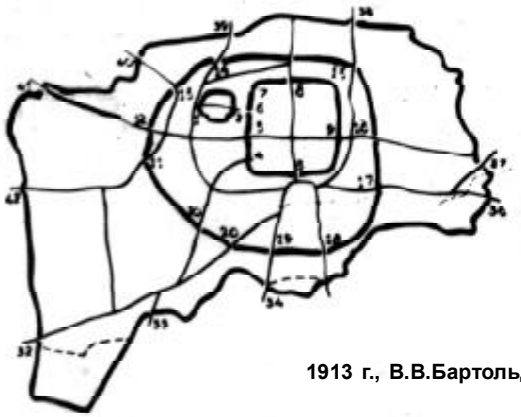
Косвенным подтверждением существования в центральной части Бухары до ее первой широкомасштабной реконструкции (XVI в.) крупных глинобитных строений, являются культурные наслоения в шахристане, достигающие 12-15 м. Недавнее понижение уровня дневной поверхности в районе торговых куполов Таки-заргарон (ювелиров) и Таки-тильпак фурушон (головных уборов) до первоначальных отметок XV, XVI вв. превысило рост человека. Перепады рельефа около мечети Калян (XII в.) уже достигают 2,5 м. Они малозаметны, так как оформлены ступенями, платформами, облегчающими многоуровневое восприятия ансамбля Пои-Калян. Эти ситуации отражают и саму технологию тогдашнего реконструктивного градостроительства на территории, занятой преимущественно глинобитным жилищем. Когда появлялась необходимость в новой строительной площадке, глинобитные и каркасные строения разбирались: все деревянные детали как дефицитный материал сохранялись для вторичного использования, а груды лёсса выравнивались в обоймах из камня или жженного кирпича, образуя субструкции, суфы для нового монументального сооружения – медресе, торгового пассажа или ханаки. По мере удаления от центра Бухары высота этих платформ заметно уменьшается. Вместе с тем, этот утилитарный прием эстетизируется и за пределами шахристана, когда террасирование архитектуры поддерживалось устройством рядом с медресе или мечетью хауза, облицованного крупными каменными ступенями. Отражение в воде обращенных к хаузу порталов, айванов, куполов иллюзорно наращивало по вертикали наземные архитектурные формы.

Вторая – "хивинская" модель градообразования примечательна тем, что многоэтапное формирование Ичан-калы – внутреннего города Хивы подкрепляется неоспоримыми документами – картами, выполненными русскими инженерами-топографами в 1740 г. (Назимов), в 1842 г. (экспедиция Г.И.Данилевского) и в 1873 г. (капитан Люсилин).[6]

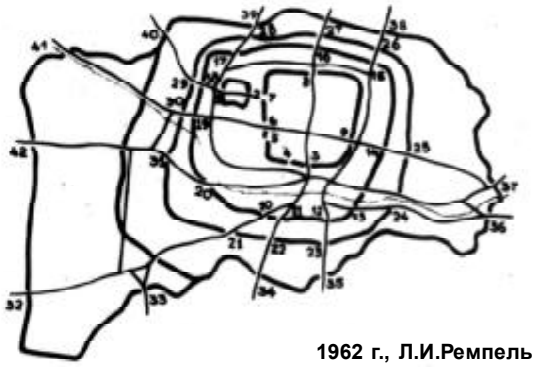
По этим картам видно также, что градостроительное возвышение Хивы (от устройства цитадели Куня-арк с примыкавшей к ней жилой улицей – до оформления внешнего города – Дишан-калы крепостной стеной с девятью воротами) протекало весьма интенсивно на относительно коротком отрезке времени (середина XVIII–XIX вв.). Здесь как бы в спрессованном виде представлен весь ход преемственного развития среднеазиатского средневекового города.

В письменных источниках упоминания о Хиве впервые встречаются у арабских географов X в. (ал-Истахри и ал-Мукадаси).[7] Хива в то время была небольшим провинциальным городком площадью меньше современной Ичан-калы (26 га). Об этом косвенным образом свидетельствуют старые кладбища (XIV в.) в южной части Ичан-калы у мавзолеев Сеид-Аллаутдина и Пахлаван-Махмуда, которые по местной традиции не устраивались в пределах селитебной территории. И даже в XVII в., когда Хива становится единственной столицей Хорезма, путешественники отмечают весьма скромный уровень экономики этого края.

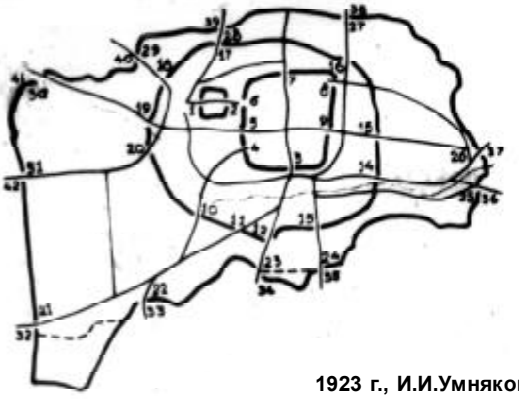
О действительных размерах Хивы 1740 г. и ее пространственно-планировочной организации, можно судить по глазомерной съемке Назимова, сопровожденной краткой аннотацией. Город тогда замыкался пахсовой стеной "…вышиной не менее пяти сажень, шириной в два сажени. Зубцы в два аршина шириной и был вытянут с Запада на Восток примерно на 500 сажень, а с севера на юг на 350 сажень. Почти всю ширину западной части города занимал "замок". К нему от единственных восточных городских ворот вела несколько изломанная главная улица, по обеим сторонам которой в кварталах находились "строения обывательские".[8]



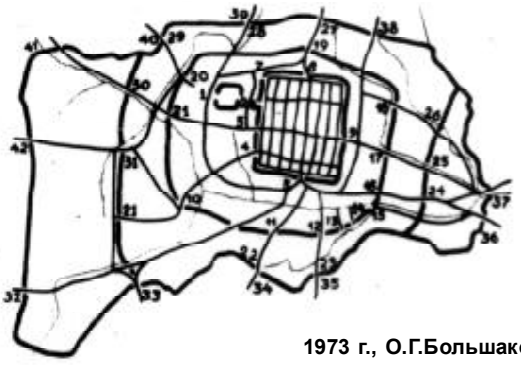
1913 г., В.В.Бартольд



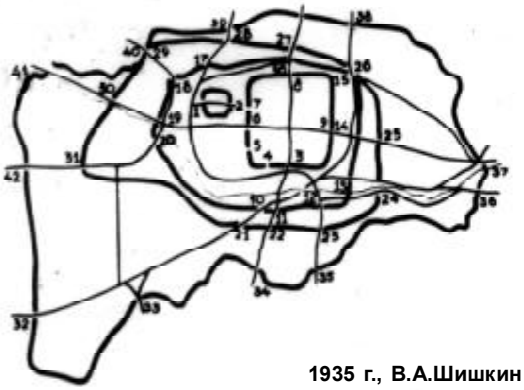
1962 г., Л.И.Ремпель



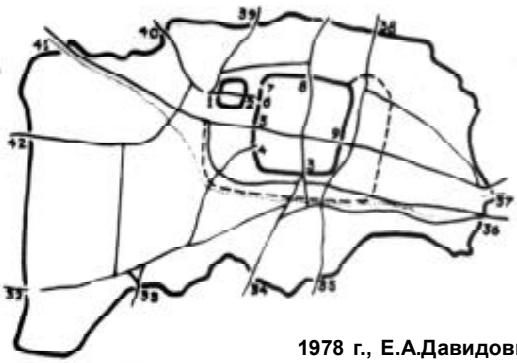
1923 г., И.И.Умняков



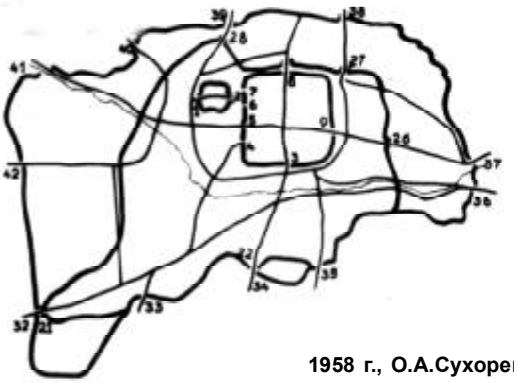
1973 г., О.Г.Большаков



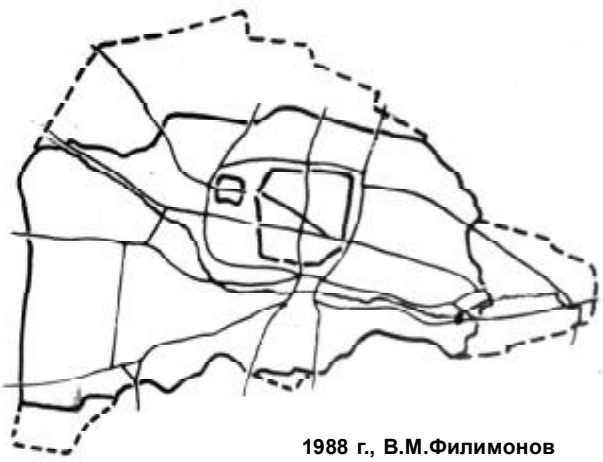
1935 г., В.А.Шишкин



1978 г., Е.А.Давидович



1958 г., О.А.Сухорева



1988 г., В.М.Филимонов

Рис.1. Различные версии исторической топографии «колец роста» Бухары.

Можно дискутировать по поводу точности измерений Назимовым контуров тогдашней Хивы, однако совершенно очевидно, что сохранившаяся до наших дней старая крепость (Куня-арк), ставшая частью западной стены Ичан-калы, по своим общим пропорциям и основным членениям плана полностью соответствует начертаниям "замка" 1740 г. Таким образом, упрочивается достоверность всего плана Назимова, его содержание: "замок" являлся своеобразной "пуповиной", давшей жизнь городскому организму в его начальном линейном развитии.

В связи с привлечением к истории сложения Хивы этого малоизвестного плана теряют реальную почву утвердившиеся в специальной литературе представления о Хиве как городе, сохранившем схему классического античного шахристана с четкими прямоугольными габаритами и четырьмя воротами, к которым ведут две взаимно перпендикулярные улицы. Более того, даже по плану, выполненному через сто лет (экспедиция Данилевского, 1842 г.), когда значительно расширилась центральная часть Хивы, а территория пригорода была обведена второй наружной стеной, видно, что доминирующее значение в Ичан-кале сохраняла дорога "запад–восток" и крестообразная схема главных коммуникаций шахристана не получила своего развития, так как у южной его стены раскинулось озеро и ворот здесь в то время еще не было. Они появились только в последней четверти XIX в., когда было частично осушено озеро, пополнявшееся сбросовыми водами канала Зейкаш.

В намеченной схеме созревания Хивы, отчетливо проявляется регулирующая роль каналов Як-яб, Сырчалы и основных дорог, которые издавна соединяли Хиву с сельской периферией.

Привлечение старых карт, а также исследовательских данных по всем сохранившимся памятникам архитектуры Хивы (основные этапы строительства, их датировка, мастера) не снимают некоторых вопросов перехода от одной относительно завершенной структуры города – к другой. Так, можно допустить, что северная часть Ичан-калы была укреплена крепостной стеной раньше, чем южная. А переустройство единственного входа в город с востока в две параллельные торгово-купольные галереи также являлось не одноразовой реконструктивной акцией.

Однако эти частности не мешают заметить главное: рациональный механизм территориального роста города отрезками циклично меняющими свой вектор с меридионального на широтный и наоборот. Каждый такой "генетический скачок" предопределен предыдущим, а каркас улиц наращивался за счет включения в тело городского организма обжитых участков межселенных связей и дорог, обрамлявших ранее крепостные стены. При этом, конечно, перемещались зоны активности городской жизни, некоторые второстепенные улицы становились главными, соединявшими развитую систему базара с вестибюльными пространствами при соборной мечети, цитадели, крупных медресе, мемориально–культовых сооружениях.

Целостность этим локальным обновлениям сложившегося придавали и вертикальные доминанты – минареты. Они относятся к расположенному рядом сооружению (медресе Мухаммед-Амин-хана, Джума-мечеть, мечеть Шаликарбая) и, одновременно, к главенствующей в Ичан-кале пространственной оси "запад-восток".

Многообразные, и порой неожиданные аспекты корректировки и уплотнения функций улицы, площади, квартала, транзитного крытого узла, получают убедительную мотивацию прежде всего в динамичном преобразовании города, в малоизученных приемах сохранения равновесия, гармонии развивающегося. Так расширяется и углубляется выросшее в европейском искусствоведении понятие архитектурного ансамбля.

Хивинская модель цикличного градообразования несомненно способна высветить многие грани местной школы зодчества. Но сейчас нас интересует, насколько она универсальна, то есть действенна в других исторических городах Средней Азии?

Первая проверка этого теоретически обобщенного опыта состоялась в процессе научного обоснования проекта организации архитектурно-археологического заповедника на месте городища Куня-Ургенч. Проверка эта была достаточно серьезной, так как опиралась на новые данные детальных обмеров сохранившихся памятников архитектуры (мавзолеев Фахр-аддина Рази (Иль-Арслана), Текеша, Тюрабек-ханым, Наджм-ад-дина Кубра, минарета соборной мечети) и на археологические вскрытия в основании этих сооружений. Были изучены полевые дневники А.Ю.Якубовского – первого исследователя Куня-Ургенча; привлечена выполненная экспедицией С.П.Толстова аэрофотосъемка южной части городища при косом вечернем освещении ее руинного ландшафта.[9]

Начальные отпочкования застройки от цитадели, частично сохранившей свои контуры в юго-восточной части городища, осуществлялись в широтном направлении. Затем, учитывая ограничения развития на юг и восток водотоками, территориальный рост Куня-Ургенча перестроился в меридиональном направлении, оставившим с утратами ряд уже упомянутых со-

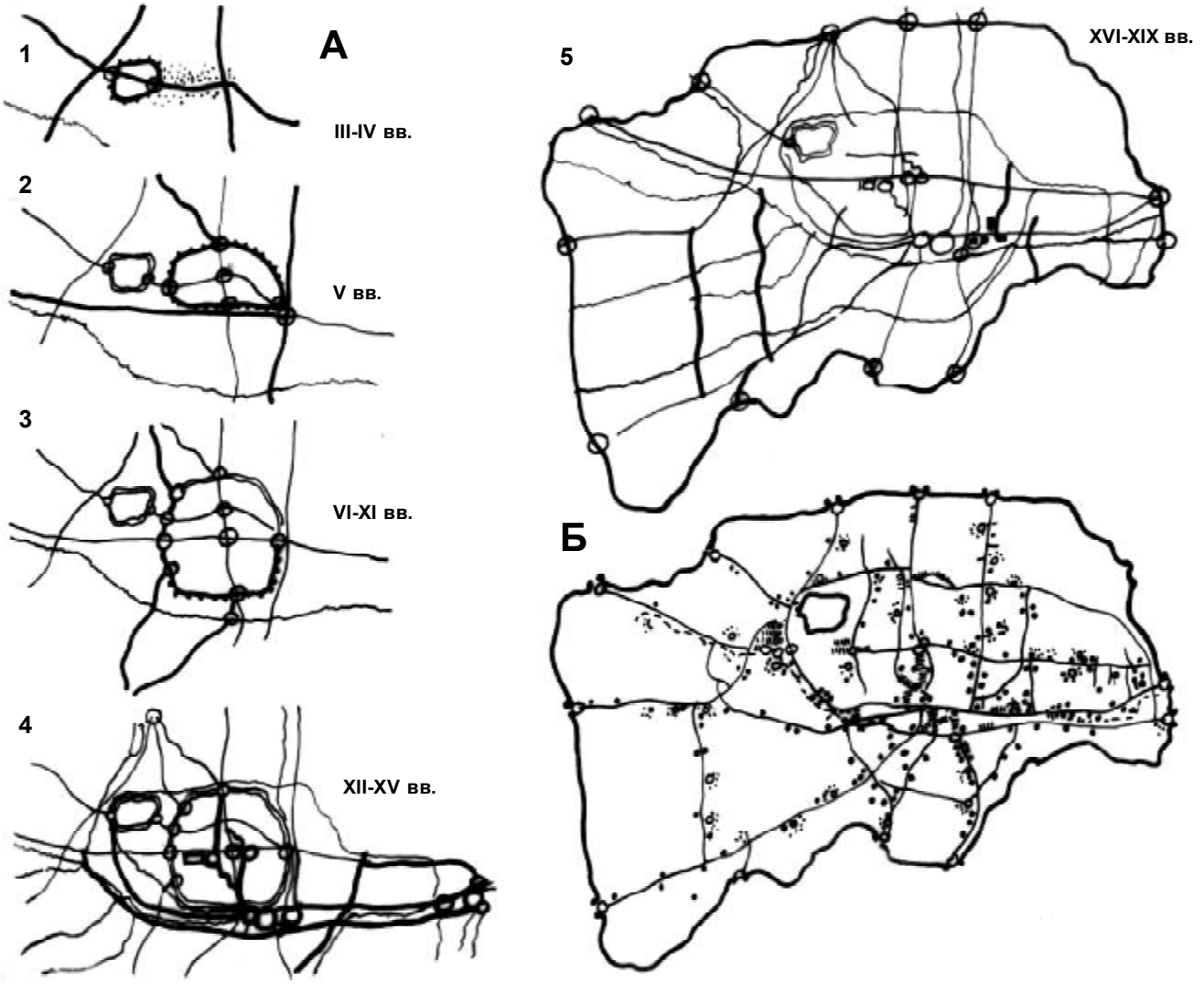


Рис.2. Эволюция Бухары с учетом «хивинско–куняургенчской» концепции:
А 1,2,3,4,5 – динамика исторического развития (контуры «колец роста» внутреннего рабада ввиду их дискуссионности не показаны); Б – схема планировочной организации (по плану Фенина – Парфенова, конец XIX в.).

оружений XI-XIV вв. Их положение логично увязано с выдвинутой нами графической схемой восстановления всех взаимосвязанных слоев средневекового Куня-Ургенча. Результаты этой исследовательской работы представляются нам непротиворечивыми, позволяющими включить их в научный обиход и вести в дальнейшем более целенаправленно археологические вскрытия прежде всего в узлах пересечения главных улиц города, их примыкания к крепостным воротам.

Этот эксперимент на примере блистательного зодческого возвышения Куня-Ургенча с X в. вплоть до разрушения его Тимуром показал, что цикличное многоэтапное сложение города действовало в этом крае на семь столетий раньше становления позднесредневековой Хивы.

Вместе с тем, очевидно, что к хивинской модели при всей ее обоснованности нельзя подходить буквально, то есть ожидать полного совпадения ее геометрии со структурой иного исследуемого поселения. Многое зависит от положения цитадели, подходов к ней, и естественных преград (рельеф, древние каналы), которые в дальнейшем ограничивают направление урбанизации селитьбы, тяготеющей к цитадели.

Так, угловое положение цитадели в структуре Куня-Ургенча и серединное, а затем центральное место Куня-арка в Хиве, следует рассматривать как модификации единого принципа попеременного наращивания взаимоперпендикулярного приращивания каждого нового слоя города к ранее сложившемуся. Более того, можно обнаружить существование и иных схем закрепления цитадели в рисунке "колец роста" среднеазиатского города, относящмхся к "хивинско-куняургенчской" концепции "саморегулируемого" градостроительства. Например, в Шахрисябзе цитадель предположительно нахо

дилась в середине более древней восточной части тимуровского и позднесредневекового города. В Коканде, по вполне достоверным данным двухсотлетней давности цитадель с примыкающими к ней с запада базаром, несколькими медресе и жилищем, образовывали близкий к квадрату квартал. В дальнейшем, судя по четким следам заоваленного прямоугольника, включавшего центральный квартал города с цитаделью, Коканд развивался в направлении север–юг и только последняя стадия его многостороннего роста с преобладающей радиальной планировкой закреплена крепостной стеной с 12 воротами. Остается не выясненной фортификация центрального квартала и эллипсовидного состояния Коканда. Но здесь заметно вялое широтно-меридиональное развитие начальных слоев города, в которых цитадель до начала XIX в. сохраняла свое положение как форпост у восточных границ города-квартала.

Можно полагать, что градостроительное развитие Маргилана и Ташкента при всем их различии аналогично кокандской модели: 1) цитадель; 2) центральный, близкий к квадрату квартал; 3) заоваленный прямоугольник с главной осью север–юг; 4) аморфное по краям, как разлившееся пятно, градообразование на каркасе дорог, ведущих от центра города к ближайшим селениям.

Из этого сравнительного анализа выпадает Самарканд, который после монгольского нашествия переместился с Афрасиаба на юг и в конце XIV-начале XV вв. форсированно вырос в величественный столичный город с цитаделью, грандиозными ансамблями Биби-ханым, Регистан, Гур-Эмир и разветвленной сетью жилых улиц, главные из которых вели от шести крепостных ворот к Регистану. Отсутствие в средневековом Самарканде "колец роста" не исключает поэлементного использования в нем региональных градостроительных традиций: многолучевая связь цитадели через канал Чашма с городом, крытые торговые улицы, площади дворовой композиции, ансамбли типа "кош-медресе", система махаллинских кварталов и др. Однако, прямое сравнение с Хивой или Бухарой здесь не уместно.

Первичные выводы, которые следуют из попытки обрисовать некоторые общие принципы преемственного градостроительства в Средней Азии, заключаются в том, что здесь имели место разного рода цикличные трансформации города, обусловленные исходными географическими факторами и меняющимися социально-экономическими предпосылками его роста в условиях смены лидерства удельных княжеств в масштабе среднеазиатского региона. Поэтому не удивительны и существенные во времени неравномерности развития сравниваемых городов, и родственные закономерности вызревания их внутренней структуры, обладающие гибкостью "саморегулируемого" организма. Значительна и роль цитадели как "пуповины" города, ее ресурсоемкости и внешних связей.

Эти обобщающие наблюдения можно было бы продолжить и показать весь диапазон сложности градообразования: от открытых эмбриональных поселений, лишенных и цитадели, и крепостных стен, – до многослойных городов типа Хивы и Бухары. Однако, ранжирование зрелости средневековых городов только по их "кольцам роста", наверное, упростит представление о их реальной жизнедеятельности, зависящей и от устройства центра, жилых кварталов, орошения и озеления, расстановки и восприятия высотных акцентов и др.

Наконец, нельзя исключить и влияния на зодчих средневековья и идеализированных представлений древних о иерархической системе расселения и благополучном городе как отражении философии макрокосма в микрокосме. Некоторое подобие структуре "колец роста" среднеазиатского города дает теоретическая схема соподчиненности региональных единиц в одном из трудов ал-Мукадаси.[10] Современные исследователи Н.Ардалан и Л.Бахтияр полагают, что анатомию иранского города образуют: дворцовая площадь (голова), соборная мечеть (сердце), базар (хребет), улицы от базара (ребра), жилые кварталы (клетки), стены (кожа, которая обновляется).[11] Даже такое упрощенное уподобление города живому организму можно соотнести с выдвигаемой нами концепцией цикличного градообразования.

Возвратимся на платформе этих мнений, фактов, предпосылок к Бухаре. Для этого города, в отличие, например, от Самарканда или Хивы, при всей калейдоскопичности политической жизни в Средней Азии, характерна определенная непрерывность и равномерность развития. Напомним общеизвестное. Возникновение Бухары относится к VIII в. в уже обжитом оазисе на трассе Шелкового пути между Мервом и Самаркандом. К приходу арабов Бухара представляла собой сложившийся шахристан площадью примерно 30-35 га с семью воротами в крепостной стене, примкнувшей в северо-западной части к цитадели. О границах шахристана, возвышавшегося над окружением, можно судить по сохранившимся до наших дней перепадам рельефа в центральной части Бухары. К этому времени, по мнению В.А. Шишкина,[12] уже функционировал перекресток осей "запад–восок" и "север–юг", отмеченный в XV в. строительством купола Заргарон. Южные границы шахристана ограничивали арык Рудизар (современный Шахруд) и базар рядом с

храмом зороастрийцев-идолопоклонников (ориентировочно около мечети Магоки-Аттори, XIII в.).

И все же, при этих исторических приметах, мне представляется, что начальная "консолидирующая" роль формирования Бухары в зоне средоточия отдельно стоявших усадеб относится к цитадели-кухендизу, и отсюда, подобно Хиве, генерируется структура главных улиц шахристана. Сначала это могла быть улица, ведущая к восточным воротам цитадели (когда-то она называлась улицей Магов). Позже, уже при Караханидах (XII в.), устройство Большой соборной мечети (вероятно, на месте первой мечети, построенной в начале XIII в. Кутейбой) закрепило параллельно улице Магов главную структурно-композиционную ось города "запад–восток".

Крестообразная сердцевина шахристана монументализировалась в несколько этапов. Первый – относится к началу XV в., когда реконструировалась Большая соборная мечеть[13] и рядом с перекрестком на оси "запад–восток" было сооружено медресе Улугбека. Второй этап по существу являлся частью глобального переустройства Бухары при Абдулла-хане (1557–1598). Он отмечен оформлением южного входа в шахристан куполом Тильпак–Фурушон и "прорастанием" базара, насыщенного лавками, караван-сараями, торговым пассажем, банями, вглубь его жилого обрамления.

О рабаде Бухары, его стенах и воротах, времени их появления существуют уже упомянутые разные точки зрения. Не останавливаясь на каждой из них, отметим, что к наиболее предпочтительным я отношу те схемы, которые корреспондируются с "хивинско–куняургенчской" концепцией градообразования, то есть с широтно- меридиональным ростом города.

В свете этой концепции, первый внутренний рабад, учитывающий положение существовавших в то время кладбищ на окраине города и трассировку улиц от семи ворот шахристана, развил территорию Бухары преимущественно в широтном направлении. Второй рабад отражает слабую тенденцию к меридиональному развитию. Наконец, в XVI в. "...Абдулазизханом Шейбанидом, узбекским правителем Бухары (1540–1549 гг.) построена новая стена с 12 воротами, значительно увеличившая рабады. Эта стена соответствует в большей своей части современной стене Бухары (имеется в виду состояние Бухары в 1936 г. – времени написания цитируемой книги В.А.Шишкина. – **И.Н.**), которая постоянно ремонтировалась и восстанавливалась, но в общем сохранила свой вид и место".[14] Уже тогда, не учитывая последующих при Абдулла-хане локальных приращений местностей, принадлежавших влиятель

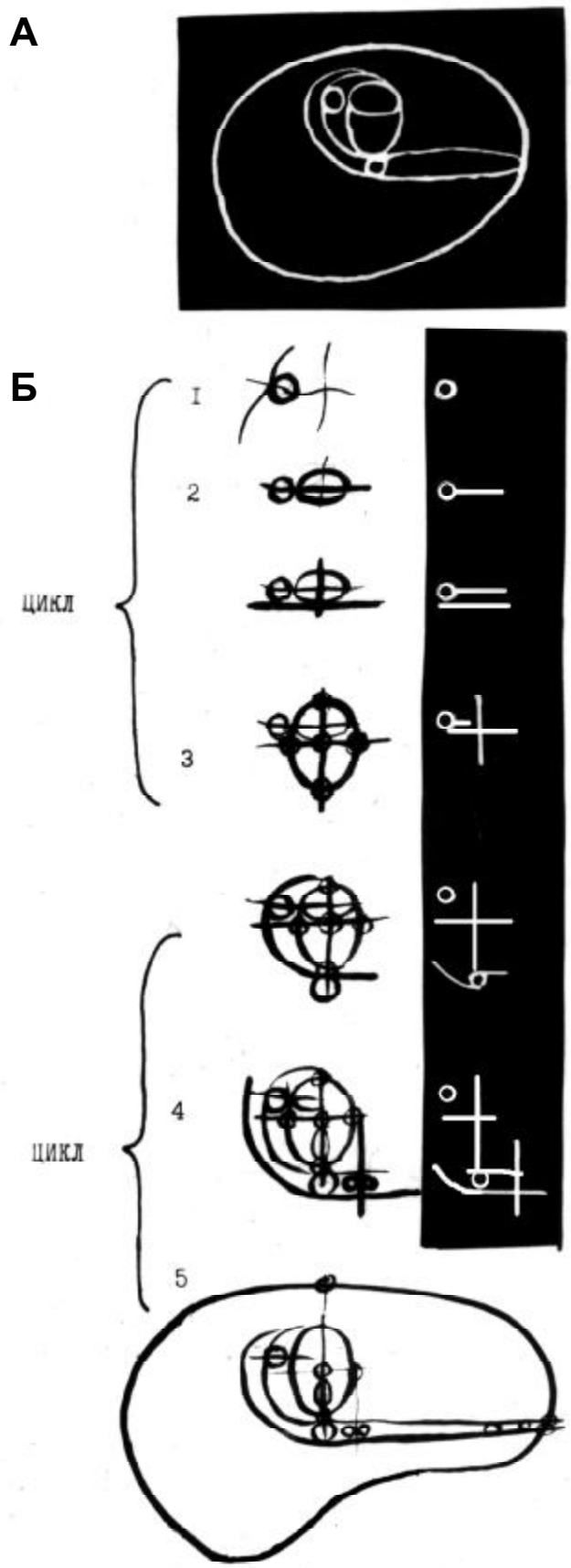


Рис.3. Формирование структуры центра: а – модель; б – коммуникационный каркас.

ным джуйбарским ходжам, рост Бухары вновь поменял свое направление – от меридионального к широтному. При этом сохранилась значительная часть предыдущих северных и южных ограждений рабада.

Можно ли считать эти наблюдения подведением итогов дискуссии об исторической топографии Бухары? Никак нет, они предлагают ее продолжить в сравнении с динамикой формирования других многослойных городов Средней Азии. Тогда, быть может, уточняться накопленные факты по градостроительной истории Бухары и они выстроятся в достоверную картину ее преемственного развития.

Продуктивным представляется также анализ коммуникационного каркаса Бухары, имея в виду, что он не претерпел существенных изменений в позднее средневековье. Так, дороги, ведущие от центра к периферии города, весьма неравномерно прорезали его "кольца роста". Выделяется главная артерия, соединявшая цитадель с торговыми куполами Заргарон, Фурушон, Саррафон и ансамблем Ляби-хауз. Примечательно, что формирование этой сложноизогнутой коммуникации, также как и наращивание "колец роста", подчинялось определенной цикличности.[15] Сначала заданные цитаделью два параллельных стержня; затем крест, как вход в базар; снова узел возле южной стены шахристана; и ответвление от него вдоль канала Шахруд двух близко расположенных улиц. Такой ритм пешеходного освоения многослойной городской среды отражает стремление использовать предыдущий градостроительный опыт на новом витке роста Бухары. Но, одновременно, он обладает запоминаемостью окружения, необходимой человеку при движении в большом городе от одного ориентира к другому. При этом, важная ритмизированная связь между цитаделью и Ляби–хаузом, дублируется улицей-руслом, огибающей шахристан с юго-запада, как рекреация вдоль канала Шахруд.

Рациональное устройство этого древовидного каркаса связей заключается и в том, что доступность от любого жилого квартала Бухары до одной из центральных площадей его центра составляет в среднем 1480 м., а отрезки, составляющие этот путь (жилая среда – 250 м., улица с оазисными зонами – 560 м., система центра с объектами общегородского значения – 670 м.) нарастают при движении к ядру города. По этому поводу профессор М.Г.Бархин сказал следующее: "Самое замечательное из открытых И.Ноткиным закономерностей касается пешеходных связей так волнующих сегодня всех зодчих мира, связей жилища с центром города (подчеркнуто М.Г.Бархиным). Крайне поучительны масштабы этих расстояний, в общем не превышающих 1,6 км. Вот Вам оптимальный радиус города с доступным для каждого природным окружением! Очень любопытны теоретически и полезны практически идеи трактовки этого пути, расчленяемого на 3-5 крупных отрезков, с нарастанием интервалов между ними. Концы отрезков пути всегда отмечались крупными общественными зданиями. Полезный опыт и для нас." И далее: "...Постепенное наращивание объемно-пространственных элементов на развивающемся коммуникационном каркасе, глубоко осмысленное построение этого каркаса – показывает нам тот скрытый от первого взгляда, внутренний порядок, который мы, с позиций, скажем прямо, грубоватого европеизма, вовсе не замечали в якобы "хаотическом" начертании изысканной градостроительной структуры средневековых городов Востока".[16]

Таким образом, структурно-композиционный анализ Бухары открывает ряд эффектов, имеющих не только историко-познавательное, но практическое значение для современного градостроительства.

Ташкент – Иерусалим, 1996.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Основные источники: *Бартольд В.В.* Соч., т.I, III. М., 1963, 1965; *Умняков И.И.* К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары // Сб. Туркестанского Восточного института в честь профессора А.Э.Шмидта. Ташкент, 1923; *Якубовский А.Ю.* История народов Узбекистана, т.1. Ташкент, 1950; *Шишкин В.А.* Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936; *Сухарева О.А.* К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958; *Она же:* Очерки по истории среднеазиатских городов // История и культура народов Средней Азии. М., 1976; *Массон М.Е.* К проблеме изучения исторической топографии среднеазиатских городов // Труды ЮТАКЭ, т.XVII. Ашхабад, 1980; *Ремпель Л.И.* К истории градостроительства на Востоке // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962; *Ремпель Л.И.* Далекое и близкое. Ташкент, 1981; *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973; *Давидович Е.А.* Дискуссионные вопросы в книге А.М.Беленицкого, И.Б.Бентович и О.Г.Большакова "Средневековый город Средней Азии" // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.,1979; *Филимонов В.М.* Регистан – майдан – древнейший градоформирующий элемент Бухары // АСУ, 1986, №7; *Он же*: Градостроительная структура северной части Бухары IX–XV вв. // АСУ, 1988, №9 – 1989, №3.

[2] Издана в 1911 г. штабом Туркестанского военного округа.

[3] В.М.Филимонов, в конце 80-х гг. руководивший этими изысканиями в Научно-исследовательском институте реставрации Министерства по делам культуры Республики Узбекистан, любезно передал мне упомянутый сводный план Бухары для изучения и публикации. К сожалению, этот графический материал лишен пояснительной записки, а обмеры ценных в историко-художественном отношении старинных бухарских жилых домов,

сопровождавшие эти исследования, оказались для меня недоступными. Поэтому данный план в этой статье не использован.

[4] См. сб.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана (Тезисы к совещанию в г. Фрунзе 24–29 ноября 1970 г.). Л., 1970.

[5] *Наршахи*. История Бухары. Пер. с перс. Н.Лыкошина. Под ред. В.В.Бартольда. Ташкент, 1897.

[6] Эти карты, являющиеся, по существу, первыми в среднеазиатском архитектуроведении документами о планировочной организации позднесредневековой Хивы, я обнаружил при просмотре более 100 томов "Туркенстанского сборника". Они содержат вырезки из газет, журналов, статичстических сборников периода присоединения Туркестана к России; составитель – библиограф Межов, работавший в Ташкентской публичной библиотеке.

[7] МИТТ, т.1. Л., 1939

[8] *Савельев П.С*. Путешествие Базинера через киргизскую степь в Хиву // Географические известия РГО, вып.4. СПб., 1849. Подробней об этом см.: *Ноткин И.И.* Динамика градостроительного развития Хивы // САУ, 1983, №10.

[9] В обмерно-исследовательских работах 1958-59 гг. помимо автора участвовали архитекторы А.Виноградов, В.Ловкачев, археолог Б.Тургунов; в проектных предложениях по реконструкции городища Куня-Ургенч – архитекторы Л.Романова и А.Хабаров.

[10] Сведения из научно-технического отчета Ш.Д.Аскарова "Состояние и пути совершенствования архитектурно-художественного облика городов Узбекистана" // Архив УзНИИП градостроительства, 1978.

[11] *Ardalan N., Bakhtiar L*. The sense of Unity. The Sufi Tradition in Persian Architecture. Chicago – London, 1972.

[12] *Шишкин В.А*. Указ. соч., с.11.

[13] Исследования мечети Калян позволяют выдвинуть гипотезу о строительном этапе XV в. Обоснование – в отчете автора, хранящемся в архиве Главного управления охраны памятников материальной культуры Министерства по делам культуры Республики Узбекистан).

[14] *Шишкин В.А.* Указ. соч. ,с.24.

[15] *Ноткин М.* Развитие структуры исторического города (на примере Бухары) // АСУ или САУ,1981, №– –.

[16] Отзыв М.Г.Бархина на докторскую диссертацию И.И.Ноткина "Архитектурно-пространственное формообразование исторически сложившихся городов Узбекистана" // Архив ЦНИИПградостроительства. М., 1981.

МНОГОЛИКИЙ ВОСТОК РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОРИЕНТАЛИЗМА

(XVIII – начало XX века)

СВЕТЛАНА ГОРШЕНИНА

Если до конца семидесятых годов XX в. слово "ориентализм" имело два нейтральных смысловых значения и применялось либо в отношении востоковедческих историко-лингвистических штудий, либо для обозначения художественного направления XIX века, чаще всего ассоциируемое с французской школой живописи, изображавшей экзотику Ближнего Востока (Ф. Делакруа, Э. Фромантэн, Ж.-Л. Жером),[1] то с появлением в 1978 г. книги Эдварда Саида "Ориентализм",[2] критикующей созданный западными интеллектуалами негативный образ Востока, семантический смысл термина радикально изменился.

Приобретя резко уничижительное звучание, он стал воплощать ангажированное знание, обеспечивающее интеллектуальную поддержку и легитимизацию колониальных амбиций западного империализма. В рамках этого критического подхода объектом научного внимания стал механизм конструирования на Западе репрезентаций Востока в научной и литературно-художественной среде как антитезы европейской цивилизации (создание как правило негативного образа "Другого") и их последующее использование для обеспечения господства Запада над Востоком.

Изначально модель, созданная на примере изучения французской и британской научной средой стран Ближнего Востока и Северной Африки, не учитывала востоковедческий опыт в других европейских странах, в частности, в России, Германии, Нидерландах, и не принимала во внимание существование Внутренней и Восточной Азии, так же бывших объектами изучения и конструирования репрезентаций. Это упущение стало активно пополняться в 1990-е годы, преимущественно в среде американских исследователей, которые пытались ответить на ряд взаимосвязанных вопросов. Можно ли сравнивать колониальные истории западно-европейских стран и России? Сыграло ли географическое положение России – между Азией и Европой – свою роль в видении Востока, более близкого ей географически и (или) исторически? Действительно ли Россия разрывается между Востоком и Западом онтологически, или ее "пограничность", заключающуюся в двойственном статусе полускифской, полуевропейской страны, лишь продукт неправильного амбивалентного образа, взлелеянного Западом? Является ли Россия западным государством в той мере, чтобы можно было говорить о российском ориентализме как орудии российского империализма? И – обратная сторона медали – является ли Россия "жертвой" европейского ориентализма в той же степени, что и страны Ближнего Востока, или она сама способна быть производителем политизированного ориенталистического знания? И, наконец, было ли российское востоковедение оружием колониального подчинения в Центральной и Восточной Азии, или ему удалось сохранить незапятнанной научную объективность и беспристрастность? Дискуссия строилась как бы на двух уровнях – на первом методологически обсуждалась проблема применимости теории Э.Саида к российскому научному и литературно-художественному востоковедению;[3] на втором уровне в рамках монографий исследователи пытались проанализировать в критическом свете постсаидовских споров опыт российской колонизации.[4] По мере развития этой дискуссии стало ясно, что одним из важных аспектов проблемы является восприятие на Западе (автосконструированным самим же Западом) России – то цивилизовано-европейской, то варварски-азиатской. Рассматривался и ее ответ на то или иную интерпретацию, подтверждающий или опровергающий одну из своих (сконструированных) ипостасей (прямой параллелью этого типа отношений ментальной заданности между Россией и Западом выступает "изобретение" Восточной Европы).[5] В то же время, постсоветские ученые, за редкими исключениями вплоть до самого недавнего времени, остава-

лись вне этих дискуссий об ориентализме, сохраняя предыдущее семиотическое наполнение термина. Сама знаменитая книга Саида опубликована на русском языке только в 2006 г., хотя к ней уже давно написана масса русскоязычных, иногда весьма поверхностных, комментариев.

С другой стороны, 30 лет, истекшие с момента публикации критического анализа Саида, обнаружили фундаментальный разрыв между пониманием ориентализма, характерным для гуманитарной науки в целом, и тем смыслом, который вкладывала в это явление прикладная история искусства. Если в первом случае речь шла о масштабном духовном явлении, сквозной нитью проходящем через европейскую культуру – идеологию, науку и искусство – в течение нескольких последних столетий и связанном с колониальным этапом европейской истории, то историки искусства в большинстве случаев ограничивали изучение художественного ориентализма рассмотрением узкого круга живописцев, романтиков и натуралистов, которые создавали полотна на ориенталистскую тематику. Естественно, на первый план здесь выходил биографический метод, а узко понимаемая стилистика ориентализма не позволяла рассматривать работы крупнейших художников эпохи модернистской и постмодернисткой художественных революций в общем контексте ориентализма. Плодотворность пересмотра подобного подхода к ориентализму демонстрируют в последние годы труды К.Пельтр, Д.Маккензи, Н.Андрэ-Паллуа, Л.Торнтон и, в определенной степени, Д.Аккермана.[6] Оставаясь менее подверженными влиянию теории Саида, западные историки искусства, переходя от анализа художественных стилей к раскодированию внутреннего смысла художественных образов, постепенно расширяют географические и хронологические рамки, в которых возможен анализ ориентализма как определенного художественного течения.

В этой ситуации паралелльного сосуществования двух различных эпистем интересно проанализировать российский *художественный* ориентализм, пребывающий в маргинальной позиции в конструкциях постсоветских и западных историков искусства, не "замечающих" его как самобытный и целостный феномен, и практически выпавший из поля внимания западной постколониальной школы, занятой анализом "научного" востоковедения,[7] литературными интерпретациями российских восточных окраин[8] и имперскими проектами российских мыслителей[9] (за исключением суммарных обзоров наследия Василия Верещагина).[10]

Несмотря на свою невостребованность, ориентализм российской художественной школы, который дебютирует в России в XVIII в. (задолго до начала империалистического этапа ее истории) и не заканчивается с деколонизацией советской империи в конце XX в., представляет из себя благодатное поле для реконструкции репрезентаций Востока в России, отражающих как геополитические амбиции, так и популярные представления об Азии.

Не претендуя на исчерпывающий анализ феномена ориентализма российской художественной школы, данная статья – скорее эскиз, который имеет более скромную цель: дать схематическое представление об эволюции российского художественного ориентализма как в метрополии (в частности, в Москве и Санкт-Петербурге), так и в азиатских колониях России (русский Туркестан, Кавказ, Дальний Восток). Подобный обзор, в котором последовательно прочитываются различные художественные стили, отметившие историю искусства XVIII-XX вв., может помочь расширить общее представление о европейском художественном ориентализме, ибо русский опыт остается за бортом ученых штудий, сфокусированных на изучении наследия западных художественных школ в Северной Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке и в Индии. Россияне, побывавшие в этих странах "классического" по канонам истории искусства и "не очень" ориентализма, если и появляются в этих исследованиях, то эпизодически. Составление их полного корпуса еще не начато, а тема "Восток в русском изобразительном искусстве" (включая Русский Туркестан и Кавказ), похоже, остается *terra incognita*.[12]

Вместе с тем, попытка проанализировать феномен российского художественного ориентализма, не сводя его исключительно к колониальной политической доктрине и исходя из того, что ему присущи как определенный сюжетный и тематический «ориентализирующий» набор, так и особое поэтико-романтическое видение мира, мог бы добавить новые оттенки к постсаидовским спорам о "Востоке, созданном на Западе". Ибо в отношении России, зависшей в этой ситуации ментального евроазиатского пограничья и сделавшей "принадлежность к Европе основной проблематикой своего национального существования", создавая, однако, свой образ путем конструирования дискурса константного отрицания "Запада" и подчеркивания роли "Востока",[13] этот слоган скорее должен был бы быть откорректирован как "Восток, созданный между Западом и Востоком", либо, если говорить о среднеазиатских или кавказских выходцах российского ориентализма, как "Восток созданный на Востоке".

Привнесенный вкус к ориентализму. Подобно тому как Уральский хребет водоразделом отделяет Европу от Азии, эпоха Петра Ве-

ликого делит русскую историю на два периода, разграничивая Россию до Петра I, "варварскую и азиатскую", и Россию послепетровскую, " просвещенную и европеизированную" как минимум на уровне правящих кругов и интеллектуальной элиты, одной из главных целей которой становиться доказать Западу свою европейскую сущность и реально войти в европейское пространство, преодолев как сопротивление своих подданных, так и негативные представления о русских, сложившиеся на Западе. Балансируя географически и культурно между двумя полюсами, раздираемая, опять-таки на уровне европеизированной элиты, спорами между западниками и славянофилами, Россия, словно "двуликий Янус", глядела на Азию и Европу. В этом евразийском "между мирами" она мечтала быть Европой повсюду, сопротивлялась поначалу навязанному ей образу Востока в Европе, облагораживая одновременно свои восточные корни, довольствовалась делегированной ей ролью Европы в Центральной Азии и на Кавказе и страдала от своей европейско-скифской амбивалентности на Западе, который, не уставая, упрекал ее в том, что Россия, европейская, да и то поверхностно, лишь в общении с Западом, остается неизменно азиатско-деспотической на Востоке. В этом контексте анализ отношений России с "Востоком" был не более чем отражением взаимоотношений России с Западом, создателем этой манихейской мифологемы, и соответственно, существавание художественного ориентализма в России коррелировалось родственными течениями, захватившими интеллектуальную и художественную элиту в Европе.

Будучи оторванной от европейской цивилизации монгольским нашествием и не страдая жаждой восточного экзотизма, присущей европейским странам, Россия первоначально серьезно отставала от западноевропейского восточно-стремительного движения. Притягательно то, что далеко и недоступно, а Россия была на протяжении всей своей истории теснейшим образом связана с Востоком, но не со средиземноморским, соотносимым с европейским мифом о "Востоке", а географически близким, начинающимся за Уралом и населенным вполне "экзотическими", с точки зрения русских того времени, народами.[14] Проблемы колонизации этого ближайшего к России "Востока", трансформировавшиеся затем в необходимость повторной внутренней самоколонизации уже российских территорий,[15] вытесняли на первых порах стремление двигаться к более далеко расположенным горизонтам. С другой стороны, русская интелектуальная элита, чья европеизация началась лишь с петровского времени, еще не дошла до того "горячего" состояния (фразеология К. Леви-Стросса), чтобы переполниться Европой и начать бредить чем-то иным, равно как и искать свои "азиатские корни" в мифологической Скифии.

Гораздо более привлекательным для высшего российского общества было стремление приобщиться к сонму европейских просвещенных держав. Но, стремясь во всем походить на Европу, сначала в ее германо-фламандском, позже французском варианте, российская элита, посещая крупнейшие города Запада, собирая и вывозя на родину художественные коллекции и *cabinet de curiosités*, основывая музеи собственных древностей (в частности, среди самых ранних, петровская скифская коллекция), читая иллюстрированный журнал "Вестник Европы", чьи страницы были полны переводами описаний восточных путешествий, политических обзоров о восточном вопросе, переводными произведениями незападной поэзии и прозы, приглашая в большом количестве иностранных художников, архитекторов и скульпторов, не заметила сама, как вместе с европейскими стандартами "цивилизованной" жизни и европейскими модами в столичный Санкт-Петербург,

Илл.1. Ораниенбаум. Кабинет в Китайском дворце. 1762-1768.

претендующий быть одновременно Амстердамом и Венецией и стремяшийся говорить исключительно по-французски, просочился вирус ориентализма.

Китайские фантазии при русском императорском дворе. Начиная с XVIII в. в Европе восточные древности уже заняли значимое место рядом с античными памятниками, а потому и в России наряду с барокко, рококо и классицизмом увлечение "шинуазри" и "тюркери" становится вполне респектабельным, как и пришедшая из Европы мода на арапчат в качестве домашней прислуги, нередко заменяемых в России детьми-калмыками.

"Китайщина" первоначально робко обозначила свое присутствие в виде коллекций восточного фарфора, выставляемых на английский манер на каминных полках рядом с фигурками фарфоровых пастушек и безделицами с кораблей Ост-Индской компании. Настоящим же триумфальным дебютом ее стал Китайский дворец в Ораниенбауме (ныне г.Ломоносов), возводимый Антонио Ринальди по заказу будущей Екатерины II с 1762 г. при участии итальянских художников[16] и воспроизводивший тот псевдокитайский стиль, в котором проявились весьма далекие от истины представления европейцев XVIII в. о Дальнем Востоке (*Илл.1*).

Впоследствии, став императрицей, Екатерина II продолжила строительство "мира восточных грёз" в Царском селе, поручая реализацию своих китайских причуд последовательно всем архитекторам, как правило "выписанным из-за границы", что входили в фавор. Результатом совместных десятилетних усилий Антонио Ринальди, Георга Фельтена, Чарльза Камерона, В.И. и И.В.Неёловых стала Китайская деревня, построенная в 1760-1770 гг. в Александровском парке, в Новом (Крестовом) саду. Непосредственным примером для этой архитектурной реализации "китайщины" на русской почве служили, среди прочих, китайские деревушки, выстроенные в XVIII в. в Швеции и в Германии. С другой стороны, Антонио Ринальди при создании ключевого сооружения ансамбля, коим должен был стать восьмиугольный павильон-обсерватория, искал образы реального Китая во… французской гравюре, которая – прихоть судьбы! – изображала одну из парковых построек императорского дворца "Продолженной весны" в окрестностях Пекина, что – и это было неизвестно екатерининским архитекторам – по желанию китайского двора должна была символизировать западный город.[17] Оставшись незамеченным, подобный казус не помешал созданию в том же театрально-условном духе всего ансамбля.

Эта первое проявление ориентализма в русской культуре по сути было продолжением европейского ориентализма, чем собственно русским явлением. Восточные включения в русской архитектуре выполнялись, как правило, иностранцами, бывшими в более тесном контакте как с дипломатической иностранной средой при русском дворе, строго следовавшей европейской моде, так и с Европой как таковой, где они получили образование и куда нередко наезжали во время службы в России. Таким образом, в архитектуре елизаветинской и екатерининско-павловской эпохи пришествие ориентализма можно рассмотреть двояко: не только русские заказчики, нередко немецкого происхождения, импортируют ориентализм, рожденный архитектурной модой на Западе, но и Запад своеобразным образом, посредством архитекторов, прибывающих к русскому двору, экспортирует ориенталистскую моду в Россию.

Академия художеств – рассадник классицизма и… ориентализма. Несмотря на то, что парадные интерьеры роскошных особняков и частные коллекции древностей на протяжении всего XVIII и в начале XIX в. выступают как привелигированные места культивирования ориентализма, наиболее важный этап в формировании вкуса к ориентализму в России связан с основанием в Санкт-Петербурге Академии художеств (1757 г.). Созданная по образцу французской Академии изящных искусств, Российская академия трех знатнейших художеств на первых порах функционировала исключительно благодаря выписанным из-за границы мастерам (российские профессора появляются в стенах Академии в 1860-х гг.). Будучи представителями французского Салона или созвучных ему академических школ Италии и Великобритании, европейские мэтры привнесли с собой академическое понимание искусства и культ грандиозной исторической живописи, в которой немалое место было зарезервировано за ориентализмом в его героической ипостаси.

Однако, "созерцать вблизи" тот легендарный Восток, учитывая геополитический расклад на закате XVIII в., Россия, далекая от статуса великой колониальной державы ко времени образования собственной Академии художеств (кстати, одной из последних, созданных в Европе) не имела реальной возможности: собственных восточных колоний еще не было (петровские походы на Персию 1722 г. носили скорее характер кратковременных военных набегов,[18] Кавказская война еще только начиналась), а чужие было малодоступны (Россия не была долгожданной гостьей ни в британской Индии, ни на Ближнем Востоке, контроль над которым оспаривался между Англией и Францией). Соответственно, нарождающаяся российская художественная элита, очарованная в пер-

вую очередь Европой, а не Востоком, формирует иные направления экзотизма, что тянулись в Париж, Италию, Испанию и – гораздо реже для художников и чаще для ученых – в Германию.

Тонкие ниточки становятся проторенными магистральными дорогами благодаря системе стипендий Академии художеств, что предусматривала для студентов, получивших за дипломную работу золотую медаль первой степени, право стажировки за границей в течении трех лет, главным образом на протяжении всего XVIII в. в Париже и, особенно, в Италии, где формируется самая представительная зарубежная российская художественная колония.

На Восток – через Париж и Италию. Итальянские и парижские впечатления не проходили даром: посещения салонов, где неизменно появлялись работы на восточные темы, нередко восходящие к работам Рембранта; визиты музейных и частных коллекций, среди которых часто встречались произведения восточного искусства; чтения во французских, немецких и английских переводах сказок "Тысячи и одной ночи", поэм Саади и эпоса "Шахнаме" Фирдоуси,[19] слушание музыкальных пассажей из "Галантной Индии" Рамо, подталкивали русских художников развернуться от Европы в сторону Азии, но Азии… уже "облагороженной" Европой. Филоориентализм в европейской культуре XVIII в. расценивался как своего рода символ принадлежности к самой изощренной части интеллектуальной элиты, а потому был безропотно принят и русскими.

Используя санкционируемый свыше интерес к ориентализму, русский романтизм довольствовался этим рафинированным согласно европейскому вкусу Востоком из вторых рук, и не только в живописи. Русские журналы с конца XVIII и почти на всем протяжении XIX в., помимо литературных ориенталий Байрона, Гете, Гюго и Мицкевича, с удовольствием публиковали описания путешествий, большая часть которых неизменно пролегала на Восток. В подобном контексте неудивительно было видеть среди дебютов русского ориентализма иллюстрации А.Орловского, созданные им в 1819 г. к "Путешествию в Персию" Ж.Друвиля.

Наиболее же доступной точкой на земном шаре, где можно было легко обнаружить этот "препарированный" Восток, для русских пенсионеров была… Италия, где, как им думалось, находился эпицентр экзотизма. Итальянское *dolce farniente*, казалось, имело прямую параллель в нанизанных как жемчужные четки рассказах "Тысячи и одной ночи", а яркое солнце, обжигающе-синее море, гомон шумных городов юга Италии с экзотичными для северян пальмами и апельсиновыми деревьями провоцировали культурный шок у выходцев из Северной Пальмиры. После холодного, дождливого и туманного Санкт-Петербурга Италия, а особенно Неаполь, столь любимый русскими, казалась воплощением юга и, стоило сделать малейшее усилие, безропотно трансформировалась в пряный Восток сказок Шехерезады.

Илл.2. К.П.Брюллов. Итальянский полдень. 1827.

Этому перевоплощению способствовали и требования академической живописи, взывающие к созданию картин "большого жанра". А потому натурные, вполне итальянско-реалистические зарисовки нередко превращались в эпическо-романтические картины в восточных декорациях при сохранении тех же итальянских типажей. Так, Карл Брюллов, крупнейших художник русского романтизма, прибыв в Рим в мае 1823 г., приступает к созданию картины "Осада Коринфа", опираясь на свои итальянские наблюдения. Позднее его идеализированные типажи итальянцев перекочевывают, почти не меняясь, в романтизированные картины на библейские или историко-героические сюжеты. При этом в этих созданных в Италии ориентализирующих картинах явно угадывались академические европейские схемы восточной живописи, отмеченные *Vision de l'atelier*, както ставшее правилом изображение нагого тела белых красивиц, обязательно оттененное эбеновой чернотой служанок. Помещая своих итальянских героинь одним названием полотна, как например, "Сцена в гареме", в пространство воображаемого Востока, Брюллов следовал по

проторенному европейскими ориенталистами пути. С другой стороны, его "Восток", выстроенный в Италии, не требовал большого количества ориентальных атрибутов: Брюллов вкладывал в образы итальянок, собирающих виноград, то же содержание, которое европейские ориенталисты переносили на купальщиц и наложниц. (*Илл.2*). Таким образом, речь шла о том поиске сексуально раскрепощенного чувства, которое ориенталисты привязывали к воображаемым ими гаремным страстям, не сдерживаемым условностями светской Европы, а русские находили в итальянках, более раскованно одетых в сравнении с крестьянками русского севера.

Вместе с тем, те художественные находки, что были сделаны в Италии первым поколением русских художников (в частности, в работах С.Ф.Щедрина)[20] были перенесены их младшими соотечественниками на реальную ориентальную почву. А эта, казалась бы, необычная роль Италии, то воплощающей для русских "европеизированный Восток", то подталкивающей их к более дальним ориентальным путешествиям, снабдив предварительно рецептами изображения раскаленного солнцем марева,[21] сохраняется вплоть до начала XX в.

Восток на подмостках императорских театров. Наряду с восточными коллекциями, архитектурными фантазиями "китайщины" русской знати и итальянскими впечатлениями, театр формирует еще один важный источник представлений о Востоке, тем более, что восточная тематика занимала в репертуарах русского театра XVIII - начала XIX вв. одно из первых мест, не брезгуя никаким жанром и охотно переплавляя восточную мишуру в трагедиях, операх и балетах, игравшихся как на сценах государственных, так и частных театров.

Безусловным мэтром ориентальных постановок с 1830-х гг., чаще всего поэтических балетов, был Шарль Луи Дидло,[22] смело перемешивавший в равных пропорциях античность и Восток, в том числе и локальный.[23] Пластическое воплощение его задумок, реализуемое в работах многих художников (Тома де Томон, Карл Брюллов), лепило в сознании зрителей образ самых экзотичных стран: Китая ("Хензи и Тао", "Киа-Кинг"), Турции ("Похищение из Сераля" Моцарта), Ближнего Востока ("Калиф Багдадский", "Мелюзина и Лузиньян, или Освобожденный Иерусалим" В.Зотова), Египта ("Кесарь в Египте" Г.Спонтини, "Дочь фараона", "Африканка").

Трансформированные в призме волшебно-ориенталистического видения, они не очень сильно отличались от декораций к русской опере-сказке "Руслан и Людмила" Михаила Глинки, ставших своеобразной визитной каточкой Андрея Роллера, назначенного в 1834 г. главным машинистом и декоратором петербургской сцены и утвердившего пышный ориентально-сказочный стиль с чрезвычайно сложными декорациями на русской сцене вплоть до 1870-х гг.

Дебют российской экспансионистской политики: у истоков "Восточного вопроса".

Несмотря на вполне удачно прошедшую прививку ориентализмом, Восток для России не ограничился безделицами в китайско-турецком рокальном стиле, по-итальянски солнечными грезами и театральными инсценировками, оставаясь прежде всего объектом политических притязаний как в плане внутренней экспансионистской политики, так и во внешних геополитических конструкциях.

Не углубляясь ни в детали спора о характере российской колонизации,[24] дебютировавшей еще во времен Ивана Грозного, ни в анализ ландшафтных предпосылок перманентной экстенсивной экспансии русских, не сдерживаемых никакими естественными географическими преградами, ни на причинах, породивших это константное центростремительное движение, обозначим лишь основные юго-восточные направления расширения территории этой огромной империи с вечно-движущимися границами: Дальний Восток, суливший выход к Тихому океану; Кавказ и Крым, владение которым позволяло держать под контролем Черное и Каспийское моря, и, соответственно, Иран, Турцию и Балканы; и Великая степь с Туркестаном, за которым скрывалась столь желанная, богатая золотом Индия. Эти векторы колониальной экспансии как в зеркале отражались и во внешней восточной политике России. Разрывая рамки единой континентальной протяженности колонии и метрополии, российская политика предпринимает более рисковые и более географически отдаленные "броски на Восток" – как на Дальний, так и на Ближний.

Первые путешествия русских художников в страны "классического" и "не очень" Востока (1800-1850 гг.).

Дальний Восток и Китай

Русская колонизация Дальнего Востока неизбежно столкнула Россию с Китаем, границы с которым впервые были отрегулированы Нерченским договором 1689 г. Первое ориентальное путешествие российских художников состоялось через Монголию в Китай в 1794-1795 гг., ибо художник полагался дипломатическим миссиям,[25] а в 1728 г. согласно Кяхтинскому трактату Россия получала право содержать в Пекине духовную миссию. В состав персонала миссий, что обнавляться каждые десять лет, в обя-

зательном порядке входил художник, чьи рисунки должны были дополнять научные описания и дипломатические депеши.[26] Их подготовкой с 1825 г., согласно циркуляру МИДа, занималась Академия художеств. После пятилетней выучке разным наукам и катайскому языку художники отправлялись в Китай, во всеоружии художественных материалов, купленных на средства Академии, и с подробной инструкцией ее президента А.Н. Оленина, где указывалось, что наиболее важным представляется написание портетов и пейзажей с натуры. "Открытие" же Японии для России связано с миссией Е.В.Путятина в 1852–1853 гг., не оставившей практически никаких художественых трасс.

Русско-турецкие войны и путешествия на Балканы, Грецию и Ближний Восток

Демарши в юго-западном направлении начинаются на одном из этапов русско-турецких войн (1768-1774), победа в котором поддтолкнула Екатерину II возвести в Царском селе в 1770-е – 1780-е гг. серию памятников во славу русского оружия.[27] Семантическая сверх-идея этого архитектурного ансамбля не сводилась к увековечеванию современных событий, но была нацелена в будущее: парк говорил о политической перспективе России, предсказывая падение Турции и создание на ее месте третьей Римской империи. Но архитектурная ворожба не реализовалась и в память о новых этапах русско-турецкой войны (1787-1791, 1806-1812, 1827-1829) в середине XIX в. в Царском селе появился имитирующий мечеть ансамбль турецкой бани (архитектор Ипполит Монигетти). Инаугурация его пришлась на год предшествующей разрыву русско-турецких отношений (1853) и началу новой военной компании, получившей название Крымской войны (1853-1856), вслед за которой последовал последний этап русско-турецких войн (1877-1878). Персидская война (1826-1828) дополняет эту серию военных действий России на Востоке.

Таким образом, ближневосточный контекст российских путешествий оставался практически константно на протяжении конца XVIII и первых двух третей XIX в. связанным с ходом военных действий, от которых напрямую зависела и сама возможность их осуществления. При этом восточные путешествия художников стартуют значительно позже начала турецких кампаний, хотя портрет Мирзы-Кули хана, брата персидского шаха Ага-Магомеда, жившего в России в 1795-1800 гг. – первая ориенталия русского портрета, – был написан Владимиром Боровиковским в 1796 г.

Максим Воробьев отправляется в путешествие в 1820-1821 гг. в составе димпломатической миссии Димитрия Дашкова (Константинополь, побережье Эгейского моря, восточный берег Средиземного моря, Сирия и Палестина, включая Иерусалим); затем в 1828 г., будучи официально прикомандирован к штабу Второй армии, следует за военными действиями русско-турецкой войны преимущественно на Дунае. На тех же условиях к войску графа Дибича-Забайкальского в 1829-1830 гг. был прикреплен и Август Дезарно, плененный француз, ставший впоследствии академиком Санкт-Петербургской Академии художеств. Карл Рабус был ангажирован писать виды Константинополя для посольского корпуса в Турции. В отличии от своих предшественников, Карл Брюллов отправился на Восток в 1832 г. вместе с архитектором, пенсионером Академии художеств Н.Е.Ефимовым и археологом Крамером не на государевы деньги, а по личному приглашению любителя старины, служивший по дипломатической части, Владимира Петровича Орлова-Давыдова. Однако, художники не всегда были только сопровождающими: князь Григорий Григорьевич Гагарин в 1834-36 гг. совершил поездку на бриге "Фемистокл" от Афин до Константинополя, куда был послан на дипломатическую службу.

Ионические острова, Греция, Турция и Афонский архипелаг

1840-е гг. отмечены рядом путешествий, нередко весьма продолжительных, для которых характерен маршрут, проходящий через несколько ближневосточных стран. Братья Григорий и Никанор Чернецовы совершают два довольно продолжительных путешествия по Египту, Палестине, Греции и Турции в 1838-1844 и 1846-1849 гг. Иван Айвазовский, откомандированный Главным морским штабом, отправляется в 1845 г. вместе с экспедицией русского мореплавателя и географа Ф.Литке в Турцию, Грецию и Малую Азию. Египет и Турция стали целью нескольких вояжей Ипполита Монигетти. Василий (Георг-Вильгельм) Тимм после поездки в Париж, отправляется в феврале 1843 г. с Орасом Верне в Алжир, а Александр Дорогов в конце 1840-х гг. живописует Константинополь. Путешествие в Турцию стало настолько привычно в 1840-е годы, что в рецензии на книгу Ф.Студицкого "Путешествие вокруг света" (1846) 15 гравюр работы Лаврентия Серякова, где наряду с Женевским озером, Колизеем и Венецией присутствовали Афины и Константинополь, были оценены как произведения "хрестоматийного характера".

Илл.3. К.П.Брюллов. Бахчисарайский фонтан.1849.

В 1850-е гг. основным предлогом для посещения художниками Ближнего Востока была Крымская война, ставшая, следовательно, и одним из ключевых сюжетов для Николая Шильдера, Петра Косолапа, Ивана Соколова, хотя случались и весьма длительные путешествия по восточным и западным странам вне военного контекста (пребывание Евграфа Сорокина в Испании, Египте, Сирии и Италии в 1851-1854 гг.). Впрочем, в 1870-1880-е годы сцены из русско-турецкой войны 1877-1878 гг., создававшиеся или "непременно на самом месте сражений" (Лев Лагорио, Петр Верещагин, Николай Сверчков), или в тиши петербургских ателье (Василий Худяков, Иван Похитонов, Николай Сверчков), вновь появляются в качестве привилегированных сюжетов.

Путешествие в Индию. Несмотря на то, что проект похода на Индию неоднократно муссировался в русских политических верхах, начиная с Петра I, видевшего там возможность пополнения золотом опустевшей в ходе балтийских войн казны, и опрометчивого приказа Павла I, отправившего туда донских казаков, срочно отозванных после его смерти назад,[28] Индия, пребывающая под британским контролем, оставалась лишь мечтой для русских художников. А потому оба путешествия Алексея Салтыкова (1841; 1845-1846 гг.) относятся скорее к исключению. Вместе с тем, Россия, будучи географически страной скорее азиатской, всегда имела счастливую возможность обнаружить Восток у своего собственного порога, по всей гигантской протяженности своих восточных окраин.

Строительство «своего» Востока: Кавказ у порога России

Художественное открытие ближайшего юго-западного соседа России, Кавказа, проходившие в обрамлении военных кампаний, началось в конце XVIII в. с пейзажей, писанных в 1794 г. Федором Алексеевым в духе венецианской пейзажной школы А.Канале, Ф.Гварди и Д.Пиранези.

Затем, в 1820-1860 гг., последовал этап изображения батальных сцен эпохи завоевания Кавказа Российской империей, трактуемых более или менее официозно и создаваемых непосредственно на месте или позднее, по воспоминаниям и натурным зарисовкам, в рамках государственных заказов (Филарет Алексеев, Петр Грузинский, Константин Филиппов, Рудольф Жуковский, Николай Степанов). При этом батальные сцены кавказских войн, как, впрочем, и сцены русско-турецких войн, тяготели к монументальному изображению, апофеозом которого стали многометровые военно-исторические панорамы Франца Рубо. Вместе с тем, нередка была и бытовая трактовка военных событий, выводивших на первых план солдатские будни (Богдан Виллевальде, Федор Горшельд) и репортажные натурные зарисовки, среди которых выделялись рисунки Василия Тимма, создателя популярного "Русского художественного листка" (1851-1862), весьма близкие по характеру работам Александра Орловского (1810-е гг.), изображавшего киргизов, башкир и калмыков, призванных в русскую армию после оглашения "Манифеста" 1806 г. о вербовке кочевников в народное ополчение.

Однако, впечатления от Кавказа было невозможно свести исключительно к схеме батальной живописи. Очарование миром кавказских горцев и величественной природой было настолько сильным, что вскоре этно-реалистические и символико-романтические интерпретации Кавказа нередко с сильным сентиментальным оттенком заметно потеснили военные репрезентации: наряду с гиганскими полотнами появились камерные акварели, что были сродни литературным кавказским ориенталиям, заполонившими русскую литературу.[29]

"Бахчисарайский фонтан" Александра Пушкина и "Кавказский пленник" Михаила Лермонтова оказались решающими для формирования не только типологических признаков романтической литературы в духе ориентализма, но и живописи, определив ее сюжетно-романтическую направленность (работы Ивана Со-

колова, Николая Ге, Константина Фливицкого). Несуществующие в батальных сценах и сдерживаемые в альбомных зарисовках ориентальные фантазии в кавказском декоре получают наибольшее развитие в жанре иллюстраций. Именно по мотивам пушкинского "Бахчисарайского фонтана" Карл Брюллов, никогда не бывший на Кавказе, создает в 1849 г., много позже своего путешествия в Грецию и Турцию, ориентально-романтические ременесценции этого вояжа (*Илл.3*), бывшие разительным контрастом к натуралистическим гравюрам Степана Галактионова, первого иллюстратора этой пушкинской поэмы (1827).

Русские романтические путешествия по "чужому" и "своему" Востоку: общеевропейская схема. Таким образом, романтическое знакомство русских художников с реальным Востоком, начавшееся гораздо позднее появления войск Наполеона в Египте в 1798 г., первоначально происходило исключительно в контексте дипломатических и научно-политических российских миссий или в ходе русско-турецких и русско-персидских войн конца XVIII–начала XIX вв., и последующего за ними завоевания Кавказа. С небольшими временными цезурами, эти военные действия служили своего рода обрамлением, в контексте которого многие русские художники впервые обращались к ориентальным сюжетам, не делая большой разницы между "своим" и "чужим" Востоком.

Сам факт ангажированности русских художников государственными структурами и прямая зависимость их творчества от политико-прикладных задач, определяемых научно-дипломатическими экспедициями и генеральными штабами, определили характер большей части их ориенталий, состоящих, с одной стороны, из почти документальных зарисовок виденных пейзажей и встречаемых людей, ибо им предписывалось "снимать виды с мест и строений, а также фиксировать этнографические типы" для последующей сдачи их в Академию художеств, и, с другой стороны, из батальных сцен. При этом, если сюжетная сторона работ большинства художников была предопределена изначально спецификой структуры, к которой прикреплялся художник (что объясняет появление специализированности среди художников в области зоологии, ботаники, геологии, этнологии и т.д.), то техника их исполнения *in situ* была продиктована напряженным ритмом экспедиций и спартанской обстановкой, царившей во время военных походов. Масляная живопись, оставаясь как правило невостребованной во время путешествия, была зарезервирована для последующих по возвращении сеансов в ателье, и практически все работы исполнялись сепией, акварелью или черным карандашом.

Вместе с тем, благодаря скалькированной с французской модели системы академического образования и предварительной стажировке в странах Европы, первые ориенталистические опыты русской художественной школы 1800-1850-х гг. вполне укладывались в рамки европейского ориентализма в его романтико-академической редакции с достаточно сильно ощутимыми традициями классицизма.

Представители этой первой волны русских художников-ориенталистов, раздираемых между ожиданием сказочного Востока, необходимостью создания героизированых и преукрашенных ориенталий и не всегда соответствующей этому образу реальности, нередко в ходе путешествий теряют на время свои "итальянские очки". Вместо идиллий, создаваемых во время пребывания на Аппенинском полуострове, в которых библейские сюжеты пикантно пересыпались ориентальными конфетти, или в ходе работы над театральными постановками, воссоздающими по определению мир сказки, появляются работы подчеркнуто нарративные, близкие к жанру репортажа. Однако, по возвращению в Россию, многие вновь возвращается к академизированным схемам, наводняя многочисленные восточные ременесценции сентиментальной мечтательностью в духе позднего романтизма, свойственного мифотворческому видению Востока из мастерской художника.[30]

Несмотря на первоначальный успех у широкой публики, подобного рода работы вскоре вызвали резкое негодование со стороны крупнейшего художественного критика того времени Владимира Стасова, ставившего в пример художникам-романтикам "новый русский ориентализм", заявлявший о себе по мере увеличения числа российских путешествий в страны "классического" Востока.

Между романтизмом и реализмом. Физиономия русского ориентализма начиная с 1850-х гг. уже не вписывалась в клише "классического французского ориентализма" эпохи романтизма, сформировавшегося на гребне расцвета французской Академии художеств и успешной практики академических салонов. Академическо-романтическое видение Востока, ставшие символом ориентализма, для художников-представителей колониальных держав, появившихся на Востоке с вековым опозданием (Россия, Италия, Бельгия, Германия), было лишь одним из возможных, и уже не актуальных, вариантов. Стандарты салонного академического искусства, воспринимавшаяся рутиной вчерашнего дня, более не принималась.

В России же эта ситуация неприятия усугублялась еще и внутренним конфликтом, раздиравшим со второй трети XIX в. Императорскую академию, переданную в 1829 г. в ведение

Илл.4. К.Е.Маковский. Возвращение священного ковра из Мекки в Каир. 1876.

Министерства Императорского двора и попавшую тем самым в прямую зависимость от государственного бюрократического аппарата. Результатом этого стало формирование в ее стенах, пользуясь словами Ивана Тургенева, "ложно-величавой школы", что безуспешно пыталась "оживить одряхдевшую систему классизима романтическими исканиями".[31] Подобное искусство все сложнее находило отклик среди воспитанников Академии, вплоть до того, что ее выпускники в 1863 г. отказывались во время "бунта четырнадцати" писать конкурсную работу на историко-мифологические темы и покинули стены Академии.

На этом фоне восточные интерпретации ориенталистов из России второй половины XIX в. стартуют под знаком расцвета реализма, испытывая на себе последующие влияния импрессионизма, пост-импрессионизма и *арт нуво*. За редким исключением, они весьма далеки от французских академических клише. Ибо и это русские художники усвоили более чем хорошо: если и надо что-либо копировать, то только новое и самое "прогрессивное". К тому же ориенталистские штудии лежали вне магистрального пути развития русского искусства середины XIX в., поглощенного проблемами "народности" и "социальной значимости". Оринетализм, никогда не занимавший ключевого положения в истории русского искусства, окончательно уходит на маргинальные позиции, оставаясь синонимом академического, не-актуального салона.

Избегая столь невыгодной с точки зрения российской иерархии ценностей репутации ориенталиста, русские художники, даже те, кто реально путешествует по Востоку, стремятся искоренить малейшее напоминание об экзотизме и пряности виденного, сознательно лишая свои работы романтического ореала и придавая им характер натуралистических зарисовок (*Илл.4*), что все более напоминают странички из дневника путешествий по Турции (Алексей Боголюбов), Египту и Греции (Василий Поленов), Японии или Индии (Василий Верещагин).

При этом схема продвижения на Восток через Европу остается по-прежнему актуальной (эта ситуация сохраняется вплоть до 1917 года), как и социальный контекст российских путешествий. "Балканский вопрос" по-прежнему определял приоритетное "турецкое направление" русских ориенталий, как правило не из-

бежавших сильного влияния батального жанра. Часть художников, посетивших Константинополь в второй половине XIX века, были направлены в Турцию Российским Генеральным штабом (Алексей Боголюбов; Василий Поленов) или Министерством внутреннего двора (Николай Гриценко). Начало же русско-японской войны спровоцировало появление художников на Дальнем Востоке (Василий Верещагин, Георгий Якулов). Вместе с этим появляется новый тип независимых путешественников, что устремляются на Восток на свои собственные средства, нередко для создания картин на библейские темы.[32] Единичным представляется путешествие Эмиля Вилье де Лиль-Адана, что в 1889 г. отправляется по приглашению профессора Николая Кондакова в Константинополь для выполнения рисунков с древних византийских памятников.

Продолжение строительства "своего" Востока: Средняя Азия. В этот момент "смены стиля" восточные провинции России пополняются Русским Туркестаном (1865-1885), художественное постижение которого, развиваясь в контексте колониального захвата, следовало "кавказскому сценарию". Первые российские художники – большей частью не свободные творцы, а ангажированные участники различных военных операций и научных экспедиций – ограничили себя документально-точной фиксацией реалий среднеазиатского Востока, привлекательного и своей экзотической архитектурой, и специфическими пейзажами, и разнообразным в этническом плане населением. Эта документально-протокольная тенденция точного воспроизведения увиденного, отмеченная повышенным интересом к этнографии края, характерная как для книжной графики, так и для станкового искусства и находящая прямые параллели в фотографии, доминировала в работах посвященных Средней Азии, окончательно оттеснив романтизм 1820-1850-х гг. (*Илл.5*).

А потому первые посетившие Среднюю Азию художники,[33] опираясь на традиции передвижничества, как правило, предпочитали пейзажный жанр и архитектурные зарисовки, развивая в меру собственного таланта весьма прозаичные принципы натурализма и этнографизма или же, придавая ориентальным штудиям политический подтекст, стремились оправдать имперские амбиции России и одновременно создать символические образы бедствий войны (Василий Верещагин, Николай Каразин). И если в первом случае сложно углядеть негативное отношение к изображаемой Средней Азии,

Илл.5. Ф.А.Рубо. Взятие Геок-Тепе. 1891.

Илл.6. В.В.Верещагин.
Двери Тимура (Тамерлана). 1871-1872.

то во втором явно прослеживается сценарий, обрисованный Э.Саидом.

Окончательно позабыв батальные сцены на Балканах и сознательно отбросив принципы романтического академизма, российские художники к концу XIX в. превращают Кавказ и Туркестан, ближайший к России и уже собственный, относительно хорошо освоенный Восток, в своего рода полигон, где обкатывались новейшие принципы живописи, как родившиеся в России, так и усвоенные в Париже.

Реализм, символизм и импрессионизм на "своем" Востоке. Типичное передвижническое произведение, для которого характерны сумрачно-безрадостный колорит, скупость живописных средств, тяготение к сюжетности, прямолинейно выражавшей гражданские чувства автора, не нашло себе привелигированного места ни в кавказских, ни в туркестанских ориенталиях, за исключением работ Василия Верещагина, которые, однако, для многих стали визитной карточкой среднеазиатского ориентализма (*Илл.6*).

Не патриотизм и не гражданский долг, а повышенная эмоциональность восприятия натуры при реалистической манере изображения формировали "свой" Востока в работах русских передвижников. Гораздо более адекватным в этом контексте стал живописный язык, в котором явно угадывался акцент французских импрессионистов и для которого были характерны солнечность, смелость в обращении с цветом, легкость мазка и определенное упрощение формы.

И если первоначально туркестанские и кавказские пейзажи еще вполне сопоставимы с реалистическими изображениями русской природы,[34] то впоследствии, в 1890-1910-е годы, что утвердили импрессионистское видение, их ближайшим географическим прототипом становиться Ницца, Палестина, Тунис и Алжир, параллели которых вычитываются в работах Исаака Левитана, Архипа Куинджи, Константина Коровина, Осипа Браза, Николая Кузнецова и Рихарда Зоммера.

На рубеже веков, в предверии "сумерков Европы", Восток все более становится лишь предлогом для художественным эксперементов и духовных исканий. Михаил Врубель, еще в ранние годы решительно противопоставлявший "культ глубокой натуры" передвижнической журналистике, создает принципиально иные по характеру иллюстрации к лермонтовской поэме "Тамара и Демон" (1890-1891), главный герой которых – Демон, вскоре перерастает рамки литературных иллюстраций, теряет узнаваемый кавказский антураж и превращается в самостоятельный вневременной и внетерриториальный символ бунтующего духа ("Сидящий Демон", 1890).

Сходное по характеру стремление – найти высшую правду и высший смысл бытия на Востоке, не задетом черной копотью европейской цивилизации – позже поддтолкнуло Николая Рериха к созданию своих ориенталий, отправной точкой который был уже не Кавказ. Опосредованно, через древнерусскую историю и опыт русских балетов в Париже[35] первоначально весьма абстрактно Николай Рерих обозначает эту мистическую территорию, изображению которой уже соответствует иная техника, основанная не на масляной живописи, а на темпере и цветных грунтах. Затем его духовные поиски становятся все более конкретными и более географически привязанными. Индия, привлекавшая художника еще с 1910 г., становится реальностью в 1923-28 гг., когда состоялась большая азиатская экспедиция Рериха и его семьи, прошедшая по труднодоступным районам Северной Индии, Монголии, Китая, Тибета, Среднюю Азию, Алтай и Забайкалья. Богатые научные материалы по археологии, лингвистике, этнографии, истории, искусству, собранные в ходе путешествия, были дополнены в ходе второй экспедиции Рерихов по Азии, в 1934-35 гг. Однако выбор "земли обетованной" был сделан ранее: с 1928 г. Николай Рерих с семьей поселился в долине Кулу в Индии.

Илл.7. В.Д.Поленов. Христос и грешница. 1888.

Библейский Восток. Это стремление найти высший смысл на Востоке состыковывалось с многочисленными библейскими реминисценциями в русской живописи. Многочисленными в силу того, что с одной стороны, библейские сюжеты с момента основания Санкт-Петербургской Академии художеств входили в состав привелегированных и обязательных для исполнения по окончании курса обучения, с другой – потому, что позволяли художникам внести свою лепту в активные религиозные споры русского общества XIX в., нередко используя библейские мотивы для выражения своей гражданской позиции.

Будучи хорошо знакомы с мировыми примерами библейских интерпретаций,[36] русские художники в поисках истины стремились попасть в Палестину, на место реальных событий. Путешествие в Иерусалим стало мифом, подразумевающим для счастливчиков последующую духовную инициацию. Для Александра Иванова, мечтавшего на протяжении всей своей жизни о подобном путешествии, эта мечта осталась не осуществленной и все свои многочисленные этюды, как пейзажные, и портретные, готовившиеся в течении двух десятилетий (1837-1857), для написания картины "Явление Христа народу" были написаны им в Италии, которая, в который уже раз, играла роль Востока для русских. Вдохновленные этой страстной мечтой Александра Иванова побывать в Палестине, многие художники, в поисках собственного смысла Библии, все же сумели побывать на земле обетованной. И не редко, изначально ограничивая задачи своего путешествия поисками реальных декораций для иллюстрирования Нового завета, попав в самое сердце Востока, они не замечали деталей, что могли бы служить точкой отсчета для ориентальных фантазий в духе салонной школы, сознательно отметая все, что не соотносилось с высокими идеями христианства.

Вместе с тем, историзм, получивший широкое распространение среди художников-реалистов, поддалкивал к созданию своего рода исторических реконструкций на библейские темы, где декор, вполне ориентальный и имевший в качестве предистории серию великолепных натурных зарисовок, был соотносим с XIX веком, а сюжетная стороны – с началом христианской эры. Подобное совмещение несовместимого – абстрактной идеи и правдивой реальности – создавало своеобразное ощущение театральности происходящего и надуманности самой постановки (Василий Поленов, Иван Крамской, Василий Суриков, Генрих Семирадский). С другой стороны, если в качестве сюжета избирался эпизод наименее канонизированный художественной традицией, результатом нередко были вполне натуралистические по исполнению картинки типичного "путешествия на Восток" (Василий Поленов), ибо посещение Иерусалима не гарантировало постижения высшего смысла (*Илл.7*).

А потому, среди самых впечатляющих библейский циклов – знаменитые "Библейские этюды» Александра Иванова и эскизы неосуществленных росписей "Надгробный плач» и "Вос-

Илл.8. Н.Н.Ге. Голгофа. 1892.

кресение" для Владимирского собора в Киеве Михаила Врубеля (1887), созданные художниками, ни разу не ступившими на территорию земли обетованной. К ним примыкают и евангельские сюжеты Николая Ге 1880-1890-х гг., экспрессивные и лихорадочные, пугающую своей взволнованностью и условностью и соответственно не нашедшие признания ни церковной администрации, ни руководства Академии художеств (*Илл.8*). Впрочем, работы Натальи Гончаровой также не встретили одобрения: в 1912 г. церковная цензура выступила против четырехчастного цикла "Евангелисты", показанного на выставке "Ослиный хвост". С другой стороны, в изображении библейских сцен важную роль играло византийское наследие, что влияние наиболее явно прслеживалось в монуметнтальной храмовой живописи не без сильной ноты академизма.[37] В общем же, создание библейских сцен, даже если им предшествовало путешествие в Палестину, не может быть рассмотрено в рамках ориентальной живописи.

Наряду с христианством, хотя и значительно реже, в работах русских художников появлялись сцены, связанные с Исламом или другими восточными религиями. В частности, Константин Маковский, после своего путешествия в 1876 г. в Египет, Сербию и Болгарию, изобразил ритуальное "Возвращение священного ковра из Мекки в Каир" (*Илл.4*), а Степан Бакалович, после посещения Египта в 1903 г., воссоздает по вполне академическим схемам пантеон древних египетских богов.

Свое "восточное" прошлое: привилегированная область российского мифотворчества. Интерпретируемая с позиций человека, образованного на европейский манер постпетровского времени, вся допетровская история могла показаться "азиатской и варварской". Казалось, достаточно было вглядеться повнимательнее в свое собственное прошлое, чтобы обнаружить там свой "исконный", а не приобретенный в ходе колониальных завоеваний Восток. С точки зрения западного обывателя подобное мифологизированное видение истории России как изначально страны неевропейской было чем-то само собой разумеющиеся;[38] с русской же точки зрения, как показывают многочисленные споры в литературных и философских кругах на протяжении двух последних третий XIX в., оценка допетровского прошлого России была неоднозначной и не радикально уничижительной. "Степные" предки россиян (чаще скифы, чем монголы или гунны), которые признавались как таковые первоначально только в среде славянофилов, не ассоциировались с "варварами", но с "арийцами", "прародителями" всех европейцев (А.С.Хомяков).

Но в художественной среде отсыл к столь далеким пластам азиатской подосновы русской культуры, не получил широкого развития. Интерес к национальным корням, унаследованный от немецкого романтизма, не трансформировался у художников в потребность искать в прошлом России Азию; первоначально речь шла о том, что российская история, не углубляемая далее киевской эпохи, могла стать сюжетом исторической картины и быть приравниной к античным и библейским сценам по важности жанра. Вслед за Антоном Лосенко, впервые обратившемся к национальной истории ("Владимир и Рогнеда", 1770), последовала целая плеяда художников, в чьей интерпретации российское прошлое эволюционировало от журналистского бытописательства передвижнечества к эстетическому универсализму волшебной сказки и былины, созвучному духу модерна. Этот переход от реализма к придуманному миру, идущий паралелльно процессу романтической фольклеризации русской народной культуры, нередко, как и библейские сюжеты, выстраивал ловушку для художников, пытавшихся наделить создания народной эпоса осязаемой плотью современников и вместе с тем не потерять сказочности (Виктор Васнецов, Иван Билибин, Елена Поленова, Борис Кустодиев, Аполлинария Васнецов, Андрей Рябушкин и Сергей Иванов). В этом противостоянии сказки и реальности ближе к последней стояли панорамные, сродни опере, исторические эпопеи, классичес-

ким образцом которых являются работы Василий Сурикова и реалистически-точные, как будто речь шла о вчерашнем дне, жанровые реконструкции сцен русской истории (Николай Ге, Илья Репин), вызывавшие среди современников как волну почитания именно этим подражанием исторической конкретности, так и резкую критику, упрекавшую авторов в излишнем натурализме, за которым скрывался явный параллелизм между историческими событиями и российской современностью.

Желание реконструировать специфическое историческое прошлое России наилучшим образом реализовывалось в театре, где Россия рядилась то в азиатские, то в европейские одежды, предлагая, как в опере Александра П. Бородина "Князь Игорь" считать "своими" и киевского князя Игоря, и половецкого хана Кончака.[39] Эта амбивалентность позиции русских, то причисляющих себя к европецам, то говорящих о наличии "славянской души", особенности которой восходили к скифскому прошлому, позволила не только полярно оценивать собственную историю, но и, уже сознательно, играть роль Запада на Востоке (особенно в случае с Кавказом и Туркестаном) и Востока на Западе. Классическим примером создания русскими художниками Востока по мерке Парижа были некоторые из знаменитых русских балетов Сергея Дягилева. С другой стороны, поиски языческих азиатских корней русской культуры нередко принимали мистический характер, далекий от парижской моды, что не всегда находило понимание в Европе (в частности, освистанный в Париже балет "Весна священная" Петра Стравинского при участиии Николая Рериха), ожидавший более простые для "усвоения" фольклорно-былинные интерпретации прошлого России.

Игры "в Восток" в России "серебряного" века. В конце XIX–начале XX вв. Россия, подхваченная мощными восточностремительными ветрами, с головой погрузилась в игру в Восток. Большая часть русской элиты устами Александра Блока с его знаменитыми "да скифы мы, да – азиаты мы" приняла автохтонистскую аргументацию, оформленную в 1840 г. в стройную теорию А.С.Хомяковым, где арийцы, скифы и русские были звеньями одного единого пространственно-временного континиума. Рассуждения об Азии в этом ключе, манившей на символическом уровне своей экзотикой, духовной целостностью, первозданностью, неиспорченной цивилизацией, наполнили писания философов (Соловьев, Вернадский, Бердяев, Лосев), поэтов (Белый, Иванов, Брюсов, Бальмонт, Хлебников, Гумилев) и работы художников ("Голубая роза", "Мир искусства", Кандинский). Отчасти это было связано, как всегда, с подражаниями европейской моде, отчасти – с широким распространением масонства, духовно и ритуально тяготевшего к Востоку, и увлечением теософскими концепциями, и, конечно, с первыми серьезными успехами освоения царизмом Средней Азии и Дальнего Востока.

Эмблематической фигурой фантазийных художественных ориенталий, свободных от имперского подтекста и получивших широкое распространение в художественной среде, был Александр Бенуа, глава и вдохновитель объединения "Мир искусств". Затеянная им игра в Восток разворачивалась на всех уровнях: главным персонажем, ведущим детей от буквы к букве в "Азбуке в картинах» (1905) был маленький арапчонок; флирт в беседке Версальского дворца времен Людовика XIV превращался в классический китайский театр теней; прикованные к набережным Невы питерские сфинксы вдруг обнаруживали признаки своей мистической жизни, а созданная им частная балетная труппа, начавшая в 1909 г. свои триумфальные гастроли по Парижу в содружестве с Сергеем Дягилевым, интерпретировала с неиссякаемой фантазией ориентализированную русскую историю, музыкой и танцами налоняя Париж, опьяневший от яркости костюмов и декораций.

Подобная игра в Восток не всегда находила положительный отзыв у художественной критики (Абрам Эфрос), предпочитавшей более синкретическое и медицирующее видение Азии, выстраиваемое в работах Павла Кузнецова и Мартироса Сарьяна, отвергавших быт в угоду бытию. Русское искусство, что когда-то отвернулось от романтического ориентализма, теперь не хотело признавать его утонченно-рафинированной мир-искусснической версии, не находя в ней ответа на три проклятых русских вопроса "Кто мы?", "Откуда мы?" и "Что делать?". Диптих Павла Филонова[40] задавал первые два вопроса. Третий же вопрос "Что делать?" для многих художников актуализировался после революции 1917 г., которая для многих ассоциировалась с темной и мощной силой, соизмеряемой скорее с Востоком, чем с Западом. Сделанный выбор связал одних с властью большевиков, предпочитавших говорить о Востоке не аллегориями, а оссязаемыми образами коммунистической пропаганды "дружбы народов",[41] и сомкнувших границы доступного для художников Востока почти исключительно рамками советских Кавказа и Средней Азии.[42] Другие же выбрали эмиграцию, путь в которую нередко пролегал через Кавказ или Среднюю Азию (Максимилиан Волошин; Сергей Судейкин, Александр Бенуа, Иван Билибин, Александр Яковлев, Александр Рубцов).

Революция 1917 г. послужила моментом бифуркации, начиная с которого создавались два типа ориентализма в рамках российской художественной школы. Один, создаваемый теми, кто уехав из России, получил возможность развития в рамках общеевропейских художественных исканий, практически вне всякого контакта с евразийским интеллектуальным движением, доведшим до логичного конца славянофильские рассуждения о восточной сущности России (Н.С.Трубецкой, П.Н. Савицкий). И другой, изолированный в закрытом пространстве, но сохранивший свой европейский характер, начинает свое круговое движение в рамках советского искусства, трансформируя "Восток" в экспериментальное поле коммунизма.[43]

* * *

Неоднозначность российского восприятия Азии, проявившая себя на уровне философских и литературных дискуссий, политических анализов и имперских проектов, не миновала и область живописных интерпретаций. Художественный ориентализм, импортированный в Россию на волне увлечения "китайщиной", представлял из себя сложное явление, чрезвычайно растянутое во времени, отмеченном различными идеологическими и философскими течениями и разными художественными манерами и эстетическими пристрастиями. Правила зеркального отражения, по которым строились отношения России и Европы с одной стороны, и России и Азии, с другой, удерживали российских мыслителей от монолитной негативной оценки Востока, которые могли быть с легкостью адресованы самой России. Однако, несмотря на определенную позитивную идеализацию Азии, в которой искали истоки российской самобытности, Россия, ощущавшая себя носительницей европейской цивилизации на Востоке, не избежала создания идеологического оправдания своего господствующего положения в регионе, использовав уже отработанные европейские рецепты, в том числе и в области живописных репрезентаций. Многогранность российского художественного ориентализма, семиотически фрагментированного от резко-уничижительных интерпретаций Востока до поэтически-возвышенных, усугубляется также тем, что российские азиатские колонии на Кавказе, в Туркестане и на Дальнем Востоке анализировались в разных терминах культурной инаковости и были неоднозначно художественно освоены. Как не удивительно, оригинальные и позитивные интерпретации Востока, свободные от политической ангажированности, дебютируют в русском художественном ориентализме лишь в начале XX в. с тем, чтобы исчезнуть к концу его второго десятилетия под давлением коммунистической пропаганды.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Lewis B.* The Question of Orientalism // Islam and the West. New York, 1993, p.101.

[2] *Said E.W.* Orientalism. Western conceptions of the Orient. New York, 1978.

[3] *Knight N.* V.V.Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalisme in Service of Empire // Slavic review, 2000, vol.59, No 1 (Spring 2000), p.74-100; *Adeeb Kh.* Russian History and the Debat over Orientalism // Kritika. Exploration in Russian and Eurasian History. Indiana University: Slavica Publishers, New Series, vol.1, No 4 (Fall 2000), p.691-700; *Knight N.* On Russian Orientalisme: A Response to Adeeb Khalid. Ibidem, p.701-716; *Todorova M.* Does Russian Orientalisme Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight et Adeeb Khalid. Ibidem, p. 717-728; *Schimmelpenninck van der Oye D.* Ориентализм – дело тонкое // Ab Imperio, vol.1, Казань, 2002, p. 249-264; *Эткинд А.* Бремя бритого человека или внутренняя колонизация России // Ibidem, p.265-298; *Khight N.* Was Russia its own Orient? Reflections on the Contributions of Etkind and Schimmelpenninck to the Debate on Orientalism // Ibidem, p.299-310; *Campbell E.* К вопросу об ориентализме в России (во второй половине XIX – начале XX века) // Ibidem, p.311-322.

[4] *Riasanovsky N.V.* Asia through Russian Eyes // Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia ont the Asia peoples,. Palo Alto: Hoover Institution Press, 1972, p.3-29; *Brower D.R., Lazzerini E.J.* (ed.). Russia's Orient: imperial borderlands and peoples, 1700-1917, Bloomington, Indiana University Press, 1997; *Sahni K.* Crucifying the Orient: Russian orientalism and the Colonization of Caucasus and Central Asia. Bangkok - Oslo, 1997; *Bassin M.* Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865 // Cambridge Studies in Historical Geography, 29, Cambridge, 1999; *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the rising sun : Russian ideologies of empire and the path to war with Japan, DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2001; *Silverstein B.* Discipline, knowledge and imperial power in Central Asia. 19th century notes for a genealogy of social forms // Central Asian Survey, 2002, 21 (1), p.91-105; *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire, London – New York, 2003; *Ram H.* The imperial sublime: a Russian poetics of empire, Madison, University of Wisconsin Press, 2003; *Sidikov B.* Eine unermessliche Region // Deutsche Bilder und Zerrbilder von Mittelasien (1852–1914). Berlin, 2003.

[5] *Wolff L.* Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford University Press, 1994.

[6] *Peltre Ch.* Les Orientalistes. Paris, 1997; *MacKenzie J.M.* Orientalism: History, Theory, and the arts. Manchester University Press, 1995; *Ackermann G.M.* Les orientalistes de l'école américaine, Courbevoie, 1994; *Thornton L.* La femme dans la peinture orientaliste. Courbevoie, 1985; *André-Pallois N.* L'Indochine: un lieu d'échange culturel? Les peintres français et indochinois (fin XIXe-XXe siècle). Presses de l'École française d'Extrême-Orient, Monographies, No 184. Paris,1997.

[7] В частности: *Knight N.* V.V.Grigor'ev in Orenburg; *Sidikov B.* Op. cit.

[8] В частности: *Layton S.* Russian literature and empire : conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy, Cambridge – New York, 1994; *Hokanson K.* Literary Imperialism, *Narodnost',* and Pushkin' Invention of the Caucasus // Russian Review 53:3 (July 1994), p.336-352; *Сопленков С.В.* Дорога в Арзум. Русская общественная мысль о Востоке. М., 2001.

[9] В частности: *Bassin M.* Op.cit.; *Schimmelpenninck*

van der Oye D. Toward the rising sun; *Brower D.* Op.cit.

[10] *Schimmelpenninck van der Oye*, Ориентализм – дело тонкое, с. 261-263; *Brower D.* 2003, op. cit., p. 49-50.

[12] *Веймарн Б.В.* Искусство Средней Азии. М., 1940; *Круковская С.М.* Русские художники в Средней Азии в 1890-1900 гг. (рукопись, Институт искусствознания Академии художеств Узбекистана, ИЖ, К-84, инв.243; *Чабров Г.Н.* Средняя Азия в литографии // Звезда Востока, 1946, № 6; *Он же:* Восточные окраины России в русском изобразительном искусстве XVIII века. Ташкент, 1957; *Он же:* Художественное оформление туркестанской литографированной книги (1880-1917) // История таджикского народа, вып. 2, Сталинабад, 1960, с. 205-224; *Он же:* Забытые картины (природа Средней Азии в произведениях русских художников второй половины XIX–начала XX века // Вопросы изобразительного искусствва Узбекистана, Ташкент, 1963, с.107-120; *Такташ Р.Х.* Изобразительное искусство Узбекистана. Вторая половина XIX – шестидесятые годы XX века, Ташкент, 1972; *Долинская В.Г.* Искусство Средней Азии и Казахстана // Искусство народов СССР второй половины XIX- начала XX века, т. 6, М., 1981, с.399-413; *Gorshenina S.* L'orientalisme au Turkestan russe: l'héritage des peintres russes et occidentaux // Chemin des étoiles. Au fil de la Route de la Soie, Paris, Transboréal, 2003, p.242-250.

[13] *Ларюэлль М.* Двойственность русского взгляда на "Восток" // "Неприкосновенный запас", 2003, № 3(29).

[14] Diment G., Slezkin Yu. (ed.): Between heaven and hell : the myth of Siberia in Russian culture. New York, 1993; *Slezkin Yu.* Arctic mirrors : Russia and the small peoples of the North, Ithaca: Cornell University Press, 1994.

[15] *Эткинд А.* Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // НЛО, 2001, № 49, с. 50-74; *Он же*: Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // НЛО, 2003, № 59.

[16] Жан-Батист Тьепало, Карло Торели и братья С. и Л. Барощци (роспись плафонов), Пьетро Ротари (полотно "Александр Македонский и Роксана", 1756).

[17] *Швидковский Д.* Екатерина II: архитектурная биография // Проект классика I(III)–MMIII.

[18] *Лысков В.П.* Персидский поход Петра I (1722-1723). М., 1951.

[19] Прямой перевод с подлинников на русский язык начал осуществлятся в 1820-1830 гг.

[20] См.: *Михайлова К.В.* Сильвестр Щедрин, Л., 1984.

[21] Так, первые ориентальные работы Михаила Врубеля – "Восточная сказка" и "Девочка на фоне персидского ковра" (обе 1886 г.) – появились уже в Киеве, после нескольких месяцев, проведенных в Венеции.

[22] *Слонимский Ю.* Дидло. Вехи творческой биографии, Л.-М., 1958.

[23] "Кавказский пленник" (по рисункам горцев А.О.Орловского 1816 г.), "Сумбека, или Покорение Казанского ханства" (костюмы Ф. Серкова).

[24] *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века, М., 1996.

[25] Последующая дипломатическая миссия графа Юрия Головкина (1804-1809; путешествие от Москвы до Урги (ныне Улан-Батор) и далее до китайской границы): Андрей Мартынов, Тимофей Васильев и Иван Александров.

[26] 11-я пекинская миссия: Антон Легашев (зачислен в 1829 г.); 12-я миссия – Кондратий Корсалин (1840); 13-я миссия – Иван Чмутов (1849); 14-я миссия – Лев Игорев (1857). См.: *Смирнов Г.Ю.* Антон Михайлович Легашев (1798-1865). Кондратий Ильич Корсалин (1809–после 1872). Иван Иванович Чмутов (1817-1865). Лев Степанович Игорев (1822-1893) // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Середина девятнадцатого века. Под ред. А.И.Леонова, М., 1958, с.541-552.

[27] Башня-руина (Юрий Фельтен, 1771); колонны Чесменская (Чарльз Камерон, 1771), Морейская (Антонио Ринальди, 1771), Крымская; Кагульский обелиск (Антонио Ринальди, 1771-1772), Турецкий киоск и Турецкий каскад.

[28] *Edwards H.S.* Russian projects against India from the czar Peter to General Skobeleff. London, 1885; *Atkin M.* The pragmatic diplomacy of Paul I // *Slavic Review*, 38, 1979, p. 60-79.

[29] См. работы Карла И. Рабуса, Григория Гагарина, братьев Григория и Никанора Чернецовых.

[30] Наиболее разителен этот контраст в работах Брюллова и братьев Чернецовых, чего не скажешь о работах Ивана Айвазовского, предпочитавшего писать свои морские пейзажи в ателье.

[31] *Стернин Г.Ю.* Введение // История русского искусства, т. 8. М., 1965, с.15.

[32] Василий Поленов: путешествие по Греции, Турции и Ближнему Востоку (Сирию, Египет и Палестина), 1881–1882, 1884 гг. и по Палестине (1899 и 1909). Константин Маковский: путешествия 1876 г. в Египет, Сербию и Болгарию. Степан (Стефан) Бакалович: Алжир, 1882; Египет, 1903.

[33] Среди россиян выделяются Рихард Зоммер, Степан Юдин, Иван Казаков и Леон Буре.

[34] Работы Федора Васильева 1871-1873 гг.

[35] Художником было оформлено более десять спектаклей для труппы Сергея Дягилева.

[36] В Академии художеств обязательной практикой было выполнение копий с произведений мастеров мировой живописи.

[37] См., например, оформление Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге.

[38] Об "азиатском", зачастую негативном образе России, сложившимся в Европе, см.: Pelus M.-L. Un des aspects de la naissance d'une conscience européenne: la Russie vue d'Europe occidentale au XVIe siècle // La conscience européenne au XVe et XVIe siècles, Actes du Colloque onternational organisé à l'École Normale Supérieure de Jeunes Filles, Paris, 1982, p.307-328; *Malia M.* L'Occident et l'énigme russe: du cavalier de bronze au mausolée de Lénine, trad. de l'anglais par Jean-Pierre Bardos. Paris, 2003 (1e éd.: Russia Through the Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge,1999); *Poe M.T.* A people born to slavery: Russia in early modern European ethnography, 1476-1748, Ithaca N.C. [etc.] : Cornell Univ. Press, Studies of the Harriman Institute, Columbia University, 2000.

[39] *Schimmelpenninck van der Oye D.* Ориентализм – дело тонкое, с.262-263.

[40] Павел Филонов, «Запад и Восток. Восток и Запад» (1912-1913).

[41] В частности, Лансаре исполнил для ресторана Казанского вокзала до революции эскизы плафона, где союз Европы и Азии изображался аллегорически (Европа на быке, Азия на драконе), после 1917 г. – в виде конкретных сцен "дружбы народов".

[42] Исключения 1920-начала 1930 гг.: Сергей Герасимов: путешествия 1925 года по Италии, Турции и Греции; Василий Шухаев: Марокко, 1932.

[43] *Горшенина С.* Синяя птица среднеазиатского авангарда // "Общественное мнение", Ташкент, 1998, №1, с.125-138.

РЕМИНИСЦЕНЦИИ ДРЕВНЕЙ ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТАДЖИКОВ

ВИКТОРИЯ КРЮКОВА

Традиционная культура таджиков донесла до нас многие образы и идеи минувших эпох. Сохранились ли в этой культуре следы былого храмового зодчества, неотъемлемой части древнейших цивилизаций, процветавших некогда в иранских землях?

Одним из наивысших проявлений традиционной культуры, в том числе таджикской, служит свадебный обряд. Идея воспроизводства мира и совершения ради этого жертвы сочетается в нем с ожиданием райского блаженства. В качестве такой жертвы, являющейся основой воспроизводства, выступает сама невеста. Об этом свидетельствует, помимо акта соития, ее обыкновенный плач, красное – по цвету крови, или белое, подобное траурному, одеяние, соблюдаемый в некоторых местностях обычай заклания перед ее ногами "заместительного" жертвенного барана возле порога дома жениха, обведение невесты вокруг костра и многие другие детали. Если обратиться к индийским параллелям, обряд бракосочетания можно рассматривать как "*яджню*, жертвоприношение, в котором жертвующий является отцом невесты, а сама невеста – жертвой, *пашу*, в то время как будущий муж играет роль божества".[1] Очевидно, что при таком подходе неотъемлемой частью происходящего следует полагать и окружающее пространство, которое в ходе совершаемых ритуальных действий преобразуется в наивысшей степени сакральное, подобное храмовому и сопоставимое с райским.

Одним из примеров, раскрывающих смысл этого сравнения, служит устроение комнаты новобрачных, описанное в этнографической литературе XX в. и, в общих чертах, повторяемое в некоторых районах Таджикистана доныне. Непременной принадлежностью свадебного ритуала являются специально изготавливаемые вышивки – простыня для постели новобрачных *руйджо*, покрывало на изголовье *болинпуш*, коврик для совершения молитвы *джойнамоз*, а также большая настенная вышивка *сюзани,* узкое, порой многометровое по длине полотно *зардевор,* вывешиваемое под самым потолком комнаты, и, иногда, покрывало на детскую колыбель. Само брачное ложе состоит из всех тюфяков и одеял невесты, – высота постели, безусловно, имеет определенное значение, – поверх которых помещают простынь *руйджо*, на подушки же кладут *болинпуш*. В некоторых местностях на одеяло, которым укрываются молодые, накидывают большую вышивку *сюзани*. По совершении свадебных обрядов вышивки на некоторое время развешивают на стены, а затем убирают.[2]

Наибольший интерес вызывает орнамент вышивок, век за веком последовательно доносящий до новых поколений если не знание – ведь порой понимание того или иного символа со временем теряется, – то, во всяком случае, некий образец, по которому происходит постоянное воспроизведение основ традиционной культуры, ребус, расшифровать который могут помочь древнейшие изображения и тексты. Среди свадебных вышивок, пожалуй, самым ярким подобным примером служат орнаменты, наносимые на покрывала для изголовий *болинпуш.*

Примерно квадратное по форме свадебное покрывало на изголовье часто бывает орнаментировано вышитыми на нем концентрическими розетками, вписанными в квадраты, являясь, таким образом, своеобразной "мандалой", представляющей устройство мироздания. Характерным примером служит *болинпуш* из собрания МАЭ РАН (Кунсткамера) (7304-19) [*Табл.I*]. Если рассматривать это покрывало от центра к краям, то сначала в поле зрения попадают три цветочные розетки, наложенные одна на другую, подобно трем областям мироздания (мир богов, земля и, между ними, населенное людьми пространство), нанизанным на мировую ось. Последняя является одновременно и мировым древом (об этом напоминает само изображение цветка), и жертвенным алтарем, на котором было произведено первое жертвоприношение (самый маленький цветок с пятью лепестками является стилизованным изображением распластанной человеческой фигуры),[3] положившее начало "запуска" циклического движения Вселенной. Идею этого движения передает охва-

тывающее розетки кольцо, разноцветными стреловидными элементами указывающее на направление против часовой стрелки. Кольцо, в свою очередь, обрамляют еще две окружности с неровными краями, в большей из которых можно разглядеть стилизованный хоровод змееногих богинь, – дев со змеиными хвостами вместо ног, изображение которых у греков и иранцев в древности было связано с культами плодородия.

Три цветочные розетки орнамента, окруженные тремя кольцами, вписаны в три квадрата, наложенные один на другой. Таким образом, трижды воспроизведено число "три", сакральное для многих народов и передающее, в данном случае, вертикальное строение мира. Сами квадраты, несомненно, являются указанием на четыре стороны света, в которые распространяется обитаемый людьми мир в плоском измерении. На поле среднего квадрата нанесено изображение бегущей волны, сулящее живительную влагу, плодородие, плодовитость.

Присутствие такой "мандалы" в доме – не просто символ или аллегория. Напротив, это реальное подтверждение принадлежности людей, в данном случае молодоженов, к существующему миру, изображение, потенцирующее воспроизводство этого мира. Не случайно и использование подобного покрывала во время свадебного ритуала, тесно связанного с идеей жертвы и возрождения.

Другим знаковым предметом среди свадебных вышивок является простынь *руйджо* (7304-4, МАЭ РАН (Кунсткамера)) [*Табл.II*], на которой вышивается заполненная цветочными розетками широкая кайма в форме арки (или буквы "П"). Основное поле остается свободным от вышивки. Так же, как и в случае с покрывалом на изголовье *болинпуш*, изображение цветов на вышивке глубоко символично. Сходными, но, вероятно, более ранними по отношению к *руйджо* являются орнаменты свадебных вышивок *сюзани*, на которые помещают циклические композции из цветочных розеток, или полностью покрывают материал рядами розеток. Цветочные гирлянды и венки широко используются в различных индоевропейских обрядах, особенно свадебных. В индийских ритуалах, как индуистских, так и зороастрийских, засвидетельствованных у парсов, свадебная цветочная гирлянда вывешивалась на дверь дома невесты и носила наименование *toran,* "арка", являясь символом заключаемого брака.[4] По-видимому, будучи непременной деталью именно храмовой архитектуры (в противоположность архитектуре жилища), эта "арка", составленная из цветов, служила одним из знаков преобразования дома невесты в освященное совершающимся ритуалом место, родственное храму земному и небесному.[5]

Примечательно, что сходным с вышивкой на свадебной простыне *руйджо* образом, а иногда и с точным повторением орнамента, вышивается молитвенный коврик *джойнамоз,* с тем лишь отличием, что арка на нем имеет стреловидную форму, напоминая *михроб* – нишу в стене, указывающую направление на Мекку (ал-Кибла), в сторону которой мусульмане совершают молитву. После совершения брачных обрядов именно в такую нишу в стене дома в некоторых центральноазиатских районах укладывают постельные принадлежности. Завешивают эту нишу, как правило, той же самой простыней *руйждо*. Если постель хранится не в нише, то торцовая часть составленной из одеял и прочего стопки иногда прикрывается самим молитвенным ковриком. По сообщению доктора ист. наук Р.Р.Рахимова, в предгорьях Памира, если жилище строго ориентировано с севера на юг, ниша соответственно делается в западной торцовой стене дома и сохраняет название *михроб* (в противном случае ее чаще называют *ток* "арка" или *тахмон*). При совершении намаза в домашних условиях молящиеся находятся перед тем же самым *михробом*, в котором хранят постельные принадлежности. В противоположной, восточной торцовой стене того же помещения, непосредственно напротив *михроба*, находится каминное отделение, также оформленное в виде стреловидной арки. По образному выражению Р.Р.Рахимова, это каминное отделение, служащее для приготовления пищи, выступает своеобразным "женским алтарем" в таджикском доме.

Особый интерес представляет такая конструктивная особенность некоторых типов центральноазиатского жилища, как обилие стенных ниш. На первый взгляд, основным их предназначением служат разнообразные хозяйственные нужды, – в стенные ниши помещают посуду, постельные принадлежности и прочее, в то время как одна из ниш служит в качестве *михроба*.

На территории Центральной Азии появление такой архитектурной детали как стенная ниша зафиксировано еще в джейтунской культуре. Последняя бытовала в подгорной полосе Южного Туркменистана в VI тысячелетии до Р.Х. По словам В.М.Массона, планировка жилищ джейтунской культуры была стандартной: при почти квадратном плане дома у одной стены находился большой прямоугольный очаг с примыкавшим к нему хозяйственным отсеком, а противоположная очагу стена была оформлена "выступом, в котором была устроена небольшая ниша".[6] Таким образом, схема расположения очага и ниши у противоположных стен вос-

ходит к глубочайшей древности. В эпоху бронзы в цнтральноазиатском регионе на обширном пространстве функционируют протогородские центры цивилизаций, занимающих промежуточное положение между цивилизациями Месопотамии и долины Инда. Многочисленные стенные ниши, открытые на Алтын-депе и Гонуре (Туркменистан), характерны как для культовых, так и для иных помещений. Ими снабжены и стены могильных камер, по всей вероятности, имитирующих жилое пространство. Однако, в основном ниши свидетельствует, повидимому, о культовом характере зданий, в которых они были сооружены, указывая на наиболее вероятные места помещения святынь. Вместе с тем, и любое жилое помещение обладает той или иной степенью сакральности: дом является повторением храма и, соответственно, райской обители (не случайно одно из зороастрийских наименований рая, встречающееся уже в Гатах Заратуштры, – Дом Хвалы).

Что касается центральноазиатских областей, заселенных ираноязычным населением, то для времени, предшествующего мусульманскому завоеванию этих земель, имеется достаточное количество примеров бытования культово окрашенных ниш, постепенно контаминированных с мусульманским *михрабом.* Можно предположить, что ниша на Переднем и Среднем Востоке, а также в Центральной Азии являлась общим символом и сооружением для памятования или помещения в ней святыни. В этом значении, так же как и в древнейшие эпохи, ниша используется в зороастрийском, буддийском, христианском, митраистском культовом зодчестве, а затем находит свое место и в мусульманской культовой архитектуре. Так, принято считать, что идея *михраба* в исламской культуре заимствована и переосмыслена из христианской традиции. Основные значения арабского корня *hrb* "быть охваченным гневом, сердиться; грабить, отнимать", и, в качестве производного, "воевать, сражаться",[7] казалось бы, никак не поясняют употребление слова *михраб* для обозначения святилища или культовой ниши. Однако, можно предположить семантическую связь этого нового для кочевого мира культового сооружения с переносными святилищами, в том числе сопровождавшими арабские войска на поле боя (араб. '*otfe*). В Коране слово *михраб* употреблено, согласно переводу И.Ю.Крачковского, по отношению к "алтарям" Сулеймана (34:12) и "святилищу" Да'уда (38:20). Тем не менее, наиболее образно роль ниши, получившей в мусульманском зодчестве наименование "*михраб*" определена другим стихом Корана, правда, без упоминания самого этого слова: "Аллах – свет небес и земли. Его свет – точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло – точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного – маслины, ни восточной, ни западной. Масло его готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает..." (24:35, пер. И.Ю.Крачковского).

Вместе с тем, в Центральной Азии *михроб* сменил, скорее, культовую нишу предшествующих эпох, явившуюся одним из "универсальных" элементов, которые наследовались сменявшими одна другую религиями, а в наиболее приближенном к древнейшим прототипам осмыслении сохранились в рамках традиционной культуры.

Помимо собственно ниши как архитектурной детали домусульманских сооружений *михробу* в этом регионе предшествовали и другие культовые объекты, сходного, как представляется, назначения – служить вместилищем и обозначением места пребывания святыни. К их числу относятся так называемые "очажки" и повторяющие форму арок "заслонки", получившие распространение в домусульманском Согде и связанные, видимо, с местными домашними зороастрийскими или околозороастрийскими культами. Эти терракотовые изделия, детально описанные Г.А.Пугаченковой,[8] с одной стороны, вставлялись в стенные углубления или прислонялись к стене (перед одной из заслонок in situ был найден противень со следами горения), а, с другой, несли изображения, очевидно, важнейших с точки зрения семантической нагрузки архитектурных деталей. К их числу относятся колонны и арки, схематично рисовавшие храм. Г.А.Пугаченкова полагала, что именно форма и декор согдийских "заслонок" стали основой для формирования образа ранних михрабов в Центральной Азии, таких как михрабы IX-X вв. из Искодара, Самарканда, Мешхед-и Мисриана, а также михраба из Ашта, рассмотренного ею в отдельной работе.[9]

Но вернемся к таджикским свадебным вышивкам, одна из которых, а именно *руйджо,* служит одновременно и свадебной простыней, и завесой для михраба. Несомненно, изображение арки на простыне *руйджо*, равно как и помещение постели в *михроб*, не является случайным совпадением. Сама арочная форма как вышивки на свадебной простыне и молитвенном коврике, так и архитектурной детали, подразумевает связь в первую очередь с храмовой архитектурой и обращение к сфере божественного. Недаром сасанидские зороастрийские храмы назывались *чахартак* (*чорток*) – "четыре арки, свода" (в русский язык это слово вошло в двух вариантах – "чертог" и "чердак"). Как же объяснить отнесение постельных принадлежностей к миру молитвы и храма?

Разрешить загадку может помочь обычай, бытующий у другого иранского народа, курдов-йезидов, религиозная традиция которых сохранила архаичные черты, уводящие нас в далекое прошлое. Дело в том, что у йезидов в качестве помещений для молитв служат домаочаги пиров и шейхов. Священным местом и, по словам Х.Омархали, "центром отправления культа" в них является стоящая у стены отдельной комнаты, в которой всегда поддерживают освещение, высокая стопка постельных принадлежностей *stêr*, прикрытая светлым покрывалом (по вечерам его приподнимают, так как верят, что здесь находится покровитель очага). Как правило, на *stêr* помещают сакральные атрибуты йезидов – власяницу и глиняные "клубки".[10] Именно обращаясь лицом к *stêr' y* йезиды совершают свои моления. Слово *stêr* родственно авестийскому *star*= "расстилать".[11] Авестийское *stairiš*= "место, ложе" несколько раз встречается в Авестийском Видевдате, причем практически всегда рядом с *barəziš*= "изголовье, подушка" (Видевдат 5.27, 5.59, 7.9) (ср. тадж. *bolinpōš*, где *bolin* – "изголовье, подушка": древнеиранск. **bāzīn* > древнеперс. **bādīn* >среднеперс. *bālīn* > тадж. *bolin*). Авестийское *starta*= "расправленный, расстеленный" с авестийским *gātav* = "место" составляют выражение "расстеленное ложе", которое, в свою очередь, в Авесте служит для описания райских лож божеств.

Так, в авестийском гимне, посвященном богине плодородия Ардвисуре-Анахите (она ассоциировалась с рекой Аму-Дарьей) упомянуты расстеленные ложа с изголовьями, стоящие в чертогах этой богини (Яшт 5.101-102), а в гимне богине благой судьбы Аши сходным образом представлена счастливая жизнь праведников, одаряемых этой богиней (Яшт 17.7-10). Второе описание также скорее напоминает обещание райского блаженства, – неоднократно исследователями делались предположения, что строки этого авестийского гимна могли навеять мусульманские представления о рае, населенном прекрасными гуриями:

5.101-102 …У каждого протока
Дом высится прекрасный,
Сверкая сотней окон
И тысячью колонн…

А в каждом этом доме
Постеленные ложа
С красивыми подушками
Все на местах стоят…

17.7. Ты тем мужам даруешь
Богатые владенья,
Где пища изобильна,
Разостланы постели,
И множество богатств
Даешь, благая Аши…

9. У них стоят их ложа
Разубраны, душисты,
Подушками полны,
На ножках золотых…

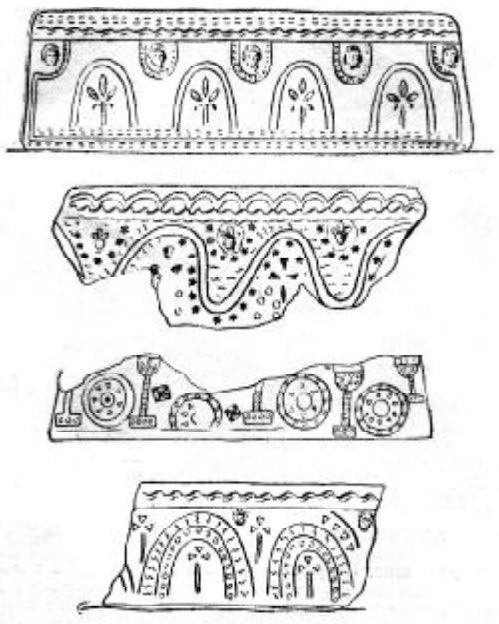
10. Возлюбленные жены
У них сидят на ложах,
Разубранных подушками,
Красуясь позолотой
Искусных украшений,
Браслетов, ожерелий,
В серьгах четырехгранных,
Друг другу говоря:
"Когда придет хозяин,
Когда мы вкусим радость
Любви любимых тел?"

(Пер. И.М. Стеблин-Каменского)

Примечательно, насколько устойчивым оказалось соотнесение брачного ложа, изображение арки на котором ассоциируется с храмовым зданием и райскими вратами, с собственно райскими чертогами, снабженными "расстеленными ложами" и изголовьями. Так, даже у казахов, кочевой образ жизни которых как будто бы исключает пользование предметами мебели оседлого населения, сохраняется обычай помещения в юрту скорее ритуальной, чем обыденной кровати (как напоминания об авестийском "ложе на ножках"?), куда складывают постельные принадлежности. Что касается чертогов богов, обители уже упоминавшейся Ардвисуры-Анахиты, то авестийские гимны помещают их туда, где растет мировое древо, на ту мировую гору, откуда стекает живительный водный источник.

Соотнесение арок на свадебных вышивках (здесь же можно упомянуть ковровые изделия с аналогичным сюжетом, известные на мусульманском Востоке) с памятниками зороастрийской храмовой архитектуры, открытыми на территории Центральной Азии, в Согде, не только объясняет изображение и подтверждает его древность, но и позволяет определить время возникновения традиции. Наилучшим образом черты согдийских храмов оказались запечатленными в декоре зороастрийских оссуариев. Изображения на различных группах оссуариев представляют храмовые сцены, как, например, на оссуарии из Молла-Кургана, персонажей в аркадах, как на биянайманских и мианкальских оссуариях [*Илл.1*], архитектурные детали храмов [*Илл.2*] и, одновременно, воображаемые горние жилища богов. В.Г.Шкода справедливо называет согдийские оссуарии "имитацией куль-

Илл.1. Терракотовые оссуарии VI-VII вв. из Иштихана, Дурмен-тепе и Мулла-тепе близ Лоиша.



Илл.2.Элементы согдийской архитектуры на терракотах (по Г.А.Пугаченковой).

Илл.3. Терракотовый оссуарий изЧуйской долины (по В.А.Кольченко).

Илл.4. Зардевор.

тового здания, моделью храма", который, в свою очередь, ассоциируются с "моделью обители богов, раем", при этом "идея о "рае" как о здании нашла отражение в целой группе оссуариев с изображением персонажей в аркадах".[12] Что касается происхождения последних, то, по мнению специалистов, их мотив был заимствован из римского искусства,[13] что и определяет датировку сюжета.

Помимо собственно аркад, с божествами или без них, на стенки оссуариев наносили изображения деревьев, которые высаживались при храмах в знак воспоминания о мировом дереве, "древе всех семян". В орнаментации таджикских свадебных вышивок *зардевор* эта идея была повторена, найдя новое яркое выражение, причем в некоторых случаях декоры оссуариев и вышивок обнаруживают поразительное сходство, как, например, при сравнении одного из семиреченских оссуариев довольно грубой работы[14] [*Илл.3*] и вышивки *зардевор* (7304-5, МАЭ РАН (Кунсткамера)) [*Илл.4*], орнаментированной цветочными кустами, вероятно, заменившими человеческие фигуры. С одной стороны, в изображении "цветов" и "деревьев", помещенных в протяженных аркадах вышивок, можно видеть замещение (примитивизацию) предполагаемых образов богов, характерных для согдийского домусульманского искусства. С другой стороны, возвращение к наиболее "простым" формам, таким, как цветочные розетки, придает композиции менее конкретный смысл, позволяя с помощью универсального изображения представить сразу несколько идей – мирового древа, многочастного устроения мира, алтаря и жертвоприношения, процветания, плодородия и прочее. В то же время, в аркадных композициях вышивок, дополненных изображением деревьев, цветов, различных символов плодородия, просматривается прямое цитирование образов древней храмовой зороастрийской архитектуры. Идеи, положенные когда-то в основу храмового строительства, продолжили свое существование после мусульманского завоевания Центральной Азии в жизни традиционных ритуальных предметов. Глубоко символично помещение вышивок *зардевор*, зачастую многометровых, на верхней части стен, – практически под потолком комнаты, в которой молодожены проводят первую брачную ночь. Храмовые, одновременно, райские аркады указывают на неземную локализацию происходящего при первом соитии, жертве, совершаемой ради приумножения мира.

Таким образом, замыкается круг, объединивший три предмета из комплекта свадебных вышивок – покрывало на изголовье *болинпуш* с изображением в центре оси мира, мирового дерева, простынь *руйджо* с вышивкой в виде храмовых или райских врат, а также вышивку *зардевор*, декорированную храмовой аркадой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Маламуд Ш.* Испечь мир. Ритуал и мысль в древней Индии. М., 2005. С.88.

[2] *Кисляков Н.А.* Семья и брак у таджиков. М., Л., 1959 С.132-133. *Широкова З.А.* Декоративные вышивки таджиков верховьев Зеравшана // история и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С.130 и след.

[3] Приношу свою благодарность Е.Г.Царевой, пояснившей мне эту деталь.

[4] *Modi J.J.* The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees. Bombay, 1986. P.25.

[5] Одновременно, в Индии цветочные гирлянды и венки, по-видимому, стали образцом для молитвенных четок. Ср. англ. *rosary*, "розарий; четки".

[6] *Массон В.М.* Культурогенез древней Центральной Азии. СПб., 2006. С.31-32. Табл.4, с. 308.

[7] *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1989. С.163.

[8] *Пугаченкова Г.А.* Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // Труды института истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Т.2. Ташкент, 1950. С. 8-57.

[9] *Пугаченкова Г.А.* Резной михраб из Ашта // Сообщения таджикского филиала АН СССР, вып. 25, 1950.

[10] *Омархали Х.* Йезидизм из глубины тысячелетий. СПб., 2005 С.98.

[11] Бартоломе: «sternere», «auseinander breiten, spreiten, durch Spreiten zurecht machen» (*Bartholomae Chr.* Altiranisches Woerterbuch. Berlin, 1961. Sp.1595).

[12] *Шкода В.Г.* Согдийские храмы и погребальный обряд. // Древние памятники культуры на территории СССР. СПб., 1991 С.62-63.

[13] Там же. С.66-67, прим. 19, где даны также ссылки на: *Grenet F.* L'art zoroastrien in Sogdiane. Etudes d'iconographie funeraire // Mesopotamia XXI, 1986. P.129, а также: *Мкртычев Т.К., Наймарк А.И.* Происхождение аркадной композиции на штампованных оссуариях самаркандского Согда // Культура и искусство народов Востока. Тезисы конф. М., 1987. С.70-72.

[14] *Кольченко В.А.* К типологии оссуариев Чуйской долины // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане / Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып.2. Бишкек, 1999. С. 49-54.

СТАНИСЛАВ БАБИКОВ: СИМФОНИЯ ЦВЕТА

ИРИНА КИСТОВИЧ

Живопись – ткань времени, состоящая из зеркальных проекций реальности сознания на плоскость холста. Два живших в Ашхабаде художника – отец и сын Бабиковы – Геннадий Федорович и Станислав Геннадиевич – своими полотнами убедительно и мощно раскрывали зрителю грани туркменской земли. Творчество каждого из них оставило яркий след в художественной жизни Туркменистана. Один установил, а другой поднял еще выше планку профессионализма и бескомпромиссности в искусстве. Два русских художника, получивших прекрасное образование в России, сформировались и раскрылись как живописцы под влиянием туркменской природы, туркменской ментальности. Каждая их персональная выставка давала возможность не только насладиться пиршеством живописи, но и понять подлинную цену их творчества. Несмотря на разницу поколений, отец и сын были единомышленниками и друзьями.

Г.Ф.Бабиков (1911-1993) – ученик Ильи Машкова и Павла Соколова-Скаля, приехав в начале 30-х годов в Ашхабад, полюбил этот край и остался в нем навсегда. Его не привлекла экзотика, он изначально понял иное – своеобразие прелести повседневной жизни, согретой теплом каракумского солнца. Его пейзажи и натюрморты особые, "бабиковские", узнаваемые сразу. Медовая вязкость чарджуйских дынь контрастировала с иссиня-черными гроздями винограда, спелость сочного арбуза подчеркивала мягкую бархатистую поверхность роскошных персиков. Он первым в Туркмении открыл прелесть (именно романтическую прелесть!) индустриального пейзажа – его нефтяные вышки Челекена, виды Красноводска и Безмеина покоряют эмоциональностью и лиричностью. Когда в 1939 г. был создан Союз художников Туркменской ССР, Бабиков-старший стал его первым председателем. Как только грянула война, ушел на фронт…

Говоря о его творчестве, невозможно не затронуть вопросы техники и технологии живописи. Культура работы была невероятно высока. Он познал таинство масляных красок и священнодействовал над работами, виртуозно владея профессиональными секретами. В его мастерской в порядке и чистоте содержались кисти, мастихины, палитра. На подоконнике в ряд стояли баночки с лаками, тройниками, разбавителями – каждый из них предназначался для определенных манипуляций. Как-то по-особому Геннадий Федорович выдавливал краску из тюбика, тщательно обрабатывал палитру после окончания сеанса. Это надо было видеть! Как тут не вспомнить Пушкина: "Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей…". Легко работавший маслом, Бабиков-старший был еще и признанным мастером акварели. На всесоюзных выставках рядом с его листами подолгу стояли акварелисты, внимательно изучающие технику: ала-примо, по-сухому, с воском. Старый Ашхабад, Кара-Кала, пейзажи-состояния Крыма и Памира, военные воспоминания – акварели Бабикова совсем не потускнели от времени, войдя в "золотой фонд" музеев, где они хранятся.

Несколько десятилетий мастерская Геннадия Федоровича была для художников и ценителей живописи своеобразным интеллектуальным клубом. Уровень разговоров здесь никогда не опускался до слухов и сплетен. Серьезный анализ искусства, деликатная, но профессиональная оценка – здесь жили искусством, не замечая быта, хотя комфорт, чистота и порядок были непременными атрибутами. У Бабиковых имелась одна из лучших в городе библиотек по изобразительному искусству. То, что издавалось в Москве и Питере, очень быстро оказывалось на их стеллажах – книги покупались при малейшей возможности и привозились из каждой поездки.

Юлия Петровна – супруга Г.Ф., сама решала хозяйственные вопросы, понимая, что главное в жизни мужа – творчество. Вместе они пережили трагедию: в ночь ашхабадского землетрясения 1948 г. погиб сын Валерий. В начале 50-х родилась дочь Наташа. Она окончила филологический факультет Туркменского госуниверситета, работала много лет в СХ. В середине 90-х переехала в Россию, подарив Союзу художников несколько работ Станис-

Илл.1. Д.Байрамов. «Станислав, жизнь твоя – живопись!». 1978. Холст, масло. 130×120.

лава, в том числе один из его шедевров – "Портрет актрисы Мутиковой" – редкий по композиционному построению и психологическому воздействию: лицо актрисы, отраженное в трельяже, запечатлело три состояния ее души.

Преданность искусству составляла суть жизни семьи Бабиковых, предопределив еще в детстве путь Станислава. Он прожил короткую жизнь – сорок три года, возраст, когда художников по советским меркам принято было считать молодыми. Родился 31 марта 1934 г. во Ржеве. Рано заметив способности сына, родители отправили его учиться в Ленинград, в среднюю художественную школу при Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина. Затем пришло время самой "Репинки". Завершил он обучение в мастерской талантливого педагога Иосифа Александровича Серебряного. По словам учившейся одновременно со Станиславом Г.И.Сауровой, в 60-е ставшей одним из ведущих искусствоведов Туркмении, а ныне живущей в России, тактичный и чуткий педагог, И.А.Серебряный много сделал для того, чтобы развить живописное дарование и особое поэтическое мышление художника.[1]

Сдержанное величие бывшей имперской столицы, питерская интеллектуальная среда воспитывали Станислава, культуру его живописи, высокую требовательность к себе. Сами городские музеи – утонченные и требовательные учителя. Эрмитаж, Русский музей, музей при Академии художеств – взыскательная школа профессионализма. В середине 50-х экспозиции были иными. Французских импрессионистов, Сезанна, Ван Гога, Гогена только начали выставлять из запасников. Их живопись стала откровением, показав иной подход к работе с формой и пространством. Неповторимое впечатление на С.Бабикова произвело творчество Врубеля. Возможно, отзвук этого увлечения виден в сиреневато-фиолетовой гамме его ранних полотен. По мнению Г.И.Сауровой, наиболее близкими по мироощущению С.Бабикова оказались Петр Кончаловский, Илья Машков, Мартирос Сарьян.[2] Стилистически живопись Станислава достаточно близка экспрессией и ощущением цвета этим мастерам, но откровением становится искусство В.Серова, о чем говорил и сам художник. Валентин Серов – феноменальная закономерность Питера. С него начинается восприятие живописных тонкостей

и сегодня. “Репинка” не мыслима без изучения его творчества. Серов и Врубель – два “заболевания” питерских студентов. Возможно, именно Серов наиболее адаптирован для восприятия художников академической школы, с ее сдержанностью и строгостью рисунка. Через него, как через призму, легче видеть и ценить тех же французов конца XIX- начала XX вв. Художник русских живописных традиций, написавший “Иду Рубинштейн” – ярчайший пример осмысления модернистских тенденций мастером реализма – в его творчестве аккумулируется опыт двух веков, двух направлений живописи.

“*Экспозиция Русского музея в Ленинграде постепенно менялась, появлялось то, чего не было раньше. Становилось больше Серова, Врубеля, Коровина. Не сразу все делается, и не сразу нам стало это дорого, вернее, дорого становилось быстро, но оттенки, глубина доходили до нас постепенно… Очень трудно вырваться из серовского плена, но попасть в этот плен было необходимо. Вооруженные им, Серовым, мы поняли и старых, и новейших художников, любили Кончаловского, возвращались к Сурикову, «открывали» импрессионистов и Эль Греко, Пикассо, Ван Гога, Рублева*”, – писал С.Бабиков в статье “Возвращение к Серову”.[3]

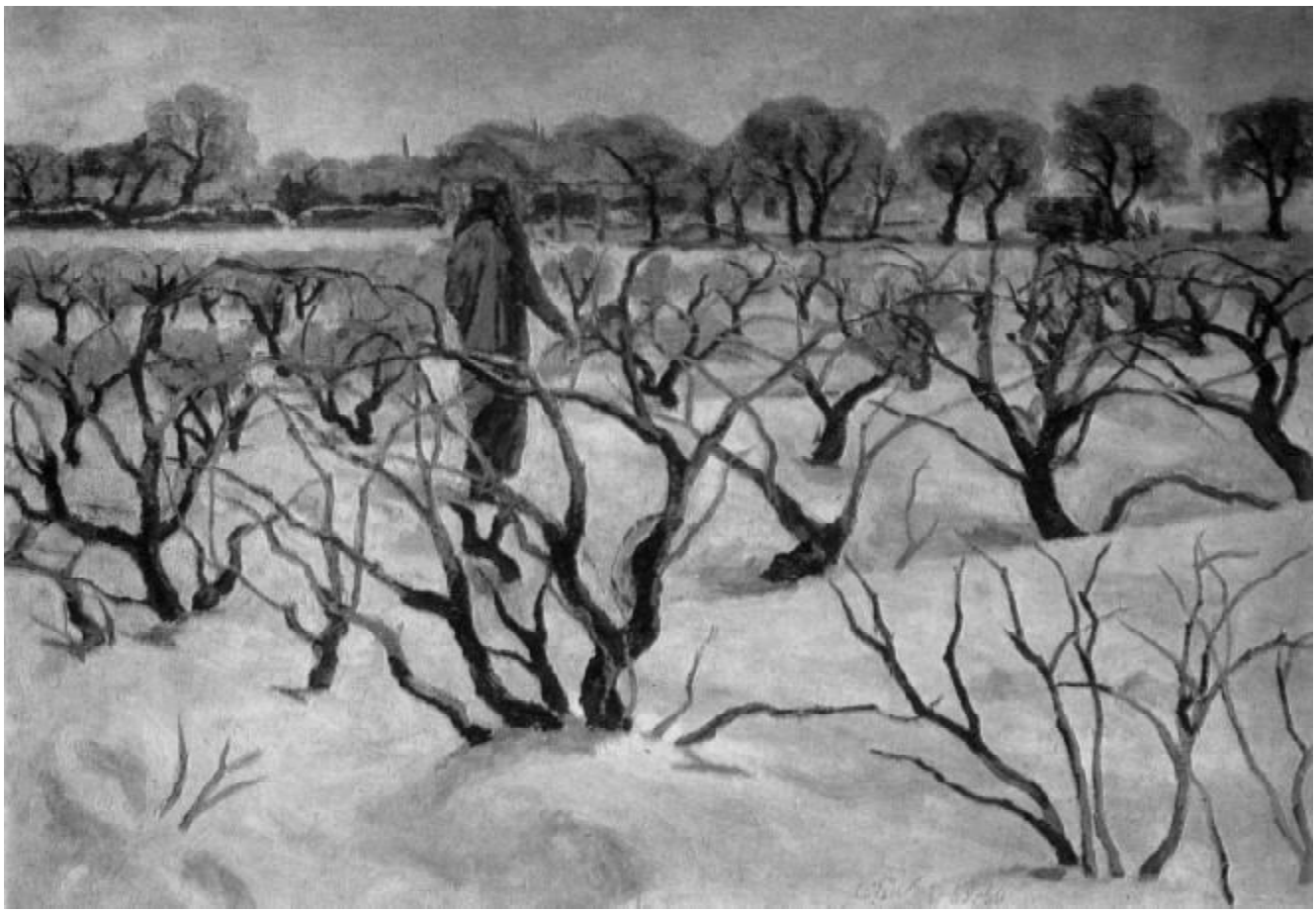
Но было в Серове то трудноуловимое внутреннее состояние требовательности к себе, которое близко и Станиславу, что тонко заметил Юрий Халаминский.[4] Это чувствуется в самой живописной концепции Бабикова, основу которой составляла огромная целенаправленная внутренняя работа, “выплескивавшаяся” на ткань полотна концентрированно-выстраданной живописью. Спонтанно это подтверждает сам художник в определении своего отношения к работам мастера: “*Что же такое не лгать в искусстве? Вопрос этот был для нас сложным, но задумываться над ним мы начали с работ Серова, кристально чистого человека и художника, становилось понятным, что заученное мастерство – фальшь, что жизнь многогранна и изменчива, и так трудно находить каждый раз тот цвет, то сплетение линий, ту поверхность красочного слоя, то расположение на холсте, от которых все становится неповторимым, именно этому человеку присущим, именно этому душевному состоянию соответствующим, передающим мягкость, бархатистость характера или холодную заносчивость, или мудрость и именно такую мудрость*”.[5]

“Кристально чистый человек и художник” – хочется выделить эту фразу. Таким был и сам Станислав Бабиков. Вчитайтесь в этот небольшой отрывок – в нем, пожалуй, один из лучших анализов тех особенностей, которые выявляются при внимательном взгляде на его собственные полотна. И еще одно сравнение. Известно, как мучительно долго Серов работал над картинами, сколь сложен был путь постижения натуры. Но его полотна свежи, воздушны. Те же качества и в живописи Бабикова. И столь же труден был его путь к желанной легкости. Сравнивая Серова и Бабикова, более всего видна духовная близость, та же бескомпромиссность, та же преданность делу. И – смелость, с которой оба смогли преломить академическую школу, прийти к свободе самовыражения.

По воспоминаниям Г.И.Сауровой, уже в институте его работы привлекали к себе внимание оригинальностью живописного видения, колористической насыщенностью, о чем свидетельствуют его этюды во время летних каникул и творческой практики, которые он проводил на туркменских пленэрах.[6] Но путь к себе оказался труден. По словам Г.Ф.Бабикова, восемь долгих лет понадобилось сыну для того, чтобы он сказал: “Я нашел свое”. Упорный, самозабвенный путь постижения возможности передачи того, что и как чувствовал мастер. Туркмения – такая разная – раскрыла ему свои таинства. Он сформировался как художник на этюдах. Небитдаг, полуостров Челекен, Чарджоу, Красноводск, Багир – солнце, море, песок и запахи готовящегося на костре плова, встречи с чабанами и нефтяниками, прохлада ашхабадских вечеров – вошли в мир его искусства.

Геннадий Федорович рассказывал, что сын достаточно долгий период после института активно не выставлялся, некоторое время и не работал. “Но я понимал, что Стаську нужно оставить в покое, что он должен понять, как и куда идти”, – вспоминал отец, хотя разговоры о сыне были тяжелы для него: рана в сердце не заживала всю оставшуюся жизнь. В левом углу мастерской Г.Ф. висела фотография Стаса в любимом им берете (таким изваял его бюст скульптор Серахс Бабаев, а саму эту фотографию вписал в свою композицию портретист Дурды Байрамов: *Илл.1*). Рядом – столик с кистями Станислава. За холстяной занавеской стояли работы сына. Они всегда были вместе – отец и сын. Смерть Стаса повлияла на отца как на живописца. Его кисть обрела монументальность, колорит – насыщенность, живопись – не свойственную ранее динамичность. Казалось, что искусство помогло выжить и – жить, чтобы писать.

К сожалению, в архиве “Репинки” не сохранились студенческие работы С.Бабикова: осталась лишь карточка с его именем и скупым текстом. Ни одной репродукции! Конечно, для восстановления полной хронологии его творчества



Илл.2. С.Бабиков. «Зимние виноградники». 1960. Холст, масло. 130×180.

это большая утрата. Теперь не узнать, кто прав – Г.Ф. Бабиков, или Г.И.Саурова, утверждавшая, что он был самобытен изначально? Думается, что при сравнении этих высказываний необходимо твердо провести грань, отделяющую одно от другого. Его живописный дар, несомненно, был тем, который называют "от Бога", что, как лакмусовая бумага, выделяло его среди однокурсников – студентов одного из сильнейших вузов страны, ведь рядом на мольбертах, конечно, стояли прекрасные работы. Геннадий Федорович имел в виду иное. То, что является живописью экстра-класса. Он знал, что стоил сын. И чего он мог достичь. Вероятно, наиболее отчетливо "примирение" двух взглядов на раннего Станислава видно в его пейзаже "Зимние виноградники" (*Илл.2*), написанном через год после окончания "Репинки".

Вспомните "Девочку, освещенную солнцем", или "Девочку с персиками" Серова. Чего же в них больше: таланта или мастерства? Сполна и того, и другого. Однако – перед нами ранний Серов. Говоря о большом мастере, каким он стал, называют портреты Гиршман, Ермоловой, Орловой, Рубинштейн. Но та пронзительная свежесть восприятия мира и модели возвращает к его ранним полотнам. Так и "Виноградники" Станислава Бабикова – в них и мастерство, и искра Божья. Но чувствуешь нечто большее. Туркмения бывает разной. Симфонией огненного лета, этюдами цветущей маками весенней пустыни. Щемящая музыка дутаристов-бахши расскажет о ее прошлом. О мечтах, о том, как здесь умеют любить, о том, как живут и радуются жизни. "Зимние виноградники" – это и есть Туркмения тех бахши. Можно говорить о некоторой академичности письма, о том, что еще не сформировался зрелый стиль автора. Но женщина, одетая в красное национальное платье, уходящая вдаль картины, прекрасна и печальна. Изысканные контуры обнаженных фиолетово-красных лоз, распластанных на первом снегу, столь редком и долгожданном в стране солнца, подобны орнаментальному аккорду в узоре текинского ковра. Станислав увидел и запечатлел на холсте безыскусную красоту жизни, поэзию реальности и мечты. Это полотно – предзнаменование своего пути в искусстве. Простое и необъяснимо грустное. Одно из тех, в котором сказано больше, чем могло бы слово. Душа художника, жизнь его, судьба его – здесь, в этом краю, с этими людьми.

В скупой и одновременно необузданной туркменской природе он нашел мотивы, к которым возвращался не раз. Для него это символы. Изгибы виноградника – один из них. Он

писал его много раз. Небольшие этюды, имеющее ценность законченных работ – "Зимние виноградники" 1959 года. Большие полотна: "Осенние виноградники" 1966 года года. Его виноградники распластаны по земле, составляя с ней единое энергетическое действо. В каждом полотне найдено особое состояние, а Бабиков – мастер в передачи состояний. Маленькие извивающиеся стволы превращены волей художника в ритмические "знаки", пропитанные напоенным солнцем песком. Виноградники, земля, небо написаны с одинаковой интенсивностью, особенной бабиковской экспрессией. Немного найдется художников, чьи мазки так точны и проникновенны. Понимание мира как единого пространства, пронизанного токами жизни, роднит его с мироощущением Ван Гога. Экспрессия и непосредственность, свобода владения кисти, понимание живописи как органичной возможности жить ради соприкосновения с тягучей плотью краски, полностью подвластной сознанию. Это ли не подлинное счастье, удел избранных?!

"*Вспоминаю наши республиканские выставки. Коллектив наш профессионально вырос за последние годы – лучше рисуем, острее компонуем, ярче пишем. Но всегда ли туркменское солнце светит как в винограднике, в наших красках, на наших холстах? Чистоты родниковой и неповторимости хочется, напоминаний о треске веток сухих под ногами, о запахе асфальта, трав, коры, чтобы наши обобщения были наполнены жизнью – нашей жизнью*", – так писал С.Г.Бабиков в статье к небольшому альбому, посвященному творчеству Иззата Клычева.[7] Эти слова и о самом себе.

Ашхабадское осеннее солнце мягко согревает землю, листья, стволы деревьев, асфальт. Опавшая листва тихо шуршит под ногами. Свежесть и удивительное единение: природы, города, его жителей. Бесчисленные улицы Станислава: ашхабадские, красноводские – это не просто пейзажи – художник уловил и передал на холсте, то самое ощущение, напоминание о весне, которое наполняет нас, торопливо спешащих по улицам детства.

В семидесятые годы происходит концентрация художественного почерка мастера, освобождение от деталей, которыми, впрочем, он никогда особо не увлекался. Десять лет отделяет "Апрельских девушек. Игра в мяч" (*Илл.3*) от "Зимних виноградников". Теперь форма трактуется лаконичными контрастными сопоставлениями цветов. Как далеко позади осталась лессировка! Он пишет мощно и выверено. Экспрессия цвета достигает максимальной напряженности. Вначале чувствуется некоторая робость, боязнь отойти от классической трактовки формы ("Мы – хлопкоробы", 1967), но уже через год кисть достигает абсолютной раскованности ("Душный день рядом с Фритауном", "Старый Париж"). Из заграничных поездок он привозил этюды-состояния. Его не влекли известные достопримечательности, но сама жизнь и в чужом городе распахивала ему свое естество. Марокко, Алжир, Франция, Италия – узкие улочки, беседующие женщины, неприметный киоск у старого парижского моста, фаэтоны в неаполитанском порту – нет ничего навязчивого, чужого, нет экзотики, только органика среды и человека. Станислав обладал отточенным чувством времени и места, какой-то врожденной открытостью миру.

В "Сборе винограда" 1969 года художник приходит к плоскостному выражению мотива, отделяя планы цветовым делением. Это полотно стоит на перепутье – его колористическая жесткость, графичность силуэтов и планов предваряют позднюю живопись, в которой он обретает полную свободу над материалом.

Начало семидесятых – сказочно плодотворный период. Ни один художник не живет вне времени, его взрастившего. Так или иначе, оно отражается в манере письма, в выборе сюжетов, в их трактовке. "Социалистический реализм", превращенный в определение-штамп, это ведь и выражение времени. Вспомним, что повлияло на формирование "сурового стиля", – новые веяния времени изменили выбор сюжетов. На смену бесчисленным колхозникам и сценам отдыха советских людей (в парке, в лодке, на берегу реки – и так до бесконечности) пришли люди романтических профессий – геологи, нефтяники, строители. Человек живет во времени, отражая его как частицу себя. Так было и с живописью Станислава. Его редкостный колористический дар развивался в установленной судьбой системой координат. Но КАК он это делал! "На южной границе", "Рыбаки Каспия. Ночной лов кильки", "Сейнера" – можно ли разграничить жанр и пейзаж, если формы вплавлены в среду, а поэтика цвета околдовывает? Пантеизм Бабикова формирует особое отношение к восприятию мира, в котором нет ни случайного, ни главного. Человек и природа, время и место у мастера равноценны и равнозависимы.

Ю.Я.Халаминский, раздумывая над тем, чем же отличается дарование Станислава Бабикова от других, писал, что это не особый талант живописца или же композитора, считая, что "вокруг столь же одаренные живописцы и композиторы",[8] а умение улавливать дух современности даже в проходном, не приметном. Да, это одно из феноменальных качеств Станислава. Но много ли столь же одаренных живописцев? Прошло тридцать лет после его ухода и можно сказать с полной уверенностью, что

Илл. 3. С. Бабиков. «Апрельские девушки». 1970. Холст, масло. 140×180.

живопись С. Бабикова – явление редкое; точно так же уникальны тона О. Целкова или многогранные построения П. Филонова. Дмитрий Горбунцов назвал художника "главным законодателем" той "революции", которую свершили против застывших догм соцреализма его ровесники (речь идет о художниках группы "Семёрка", которую составляли вместе с ним живописцы Шамухаммед Акмухамедов, Чары Амангельдыев, Кульназар Бекмурадов, Дурды Байрамов, Мамед Мамедов, скульптор Джума Джумадурды).[9] Так ли это? Художником, определившим лицо современной туркменской живописи, принято считать их старшего собрата Иззата Клычева. Его серия "Моя Туркмения" открыла пластический язык, во многом взятый на вооружение членами этого неформального художественного объединения. Но не об этом ли беспокоился Юрий Халаминский, говоря о том, что сплоченность коллектива таит в себе опасность похожести?[10]

Нет, Станислав не был первым. Он был и остается единственным. А его творчество прошло мимо пластического заимствования клычевской интонации. Только в тематической работе "В старой ковровой мастерской" 1960 года чувствуется общность, но и она проявляется только в сюжетной линии: "ковровщицы" – излюбленный мотив в полотнах и Клычева, и "Семёрки". Кроме того, остались строки Станислава, вспоминавшего годы студенчества: "*Так вот, тогда я встретился с Клычевым в нашей институтской столовой. Я ходил в отличниках и не слишком задумывался над тем, что делаю, мне еще не было больно за свои работы. А Иззат, худой и не очень знакомый, говорил непонятное мне в ту пору: "Да, диплом… Сейчас пишу другую картину, я же в творческой мастерской, ты знаешь; я сейчас работаю по-другому; я понял, работать нужно не так". Ничего больше я о той встрече не помню – вытеснилось другим, но все-таки я запомнил его необыкновенное беспокойство о своем творчестве… Я знаю, как нелегко пробивалось то новое, что нес в себе Иззат, много сделавший для того, чтобы искусство Туркмении развивалось в том же русле, что и искусство всей страны в это время*".[11] К пониманию значения Бабикова ничего не прибавит определение его в "революционеры" живописи. Но, не раз го-

воря о абсолютном своеобразии творчества Станислава, Иззат Назарович Клычев выделял именно его редкостный колористический дар.

Можно ли перенять у другого состояние души? Как можно стать творческим наследником, например, Ван Гога? Подражая технике и характеру мазка? Но это будет уже не искусство. Скорее, ремесло. Что касается техники живописи, то Станислав писал маслом корпусно ала-примо. Повторить его способ письма не решился ни один из туркменских художников. Чтобы писать таким образом, требуется огромная концентрация и полная уверенность в замысле. Работать же на грунтовке Бабикова практически невозможно. Казалось бы, что это чисто технологический вопрос, но он влиял на качество живописи и создавал неповторимость колорита.

Время неумолимо. Уже нет многих, кто лично знал Стаса, был ему близок. Ушел из жизни И.Н.Клычев (1924-2006), в тот же год не стало самобытного туркменского художника Какаджана Оразнепесова, который был свидетелем творческой лаборатории Станислава, живя с ним в одном номере в Сенеже: "*Он долго не работал. Подготовил два холста… Загрунтовал и поставил, а погода стояла прекрасная. Конец сентября, бабье лето. Он и грибник, и рыболов заядлый. Отлично знал грибы. И по грибы пошел. А холсты стоят… Однажды прихожу в мастерскую – он уже с кистью в руке. Холст где-то два на три метра. Охрой он намечал точки и черточки. И все. А надо сказать, грунтовка у него была особая, сильно впитывала краску, так, что писать можно было только в один раз, исправить невозможно. Я попробовал – не получалось. Брал Стасик кисть, как лопатку – широкую очень. Шел с одной стороны, можно сказать, с одного угла и заканчивал весь холст. Без поправок. Видно было, что рыбалка, грибы, книги не захватывали его по настоящему – у него в голове была только композиция. В этом заключалась огромная внутренняя жизнь, огромная умственная работа. А потом она выплескивалась на холст. Он приступал к работе, когда мысленно видел в мельчайших подробностях всю картину. За десять дней закончил огромное полотно. Это были "Апрельские девушки"*".[12]

В этом непосредственном наблюдении видна взаимосвязь и взаимозависимость жизни художника и художника в жизни. Стас был открыт, душа его была обнажена. Вероятно, в силу природной утонченности, он был замкнут. Быт, погоня за регалиями – все проходило стороной. Все, кроме живописи. Кроме краски, кистей и холста, к которым он был прикован невидимой цепью. Это была его страсть, его ноша, огонь, который быстро и беспощадно сжег его физически. Жизни отца и сына несравнимы. Круг обязанностей отца превалировали у Г.Ф.Бабикова. Полное подчинение живописи – у сына.

Когда-то Станислав написал о Клычеве: "Чем глубже и своеобразней творчество, тем ему труднее сразу же быть воспринятыми современниками".[13] Но это и о себе. Обвинения в формализме, в отказе от показа "наших замечательных людей, красоты и созидательной силы труда" прозвучали в статье искусствоведа Павла Попова, опубликованной после посещений Н.С.Хрущевым выставки в Манеже.[14] Если И.Клычева, А.Амангельдыева, Г.Брусенцова П.Попов обвинил в кратковременном увлечении формальной стороной, то С.Бабикову был предъявлен существенный счет – пренебрежение к великому реалистическому искусству, к его традициям, к его мастерам. То, что составляло органическую часть его дарования, было названо "броским этюдом с приблизительной передачей внешнего впечатления" (речь шла о картине "Клайпеда"). Как ни странно, но и в этих строках есть рациональное зерно – Бабиков противопоставлен всем, а значит – своеобразен, неповторим.

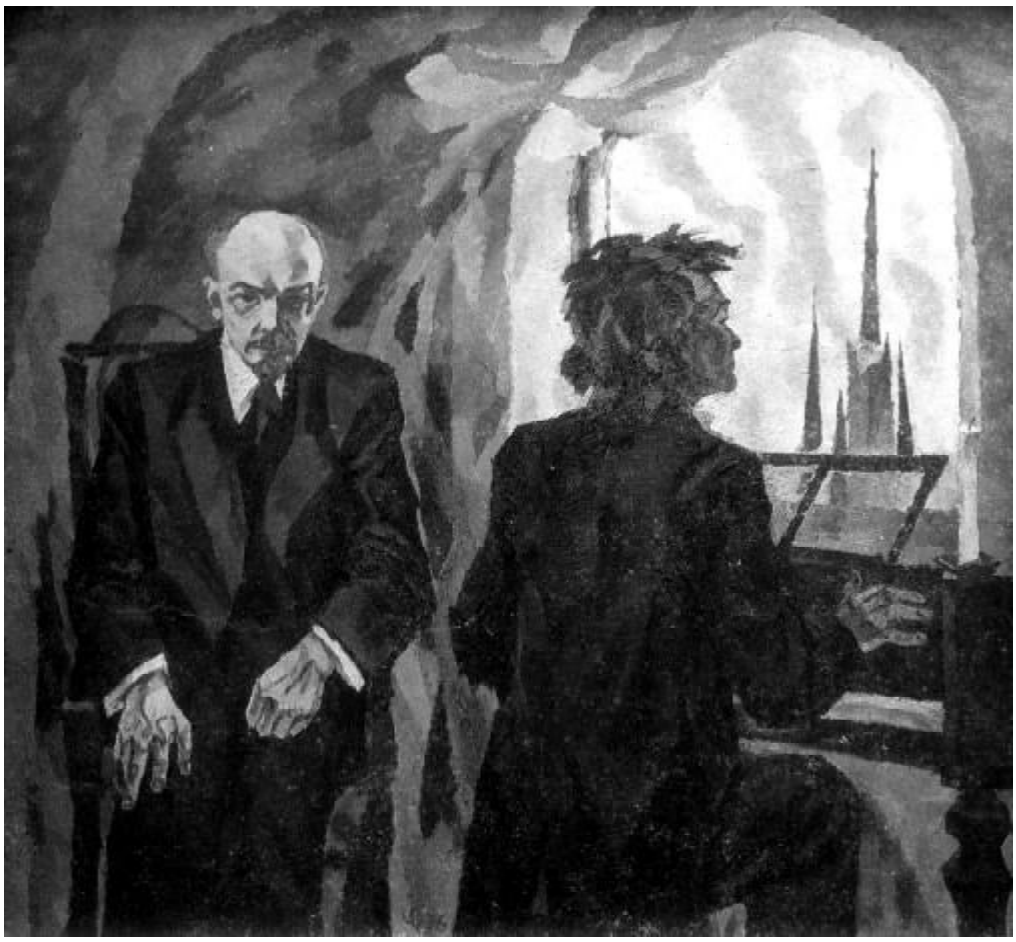
Теперь трудно представить, что творилось в кулуарах СХ Туркмении, ведь в статье была провозглашена "четкость и непримиримость к любым шатаниям и отступлениям от главной линии развития". Возможно, что статья была и предвестником трагической биографии искусствоведа, много лет преподававшего историю искусств в ашхабадском художественном училище. Жизнь заставила его писать о круге, к которому принадлежали и его ученики (многие из них и сегодня вспоминают его с огромной теплотой и благодарностью). Спустя год в печати появилось фактическое опровержение.[15] Правда, реабилитированы были только двое – И.Клычев и Г.Брусенцов. А тех, кого не упомянули в московской газете, вновь ожидали косность, непонимание, просто зависть. По воспоминаниям К.Бекмурадова, Стаса критиковали много и художники, и искусствоведы, разбирая его "неформальное" творчество на многочисленных прениях. Г.Ф.Бабиков рассказывал, что творилось, когда Станислав написал "Аппассионату" – двойной портрет (Ленин слушает Бетховена), решенный в изумрудной гамме. В полотне не было реального пространства – только бесконечность и музыка. Но "зеленый" Ильич – дело нешуточное. Помог случай. В Ашхабад приехал известный график, академик Николай Пономарев, возглавлявший Союз художников СССР. Геннадий Федорович, улучив момент, взял его, что называется, под локотки, и повел на второй этаж в мастерскую. Там, страшно нервничая, ведь решалась судь-

ба сына (!), сняв завесу с картины, ждал вердикта. “Картине место в Третьяковке”, – ответ был краток. “Аппассионата” (*Илл.4*) была куплена галереей в том же 1976 году.

Зная, чего сто́ит ему работа, Станислав Бабиков смотрел на житейские перипетии как бы со стороны, не вмешиваясь. Но не вмешиваться – не значит не замечать, не чувствовать. В последние годы очень похудел, много курил. Один из его автопортретов странен, но парадоксально точен – натюрморт “В гостях у холостяка”. Натянутый подрамник прислонен к черному стулу с деревянной спинкой. На сидении стула стоит огромный граненый стакан, с его перекладины свисает “авоська” с книгами и дыней. Холст – серое тканое полотно – превращен в огненно-оранжевое беспощадно сжигающее солнце. Зеленоватое стекло стакана мертвенно-бледно. И как остов скелета – черные перекладины стула. Что это? Усталость? Опустошенность? Одиночество? Сквозь ткань холста возникают в сознании поэтические строки, вскрывающие суть творчества Художника: *«…взгляд живописца – взгляд самоубийцы. // Что, в сущности, и есть автопортрет. // Шаг в сторону от собственного тела, // повернутый к вам в профиль табурет, // вид издали на жизнь, что пролетела. // Вот это и зовется «мастерство»: // способность не страшиться процедуры // небытия – как формы своего // отсутствия, списав его с натуры*”.[16]

“В гостях у холостяка” – один из сильнейших натюрмортов в изобразительном искусстве, да и натюрморт ли?! Его эмоциональное воздействие огромно и… тяжело. Такой холст не мыслим в уюте домашнего интерьера. Впрочем, творчество Станислава, особенно зрелого периода, лишено камерности. Даже его небольшие этюды или натюрморты кажутся монументальными. Но и это качество – не ведущее. Пожалуй, оставляя в мотиве часть себя, он оставлял полноту своего восприятия жизни как единого целостного организма, сохраняя на холстах пульсацию земли, жар солнца, наполнившего каждую клетку его виноградных лоз.[17] У французов есть поговорка: “Хорошо все то, что не чересчур”. У Бабикова – чересчур. Но это завораживает. Это – совершенно. Сильно и зрело. Но оплачено по самому высокому счету жизни.

У Станислава было особое отношение к вещи, к предмету. Для него не существовало деления на “красивое” и “обыденное”. Обратимся еще раз к воспоминаниям К.Оразнепесова: “*Как-то сидели художники, спорили об искусстве. Точно не помню, но, по-моему, разговор зашел о тематике натюрморта – что писать «благородно», а что – не для искусства. Стасик Ба-*



Илл.4. С.Бабиков. «Аппассионата». 1976. Холст, масло. 180×140.

биков большой интеллигент был, сдержанный человек, а тут разозлился. Это – редкость. И он сказал: "Я, если на то пошло, завтра кирпич с веником напишу. И будет хорошая вещь". Он никогда не говорил – " гениально". Действительно, через день пригласил нас – готово. На зеленой драпировке кирпичи, рядом веник и бутылочка льняного масла. Глаз не оторвать! С выставок не сходила эта работа. По его мнению, натура – это внутренний мир художника. Кирпич – строительный материал, но в руках художника – это объект познания. То есть главное – отношение художника к этим предметам, независимо от их назначения".[18]

"Кирпичи на стуле" (*Табл. I*) – это эмоции, энергия, агрессивные уверенные мазки, лепящие форму, фактуру, свет. Мощными волнами "стекает" с поверхности наклоненного кирпича и застывает лава краски. В эту красочную плоть можно всматриваться часами. Так много в ней утонченности, философской глубины, отсутствия фальши. Не мастерство художника, а судьбу оставила на холсте его кисть.

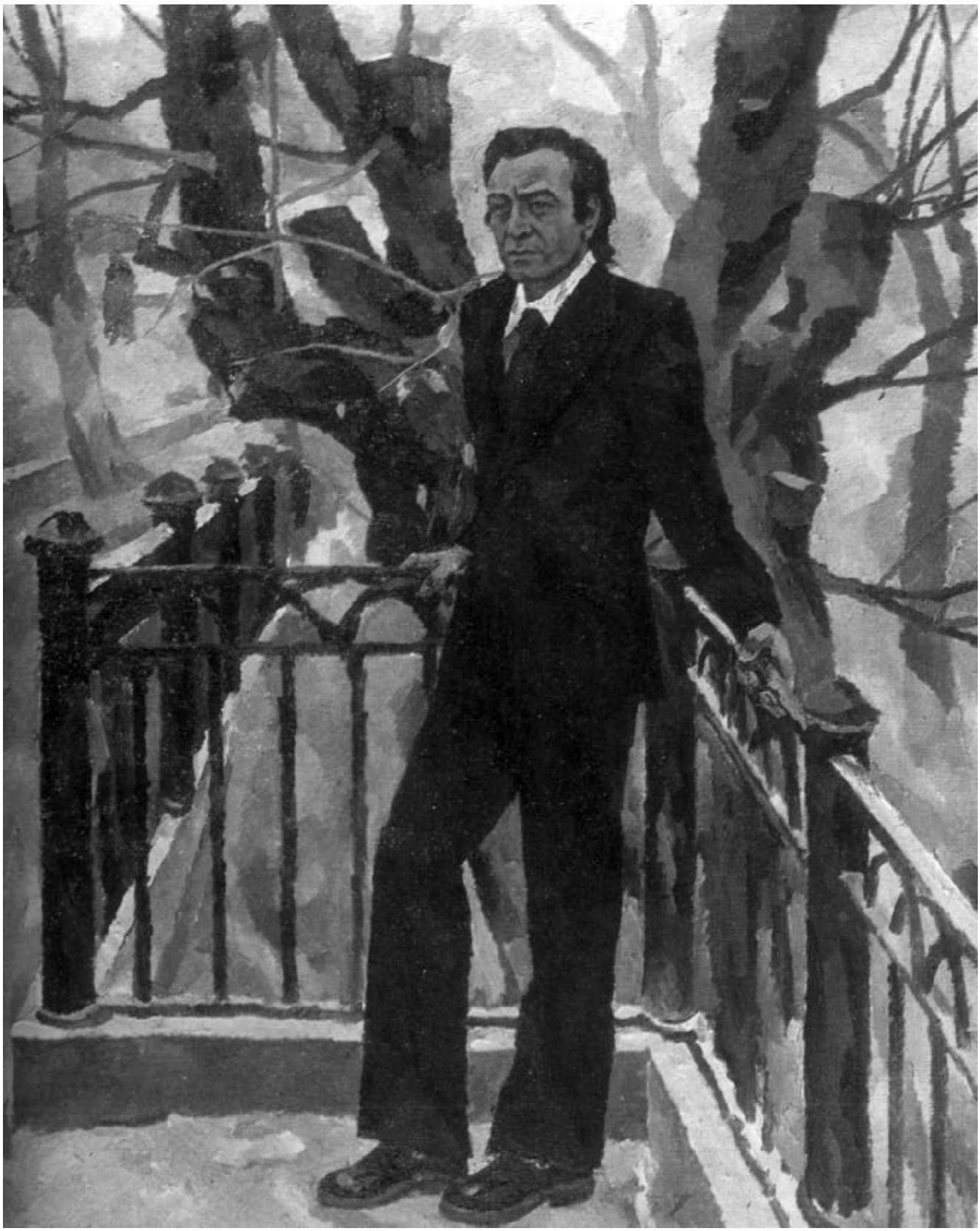
По рассказам, Станислав Бабиков не был слишком разговорчив. К людям неизменно проявлял деликатность, никому не навязывался сам и не лез в душу. Может быть, поэтому обращение к жанру портрета, все же, не совсем типично для его творчества. В основном, это круг близких ему людей. Но есть у него великолепная "Девушка с суперфосфатного завода". Есть портреты-этюды простых колхозников, чабанов, девушек-туркменок. В каждом – судьба, характер, суть человека, его изюминка. Если говорить о стилистике – она менялась так же, как и все творчество художника. "Портрет народной артистки ТССР Любови Любиной" колористически сдержан, близок к постижению серовского психологизма. В нем нет цветовых контрастов, холст построен на тональной нюансировке. Иные – портрет сестры, и, конечно, портрет отца. Орлиный взор, выправка кавалериста (в войну он служил в дивизии генерала Доватора), артистические кисти рук. Композиционным построением он близок работам Павла Корина. Сын выбрал для портрета наиболее типичное: отец сидит на своем любимом месте за небольшим столиком в углу мастерской после утреннего сеанса за чашкой зеленого чая с изюмом "в прикуску". Рядом на стеллаже (для посвященных) – знаменитые бабиковские настойки на зверобое или на зёрнах кофе. За его спиной знакомые полотна: "Старый ашхабадский дворик", "Портрет девочки-туркменки". Все близко и невозвратно далеко.

В последний год жизни Станислав пишет два портрета – знаменитую туркменскую оперную певицу Майю Шахбердыеву и кинорежиссера Ходжакули Нарлиева (*Илл.5*). Оба портретируемых обращены лицом к зрителю. За ними – город. Майя опирается на поручни балкона, мы смотрим на Ашхабад сверху. Простор, ощущаемый в картине, подобен ее голосу. Ходжакули – в самом углу низкой кованой ограды сквера. За его спиной растет могучее старое дерево, и чувствуешь, как вдаль уходят улочки наших воспоминаний. Человек и творчество, человек и город, люди, для которых он работает – все сплелось в фантасмагорию насыщенного цвета большого мастера.

Какой бы стала живопись художника, не остановись его сердце так рано, – знать нам не дано. Возможно, ответ на этот вопрос подсказывает небольшой эскиз к ненаписанному полотну "Реквием. Плачущие кони", последней планируемой работы мастера. Был подготовлен огромных холст, почти тридцать лет простоявший в одной из мастерских, а недавно выброшенный за ненадобностью. Кони… Художник писал их много раз. Но какие они разные: "Утренние кони" (1967) и "Плачущие" (1977). За промежутком в десять лет – расцвет мощного дарования, сотни непревзойденных работ.

К 30-летию со дня кончины С.Г.Бабикова в новом здании Музея изобразительных искусств Туркменистана, чей отделанный мрамором интерьер напоминает роскошь древнеримской архитектуры, устроили его небольшую выставку. Работы занимали одну стену с перегородками. Повесили их, в силу ограниченности площади, буквально "впритык". Но что это? Вне времени, вне пространства рождалось чувство необъяснимой легкости, свежести. Необыкновенно цельно, ярко, эмоционально насыщенно и выверено в зале звучала симфония цвета. Рождалось чудо соприкосновения с большим искусством, выходящим за привычные выставочные рамки. Особенно потряс "Сбор абрикосов" (*Табл.II*). Рафинированность открытого цвета в сочетании со сдержанной мощью таланта овладевают тобой, властно беря в плен. Не с чем сравнить его оранжевый, вплавленный в лимонно-песочный. Как впервые увиденная "живьем" "Гранатовая чайхана" Александра Волкова, так и "Абрикосы" Станислава Бабикова обжигают чувства.

Считается, что картину легко проверить на "весомость", стоит лишь повесить ее рядом с сильной работой. Если это так, то сфокусированный в пространстве свет абрикосов, написанных С.Г.Бабиковым, был бы достоин соседства с французами Пушкинского музея. Мы знаем Александра Волкова во многом благодаря тому, что его закупал Игорь Савицкий; благодаря сыновьям, которые так много сделали для продвижения работ отца. В силу врожденного чувства стыдливости или робости, воспитанных русской литературой, произносить слово



Илл.5. С.Бабиков. «Портрет кинорежиссера Ходжакули Нарлиева». 1977. Холст, масло. 170×140.

“гениально” наша интеллигенция зачастую считает неуместным. Гениально – это либо Леонардо, либо Рембрандт. Но есть хорошая московская поговорка: “Скромность – кратчайший путь к неизвестности”. Вот почему сегодня Станислав Бабиков известен лишь в достаточно узком кругу и занимает в Едином художественном рейтинге отнюдь не ту категорию, которой заслуживает.[19] Впрочем, субъективность этого современного “табеля о рангах” слишком очевидна.

Всему свое время, свой черёд. Однажды во время поездки в Англию Станислав был представлен Генри Муру. Прославленному скульптору, женатому на русской, был интересен художник из России. Посмотрев внимательно полотна Бабикова (это были парижские этюды), он сказал: “Вы, должно быть, богатый человек. Это очень сильная живопись”. Мур оценил Бабикова адекватно и по-деловому, определив рыночную стоимость его работ. Сколько же лет должно пройти, чтобы его имя обрело известность, достойную его таланта? Станислав Бабиков, один из самых ярких среднеазиатских европейцев-шестидесятников, сегодня не столько забыт, сколько еще не открыт по сути. Этот художник – истинный сын XX века, а потому слишком интернационален, чтобы считаться русским, туркменским или советским. Наследие его никак не вписывается в такие определения, ведь это продукт глобального духовного синтеза двух культур. Судьбой ему было предначертано запечатлеть свой родной Восток, используя выразительные средства и художественные традиции Запада. Но космополитом он не стал, ведь солнечная страна Каракумов вошла в его плоть и кровь, в его пронзительно щемящую живопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Саурова Г.И.* Вступительная статья к каталогу персональной выставки произведений художника С.Г.Бабикова. СХ Туркм.ССР. Ашхабад, 1974, с.6.

[2] Станислав Геннадьевич Бабиков. 1934-1977. Каталог выставки. Сост. Н.Г.Бабикова. Автор вст. статьи Г.И. Саурова. СХ СССР. М., 1980.

[3] Цит. по кн.: *Халаминский Ю.Я.* Станислав Бабиков. М., 1976, с.8-9.

[4] Там же, с.10.

[5] Там же.

[6] Станислав Геннадьевич Бабиков. 1934-1977. Каталог выставки.

[7] *Бабиков Г.* Вступительная статья // Иззат Назарович Клычев. Люди Туркмении (альбом). М., 1974.

[8] *Халаминский Ю.Я.* Указ. соч., с.11.

[9] *Горбунцов Д.* В поисках радости, или Завтра снова будет солнце // Журнал “Нефть России”, 2004, № 3. См. также: http://www.oilru.com/nr/130/2456/

[10] Халаминский Ю.Я. Указ. соч., с.3-4.

[11] *Бабиков С.* Указ.соч.

[12] Цит. по кн.: *Кистович И.А.* Вкус солнца (Какаджан Оразнепесов). – не изд.

[13] *Бабиков С.* Указ.соч.

[14] *Попов П.* Высокое призвание советского искусства // Газета “Туркменская искра”, 1962, 15 декабря.

[15] *Дымшиц Ал.* Несправедливые оценки // “Известия”, 1963, 23 февраля.

[16] Отрывок из стихотворения Иосифа Бродского “На выставке Карла Вейлинка” (1984).

[17] *Саурова Г.И.* Вступительная статья к каталогу персональной выставки..., с.8.

[18] *Кистович И.А.* Указ. соч.

[19] См.: http://rating.artunion.ru/artists_tom1.html

СЦЕНИЧЕСКИЕ ЛИКИ ПРОРОКОВ

КАМАРИДДИН АРТЫКОВ

Тридцать пятый год “Ильхому”. Актуальный, современный, свободный – все эти эпитеты у него есть давно. И они, пожалуй, сегодня не могут ничего не прибавить и не убавить к тому, что есть театр “Ильхом”. Он живет, он по-прежнему работает в режиме нормального неблагоприятствования. И работает прежде всего для постоянно нового ташкентского зрителя (театр колесит по миру, но дому его ждут свои поклонники). У “Ильхома” наступила пора какой-то мудрой, неторопливой творческой зрелости, красоты, ясности мыслей и чувств. Свидетельство тому – две недавние постановки Марка Вайля: “Полеты Машраба” и “Радение с гранатом” – две вольные фантазии на тему исчезнувшего времени и таинственной судьбы художника.

Бдения по святому Машрабу

По сути, этот спектакль – биография. Но биография, пересказанная не в хронологическом порядке, а в поэтическом. И поэзия не столько и не только письменная, а собранная, сотканная, возникшая из многих устных баек, притч и легенд. Рассказы о человеке настолько необычном, что молва о его поступках опережала уже даже сами поступки, слухи распространялись “как лесной пожар” раньше, чем он “выкинет очередную свою затейливую шутку”. Собственно, этот человек сам задал тон, крикнув, заговорив, еще не появившись на свет, еще будучи во чреве матери. За этот чудный проступок он и назван был Машрабом. Тон и тексты возникали глумливые, фривольные, остро сатирические с одной стороны, провидческие, глубоко лиричные и красивые с другой. Откуда что бралось?

Грубо говоря – с улицы. Точнее, наверное, это язык бродяжничества, паломничества и путешествий. Бабарахим Машраб – святой *каландар* (юродивый, странник, монах), поэт философ, суфий, повешенный в Балхе в 1711 году. В этом странствующем человеке все от земной любви и от Бога. Две яркие и емкие крайности, два полюса. Плоть, кровь, прах и святой дух. И ничего серединного, обыденного, житейского. Как рассказать о нем? Каким может быть спектакль о таком человеке? В какой театр играть?

Каландары исполняли свои мистические, экстатические, ритуальные танцы – заклинания по кругу – *зикр*. Театр *масхарабозов* (клоунов) обитал на улице, на маленьких пыльных площадках, или собирал толпу на базарах. И работали они на свой круг зрителей, используя “подручные” средства выразительности – наивные самодельные куклы. На маленькой сцене театра “Ильхом” танцы юродивых и театр масхарабозов – *аскиячи* (острословов), и бродячие кукольники обрели “небо” из театральных фонарей, а на старых холщовых импровизированных ширмах возникало черно-белое “стрекочущее” кино. Там, на экране, память о давних уличных театрах. Наработанные исполнителями *зикра* и *аскиячи*, мастерами-кукольниками витийный дух, азарт, брутальную фактуру в спектакле “Полеты Машраба” среднее поколение профессиональных актеров театра преподносят в красивой, стильной, абсолютно ильхомовской “шлифовке”. То есть актеры, владеющие вполне академическими навыками европейского театра, “волю” и “дикость” предков-масхарабозов преподносят в цивилизованной огранке под “небом” софитов, обращают в блистательное, поэтическое, воспаряющее до театральных откровений зрелище.

“Ильхом” в этом смысле уникальная театральная площадка – дом, где пересекаются времена и стили, театральные направления, школы, способы игры. На спектакле “Полеты Машраба”, помимо прочих театральных радостей возникает космическое ощущение эстетских, эстетических, художественных, временных, географических смешений и при этом очевидна строгость и стройность, последовательность в затеянной игре.

В скобках, чуть поодаль от размышлений собственно по поводу “Полетов” вспоминаются опыты театра “художественно-космополитического толка” от “Маскарабозов-76” далее: “Магомед, Мамед, Мамиш...” Чингиза Гусей-

Сцены из спектакля «Полеты Машраба»

нова, “Белый, белый черный аист” Абдуллы Кадыри, “Счастливые нищие” Карло Гоцци, предвосхитившие рождения “Машраба”.

Костюм – продолжение игры. Главного героя и другие, эпизодические, роли играют все шесть актеров, что задействованы на сцене. Основа – исподнее, нарезано из полосок тканей, лоскутков – наверное, они прикрывают причинные места – костюм “голозадого” Меджнуна. Второй слой одежды – белые штаны и рубахи из домотканых материй – “яхтаки” – повседневный костюм благоверных мусульман. Яхтаки плавно “переходят” в пиджачные холщовые пары “от кутюр”. Слой третий – белосерые тканные пиджаки, легкие пальто, халаты – точно костюмы европейской, чуть маргинальной богемы. Все вместе по гамме (иногда по параджановским “прибамбасам” – шляпы танцующей, бородатой женщины) – есть красивое “путешествие”, географическое – с запада на восток и в направлении обратном, временное – все движется в глубь веков и назад ко времени нашему. И если помнить о том, что Машраб вещает на фарси, русском, узбекском, а актеры сами по происхождению один – таджик, другой – еврей, третий – русский, четвертый – кореец, пятый – смешанных кровей, а шестой – не помню кто, то без всяких натяжек, естественно и красиво получается то, что Моцарт пишет музыку на стихи Машраба и вместе они совершают вселенские полеты. Далекий, блистательный, чарующий Моцарт в этом спектакле “прорастает” на поле камней, отдается эхом в хороводе ослов (фантазии на темы Моцарта, композитор Артём Ким). И тогда понимаешь, что Ташкент, а точнее, “Ильхом” – место гениальных встреч и расставаний блуждающих звезд.

Восточные миниатюры. Замечательны перевоплощения актеров в персонажей, встречающихся в круговерти жизни вечному страннику Машрабу. Вячеслав Цзю в прологе скучающий, ироничный глашатай бродячей труппы. Позже он чудесно преображается в корейско-кыргызскую принцессу. Наивное личико, мягкая, податливая как у котенка пластика, кокетливо порхающей веерок – Чио-чио сан и Лолита пустыни одновременно. Видение красочное и обманчивое. Мягким и улыбчивым остается В.Цзю в эпизоде, когда он изображает Махмуд-хана и именно поэтому он особенно убедителен и страшен в своих коварных, злодейских, демагогических речах и поступках.

Большой мохнатый увалень – Сайфитдин Мелиев легко меняет пластику, легко внутренне преображается в добродушного учителя, вместе с ним весь зрительный зал воспаряет

трепетно-порхающей бабочкой! Он умилительно хорош в облике скромной полевой мыши.

Бернар Назармухамедов – избалованный, ленивый *талаба* (студент), и далее улыбчивый, с личиком херувима, но напичканный гнилью, взятками, жратвой – *хужаин* (хозяин).

Летающий, но уже не как бабочка, а красавец горный козел Фарух Халджигитов. У него Машраб героический, эпический и одновременно умеющий быть смиренным. По сути он есть жаждующая жизни плоть и бунтующий дух.

Саркастический желчный Машраб Антон Пахомов. Он таким ипохондриком родился, вырос, бродил по миру, видел много зла, замкнулся, ожесточился. И точно знает, что и это все пройдет.

Часть Машраба, которому на роду написано быть неудачником, быть бесхитростным и слабым, совершенное неумеющим устраивать свою собственную жизнь, выпала на Рустама Эсанова. Он будет рядом с Машрабом и лгунишкой, и не очень умелым воришкой, и завистником. И будет все время понимать, что Машраб "другой". Как тебе это удается, Машраб?!

Поле камней (сценография Василия Юрьева). Камни, разбросанные по полу сценической площадки театра – увесистые. Они уместны, содержательны, наглядно и очевидно работают. Это не совсем те метафорические камни, что разбросаны судьбой и в итоге собираемые. Они реальны, они-таки опасны – есть эпизод в спектакле, когда персонаж в исполнении Б.Назармухамедова бросает один из таких камней на зрителя. Ох, как это пугает, и ошеломленный зритель уворачивается. Так вот эти сизифовы камни не бутафорские, и они, очевидно, рифмуются с порхающими бабочками, с полетами Машраба, составляя им весомый противовес. Даже звезды в этом спектакле не призрачны и не сверкают в ночи. Они "вязнут" в ногах, лежат булыжниками, ломают хребты.

Цепочки судеб. Пока один солирует, другие пятеро изображают толпу. Один – пастух, остальные верблюды. Один учитель, другие студенты. Один верно служит Ходже, хранит ему верность, ловит взгляд его. Остальные все – обыватели, уговаривают Верного согрешить, совершить прелюбодеяние. Один – властитель, другие – народ, который безмолвствует. Один – хулитель, обличитель, борец. Другие – пресмыкаются. Один – жрёт, все остальные за ним подъедают. Вот такие цепочки по кругу. Машраб – среди них, но он помечен знаком бабочки…

Про замирание сердца, про Бога, про искусство. Интересно, во время представлений масхарабозов у зрителей тоже замирало сердце? "Замирание сердца" на спектаклях я жду всегда. Никогда – специально. О том, что жду, я узнаю тогда, когда это случается. А так, поскольку смотрю много, слушаю много и вообще, это – работа, про "замирание", как правило, не помню. И все-таки это случается, и всегда это неожиданно и волнительно. Совсем не обязательно, что этот особенный сердечный отклик, этот совсем не научный порыв и, бывает, связан с каким-то пафосным, ключевым моментом спектакля. Чем неожиданнее такое случается, тем оно точнее. Поначалу радуют находки, все – непредсказуемое. Очень радует некое единство стиля, чистота жанра. Все это как бы обязательные условия, предшествующие открытиям. Это составляющие того, что называется впечатлением художественной целостности. И это есть удовольствие. Это всё – взлетная полоса. Далее – полёты. Полёты Машраба. И сердце – замерло. От любви и печали. От того, что это странное искусство случается вдруг. Катал камни по сцене, разминал актеров, взлетал бабочкой вместе с ними, собирал и создавал представление Марк Вайль.

В поисках утраченного времени [1]

> "Утраченное лучше всего искать летом. Все прочие времена как грехи. В Рай не пускают: дела, занятость, борьба за выживание. Только летом можно расслабиться, сделать остановку в пути. Только летом и можно о душе задуматься. В эпопее Пруста царит вечное лето. Несмотря на то, что писатель описывает самые разные состояния природы и погоды, в памяти остается цветущий сад, куст боярышника, пармские фиалки, короче, сплошной Клод Моне, сочный, солнечный".
>
> *Дмитрий Бавильский* [2]

В Центральной Азии (во времена Усто Мумина – Туркестане) летом, в самую жару, краски тускнеют, жухнут, "перегреваются" – все покрывается пыльной патиной. Весна и раннее лето – самое время для поисков утраченного. Есть уникальные "материальные" свидетельства того, что, именно в это время года, хорошо и много живо-писалось и делались успешные попытки "остановить мгновение". "Сумасшедших" художников, которых "ранил" цвет неба этой, казалось бы, пустынной стороны, оказалось немало. Эти художники прослыли чудаками, становились добровольными пленниками, дервишами и пророками наших краев и нашей культуры.

Юрий Домбровский в романе "Факультет не нужных вещей" рассказал о "гении I ранга Земли и Галактики, декораторе-исполнителе Балета имени Абая Сергее Ивановиче Калмыкове". Так называл себя известный "дурачок" города Алма-Аты середины прошлого века, который на самом деле был ярким живописцем и уникальной личностью.[3]

Судьба и подвижнические старания Игоря Витальевича Савицкого – сюжет известный, но

Сцены из спектакля «Радение с гранатом»

достойного художественного воплощения еще не нашедший.[4] Наверное, Игорь Савицкий мог бы нам поведать много интересного о своих "братьях по крови": Сергее Калмыкове и Александре Николаеве. Поразительное единение в помыслах разных художников, похожий "диагноз" их гениальных чудачеств взывает нас к прозрению… Потому что каждый из них оставил потомкам немало бесценных и внятных художественных посланий. Любопытно, что наследие и деяния их пересекаются во времени и пространстве. Очевидно и очень настойчиво направляя наш взор и наши помыслы "по направлению к Туркестану"[5]. В поисках утраченного времени и в поисках непознанного "Я".

Путь этот сегодня начинается на подступах к театру "Ильхом": – они видны издалека – узнаваемые лики известной композиции Александар Николаева (Усто Мумина) "Радение с гранатом". Эта его работа, говоря сегодняшним языком, – очень кинематографична. В ней отображена большая поэтическая история в одиннадцати эпизодах – "кинокадрах". (Такое кино впоследствии станет делать Сергей Параджанов: "Цвет граната", "Ашик Кериб", "Легенда о Сурамской крепости"). Сюжет и смысл каждого отдельного эпизода длителен во времени. Сам Усто Мумин позже "пересскажет" все сюжеты – в отдельных работах, и в вариантах, собрав которые из разных музеев, под созведие Граната, театр "Ильхом" выставил на обозрение, но и не только для этого. Картины Усто Мумина и его близких соплеменников составили странный, щемящий душу лабиринт – пути познания. Способ же был определен как Радение. Радение в кругу подлинных героев, персонажей, образов и праобразов Усто Мумина. И сам Мастер при этом, увы, посмертном (еще раз "увы", поскольку это все происходит много лет спустя после смерти. Что, впрочем, в этой жизни, когда речь идет о действительно больших художниках – это, скорее, правило, чем исключение), но не совсем обычном собрании присутствовал.

Речь идет не только о его автопортретах – они разные, в разной манере и в разное время исполненные – все время на виду. В "Гранатовом" павильоне всё кружилось и играло: лица; взгляды; танцы; костюмы; весна; старость; радость; горечь; смерть – все перемещалось и волновало. Всё – знакомо, всё видено-перевидено в репродукциях. Однако всё как бы зано-

во – всё вместе и все подлинное, и всё при живом участие Мастера. Короче, сплошной Усто Мумин. Возможно, это и называется Реинкарнацией. Во всяком случае, каждый раз оказываясь перед портретом Усто хотелось произнести: "Здравствуйте Александр Васильевич!"

"Под сенью юношей в цвету".[6] Мир расцвел его "Весной". Исчезнувшее, забытое, запретное возвращалось и захватывало победительно и властно. Понятно, что все это богатство, где-то "отстаивалось".

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!)
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.[7]

Оно набирало силу, крепло, и мощно, сегодня пусть не надолго ворвалось в нашу жизнь. Как и все настоящее, ценное или точнее – бесценное! Работы Усто хороши не только сами по себе. Но и "предмет" его искусства, – его персонажи, его "модели" – были сами по себе уникальными носителями высокого искусства. Юноши – герои "ботичеллиевских" Весен, в исполнении Усто Мумина преображались в азиатских "Беданавозов", "Дутаристов", "Бачей – танцовщиков". Златокудрые, томные юноши обрели гибкость, упругость, посмуглели под солнцем, но сохранили нежность, пленительность, склонность к изящному и вкус. Эти юноши, воспитанные и вышколенные старыми мастерами – танцовщиками – стали драгоценной забавой закрытых мужских собраний, маленькими идолами поэтов, певцов – своеобразной, по восточному "закрытой" богемы, "предметом" жестоких споров соперников – хушторов. Но самое главное – они были объектами тайного очарования и сексуальной загадки андрогинов. Мир, социальные перипетии складывались так, что это искусство, это взращенная поколениями людей культура исчезала. "Уходящая натура" ранила Усто Мумина. Художник Александр Николаев, знававший до встречи с Азией русских авангардистов, традиции иконописных школ, будучи знатоком и поклонником работ мастеров Ренессанса – носил все эти богатства, – теперь нам так кажется, с каким-то потаенным ожиданием некоего побудителя. Все дороги эстетических, творческих исканий сошлись в Туркестане. Пробуждение состоялось. А.В. Николаев поначалу явился случайным очевидцем завораживающего танца бачей. И это – очень специфическое, редкое, уникальное, магическое искусство и его носители – юноши-танцоры стали наполнять его работы живой горячей плотью и прохладным поэтическим дуновением. Живопись Усто Мумина стала сочетать в себе пленительную изысканность линий, нежность прозрачных "следов" сочных красок и эротизм гибких юношеских тел, их изящных поз и томных взглядов. Скрытые от глаз сады старого города, перепелиные бои – мальчики, кормящие из уст своих перепелов – такой же устойчивый мотив его произведений, как молодая женщина, кормящая грудью своего младенца в европейском изобразительном искусстве. Куст граната. Полуденная пустынность улочек. Сонное воркование горляшек... "Стоит по-настоящему усвоить хоть один пейзаж, хоть один портрет у Пруста – и мы пленимся им навсегда"[8].

В этот вечер Радения выставочный зал театра "Ильхом", который оказался под "Созвездием Граната" – был красочной явью. Раем на яву. Зрительный зал – он находится в подвале – по логике, думалось, окажется "Адом". Но, слава Богу, там оказались сны. "Сон – пространство, сон – время. Сон – память, отправленная в плавание или в падение, это – дорожка из будущего в прошлое".[9] И еще одна цитата из классика: "Племя, там обитающее, подобно первым людям двуполое. Мужчина мгновение спустя предстает там в облике женщины".[10] Там магическое пространство, где оживают страницы истории, лирические отступления, герои вымышленные и настоящие. Там "зазеркалье" живописных созданий Мастера, или их фантомные праобразы... Там происходит погружение в пространство памяти.

Тайны сценографии от Бабура Исмаилова. Большой прямоугольный щит на вращающейся оси, установленный в центре сценической площадки – неустойчив. Все время щелкают замки крепежа – выдвижных "окон", потаенных "дверей". Щит, ширма – она еще и складывается в гигантскую летописную книгу. Означая крылами вехи неспокойного времени перемен. События исторические, время художественное – все зыбко, качается. Время не поступательно движется вперед – оно непредсказуемо меняет свой ритм и направление: то в круг, то наперекосяк. Пустая сцена наполнена хроникой событий, биографиями судеб в масштабе полноценного романа. Все как на большом корабле перед штормом – тревожно, изменчиво. Кажется, земля уходит из-под ног.

Щит – ширма – экран – чачван – призрачен и темен, мерцающе прозрачен. Щит хранит много тайн. Потому как постепенно станет проявлять свою еще одну волшебную способность: красочно преображаться. Загадочно заливаясь цветом и наполняясь воздухом и светом. Поначалу это просто знакомые картины известных художников. Но на страницах романа, где речь идет о снах и видениях, о саде Усто – холсты оживают: они пронизаны солнечными бликами, воздушными потоками света, деревья –

колышатся, перепелки – бьют крылами, трепещут. И опять кружится голова: уже от живописи. Живая ткань картин, персонажи, "сходящие" с полотен и в них, танцуя, "вписывающиеся". Герои спектакля из "лирических" отступлений и сцен "эпических". Линии судеб ("Тени забытых предков"[11]), исчезающих в этом объеме времени и эфемерного искусства – эти таинства, это радение с гранатом – окунают нас в поразительное пространство – обретенного времени и мимолетного ощущения угаданного "Я".

По жанру этот спектакль – историческая хроника. Но хроника это скорее поэтическая и документальная достоверность здесь не предусмотрена. В рамке исторической хроники вписаны вымышленные воспоминания художника Александра Васильевича Нежданова, обретшего впоследствии псевдоним Усто Мумин. По масштабу охватываемых событий и по манере изложения материала этот спектакль подобен роману, потому-то в нем имеют место и лирические отступления, и довольно обширная переписка персонажей спектакля (эпистолярный роман Бяльцевой И.В. (Марина Турпищева) с полковником Бяльцевым В.П.), благодаря которым Туркестан и Петербург обмениваются не только политическими новостями – они в спектакле весьма и весьма судьбоносные, - но и известиями о новой постановке в Мариинке с участием Ф. Шаляпина или рассуждениями о "Черном квадрате" К.Малевича. Так лунный свет Серебряного века российской культурной жизни "бликует" в творчестве затерявшихся в далеком Туркестане русских художников, гастролирующих в этих краях российских актеров.

Искусство танца, художественное творчество (Ф. Шаляпин, К. Малевич, В.Верещагин, К. Петров-Водкин), репродуцируемые собственно живописные произведения Бенькова, Волкова, Верещагина, Усто Мумина, разговоры и рассуждения о культурных традициях Востока и Европейского искусства – занимают большую часть этого спектакля-романа. Искусство и есть "главное событие" спектакля, оно же и пронзительная суть этой драмы. Искусство эфемерно, но оно же требует жертв (это надо понимать буквально). Есть искусства, которые имеют склонность к исчезновению, другие искусства материальны – ждут своего времени. Люди – носители этих искусств и их творцы, они же и страдальцы, и гонимы за свой талант и за свое мастерство.

Личные драмы героев этого спектакля так или иначе спровоцированы искусством – все они горят иногда в адовом огне, иногда в животворящем райском пламени искусства. Словом, по географии и по историческому времени, и, что очень существенно, по объему, собственно эстетической переклички "Восток-Запад", по судьбам героев, которые пережили революцию, на сцене развертывается большое эпическое представление. Оно и играется по законам "Эпического театра" Бертольда Брехта. "Прозаическая" основа ролей предполагает не только игру в свою роль, здесь возможны и переходы от "игры" к пересказу собственной истории. Интеллектуальный, театр Брехта, несмотря на мощный "лирический" заряд, в нашей обманчивой памяти больше связан с черно-белыми, строгими, "сухими" постановками "Берлинер ансамбля", с суровой грацией Елены Вайгель. Но годы спустя "голый" брехтовский прием в театре Марка Вайля расцвечен красками, декорирован орнаментальной пластикой узоров и образов Усто Мумина.

Так бравый полковник Бяльцев – "настоящий мужчина", дворянин – благовоспитанный, образованный, хороший семьянин – проходит длинный путь "преображений" внутренних, социальных перемен, семейных неурядиц. Как все это играть в романном мельканье эпизодов? Отчасти этим персонажем надо быть (т. е. его надо "играть"). Отчасти о нем пересказать. Отчасти, это – мизансцена, костюм, стиль... Борис Гафуров "держит ноту", больше бравую. И изумление, и узнавание, и рассуждения возникающие по поводу его пребывания в этой далекой окраине – все носит несколько риторический характер военных сводок. Все в его жизни определенно военным уставом, за пределами которого чаще – оторопь! – удивительная в этих краях жизнь.

Сергей Звягинцев (Илья Дудочкин) среди военной этой братии по особому хорош. И притягивает к себе внимание. Если кто и поэт в этом полку, так это Звягинцев. Он из тех "завороженных" этим краем, этой культурой, этой андрогинной магией танцующих бачей. Красота ранит человека, и эта боль, болезнь в отличии от телесных ран не залечивается. И налаживается жить с человеком навсегда до самой его кончины. Звягинцев – двойственен. Он чувствует боль, но не спешит с нею расставаться и, более того, она его тайно радует. Но пускаться в откровение, делиться своей болью с полковым окружением не смеет – засмеют! Оскорбят, затопчут. Илья Дудочкин – внешне держит выправку, бормочет уставные фразы, но его внутреннее состояние – человека влюбленного, но под страхом смерти не смеющего назвать любимого.

Василий Скороухин (Глеб Косихин) мудро простодушен, или простодушен, от того что мудр. Или природа его наделила сердечностью, душевностью и доброй лукавостью. Бог его знает, но такие как Василий, тем что они есть, уже красят мир в теплые человеческие тона.

Сцена из спектакля «Радение с гранатом»

В спектакле есть персонаж, который “сам по себе”. Он сошел с картины Усто – мужчина, что расписывает стену гранатами и случайно обернулся к нам лицом – Фарух Халджигитов. Сдержанный и скрытный, неподступно гордый. У него своя тайна, своя правда, свое понимание красоты, свой неповторимый танец под рассыпающимся созвездием гранатов.

Роман таков, что многие линии судеб, облики персонажей революция “перетасовала”, как “амплуа” актеров в театре. Вчерашние танцовщики к концу представления превратились в партийных боссов, в знаковые фигуры революционного периода – железнодорожных рабочих. Мир преобразился.

Зачарованная душа. Художник Нежданов “перезимовал” революцию в крепостном каземате и остался самим собой. Правда, попытка привлечь его на сторону новой власти, конечно же была предпринята. В реальной жизни прототип А.В.Нежданова – А.В.Николаев этой участи – сотрудничества с советской властью – избежать не мог. И этому не мало подтверждений в его работах. По спектаклю же Нежданов будет активно привлекаться на сторону революции – бывшей своей “моделью” – танцовщиком Каримом, преобразившегося в красного большевика. По правде говоря, с Художником не особенно церемонятся, но и он, будучи верен себе, пассивно, но умело сопротивляется. (“Вы рисуйте, Вы рисуйте – вам зачтется //Что гадать нам: удалось – не удалось?”[12]) Нежданов рисует, дичится людей, пропадает в саду. Зачарованная душа – Нежданов становится свидетелем кардинальных перемен в мире, в людях, что его окружали, но сам он меняется только внешне, можно сказать – взрослеет, мужает и делится со всеми собственными заповедями.

Заповеди художника А.В.Николаева (Усто Мумина):

1. Будь искренен.
2. Никогда не довольствуйся малым, – это удел нищих духом.
3. Запретный плод сладок, смело срывай все запретные плоды.
4. Учись любить себя. Вся трудность уменья любить себя в том, что эта трудность все время колеблется между самопожертвованием и эгоизмом.

Завороженный Александр Васильевич Нежданов – Антон Пахомов. Роль у этого молодого актера театра “Ильхом” непростая. Ведь “на верху”, в гранатовом павильоне автопортреты художника А.Николаева (Усто Мумина). Предположим, А.Пахомов все же играет не совсем подлинную судьбу художника, про которого, мы знаем столь же мало, что и про персонаж вымышленный. Однако псевдоним у них все же один: Усто Мумин и живописные работы спектакля красочно “цитируется” те же, что и собраны в выставочном зале. И “игра” от этих “зеркальных” перекличек становиться затейливо просторной, вольной. Поэтому, или совсем по другим причинам, нам неведомым, А.Пахомов в роли Усто Нежданова удивительно хорош.

Начало XX века, старый Ташкент, русский художник. Кто имел возможность в солнечный весенне-летний день прохаживаться по закоулкам почти исчезнувшего старого города, тот на себе испытал все чувства, что заворожено пересказывает А. Пахомов. Худенький, сухощавый в холщевых просторных одеждах инозе-

мец, будучи художником, живописцем, вольный по духу (вспомним про Серебряный век, про русский авангард, к которому Усто принадлежал непосредственно) он был своим среди чужих. Он обнаружил в Туркестане, то чего не минует ни один настоящий художник. Он нашел свою любовь и, через нее, свое "Я". Встретил он Его случайно и довольно быстро потерял из виду. Это был юноша, и это была сумасшедшая любовь. И он же – его счастливая Муза. В поисках этого юноши в цвету, в поисках своей любви, он обретал себя и сложился в уникального художника, Мастера, по-узбекски Усто. А.Пахомов играет умного, деликатного, внутренне свободного, любопытного и любознательного странника. Он все время помнит о том, что безымянный стройный юноша, водивший его по старому Самарканду, тронул его сердце, но сам растворился в призрачном мареве древнего города. И это – крест, и это – сад...

И тронув, колыхни горячий мак тем ветром времени...[13] **и музыкой Артема Кима.** Главы спектакля, посвященные Музе Усто – танцовщику Алишеру и его собратьям, чайхане, где они обитают – большей частью протекают под прикрытием "чачвана-паранжи". Молодые люди, вернее подростки, что "маки, проросшие из ступеней. От камня к солнцу". У каждого из них своя коротенькая, но драматичная история. Но в сценах, посвященных главным, но "теневым" героям, не так важны слова. Один, но емкий и содержательный пластический мотив, с которым, зритель, пришедший на представление, вступает в фазу обретения потусторонних истин, обращается к особым свойствам памяти, когда человек отчетливо начинает осознавать свою предыдущую "забытую" жизнь. С этого момента, по крайней мере, здешний зритель, "охнув", погружается в миражи, становиться соучастникам радения. Четверо юношей – актеров последней, пятой студии выпуска, причесаны как бачи – косички из-под тюбетеек. Обнаженные по пояс в прозрачных шароварах. С ними "приблудная" девчонка, выдающая себя за мальчишку. Все пятеро стоят "стенкой" – бок о бок. Вытянутые руки скрещены высоко над головой. "Волнуясь", то есть выгибая спину от бедра, покачивая станом, молодые люди под "потустороннюю" музыку времени, под придыхание Радения словно в мираже, словно сам мираж, мелким шагом продвигаются в пространстве танца. Исполнители этой длительной пластической реплики создают не сам танец бачей, а его фантомный дух, его память, его полдень, его зенит. Эскиз и образ танца бачей, созданные почти век спустя американским балетмейстером Дэвидом Руссивом и режиссерским видением Марка Вайля, производит эффект гениального прозрения, эффект волнующего и длительного "узнавания" и соучастия в этом мистическом кружении Времени.

P.S. У спектакля-романа есть эпилог, в котором пересказаны события, "добирающиеся", по времени до дней кончины главного героя. Однако, наше послесловие немного о другом. Во-первых, про то, как уже взрослые молодые люди сыграли образы танцовщиков-бачей, про существование которых они вряд ли даже слыхали до поступления в школу-студию театра "Ильхом". Молодые актеры Глеб Косихин, Константин Колесов, Саид Худайбергенов, Владимир Юдин, Джахонгир Шахобиддинов, Райхон Уласенова, Наргиз Абдуллаева – не просто сыграли роли своих собратьев по ремеслу – тех, что жили век назад. Не просто поработали над очередными ролями, но сделали по жизни что-то очень важное и для себя, и для тех, кто с помощью их созданий окунется в это достаточно давнюю историю. Театр "Ильхом", все создатели этого мемориального спектакля: Василий Юрьев, Бабур Исмаилов, Артем Ким, Дэвид Руссив, Марк Вайль и, прежде всего, упомянутые выпускники студий, кажется, приняли участие, сами не очень об этом, возможно, задумываясь, в неком важном историческом, нравственном деянии. Театр возвращает многим безымянным артистам и именитым людям ушедших времен их несправедливо забытые имена, жестоко поруганную честь и достоинство. В свою очередь нам, благодарным зрителям, хочется сказать: честь вам и хвала, господа артисты!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Название семитомной эпопеи Марселя Пруста.

[2] *Бавильский Д.* Пруст, чудо памяти или Типология сновидений // http://old.russ.ru/krug/20020805_bav.html

[3] *Домбровский Ю.О.* Факультет ненужных вещей. Роман. М., 1989, с.233-243.

[4] См. о нем, в частности: *Куттымурадов Ж.* Сказы о Савицком // КЦ 2002-2003. СП6,. 2004.

[5] Перефразированное название романа Марселя Пруста "По направлению к Свану"

[6] Перефразированное название романа Марселя Пруста "Под сенью девушек в цвету".

[7] Отрывок из стихотворения Марины Цветаевой "Моим стихам, написанным так рано...".

[8] *Бравильский Д.* Указ. соч.

[9] *Пруст М.* В поисках утраченного времени. Т.4. Содом и Гоморра. М., 1992, с.234.

[10] Там же, с.235.

[11] Название фильма Сергея Параджанова.

[12] Строки из стихотворения Булата Окуджавы "Живописцы".

[13] Строка из неопубликованного стихотворения Александра Николаева (Усто Мумина).

П У Б Л И К А Ц И И

ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВИИ ИЗ ГЕРАТА В ОРЕНБУРГ В 1840 ГОДУ

РИЧМОНД ШЕКСПИР

Введение, перевод с английского и комментарии
Р.Г.Мурадова

100 лет назад, в августе 1907 г., Санкт-Петербург и Лондон достигли соглашения о разграничении сфер своих интересов в Центральной Азии, поставив точку в почти вековой эпопее англо-русского соперничества в борьбе за восточные колонии.

Через два года в России было опубликовано серьезное аналитическое исследование, основанное на тщательном анализе многочисленных русских и английских источников по этому вопросу, которое осуществил выдающийся военный востоковед, путешественник, публицист и переводчик, генерал-майор Генерального штаба Михаил Владимирович Грулев.[1] Он пришел к выводу, что вступление России на арену Средней Азии не было делом обдуманной дальновидной политики, а явилось лишь импульсом естественных причин. Все это, однако, привело к тому, что Россия заняла угрожающее положение в отношении Индии.[2] Много лет спустя острейшие политические коллизии XIX в. будут названы романтическими конфликтами викторианской Большой игры, которые меркнут на фоне советского вторжения в Афганистан,[3] а также нынешней масштабной кампании сил НАТО по урегулированию внутриафганских противоречий и поддержанию мира в этой истерзанной войнами стране.

В начале XXI в. Россия, пережившая крах коммунизма и в ходе распада советской империи отказавшаяся от всех своих завоеваний в Средней Азии, по-прежнему остается важным игроком на этом поле. Иные политологи склонны даже говорить о новой фазе Большой игры, возобновившейся после нескольких десятилетий монополии Москвы на доступ в регион.[4] Однако нынешняя реальность весьма далека от коллизий XIX в. и та, теперь уже легендарная Большая игра стала не более чем культурным артефактом, не способным вызывать былые геополитические страсти. С распадом двух великих держав сначала британский, а теперь и российский опыт колонизации Востока отошел в сферу сугубо научного знания, обретя иную актуальность, свободную от текущей политики, но не от культурологии. Этот опыт, активно обсуждаемый в рамках современных академических дискуссий, во многом спровоцированных известной книгой Эдварда Саида, наконец-то переведенной и на русский язык, [5] отнюдь не исчерпывается эпохой империализма. Объективно последствия событий вековой давности и по сей день влияют на жизнь постколониальных обществ, а имперский синдром, меняя обличья, по сути своей сохраняется в сознании стремящихся к гегемонии общественных групп, будь то американские глобалисты или мусульманские радикалы. С одной стороны, новое обострение "конфликта цивилизаций", посрамив возникшие было концепции о "конце истории", дает прекрасную пищу для философских исследований, а с другой – стимулирует исторические изыскания, заставляя более внимательно анализировать факты недавнего прошлого. Вот почему представляется своевременным критический перевод на русский язык небольшого сочинения почти забытого, но незаурядного и вполне успешного британского участника Большой игры, каковым был сэр Ричмонд Шекспир.

1

Самая яркая страница его жизни, принесшая ему в 27-летнем возрасте титул баронета, описана им самим в публикуемом ниже дневнике. Так или иначе, благодаря своей дипломатической миссии в Хиву он упоминается в большинстве исследований, посвященных англо-русскому соперничеству в первой половине XIX в., а также путешествиям европейцев в Центральную Азию. Его путевой дневник был опубликован в июньской книжке считавшегося реакционным[6] "Эдинбургского журнала Блэквуда" («Blackwood's Edinburgh Magazine») за 1842 г. (No.CCCXX, Vol.LI, p.691-720) [7] – в тот самый месяц, когда в далекой Бухаре эмир Насрулла, вдохновлённый разгромом англичан в Афганистане, казнил двух взятых им в плен британских офицеров – полковника Чарльза Стоддарта и капитана Артура Конолли. На фоне этой трагедии путешествие Шекспира в Хиву выглядит относительно безопасным и даже несколько романтичным, хотя это было далеко не так. Он рисковал не меньше своих несчастных сослуживцев, просто удача оказалась на его стороне.

Лейтенант Шекспир был не первым англичанином, который прошел через страну туркмен в первой половине XIX в. До него здесь уже побывали миссионер Джозеф Вулф (1831 г.), лейтенант Александр Бёрнс (1832 г.) и капитан Джеймс Эбботт

(1840 г.); вскоре после Шекспира – Артур Конолли (1841 г.), а также сотрудник британского посольства в Тегеране Уильям Тейлор Томсон (1842 г.), сопровождавший специального персидского посланника, отправленного в Хиву шахом Ирана с целью добиться освобождения своих подданных, попавших в рабство.[8] 40 лет спустя санкт-петербургский корреспондент лондонской газеты "Глоб" Чарльз Марвин, говоря о своих соотечественниках, писал: "Все они были хорошо встречены туркменами-сарыками, проживавшими тогда в оазисе". Не удивительно, что опубликованные по свежим следам отчеты об их путешествиях не произвели никакого впечатления на читателей, потому что в них, по мнению журналиста, не было ничего о подстерегающих их опасностях. [9] В течение 1839 г. Британия оккупировала Афганистан, что, конечно, способствовало росту ее авторитета в Средней Азии, где всегда уважалось сила. Но даже после ухода англичан в результате их поражения в Первой англо-афганской войне тот же преподобный Джозеф Вулф был хорошо принят в Мерве, через который он вторично проезжал в 1845 г., пытаясь узнать что-либо о судьбе Стоддарта и Конолли. "Вулф был первым и последним, кто побывал в Мерве, – писал Марвин, – потому что начиная с этого времени и вплоть до путешествия в Хиву Арминия Вамбери в одежде дервиша в 1863 г., Средняя Азия оставалась для европейцев закрытой книгой". [10]

Отсюда следует, что любые свидетельства очевидцев первой половины XIX в. на Западе были тогда (как, впрочем, и позже – через 10 или 20 лет) единственными источниками достоверных сведений о Туркестане. Они и сегодня проливают свет на многие эпизоды истории этого региона, его топонимии и топографии, так как сохранили для потомков имена и образы людей того времени, черты культуры, детали быта и подробности жизни, почти забытые прежде всего из-за отсутствия развитой письменной традиции в самой Средней Азии. Конечно, в то время там были рукописные арабографичные книги, но их тематика ограничивалась Кораном и религиозными трактатами, реже – назидательной прозой, народными дестанами и классической поэзией.[11] Лишь хивинские, бухарские придворные хроники и записки персидских чиновников служат опорой для научного поиска, но и они по свойственной им манере изложения весьма скупы. Кроме того, они мало изучены, причем не только в востоковедных центрах России и Запада, но и на родине – в Иране и Средней Азии. Достаточно сказать, что осуществленное 70 лет назад Институтом востоковедения АН СССР и Институтом истории при ЦИК Туркменской ССР издание свода извлечений из упомянутых хроник до сих пор остается непревзойденным по качеству и объему введенных в научный оборот документов.[12]

Получается, что никто кроме Шекспира не оставил, например, таких выразительных характеристик туркменских вождей Мерва, с которыми он встречался: мы слишком мало знаем о них, в основном из тех же хивинских хроник, стиль которых весьма далек от западной манеры личностного, физиономического письма, позволяющего на уровне житейской эмпирии и художественной интуиции даже несколькими словами дать объемный портрет человека. Даже Ричмонду Шекспиру, хотя и далекому потомку великого английского драматурга, но, тем не менее, вовсе не относившему себя к числу литераторов, это вполне удается.

Однако, публикация дневника Шекспира вызвали крайне негативную реакцию в России. По словам путешественника и писателя Егора Ковалевского, этот "коротенький путевой журнал исполнен ошибок и, конечно, мало прибавит сведений к тем, которые мы имеем о пройденных им местах; названия многих мест до того изменены, что очень часто не можно догадаться, о чем, или о ком он говорит".[13] А геолог и географ Иван Мушкетов, характеризуя сочинения Эбботта и Шекспира, писал: "Оба они – просто английские шпионы, географические отчеты которых мало содержательны и не внушают большого доверия… многие сведения их положительно ложны".[14] Молодой востоковед Николай Веселовский в своей магистерской диссертации, посвященной в основном новой истории Хорезма, рассказывая об Аллакули-хане, приводит в числе источников «Описание Шекспирова пути в «Blackwood Magazine». Однако, пользуясь этим документом, будущий выдающийся русский востоковед крайне предвзят в его оценке, называя его "пустым".[15] В этом он вовсе не был оригинален: значительная часть интеллигенции в России второй половины XIX в. была охвачена англофобией, вполне сопоставимой с нынешним антиамериканизмом. Не удивительно, что и другие серьезные авторы дали в свое время уничижительную оценку не только дневника, но и самой миссии Шекспира, повторявшуюся затем в целом ряде советских публикаций на протяжении XX в. уже без обращения к первоисточнику.[16]

Нынешняя историческая дистанция позволяет и текст Шекспира воспринимать совершенно иначе, чем это делалось в России пятьдесят, сто и более лет назад.

Прежде всего, странно было бы сегодня отрицать, что это достаточно яркий и выразительный исторический документ, иллюстрирующий типичное европейское восприятие Востока в колониальную эпоху. Иначе говоря, это наглядный продукт ориентализма в том смысле, который принято вкладывать в этот термин после Э.Саида. С другой стороны, перед нами бесценный источник по истории Туркменистана в тот достаточно "темный" период, который хуже всего отражен в историографии. Этот факт отмечают все современные исследователи, которые сталкиваются с серьезными трудностями, опираясь лишь на очень скудный набор нарративных материалов, в основном персидских, хивинских и русских, при отсутствии хроник собственно на туркменском языке и данных по археологии XVIII-XIX вв.[17] В XX в. историкам удалось в общих чертах описать эту эпоху, но слишком многое оказалось забытым, искаженным и неточным. Не способствовали углубленным исследованиям и методологические установки советской исторической науки, а также сугубо идеологическое недоверие и, нередко, пренебрежение западными источниками –

впрочем, как мы видели, такая традиция в России идет еще с XIX в. Дневник Шекспира, а точнее, отношение к нему служит прекрасной иллюстрацией этих проблем русской и советской историографии.

Кем же на самом деле был сэр Ричмонд Кэмбелл Шекспир, заслуживший славу и уважение в Англии и до сих пор критикуемый или, что еще хуже, замалчиваемый в России?

2

Самый младший сын Джона Тэлбота Шекспира, британского колониального чиновника, состоявшего на административной службе в Бенгалии, и Эмили Теккерей (старшей дочери Уильяма Мейкписа Теккерея, также служившего в Бенгалии), родился в Индии 11 мая 1812 г. В пятилетнем возрасте он приехал в Англию вместе со своим двоюродным братом Уильямом Мейкписом Теккереем, названным так в честь деда. Будущий классик английской литературы был на год старше Ричмонда, но они учились вместе в подготовительной школе в графстве Гемпшир, управляемой, по словам Теккерея, "ужасным маленьким тираном". Условия их детства ярко охарактеризованы в "Автобиографии" Теккерея.[18] Оба мальчика в 1822 г. поступили в Чартерхауз – одну из девяти старейших мужских привилегированных школ Англии. Тогда она находилась в здании бывшего картезианского монастыря в Лондоне. "Всей школой правил страх" – скажет устами Теккерея его биограф.[19] Дальнейшие судьбы кузенов разошлись: Шекспир избрал карьеру военного, Теккерей поступил в Кембриджский университет, стал литератором и больше никогда не был в Индии. Но круг его родственников, конечно, так или иначе отразился в его творчестве. Так, в образе старого полковника Ньюкома – человека по-детски чистой, рыцарской души из трилогии "Ньюкомы: Жизнеописания одной весьма почтенной семьи" (1853-55)[20] Теккерей воплотил некоторые черты характера старшего брата Ричмонда – полковника Джона Доудесвелла Шекспира.

В 1827 г. Ричмонд поступил в военный колледж Ост-Индской компании в Аддискомбе, через год получив звание младшего лейтенанта бенгальской артиллерии. Он прибыл в Индию 10 февраля 1829 г. – через 12 лет после того, как оставил ее ребенком – и служил на различных военных базах в Бенгалии до 19 января 1837 г., когда был назначен помощником губернатора в Горакхпур – небольшой город на северо-востоке Индии. 25 сентября 1838 г., вернувшись к военным обязанностям, он присоединился в Дели к легкой полевой батарее под командованием капитана Августа Эбботта, и покинув Дели 4 ноября, прошел в составе индусской армии до реки Инд, а затем до Кандагара, взятого англичанами 25 апреля 1839 г. Уже несколько месяцев шла Первая англо-афганская война и Шекспир принял участие в походе на Гиришк – сравнительно крупное афганское торговое и ремесленное поселение, где укрывались непокорные баракзайские правители Кандагара (Кохендиль-хан и его братья с семьями, бежавшие затем в Иран). 29 мая Шекспир вернулся в Кандагар, а через месяц был назначен политическим помощником майора бенгальской артиллерии Эллиота Д'Арси Тодда (1808-1845), отправленного с миссией в Герат, ко двору шаха Камрана.

Ост-Индская компания, которая еще в 90-е годы XVIII в. совершила свое первое вмешательство во внутренние дела Афганистана, вела поэтапный захват этой страны и после побед на юге стремилась подчинить себе Герат, важнейший стратегический пункт на путях в Среднюю Азию. Россия, конечно, не желала перехода Герата под контроль англичан, считая это опасным для своих интересов в регионе. В создавшейся обстановке правивший в Иране Мухаммед-шах, получив поддержку русской дипломатии, смог еще осенью 1837 г. организовать большой поход на Герат: город был осажден, однако под сильным давлением английского правительства, угрожавшего Ирану войной, шаху пришлось в августе 1838 г. снять осаду и отвести войска.[21] После взятия Кандагара гератский везирь Яр Мухаммед, которому принадлежала фактическая власть в Герате при Камран-шахе, решил предупредить опасность дипломатическим путем и постараться договориться с англичанами. Он обратился к ним с просьбой прислать представителя для переговоров, в ответ на которую и была отправлена миссия майора Тодда. 13 августа 1839 г. был заключен "дружественный договор", по которому Ост-Индская компания обязывалась оказывать Камрану помощь деньгами, оружием и т.п., а внешняя политика правителя Герата должна была полностью контролироваться англичанами.[22] Тодд, Шекспир и еще четверо прибывших с ними английских офицеров остались в Герате на постоянную службу. "*У каждого из них по пяти и более человек прислуги, но войска английского и пушек с ними нет*, – свидетельствовал один из афганцев, задержанных русскими вместе с капитаном Эбботтом весной 1840 г. – *В управление народом они не вступаются. Но иногда ходатайствуют о некоторых известных им людям.* [...] *Англичане в Герате все одеваются по европейски, но бороды не бреют... За позволение жить в Герате они платят Ша-Камрану по 10.000 рупий в месяц. Тодд обязался заплатить ему 14 лак рупий с тем, чтобы он удержал часть для себя, часть отдал визирю своему, а остальные употребил на пособие народу, пришедшему от войны с персиянами в крайнюю бедность. Деньги эти, если не все, то по крайней мере часть, уже выплачены и издерживаются по назначению. Войско получает жалованье, а бедным поселянам дают по небольшому количеству в долг с тем, чтобы они через 3 или 4 года заплатили. Люди визиря собирают подати, но англичане советуют не требовать ничего теперь, чтобы народ мог поправиться. Один из англичан поправляет укрепления Герата на счет правительства английского, платя работникам ежедневно, по условию, деньги. Другой завел больницу, в которой лечит безвозмездно больных на свой счет. Еще один из них, именно Шекспир, измеряет землю и проверяет расстояние между селениями и урочищами. Вообще англичане устраивают в Герате порядок, спокойствие и безопасность*".[23] В обязанности

Шекспира входило также обучение гератских солдат артиллерийскому делу и их строевая подготовка. Английская миссия просуществовала там чуть больше двух лет: в ноябре 1841 г., после того, как стало известно, что в Кабуле убит А.Бёрнс, англичане изгнаны и власть перешла в руки афганских повстанцев, Яр Мухаммед потребовал от майора Тодда немедленно покинуть Герат. Четыре года спустя Эллиот д'Арси Тодд погиб во время завоевания англичанами Пенджаба, в битве с сикхской армией при Фирузшахе.

3

Зимой же 1842 г., стремясь опередить русских в Хиве и еще ничего не зная о серьезных проблемах, в которых увязла направленная туда военная экспедиция под командованием Оренбургского генерал-губернатора Василия Алексеевича Перовского (1795-1857), Тодд послал к хивинскому правителю Аллакули своего подчиненного Джеймса Эбботта (1807-1896). Ему предстояло убедить хана в необходимости освобождения всех русских пленников, чье многолетнее содержание в рабстве провоцировало нежелательную для англичан активность России. Эбботт с небольшим отрядом нанятых афганцев покинул Герат 24 декабря 1839 г. и так как больше четырех месяцев от него не было никаких вестей, Тодд решил отправить на его поиски Шекспира, которому предстояло также взять на себя решение тех политических задач, с которыми, скорее всего, не справился его предшественник. Шекспир со своим эскортом из 35 афганцев выехал из Герата 14 мая 1840 г., через 9 дней достиг Мерва, а 12 июня прибыл в Хиву. Эбботта он там не застал, но узнал о том, что коллега-офицер после того, как не смог добиться освобождения хотя бы одного русского раба, отправился в сторону России, однако в пути подвергся нападению бандитов и был ранен. "Тут-то для честолюбивого Шекспира и был шанс, – отмечает Питер Хопкирк, автор почти уже классической работы об истории Большой Игры. – Высокий, представительный, красивый лицом и с прекрасной фигурой, всем своим внешним обликом человека, привыкшего командовать, Шекспир, видимо, произвел на хана большее впечатление, чем довольно застенчивый и серьезный Эбботт. Сделать такое предположение позволяют и результаты его визита. Шекспир просто не мог выбрать более благоприятного момента для приезда в Хиву и попытки убедить хана освободить русских рабов. Известие о полном масштабе катастрофы, постигшей русских в снегах на севере, только что достигло столицы, и хивинцы бурно радовались тому, что называли грандиозной победой. Однако сам хан не был столь уверен – его беспокоило, какие следующие шаги предпримут русские. Его весьма тревожило предупреждение Эбботта, что если русские при первой попытке потерпят крах, то вернутся с неизмеримо большими силами. Все это серьезно облегчало задачу Шекспира на переговорах"[24]

В своем дневнике Ричмонд Шекспир не приводит никаких подробностей бесед с хивинским правителем и умалчивает о том, как именно ему удалось внушить Аллакули-хану, не знавшему фарси, на котором свободно говорил англичанин, что русские силы останутся в пределах своей территории, только если хивинцы освободят всех их подданных, томящихся в рабстве. "Однако, – отмечает П.Хопкирк, – как выяснилось позднее, он, как и Эбботт, значительно превысил данные ему полномочия, использовав в качестве приманки договор между Хивой и Британией. Это был не первый и не последний случай, когда участники Большой Игры действовали якобы от имени своего правительства, чтобы добиться преимущества над противником".[25] Впрочем, после того, как хан сдался и 19 июля 1840 г. обнародовал свой фирман (указ), которым под страхом смертной казни всем его подданным запрещалось нападать на русских и торговать ими, [26] Шекспир приложил немало усилий, чтобы собрать россиян, оказавшихся в хивинских владениях и обеспечить их безопасность на пути в Россию. К 14 августа ему удалось найти 416 заключенных – почти всех, кто там пребывал в безнадежном рабстве. Освободив этих несчастных людей, он успешно провел их через пустыню, пренебрегая опасностью со стороны не признававших никакой власти воинственных местных племен, и 1 октября передал освобожденных русским властям в Оренбурге. Через несколько дней он поехал на почтовых в Москву и продолжил путешествие до Санкт-Петербурга, куда прибыл 3 ноября, удостоился чествования и был принят императором Николаем I. Царю ничего не оставалось, как выразить признательность англичанину за освобождение такого большого числа православных. Как пишет Хопкирк, "Царь пришел в бешенство от поступка молодого английского офицера, о котором его никто не просил, но который теперь стал всемирно известен. Ведь он, как и надеялись начальники Шекспира, весьма эффектно лишил Санкт-Петербург какого бы то ни было предлога для нового продвижения в сторону Хивы".[27]

Из российской столицы Шекспир отправился в Лондон. 31 августа 1841 г. тогда еще совсем юная королева Виктория возвела его в рыцарское достоинство и он прибавил к своему имени титул *сэр*. В том же году он вернулся в Индию. Шла завершающая фаза англо-афганской войны и в 1842 г. он вновь был задействован в военных операциях в составе частей генерала Джорджа Поллока, дислоцированных в Пешаваре. Шекспир отличился при взятии крепости Али-Масджид, принимал участие в снятии блокады Джелалабада, где находился осажденный афганцами английский гарнизон генерала Роберта Сэля. В это время принц Акбар, сын свергнутого афганского эмира Дост Мухаммеда, находившегося в плену у англичан, удерживал в глинобитной крепости близ Бамиана 93 английских заложника, среди которых были не только военные, но также их жены и дети: всем им грозила отправка в Бухару и продажа в рабство. Генерал Поллок счел своим долгом сделать всё, чтобы их освободить. Для этой опасной задачи был выбран Шекспир, "мастерски продемонстрировавший свои способности к такой игре в Хиве двумя годами раньше".[28] Но здесь ему не пришлось прилагать никаких усилий: заложники подкупили охрану и захватили власть в кре-

РОССИЯ
УРАЛЬСК
ОРЕНБУРГ
Урал
Волга
Гурьев
АСТРАХАНЬ
Эмба
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
п-ов Мангышлак
Ново-Александровск
Маршрут Р. Шекспира
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Айбугир
Плато Устюрт
Куня-Ургенч
Ташауз
ХИВА
Хазарасп
Питняк
Узбой
Капланкыр
БАКУ
Кабаклы
Амударья
Каракумы
Чарджоу
Ниса
Копетдаг
Дергез
Мары
Йолотан
АСТРАБАД
ТЕГЕРАН
Нишапур
МЕШХЕД
Серахс
Сандыкачи
Мургаб
Бедхыз
ГЕРАТ
Герируд
ПЕРСИЯ
0 50 100 150 200
Английские мили

пости, где их содержали. Когда они узнали, что к ним направляется Шекспир с эскортом кызылбашей – иранских шиитов, служивших английскими наёмниками, то немедленно покинули форт и двинулись ему навстречу. В дальнейшем Поллок отмечал его мужество в своих рапортах о ходе карательной экспедиции в Джагдалаке, Тезине и других населенных пунктах, где местное население оказывало сопротивление оккупантам. По прибытии в Кабул 15 сентября он организовал освобождение из афганского плена шестисот всадников-кызылбашей. Затем он сопровождал войска генерала Поллока, которые 12 октября 1842 г. выступили из разоренного ими Кабула и начали отступление в Индию. Несмотря на бесславное для Англии завершение этой войны, многие отважные офицеры, в том числе и Шекспир, получили военные медали.

В начале 1843 г. он стал заместителем комиссара маленького индийского княжества Сагар и летом того же года получил очередное звание капитана, а осенью переведен в другое вассальное княжество Гвалиор на севере Индии (ныне территория штата Мадхья-Прадеш) помощником политического агента по делам синдских доминионов. В это время Ост-Индская компания аннексировала владения эмиров Синда (ныне провинция на юго-востоке Пакистана) и Шекспир участвовал в военных операциях против индийских махараджей, получив медаль и благодарность командующего армией. После этого до 1848 г. он служил в гвалиорском форте, вернувшись к своим гражданским обязанностям в политическом отделе. В 1844 г. он женился в Агре на Мариан-Софии, дочери чиновника Бенгальской государственной службы и внучке губернатора острова Ява.

Дальнейшая жизнь Р.Шекспира тесно связана с Британской Индией и подчиненными ей индийскими княжествами. Он проявил себя как храбрый офицер на полях сражений в ряде мелких войн, которые Ост-Индская компания вела против антиколониальных выступлений индийцев. В боях был ранен и получал военные медали, очередные воинские звания, став полковником в 1849 г., после успешной операции при подавлении восстания в Гуджарате. Его дипломатический опыт был использован в ходе переговоров с мелкими индийскими государями, в конечном счете поддержавшими англичан в ходе Великого народного восстания 1857-1859 гг. Хотя это восстание было жестоко подавлено, оно положило конец правлению Ост-Индской компании в Индии. Началось реформирование государственного аппарата и Британская империя усовершенствовала систему военно-политического контроля над провинциями и княжествами, формально управляемыми индийскими махараджами. Этот контроль осуществлялся через английских резидентов, которые находились при полностью зависимых от них местных владетелях. Так и Р.Шекспир в 1857 г. стал резидентом в княжестве Барода (ныне штат Гуджарат), а затем в дополнение к своим политическим обязанностям принял командование северным дивизионом Бомбейской армии в ранге бригадного генерала. С июля 1859 г. он уже агент генерал-губернатора и первого вице-короля Индии лорда Каннинга и постоянно находится в городе Индаур (Центральная Индия). Именно здесь сполна раскрылся его дипломатический талант, о чем свидетельствуют рапорты лорда Каннинга в Лондон, содержащие высокую оценку переговоров Шекспира с Синдхией – князем Гвалиура, в результате поддержавшим британцев в обмен на полученные им высокие привилегии.[29]

Через два года Ричмонд Шекспир получил пост главного комиссара княжеств Майсур и Кург, но вскоре заболел и 29 октября 1861 г. умер в Индауре от бронхита. Леди Шекспир и их девять детей (три сына и шесть дочерей) пережили его на много лет.[30]

Когда возвращаясь из России в 1841 г. Шекспир единственный раз за всю свою многолетнюю службу посетил Англию, он встретил там своего знаменитого кузена, У.Теккерея. 20 лет спустя, в очерке "Дневник Леттса" из цикла "Заметки о разных разностях", и опубликованном сначала в "Корнхилл Мэгэзин", отдавая дань его памяти, Теккерей упомянул эту последнюю встречу с братом и написал: "Он всегда готов был протянуть руку тем, кто в этом нуждался. Милостивой судьбой ему выпало спасать вдов и пленников. Где еще они нашли бы защитника более галантного, покровителя более привязанного и заботливого?"[31]

Известно, что эскизный портрет Ричмонда Шекспира выполнил русский путешественник и художник, князь А.Д.Салтыков (1806-1859), находясь у него в гостях в Гвалиуре в середине 40-х годов; позже этот рисунок был литографирован. Еще один тонкий цветной портрет, сделанный пастелью Генри Фаннером, хранился в семье Шекспира и, вероятно, остался у его потомков.

4

Возвращаясь к "Путешествию из Герата в Оренбург", проясним некоторые связанные с ним запутанные эпизоды: это "темные места" в самом тексте, все-таки слишком лаконичном для столь яркого сюжета, ведь автор многое не счел нужным написать (или опубликовать), а иное ему, очевидно, казалось само собой разумеющимися. Что касается истории с освобождением русских рабов, то в ней гораздо больше такого, о чем Шекспир, скорее всего, никогда и не знал, так как в дальнейшей своей жизни был слишком далек от России: это умышленное искажение фактов, умолчания и лживые инвективы, которые распространялись русскими авторами с целью дискредитации англичан, а также отрицания его личного участия в этом деле. Надо признать, что эта цель была в общем достигнута: последующие поколения русских/советских исследователей охотно впадали в заблуждение, опираясь не только на прежние публикации, но и на документы в государственных архивах, изобилующие подтасовками, вымыслом и просто непроверенными, противоречивыми и ошибочными данными.[32] И здесь стоит обратить внимание на наиболее существенные из них.

В дневнике Шекспира есть два персонажа, которых он ни разу не называет по имени: в одном случае он использует распространенное в народном

просторечии Афганистана и Ирана прозвище Аллакули-хана Хан Хазрат (Khan Huzarut) – *перс.* господин, повелитель. Точно также его называют и другие английские источники того времени. Эбботт в своей книге объясняет это слово как "Supreme Lord" – "Верховный владыка". В другом случае Шекспир прибегает к явно ироническому английскому выражению, не имеющему русского эквивалента: "They the Tutor", или просто "They" – так, в кавычках, он именует появившегося в конце дневника посланника Аллакули-хана, известного по имени Атанияз Ходжа Реис Муфтий. Теперь это едва ли объяснимо, и можно лишь догадываться, что отношения Шекспира с Атаниязом были не столь дружескими, как с другими его спутниками – а читатель заметит, что о большинстве из них Шекспир пишет с искренним уважением и самыми теплыми чувствами. Он был слишком доброжелательным и корректным, а точнее – слишком джентльменом, чтобы мы могли поверить утверждениям генерала Перовского, который в письме министру Нессельроде отмечал враждебность хивинца к англичанину и писал, будто капитан Шекспир по дороге ссорился с Атаниязом и туркменским конвоем, причем дело доходило даже до драк.[33]

Еще один участник описываемых событий лета 1840 г. вовсе никак не упомянут у Шекспира, хотя он и находился в Хиве одновременно с ним и, более того, некоторые авторы пытались именно ему приписать заслуги английского офицера. Речь идет о корнете Аитове, известном также под именами Мухаммед-Шериф и Кара-Дилмач (досл.: Черный переводчик). Калмык (или ногаец) на русской службе, он находился в Хиве все первое полугодие 1840 г., когда туда прибыли сначала Эбботт, а затем Шекспир. Но, очевидно, либо хивинцы по каким-то соображениям не давали им возможности общаться, либо Шекспир сам не счел нужным упоминать об Аитове. В этой связи представляет интерес свидетельство участника неудачного похода русских на Хиву, впоследствии генерал-лейтенанта Генерального штаба, крупного военного историка и востоковеда Михаила Игнатьевича Иванина: **"***Первый шаг к примирению хан начал через корнета Аитова, который 8 января был захвачен в плен киргизами и отвезен в Хиву […]. Внушения Аитова о милосердии русского императора, об умеренности наших требований, склонили хана к началу переговоров. К этому же побуждали его и прибывшие из Герата англичане Аббот и Шекспир. Через своих посланных, прибывших в наш отряд на реке Сага-Темир 19 апреля, хан Аллакул обещал выполнить наши требования, и начал с обнародования фирмана от 19 июля 1840 года, которым, под опасением смертной казни, запрещалось подданным хивинским впредь навечно грабить и полонить русских; вслед за тем он освободил собственных пленников (из русских), предписал то же сделать всем своим подданным и велел пленным нашим являться к Аитову, дабы он лично удостоверился, действительно ли освобождены из неволи все русские. Когда поверка эта была закончена, хан приказал выдать каждому из наших пленных по золотому (хивинская монета тилля, около 4 рублей серебром), по мешку муки на человека и на двоих по верблюду, и отпустил Аитова вперед, объявив после аудиенции, что действия его не ограничатся возвращением наших пленных, но что он отныне готов исполнять все требования России. 23 августа корнет Аитов прибыл в Оренбург, а караван с с пленными в числе 416 человек, отправленный вскоре после отъезда Аитова, прибыл в Ново-Александровское укрепление 30 августа, откуда морем был отправлен в городок Гурьев, а оттуда пленные препровождены были в Оренбург, куда прибыли 18 октября. Здесь им предоставлено было избрать род жизни и отправиться куда кто пожелает поселиться».*[34]

Приведенные Иваниным цифры и даты полностью совпадают с данными Шекспира, чего не скажешь о других, более поздних русских историках, только вот сам англичанин удивительным образом не фигурирует в этом тексте, а его действия приписаны Аитову! "Забыл" упомянуть Шекспира и еще один военный историк Захарьин, который в 1889-90 гг. собрал воспоминания участников Хивинского похода, остававшихся к тому времени в живых. Он, в частности, писал: *«По счастью, почти все наши пленники были освобождены хивинцами в том же 1840 году; и с этой стороны неудачный поход Перовского дал совершенно неожиданно желаемые результаты. Случилось это так. Едва только проживавшие в Герате англичане узнали из достоверных источников, что экспедиционный отряд назначался не для исследований Аральского моря, а прямо для похода в Хиву, они отправились сами в Хиву и сумели склонить хана Алла-Кули на согласие немедленно освободить русских пленников и установить с нами правильные пограничные отношения, то есть воспретить ограбление русских купеческих караванов. Существует известие, которое, по желанию англичан, держалось в начале в большом секрете, что за всех русских пленных англичане уплатили жадному Алла-Кулу своим собственным золотом и даже приняли на себя все путевые издержки на обратное возвращение пленных в Оренбург. Так велико было их опасение нового похода русских войск в Хиву, в успехе коего мог сомневаться лишь тупой и высокомерный правитель Хивы, гордый безводными и песчаными пустынями, окружающими его ничтожное и бессильное государство.*

И вот 14 августа 1840 года прибыл в Оренбург корнет Аитов с двумя русскими, бывшими пленниками Хивы, взятыми им в путь в виде прислуги; а спустя несколько дней пришли в Оренбург уже 416 человек обоего пола русских пленных, томившихся долгие годы в Хиве, в неволе. Их сопровождал посланец хана Атанияз-хаджи. При выступлении их из Хивы каждому пленнику дали на дорогу по золотому (4 рубля), по мешку муки и на каждых двух человек по одному верблюду. Эти несчастные встречены были в Оренбурге очень торжественно и радушно".[35]

Аитов, по прихоти русских авторов ставший эдаким *alter ego* Шекспира, фигурирует в одном из романов советского писателя Валентина Рыбина, создавшего многотомный беллетристический цикл

о русско-туркменских отношениях в эпоху Империи. По Рыбину, это хивинский пленник Аитов внушил хану мысль о необходимости освободить всех рабов: "*Прапорщик заботился о себе: мечтал, как бы ему самому вырваться из неволи, и не думал, что делает большое дело*". [36] По поводу выкупа рабов Рыбин пишет так: "*И вот уже слухи распространились по Хорезму – хан скупает у рабовладельцев русских невольников за тройную цену, а принимает их на площади у дворца преданный ханский слуга Атаниаз-ходжа, который и повезет невольников в Оренбург*" [37] И снова – ни слова о Шекспире. Лишь в уста Аллакули-хана писатель вкладывает слова: "*Гостей теперь много стало. Англичане недавно побывали, а как начнем торговать с Россией, от русских отбоя не будет*". [38] Конечно, литератору дозволено фантазировать, используя историю как гвоздь, на который можно вешать свои романы (известное выражение Александра Дюма). Но, к сожалению, в истории Шекспира слишком много вольностей допустили и профессиональные историки.

5

Как ни странно, такой крупный советский специалист по англо-русским отношения в XIX веке как Нафтула Аронович Халфин, знавший о существовании дневника Шекспира, не счел нужным найти и прочитать его. В работах Халфина не только нет ссылок на него, но и прямо сказано, что Шекспир, дескать, "не оставил после себя, подобно предшественнику [Эбботту – **Р.М.**], двухтомного описания поездки, из которого можно было бы узнать хотя бы некоторые ее детали и цели" [39] Не найдя ни английского оригинала, ни французской версии этого дневника, Халфин доверился сугубо негативным оценкам Е.В.Ковалевского и И.В.Мушкетова, которых он цитирует в начале своей статьи, посвященной миссии Шекспира.[40] Он также характеризует Герат 1839-40 гг. как "главный центр диверсионной и пропагандистской деятельности Англии на Среднем Востоке" и делает вывод "о существовании широкой сети английской военно-политической разведки в Средней Азии и четко налаженной системы связи британских агентов с координационным пунктом – Гератом, а также с захваченным англичанами Кабулом".[41] "Конечно, в этом есть известная доля правды, – пишет Хопкирк о Халфине, – хотя он представляет англичан в Центральной Азии куда лучше организованными, чем это было на самом деле. Макнагтен, Бёрнс, Тодд и другие политические деятели были бы немало удивлены, если не сказать польщены, узнав об этой русской точке зрения насчет их всеведения".[42] Данная статья Халфина не просто пропитана нескрываемой англофобией – это вполне естественно; но сама ее лексика еще не свободна от псевдоразоблачительных клише сталинской эпохи. Во всяком случае, в своих книгах 60-70-х гг. Халфин уже избавился от этого жуткого языка, но не от своих взглядов, поэтому продолжал ссылаться на свою работу 1958 г., в которой слишком много шатких гипотез и абсурдных домыслов, призванных обличить коварную Англию, готовившую агрессию против народов Средней Азии. Соответственно он демонизирует и Шекспира, называя его не иначе как шпионом и диверсантом. Халфин приписывает Шекспиру так и не сыгранную им роль тайного агента в Оренбурге, где тот, якобы, должен был остаться по заданию Тодда со смехотворной задачей использовать для облегчения своей разведывательной работы давно выселенную оттуда английскую евангелическую миссию. При этом советский исследователь также как и его предшественники полностью отрицает роль Шекспира в освобождении русских рабов и умалчивает факт аудиенции у Николая I.

Впрочем, вся статья Халфина построена на одном весьма спорном, если не сказать загадочном источнике, который он принял за архив Шекспира. Это дело № 6996 под названием "Английские письма, взятые у туркмен" среди материалов так называемого Военно-ученого архива в фонде-коллекции "Военные действия в Средней Азии" РГВИА. В этом деле 26 листов небольшого формата, исписанных мелким, с трудом поддающихся прочтению типичным английским "связным" почерком, и 5 листов переводов ряда документов на русский язык, подготовленных, как предположил Халфин, одним из чиновников Военного министерства, причем в некоторых случаях анонимный переводчик пытался комментировать текст. Часть английского текста стерлась; на листах – глубокие бороздки, свидетельствующие, что бумаги долго находились в сложенном состоянии. В "деле" нет никаких указаний на авторство и происхождение материалов, и поэтому Халфину пришлось прибегнуть к формальному анализу документов.[43] Он также приводит сообщение американского журналиста Дж.Макгахана – очевидца похода русских войск на Хиву и ее аннексии весной 1873 г. – о том, что отряд под командованием генерала Н.Н.Головачева после кровопролитного боя с газаватскими туркменами племени йомуд, обнаружил в их лагере "бумаги лейтенанта Шекспира, который прибыл в Хиву с поручением Англии во время злополучной экспедиции Перовского в 1840 г.".[44]

Халфин пришел к выводу, что дело № 6996 – это и есть те самые бумаги Шекспира. Об их пропаже, равно как и об их существовании сам Шекспир ничего не говорит в своем дневнике. В отличие от Эбботта, он не подвергался ограблению и невозможно представить, что он их где-то забыл или потерял. Более того, как отмечал британский военный историк Джеффри Уиллер, "трудно поверить, что кто-либо из ответственных лиц, выполнявших якобы секретную миссию в Центральной Азии, взял бы с собой собрание конфиденциальных писем, последнее из которых было написано за два года до этого".[45] Хопкирк также подверг сомнению принадлежность Шекспиру бумаг, захваченных у туркмен в 1873 г. и хранящихся ныне в РГВИА. Он подчеркивает, что "письма, которые не были подписаны и появлялись только в копиях, посвящены главным образом политике – или голым амбициям, как представляется Халфину – Британии в Центральной Азии. Однако большую часть своих выводов относительно истинной цели поездок Эбботта и Шекс-

пира русский ученый делает из бумаг, найденных вместе с ними".[46] Судя по всему, дело № 6996 – сборное, как это обычно и делалось в русской архивной практике, когда к титульному блоку документов приобщались другие близкие по содержанию бумаги.

В одном и Уиллер, и Хопкирк неправильно поняли Халфина: он не утверждал, что письма написаны между 1831 и 1838 гг. – этим периодом датированы лишь водяные знаки на бумаге фирмы «J.Green & Son», которой пользовались те анонимные авторы, которые писали (или копировали) эти листки. Гораздо более реалистично выглядит предположение Хопкирка о том, что "они принадлежали скорее Эбботту, чем Шекспиру, и были у того отобраны во время нападения, когда по пути в Александровск его ограбили".[47] Так как сам Эбботт свидетельствовал, что все отобранное грабителями ему было ими же и возвращено, пропажа если и случилась, то он о ней едва ли узнал: по крайней мере, в своей достаточно обширной книге он ничего не говорит об этом. А вот в показаниях одного из спутников Эбботта, который представлен как "афганец Мирза Абду Самет Магомет Алиев, уроженец Герата, 50-ти лет", есть ключ к вероятному происхождению "Английских писем, взятых у туркмен". Вот что он сообщил: "*В Хиве нашли мы в плену афганца Амир-бека, служившего прежде у англичанина Тодда в Герате. Он был послан от Тодда с бумагами в Мешхед, но дорогою напали на него туркмены, взяли его в плен, повели в Хиву и продали.* [...] *Эбботт выкупил Амир-бека и отправил его в Герат с письмами, которые перед выездом его из Хивы были у него отобраны и большей частью удержаны. Об этом рассказал нам Сали-Мухамед-Мулла-Хасанов, который встретился с Амир-беком между Гератом и Хивой*".[48]

Итак, бумаги Эбботта пропали в окрестностях Хивы, где ровно через 33 года нашлись английские письма, попавшие затем в дело № 6996. Но в этом деле есть также копия письма министра иностранных дел Англии Пальмерстона послу в Петербурге Кланрикарду от 3 февраля 1840 г.,[49] когда Эбботт был уже в Хиве, а также изложение "секретного и личного" послания секретаря Ост-Индской компании Мэддока "полномочному министру и послу Англии" в Кабуле Макнагтену от 20 апреля 1840 г. (л.3) и копия ответного письма Макнагтена от 9 мая того же года (лл. 5-6). Исключено, что Эбботт, находившийся с 1 мая в Ново-Александровском укреплении, мог их получить. Стало быть, копии этих писем имеют совсем другое происхождение и, как сказано выше, были попросту подшиты к делу № 6996, так как тематически связаны с документами, которые обнаружил отряд Головачева. Тогда же, очевидно, были вставлены в эту папку и пять листов русских переводов.

Между тем, в российских архивных фондах так и не обнаружен оригинал письма Шекспира, которое он действительно отправил в Оренбург генералу Перовскому, еще находясь в Хиве – вероятно, через Аитова, который был отпущен ханом и уехал на несколько недель раньше. Халфин отождествляет это письмо с недатированным анонимным черновиком, который хранится в деле № 6996 (л.11). Перовский же в своем донесении от 31 августа 1840 г., адресованном Нессельроде, сообщает, что письмо Шекспира в подлиннике переслано в Министерство иностранных дел.[50] Наконец, Халфин пишет, что "в этих черновиках (лл.10, 17-22, 28-31 и пр.) проскальзывают упоминания о длительных "беседах" Шекспира с хивинскими сановниками "о политике России", содержится утверждение, что ему удалось добиться разрешения хана на приезд в Хиву из Бухары полковника Стоддарта".[51] Это и вовсе абсурд: Стоддарт в это время уже несколько месяцев безнадежно томился в бухарском зиндане, о чем прекрасно знали и Шекспир, и Эбботт, и Аллакули-хан. А вот обсуждал с последним проблему Стоддарта вовсе не Шекспир, а именно Эбботт, о чем он подробно пишет в своих мемуарах.[52] Дело в том, что Эбботта в Хиве сначала приняли за русского шпиона, выдающего себя за англичанина, и отнеслись к нему с величайшим подозрением. Во время пребывания в Хиве он неоднократно посылал доклады Тодду, которые неизменно перехватывал подозрительный хан. Майор Тодд, как уже отмечалось, ничего не получал и поэтому вынужден был отправить в Хиву Шекспира, чьи рапорты потом благополучно достигали Герата. Так чьи же бумаги оставались в Хиве? Но самое главное, хан опасался просто так отпускать Эбботта и решил заполучить вместо него Стоддарта в качестве заложника. Для этого он высказал Эбботту совершенно авантюрное предложение вызволить того из плена, тайно послав в Бухару небольшой отряд всадников, которые, дескать, смогут выкрасть Стоддарта из под носа его охранников. Эбботт решительно отверг такой план, резонно полагая, что это не только не спасет, а скорее погубит его соотечественника. Больше к этому вопросу Аллакули-хан не возвращался. Таким образом, не изучив внимательно все известные источники, Халфин ничего не прояснил, а только запутал.

Что из этого всего следует? Если в архивном деле, озаглавленном "Английские письма, взятые у туркмен", действительно хранятся те документы, которые Макгахан назвал бумагами Шекспира, то с гораздо большим основанием их можно приписать Эбботту. Точку в этом вопросе могла бы поставить графологическая экспертиза писем в сравнении с образцами почерков того и другого.

6

К сожалению, Н.А.Халфин в своих изысканиях совсем упустил из виду другой, гораздо более известный источник, чем найденное им дело № 6996. Это "Показания хивинцев и туркмен, сопровождавших в 1840 г. английских путешественников Аббота и Шекспира из Герата в Хиву и оттуда на Каспийское море".[53] В 1865 г. их подготовил к печати и вскоре опубликовал видный государственный и общественный деятель Российской империи Михаил Николаевич Галкин-Врасский (1834-1916).[54] В конце 50-х гг., изучая в Оренбурге архивные дела краевой администрации, он обнаружил там некоторые сведения, которые казались ему интересными. Сре-

ди них были и “Показания афганцев и туркмен”, записанные в основном 30 мая 1840 г. во время их допроса в Ново-Александровском укреплении, и затем переведенные на русский язык. Всего опубликованы показания девяти человек: восемь сопровождали Эбботта и лишь девятый был из свиты Шекспира (см. его показания в Приложении на с. 145). Он был допрошен 29 сентября – через 10 дней после того, как Шекспир вместе с освобожденными рабами покинул Ново-Александровское и находился в пути между Гурьевым и Оренбургом. Выше уже приводились ссылки на этот источник, который содержит немало достоверных подробностей (в свидетельских показаниях разных людей нет особых противоречий) и об англичанах в Герате, и о злоключениях Эбботта, и о путешествии Шекспира. “Показания” служат хорошим дополнением к его дневнику и лишний раз подтверждают, что он ничего не выдумал, не исказил и не приукрасил.

Чем же интересен сегодня публикуемый текст и его автор? Шекспир, несомненно, представляет собой некий архетип, воплощающий в себе сущность британского ориентализма. Он всю жизнь прожил на Востоке, прекрасно знал восточные языки, но при этом был типичным англичанином, даже не скрывшим чувства своего превосходства над азиатами. В течение тридцати двух лет сэр Ричмонд Шекспир искренне и преданно служил британскому правительству Индии, не раз и не два рискуя своей жизнью и свободой, чтобы выполнить возложенные на него задачи. Он вполне мог бы стать героем великого Редьярда Киплинга – такого же англоиндуса – британца, родившегося и жившего в Индии: кто смог лучше него написать о своих соотечественниках – “слугах Империи”? Но в киплинговские годы сэра Ричмонда помнили разве что престарелые ветераны Ост-индской компании, ведь он, в сущности, был героем не Индии и не Англии. Парадокс в том, что успех хивинской миссии Шекспира объективно принес пользу только России, если считать пользой освобождение русских людей из рабства, а не перевес в политических маневрах двух великих держав. Наконец, он оказался тем миротворцем, который снял напряженность в отношениях Санкт-Петербурга с Хивой и надолго лишил Россию повода для второго хивинского похода. Англия же не смогла извлечь особой выгоды из успеха своего бесстрашного офицера, потому что всего через год с небольшим после того, как закончился его вояж из Герата в Оренбург, она потерпела сокрушительное поражение в Афганистане и навсегда утратила свои позиции в Средней Азии, окончательно уступив этот регион России.

Впрочем, какие мотивы не двигали бы Ричмондом Шекспиром, то, что он совершил ради спасения простых русских людей, есть подвиг в общепринятом смысле этого слова, которое знаменитый лексикограф Владимир Даль (кстати, участник бесславного Хивинского похода 1839-40 гг.) определил как доблестный поступок, дело, или важное, славное деяние. А современное толкование слова *подвиг* уточняет, что это героический, самоотверженный поступок, важное по своему значение действие, совершаемое в трудных условиях. Кто скажет, что сделанное Шекспиром в Хиве не соответствует такому определению? Однако не только сказали, но и украли у него этот подвиг, приписав его хитрому Аитову и попросту превратив Шекспира в фигуру умолчания. И это вполне по-русски. Справедливости ради надо сказать, что отнюдь не все в России были ангажированы властью: губернатор В.А.Перовский с негодованием писал директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Л.Г.Сенявину, что “освобожденные пленники наши рассказывают повсюду, что они выкуплены англичанами, которые заплатили будто бы за них хану 6 пудов золота. Шекспир некоторым образом подтверждает это, разглашая, что ему исключительно обязан Россия освобождением невольников своих”.[55]

Да и в печати встречались объективные суждения. Популярный журнал “Нива” в год второго Хивинского похода, когда ханство наконец капитулировало и признало себя протекторатом России, представил читателям очерк выдающегося русского геолога, академика Г.П.Гельмерсена о Хиве, в котором честно признавалось, что ни поход Перовского, ни другие меры России не могли обуздать хивинских грабителей: “Ханское правительство лишь настолько оказало снисхождения, что, по внушениям английских эмиссаров, Аббота и Шекспира, которых лорд Пальмерстон, знавший об всем, послал через Персию в Хиву еще до выступления Перовского, – добровольно выдало часть русских невольников”.[56]

Но гораздо интереснее посмотреть на Шекспира через призму ориентализма, если понимать под этим термином, следуя за Саидом, не столько академическую традицию (сэр Ричмонд к ней не имел никакого отношения), сколько стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различении “Востока” и (почти всегда) “Запада”. Эти полярные понятия стали для западных авторов отправной точкой их сочинений и политических расчетов в отношении Востока, его народов, обычаев, “ума”, судьбы и т.д.[57] Эдвард Саид показал, как из записок разных искателей приключений, не понимающих чужую культуру и не вникающих в нее, складывался на Западе образ “дикого Востока”, тот самый искривленный подчас до неузнаваемости образ, который по-прежнему тиражируется западными СМИ. Свою скромную лепту в создание этого образа внес и Шекспир. Читатель увидит, сколь одномерны его суждения о таком, казалось бы, распространенном явлении, как рабство. Он с гневом осуждает туркмен за их промысел, а ведь к тому времени прошло всего 33 года с тех пор, как обе палаты британского парламента приняли закон о запрещении работорговли, процветавшей в самом английском королевстве, хотя еще в 1780 г. идеолог демократического направления в период войны за независимость в Северной Америке и будущий президент Томас Джефферсон призывал конгрессменов осудить английский народ и короля Георга III за поощрение работорговли – “этой гнусной коммерции” и запрете после 1800 г. рабства по всей территории США. Тогда он не был поддержан большинством и рабство в этой “свободной” стране офи-

циально сохранялось до 1865 г. Более того, в XX в. работорговля стала самым прибыльным бизнесом после торговли оружием и наркотиками. Прогресс лишь в том, что в современном мире похищение людей считается преступлением, а их купля-продажа перешла в криминальную сферу и продолжает иметь место и в Западной Европе, и в других регионах мира. Жертвами же по-прежнему остаются те, кто наиболее беззащитен и социально уязвим: молодые женщины и дети. Туркмены, казавшиеся Шекспиру и прочим его согражданам дикарями и варварами, были бы поражены, если бы знали о масштабах невольничьих рынков, которые начиная с XVII в. устраивали, например, голландцы, а вслед за ними и английские судовладельцы – поставщики "черного товара" из Африки в Северную Америку, который доставлялся огромными партиями в забитых до отказа корабельных трюмах. На фоне циничного обогащения цивилизованного Запада за счет пленения и эксплуатации негров, лишенных каких-либо человеческих прав, набеги туркмен выглядят мелкими шалостями. В действительности, набег (аламан) на протяжении нескольких веков представлял собой один из важнейших факторов в жизни построенного на принципах военной организации туркменского общества. Аламан был реакцией на конкретные социально-экономические условия и неблагоприятную политическую ситуацию, в которой перманентно находились разрозненные туркменские племена, не признававшие власти соседних деспотий и образовавшие так называемую вольницу.[58] Аламан как феномен средневековой культуры лишь эпизодически привлекал внимание этнографов, в советский период чаще игнорировался и лишь недавно был подвергнут адекватному научному анализу,[59] институт же рабства в Центральной Азии до сих пор остается малоизученным.[60]

Всё сказанное – это лишь "заметки на полях" вполне достойного внимания читателей исторического документа, который публикуется ниже. Выражаю признательность всем, кто способствовал появлению его русской версии. Прежде всего, это профессор истории Уильям Вуд (Сан-Диего, США), который много лет назад обратил мое внимание на дневник Шекспира и предоставил копию с оригинала 1842 г., а также переводчики Джерен Акмамедова (Москва) и Роберт Чандлер (Лондон) – их помощь и консультации существенно помогли в работе над переводом, который дается здесь без каких-либо купюр, в максимально полном соответствии с оригиналом. Лишь в отдельных случаях, где использованы сложные обороты речи, им найдены русские эквиваленты.

Текст Шекспира изобилует собственными именами афганцев и туркмен, а также местными топонимами, которые зачастую сильно искажены, поэтому в переводе они в большинстве случаев транскрибируются в соответствии с их современным написанием и русским произношением. Исключение составляет отдельные топонимы, старое написание которых может представлять сегодня исследовательский интерес, а также упомянутый выше персонаж, скрытый автором под прозвищем "They the Tutor", которое оставлено без перевода. С сожалением приходится признать, что никакого адекватного выражения, которое соответствовало бы этому никнэйму, мы не нашли. Исходя из того, что понятное английскому читателю первой половины XIX в. сегодня почти никому ни о чем не говорит, а многие упомянутые персоны, этнонимы, персидские слова, местности и сооружения вообще малоизвестны, мы попытались дать подробный историко-культурный комментарий, вынесенный за рамки основного текста. Постраничные примечания в нем принадлежат Р.Шекспиру.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года. М., 2005, с.71-73.

[2] *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909, с.371-372

[3] *Meyer K., Brysac Sh.* Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. Washigton, 1999.

[4] См., например: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: Господство Америки и ее геостратегические интересы. М., 1999, с.165-180.

[5] *Саид Э.* Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб, 2006.

[6] *ЛэмЧ.* Очерки Элии. Л., 1981, с.198.

[7] В том же году дневник Шекспира был переведен на французский язык и опубликован в «Revue Britannique» (1842, No.7).

[8] *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974, с.321.

[9] Массовый интерес всегда вызывают остросюжетные истории и кровавые драмы, и очень скоро Европа содрогнулась, узнав сначала об убийстве во время восстания в Кабуле сэра Александра Бёрнса, гибели сэра Уильяма Макнагтена во время переговоров с афганскими вождями (см. о нем прим.6 к тексту Шекспира), а затем мученической смерти 16 тысяч английских солдат и офицеров, их жен, детей, нянек, возниц, поваров, слуг, носильщиков и сопровождавших их сипаев во время отступления армии генерала Эльфинстона из Кабула через Джагдалакское ущелье в сторону Джелалабада всего за несколько январских дней 1842 г. Эта трагедия стала темой нескольких книг, в т.ч. на русском: *Халфин Н.А.* Возмездие ожидает в Джагдалаке. М., 1973.

[10] *Marvin Ch.* The Russian at Merv and Heart, and their Power of Invading India. London, 1883.

[11] Средняя Азия стала одним из последних регионов мусульманского мира, куда только во второй половине XIX в. под европейским влиянием проникло книгопечатание (*Язбердиев А.* Старопечатные туркменские книги. М., 2001, с.30).

[12] МИТТ, т.II. М.-Л., 1938.

[13] *Ковалевский Е.П.* Странствователь по суше и морям, кн.1-2. СПб., 1843, с.168-169.

[14] *Мушкетов И.В.* Туркестан. СПб., 1886, с.113.

[15] *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877, с.315. Впрочем, среди русских ученых были и другие мнения. Вот как оценивал записки Эбботта и Шекспира участник похода Перовского, впоследствии крупный востоковед Н.В.Ханыков в своем труде, впервые изданном в Париже в 1862 г.: "Эти публикации в значительной степени способствовали исправлению существовавших тогда ошибочных представлений о течениях рек к северу от Герата и Мерва и нарисовали более точную картину строения поверхности между Мервом и левым берегом Оксуса, чем это сделал г-н Бёрнс" (*Ханыков Н.* Экспедиция в Хорасан. Пер. с фр. М., 1973, с.66).

[16] Прежде всего, это труды Н.А.Халфина (см. дальше), а также коллективная монография "Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII-80-е годы XIX в. (М., 1984), в которой вообще опущено всякое упоминание об участии англичан в освобождении русских рабов. Из последних примеров можно привести статью С.В.Тимченко "Англо-русское соперничество в Средней Азии в 40-е гг. XIX в." в сб. "Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М.Замятина" (Барнаул, 2003). В ней не просто повторяются старые клише, перепутана хронология событий, извращены хорошо известные факты, но и без всякого критического анализа воспроизводятся ошибки и заблуждения оренбургского губернатора В.Перовского и совершенно не соответствующие действительности рассказы неких информаторов, извлеченные из Центрального архива Национальной Академии наук Республики Казахстан.

[17] *Аннанепесов М.* Хозяйство туркмен в XVIII-XIX вв. Ашхабад, 1972, с.9, сл.

[18] William Makepeace Thackeray. Memoirs of a Victorian Gentleman. Ed. By Margaret Forster. London, 1978.

[19] *Форстер М.* Записки викторианского джентльмена. М., 1985, с.28.

[20] *Теккерей У.М.* Собрание сочинений в 12-ти т. Т.8-9. М., 1978.

[21] Подробно об этом см.: *Бларамберг И.* Воспоминания. М,, 1978, с.105-143.

[22] *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана, т.II. М., 1965, с.197.

[23] Записки ИРГО по отделению этнографии, т.1. Под ред. В.И.Ламанского. СПб, 1867, с.100, 104-105.

[24] *Хопкирк П.* Большая игра против России: азиатский синдром. Пер. с англ. М.,2004, с.275

[25] Там же. с.276. По этому поводу уместно процитировать слова советского архивиста и археографа Александра Попова: "Действия английских и царских агентов, работавших в ту пору в Средней Азии, являются предметом не легким для детального изучения. В материалах центральных дипломатических органов не всегда можно найти отражение предпринимаемых ими шагов. Можно даже сказать, что в данном случае мы имеем дело с системой, проводившейся обоими кабинетами: Лондон и Петербург живут по видимости в идиллической дружбе, борьбу же ведут их представители на местах, получающие от своих правительств общие директивы и предоставленные в значительной мере собственной инициативе" (*Попов А.Л.* Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки, т.7. М., 1940, с.203).

[26]Архив внешней политики России, ф. Отчеты Министерства иностранных дел, 1840 г., л.316. об.

[27] *Хопкирк П.* Указ. соч., с.281.

[28] Там же. с.333.

[29] *Антонова К.А. и др.* История Индии. М., 1979, с.318-319.

[30] Подробнее биографию Ричмонда Шекспира см.: http://freepages.genealogy.rootsweb.com/~shakespeare/biog/dict_nat_biog/sir_richmond_campbell_shakespear.htm

[31] Thackeray's Roundabout Papers; Sir William Hunter Thackerays in India, 1897, pp. 147 sq.;

См. также: http://www.ebookmall.com/ebooks/roundabout-papers-thackeray-ebooks.htm

[32] Отсутствие достоверных сведений приводит к тому, что и в серьезных современных исследованиях повторяются созданные российскими историками мифы. В одной из таких работ утверждается, например, что поход Перовского, обернувшийся для него несмываемым позором, **произвел сильное впечатление на хана**, после чего, дескать, он и освободил **многих** русских невольников (*Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М., 2000, с.47).

[33] *Халфин Н.А.* Указ. соч., с.288.

[34] *Иванин М.* Описание зимнего похода в Хиву в 1839-1840 г. СПб., 1874, с.157.

[35] *Захарьин (Якунин) И.Н.* Хива: "Зимний поход в Хиву Перовского" в 1839 году и "Первое посольство в Хиву" в 1842 году. СПб., 1898, с.142-143.

[36] *Рыбин В.Ф.* Семь песков Хорезма: исторический роман. Ашхабад, 1991, с.151. Аитова писатель ошибочно называет прапорщиком, хотя тот был тогда всего лишь корнетом.

[37] Там же.

[38] Там же, с.152.

[39] *Халфин Н.А.* Указ. соч.. с.284.

[40] *Халфин Н.А.* Британская экспансия в Средней Азии в 30-40-е годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР, 1958, № 2, с.103-112.

[41] Там же, с.106, 110.

[42] *Хопкирк П.* Указ. соч., с.282.

[43] *Халфин Н.А.* Британская экспансия в Средней Азии, с.103-104.

[44] *Мак-Гахан.* Военные действия на Оксусе и падение Хивы. Пер. с англ. М., 1875, с.276.

[45] *Wheller, Col. Geoffrey.* (trans.), 'British Policy in Central Asia in the Early Nineteenth Century. The Mission of Richmond Shakespear'. Translation and review by G.Wheller of article by N.Khalfin on 'British Expansion in Central Asia' in *Istoriya SSSR* // Central Asia Review. Vol.VI, No 4, 1958.

[46] Хопкирк П. Указ. соч., с.283-284.

[47] Там же, с.284.

[48] Записки ИРГО, с.103.

[49] РГВИА, ф. ВУА, д. 6996, л. 4.

[50] Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, т. II. Сост. А.Г.Серебренников. Ташкент, 1908, с.203-206.

[51] *Халфин Н.А.* Британская экспансия в Средней Азии, с.112.

[52] *Abbott J.* Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow and St.Petersburg, During the Late Russian Invasion of Khiva, with some account of the court of Khiva and the Kingdom of Khvarism. London, 1843.

[53] Записки ИРГО, с.95-113.

[54] В 20-летнем возрасте окончивший юридический факультет Казанского университета, он служил в управлениях самарского и оренбургского генерал-губернаторов. В 1858 г. участвовал в российской дипломатической миссии в Хиву и Бухару. Через год он был прикомандирован в качестве чиновника по дипломатической части в экспедиции полковника В.Д.Дандевиля, снаряженной "по Высочайшему повелению для обозрения восточного берега Каспийского моря". Миссия была и трудной и опасной, не раз экспедиционный отряд подвергался нападению со стороны туркмен, недоверчиво относившихся к изысканиям группы пришлых людей. Михаилу Николаевичу лично пришлось участвовать в крупном сражении с туркменами, проявляя храбрость и мужество, за что ему был пожалован орден Св.Анны III степени с мечами. На базе материалов, собранных в экспедициях, М.Н.Галкин-Врасский написал и опубликовал работы, принесшие ему потом известность в ученом мире. Им была выпущена книга «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю» (СПб., 1869), а статья о туркменах премирована серебряной медалью ИРГО. Кроме того, он собрал и напечатал материалы, касающиеся отношений России со среднеазиатскими ханствами. В извлечениях его работы издавались также в трудах Парижского географического общества, членом-корреспондентом которого он состоял. Впоследствии М.Н.Галкин-Врасский был эстляндским, а затем саратовским губернатором, начальником Главного тюремного управления МВД и членом Государственного совета.

[55] Архив внешней политики России. СПб, Главный архив, I-6, 1840-1, лл. 69-72. Перовский – Сенявину от 12 октября 1840 г. Это письмо было доложено царю (см. *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии, с.288).

[56] "Нива", 1873, №20, с.320.

[57] *Саид Э.* Ориентализм, с.9.

[58] Первый факт захвата туркменами русских рыбаков и торговцев на Каспийском море представил тоже англичанин: это был Энтони Дженкинсон, который еще в 1559 г. вывез из Бухары 25 человек русских невольников. Через 100 лет, в 1670 г. Братьям Борису и Семену Пазухиным во время их пребывания в Бухаре удалось собрать сведения о 300 русских рабах, находившихся в среднеазиатских ханствах: по их сведениям, 150 человек томились в самой Бухаре, 100 – в Балхе и только 50 – в Хиве. (См.: *Жуковский С.В.* Сношения России с Буха-

рой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петроград, 1915, с.16, 32). См. также: *Веселовский Н.И.* Русские невольники в среднеазиатских ханствах // Туркестанские ведомости, 1879, №33, 35; 1880, №20.

[59] *Ботяков Ю.М.* Аламан: социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX- первая половина XX века). СПб., 2002. Среди исследований советского времени выделяются три: *Морозова А.С.* Рабство у туркмен и узбеков Хивинского ханства в XIX веке (дисс. на соискание уч. ст. к.и.н.) рукопись. Л., 1945; *Росляков А.А.* Аламаны // СЭ, 1955, №2, с.41-53; *Брегель Ю.Э.* Хорезмские туркмены в XIX веке. М., 1961, с.156-164

[60] Из советских публикаций можно назвать лишь несколько статей из сборника "Рабство в странах Востока в средние века" (М., 1986), а также рассмотрение теоретических аспектов проблемы в сб. "Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти" (М., 1993).

П Е Р Е В О Д

[Эти записки представляют собой дневник, который автор вел во время своего путешествия в 1840 г. Будучи младшим офицером индийской армии, после взятия Газни[1] он был послан в Россию с важной дипломатической миссией, цель которой заключалась в том, чтобы добиться отзыва русской армии, которая в тот период вела наступление и находилась в трех днях пути от города Хивы.[2] Сэр Р. Шекспир, преодолевший путь от Герата до Хивы, преуспел в достижении соглашения между хивинским ханом и русским генералом, основные условия которого были, со стороны последнего, что он отведет русскую армию в пределы Российской империи; а со стороны вышеназванного – что хивинцы вернут русским всех русских узников, которые были схвачены и угнаны в рабство подданными хивинского хана. Их наличие в Хивинском ханстве всегда давало России повод для нападения на Хиву, поэтому, чтобы этого не случилось в будущем, сэр Р.Шекспир гарантировал русским возвращение *всех* их заключенных, находящихся в ханских владениях – и ради этого лично обязался собрать их и сопроводить в безопасности в Россию;[3] он, соответственно, освободил и взял на свое попечение этих пленников (свыше 500 человек)[4] и прошел с ними от Хивы до Каспия. Он оставил узников в Оренбурге, пересёк Россию, всюду восторженно встречаемый соотечественниками заключенных, и по прибытии в Санкт-Петербург получил ратификацию договора от императора и удостоился чести принять его публичную благодарность.

Вернувшись в Англию, за свои заслуги он получил повышение в звании и чин, и теперь является адъютантом главнокомандующего Бенгальской армии. В настоящее время в Хайберском проходе он ищет способ освободить генерала Сэля.[5]]

11 мая 1840 года в Герат прибыл гонец от сэра У.Х.Макнагтена[6] с важными инструкциями для капитана Эбботта. Так как последнего не было в Хиве, майор Тодд счел нужным отправить меня вместо него и вечером 13 мая я распрощался с визирем Ярмухаммед-ханом,[7] который пожелал проводить меня до небольшой деревушки примерно в двух милях от города, откуда я должен был отправиться в путь. Это, конечно, восхитительная часть света для каждого, кто любит острые ощущения. Всего неделю тому назад я серьезно помышлял о том, что нужно бы заменить стекла моих апартаментов витражами из цветного стекла, так как, судя по всем признакам, мне предстояло провести еще много времени в Герате. Затем мне поручили отвезти спешные депеши в Кабул. А когда уже все было готово к путешествию, мне приказали отправиться в Хиву! Если я не успею добраться до Хивы раньше, чем русские изгонят хана Хазрата[8] из этого города, мне несдобровать – хотя отряд мой довольно велик, он все же весьма уязвим. Однако удача должна сопутствовать мне, ибо властители всех земель, через которые мне предстоит пройти, доброжелательно настроены по отношению к нам. Короче, шансы отличиться столь велики, а риск столь мал, что сердце бывалого солдата должно радоваться такой перспективе. Я задержался с отъездом до вечера четырнадцатого, так как хотел распрощаться со всеми моими местными знакомыми. Прощания афганцев полны церемоний. Человеку, незнакомому с их характером и культурой, трудно было бы поверить, что все эти искренние молитвы и отеческие благословения всего лишь дань местному этикету. Что поделать, таков обычай! Они творят все с именем Бога на устах, в то время как их сердца и помыслы далеки от него… Как сильно отличалось всё это от прощания с моими соотечественниками! Эх! Удачи им и, надеюсь, в будущем мне еще повезёт, и я встречу таких же достойных джентльменов. Старый перс,[9] кажется, был вполне искренен в своих пожеланиях – я не раз помогал ему. Он казался очень опечаленным и сетовал об опасностях пути. Желая подбодрить моего старого друга, я заявил, что в пути буду учиться езде на муле. Возможно, это сделает меня менее бесполезным рабом, если уж меня кто-то захватит в рабство по пути. Собеседник мой пришел в ужас от такой шутки и посоветовал надеяться на лучшее, хотя час моего отъезда, по его мнению, был настолько же неблагоприятен, как и час отъезда полковника Стоддарта[10] в Бухару. Я согласился с ним, однако отметил, что мы выедем через другие ворота и, таким образом, обведем злую судьбу вокруг пальца, на что мой собеседник совершенно серьезно ответил, что Стоддарт, выезжая, сделал гораздо больший круг и покинул город через Кандагарские ворота, что ничуть не улучшило конечного результата. Не желая больше слушать подобные утешения, я отправился в путь.

Мой отряд составляют кази и мулла[11] Мухаммед Хасан, которого мы прозвали Брутом[12] за его заговорщические наклонности; его сын Мухаммед Дауд – жизнерадостный юноша, настолько влюбленный в приключения, что он покинул ради них свою молодую жену; Ходжаберды-хан, представитель древнего, но разорившегося рода, который должен быть верен мне, если только на свете есть благодарность, и наконец, Фазиль-хан, настоящий солдат, верный и крепкий, как сталь, не боящийся никого и ничего, беспрекословно повинующийся приказаниям командира. Бруту около 60 лет, он очень почитаемый человек, мулла и кази, чей род в прошлом был одним из самых могущественных и влиятельных в Герате. Он очень необуздан и свиреп, храбр и имеет огромное влияние на племена, живущие на землях, через которые нам предстоит пройти. Его сын незаменим для нашего отряда. Он ухаживает за лошадьми, повязывает мой тюрбан, готовит еду. Он всегда хорошо одет, обладает чувством юмора и изрядным аппетитом. Ходжаберды несколько медлителен. У него очень спокойный характер и роскошная борода – поистине благословение Аллаха! Он довольно молчалив и много размышляет. Фазиль-хан – самый преданный человек из всех, кого я когда-либо знал. Мне предстоит неопределенный срок находиться в тесном контакте со всеми вышеописанными людьми, и я ни за что не променяю ни одного из них. Кроме того, я взял в отряд семь кавалеристов-кипчаков,[13] выделенных визирем, которые будут выполнять более трудную работу. Одного из них прозвали Волком за его привычку сломя голову бросаться во всякие опасные переделки. Думаю, у нас будет возможность испытать его на деле.

Я пишу это в 9 часов утра 15 мая. Не было времени вести записи, как полагается, из-за суеты перед отъездом. Вчера на рассвете попрощался с однополчанами. Отряд вышел почти в полном составе – на месте не оказалось лишь Мухаммеда Дауда и Ходжаберды. Брут сказал, что послал сына с поручением в город. Отсутствие Ходжаберды можно было объяснить лишь тем, что он, должно быть, забыл взять что-то важное и поздно спохватился об этом. Прошли местечко Пурвана – это около шести с половиной миль[14] через холмистую местность севернее Герата по главному пути. На исходе дня прекрасный лунный свет озарял нашу стоянку и только легкая тревога охватывала перед дальней дорогой. Как только я снял сапоги и закурил трубку, в лагерь галопом прискакал Ходжаберды, сказав, что когда он приближался к месту привала, его стали преследовать, и теперь он опасается, что беднягу, который был вместе с ним, схватили семь всадников, от которых, он подумал, благоразумнее спастись бегством. Он попросил у меня разрешения взять несколько кипчаков и поехать освобождать его компаньона. Я позволил, и у меня даже мелькнула мысль поехать самому, но я рад, что не сделал этого. Все это время Брут стонал и молился за своего сына: он боялся, что Мухаммед Дауд может попасть в руки преследователей Ходжаберды. По приезду молодой Дауд рассказал, трясясь от смеха, что увидел, как кто-то ехал впереди него. Он решил поговорить с путником и придержал своего коня, а всадник, скакавший впереди, увеличил шаг. Тогда Мухаммед Дауд крикнул ему вслед, велев живо слезть с лошади, но чем громче он кричал, тем быстрее мчался всадник, которого едва ли мне стоит называть, хотя это был Ходжаберды – он решил, что преследователей было много; так много, что он ошибочно принял юнца за семерых туркмен. Выслушав это рассказ, я расхохотался, а когда успокоился, увидел Ходжаберды, крадущегося к двери развалины, которая была местом нашего привала. Я только спросил, почему он отстал от группы, но не смог найти повод подшутить над ним, особенно после того, как он блестяще объяснил причину своего отставания. Перед сном старый Брут и я выпили по чашечке хорошего чая со сладостями и задремали, лишь "восхитительная луна улыбалась нашим снам". Утром мы позавтракали без всякого желания пользоваться ножами и вилками, столами и стульями. Мне посоветовали позаимствовать афганскую одежду, и я нахожу ее удобным костюмом. И, стоит признаться, мне идет. Самая неприятная деталь – это нижняя часть одежды, которая в полной мере противоположна английским представлениям о моде. Она нелепо широкая, что создает неудобства. А окружность штанин, сшитых для меня (хотя я и попросил сделать поменьше) составляет почти 6 футов на каждой ноге. На самом деле, как заметил мой смешливый друг, "эта вещь – не брюки, а разделенная нижняя юбка". Мои штаны ярко-красного цвета, рубашка такого же оттенка. Халат – это что-то похожее на длинный плащ без воротника. Он сшит из светло-голубого ситца и отделан кашимировой шалью. Халат свободный, с длинными рукавами и светло-коричневого цвета. Тюрбан с большими складками из белой кисеи, уложен Мухаммедом Даудом. Манжеты – из легкой полосатой шали, а сапоги очень похожи на те, что носит конная гвардия, но с остроконечными носами. В Герате, беседуя с каким-нибудь местным жителем, который никогда не видел европейского костюма, я всегда замечал, как он, удивляясь разнице в одежде, не мог думать ни о чем другом и вместо того, чтобы слушать меня, считал мои пуговицы. У меня с собой

около 300 дукатов,[15] завязанных вокруг талии, под одеждой; Брут, Фазиль-хан и двое личных слуг одинаково загружены на разные суммы, что в целом составляет 1800 дукатов или около 900 фунтов стерлингов. Наша группа состоит из тридцати человек и у нас 35 лошадей и мулов.

16 мая. – Куш-рабат. Вчера сделали очень славный переход в двенадцать с половиной миль. Дорога в целом прекрасная и погода восхитительная. Пересекли довольно небольшой ручей с остатками старого моста. Ручеёк этот называется Куш.[16] Поблизости стоит великолепный караван-сарай.[17] Он настолько велик, что с легкостью вместит целый пехотный полк. Караван-сарай хорошо сохранился – крыша почти не разрушена. Я попытался узнать, нет ли каких-либо легенд, связанных с этим караван-сараем, но потерпел неудачу в этом намерении. На полпути повстречали большой бассейн. По-моему, все эти постройки свидетельствуют о мощи и славе властителей прошлого, хотя очевидно, что они мало заботились о том, чтобы их творения пережили их.

17 мая. – Кала-и-Джуппат,[18] сорок пять с половиной миль. Со стыдом должен признаться, что очень устал. Я ехал на великолепном арабском скакуне, который не пожелал идти вровень с местными лошадьми. Два раза делали привал. В первый раз ограничились чашкой чая, во второй же остановились для того, чтобы с часок поспать. Первые семнадцать миль пути были поистине восхитительны – маршрут проходил по верху небольшой группы холмов. Высота их до 7000 футов над уровнем моря. Холмов этих сотни, с уклонами во всех направлениях и покрытых чрезвычайно обильной травой. Восхитительная игра красок! В каждой лощинке журчат ручейки. Гератцы не зря хвалятся красотой Бадхыза весной (так называется эта местность).[19] Остаток пути тоже был неплох, но местами ощущался недостаток воды. Видел несколько хайлей[20] с большими стадами скота. Когда мы приблизились к ним, старый Брут, желая произвести на них впечатление, приказал пехотинцам встать в строй, а наездникам – быстрее погонять мулов. Это было очень пышно, но увы! Все мужчины хайлей отсутствовали, а женщины и дети даже не соизволили выйти из своих черных палаток, чтобы поглазеть на нас. Брут, тем не менее, остался доволен, проведя с помпой большой кафилах,[21] следующий из Герата. Весьма любопытный разговор имел место между Брутом и одним из туркмен, присоединившимся к нашему отряду. Последний осмелился заявить, что, по его мнению, нижняя часть афганского костюма до смешного велика. Такое заявление возмутило Брута, который обозвал местных жителей дикарями, макающими черствый хлеб в курдючное сало и имеющими глупость благодарить Бога за такой обед. Старый туркмен пришел в неописуемую ярость, и я вынужден был взять на себя роль миротворца, пока дело не приняло более серьезный оборот. Я отметил, что хороший солдат не должен слишком сильно заботиться о своих удобствах и пище в пути. Я также не удержался от колкого замечания насчет того, что афганцам необходимы, по крайней мере, два мула в пути – для тюрбана и для их штанов. Старый Брут, несмотря на свой преклонный возраст, неутомим. Хотя весь отряд требовал привала и отдыха, он заставил нас идти. Причина такой спешки кроется в его желании поскорее добраться до страны джемшидов,[22] которые, помимо всего прочего, славятся своим искусством воровать. Их места на берегах реки Кушк.[23] Изобилие травы.

18 мая. – Вчера вечером познакомился с джемшидским патриархом – очень приятным старым джентльменом с восхитительными манерами. Он пригласил нас в свой хайл недалеко от дороги и угостил пахтой.[24] Он также отправил с нами своего сына в качестве проводника. Его хайл самый большой; хиргахи,[25] которых было около двадцати, выстроены в ряды, а телята и ягнята содержатся внутри загона. Женщины постоянно заняты домашними делами, дети хорошо откормлены и, очевидно, счастливы. Мой пожилой друг рассказал, как сильно пострадал от персидского вооруженного отряда, посланного в эту долину во время последней осады Герата.[26] Его племя откочевало в горы, но, так как делалось это второпях, несколько сот голов скота были утеряны. За ночь мы прошли восемнадцать миль. Первая половина пути пролегала по долинам и оврагам недалеко от реки Кушк, вторая половина – непосредственно вдоль берега. К утру мы нашли брод и перешли реку.

На рассвете снова отправились в путь и одолели до двенадцати миль вдоль берега реки. Место привала выбрали плохо – было жарко, трава сухая и жесткая. Кроме того, целые полчища насекомых не давали нам уснуть. Всего пройдено тридцать миль.

19 мая. – Сделали семичасовой переход прошлой ночью. Дорога сносная, но много барханов. Волк застрял в одном из них и даже потерял свое ружье, которое, однако, было найдено после утомительных поисков. Остановиться решили в небольшой сырой лощине. Даже если бы нам предложили лечь спать в самой реке, я не стал бы возражать – у меня просто не хватило бы на это сил. На рассвете собрались вновь и совершили пятичасовой переход. Всего пройдено сорок четыре мили до Мургаба – мутной, быстрой реки с берегами, заросшими тамарис-

ковыми джунглями. Здесь мы встретили караван с зерном, идущий в Герат. У одного из путников оказалась записка иолотанского кази к майору Тодду. В ней говорилось, что капитан Эбботт не только остановил продвижение русской армии, но и лично отправился в Петербург и добился отзыва войск и разрушения русских фортов на спорной территории. Я не поверил этому, хотя и не могу представить, что могло побудить иолотанского кази написать такую ложь.[27] В любом случае, я доберусь до Хивы; я решил отправить Волка обратно с этим письмом; он обещает добраться до Герата за два дня и на шестой день вернуться ко мне в Мерв.

20 мая. – Вчера перед отъездом в мою в палатку пришел кази[28] и сказал, что три туркмена захватили в рабство несколько уроженцев Герата. Выйдя, я увидел юного Дауда – он тащил на веревке связанных туркмен и привел захваченную ими группу в наш лагерь. Всего их было десять человек: две женщины, а остальные – мальчики, почти дети. Со стыдом должен признаться, что дал волю своим чувствам и принялся отчитывать туркмен за их мерзкие привычки. Дети были невероятно худы и измучены. Освобождению своему они, казалось, не очень обрадовались. Хотя, возможно, что присутствие трех взрослых туркмен удерживало их от бурного изъявления радости. Я попросил Брута сесть рядом и записать имена всех рабов, а также имена их родственников и людей, продавших их. Насколько я понял, они были пойманы и проданы в рабство джемшидами и хазарейцами.[29] Освободить их было не в моих силах. Даже если бы я сделал это, я бы поступил против цели своей миссии. Однако, всем сердцем надеюсь, что в скором времени эти богопротивные порядки изменятся. Кроме того, отпусти я этих несчастных детей, они все равно были бы немедленно захвачены и вновь проданы в рабство. Мы позволили им уйти и позже снова наткнулись на тот же отряд в трех милях от реки. И женщины, и дети были посажены на верблюдов. Я обрадовался такому гуманному обращению туркмен с рабами, однако члены моего отряда не удержались и осыпали туркмен отборной бранью, а Фазиль-хан со слезами на глазах стал просить меня освободить пленников. За ночь мы прошли двадцать девять миль. Дорога была неплоха, вокруг хватало растительности, но местами встречались песчаные оползни. Долина Мургаба, по которой мы сейчас продвигаемся, узка. По бокам она ограничена грядой песчаных холмов, поросших верблюжьей колючкой. Сама долина очень плодородна и в прошлом была плотно населена, но сейчас покинута жителями. Сделали привал для отдыха и накормили лошадей. На рассвете вновь отправились в путь. Прошли мимо местечка, названного Сандук Кучан. Старое предание гласит, что когда-то сюда с неба упал ящик (ковчег?). Не мог добиться большего от туркмен, которые на мои вопросы с улыбкой отвечали: "Да-да, сюда упал ящик с неба, поэтому это место называется Сандук Кучан".[30]

21 мая. – Отправились в путь до зари и прошли двадцать две мили. Эта местность наводит ужас на путников и кафилахи, ибо она часто посещается отрядами туркмен. Этот промежуток дороги богат растительностью, дорога все ещё идет вдоль Мургаба. Остановились на привал в двух милях от Бенд-и Йолотан,[31] или вала, который бросает воды Мургаба в Йолотанский канал. Наводнение в этом году был настолько сильным, что полностью разрушило вал, и канал высох. С восходом солнца продолжили путь, прошли десять миль; жара невыносимая; общее пройденное расстояние составило тридцать две мили.

22 мая. – Прошагали девятнадцать миль и подошли к лагерю дружелюбного туркмена, который сделал "минимум возможного", чтобы я чувствовал себя удобно. Он предоставил мне своего сына и жеребенка, которые, по его словам, являются моей собственностью. Я, конечно, поблагодарил его и сказал, что приму *пешкуш* (подарок) только одного рода, а именно рабов. С восходом солнца прошли восемь миль в сторону местности под названием Йолотан,[32] где есть правитель и кази. Старый Брут был сильно взволнован, когда мы оказались около этого места, глядя, встречают ли они нас: он надеялся, что нам все-таки окажут такую честь. Будучи близоруким, он все же увидел несколько всадников, приближавшихся к нам. Самодовольная улыбка смягчила его грубые черты, и поглаживая бороду, он сказал: «И все-таки они мусульмане». Но Дауд вскоре разогнал эту прелестную иллюзию, сказав: «О, отец! Это псы и сукины дети, они отправили своих *слуг* встречать нас». Гнев пожилого Брута был велик, и он поклялся, что не вступит в их палатки. Увидев, что несколько человек приблизились к нам, я вышел навстречу. Подойдя к ним ближе, я понял, что это йолотанские владетели. Они оказали мне радушный, но в то же время грубоватый прием. Меня провели в палатку, которую соорудили по этому случаю. Одно или два слова молитвы, поглаживание бороды, и нас тотчас же усадили, принесли изюм и хлеб, которые жадно были поглощены. У туркмен нет ни малейшего представления о приличии; они делают то, что им удобно и думают, что гость не должен чувствовать себя неловко. У них есть одна традиция, которую я нахожу причиняющей беспокойство: они счи-

тают, что невежливо оставлять гостя одного, и пока вы не закроете дверь, поток посетителей не закончится; они заходят, садятся, поглаживают бороду и выходят. В прошлом году правитель Йолотана похитил халат Мухаммеда Дауда – по крайней мере, так утверждает Брут. Этот правитель из того же племени, что и хан Хазрат, от которого он всецело зависит.[33] Он очень заинтересован, чтобы поверили в то, что русские отступили и, казалось, что он раздражался, если кто-нибудь возражал этому обстоятельству. Успех русских с одной стороны, и наш собственный в Афганистане, с другой, сильно тревожили большинство мыслящих людей среди азиатов, которые говорят: "Неужели вы думаете, что мы настолько глупы, что не способны понять, к чему все это приведет? Вы встретитесь с русскими, договоритесь и вместе уничтожите нас». Как только я собрался покинуть Йолотан, правитель преподнес мне двух соколов, которых он просил меня принять. Я сослался на невозможность взять их с собой в путешествие. Тогда он немедленно предоставил пожилого человека в мое распоряжение, который позаботится об этих птицах. Единственный выход избавится от этого – дать пару дукатов старику и сказать ему, чтобы он позаботился о соколах до моего возвращения. Брут говорит, что эти птицы знамениты скоростью и каждая стоит по крайней мере четырех рабов.

23 мая. – Минувшей ночью прошли около десяти миль; дорога хорошая и уже этим утром мы почти подошли к Мерву, преодолев приблизительно еще двенадцать. Здесь находится своего рода крепость и большой базар.[34] Нас изолировали за маленькой оградой и никому не дозволяется приходить к нам. Власти этой местности очень взволнованы. Они считают, что Бруту следует сделать привал где-нибудь в другом месте, но старик отказался оставить меня. Он был так взбешен обращением, которому я подвергся, что не мог сказать ничего кроме оскорблений отцов, предков и родственников всех туркмен, а сейчас, казалось, он успокоился. Что же касается меня, я сердечно рад устройству и доверию, оказанному мне, за исключением посетителей, поток которых, несмотря на мои возражения, не прекращается. Правитель,[35] в ответ на мой вопрос, желает ли хивинский хан Хазрат, чтобы со мной обращались, как с заключенным, во время остановки в Мерве, спокойно ответил, что боится, что мое имущество может быть похищено некоторыми туркменами, а мой покой нарушен посетителями, и что таким образом он защищает мое жилище.

24 мая. – Брут был взволнован предстоящим посещением правителя, но я уверен, что тот не окажет нам такой чести. Завтра большой базарный день. Возможно, будет множество лошадей, верблюдов, зерна и рабов. Нужно будет купить верблюдов, для того чтобы нести запасы воды и зерна для моей партии на десять дней.

25 мая. – Правитель послал своего слугу сообщить нам, что он не смог прийти, так как держит траур по своему брату, который умер в пути восемь месяцев назад; Он хочет, чтобы я навестил его, но я тоже отказался. Я сказал, что если бы это был первый день, я бы принял приглашение. Но поскольку он представитель хана Хазрата, который является нашим другом, из уважения к последнему я решил сделать ему традиционный подарок перед отъездом и послал кашемировый платок. Он пёс и я бросил псу кость, так как вынужден пройти через его конуру. Волк вернулся ко мне перед закатом; он достиг Герата от Мургаба, преодолев расстояние в сто сорок миль за тридцать шесть часов. В Герате он получил нового коня и присоединился ко мне в Мерве, пройдя расстояние 260 миль за 105 часов! Он привез мне английскую газету за 4 марта, 82 дня от Лондона до Мерва! Перед его прибытием я разговаривал с Брутом о безопасности Волка в опасном путешествии. "Почему, – сказал Брут, – утомительная работа не сможет погубить его и никто в этой стране его не убьет? Потому что его выгоднее продать. А так как Волка уже продавали три раза туркменам, то и четвертый не имеет значения". Он совсем загнал лошадь, на которой ехал из Герата. Если она и выживет, то не сможет уже служить во время путешествия: спина лошади была вся в ранах от седла.

Здесь было бы уместным описать хиргах, служащий жилищем туркменских племен. Сейчас я живу в одном из них, высотой восемнадцать футов. Высота стены пять футов и сооружена она из сухих сучьев ивы, пересекающихся по диагонали; места пересечений сучьев перевязаны плетью для того, чтобы это жилище можно было разобрать и уложить на верблюда. Сначала сооружают стену, охватывают ее вокруг широким ковровым поясом и закрепляют его у дверного проема. Крыша в форме обруча из сучьев ивы. В ней есть отверстия, куда вставляются другие жерди, закрепленные с другого конца и расходящиеся лучами от верхнего кольца к стене, верх которой крепко фиксируется; поверх этого каркаса привязаны толстые войлоки. Пол застелен хорошими коврами и это жилище защищает от жары, холода и дождя, его легко перемещать с одного места на другое. Оно, конечно же, лучше любой палатки и еще одно ее преимущество в том, что оно исключает легкое проникновение воров.[36]

Итак, верблюды куплены, кожаные ёмкости для воды готовы, всё снаряжение уложено и завтра мы отправляемся.

26 мая. – Посетили после всего правителя. Дело в том, что я не мог пренебречь им, дабы это не выглядело проявлением неуважения к хану Хазрату. Я увидел пожилого человека с седой бородой, сидящего под навесом. Он даже не двинулся с места, чтобы принять меня. Так мне и надо за этот визит, но все же, думаю, я прав, а старый хан ошибается, несмотря на седину в его бороде. Боюсь, что я должен довести это оскорбление до внимания хана Хазрата. Сразу после этого посетили халифу, еще одного седобородого хана, но совсем другого по характеру.[37] Он принял меня как патриарха. Этот старый джентльмен имеет очень большое влияние на всех туркмен, он пользуется огромным уважением и доверием, его даже считают святым. Туркмены с радостью делают его распределителем своих щедрых пожертвований. Я думаю, он заслуживает доверия, хотя говорят, что некоторые его *атташе* едят бессовестно долю бедняков. Халифа – человек совсем маленького роста с очень спокойными и сдержанными манерами – *rara avis*[38] – застенчивый туркмен. У него приятное лицо, если не считать, что его нос без переносицы.

От халифы я вернулся в свое жилище. Мы загрузились и отправились в путь. Жара невероятная; общее расстояние двенадцать миль. Недалеко от города дорогу пересекает река Мургаб, но лодка повреждена и мы двинулись вдоль реки в надежде отыскать брод. Я побывал в гостях у веселого туркмена, чьи владения очень обширны; хозяин говорит только потюркски, а я не знаю не слова на этом языке; но мне кажется, мы с ним похожи: когда я прибыл, он принес мне чашку пахты и это было именно то, чего я хотел. Мы покинули туркмен-салыров и прибыли к сарыкам.[39] У салыров – 10.000 семей, у сарыков – 15.000. Эти племена очень похожи, за исключением женщин. Женщины у сарыков носят красные головные уборы удивительной формы. Брут очень возмущен тем, что женщины в этом племени не надевают чадру. Среди них я увидел одну или двух довольно хороших собой красавиц. Об их нравах говорить даже не стоит, но мне они показались заботливыми хозяйками.

В Мерве мы встретились с несколькими евреями и, к моему удивлению, один из них расположился здесь. Он изумил меня тем, что попросил 100 дукатов в долг под расписку и сказал, что вернёт в Герате. Как и все евреи, он проявляет чрезмерный интерес. Сейчас он занят тем, что распоряжается приготовлением набрюшных чехлов для моих лошадей. Эта предосторожность важна, потому что в дальнейшем наш путь будут сопровождать полчища насекомых. Две дороги ведут из Мерва в Хиву или, как это в более общем смысле называют здесь, в Гургандж.[40] Одна дорога называется Рах-и-тахт, другая Рах-и-чашма.[41] Мы отправляемся по первой, так как там больше воды. Но этот путь длиннее на два, три привала. Брут думает, что правитель Мерва хочет предать нас, так как человек, которого он отправил с нами, вдруг решил, что невозможно двигаться по Рах-и-тахт, потому что в реке нет брода. А Брут говорит, что Рах-и-чашма очень опасна. И, во всяком случае, наши верблюды смогут нести воду и зерно для нашего отряда, и он надеется найти колодцы в округе Рах-и-тахт. А в округе Рах-и-чашма, я убежден, мы не найдем воды в течение четырех дней. Итак, отправив за проводником и услышав все его доводы, которые он только мог привести, я сообщил ему, что пришел к решению: или мы возвращаемся в Мерв, или же мы отправимся по Рах-и-тахт. Он долго говорил о невозможности этого, а потом ушел выяснять. Надеюсь на помощь и хитрость еврея, что он найдет мне нового проводника из этого племени. В Мерве я нашел одного проводника, но правитель послал за ним и запретил ему идти с нами. Еврею удалось найти проводника для меня, который согласился пройти половину пути до Хивы при условии, что во время путешествия он будет питаться с нами и я дам ему восемь золотых. Требования у него, конечно же, чрезмерные, но у меня нет выбора, не возвращаться же снова в Мерв.

27 мая. – После множества интриг со стороны слуги правителя, пытавшегося помешать мне и проводнику, которого я раздобыл вчера, пойти с нами, я в конце концов покинул хайл и прошел шестнадцать миль; изобилие воды и травы, верблюжьей колючки, редко где здесь можно увидеть дерево; сделали привал, чтобы переждать дневную жару. Лишь теперь мне показалось, что проводник, которому я должен заплатить восемь золотых, знает только один путь, и этот путь непроходим. Хотя, как он говорит, он только что встретил туркмена, который прошел через пустыню, из своего племени по хивинской дороге. Вечером мы прошли семнадцать с четвертью мили к реке Мургаб. Здесь редко где растет трава, зато полно деревьев.

28 мая. – Утром прошли пятнадцать миль вдоль берега Мургаб, которую мы пересекли по превосходному броду – течение здесь около тридцати ярдов[42] шириной, три с половиной фута глубиной, с твердым дном. Хотя река и полна зыбучих песков, особое внимание следует уделить поиску брода. На берегу реки приятный и свежий воздух, есть небольшая растительность, множество деревьев. Вечером мы снова отправились в путь, намереваясь совершить большой марш. Однако, пройдя пять

миль, наткнулись на еще одну реку. Глупо застрял в зыбучих песках, стараясь самостоятельно отыскать брод. Чуть не потерял лошадь. Мулы и лошади прошли через реку ниже, без всяких происшествий. В тот день Волк проявил свою плотоядную натуру. Без разрешения он убил и разделал одну из двух моих овец. Я думаю, что в будущем ему придется контролировать свой аппетит, хотя бы ради приличия. К тому же, ему предстоит пройти по тяжелым пескам под палящим солнцем в своих больших сапогах, предназначенных для верховой езды.

29 мая, пятница. – Туркмен, которому я должен был заплатить восемь золотых, исчез. Его кобыла прибежала в наш лагерь мокрая и вся в глине. Боимся, что бедняга, должно быть, утонул. Мы все знали, что он не мог плавать. У меня теперь только один проводник, которого он предусмотрел для меня, чтобы я ему доверял. Этим утром прошли четыре мили, подошли к третьему течению Мургаба, где мы испытали трудности при поисках брода. На берегу мы сделали привал, пока люди искали тело несчастного туркмена. В час дня, так ничего и не обнаружив, мы отправились в путь. Преодолев пятнадцать миль, подошли к четвертому течению реки. Оно почти такое же большое, как и первое. Переход занял два часа. Затем мы прошли четыре мили по пустыне. Я послал за слугой правителя Мерва и оставшимся проводником, и подверг их перекрестному допросу. Я спросил, куда они намерены привести меня. Слуга правителя заявил, что у него нет ни малейшего представления о дороге. Проводник же сообщил, что знает в пустыне два хранилища воды и, рискуя жизнью, он проведет нас туда к двенадцати часам следующего дня. Он признался, что был удивлен, когда мы подошли к последнему ручью, так как он думал, мы перешли реку не в том месте. Оно должно было быть намного выше. Мне он показался умным малым, я доверяю ему. Я взял с собой воды на один день и сказал молодому проводнику, что дам ему восемь золотых, которые обещал погибшему, о чьей семье постараюсь позаботиться. Молодой проводник убедил меня, что найдет воду и "мой меч находится на его шее, если он потерпит неудачу".

30 мая. – Отправились в путь прошлой ночью в половине второго и к рассвету прошли одиннадцать с четвертью миль. Забавно было видеть, как молодой туркмен глазел по сторонам, будто испуганная антилопа, мчался к каждому холму и выглядывал из-за него. Он увидел, что я пользуюсь подзорной трубой, и попросил разрешения посмотреть. Когда я дал ему подзорную трубу, он испугался, подозревая, что это какая-то дьявольская сила, но, собравшись с духом и, крикнув "с Богом!", приложил стекло к глазу, приготовившись к самому худшему. Прошло время, прежде чем он смог настроить фокус. И, в конце концов, возглас "Боже!" означал, что он понял, как надо обращаться с этим инструментом. Последние две мили он был очень взволнован и заявил, что метка должна быть где-то поблизости. Наконец, он оставил нас и сказал, что если я дам ему коня, он отправится искать воду и затем вернется. Я согласился и лег тем временем вздремнуть. Снилась мне полнейшая неразбериха: тонущие туркмены, подзорная труба, реки и ужасы умирающих от жажды. Через полтора часа мои сны были прерваны криками и воплями. Проснувшись, я увидел, как туркмен с шапкой в руках кричит и гонит к нам свою лошадь. Прежде чем он достиг нас, мы услышали: "Вода! Я нашел воду! Её там полно!" Пройдя пять миль, мы подошли к воде. Ее резервуары были простыми бассейнами, образовавшимися на дне маленького оврага; вода мутная, но приятная на вкус. Сырая трава, которая растет по берегам, оказалась съедобной для лошадей. Воду мы нашли, но трудно было найти дорогу из Мерва в Хиву. Туркмен говорит, что надеется до наступления ночи отыскать дорогу из Мешхеда в Бухару, которая пересекается с дорогой в Хиву. Вечером снова двинулись в путь и прошли пятнадцать миль, пока не стало так темно, что мы начали опасаться, что верблюды потеряют след. Дороги не видно, но проводник сказал, что он может передвигаться как днем, так и ночью. Он говорит, что мы должны идти всю ночь и предупредил, что завтра допоздна мы уже не найдем воды.

31 мая. – Минувшей ночью продвинулись на тринадцать миль, следуя за хвостами верблюдов; это ужасное занятие – ползти две с половиной мили в час, особенно по бездорожью. Но наконец-то нам повезло и в безлунную полночь мы обнаружили дорогу. Если бы мне её не показали, самому увидеть бы ее не удалось, хотя я и слез с лошади, усердно стараясь разглядеть что-либо. Однако туркмены из нашего отряда весьма уверено следовали по ней. После нескольких часов пути они стали просить меня сделать привал до утра, чтобы не потерять тропу. Мы проспали два часа, а затем снова двинулись в путь. Даже при дневном свете дорогу трудно было проследить, потому что почва здесь представляет собой ничто иное, как рыхлый песок, который сносится с каждым порывом ветра. Единственной хорошей меткой служат кости погибших верблюдов и других животных, которые лежат здесь в огромном количестве. Какие-то суеверные люди из-за боязни наступать на скелеты поставили их на кусты, растущие у дороги. В одном или двух местах ветви деревьев тоже собранны в кучу

как знак, но их мало и расположены они далеко друг от друга. Пустыня очень неровная. Я видел одну такую в Индии. Она простирается вдоль восточного берега Инда около Бхавалпура. Там растут бесчисленные карликовые кустарники, местами встречается почти твердая земля, но некоторые из дюн огромной высоты из восхитительного красного песка. Этим утром мы прошли двадцать семь миль, стояла ужасная жара, горячий песок и усталость предыдущей ночи усугубили нашу жажду, а вся вода, которую мы хранили при себе в кожаных бурдюках, кончилась, верблюды с водой были далеко позади, а поблизости не было никакого колодца. Наш проводник, молодой туркмен, тем не менее, утверждал, что где-то рядом должен быть колодец и в ответ на мой вопрос, сомневается ли он в том, что я приставлю саблю к его горлу, если он обманывает, он со смехом ответил: "Да, я буду хорошо искать, если вы найдете *тилля*[43]", и мы двинулись дальше навстречу горячему ветру. Наконец, когда я почти отчаялся, а Брут хотел было лечь спать, я взобрался на песчаный холм, откуда наш проводник ушел на поиски, и каково же было мое удивление, когда я увидел его склонившимся над глубоким колодцем. Я пришпорил своего усталого коня и вскоре оказался рядом с проводником. Я помог ему вытянуть из колодца ведро воды, которая, увы, была до того отвратительной на вкус и имела такой запах, что я не смог ее пить. Слуги, однако, и лошади пили ее с жадностью. Туркмены говорят, что в этой воде нет ничего вредного, наоборот, она охлаждает кровь. Вода насыщена селитрой, очень чиста, но от нее так неприятно разило, что, несмотря на невыносимую жару и мою чрезмерную жажду, я не смог даже глотнуть ее и с пересохшими губами ждал долгих четыре часа прибытия верблюдов. Я был рад, что хотя бы слуги смогли утолить жажду, и утешил себя тем, что заставил слуг поливать меня этой водой, хотя при этом мне и пришлось заткнуть нос. Я так боялся, что верблюды заблудятся, что не мог заснуть. Поздно вечером прибыл человек, который сообщил нам, что верблюды уже близко. Фазиль-хан тотчас же отправился в путь и вернулся с двумя бурдюками, наполненными водой. Брут и я с наслаждением пили воду. Я много читал рассказов о божественном нектаре, но уверен, что та вода, которую мы пили, была гораздо приятнее на вкус. Позже мы заварили из этой воды великолепный чай. То, что я оставил Ходжаберды с верблюдами, было удачей, потому что кипчаки во главе с Волком так сильно страдали от ужасной жары, что потеряли всякое чувство дисциплины и попытались задержать верблюдов до прохладного вечера, поддерживая себя тем временем водой, но Ходжаберды вел себя стойко и ему даже удалось запугать Волка, который, будучи потребителем наркотиков, не вытерпел жару и однажды бросился с лошади, клянясь, что *его час* настал. Когда я оглядываюсь назад и думаю, как неправдоподобно, что даже с туркменом я должен был искать вчерашние резервуары и сегодняшние колодцы, и когда я думаю: случись что-нибудь с проводником или будь он менее смышлен – мы бы, короче говоря, случайно пропустили эти места с водой и гибель всей команды была бы неизбежной. Когда я думаю обо всем этом, я бесконечно благодарю Всевышнего, который провел меня через эту и многие другие опасности. Теперь мы двигаемся по дороге Рах-и-тахт в Хиву, двенадцать часов пути мы прошли до следующего колодца, вода в которой оказалась пресной. Через три дня, я надеюсь, все трудности дороги будут уже позади. Общее пройденное расстояние сорок миль.

1 июня. – Мы остановились на привал до позднего вечера, дав возможность животным прийти в себя после вчерашней усталости. Затем вечером прошли шесть миль по песчаной местности, покрытой кустарником.

2 июня. – За ночь прошли тридцать миль. Днем я продвигался вперед вместе с молодым туркменом. Вдруг он отпустил поводья своей кобылы, внимательно прислушиваясь к чему-то, и воскликнул: "Иншалла,[44] сегодня у нас будет баранина", и прежде чем я разобрался, в чем дело, мой друг пустил лошадь галопом, так что мне ничего не оставалось, как следовать за ним. Через пять минут я услышал лай собаки. Мы позвали пастуха, и вскоре перед нами предстало странное создание, похожее на Робинзона Крузо.[45] Молодой туркмен и пастух оказались старыми друзьями, насколько это было видно по их встрече. Пастух, опираясь на свой посох, с усмешкой слушал повествование своего друга, рассказывавшего о нашем путешествии. Через некоторое время мы достигли колодца с пресной водой, тут же был лагерь туркмен с большими стадами скота. Они сделали привал на пути к реке Окс,[46] куда собирались откочевать, так как невозможно было оставаться дальше в пустыне. Воду для овец таскали рабы. Наша команда в этот день вдоволь напилась молока и воды и восхваляла молодого проводника. Общее расстояние, пройденное за этот день – тридцать миль.

3 июня. – За ночь продвинулись на двенадцать миль, затем отдыхали до рассвета, после чего прошли еще шесть миль и прибыли в Тахт,[47] о котором много наслышаны. Место это не представляет собой ничего кроме обыкновенного песчаного холма. Туркмены говорят, что некогда эти места посетил сам Соломон. Если он пришел в эти края преследуя какую-то

цель, то его можно понять, но если он пришел сюда ради удовольствия, то он должен был быть весьма разочарован. Кроме того, этот визит не был особым доказательством мудрости.[48] Говорят, что в прежние времена река Окс протекала в этих местах. Проводник, посланный со мной правителем Мерва, потерял дорогу прошлой ночью и с верблюдами двинулся по направлению к Мерву. Он был найден этим утром молодым Даудом недалеко от места нашей последней стоянки. Здесь же мы увидели нескольких путешественников из Хивы, которые подтвердили слух об отступлении русских. Общее пройденное расстояние – восемнадцать миль.

4 июня, четверг. – Прошлой ночью прошли восемнадцать с тремя четвертями миль, поспали два часа и этим утром одолели еще двадцать две мили до реки Окс; жара была невыносимая. Мы устроились на берегу ручейка, полуистощенные животные смогли, наконец, отдохнуть среди пышной растительности. Я еще не видел реки. Последние двадцать миль дороги пролегали по каменистому грунту, топот конских копыт был особо приятен после длительного блуждания по глубоким пескам. Местность эта называется Руппа-кала, здесь находятся развалины старого форта.[49] Общее расстояние сорок с тремя четвертями миль.

5 июня, пятница. – Сегодня задержались до трех часов из-за отсутствия верблюдов. В четырех милях от Руппа-кала мы прошли форт, называемый Куш-гуллах;[50] дорога проходила вдоль побережья Окса – мощного потока с довольно высокими берегами. На мой взгляд, расстояние между этими берегами должно быть около трех миль. Река извивается змеей, то здесь. То там оставляя большие участки суши, которые покрыты густыми джунглями. Стоит лишь подняться на высокий берег, как вы оказываетесь в пустыне и, я думаю, то же самое можно видеть и на другой стороне; этот мощный поток вливается в величественное течение, никак не соприкасаясь с бесплодной дикой местностью на берегах: прекрасный образ для каждого, кто настроен поэтично: все остальное – суета сует.[51] Если бы не плохая дорога, я бы, наверное, нашел утешение, размышляя о том, что где-то впереди эта великолепная река все-таки достигает цели своего долгого пути и вливается в море. Дай Бог, чтобы и мои скитания привели меня в старую Англию! Должен сказать, что местами ширина потока достигала пятьсот ярдов. На месте же нашего привала я не думаю, что она составляла и триста ярдов, лишь небольшая песчаная отмель была близ нашей стороны.

6 июня. – Минувшей ночью прошли восемнадцать миль. В трех милях мы обнаружили развалины форта, ворота которого имеют какие-то небольшие претензии на архитектурный орнамент.[52] Спали до рассвета и прошли одиннадцать миль до высокой насыпи. Здесь мы спустились к руслу реки и набрали воды. Вдоль берега тянутся некогда хорошо обрабатываемые земли, ныне заброшенные.

7 июня. – Минувшей ночью прошли шестнадцать миль. В четырех милях миновали место, которое считается священным в глазах туркмен, так как там могила "Хазрети-Мадури-баба-Адам", буквально *матери Адама!*[53] Здесь они совершали жертвоприношения – отпускали на волю лошадей, чье многочисленное потомство, по слухам, до сих пор обитает в этой местности, хотя я не могу сказать, что видел их.[54] Пройдя девять миль, мы дошли до перекрестка двух дорог: одна вела вглубь страны, а другая пролегала вдоль реки; мы выбрали последнюю. Хотя она длиннее, но у нас была уверенность в том, что мы обеспечены водой и травой, необходимой для животных. Общее пройденное расстояние тридцать миль.

8 июня. – Прошли семнадцать миль, хорошая дорога через густые джунгли, в непосредственной близости от реки с высоким песчаным берегом. Этой ночью Брут заболел дизентерией. Я бы больше жалел старика, если бы он не стонал так сильно; мы теперь вынуждены остановиться из-за него.

9 июня. – За ночь прошли двадцать пять миль. После одиннадцати миль пути река осталась позади и мы свернули вглубь страны. До рассвета спали и прошли этим утром десять миль. В двух милях от нашей стоянки добрались до маленького села с несколькими деревьями и небольшим участком обработанной земли. Это было первое оседлое поселение, которое мы встретили после того, как покинули Мерв. Примерно через одну милю от этого села мы наткнулись на другое, оно еще меньше, чем предыдущее и вскоре после того, как это село исчезло из поля зрения, увидели Питняк[55] – очень обширный, густонаселенный и, кажется, с хорошо обработанными землями; повсюду большие деревьев и много телег. Общее пройденное расстояние – тридцать пять миль.

10 июня, среда. – Этим утром прошли тринадцать миль, из которых около мили через селение Питняк, затем восемь миль через довольно плодородную местность. Остаток пути проделали через возделанную страну Хазарасп (Тысяча лошадей).[56] Здесь есть довольно большой, но плохо укрепленный форт. Сад инака[57] кажется прекрасным местом, а здоровье и богатство местных жителей, плодородие земли очень удивили меня. Во всех источниках о Туркестане, которые мне приходилось читать, вся

эта страна описывалась как пустыня, населённая жалкими племенами, живущими в палатках и владеющими мелкими стадами овец, но от Мерва я прошел через тридцать миль полей, орошаемых Мургабом. Эти возделанные земли тянутся на много миль вглубь страны; хайли здесь весьма многочисленны и весь этот край – поистине огромный сад, где каждая семья имеет собственную ферму. На каждом углу можно встретить телеги, запряженные малорослыми лошадьми.[58] Их конструкция очень груба; колеса высокие, без обода, но ширина колес не больше, чем у обычных телег, все сделано из дерева; такая телега не более чем хорошего размера тачка. Она похожа на "прадедушку" телег, которые используются в настоящее время в Англии. Железо – очень дорогой металл в Хиве и его стараются заменить любым другим материалом, поэтому телеги здесь без гвоздей, даже оси деревянные. Вместо железных болтов для крепления различных частей они используют очень сильный клей, который привозят из России и даже при погружении в воду закрепленные части не отделяются. Эта местность – владение инака, брата хивинского хана Хазрата, весьма властной и влиятельной персоны во всех государственных делах.[59] Он принял меня очень дружелюбно и поселил в доме своего визиря, брата министра хивинского хана.

11 июня, четверг. – Прошли в этот день окольным путем тридцать восемь миль через обработанные земли. Даже в Индии я никогда не видел земли более заботливо возделанной, более густонаселенной. Прекрасная зеленая страна.

12 июня, пятница. – Вошли в город Хиву. Здесь довольно большая, но плохо укрепленная крепость.[60] Все дома сделаны из глины, внешние стены твердые, а внутренние перегородки поддерживаются деревянной конструкцией, дома довольно значительных размеров и комнаты очень высокие, но без украшений и без окон; если в помещение не будет проникать достаточно света через дверной проем, то делают отверстие в крыше. Вода находится так близко к поверхности, что необходимо закладывать фундамент из дерева или камня вдоль всех стен. Сады по соседству с городом огромны и видно, что за ними ухаживают с большой заботой. Базар многолюдный, улицы узкие и грязные, климат превосходный. Вечером я был вызван к хану Хазрату. Его Величество принял меня очень любезно. При его дворце нет никакой помпезности или показухи, не видно было и стражи, не увидел я каких-нибудь драгоценных вещей. Дворцовые халаты были такими же, как и у остальных – покров из хлопка и высокие черные мерлушковые шапки. Мне сказали, что будет неправильно, если я предстану перед Его Величеством без сапог. Я напрасно показал на свои веллингтоны,[61] их за сапоги не признали, поэтому, чтобы это не выглядело непочтительным, я натянул пару больших афганских сапог для верховой езды поверх моих отделанных золотом панталон; они с моей бородой стали довольно курьезным дополнением к повседневной униформе доблестной бенгальской артиллерии. Я полагаю, что появление в сапогах означает вашу готовность мгновенно выполнить ханский приказ.

13 июня. – Вызван снова на прием к хану Хазрату. Я был препровожден в садовый павильон – его излюбленное место. Я прошел через длинную галерею с плоской крышей, поддерживаемой балками, и после одного или двух зигзагов вышел во двор, окруженный зданиями, с большим водоемом, по краям которого было посажено много прекрасных деревьев. Из этого двора, сделав один или два зигзага, мы оказались в другом таком же дворе и оттуда прошли в третий, который также зигзагами привел нас в ханские покои. Поднявшись на две или три ступени по узкой и крутой лестнице, я вышел на большую веранду, где обнаружил хана Хазрата.[62] Встреча прошла в приятной обстановке и хан удостоил меня чести, дав разрешение посещать его покои в любое время.

14 июня. – Этим вечером я ожидал хана Хазрата по делу в садовом павильоне. Я упустил из виду то, что самый старший сын казимуллы, Мухаммед Хасан, который был отправлен несколько месяцев назад с деньгами и письмом к капитану Эбботту, вернулся в Хиву в день моего прибытия. Все это говорило о том, что он добрался до Хивы после отъезда капитана Эбботта и следовал за ним до Мангышлака на Каспийском море. Там он узнал, что капитан Эбботт достиг русского порта Ново-Александровска[63] и, преследуя его, наконец нашел раненным в плену у казахов. Ночью 50 казахов напали на небольшую команду Эбботта и одержали над ними победу. Эбботт был четыре раза сбит с ног, но вновь вставал на ноги; защищаясь от ударов сабель, он потерял указательный и средний пальцы на правой руке, и получил несколько других ранений. Спустя семнадцать дней сын кази нашел его в ужасном состоянии. Трое его подчиненных были проданы в рабство, вещи конфискованы. Появление сына кази и нескольких ханских подданных испугало казахов и они отпустили Эбботта в соседний лагерь туркмен, где его очень гостеприимно встретили; после этого сын кази проводил его до Ново-Александровска, где они расстались. Капитан Эбботт приказал ему ждать три дня и если за это время он не получит никаких распоряжений, возвращаться в Хиву.

На четвертый день, не получив никаких новостей, сын кази вернулся в город, но перед отъездом он узнал, что капитан Эбботт задержан русскими властями в Ново-Александровске и посажен на корабль, плывший через Каспий. Брут был на седьмом небе от счастья из-за доблести и настойчивости своего сына. Он может действительно гордиться им, потому что немного найдется людей, готовых отважиться на такое путешествие, и еще меньше тех, кто преуспел бы в поисках Эбботта. От имени правительства я преподнес молодому парню красную кашемировую шаль за его доблестное поведение, тем самым дав понять туркменам, что мы можем по достоинству оценить такого рода службу.

После нескольких дней моего пребывания в Хиве я был очень удивлен, увидев человека, одетого в европейскую одежду. Я принял его за перса, но вскоре узнал, что он говорит по-французски. Его история была довольно удивительной. Из неё следовало, что он был родом из Италии и там зарабатывал себе на хлеб, делая гипсовые статуэтки, но из-за большого количества соперников в этой отрасли промышленности, не имел достатка. Руководствуясь отважным стремлением, он решил отправиться туда, где мог бы наладить производство статуэток без конкуренции. Он доплыл до Петербурга и здесь к своему великому ужасу нашел сотни своих соотечественников, которые занимались тем же, что и он. Он двинулся дальше через Россию и, наконец, остановился в Тифлисе, где к своему полному восторгу обнаружил, что является единственным и не имеющим себе равных художником в своей профессии. Он надеялся, что здесь его скитания прекратятся, и с большим энтузиазмом принялся за дело; вначале все шло хорошо, но как только его дела наладились, и торговля начала процветать, священники обнаружили, что изготовление статуэток запрещено в Писании и строго запретили покупать его изделия. Он решил попробовать себя в другом деле и устроился учеником к немецкому часовщику в Тифлисе; в конечном счете, он остановился в Тегеране. Здесь он встретил посла, который направлялся в Коканд (рядом с китайской границей) и, чрезмерно восхищенный моим бедным другом, предложил ему поехать в Коканд. “Может быть, – сказал итальянец, – фанатичные глупцы и отказываются от моих статуэток, но они покупают мои часы. И, я уверен, в Коканде мне не найти соперника ни в одном из этих ремесел”.

Этот человек не может читать, но он хитер и пообещал мне вести записи координат и расстояний этой поездки, хотя раньше он никогда не путешествовал с европейцами. Он говорит, что не может писать, но изобрел свой собственный язык иероглифов, так что, по его словам, если мы когда-нибудь встретимся, он сможет расшифровать свои записи.

Теперь, когда это путешествие из Герата закончено, появилась возможность сделать несколько заметок о нем. Конечно же, мы сильно устали. Не знаю, то ли климат Герата закалил мой организм, то ли привычка сделала меня безразличным ко многим удобствам, но я не страдал. Я разбил маленькую палатку из двух полотен, сквозь которые днем я загорал под солнцем, а ночью я ни о чем никогда и не мечтал. Я уверен, когда вы совершаете марш в течение месяцев и при этом независимы от снабжения в местности, где делаете привал, единственно правильным является простой план деления расстояния, которое нужно пересечь за двадцать четыре часа, на два этапа; и если бы какая-нибудь индийская армия покинула Индию, она нашла бы наш план вполне удобным. Ваши верблюды и скот пользуются свежестью утра и вечера для работы; в полдень их следует кормить, а ночью вместо того, чтобы их запрягать, им просто нужно дать отдохнуть. Последние пять-шесть миль шестнадцатимильного перехода совсем загнали скот, тащивший оружие с афганской компании; когда я разделил тот же шестнадцатимильный марш на две части: утреннюю и вечернюю, скот уже так не уставал. А что касается возведения палаток, то местные редко их разбивали, европейцы же только в тех случаях, когда жара была невыносимой. Людям приходится дважды в день запрягать лошадей, но они не выражают недовольства по этому поводу, ибо это ничто по сравнению с тем, что переносят животные. Они, конечно, заботятся о своих конях как все люди в мире: один конюх присматривает за тремя лошадьми; единственное, что животное может само себе добывать – это трава, которую оно щиплет вокруг себя, стоя на привязи; три бурдюка (шесть фунтов) ячменя вполне достаточно на двадцать четыре часа.

Как только вы слезаете с лошади, подпруги седла нужно немного ослабить и набросить на лошадь покрывало. Приблизительно через час, когда лошадь остыла, надо снять седло со спины и покрыть ее одеялом или всеми толстыми войлоками, которые для нее есть, и так бедное животное стоит (даже если жарко) еще около часа перед тем, как вы загружаете его снова. Тем временем один конюх снимает обмундирование с трех лошадей и проводит ладонью по ним – этот процесс он называет чисткой.

Конь никогда и не мечтает, чтобы его копыта были вычищены или вымыты, а главная его цель – чтобы ему тщательно помыли хвост. Он с жадностью пьет холодную воду и, если его не беспокоят мухи, конюх завязывает узел напо-

ловину, а затем коня снова седлают и только небеса знают, сколько мягких подкладок под седлом защищают от стирания. Когда же все готово, вас просят подняться. Это формальность, но в ней участвуют все: один держит правое стремя: необходимая мера предосторожности, чтобы седло не сдвинулось от вашего веса; другой подает левое стремя; третий держит вашу левую руку и, когда вы поднимаетесь, все восклицают: "Боже, благослови!". Когда весь отряд поднимается, слышится искреннее восклицание "С Богом!" и все отправляются в путь.

В результате такого невежественного обращения со скотом все животные: и лошади, или мулы за исключением моего коня прибыли совершенно изнуренными. Из целого стада у одного только багажного осла не было раны на спине; особенно досталось некоторым оседланным лошадям – они были в ужасных ссадинах. Если бы афганцы имели представление о ранах, они знали бы, как их лечить. Одно бедное животное, а именно та оседланная лошадь (на которой Волк ездил из Герата в Мерв) во время марша была с огромной раной на спине, от которой шел неприятный запах. Я даже не надеялся, что это животное выживет, но сегодня они привели его ко мне в почти удовлетворительном состоянии, его раны зажили и оно выглядело здоровым. Они никогда не делают припарку, чтобы вылечить раны, а прикладывают тонкий слой ваты и меняют ее без конца. А когда рана заживает, натирают хну – так, они думают, затвердевает кожа и вырастает шерсть.

Мы много слышали о туркменских лошадях и о туркменском искусстве верховой езды, но мое мнение о том и другом невысокое. Сам я ехал на скакуне по кличке Чурли, который был куплен у туркмен вождем племени хазара, и был предназначен правителю. Скорость и выносливость этого коня были так известны среди туркмен, что каждый человек, которого я встречал, слышал о нём. Важность моей миссии в их глазах возрастала, потому что я обладал этим животным, но в Индии я не дал бы за него 400 рупий. В нем текла арабская кровь, однако, его голова и шея, казалось, были продолжением его спинного хребта и, когда он скакал, выставив голову вперед, он скорее был похож на корову, чем на лошадь; рот у него был ужасный. Для того, чтобы развернуть его, нужно было не менее акра[64] свободного пространства; к тому же он настолько ленив, что мне приходилось похлестывать его плеткой. Что касается прыжков – он не имеет об этом даже отдаленного представления; не думаю, чтобы он сумел, не упав, перескочить через четырехфутовую канаву – но хватит о его недостатках. Поговорим теперь о его достоинствах. Он хорошо переносит долгие переходы, ест что попало, спокоен как ягненок. Очень быстро ходит, а в рыси достигает восьми миль в час. Я замерил его скорость в беге на очень плохом отрезке пути и когда он нисколько не был зажат другими лошадьми, дистанцию в одну милю, пять фурлонгов и 170 ярдов,[65] измеренную шагомером, он прошел за три минуты сорок пять секунд. Я не судья в таких вопросах и не могу сказать, хорош ли этот результат, или плох. В любом случае, следует помнить, что дорога была очень плоха – вся в булыжниках. В глазах туркмен это идеальная лошадь; каждый раз, когда я вожу его на водопой, собирается целая толпа, чтобы поглазеть на него. Этот конь гнедой масти, у него очень массивный круп, высокая холка, массивные плечи и рост примерно четырнадцать хэндов три дюйма.[66] Его имя "Чурли" было дано ему туркменами из-за большого шрама на его левой передней ноге, но обычно они называют лошадей по имени их владельцев. Стоимость хорошей лошади примерно 1200 рупий компании,[67] (120 фунтов стерлингов), естественно, есть и такие, которых ни за какие деньги не купишь. Метод, по которому они объезжают лошадей, значительно отличается от нашего, английского. Жеребят начинают приучать в полуторагодовалом возрасте. На спину жеребенка сажают мальчика, который приучает его ходить под седлом на малые расстояния. Когда он научиться жевать, ему дают немного ячменя. Их очень часто кормят, но понемногу, воды тоже дают мало. Жеребят никогда не гоняют галопом. Когда они еще не под седлом, их держат или в палатке, или где-нибудь рядом. Таким образом, с самого раннего возраста они привыкают к людям и становятся очень смирными. Когда жеребенок достигает трех с половиной лет, ему устраивают экзамен. После этого метод его воспитания слегка изменяется. Расстояние постепенно увеличивают, но скорость не изменяют, иногда его заставляют работать даже ночью, до тех пор, пока его мускулы не станут достаточно крепкими. Если поспели дыни, он получает их в большом количестве вдобавок к своей пище и на этой стадии тренировки ему разрешают есть зерно столько, сколько ему захочется, но не более одного раза в день, и ему никогда не разрешают много пить; затем идет усиленная эксплуатация, и постепенно шаг увеличивается, переходя в галоп, которым он несется до десяти или двенадцати миль, после чего бросает вызов всему миру, не получив при этом ни единого бала и не услышав звуков победной трубы. Об этом стоит подумать! Единственное преимущество в покупке этих испытанных лошадей, если, конечно, вы не намерены преследовать кого-либо на них, так это то, что вы при-

обретаете животное, чье телосложение и мускулатура закалены постоянными упражнениями, которые предотвращают их переутомление и дают возможность избежать потерь и пройти с вами тяжелейшие испытания, не теряя кондиции. Но если вам угодно стремглав носиться по стране на своем коне в разные концы, не ходите на этот базар, ибо народ примет вас и вашу лошадь за сумасшедших, а маленький арабский скакун для охоты или для легкого галопа стоит всех туркменских скакунов, которых мне приходилось видеть за свой век. Все лучшие туркменские лошади имеют примесь арабской крови. Я привел с собой красивого арабского коня в качестве подарка хану Хазрату. На нем редко ходили в поход, и это животное получало больше ухода, чем все остальные, но было приучено к тому, что два конюха постоянно чистили его спину утром и вечером, и получало больше травы и зерна, чем я мог ему предложить и, к моему сожалению, упало на дороге и прибыло сюда в таком жалком состоянии, что мне захотелось испросить двухнедельный срок, но на следующий же день меня попросили отправить его во дворец к хану. Я настоятельно требовал времени из жалости к состоянию, в котором находилась лошадь, но мне сказали, что туркмены любят оценивать лошадь, когда она худая. Когда я отправил свой подарок, все туркмены были в большем восторге от его сложения и силы. Голова туркменского коня длинная, шея легкая и вытянутая, и они редко бывают грудастыми; плечи тяжелые, копыта хорошие, задняя часть и поясница очень широкие и сильные, а передние ноги покрыты лубками, которые являются результатом особого способа подковки; короче, эти животные приспособлены к работе, требуемой от них, а именно к прохождению вместе с вами двадцать-тридцать дней со скоростью до пятидесяти или шестидесяти миль в день, при этом никуда не сворачивая, не останавливаясь и не шагая иноходью. Это все об их лошадях, а теперь об их коневодстве.[68]

Любой человек, который садился в туркменское седло, должен знать, что хотя он и не упадет, ему морально и физически трудно им управлять. На наших лошадях человек является как бы неотъемлемой, разумной частью лошади, которой животное подчиняется. Усевшись же на изобретение, именуемое здесь седлом, у человека появляется ощущение что он отдан на милость коня; его утешение – это осознание того, что животное абсолютно спокойно, и что оно будет прямо следовать своему пути, но, будучи приподнятым, по крайней мере, дюймов на пять над спиной коня с ногами, торчащими по бокам из-за седёлки, на которой укреплено седло, внезапно ощущаешь полную невозможность управлять лошадью. Человеку, привыкшему к легко управляемому арабскому скакуну, первое же прикосновение к уздечке на туркменской лошади вызывает отвратительное чувство, ибо ты чувствуешь беспомощность своего состояния и осознаешь, что должен двигаться по прямой линии. А теперь, после этого краткого описания особенности положения седла, вы можете представить себе, чем может кончиться атака подобной конницы. Как рассказывал один мой друг, “невозможно изменить безудержное стремление”, и если развернуть фланг, то все войско придет в сильное замешательство. Могу сказать, что один всадник из конницы Скиннера[69] с мечом и копьем справится с тремя туркменскими, так же вооруженными; и я ручаюсь, что 4-й драгунский полк Её Величества перережет пятитысячную туркменскую конницу, *если* последняя предпримет атаку или будет риск нападения. В соседних странах восхваляется туркменская доблесть, но мне не приходилось слышать, чтобы они когда-либо атаковали противника, равного им по количеству в открытом поле. Их нападения напоминают погоню *доблестной* кошки за беззащитной мышкой. Если дороги не подвергались *налетам* (грабежам) на протяжении года, а караваны постоянно проходят по ним, это означает, что в 300 милях от них двадцать или тридцать туркмен тех или иных племен тренируют своих коней и через пару месяцев сделают вылазки на дороги, грабя караваны, убивая или уводя в рабство всех попавшихся им людей. Вам, наверное, интересно, на какое сопротивление они натыкаются. Во-первых, они проделывают работу, которая была бы утомительна для обычных людей и лошадей, но у них хорошая подготовка. Первое, что появится на их пути, будет, скорее всего, вереница верблюдов, везущих зерно; сопровождать же их будут не больше трех человек на ослах, имеющих всего лишь прутья для погони верблюдов. Первый впереди ведет за узду главного, второй подгоняет отстающих в веренице, третий же следует сзади. Они всю ночь прошагали по пустыне, а сейчас утро и все трое полусонные. Вдруг сзади слышатся крики и, размахивая саблями, вниз несутся туркмены с воинственными возгласами. Ощущение такое, что они собираются совершить подвиг, который увековечит их и их нацию. При первом же крике трое несчастных погонщиков бросаются лицом вниз на землю и начинают бормотать молитвы, ища у Бога защиты, а у напавших – милости. Вот они уже схвачены и связаны, и одному или двоим туркменам поручают отвести их вместе с животными в свой хайл. Верблюды и ослы, как только их хозяева оказываются на земле, принимаются жевать траву и колючку вдоль доро-

ги, и когда все готовы, их уводят с маршрута. Трое погонщиков, утомленные ночным путешествием, без воды и без какой-либо обуви на ногах, со связанными сзади руками должны плестись за верблюдами, получая удары плетью наравне с животными, еще недавно принадлежавшими им. Они будут проливать слезы отчаяния, ибо им известна их судьба. Такого обращения, которое им теперь приходиться терпеть, они не применяли даже к своим животным. Все их надежды увидеть жен, детей, родственников испарились, подобно снам предыдущей ночи! С этого момента судьба уготовила им рабство, которое должно пройти среди людей, глухих к человеческим страданиям и не знакомых с милосердием! Совершив это постыдное дело, туркмены отправляются к колодцам, или ожидают в засаде другой кафилах. Вполне возможно, что следующей их жертвой станут путники: старик, его жена и сын, подвергшиеся гонениям в каком-нибудь городе, которые для спасения своего небогатого имущества направляются в другой город к друзьям, с дочерью одного из которых их сын был когда-то обручен. Жена старика и девушка-рабыня (назовем ее Фатима) едут в корзине на спине верблюда. Два других верблюда навьючены семейным богатством, и сопровождаются двумя слугами на измученных тяжелой ношей ослами; у одного из слуг курительная трубка старика и оба несут бурдюки с водой. Остальная свита состоит из бедных мулл (священников) и плохо вооруженных торговцев. Прошло всего лишь несколько часов, как они покинули колодец, и сейчас думают о приятной трапезе. Старик с супругой беседуют о пережитых невзгодах и рисуют светлое будущее. Безбородый юноша несет на спине хорошее ружье и, гордо восседая на великолепном скакуне, считает себя героем и, вероятно, думает о тех прелестных глазах, о которых столько лет он слышал высокие отзывы. Фатима же заботиться о ружье своего господина по той простой причине, что старик уже слишком дряхлый для доспехов. Двое слуг где-то позади во все горло поют народную песню; остальные путники немного впереди. И вдруг они слышат крики и через мгновение туркмены настигают их. Старик и его сын охотно рискуют жизнью, чтобы спасти женщин – старик кричит, чтобы ему подали ружье, но Фатима при первых же криках туркмен впала в истерику, и сильно ухватившись за ружье, вопит над хозяйкой, упавшей в обморок. Тогда старик вспоминает про свои пистолеты – они заряжены, но не на нем, а завязаны в сумке, в кобуре. Не успевает он достать их и освободить из кобуры, как копье пронзает его тело. Сын, возможно, хочет оказать сопротивление, но его опыт в подобных делах слишком мал. Пока он достает ружье и пытается вспомнить, в какой из своих многочисленных карманов он положил порох, его опрокидывают наземь и лишают оружия. Двое слуг сдаются, не сопротивляясь, другие разбегаются в разные стороны. Верблюд, везший женщин, сажают и бедняжек силой выволакивают на землю и срывают с них паранджу. Их мольбы о пощаде и попытки укрыть свои лица приносят радость этим дикарям, которые, покручивая редкие усы и угрожая копьями, громко похваляются своей непобедимой доблестью и спрашивают: “Кто этот Рустам, о котором вы так часто говорите?” [70] Доля старика в этом инциденте самая предпочтительная; с молитвой на устах его глаза закрылись навечно и ему больше не придется переживать угнетение или горе, видя страдания жены и сына. Несчастных женщин, если они хоть немного красивы, сажают на верблюдов и кормят, чтобы трудности и переживания не повредили их стоимости при продаже. Всех мужчин ожидает та же участь, что настигла погонщиков верблюдов. И вот еще одна кровавая история варварства записана на имя народов Туркестана. Добыча и пленники используются так же, что и первые. Если награбленное удовлетворяет их, то туркмены отправляются в свой хайл, где их встретят как героев, вернувшихся с победой, а если они надеются на более крупную добычу, то предпримут еще несколько походов на таких же беспомощных путников. Но они никогда не нападают на большие группы, и они не станут нападать вторично, если их отбросили при первой попытке; и тот факт, что столь ничтожная раса, погрязшая в своих пороках, никогда не смеет пойти против многочисленного войска, состоящего из храбрых и решительных людей, вполне соответствует логике. Их надежда опирается на внезапность и, в случае провала, они рассыпаются как песок в их пустыне при легком дуновении ветерка. Бытует мнение, что туркмены – это несчастные создания, лишенные какого-либо богатства. По-моему, наоборот, найдется немного наций, среди которых богатство так широко распространено. У них у всех есть огромные стада животных и многочисленные рабы; последние возделывают столько полей, где выращивают зерно, не только достаточное для семьи, но для того, чтобы его продать. Тридцать тилля или же 21 фунт стерлингов – обычная цена для крепкого человека средних лет. Пять тилля – это цена сносного осла; за хорошего верблюда истребуют семь тилля; овец же продают за один тилля или же за четыре фунта. Огромное количество джугары (единственный здесь вид корма для лошадей) [71] продается за один шиллинг, и единственный вид налога, применяемый правительством,[72]

составляет лишь одну сороковую из произведенного зерна. Каждая семья вынуждена при необходимости иметь одного конюха. Хан пересек пустыню от Хивы до Мургаба и собрал 50 000 коней, но в случае угрозы войны он мог бы собрать вдвое больше и эти отряды могут пересечь страну, где европейцы неминуемо погибнут. К чести хана Хазрата будет сказано, что он положил конец всем этим хищным походам, кроме тех стран или кочевых племен, с коими хан находится в состоянии войны.

Гостеприимство туркмен – скорее притча, чем реальность. Я был в гостях несколько раз, и всякий раз платил вдвое больше, чем получал. И не было случая, чтобы хозяева колебались, принимая деньги, хотя слышал жалобы насчет того, что мало заплатил, и частенько случалось, что отказывались продать мне овцу, если цена не превышала настоящую втрое. Это нация слишком нетерпима в своем религиозном веровании – гораздо больше, чем афганцы. Брута и мою компанию оскорбляли из-за того, что они ели со мной, так как я считаюсь кафиром, или неверным. Брут сильно злился в таких случаях; он указал им на Коран, который свидетельствует истину о Новом завете, и спрашивал с негодованием, говорится ли где-нибудь в Коране, что человек может курить опьяняющие наркотики, употреблять опиум, пить вино и совершать другие пороки, слишком низкие для упоминания, и помимо этого (продолжал он, обращаясь к тюркам), "как вы смеете называть себя мусульманами, совершая такие деяния?" За такие слова любого другого на месте Брута уже бы убили, но, являясь кази и муллой из известной семьи, он считается здесь почти святым; более того, обладая ораторским даром, он обрушивается на них лавиной арабского языка. Подобные сцены никогда не происходят в моем присутствии, но я часто вижу Брута в ярости, и он получает облегчение, когда обругивает этих сынов сгоревших отцов[73] – эту расу собак, как он всегда называет туркмен.

Но этот набросок о туркменских лошадях, коневодстве и доблести всего лишь "*en passant*" [74], а теперь "*revenons a nos moutons*" [75] – обзор похода от Герата досюда. Я бы разделил этот путь на два отрезка: от Герата до Мерва – 265 миль; от Мерва до Хивы – 432; общее расстояние 697,5 миль (не считая остановки в Мерве), которое мы прошли за двадцать пять дней (я считал в Куш-рабате, только один этап от Герата), или в среднем двадцать восемь миль в день. Мы должны были пройти этот путь за более короткий срок, но переход через Мургаб и болезнь Брута задержали нас. Единственный отрезок пути, мучительный для людей и животных, – это 170-мильный переход через пустыню от Мургаба до Окса. Этот путь был очень утомительным, неинтересным и неприветливым. Жара, стоявшая на протяжении шести дней, проведенных нами в пустыне, была нестерпимой, а шансы найти воду – мизерными. Каждый следующий этап пути, особенно прохладные вечера, мы проводили весьма приятно, погоняя мулов. В этих случаях все кипчакские конюхи, кроме Волка, брали инициативу на себя; в обязанности же Волка входило, как он сам считал, и как полагали все, следить за грузом на мулах в течение всего пути, и он был весьма прилежным и активным в исполнении своей задачи, вертясь и прыгая вокруг ящиков, проверяя, прочны ли веревки, а через секунду вновь сидя на коне. После мулов шел багаж на ослах и человек, который их вел, постоянно держал на поводу арабского скакуна, которого я уже упоминал. За ним следовали Брут и я, а за нами двое моих слуг: один с бурдюками, полными воды, чайным прибором, хлебом и сушёнными фруктами, а другой с моей курительной трубкой; для этой цели при нем имелись большие кобуры и чашка с горящим древесным углем, свисающие с его седла. Под ослом у него тоже был подвешен кожаный бурдюк с водой; таким образом, я мог в любое время, не останавливаясь, курить *кальян.* После трех-четырех затяжек я передавал трубку Бруту. Но с самого своего приезда сюда он просил моего слугу не подавать ему трубку, так как, объяснил он, его статус гази пострадает в глазах этих собак (туркмен), если они его увидят курящим – но продолжим рассматривать нашу процессию.

За слугами моими шли слуги Брута, затем Мухаммед Дауд, Ходжаберды и Фазиль-хан составляли конец процессии. Обычно мы проходили за час четыре мили, а Брут рассказывал мне анекдоты из своей приключенческой жизни, время от времени поругивая погонщиков мулов: "Эй вы, негодяи, поторапливайтесь – прибавьте шагу, ленивцы"; тем временем я одну за другой подбрасывал ему истории о "Янки доних", так люди в этой части мира называют Америку. Ходжаберды, на пользу Мухаммеду Дауду, рассказывал истории минувших лет в виде песнопений с сильной носовой гнусавостью. Фазиль-хан же думал о своем брате и о последнем приказе, полученном от меня; и я совершенно уверен, что это две единственные мысли, когда-либо посещавшие его голову. Так проходило наше время до одиннадцати или двенадцати ночи, когда мы выбирали хорошее место с травой, распаковывали груз, готовили чай и потом нашу уставшую плоть ждало приятное восстановление сил – целительный сон. До рассвета кто-то вставал и кричал Мухаммеду Дауду, чтобы тот начинал загружать вещи; будучи сильно уставшим за

предыдущий день, он всего-навсего поворачивался и бормотал: “Ячмень, погонщики мулов, дайте ячмень”; но тут его показной сон становился уже слишком большой роскошью для него; еще один окрик и, вскочив на ноги, он орал: “Ну-ка, вставайте, дети сгоревших отцов! Чтобы ваши дома превратились в руины! Вы что, весь день собираетесь спать?” – и пара пинков заставляла проснуться изрядно утомившихся погонщиков мулов; протирая глаза, они рычали сумрачно слово повиновения: “*бихушум*”. Еще одна чашка чая перед отправкой, и мы вновь в пути до десяти утра, когда разбиваем лагерь в удобном для стада месте. К двум часам каждый день что-то да подавалось на обед. Если в предыдущий день резали барана, я с удовольствием делился этой трапезой с Брутом, его сыном, Ходжаберды, Фазиль-ханом и предводителем кипчакских кавалеристов; но это были праздничные дни; часто нашей единственной едой служили рис и немного изюма. Мне очень повезло с выбором моей команды, за одним исключением, которое вскоре дало о себе знать. Люди никогда не ведут себя лучше, чем они есть, и просто-напросто невозможно, чтобы они заботились о своих обязанностях больше чем они на это способны. Есть некоторые вещи, которые омрачили эту трехмесячную поездку в неизвестном направлении, в неприветливую погоду, с просто замечательным отрядом. Исключением среди хороших и верных людей, которое я имею ввиду, был мулла, приведенный ко мне моими людьми в Герате, сказавшими, что его сын находится в рабстве в Хиве, и он желает отправиться со мной, чтобы попытаться повлиять на его освобождение, так как в Хиве находятся в рабстве около 12 000 человек из жителей долины Герата. Я не мог пообещать освобождение этого незнакомца, так же как и любого из 12 000. Все это я объяснил ему и сказал, что если он сумеет добиться освобождения своего сына, он может присоединиться к нам и я найду для него коня и обеспечу в пути питанием его самого и его лошадь. Он поблагодарил меня за щедрость и громко помолился за мое здоровье, богатство и благополучие. В Мерве лошадь этого человека сдохла и я купил ему другую, и сюда он пришел благодаря тому, что я кормил и его, и коня. Здесь же он обнаружил высокий дух магометанства, и подобно злой, кусающейся дворняжке, кем он оказался, решил попробовать освободить своего сына, присоединившись к призыву против нас. Он придумал гнусную ложь, которую стал распространять; он говорил, что якобы Брут пожелал, чтобы он не читал свои молитвы в пути, по крайней мере, чтобы избегал этого в моем присутствии. Подобная ложь, если бы в нее поверили, легко могла бы стать причиной гибели как моей, так и всей команды. Не могу сказать, что я не был зол, узнав о низости этого существа, но я рад, что не показал своего гнева. Затем, вызывая каждого из своего отряда, я расспрашивал, случалось ли так, что они молились в моем присутствии, и Брут делал какие-либо замечания по этому поводу. Факт в том, что в положенные часы они, конечно же, молились вне зависимости от моего присутствия. Черед дошел до муллы. Я спокойно спросил, кормил ли я его в пути, дал ли я ему лошадь, чтобы он не отставал от других, а затем спросил, зачем он распространял такие слухи? В заключение я добавил, что умываю руки и больше он для меня не существует. С этого самого времени он усердно пытается доказать обратное, но тщетно.

Местность от Герата до гребня холмов гористая и живописная, но у нее есть один недостаток, присущий всему Афганистану: никакой зелени. С гребня холмов постепенно спускаешься в долину, которая простирается с незначительным изменением природы от реки Мургаб до гор. Когда с индийской армией мы совершили восхождение к Боланскому проходу,[76] я почти не задумывался, что мне придется пройти через всю холмистую местность Кохистана,[77] и в итоге спуститься на равнину, подобную своим рельефом и величиной равнинам Индостана. До того как наводнение, вызванное растаявшим снегом в горах, спало, я переправился через Мургаб в нескольких милях выше того места, где река исчезает в пустыне. По дороге вдоль Окса часто ходят повозки, и трава, и деревья здесь в большом избытке. По реке плавают лодки весьма немалых размеров и, кажется, она вполне пригодна для парового судоходства. Желая определить широту Хивы, я приступил к наблюдению за высотой луны, но вскоре понял, что своим поведением вызываю подозрение. Однажды вечером мне предоставили возможность увидеть хана; я положил свой секстант[78] в карман и пошел на встречу. Разговор, как обычно, зашел об искусности европейцев в промышленности; я вытащил секстант, в качестве образца, и заставил хана, к его удивлению, опустить солнце и двигать изображение одного из придворных справа налево. Весь двор был в восторге, и меня попросили очень понятным языком предложить эту игрушку хану. Я пообещал сделать это до отъезда, а тем временем я мог заниматься своим делом без подозрений в колдовстве.

30 июня. – Я приглашен в один из ханских летних домов на пир, который он имеет обыкновение давать в этот время года. Нас провели в огромный двор, в одном из углов которого был разбит хиргах, в котором его высочество был недоступен плебейским глазам. Шестьде-

сят мулл (священников) были в одном ряду, а шестьдесят родственников его высочества – по другую сторону двора. Мы (Брут и я) были отведены по правую сторону, где нас посадили возле принцев. По прибытии мы застали мулл во время громкого обсуждения какого-то религиозного вопроса, который они прервали печальным образом, не уважая (по-моему) присутствие его высочества. Затем принесли Коран и прочитали отрывок; один из священников пытался объяснить, но он не смог прочитать толком ни одного предложения из-за того, что его перебивал противник. С каждой стороны участвовали три или четыре человека, и обе стороны были одинаково уверенными. Я увидел что-то вроде толкотни и его высочеству пришлось несколько раз отправлять к ним своего визиря, чтобы призвать спорщиков к порядку. Эти дискуссии продолжались в течение трех длинных часов; споры шли на турецком, а толкование книги – на арабском. Сидеть на ровной земле, поджав под себя колени, было мучительно, и я весьма обрадовался, когда закончились приготовления к пиру. Наконец принесли коврики из набивного ситца и расстелили их перед гостями – это были наши скатерти: на них положили хлеб, который принесли тридцать слуг. По знаку главного офицера по хозяйству мы приступили к хлебу. Затем вошла процессия из тридцать слуг, каждый из которых нес по два небольших китайских подноса с сушёными фруктами. Далее последовала следующая процессия, в этот раз слуги принесли большие чашки, содержащие одну из разновидностей национальных супов, но вид у этого супа был такой отталкивающий, что я даже не притронулся к нему. Следующим блюдом оказался плов, который не был хорошо приготовлен; и после этого целая толпа слуг внесла изюм и сушёные сливы, которые они положили перед его высочеством – это означало, что хан лично будет угощать этими яствами. Когда нам подали эти сладости, Брут шепнул мне, что я могу взять одну большую пригоршню и засунуть в карман; я, конечно, так и сделал. Далее подали огромное число кусков сахара и поставили в центре двора. Около дюжины их были расколоты пополам, остальные же раздроблены на мелкие части. Половинки давали только людям титулованным или важным. Брут выглядел очень довольным, когда мы удостоились этого отличия, и он попросил меня положить в карман мою долю. К счастью, на мне была афганская одежда с большими карманами, без них я бы даже не знал, куда девать добычу. После того, как сахар был разобран, все воздели руки[79] и двинулись к двери, так как пир закончился. Я был настолько стиснут, что едва мог продвигаться. Сама мысль о том, что я нахожусь в потоке 120 человек, каждый из которых несет один полный карман сахара, и еще один, набитый изюмом, была крайне смехотворной, но я соблюдал порядки двора, и вынес свою добычу с серьезным выражением лица.

Город Хива состоит из нескольких улиц с сырцовыми домами: есть один крытый базар, который хотя и мал, но зато представляет собой красивое и прочное сооружение.[80] Колледжи – это эффектные здания, орнаментированные цветным плитками, которые создают впечатление нарядности и блеска;[81] но вода настолько близка к поверхности, что едва ли их фундаменты достаточно прочные. Вследствие этой причины все минареты отклонились от перпендикуляра, а стены вообще расходятся в углах зданий.[82] Основная красота Хивы заключается в роскошно выросших деревьях и множестве садов. Все они ограждены толстой стеной, высотой в двадцать или даже в тридцать футов. Ограждения сделаны в виде бастионов и, на первый взгляд, эти сады можно принять за форт. Длинные ряды тополей, отходящих от бассейна с водой в центре – это обычная планировка садов и дом, как правило, построен на одной из сторон, чтобы оттуда можно было полностью обозревать сад.[83]

Я приехал в Хиву 12 июня и пробыл там пятьдесят два дня. Этот сезон иногда бывает нездоровым из-за урожая риса, который, как правило, становится причиной малярии и в результате вызывает жар и лихорадочный озноб.[84] Но нам очень повезло, и я слышал всего лишь о нескольких случаях заболевания. Климат здесь здоровый и времена года здесь такие же, как в Англии, за исключением зимы, которая очень сурова. Фрукты восхитительные, особенно дыни, с которыми ничто не может сравниться во вкусе – они насчитывают до сотни различных сортов; среди них есть одна длинная овальной формы, слегка зеленоватого цвета с нежностью только что выпавшего снега. Ребенок может съесть сколько угодно этого фрукта без всяких страданий.

Больше всего здесь винограда, но я не пробовал ни одного равного по вкусу тем, что выращивают на берегах Фаррах-Руда, реки в Афганистане. Виноградная лоза поддерживается здесь палками, а зимой после срезания ветвей, главные ветки закапываются в землю, чтобы защитить их от мороза. В великом множестве растут здесь также яблоки, сливы, груши и другие фрукты.

Хан добродушный, непосредственный человек лет сорока пяти.[85] Он всегда относится ко мне с большой любезностью и проявляет очень сильное желание разузнать что-нибудь об Англии и Европе в целом. Подданные, с которыми

он придерживается высоких принципов справедливости, очень уважают его. У него довольно большое семейство ловчих птиц и он неравнодушен к этому спорту, из-за которого имеет обыкновение часто посещать противоположный берег реки, где, как он говорит, охота азартнее. Так же каждой весной он выезжает, чтобы контролировать открытие ирригационных каналов. Из-за редких дождей всё земледелие зависит здесь от воды, поступающей из реки через эти каналы. Рыбы в Оксе очень много и она довольно хорошая; ниже по реке, в Каракалпакии, местные жители за счет нее и живут. Торговля ведется в основном с Россией, оттуда караванами привозят сахар и материю. Клыки моржей из полярных регионов тоже являются ценным предметом торговли. Из Мангышлака в Хиву верблюд может донести груз за двадцать два дня; и из Петербурга на Мангышлак есть лишь один беспрепятственный водный путь. Петр Великий построил канал, соединяющий Петербург с Волгой,[86] тем самым вдохновив Каупера сочинить незабываемую строку: "В изумлении Каспий слышит рёв далекого Балтийского моря".[87] При наличии таких преимуществ в пользу России и говорить не стоит о какой-либо конкуренции с русскими купцами на хивинском рынке. Из-за недавней войны с Россией до Хивы не дошло никаких товаров, кроме тех, что пришли через Бухару из Оренбурга. Но если взглянуть на карту, то можно увидеть, что настоящим местом выхода товаров из Восточной России в Северную Азию является не Оренбург, а Астрахань, откуда они переправляются на Мангышлак за два дня. Таким образом, русские товары могут быть отправлены из любого большого города в столицу Туркестана[88] в течение двадцати четырех дней. Если бы хивинский хан и его преемники побеспокоились о своих интересах, я думаю, очень маловероятно, что они отказались бы от того, чтобы русская торговля с Северной Америкой проходила через их город.

3 августа. – Я был сильно занят бумажной работой, чтобы вернуться к ведению дневника до этого дня. За этот время случилось многое: Брут вернулся в Герат; хан Хазрат передал мне всех русских заключенных, чтобы я доставил их в русский порт на восточном побережье Каспийского моря. Объявление этого решения стало хорошей проверкой моей команды. Трудности, пережитые капитаном Эбботтом и его группой среди казахов не были забыты; и поскольку я объявил, что я должен взять корабль в Ново-Александровске, некоторые из погонщиков мулов и слабаков попросили извинения за то, что не смогут следовать за мной дальше. Старый Брут считал, что я возьму его с собой и думал, что это само собой разумеется, поэтому при оглашении моего решения отправить его в Герат сильно возмущался и утверждал, что его возвращение без меня невозможно. Стоило мне захотеть, старик бы сопровождал меня с величайшей охотой, насколько хватило бы его сил; но его возраст и старческая немощь заставляют меня отклонить даже саму мысль о подобном желании. Помимо всего прочего у него были старуха-жена и молодой сын. До этого времени юный Дауд накупил кое-каких подарков для молодой жены, на которой он женился за месяц до того, как мы покинули Герат, и только его замечание возымело действие, когда он сказал: "Да, отец, ты ведь должен отвезти эти русские сундуки *ко мне домой*"; и он был неоценим во всех приготовлениях к этому длинному и тревожному пути. Ходжаберды считал само собой разумеющимся сопровождать меня; а "верный" Фазиль сказал, что он "конечно же, не может вернуться в Индию без меня", и поэтому в течение двух недель он пытался объяснить причину того, что хочет отправить письмо своему бхаэ (брату) для того, чтобы некая особа в Раджпутане могла быть освобождена от помолвки с ним, ибо он собирается сопровождать джентльмена в Петербург. Брут был в ужасе от моего решения сбрить бороду по приезду в Россию. Сначала он думал, что я шучу, но поняв, что мои намерения серьезны, он умолял меня подумать над тем, что борода дана мужчине как украшение и согласно *Книге*[89] компенсация за этот ущерб может быть получена от любого, кто лишил тебя этого придатка, и что ее потеря – это позор и несчастье, какие только могут выпасть на долю человека. Он также сказал, что такое рассуждение не похоже на мысли умного человека. Я скромно отвечал, что таков обычай Феринги стана[90] и что пыль, несомненно, хороший аргумент в пользу бритвы; но все мои замечания не произвели никакого впечатления на старого конспиратора, он продолжал поглаживать свою тонкую бороду с серьезным и задумчивым видом. Через некоторое время я спросил у него, а что будет делать с такой бородой Ходжаберды в России? Это перешло за границы серьезности и задумчивости старика, мы с удовольствием посмеялись над мыслью о том, как цирюльник будет пыхтеть вокруг него, считая, что сможет очистить этот густой лес, который произрастает на подбородке Ходжаберды. Кипчаки не были в восторге от путешествия, да и я не горел желанием брать их с собой. Они сопровождали Брута обратно в Герат.

Старый Брут очень хотел украсить свое возвращение, забрав с собой несколько гератских рабов и дочь Кутуба: он часто и долго рассказывал о страданиях этой женщины. Она дочь "читающего молитвы", за которым молились

царь и знатные люди! Бесчестие падет на него, если он оставит ее здесь! Я мог ему помочь только хорошими пожеланиями, но они ничего не стоили. В конце концов, он решил обратиться к хану Хазрату по этому вопросу; в результате ему обещали вызволить эту пленницу. На следующий день он ворвался в мою комнату в сильном гневе, мне пришлось немного подождать, пока он достаточно успокоится, чтобы рассказать о случившемся. Наконец, он возмущенно сказал: "Пусть будут прокляты эти сыновья сгоревших отцов, эта раса собак!" Он рассказал мне, что вместо дочери Кутуба они освободили и отправили ему родственницу пресловутого грабителя Байбуда, одного из подлейших мошенников, когда-либо появлявшихся на свет! "И теперь, – продолжал Брут, – если я не отправлю эту женщину обратно, нет надежды вызволить дочь Кутуба, ибо в глазах этой расы все женщины одинаковы. Они пообещали мне одну женщину, и прислали одну. Если же я отправлю ее обратно, Байбуд ведь не успокоится, пока не убьет меня и не разрушит мой очаг! Боже, в какое бедствие я попал из-за того, что мне выпала доля освободить кого-то из байбудского дома!".

Мне было очень жаль, в самом деле, расставаться с Брутом; бесспорно, его сердце было больше, чем у любого другого гератца из тех, кого я знал. А некоторые его особенности были просто бесподобны; к примеру, он был бесценным сокровищем в ведении переговоров с этими набожными мусульманами. Я думаю, что слезы на его щеках были искренними, и я желаю ему счастья и удачи. Я возвысил его достоинство дорожными носилками, сделанными для него; это штука, покрашенная в зеленый цвет с двумя золотыми шариками и оглоблями, возят ее на двух ослах. Она сильно напоминает рефрижератор, но в глазах здешних людей считается элегантной каретой для путешествий, и Брут в восторге от мысли, что он проедет на ней через *чарсу* – центральную базарную площадь Герата!

Я добрался до Зака, деревни в девяти милях на северо-запад от Хивы. Первые пять миль пролегали через возделанные земли, остальная часть проходила через отроги песчаных холмов. Я расположился в саду, принадлежащем его высочеству и должен получить заключенных завтра.

4 августа. – Весь день возился с расплатами за несчастных заключенных. Пока освободили 325 мужчин, 18 женщин и 11 детей, последние все родились здесь. Средняя продолжительность рабства в Туркестане такова: мужчины – десять с половиной лет; женщины – около семнадцати лет. Некоторые из мужчин находились в рабстве вот уже шестьдесят лет, некоторые же всего шесть месяцев. За одним исключением все они были здоровы, сильны и в хорошей форме. Все они христиане греческой церкви.[91] Бедные женщины были захвачены поблизости от Оренбурга; мужчины же попались следующим образом: 256 человек рыбачили на восточном берегу Каспийского моря; тридцать восемь – недалеко от Оренбурга, тридцать одного купили или захватили у персов; а остальные состояли, в основном, в полку русских дезертиров и находились в персидской армии под командованием Самсона.[92] Я дал каждому по дукату и нанял для всех по верблюду на двоих. Бедные люди, все они наперебой меня благодарили, и в целом это была одна из приятнейших обязанностей, какую мне когда-либо приходилось выполнять.

Этим вечером ко мне пришла в удрученном состоянии одна из русских женщин, которая сообщила, что двоих ее детей все еще держат в Хиве. Я пообещал вызволить их. Другие заключенные рассказывали, что несколько их земляков все еще содержатся под замком и что на их освобождение уйдет много времени. Нынешним утром ко мне приходил министр, что считается большой честью. Воспользовавшись случаем, я упомянул двоих детей и заключенных, все еще содержащихся взаперти, и он пообещал отправить их ко мне.

5 августа. – Вышли с восходом солнца и прошли пятнадцать миль, почти весь путь пролегал через плодородные возделанные поля. Сады виднелись по обеим сторонам; множество небольших селений и отдельно стоящих фермерских жилых домов. В девяти милях расположено крупное село, именуемое Каизабад[93] с большим базаром, а в миле от него протекает прекрасный канал, около тридцати пяти ярдов в ширину. В одном из многочисленных регулярных садов сделали привал. До заката снова тронулись и прошли за ночь двадцать миль, главным образом придерживаясь песчаных холмов. Это были просто оплывы песка, а возделывание земли происходит и с той, и с другой стороны от них. Говорят, что для того, чтобы дойти до реки, нужен день пути от этого места – приблизительно, я полагаю, миль двадцать; слышал также, что эти места подвергались в последнее время очень частым налетам, и по этой причине имения здешние довольно заброшены. Это место называется Душт Хоуз;[94] общее расстояние, пройденное за этот день, тридцать пять миль. Карлы Юзбаши,[95] командующий конницей, сопровождавший меня, – статный энергичный человек, и я весьма доволен им. Он в хороших отношениях с ханом и получил приказ не появляться во дворце без хорошего отчета о моем путешествии. Перед моим отбытием хан упорно просил меня назвать ко-

личество войска, в сопровождении которого я хотел бы отправиться в путь; однако, я всегда отказывался, и говорил, что я гость, и отправлюсь в путь хоть с одним или двумя всадниками, хоть с тысячей, но я доверяю его высочеству и думаю, что путь до русской границы пройдет гладко, а в случае, если со мной случится какая-нибудь беда, позор будет на нём, ибо он единственный, кто может предпринять необходимые меры безопасности. Карлы был одним из тех, кого хан отправил противостоять русскому наступлению под Хуш Бегги.[96] Эта команда преуспела в неожиданном захвате 200 верблюдов, принадлежавших русской армии, не пролив ни капли крови. Они решили атаковать маленький русский отряд, занявший позицию за небольшой границей. Их план состоял в том, чтобы пустить вперед только что захваченных верблюдов, а самим следовать сзади. Результат, как того и следовало ожидать, был таким, что будучи раненными и испуганными русским обстрелом, животные повернули обратно на туркмен и создали беспомощную панику среди последних. Воспользовавшись преимуществом, русские смогли спасти тех верблюдов, которые остались в живых. Русское войско не превосходило 10.000 человек и сорок артиллерийских орудий. Отчеты, так прилежно распространявшиеся в Индии о запланированном вторжении на наши провинции, не имели никакого основания, ибо не было даже мысли о наступлении за пределы Хивы. Причиной провала экспедиции была суровость зимы, которая погубила всех верблюдов, но помимо этого если вспомнить, что расстояние от Оренбурга до устья Окса составляет 800 миль, что на всем этом пути нет ни одного жилища, нет никакого источника для пополнения провизии и даже топлива, если учесть все эти препятствия – провал экспедиции неудивителен.

Два человека были наняты для сбора верблюдов и дальнейшего присмотра за ними; я нахожу, что нам понадобится 220 животных. Один из этих людей казах по имени Нияз, громадное тучное создание без каких-либо признаков бороды, но с приятным и добрым выражением лица; другим был изможденный, выглядевший рассеянным туркмен-човдур,[97] его лицо совсем не внушало мне доверия. Вдобавок к моим досадам, полномочия собирать русских заключенных были даны этому человеку, чье имя Ходжамухамед. Сейчас човдуры являются главными дельцами в торговле русскими рабами; они живут вблизи Мангышлака, временами захватывают рыбацкие лодки и берут в плен бедных русских рыбаков. Это невероятно, что кто-либо из этого племени будет мне помогать в сборе русских заключенных, особенно потому, что все знают: одна из моих целей в этом путешествии – положить конец их пиратству! Ходжамухамед много говорил о своем рвении и пообещал быть усердным. Русские кое-как освобождались сами и приходили ко мне, а он не привел ни одного. Наконец, двое русских заключенных с цепями на ногах, сбежавшие из собственного дома Ходжамухамеда, пришли ко мне. Это уже было слишком для моего терпения и я объявил о своей решимости довести его мошенничество до внимания хана Хазрата, но Карлы и Нияз умоляли меня простить проступок этого человека, сказав, что при поступлении такой жалобы хан Хазрат, несомненно, приговорит его к смерти. Само это существо также пресмыкалось передо мной, говоря, что он съел грязь[98] и просил у меня пощады, клянясь всевозможными клятвами исправиться в дальнейшем. На нем лежала ответственность за сбор половины верблюдов и без него придется трудно, поэтому, в конце концов, я согласился простить его, но нет никакой надежды на того, на чьем лице слишком ясно написано, что он законченный негодяй. Понятно, что он будет “бедствием” в течение всего похода.

При мне был еще йомуд[99] по имени Берды – уродливый малый, но бесценный человек; раз или два он бывал в Герате и был на хорошем счету у майора Тодда. Министр написал мне, что двое детей, о которых я говорил несколько дней назад, находятся в руках очень внимательного человека, знатной женщины при дворце, и что после долгих переговоров ему удалось освободить младшего мальчика, которого он отправил ко мне, но было невозможно повлиять на освобождение другого ребенка, девочки лет девяти. Получив такие новости, их мать пришла в неистовство; она клялась, что ничто не может оторвать ее от своего чада, и что она предпочитает остаться в рабстве с ее любимой Шарифой, чем быть свободной без нее. Затем она язвительно осмеяла мое обещание освободить ее детей, которое я дал раньше. Я приказал оседлать коня и той же ночью отправился в Хиву, куда прибыл часам к десяти утра. Мой приезд немного встревожил министра, который очень хотел узнать цель моего внезапного визита, но я подумал, что будет благоразумнее, если он не узнает об этом, и потому просто сказал, что мне нужно обсудить с ханом некоторые вопросы, и еще добавил, что надеюсь встретиться с ним этим вечером. Мою просьбу удовлетворили, и после долгих разговоров на различные темы я попросил дать мне разрешение уйти. Среди туркмен бытует суеверие, что последняя просьба человека, отправляющегося на следующий день в путь, должна быть исполнена, ибо отказ в этой просьбе может навлечь несчастье в путешествии. Воспользовавшись этим шансом, я сказал, что хан отдал мне всех

заключенных, но в его собственном дворце все еще держат одного ребенка. Хан твердил, что она сама не желала уходить; я ссылался на то, что она еще не в том возрасте. Он помолчал некоторое время, затем, повернувшись к министру, пробормотал: "Отдай ему ребенка". Немного позже ко мне привели чудесную маленькую девочку. Было очень темно и я, взяв лампу, приблизился к ней, как вдруг она завизжала, ругаясь, что ни за что не пойдет с "этим *торговцем русскими рабами*". Туркменам это очень понравилось. К счастью, я привез с собой Берды-йомуда, с которым маленькая Шарифа охотно согласилась пойти, запрыгнув на спину его осла и тревожно глядя на меня, когда я приближался к ним. Ей было около девяти лет и, думаю, я вряд ли видел более прекрасного ребенка. Мы ехали всю ночь, возвращаясь в наш лагерь, и Шарифа рассказала Берды историю своего разлучения с матерью, которую он перевёл мне: "Ее оторвали от меня, а она, ударив меня по лбу, воскликнула – о, несчастная моя, лучше бы ты вовсе не родилась!". Когда мы достигли лагеря, русские радостно закричали, узнав Шарифу, и следующим утром она и ее младший брат пришли ко мне вместе с матерью, чтобы поблагодарить меня. Но маленькая проказница все еще боялась моего персидского халата и смотрела с опаской.

12 августа. – Этот мошенник, Ходжамухамед, до сих пор не привел ни одного русского заключенного, и я боюсь, что задержусь здесь еще на несколько дней. К счастью, вскоре хан будет проезжать здесь на пути к своим охотничьим местам, и я полагаю, что при необходимости смогу с ним увидеться.

14 августа. – Хан приехал этим утром и я получил аудиенцию. Подчеркнув все усилия, сделанные мною для возвращения заключенных, я показал хану список тех, кого, как я знал, все еще не отпустили и заявил прямым текстом, что если не получу от него помощи, то я должен отклонить часть сделки, которая была заключена со мной, что бесполезно отправляться к русской границе без *всех* заключенных, и что моя голова запутана всеми проблемами, пережитыми из-за этого дела. Его высочество был крайне изумлен моими резкими словами, и отдал соответствующий приказ министру, от которого последний *затрясся*. Мне посоветовали продолжать дело, и пообещали отдать всех заключенных до единого. Я также получил приказ угрожать смертью всем, кто не отпускал рабов.

15 августа. – Сегодня покинули Душт-Хоуз. Я был удивлен, увидев одного из придворных, ожидавшего с семнадцатью русскими заключенными. Я расспросил заключенных, и узнав, что сын одного из них все еще в заключении на этой стороне, отправил за старостой села, где находился этот русский. Помимо всего, я услышал, что на той стороне реки есть еще трое, за которыми Карлы отправил отряд.

18-го явился сельский староста и поклялся на Книге, что юноша, за которым я послал, мертв. Но на следующий день, после упорных настояний отца, утверждавшего, что он чувствует, что сын его жив и его прячут, Карлы отправил в то место трех всадников и с большим трудом они обнаружили его спрятанным в подвале одного амбара. Из Дашхоуза в Айбугир[100] мы прошли 125 с половиной миль по аллювиальной почве около реки Окс.

По пути встретились несколько хайлей туркмен, но единственным оседлым поселением был Старый Ургенч, в 109 милях от Хивы. Он находится на месте древнего города, который, как говорят, существовал во времена огнепоклонников. На протяжении долгих лет это место пустовало из-за того, что река изменила свое русло. Но из поколения в поколения переходило пророчество, что Ургенч вновь будет заселен; и в течение последних пяти лет река вернулась на эту сторону и пошла по руслу большого водотока, из которого протягивали каналы для орошения. Естественно, народ начал быстро собираться здесь и в настоящий момент это место населяет около 1000 семей. Помимо этого, дважды в неделю тут устраивается большой базар.[101] Я говорю туркменам, что чем быстрее они покаются в своих грехах и бросят торговлю рабами, тем лучше, ибо очевидно, что пророчество уже приближается. Здесь есть башня, или вернее колонна, высотой около 120 футов, которая раньше была изрядно орнаментирована;[102] здесь так же остались руины четырех усыпальниц, кровли которых ярко декорированы цветными плитками. Тут найдены сокровища и несколько мумий.[103] В общем, это прекрасное поле деятельности для собирателя древностей.

В Айбугир мы прибыли 26-го и стояли там два дня, запаслись водой и сделали все приготовления, необходимые для дальнейшего похода по голой степи, отделяющей нас от Каспия. Горизонт здесь ровный как в море и путь здесь совсем неинтересный и очень утомительный. Колодцы расположены на расстоянии от семнадцати до тридцати миль друг от друга, а вода в них обычно на глубине пяти метров и почти всегда пахнет отвратительно. Эта огромная равнина населена казахами, которые пасут крупные стада на обильных мелкотравчатых пастбищах, переходя от колодца к колодцу. Эти киргизы никогда не обрабатывают землю и большинство из них ни разу не пробовали в своей жизни хлеба. Мужчины и женщины этого племени, которых я видел, очень уродливые, ма-

ленькие и худые, но я уверен, что многие племена киргиз-казахов прославились своим величием и силой. Их еда – только суп и мясо; ни рис, ни хлеб не входят в их рацион. В пищу употребляются различные виды мяса: во-первых, баранина; во-вторых, конина; в-третьих, говядина, в-четвертых, верблюжатина. Считается, что конина очень питательна и до меня доходят слухи, что некоторые из высокопоставленных лиц Хивы едят ее из принципа.

Нияз (мой тучный проводник) – поэт, и по моей просьбе спел мне песню, которую он сам сочинил. Песня начинается громким и долгим завыванием и заканчивается градом разнообразных слов. Кажется, что все, что тут необходимо, это пара хороших легких. Берды перевел мне слова этой песни, из чего я понял, что она адресована какой-то красавице-девице: "Ох-х-х-хо! Я сижу верхом на проворном осле, одетый в бархат и ханкобы[104] и у меня есть восемь золотых монет!" На что девица отвечает: "Ох-х-х-хо! Мне не нужен твой проворный осел, твои бархатные ханкобы, и твои восемь золотых монет. Единственное что мне нужно – это ты!"[105]

У этих казахов нет настоящих коней, но у них есть сотни малорослых лошадок, которые неплохо скачут. Такая иноходь естественна для них и не приобретена тренировкой. Когда жеребенок достигает необходимого возраста, его испытывают, и если необходимые качества выявляются, подрезают уши в качестве знака превосходства над менее способными, которых, я полагаю, просто режут для мяса. Похоже, что эта иноходь у казахов считается совершенством, и "якши йоргюр" (хороший иноходец) – высшая похвала. Женщины верхом объезжают страну так же свободно, как и мужчины, и говорят, что у них даже привилегии есть.

Мой тучный проводник раза два бывал с письмами в Оренбурге. Я попросил его дать мне какую-то характеристику оренбургского губернатора, генерала Перовского, на что он ответил: "Этот человек змеиной наружности, мрачного вида, с желтыми глазами и в мундире, увешанном дукатами". Все собравшиеся качали головами и говорили, что такой человек *должен* быть опасен.[106]

Русские заключенные насчитывали 416 душ, и так как моя группа была большой, руководствуясь здравым смыслом, "They the Tutor", Карлы, Нияз и Берды решили, что половина русских должна отправиться в первый день под руководством Нияза. Карлы и его конные ординарцы будут сопровождать меня во второй день, а Ходжамухамед будет идти сзади с оставшейся половиной. Для надежности я оставил с Ходжамухамедом десять человек Карлы в качестве шпионов. Это распределение оказалось весьма правильным и слава Господу, на оставшемся промежутке этого утомительного пути не было потеряно ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка. И я не знаю ни одного случая, чтобы заключенные страдали от жажды или голода. Даже лошади и верблюды были здоровы. При переходе одного этапа через эту степь все заключенные шли вместе – то было грандиозным зрелищем. Они не владели ни одним из европейских языков, и единственным способом приветствия между нами было "ас-салам аллейкум". Они произносят эту фразу, когда я проезжаю рядом с ними. Это приветствие, которым правоверный мусульманин в жизни не обменяется с неверным, стало единственным приветствием между христианами.

Равнина была настолько открытой, что верблюды сгрудились и шли дальше вместе. Женщины и дети, ехавшие на спинах животных, пели и смеялись, а мужчины стойко шагали рядом – все считали дни, оставшиеся до встречи с их соотечественниками, и все еще не могли поверить в свое спасение после долгой жизни в безнадежном рабстве.

Освобождение этих горемычных до крайности удивило туркмен. Более того, хан отдал приказ запретить, под угрозой смертной казни, захват в плен русских подданных, или покупку уроженцев Герата. Запрет работорговли является новшеством в Туркестане, и я скромно надеюсь, что это может стать зарей новой эры в истории этой нации и что в конечном счете имя Британии будут произносить с благоговением и почтением как имя страны, положившей конец этому бесчеловечному трафику, и за приобщение к цивилизации туркменской расы, которая на протяжении столетий оставалась бичом Центральной Азии.

Когда до Ново-Александровска осталось около восьми переходов, я послал одного из русских узников с казахом оповестить о нашем прибытии, отправив с ними письмо на английском языке для губернатора форта. Их встретили в форте как шпионов, мое письмо не смогли прочитать, а весть об освобождении и приближении стольких земляков была слишком поразительной, чтобы в это поверить! Целую ночь пришлось убеждать русских в форте в достоверности добрых вестей. Приятно было видеть, как кидались пленники к своим землякам, чтобы их приветствовать. Тем вечером мы прошли еще один этап пути, и к следующему утру подошли к форту. Война между туркменами и русскими была до сих пор настолько жестокой, что не было ничего удивительного в том, Карлы напомнил мне о шести милях, оставшихся до форта; он ведь уже выполнил данное ему указание сопровождать меня столь далеко. Погонщики верблюдов тоже начали гром-

ко проявлять свое недовольство, заявляя об опасности слишком близкого приближения к форту. В этой связи возникли кое-какие трудности; хотя у русских пленных не было с собой много имущества, его все же было больше, чем они сами способны были везти. Но если бросить вещи на землю или нагрузить ими полураздетых пленников – это произведет плохой эффект. Но еще была возможность, что русские заключенные (каковых было большинство) сами возьмут верблюдов для себя. Как бы то ни было, я отдал приказ разгружаться и заставил самого Карлы пересчитать верблюдов. После этого я расспросил хозяев верблюдов, получили ли они своих животных в целости и сохранности, и после утвердительного ответа спросил Карлы, подчинялись ли мы приказам хана Хазрата, на что он ответил "Да!". Затем я попросил его отойти в сторону в знак того, что с ним я больше не имею никаких дел, и сказал, что заплачу десять дукатов любому, кто одолжит мне двадцать верблюдов для переноса кое-какого имущества в Ново-Александровск, обещая сохранность и возвращение верблюдов. Двадцать верблюдов вскоре нашлись и с помощью моих собственных мы достаточно хорошо устроились и приняли достойный вид. Мужчины шли в линии с верблюдами, везшими женщин и детей к концу нашего утомительного путешествия; и в таком порядке мы подошли к русской крепости. Почтенный комендант был преисполнен благодарности.[107] Процесс передачи ему ответственности за пленников прошел превосходно: это была сцена, которую я никогда не забуду. Крепость здесь маленькая, но построена в соответствии с научными принципами.[108] Она стоит на краю высокого берега Каспийского моря. Гарнизон не превышает 500 человек, многие из которых страдают золотухой,[109] хотя сменяются дважды в год из России.

В Айбугире мы забрались на утес в 300 футов, который располагает всеми признаками того, что раньше здесь был морской берег. И я склонен думать, что изначально Каспийское и Аральское моря составляли одно целое и что здесь был мыс, выступающий в этот океан, включающий Мангышлак и Айбугир.[110] Сейчас этот утес пересекается рифом в двух местах, он показан на современных картах и обозначен как чинк[111]: через этот самый мыс и пролегал наш путь из Айбугира в Ново-Александровск. Я никак не могу согласиться с утверждением, что раньше река Окс впадала в Каспийское море. Обычно это говорят и в общем верят в это туркмены и казахи; и Берды убеждал меня, что пересек однажды старое русло реки, которое легко прослеживается. Он также упомянул в качестве неоспоримого факта то, что вдоль старого русла все еще можно найти стволы очень больших деревьев. Если всё, что он говорит, правда, то я должен считать вопрос исчерпанным, ибо никакие деревья не растут в этом климате, если только они не находятся у берега реки.[112] Допустим, что это утверждение верно; тогда мыс, о котором я упомянул, повернул бы Окс в Каспий, и устье, закупоренное землетрясением или какой-то другой причиной, направило реку другим уступом мыса в это самое русло близ Айбугира в Арал.

Волк сопровождал нас до Ново-Александровска от самого Герата, куда я отправил его вскоре после моего прибытия в Хиву, и он привез мне английские и индийские письма; он говорил, что во время поездки в него стреляли шесть раз. Он будет очень полезным при сопровождении Мухаммеда Дауда со свитой в Хиву.

Для того, чтобы перевезти нас в Учак,[113] на северном побережье Каспия, было отправлено три судна, а оттуда мы перевалами добирались до Оренбурга. В моем распоряжении восемнадцать верблюдов и двадцать шесть лошадей, которые являются государственным имуществом и необходимо, чтобы ими управлял надежный человек. Их надо вернуть назад в Хиву, так как кормить их здесь невозможно и этот путь нельзя будет преодолеть еще месяца два из-за сильного холода. При таких обстоятельствах я возьму с собой только Фазиль-хана и Ходжа-берды, а всех остальных отправлю обратно в Хиву во главе с Мухаммедом Даудом. На протяжении четырех месяцев я жил только среди магометан и, должен признаться, что начинаю чувствовать какой-то стыд при виде бутылки; я допускаю, что это та черта, которую нам следует у них перенять. Присутствие собак также спорно, хотя одно время я очень любил собачий род. Маленький Берды зашел ко мне в палатку в весьма удрученном духе, в первую ночь нашего приезда, и после долгих бормотаний "Тоба, Тоба!"[114] о, "покаяние, покаяние!", он рассказал мне, что здесь откармливают некоторых *нечистых* животных на убой! "Пах! Там была еще и женщина, – продолжал он, – у нее не закрыты ни голова, ни лицо, ни шея и она не носит штаны". Когда я поинтересовался, достоверен ли *последний* факт, он сказал: "Когда она ходила, я увидел ее колени!"

Эта бесстыжая подошла к нечистому животному и дала ему хлеба! Она похлопала его по голове! Тьфу!! И поласкала его по бокам!! Ляхоле о ля Коуате Истукфарулла! – "Бесчестие и срам! Да хранят нас Небеса!" "Ну, а ты что сделал, Берды?" – "Я всего-навсего сбежал оттуда. До этого я был не против продолжать с тобой путь, но сейчас, ради Бога, я прошу дать мне разрешение уехать!" Было бесполезно убеждать его в том, что нечистое животное является

творением Божьим, и что собачья жизнь не у всех собак, он сам же видел, как ухаживали за этой. "Ради Всевышнего, позволь мне уехать, – это был его единственный ответ, – Они поклоняются изображениям! Я видел, мы все видели!" – "А что, Берды, ты можешь объяснить мне причину, почему вы обращаетесь к Кыбле[115] во время молитвы?" – "Не задавай меня таких вопросов, я видел как они молились на изображения". Итак, он уезжает в Хиву, несомненно, со множеством диковинных историй.

17 сентября. – Этим утром распрощался с Мухаммедом Даудом и основной группой. Что ж, удачи им, они прошли со мной долгие утомительные мили и, *иншалла*, если я получу повышение, они тоже повысятся; не может быть у человека лучших слуг. Единственной трудностью было уговорить их вернуться обратно, потому что ужас моря ожидал их, если их путешествие продолжится со мной; и этот ужас, в их воображении, был совсем не шуточный, не говоря уже об изображениях и нечистых животных! Русские устроили мне пир и пили за здоровье королевы Англии и императора России, а так же провозглашали тосты в мою честь. "They the Tutor" сильно встревожился при звуках орудий и возгласах "ура!", и громко скандалил из-за бутылок.

18 сентября. – Заключенные поднялись на борт и достопочтенный комендант молил Бога беречь нас. Прощаясь, мы трижды приветствовали его. Отплыли на закате, был легкий, но попутный бриз.

19 сентября. – Продвигаемся, но с трудом. Вчера "They the Tutor" чувствовал себя крайне плохо и сегодня не показывался. Мы плывем по гладкой, чистой как кристалл, водной поверхности. Глубина воды не больше восьми футов и можно пересчитывать морские водоросли. На юге весь день виднелась земля. Говорят, что вода в Каспии ежегодно понижается.*

20 сентября. – Земля в этот день показывалась изредка, глубина воды не превышает восемь или десять футов. К полудню море было совершенно спокойным и оставалось таким всю ночь.

21 сентября. – Поднялся сильный бриз и дует прямо нам в лицо. Воспользовавшись небольшим изменением направления ветра, мы сумели выйти в открытое море миль на двенадцать. Здесь ветер пошел против нас и начал как ракушку трясти и бросать во все стороны наше маленькое суденышко; пришлось простоять на якоре двадцать четыре часа.

Поздно вечером 22-го мы почувствовали дуновение, переросшее в благоприятный ветер, который утром 23-го величаво привел нас на якорную стоянку Учака, как его называют туркмены и казахи, или Гурьева по-русски; как видно, тут есть все условия для лихорадки и малярии. Судна окружены высокой травой, которая закрывает их борта, везде черная и клейкая грязь. Местность эта расположена в одном из устьев реки Урал.

Теперь мы ждем, пока люди приведут для нас экипажи из окрестностей. "They the Tutor", как и у все, не считая старых моряков, испытывает сильную тошноту. Он сказал, что путешествие на спине верблюда в корзине было отвратительным, но качка в этом судне, это нечто такое, чего он никогда не мог даже представить; еще два дня, – уверял он, и это убило бы его. Долго и громко он восклицал: "Шюкр Алхум-дуллиллах!" – Слава Всемогущему Господу!

Вечером 24-го прибыли пять или шесть экипажей и телег, чтобы перевезти нас в Гурьев. "They the Tutor", немецкий натуралист,[116] русский доктор и я тронулись в своего рода фаэтоне, запряженном тройкой ослов. Мы ехали как сумасшедшие. "They" ужасно возмущался, и я временами серьезно побаиваюсь, что всех этих трясок и новшеств он может не выдержать.

Это место, Гурьев, главным образом является рыбацкой деревней; дома здесь обшиты досками, уютные и чистые. Каспийское море отошло от этих мест всего несколько лет назад. Улов тут хороший, что поощряет весьма большую торговлю с Астраханью.

1 октября. – Прибыли в Оренбург после утомительного и изнурительного путешествия на почтовых двуколках. По пути видел деревню из *коробок* (так как домами такие жилища не назовешь), и маленькие полевые укрепления на каждой станции, но единственным пунктом хоть какой-то важности был Уральск – большой город с несколькими хорошими домами. Это штаб-квартира гетмана уральских казаков, очень приятного, изысканного джентльмена. Приготовления, связанные с почтовыми лошадьми, замечательны и быстры, но ох уж эти двуколки, они ужасны. Я много путешествовал, в том числе и в диких странах, но не испытывал столько боли, сколько выпало на мою долю в этой поездке. Путь от Гурьева до Оренбурга занят уральскими казаками, которые являются самыми стойкими солдатами в русских рядах. У них очень много привилегий относительно рыболовства на реке. Рыба ловится в огромных количествах и служит важной статьей торговли.

* Любопытный факт, связанный с этим морем, отмечен в ходе прошлых русских обследований; оказывается, Аральское море на 104 фута, а Черное море – на 116 футов выше Каспия и, таким образом, Аральское и Черное моря находятся приблизительно на одном уровне друг с другом, а Каспийское между ними ниже почти на 100 футов.

По прибытии в Оренбург я распростился со своей долго лелеемой бородой, и надел на себя тесные европейские одежды. В этом городе я нашел весьма приятное общество. Здесь есть внушительная фортификация и огромная сила. Базар здесь представляет собой очень оживленную сцену, где можно увидеть представителей со всех частей Азии, глазеющих на чудеса европейского мастерства и науки. Подданных Хивы, которые находились в заключении в течение долгого времени, выпустили на свободу после моего приезда и им разрешили вернуться на родину со своим имуществом. Общее число хивинских подданных в Оренбурге, Уральске и Астрахани, которые, таким образом, обязаны своей свободой британскому посредничеству, насчитывает 640 человек, плюс 416 русских, которых я привел с собой, более чем достаточно в нашу пользу, не говоря уже о тех, которых, будем надеяться, спасут от рабства указы, запрещающие работорговлю.

Из Оренбурга я направился в Москву, через Симбирск. В Москве я взял место в дилижансе и прибыл в Петербург 3 ноября, где был удостоен чести получить благодарность императора за доброе дело, которое я сумел совершить в отношении его подданных. Этот город, и дорога, ведущая сюда из Оренбурга, были уже описаны гораздо более способными, чем я, людьми; и после того, как я ввел моего измученного читателя в цивилизованный край, я хочу откланяться и пожелать ему, когда в следующий раз он отправится куда-нибудь, приятного путешествия с более занятным компаньоном.

КОММЕНТАРИИ

[1] Падение афганской крепости Газни 23 июля 1939 г. открыло англичанам путь на Кабул и стало переломным событием в ходе Первой англо-афганской войны.

[2] В момент отправки Шекспира в Хиву армия Перовского уже потерпела полную катастрофу в казахской степи вследствие недостатка продовольствия и суровой зимы. Потеряв сотни солдат, замерзших в пути, военная экспедиция даже не смогла добраться до противника, и Перовский с остатками армии двигался обратно в Оренбург.

[3] Эта редакционная преамбула явно написана без участия самого Шекспира, так как содержит фактические неточности: вопрос об отводе русской армии во время его пребывания в Хиве уже не стоял, речь шла только об освобождении русских невольников, но и этот вопрос Шекспир не имел никакой возможности обсуждать с русскими и, соответственно, ничего не мог им гарантировать: он поставил их перед фактом, доставив всех томившихся в рабстве россиян в Россию.

[4] Как пишет сам Шекспир, британскому посредничеству обязаны свободой 640 человек, из которых 416 русских. Последняя цифра точно соответствует той, которую приводит И.Н.Захарьин (Якунин) – см. вводную статью.

[5] Осенью 1841 г. в связи с сокращением численности английских оккупационных войск в Афганистане бригада генерала Сэля возвращалась в Индию и должна была пройти через перевал Хайбер на пути из Кабула в Пешавар. Однако в связи с активизацией афганских повстанцев ему было поручено подавить их сопротивление, но в пути английскую бригаду атаковали афганцы. Понеся большие потери личного состава, Сэль спасся бегством, укрывшись за крепостными стенами Джалалабада, находившегося в руках англичан. Там он с остатками своей бригады и отсиживался до конца войны. В начале апреля 1842 г. Р.Шекспир двинулся на выручку Сэлю с частями генерала Джорджа Поллока. Договорившись с вождями афганских племен в Хайберском ущелье, англичане, почти не встретив сопротивления, форсировали Хайберский проход и 17 апреля подошли к Джалалабаду (См. *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана, т.II. М., 1965, с.215; *Хопкирк П.* Большая игра против России: азиатский синдром. М., 2004, с.330-336).

[6] Макнагтен, сэр Уильям Хэй (1793-1841) – британский интервент. С 1809 г. в Индии, где служил как чиновник и дипломат в Мадрасе и Калькутте, став знатоком индусского и мусульманского права, а также экспертом по восточным языкам. Состоял советником генерал-губернатора Индии лорда Окленда. Был инициатором вторжения войск Ост-Индской компании в Афганистан, возглавлял англо-индийскую политическую миссию в Кабуле во время Первой Англо-афганской войны (1839-42). Получил титул баронета в 1840 г. Убит во время переговоров с лидерами антианглийского сопротивления (См.: *Массон В.М., Ромодин В.А.* Указ. соч., с.210-212).

[7] Ярмухаммед-хан Алькозай (умер в 1851, по др. данным – в 1853) – афганский политик. Занимал пост визиря при правителе Герата Камран-мирзе (1829-1942), фактически управляя при нем городом и всей провинцией. В 1841 г., после разгрома английских войск в Кабуле, удалил из Герата миссию майора Тодда, в 1844 г. убил Камран-мирзу и, захватив власть, правил в Герате до самой смерти, проводя самостоятельную политику и не признавая власти ни Тегерана, ни Кабула.

[8] Здесь и далее этим прозвищем Шекспир называет хивинского хана Аллакули (умер в 1842), правившего с 1825 г.

[9] Имеется ввиду Ярмухаммед-хан.

[10] Стоддарт, Чарльз (1806-1842) – полковник британской армии, выполнял различные военно-политические поручения Ост-Индской компании на Среднем Востоке. Казнен в Бухаре вместе с Артуром Конолли.

[11] Кази (араб. *кади*) – судья в мусульманской общине. Мулла – духовное лицо, обычно настоятель мечети, а в центральноазиатской народной среде XIX в. – просто грамотный человек, выступающий и в роли сельского учителя, и в роли судьи, опирающегося на шариат – комплекс исламских юридических норм.

[12] Марк Юний Брут (85-42 до н.э.) – глава заговора против римского диктатора Цезаря. По преданию, одним из первых нанес ему удар кинжалом.

[13] Кипчаки – один из древнейших тюркоязычных этносов неогузского происхождения, в XI-XII вв. участвовавший в формировании туркменской народности. О средневековых кыпчаках см.: *Гундогдыев О.* Кыпчаки // Историко-культурное наследие Туркменистана. Istanbul, 2000, с.186-188. Этноним «гыпчак» сохранился в качестве названия рода у туркмен-алили, а также как субэтническая группа в составе таймени – народа группы чараймаков, проживающих вдоль афгано-иранской границы, в верховье реки Фаррахруд и в долине реки Герируд. Примерно с XVII в. именно эти кипчаки расселились в районе Герата.

[14] 1 английская миля = 1,6 км.

[15] Дукат (итал. *ducato*) – самая высокопробная монета (3,4-3,5 г. чистого золота), широко распространенная по всей Западной Европе на протяжении нескольких веков вплоть до Первой мировой войны.

[16] Куш (перс. “парный, двойной”) – один из двух ручьев, стекающих к реке Герируд (около 30 км к северо-западу от Герата).

[17] Речь идет о караван-сарае Куш-рабат, расположенном на старой караванной дороге из Герата в Мерв, в 40 км севернее Герата. О нем см.: *Pougatchenkova G.A.* A L'etude des monuments Timourides d'Afghanistan //

Afghanistan, vol.XXIII, No 3, 1970, p.45-49; *O'Kane, B.* Timurid Architecture in Khurasan. Costa Mesa, 1987, p.359-361. Согласно народным представлениям, он был возведен Алишером Навои. Конструктивные особенности этого памятника действительно дают основания отнести его ко второй половине XV в. (*Пугаченкова Г.А.* Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976, с.49). Лиза Голомбек уточнила датировку, основываясь на вакфной надписи в Гузаргахе (пригород Герата), датированной 1500 годом. В ней сказано, что вакф (имущество и земли, переданные в пользу мусульманского учреждения) сделал главный эмир Шуджа ад-Дин Мухаммед, владелец особого заведения, в котором содержались ловчие птицы (имарат-и кушхана); отсюда и название этого рабата. В надписи перечисляются составлявшие дар сооружения: "Чарбаг (парк) и тахуна (мельница) около чарбага, один большой особняк (сара), один караван-сарай и торговые ряды (тим) в Меручаке, один дукан (магазин) близ рабата, ферма у Новой реки и другая ферма в упомянутом Куш-рабате." Л.Голомбек полагает, что караван-сарай мог быть сооружен при жизни Шуджи ад-Дина Мухаммеда. Он являлся главой (беком) племени барлас, из которого происходил султан Хусейн Байкара, и был достаточно влиятелен, чтобы возвести такое здание как Куш-рабат после своего переезда в Хорасан из Мавераннахра в 1472-73 г. (*Golombek, L.* The Timurid Shrine at Gazur Gah. Toronto, 1969, pp.72, 74, 88, 99). По стилистическим же признакам трудно сузить возраст объекта рамками последней четверти XV в., хотя он и родствен духу построек конца этого периода, таких как портал знаменитой пятничной мечети Герата.

[18] Кала-и-Джуппат – руины крепости в 73 км севернее Герата, близ совр. афганского селения Кушк (Кёшк), название которого на фарси означающее "дворец", "замок", "чертог" дало имя и протекающей здесь реке.

[19] Бадгиз (Бадхыз) – обширная горно-степная область между Мургабом и Герирудом (Тедженом), известная своими фисташковыми рощами и альпийскими лугами. Южная часть Бадгиза находится в Афганистане, северная – в Туркменистане.

[20] Хайл – кочевой лагерь, стоянка (перс.).

[21] Кафилах – караван, группа путешественников на верблюдах (перс.).

[22] Джемшиды (джамшеди) – малочисленная ираноязычная этническая группа, проживавшая в области Бадгиз, основная масса расселена в Афганистане между реками Герируд и Мургаб. Подробно о них см.: Ислам на территории бывшей Российской империи, вып.2. СПб., 1999, с.34-35.

[23] Река Кушк стекает с Паропамиза и впадает в Мургаб ниже Тахта-Базара.

[24] Пахта – отход маслоделия, кисломолочный прохладительный напиток. В местном наречии это *айран*.

[25] Хиргах – юрта, шатер, палатка (перс.).

[26] Иранский шах Мухаммед осаждал Герат с осени 1837 до конца лета 1838 г.

[27] В действительности в это время Эбботт, получивший увечья во время набега по пути из Хивы, оправлялся от ран в доме коменданта Ново-Александровского укрепления.

[28] Имеется ввиду Брут (Мухаммед Хасан).

[29] Хазарейцы (хазара) – малочисленная этническая группа, проживавшая на юго-востоке Туркменистана и говорившая на языке, близком к гератскому диалекту фарси. В 30-е гг. XX в. откочевала в Афганистан, оставшиеся семьи растворились среди белуджей. Подробно о них см.: Ислам на территории бывшей Российской империи, вып.2, с.93-94.

[30] Автор передает искаженное название. Речь идет о Сандыкачи – поселке в Иолотанском этрапе современного Туркменистана. Упоминается в хрониках хивинского историка середины XIX в. в форме Сандыкгачан (досл.: "упавший сундук"). См.: МИТТ, II, с.471. Кроме приведенного Шекспиром есть и другие толкования этого топонима. См.: *Атаниязов С.* Толковый словарь географических названий Туркменистана. А., 1980, с.246 (на туркм. яз.).

[31] На Мургабе в XVIII-XIX вв. функционировали две крупные плотины – Бенд-и Султан и Бенд-и Джаналы, однако к 1840 г. обе они были разрушены. Приводимое Шекспиром название Бенд-и Йолотан в специальной литературе, где рассматриваются ирригационные сооружения в Южной Туркмении, не встречается.

[32] Йолотан (на русских картах – Иолотань) – районный центр Марыйского велаята в соврем. Туркменистане. В первой половине XIX в. представлял собой глинобитную крепость туркмен-салыров, а затем сарыков. Объединившись с текинцами, в конце 1849 г. у стен этой крепости они дали бой отрядам хивинского хана.

[33] Йолотанский владетель Мухаммед Эмин-бек был ставленником Хивы.

[34] Мерв в этот период только начинал обживаться на новом месте, куда он был перенесен в 1824 г.

[35] Имеется ввиду Ниязмухаммед-бай (Нияз-бай), туркменский вождь из племени йомуд, правитель Мерва с 1833 г. (ставленник Аллакули-хана). Основанная им на берегу Мургаба большая крепость находилась на месте современного города Мары (подробно об этой крепости см.: *Лессар П.М.* Юго-Западная Туркмения (Земли сарыков и салоров). СПб., 1885, с.46). Ниязмухаммед-бай был убит в 1843 г. местными туркменами, поднявшими мятеж против Хивы и вставшими на сторону бухарского эмира Насруллы.

[36] Это одно из самых ранних описаний туркменской юрты (*ой*). Подробно о её устройстве см.: *Васильева Г.П.* Типы переносного жилища туркмен // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000, с.107-122.

[37] Халифа – это Абд-ур-Рахман-халифе (Абдурахман-ишан, Абдурахман-хан) – крупный религиозный деятель и предводитель туркменских племен сарык и теке с 20-х до 50-х гг. XIX в. Хивинский историк Агахи в своем сочинении "Рияз-уд-довле" называет его "заместителем и наместником его святейшества шейх-ул-ислама (главы мусульманского духовенства), отшельником и молитвенником, занимавшимся в Мервской области наставлением мюридов", а также дервишем (МИТТ, т.II, с.442-443). В то же время на протяжении десятилетий он был один из главных руководителей многолетней борьбы туркмен с властителями Хивы и Бухары. После убийства Ниязмухаммед-бая стал фактическим правителем Мерва. Его дипломатия способствовала урегулированию отношений марыйских туркмен с Ираном. Пользовался большим уважением со стороны хивинских ханов, эмиров Бухары, Коканда и даже китайского Яркенда, посылавших ему подарки (Жуковский, с.100). Это во многом обусловлено тем, что Абдурахман-хан брал под свое покровительство проходящие через Мерв караваны. Он оказывал дружелюбный прием путешественникам, что, кроме Шекспира, подтверждает Аббот, а также миссионер Джозеф Вулф (Dr. *Wolff*'s Sendung nach Bokhara. Aus dem engl. Bd.1, s.251-252).

[38] Rara avis (лат.) – досл.: "редкая птица", т.е. редко встречающийся человек.

[39] Салыр – крупное огузо-туркменское племя, известное с XI-XII вв. Жили в Прикаспии, Хивинском ханстве, по среднему течению Амударьи, в Мургабском оазисе и Серахсе – последнем месте их окончательного оседания в 1884 г. Другое крупное племя – сарык – также было расселено на Мангышлаке, в Хиве, вдоль Амударьи и в дельте Мургаба. Первые сведения о сарыках относятся к XIV в. Оба племени вместе с другими в XVII-XIX вв. образовывали салырский племенной союз. См.: *Джикиев А.* Очерки происхождения и формирования туркменского народа в эпоху средневековья. Ашхабад, 1991, с.237-276.

[40] Гургандж – старое, домонгольское название Куня-Ургенча.

[41] Рах-и-тахт (перс.) – дословно: "ровная дорога". Рах-и-чашма – "дорога с родниками". Эти маршруты через Каракумы нигде более не зафиксированы; безводным автор называет путь, само название которого содержит слово "родник" – так как никаких родников в пустыне нет (есть только колодцы) этот микротопоним, вероятно, был ироническим.

[42] 1 ярд в английской системе мер равен 3 футам, или 99,44 см.

[43] Тилля (перс.) – золото; здесь – название золотой монеты.

[44] Иншалла (арабо-перс.) – если будет угодно Аллаху.

[45] Робинзон Крузо – герой самого знаменитого романа английского писателя Д.Дефо.

[46] Окс (Oxus) – название Амударьи в древнегреч., лат. и средневековых западноевропейских источниках, распространенное также в Европе XIX в.

[47] Тахт (перс.: трон, престол, ровный, плоский) – местность на окраине "Семи песков Хорезма" – части Каракумов, которая простиралась от области Мерва до берегов Амударьи – именно по этой территории пролегал самый сложный участок маршрута группы Шекспира. Агехи в своей хронике "Рияз-уд-довле" об этом пишет следующее: "Тахтом называют три-четыре высоких красных холма, которые находятся среди "Семи песков Хорезма". Несмотря на высоту, если выкопать ямы в аршин глубиною, из-под каждого бугра появляется вода, вполне пригодная для питья. Говорят, что эти удивительные и чудесные свойства местности объясняются тем, что однажды через эти пески проходил с бесчисленным войском пророк Сулейман, расположил здесь свой лагерь, поставил шатер и трон и совершил здесь намаз, обилие воды здесь объясняется благодатью его благословенной стопы." (МИТТ II, с.436).

[48] Автор иронизирует, зная лишь библейского Соломона – царя Израиля, наделенного величайшей мудростью, явно не ведая, что у мусульман он был знаменит прежде всего как великий маг, волшебник, одаренный Аллахом многими чудесными свойствами – более чем кто-либо из пророков. (См.: *Пиотровский М.Б.* Кораническое сказания. М., 1991, с.142-147). В данном случае пребывание Сулеймана прямо связано с особенностями этой местности, отмеченными Агехи.

[49] Руппа-кала – искаженное Турпак-кала. Это руины некогда укрепленного средневекового пункта в засоленной местности среди совр. полей в районе Кабаклинского тугая близ берега Амударьи, на полпути между совр. городом Сеиди и караван-сараем Даяхатын. Турпак-кала впервые обследована в 1939 г. отрядом С.А.Ершова (ХАЭЭ). М.Е.Массон отождествил это укрепление с караванной станцией Сайфана, упомянутой у ал-Истахри (конец IX-начало X в.). См.: *Массон М.Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр. (Труды ЮТАКЭ, т.XIII) А., 1966, с.195-196.

[50] Искаженное автором Кош-кала. Находится в 6 км от Турпак-кала, что точно соответствует указанному Шекспиром расстоянию (4 мили). Кош-кала означает две противоположные крепости. Действительно, в 1 км южнее первой находится вторая, однако, по замечанию М.Е.-Массона, они отнюдь не представляют собой заранее запланированного одновременно созданного ансамбля "кош", т.к. южная старше северной примерно на тысячу лет и датируется кушанским временем. Подробно об этом см.: *Массон М.Е.* Указ. соч., с.196-198.

[51] Суета сует (лат. vanitas vanitatum) – фраза из Библии (Экклезиаст, 1:2).

[52] Речь идет об известном караван-сарае Дая-хатын, одном из лучших произведений сельджукской архитектуры XI-XII вв., построенном внутри раннего арабского укрепления, известного как рибат Тахирия. Этот памятник подробно описан в ряде источников. См., например: *Прибыткова А.М.* Караван-сарай Дая-хатын // АН, вып.3. М., 1953, с.92-106.

[53] Имеется ввиду средневековый Дарган. Об этом месте см.: *Пугаченкова Г.А.* Новые материалы к истории архитектуры Туркменистана // Труды ЮТАКЭ, т.VIII. А., 1958, с.283, сл.; *Массон М.Е.* Указ. соч., с.217-232. Что касается упомянутой могилы, то речь здесь, безусловно, идет о мавзолее Дарган-ата, т.к. никаких других посещаемых паломниками святых мест в этом районе больше нет. Р.Шекспир с некоторым искажением указывает на местную легенду, согласно которой здесь похоронен Хазрет-Хызр (туркм. Хыдыр-ата) – покровитель заблудившихся в пустыне (см.: Историко-культурное наследие Туркменистана. Энциклопедический словарь, с.351-352), чей культ почти полностью вытеснил культ Мизраб-шаха – легендарного правителя Даргана, который считался сподвижником Абу Муслима, поднявшего в VIII в. в Мерве восстание против Омейядов в пользу Аббасидов. Имя "Мирзаб" содержит и резная надпись на деревянной двери XIV в. – по мнению М.Е.Массона, это самый старый памятник художественной резьбы во всей Средней Азии. Так как в мазаре пять намогильников, считалось, что в них погребены следущие лица: Дарганата. То есть Хыдыр, несмотря на то, что по легенде, отведав живой воды, он стал бессмертным; его мать Нур-Эльты, Мизраб-шах и Уста Хурдек, якобы изготовлявший топоры для сторонников Абу Муслима. Претендентов на пятую могилу несколько. М.Е.Массон – единственный исследователь, записавший со слов престарелых информаторов не только местный вариант легенды о Хызре, который до начала XX в. признавался покровителем Даргана, но и нигде более не встреченную легенду о его матери Нур-Эльты, или Нури-Момо, якобы жившую здесь еще в доисламские времена. К ней из пустыни каждый вечер приходили самки сайгаков и давали ей доить себя. Там, где она однажды пролила молоко, до сих исходит молочный запах. См.: *Массон М.Е.* Указ. соч., с.217-232.

[54] Весьма ценное замечание Р.Шекспира, никем из этнографов впоследствии не зафиксированное.

[55] Питняк был первым крупным селением Хорезма на пути с юга, началом его культурной полосы, а первым городом на подходе к Хиве – Хазарасп (*Бартольд В.В.* Соч., т.III, с.179). В советское время был переименован в поселок Дружба.

[56] С персидским названием Хазараспа связаны многочисленные легенды. По одной из них, город был построен хазратом Сулейманом на месте пяти источников, куда прилетали крылатые кони. Сулейман хитростью, с помощью дэва Саманадуна, приручил их, а дэву приказал построить город. Подробно см.: *Снесарев Г.П.* Под небом Хорезма. М., 1973, с.28.

[57] Инак – один из высших чинов в хивинской придворной иерархии, соответсвует бухарскому *аталыку*.

[58] Автор употребляет слово *пони*, но речь идет, конечно, об ослах. Интересно, что весь этот пассаж о плодородных землях дельты Мургаба процитировал в своих мемуарах, написанных в 1842 г., бывший чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Иране граф Иван Симонич (1794-1851), ранее побывавший у туркмен в долинах Горгана и Этрека. Он был поражен изобилием этого района и богатством его жителей. Симонич ознакомился с дневником Шекспира в «Revue Britannigue» и нашел в нем подтверждение своих предположений о процветании туркмен-теке и сарыков, проживавших в Ахале и Мерве, куда ему самому попасть не удалось. См.: *Симонич И.О.* Воспоминания полномочного министра. Пер. с фр. М., 1968, с.111.

[59] Рахманкули-торе, младший брат Аллакули-хана, с 1830 г. носил звание *инак* после победоносного похода на Хорасан. В отсутствие брата, часто уходившего в завоевательные походы, замещал его в Хиве. В 1826-1841 гг. управлял велаятом (областью) Хазарасп. Здесь был его дворец и медресе, "украшенное в нескольких местах изразцами" (*Данилевский Г.И.* Описание Хивинского ханства // ЗИРГО, кн.V. СПб., 1851, с.111).

[60] Автор говорит об Ичан-кале, так как наружная стена Дишан-калы (внешнего города) протяженностью более 6 км и высотой 7 м была выстроена только через 2 года после визита Шекспира, в 1842 г. Оборонительные стены Ичан-калы, разрушенные в 1740 г. Надир-шахом, были восстановлены в конце XVIII в. Они являются редким сохранившимся образцом средневековой хорезмской фортификации и достаточно хорошо изучены. См., например: *Гулямов Я.Г.* Памятники города Хивы. Труды УзФАН, серия 1, история, археология, вып.3. Ташкент, 1941, с.7-11; *Маньковская Л.Ю.* Хива. Ташкент, 1982, с.30.

[61] Веллингтоны – сапоги, входившие в обмундирование английских офицеров. Название идет от фамилии знаменитого полководца и государственного деятеля Великобритании А.Веллингтона, который в 1827-52 гг. был главнокомандующим английской армией.

[62] Аллакули-хан принял Шекспира в своей загородной летней резиденции – дворцовом ансамбле Рафанек,

возведенном в первой половине XIX в. и располагавшемся в западной части хивинской Дишан-калы (внешнего города), по арыку Сирчали. Теперь можно видеть только фрагменты его пахсовых стен, но сохранилось следующее описание: "Сад Рафанек состоит из нескольких отдельных дворов с высокими глинобитными стенами, приемной, двора отдыха, гарема и прочих служб, расположенных среди садовых насаждений. В садах были собраны всевозможные сорта винограда, яблок, груш, слив, инжира, гранатов, персиков и пр. Сад делился на мужскую и женскую половины, причем как в той, так и в другой были хаузы, на берегах которых располагались беседки и террасы-айваны. Берега хаузов, дворы, края сада и вся дорога до него из города Хивы были обсажены тенистыми гуджумами (вязами шаровидной формы)". См.: *Гулямов Я.Г.* Указ. соч., с.37.

[63] Ново-Александровск – см. ссылку 108.

[64] Акр – примерно 0,4 га.

[65] Указанное расстояние составляет примерно 2,8 км.

[66] Указана высота в холке. Соответствует 150 см.

[67] Денежная единица Ост-Индской компании.

[68] Предшественник Шекспира Александр Бёрнс также посвятил целую главу (IX) туркменским лошадям, однако он восторженно оценивал их породные качества, хотя и отмечал при этом, что так как каждый мужчина имеет свою лошадь, далеко не все они одинаково хороши: "Самые лучшие из них продаются редко, ибо их владельцы питают к ним столько же привязанности, сколько и к своим детям" (*Борнс А.* Путешествие в Бухару. Перс. с англ. М., 1849, с.382).

[69] Джеймс Скиннер (1778-1841) – один из самых известных англо-индусов. Сын шотландца – офицера Ост-Индской компании и индийской принцессы из древней раджпутской династии. Родился в Индии, в 18-летнем возрасте записался в наёмную индийскую армию Союза маратхских княжеств, где рано проявились его военные таланты. Служил под командованием французского офицера П.Перрона до 1803 г., когда во время второй Англо-маратхской войны отказался воевать против своих соотечественников и присоединился к войскам Ост-Индской компании. Он сформировал собственный наемный полк иррегулярной кавалерии, названный "Скиннеровской конницей" или "Желтыми мальчиками" по цвету их мундиров. Это был самый знаменитый полк легкой кавалерии в Индии начала XIX в. В награду за его услуги маратхские князья и Великие моголы пожаловали ему огромные состояния. Став крупным землевладельцем и одним из богатейших людей Индии, Дж.Скиннер, будучи христианином, содержал целый гарем индийских и мусульманских жен, а на его средства были построены мечеть и церковь в Дели, где впоследствии он и был погребен. Скиннер считался глубоким знатоком Индии, характера индийцев и его советы высоко ценили сменявшие друг друга генерал-губернаторы и главнокомандующие колониальной армии. См. о нем: *Holman D.* Sikander Sahib; the life of Colonel James Skinner. London, 1961.

[70] Рустам – герой иранского эпоса, богатырь. Один из персонажей "Шахнаме" Фирдоуси, где он выступает как главная опора персидских шахов в борьбе против туранцев, возглавляемых Афрасиабом.

[71] Джугара была не единственным, но очень удобным кормом: «Хивинцы и туркмены, отправляющиеся на разбой в Персию, обыкновенно ездят 8 дней кряду по 120 верст в сутки по безводным степям; лошади их бывают по 4 дня без воды, и... другой пищи не имеют, кроме 5-6 пригоршней джугары, которого запас на себе везут для всей дороги» (*Муравьев Н.Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1818-1820 гг. М., 1822, с.84, 117).

[72] Имеется ввиду правительство Хивы.

[73] Идиоматическое выражение. На фарси "падар-сохтэ" ("сгоревший отец") – грубое ругательство, аналог русского "сукин сын".

[74] Проходя (фр.).

[75] Идиоматическое выражение "вернемся к нашим баранам" (фр.).

[76] Боланский проход – южный двойник Хайберского ущелья, пятидесятимильный перевал между Афганистаном и Британской Индией, на пути из Кандагара в окрестностях Кветты.

[77] Кохистан – провинция между реками Гилгит и Сват в высокогорье на севере Пакистана.

[78] Секстант – угломерный зеркально-отражательный инструмент для измерения высот небесных светил над горизонтом или углов между видимыми предметами (на берегу) с целью определения координат места наблюдателя. Впервые был сконструирован англичанином Дж.Хэдли в 1730-31 гг.

[79] "Воздели руки" – жест благодарности, предписанный местным этикетом, когда по окончании трапезы произносится короткая молитва *товир* – чтение наизусть какого-либо стиха Корана, а также благопожелания дому и его хозяину, очагу, духам предков кормильца и т.д.

[80] Торговый пассаж (*тим*) Аллакули-хана построенный в 1832-33 гг., возведен в едином комплексе с караван-сараем, расположенном с севера от него, а с южной стороны к тиму примыкает медресе Аллакули-хана и ворота Палван-дарваза. Весь этот ансамбль сооружен на месте снесенного участка в середине восточной стены Ичан-калы и выдвинут за пределы плотно застроенного "внутреннего города".

[81] В Хиве при Аллакули велось интенсивное строительство, начатое еще при его отце и функционировало 17 медресе, носящих имена их патронов: Араб-Мухаммед (1616, перестроено в 1838), Ходжамберды-бий Хурджум (1688, перестроено в 1834), Ширгази-хан (1718-20), Мухаммед Амин-инак (1785), Ишмурад-бий, Палван-баба (оба – 1810), Каракуз (1828), Кутлуг-Мурад-инак (1804-1812), Алакакули-хан (1834-1835), Шаман-имарат (1836), Арабхан-Сакар (1838), Ходжа-Мухаррам (1839), Гедай-Нияз Ясаул-баши, Якуб-мехтер (оба - 1840), Муса-Тура (1841), Саидбай, Мирза-таджик (оба – 1842). Возведение медресе считалось богоугодным делом: на это выделяли большие средства ханы, высокопоставленные придворные, купцы и крупные землевладельцы. Но оно преследовало и практические цели – подготовку образованного духовенства и чиновников, а также людей, искушенных в законоведении, владеющих литературным слогом и каллиграфией. Фасады хивинских медресе насыщает богатый декор, состоящий в основном из майоликовых плиток – синего, голубого, белого цвета; тимпаны и колонки портальных ниш украшены облицовками с пышной растительной орнаментацией. (*Пугаченкова Г.А.* Термез. Шахрисябз. Хива. М., 1976, с.145, 148). См. также: *Воронина В.Л.* Архитектура Хивинского ханства // ВИА, т.8. М., 1969, с.341-343.

[82] Большинство хивинских построек расположено на сухом высоком месте и грунтовые воды не являются помехой для фундаментов глубиной 1,5 м., однако чаще всего заложение фундаментов было незначительным и поэтому многие здания подверглись деформациям. Об изучении оснований медресе Аллакули-хана и анализ повреждений его цокольной части см.: *Ноткин И.И.* Строительные приемы и конструкции в архитектуре Хивы // Искусство зодчих Узбекистана, вып. III. Ташкент, 1965, с.96-101.

[83] Это описание не городских садов Хивы, а пригородных усадеб *ховлы* – любопытного в архитектурном отношении типа жилья, сохранившего почти нетронутые черты раннего средневековья. Их стены из *пахсы* (битой глины). От ворот, расположенных по оси прямоугольного плана ховлы, внутрь усадьбы идет крытый проход (*долон*), слева и справа от него – жилые и хозяйственные помещения. Окружающая двор стена снабжена по углам круглыми декоративными башенками-контрфорсами, которые фланкируют также массивные ворота (*Воронина В.Л.* Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951, с.27-28, 47).

[84] Переносчиками этого вируса служат малярийные комары, которые выплаживаются главным образом в неглубоких стоячих водоемах. Рисовые поля, постоянно заливаемые водой – идеальная среда для их концентрации.

[85] Характеристику Аллакули-хана см. также в "Описании Хивинского ханства" Г.И.Данилевского (ЗИРГО, кн.V. СПб., 1851, с.62-139) и у его спутника по экспедиции Ф.И.Базинера (*Basiner Th.* Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. SPb.,1848, XV, S.379) – они были последними путешественниками, кто

видел хана в живых – он скончался во время их пребывания в Хиве.

[86] Волго-балтийский водный путь (бывш. Тихвинская и Мариинская водные системы) создававшийся с 1709 г. в связи с возрастанием роли Петербурга, был выдающимся гидротехническим сооружением своего времени.

[87] Уильям Каупер (1731-1800) – популярный английский поэт XVIII в.

[88] Под столицей Туркестана подразумевается Хива.

[89] "Книга" в данном контексте синоним Корана.

[90] Феринги стан – обобщенное название Западной Европы в тюркской среде. Феринги – искаженное "франки" – европейцы.

[91] Т.е. православные.

[92] Самсон-хан (1776-1849), наст. имя: Самсон Яковлевич Макинцев – вахмистр Нижегородского драгунского полка, в 1802 г. бежавший в Персию и принявший там ислам. Поступив на шахскую службу, был зачислен наибом (поручиком) в одну из рот Эриванского пехотного полка, стал набирать беглых русских солдат, а также местных армян и несториан, за что последовательно повышался в чине. В качестве командиров привлекал к службе русских офицеров из закавказских дворян. Став полковником, возглавил гвардейский полк наследного принца Аббас-мирзы, целиком состоящий из русских военных. В 1820-21 гг. участвовал в войне Персии с Турцией и содействовал победе персов при Топрак-кале; во время войны России с Персией отказался сражаться против русских; позже усмирил восстание в Хорасане. Самсон-хан остался в истории Ирана как один из самых знаменитых персидских военачальников XIX в.

[93] Газиабад (Газават, Хазават) – крепость на полпути между Хивой и Дашховузом.

[94] Дашхоуз (Ташауз, на совр. картах Туркменистана – Дашогуз), местность в Хорезме, впервые упоминаемая в хивинских хрониках с начала XIX в. Крепость была построена в 1834 г. и в ней имелось до 300 туркменских дворов. Там же находилась одна из резиденций и летний сад хивинских ханов, откуда постоянно организовывались картаельные походы против йомудов, човдуров и др. В дальнейшем здесь, вдоль берегов канала Шахабат (Шават) вырос город, в XX в. ставший административным центром Ташаузской обл., а ныне – Дашогузского велаята.

[95] Карлы-юзбаши (годы жизни неизв.) – хивинский военачальник, один из приближенных Аллакули-хана, в разные годы по его приказу во главе гёкленов в Каррыкала и в составе объединенной хивинской армии руководил военными операциями против персидских войск (кызылбашей). Во время мятежа сарыков и салыров в Мерве весной 1843 г., когда был убит Ниязмухаммед-бай (см. ссылку 35), находившийся там Карлы-юзбаши был схвачен, закован в цепи и отправлен в Бухару к эмиру Насрулле. Последние упоминания о нем в письменных источниках относятся к середине 50-х гг., когда в разгар гражданских войн в Хиве он возглавлял посольства к туркменским племенам. Тогда же стал известен своей доблестью его сын Достнияз-мехрем (МИТТ II, с.553, 566, 568, 571).

[96] О нападении хивинского отряда на русскую крепость и участии в нем Карлы-юзбаши пишет Агехи (МИТТ II, с.473). См. также: *Иванин М.* Описание зимнего похода в Хиву в 1839/40 г. СПб., 1874, с.121-124.

[97] Човдур – туркменское племя, упоминаемое впервые в XI в. в списке 24-х огузских племен, а затем во всех вариантах "Огузнаме". Места расселения на протяжении всех средних веков – Приаралье, Мангышлак, низовья Амударьи и Сырдарьи. С середины XVII в. из-за набегов калмыков и казахов стали переселяться на Северный Кавказ и в Хивинское ханство. См. также: *Брегель Ю.* Хорезмские туркмены в XIX веке. М., 1961.

[98] *Съел грязь* – персидское идиоматическое выражение, означающее: "допустил непростительную ошибку, напакостил".

[99] Йомуд – крупнейшее по численности туркменское племя, за несколько веков расселившееся по Западному и Северному Туркменистану, а также Северному Ирану у Каспийского моря. К XVIII в. произошло разделение йомудов на западных и северных по родоплеменным признакам – обе группы принимали активное участите в политической жизни Ирана и Хивинского ханства. Западные по роду занятий делились на оседлых (чомур) и полукочевых скотоводов (чарва), центром оседлости северных был Куня-Ургенч. Как военная сила служили в хивинских войсках, за что наделялись землями на правах собственности (атлык). Подробно см.: *Брегель Ю.Э.* Хорезмские туркмены в XIX веке. М., 1961; *Джикиев А.* Туркмены Юго-Восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961; *Карпов Г.И.* Туркменское племя иомут // Туркменоведение, 1930, № 8-9; Он же: Иомуды // Туркменоведение. 1931, №7-9;

[100] Айбугир – в середине XIX в. болотистая местность в приаральской дельте Амударьи, примыкающая к восточному склону плато Устюрт в районе Кунграта.

"Айбугирская впадина, представляющая теперь [...] сплошную глинистую равнину, покрытую в перемежку камышом, саксаулом и высоким кустарником, тянется в ширину около двадцати верст и затем едва заметным подъемом сливается с окраиной оазиса, прилегавшею к бывшему заливу и составлявшею его луговое или низменное прибрежье" (*Алиханов-Аварский М.* Поход в Хиву (кавказских отрядов) 1873. Степь и оазис. СПб., 1899).

[101] Время основания города не установлено, но следы обживания отмечаются здесь примерно с V в. до н.э. Называвшийся в домонгольское время Гурганджем, город был столицей государства Хорезмшахов с XI до начала XIII в. Разрушен монголами в 1221 г. Новый расцвет наступил в XIV в., когда Ургенч стал самым южным городом Золотой Орды. Вторично разрушен Тимуром в 1388 г. и полностью оставлен жителями в 1646 г., когда хивинский хан Абулгази переселил их ближе к Амударье. Жизнь стала возвращаться сюда после того, как в 1831 г. был прорыт обводнительный канал Хан-яб и у его берегов сложилось селение, которое видел Шекспир.

[102] Это знаменитый минарет Кутлуг-Тимура, которому посвящен ряд научных работ (см., например: *Артемьев В., Урманова А.* Минареты Куня-Ургенча // КЦ 1997-1998. СПб., 1999, с.126-136; *Мамедов М.А., Мурадов Р.Г.* Гургандж: архитектурный путеводитель. Istanbul, 2000, с.58-65).

[103] Четыре усыпальницы – это мавзолеи Иль-Арслана, Текеша, Тюрабек-ханым и Гулгердана (подробно о них см.: *Мамедов М.А., Мурадов Р.Г.* Указ. соч., 2000, с.24-26, 29-32, 45-58). Сокровища и мумии – плод фантазии местных информаторов Шекспира.

[104] Ханкобы – местная разновидность обуви.

[105] Текст этой песни, представляющий собой вариант женской "дразнилки", отсылает к традиционному жанру древнетюркской ритуальной поэзии, связанной с песенным соперничеством юношей и девушек в период ежегодных эротических праздников.

[106] По воспоминаниям участников хивинского похода 1839 г., Перовский "...был очень красив собой, взгляд имел строгий и суровый. Ростом был выше среднего, имел изящные великосветские манеры, и обладал необыкновенной физической силой, так что свободно разгибал подковы. [...] До похода на Хиву губернатор прослужил в Оренбурге шесть лет и за это время его успели узнать близко и хорошо. Все увидели, что под наружной суровостью и холодным, как бы отталкивающим взглядом таилась добрая душа человека, не утратившего еще веру в людей, способного любить их и доверять им". См.: *Захарьин (Якунин) И.Н.* Указ. соч., с.17, 72. Наиболее достоверно образ В.А.Перовского передает его портрет в полный рост, написанный К.П.Брюлловым в 1837 г. (См.: Карл Брюллов в Третьяковской галерее. М., 2000, с.50).

[107] Комендантом Ново-Александровска в это время был подполковник Лихошерстов.

[108] Более детальное описание Ново-Александровска в 1840 г. оставил Эббот. См.: *Abbott J.* Narrative of a journey from Heart to Khiva... Vol.II, p.67-68. Это укрепление основал в 1834 г. путешественник и естествоиспытатель Григорий Силыч Карелин (1801-1872), который в течение 1832-1836 гг. возглавляя три крупные экспедиций для изучения восточного и южного побережий Каспия. Его описание местности, выбранной для форта, в кн.: Путешествия Г.С.Карелина по Каспийскому морю // ЗИРГО,

т.X. СПб., 1883, с.93-94. Выбор места, однако, был крайне неудачным, так как "мелководный вход в Мертвый Кутлук затруднял сообщение укрепления с Гурьевым, а нездоровый климат быстро губил людей гарнизона" – отмечал Н.Н.Веселовский в рецензии на посмертно опубликованный труд Карелина. В результате уже через несколько лет форт был заброшен и вместо него в 1846 г. на мысе Тюб-Караган (полуостров Мангышлак) основано укрепление Новопетровское, в 1857 г. переименованное в Форт-Александровский, а с 1939 г. это город Форт-Шевченко (ныне в Мангистауской области Казахстана). По словам Н.Н.Веселовского, закладка Ново-Александровска была продолжением тех горьких опытов по освоению Закаспия, которые начались у русских еще при Петре I (Журнал Министерства народного просвещения, с.426).

[109] Золотуха – вышедший из употребления термин, означавший скрофулёз – кожное заболевание, которое является наружной формой туберкулёза.

[110] Догадка о едином водоеме, который около 3 млн. лет назад объединял бассейн Каспия, Арал и озеро Балхаш, образуя древнее море, заполнявшее Туранскую низменность, вполне соответствует данным исторической геологии.

[111] Чинк (тюрк. *шын*) – обрыв, уступ, ограничивающий плато Устюрт и небольшие столовые останцы эрозийного или тектонического происхождения. Высота чинков в разных местах достигает 300-350 м.

[112] Согласно данным палеогеографии, во второй половине четвертичного (позднехвалынского) периода, т.е. в верхнем палеолите (80-12 тыс. лет назад) Окс (Амударья) действительно впадал в Каспий через Узбой, причем обводнение его ныне сухого русла происходило и в средние века. См.: *Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986, с.179-209.

[113] Учак – старое туркменское название г.Гурьева.

[114] Тоба (туркм.) – междометие, служащее выражением удивления (напр.: о боже мой!).

[115] Кыбла (араб.) – направление на Мекку, точнее, на Каабу, которое следует соблюдать во время совершения мусульманской молитвы.

[116] Имеется ввиду Александр Леман (Lehmann, 1814-1842), русский ботаник немецкого происхождения, выпускник Дерптского университета, участник Хивинского похода Перовского. Весной 1840 г. он изучал восточный берег Каспия в районе Ново-Александровска (*Gorshenina S.* Explorateurs en Asie centrale, p.155).

П р и л о ж е н и е

Показание афганца, прибывшего в августе 40 года вместе с Шекспиром и посланником хивинским, сопровождавшим отпущенных из Хивы наших пленных, Худай-Берды Касим-али бекова.[1]

29 сентября 1840 года.

Зовут меня Худай-Берды, Касим-али-беков сын, от роду имею тридцать шесть лет, веры магометанской, суннитского толка, уроженец гератский, читать по-персидски могу, но писать не умею. На восемнадцатом году вступил я в службу к Фетхали-хану, секретарю шаха Камрана и, прослуживши у него три года, по смерти его, служил у Ата-Мемет-хана, который тоже вскоре помер, а после него остались три сына, которые теперь в Герате сердарами (начальники войска), прочее время служил у старшего сына Ата-Мемет-хана, Дин-мемет-хана и среднего сына Гулам-хана. Во время нашествия персиян на Герат я уходил в город Меймене близ Шибиргана, и потом, возвратившись в Герат, назад тому около года, вступил в службу к англичанину Шекспиру. Не знаю, для чего Шекспир ездил в Хиву, но только слыхал, что он требовал выдачу русских пленных и поручался хану Алла-Кулу, что [если] он выдаст всех русских пленных, то и купцов его непременно отпустят из России. В Хиве мы жили пятьдесят дней. Шекспир очень часто бывал у хана, но о чем говорил с ним, я не слыхал ни от кого. Во время пребывания в Хиве мы ежедневно получали от хана сорочинское пшено, масло и мясо, а для лошадей сено и овес. Хан, при отпуске пленников из Хивы, дал каждому человеку по батману муки и на разные расходы: как-то на наём верблюдов и на прочее отпустил Шекспиру на 2.000 голландских червонцев. В Таш-Гаузе и в Куне-Ургенче для пленников нанято было 206 верблюдов. Дабы пленники не могли растеряться и отстать, Шекспир разделил их на отделения по тридцати человек, и каждый староста отделения обязан был ежедневно пересчитывать и доносить о их числе и здоровьи Шекспиру. В подарок Алла-Кул хану я знаю достоверно, что Шекспир привел из Герата гнедого жеребца арабской породы, но о цене не слыхал, а только Шекспир его хвалил. Других подарков никаких не видел. Об Абботе я ничего не слыхал. Во время отправления Аббота в Хиву я находился в войске, посланном для усмирения взбунтовавшихся горцев, аймаков из племени таймуни.[2] В этом войске, состоявшем из 2,000 человек афганцев, находились: главный начальник англичан в Герате Тат,[3] Шекспир и Сандаль. В Герате, как я слышал, остались только Тат и Нат,[4] а Сандаль уехал в Кандагар. Английских солдат в Герате нет, но Тат и другие имеют около 100 человек прислуги из индийцев и афганцев, которых они у себя содержат на жалованьи. В Герате англичане построили больницу, принимают всех больных и содержат на своем иждивении.

Укрепление Герата уже с год продолжают поправлять наемщиками из разных народов, с платою каждому работнику по двух-аббаснику в

день. Работа кончится не ранее трех лет. Ров глубиною прежде был 10 аршин; а теперь делают 20 аршин; в ширину около 30 аршин. Вал шириною около 50 шагов и имеет множество каменных башен. Возмущение аймаков кончилось тем, что они, услыхав о приближении войска, выслали от себя парламентеров из знатных фамилий, подарили Тату десять лошадей и говорили, что они, положившись только на слова Тата, приехали. А визирю они не поверили бы: визирь хотел задержать их, но Тат не согласился и они обещались на будущее время не возмущаться. В Кабуле, в Кандагаре и в Бамиане, как в провинциях, покоренных англичанами, говорят, есть английские солдаты и артиллерия, но сколько именно, не слыхал. О Дос-Меметхане[5] говорят, что он живет в Бухаре с семейством, но достоверно не знаю и не слыхал, какого о нем мнения бывшие его подданные.

Из Герата до Хивы мы ехали в числе 35 человек, из Хивы выехало только 20 человек; из Ново-Александровского укрепления воротились и остальные, и нас осталось только двое. Больше ни об чем не слыхал и не знаю.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Публикуется по: ЗИРГО, 1867, с.112-113.

[2] Аймаки (чараймаки) – группа народов в Афганистане и Иране, живут вдоль афгано-иранской границы, в провинциях Бадгис и Герат, говорят на диалекте фарси. Этноним означает “четыре народа” и подразумевает джемшидов, фирузкухов, таймуни и теймури. В XIX в. вели кочевой образ жизни.

[3] Имеется ввиду Д’Арси Тодд.

[4] Возможно, это генерал Уильям Нотт (1782-1845), который в качестве командующего войсками осуществлял репрессии против афганцев в Кандагаре и Кабуле.

[4] Дост-Мухаммед (1793-1863) – эмир Афганистана с 1834 г. Активно участвовал в антианглийском сопротивлении и после занятия англичанами Кабулами скрылся в северных провинциях страны, а затем принял приглашение бухарского эмира, однако в Бухаре оказался на положении пленника и еще весной 1840 г. бежал из плена. В сентябре, когда допрашивался спутник Шекспира, эмир вел ожесточенные сражения с англичанами в горах Кохистана, но в конце года принял решение капитулировать, после чего был отправлен в почетную ссылку в Индию. В 1842 г. восстановлен на троне.

НЕМЦЫ В ТУРКЕСТАНЕ: ОТ АСТРОНОМИИ ДО ГЕОПОЛИТИКИ

ВАЛЕРИЙ ГЕРМАНОВ

Нет таких уголков на территории бывшего Туркестана, где бы не ступала нога путешествующего астронома. От берегов Каспийского моря до Иссык-Куля, от Сибири до Персии, Индии и Китая, а частично и в них рассыпаны астрономические пункты, эти первые камни в фундаменте географического и топографо-геодезического изучения страны.

Пётр Карлович Залесский,
астроном, создатель основы
географической карты Туркестана.

Во второй половине XIX в., вскоре после успешных военных действий Российской империи против среднеазиатских государств и образования Туркестанского генерал-губернаторства возникла нужда сориентироваться во вновь обретённом пространстве, о котором даже самые неглупые сановники империи имели порой смутное представление. Даже князь А.М.Горчаков, близкий товарищ А.С.Пушкина, окончивший вместе с ним Царскосельский лицей, став министром иностранных дел России – этот пост он занимал целых четверть века (1856-1882), – весьма "плавал" в географии Востока, а порой искал иные среднеазиатские города на карте Сибири.[1] Но это вовсе не пробел в его образовании: таков был уровень географических знаний того времени, причем не только в России, но и в другой мировой державе – Британии.

Имперский век, между тем, диктовал необходимость разобраться в системе географических координат. Тут и обозначилось противостояние астрономических обсерваторий: на Пулковских высотах под Петербургом и в предместье Лондона Гринвиче. Не находили общего языка Большая тригонометрическая служба Великобритании и Русское императорское географическое общество. Исторически сложилось так, что в России утверждалась в противовес британской – германская школа.

Автор статьи выражает глубокую признательность дирекции и администрации Дома наук о человеке, Франция (Maison des sciences de l'Homme), прежде всего профессору Винсенту Фурньо, госпоже Доминик Ришар и госпоже Соние Колпарт, при поддержке которых стало возможным осуществление данной публикации. Я благодарен историку Валентине Германовой, высказавшей ряд ценных замечаний при подготовке данной статьи, профессору Института восточных языков и цивилизаций в Париже (Institut national des langues et civilizations orientales) Катрин Пужоль, историку и журналисту из Москвы Ольге Лисицкой, журналисту, корреспонденту газеты "Коммерсантъ" Халилу Аминову, обеспечивших иллюстративный материал для этой публикации. Особая благодарность Руслану Мурадову за скрупулёзную и тщательную редакционную подготовку данной статьи к печати.

Ташкентский «барон Мюнхгаузен», или Провидец из Мюнхена?

19 декабря 1871 г. первый Туркестанский генерал-губернатор К.П.фон Кауфман утвердил представление начальника военно-топографического отдела капитана С.И.Жилинского о постройке Ташкентской астрономической обсерватории, а в апреле следующего года был утверждён проект зданий для обсерватории и дома для астронома. В начале 1872 г. С.И.Жилинский вместе с капитаном К.В.Шарнгорстом, которому предполагалось поручить заведование обсерваторией, остановили свой выбор на участке, который по сей день занимает в Ташкенте Астрономический институт. Вскоре началось постройка башни для рефрактора и зала для меридианного круга. 16 октября 1873 г. план отведённого для обсерватории участка был утверждён Кауфманом. Первоначально его территория составляла около 6 га. На ней имелось значительных размеров озеро, питаемое арыком Ак-Курган, занимавшее место теперешнего лабораторного дома.[2]

В 1873 г. капитан А.Р.Бонсдорф заменил К.В.Шарнгорста, покинувшего Туркестан. Еще через год Бонсдорф, на которого как на астронома по настоянию директора Главной астрономической обсерватории в Пулкове академика О.В.Струве возложили обязанности заведующего Ташкентской астрономической обсерваторией, выехал в Гамбург. Его присутствие было вызвано необходимостью приёма заказанных академиком Струве инструментов. К концу 1874 г. уже построили часть зданий и доставили в Ташкент основные инструменты, так что этот год может с полным правом считаться годом рождения Ташкентской обсерватории.[3] В октябре того же года в Ташкент были доставлены меридианный круг Репсольда, 6-дюймовый рефрактор Мерца и звёздные часы Ховю. Вместе с Бонсфордом в Ташкент приехал выпускник

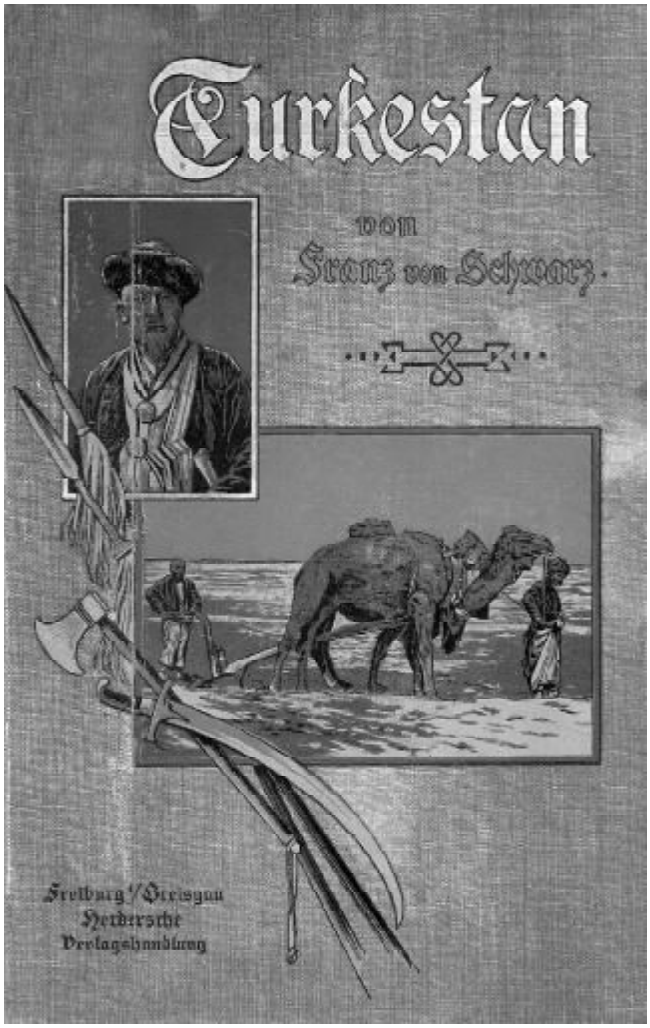
Портрет Ф. фон Шварца (1880) и здание основного телескопа в Ташкенте. Арх. В.Гейнцельман, фото В.Телегина, 1985

Мюнхенского университета, баварский подданный Франц Ксавье фон Шварц (1847-1903), приглашённый для организации метеорологических работ.[4]

Мюнхенский университет, существующий с 1472 г., носит имена своего основателя – герцога Людвига Богатого и короля Максимилиана I Баварского (Luedwig-Maximillian-Universitaet). Это образец традиционного немецкого учебного заведения, в котором существует сильная научная школа. Достаточно сказать, что двенадцать его профессоров в XX в. были удостоены Нобелевской премии. И сегодня университет представляет собой один из самых крупных учебных и научно-исследовательских комплексов в Германии. При нем действует единственный в Европе Центр биотехнологии, а также институты астрономии и астрофизики. Высоко в баварских Альпах находится университетская обсерватория с зеркальным телескопом. Вот из такой alma mater и вышел человек, которому, как и многим его талантливым землякам, суждено было проявить себя в азиатской части России. В ноябре 1874 г. в Туркестане ожидалось прохождение Венеры по диску Солнца. Бонсдорф и Шварц приготовились наблюдать это явление, имевшее в то время большое значение для определения солнечного параллакса. Ф.Шварц как вычислитель Пулковской обсерватории с этой целью выехал в Перовск (теперь Кзыл-Орда), а Бонсдорф должен был вести наблюдение в Ташкенте, но им помешала пасмурная погода. Вскоре Франц фон Шварц стал участвовать в ряде туркестанских экспедиций в качестве астронома. В 1875 г. он – участник экспедиции Н.А.Маева в Гиссарский край,[5] целью которой было комплексное исследование до тех пор неизвестной местности между Гиссарским кряжем и Амударьей.[6] Франц фон Шварц издал первую точную карту Гиссарского края и Кулябского бекства.[7] Он также составил таблицы определённых им широт и долгот 14-ти пунктов и барометрических абсолютных высот 67-и точек. В 1879 г. увидела свет итоговая книга Н.А.Маева, посвящённая Гиссарской экспедиции.[8] За указанный комплекс астрономических работ Шварц получил Малую золотую медаль Российского Императорского географического общества.[9]

В том же 1875 г. астроном, являясь помощником полковника Бонсдорфа, связал по долготе два пункта – Сергиополь и Копал с Ташкентом, посредством телеграфного их определения. Участвуя в Фергано-Памирской экспедиции Н.А.Северцова в 1877 г., Шварц определил положение 6-и пунктов.[10] Однако, его путешествие на Памир видимо было недолгим: заведывание обсерваторией вынужденно возлагалось прежде на А.Р.Бонсдорфа, но в связи с его отъездом в 1877 г. в Петербург эти обязанности пришлось исполнять Шварцу.[11] Тем не менее, неугомонному немцу не сиделось на месте: в 1878 г. он присоединился к экспедиции И.В.Мушкетова и производил наблюдения на Кашгарской границе. В том же году, сопровождая полковника Матвеева, астроном проехал по Бадахшану и афганскому Туркестану, где определил 5 пунктов.

31 декабря 1878 г. приказом по Туркестанскому военному округу Ф.фон Шварц был на-



Turkestan,

die Wiege der indogermanischen Völker.

Nach fünfzehnjährigem Aufenthalt in Turkestan

dargestellt von

Franz v. Schwarz,

Mit einem Titelbild in Farbendruck, 178 Abbildungen und einer Karte.

Freiburg im Breisgau.
Herdersche Verlagshandlung.
1900.

Обложка и титульный лист книги «Туркестан»

значан помощником заведующего Ташкентской астрономической обсерваторией по метеорологической части[12]. В 1879-1880 гг. он возглавлял хронометрическую экспедицию в Кульджинский край, осуществляя астрономические, магнитные и барометрические наблюдения.[13] Любопытно отметить определение широты города Верного (совр. Алматы), повторённое другим туркестанским астрономом П.К.Залесским сразу после знаменитого землетрясения 9 июня 1887 г. Результат этого определения не отличался от результатов ранних определений И.И.Померанцева и Ф.фон Шварца. Это доказывало, что столь сильное землетрясение не изменило плотности подземных слоёв или, по крайней мере, не повлияло на меридиональное направление отвеса в данном месте.[14]

Далёкое прошлое Средней Азии в XIX в. привлекало внимание многих европейских учёных. Немецкий астроном Франц фон Шварц также посвятил этой теме свою опубликованную в Германии на немецком языке книгу “Туркестан, колыбель индогерманских народов”.[15] Проживший в Туркестанском крае более 15 лет, Шварц помимо астрономии глубоко интересовался жизнью, традициями и культурой народов этого региона. Он объездил край вдоль и поперёк, тщательно изучил всю имевшуюся тогда на русском языке литературу по древней, средневековой, новой истории проживших там народов. Вернувшись в Германию, Шварц продолжил изучение истории Туркестана, опираясь на крупнейшую коллекцию книг о Туркестане, хранившуюся в Государственной библиотеке Мюнхена. На родине ему удалось исправить, дополнить и окончательно завершить свой труд.[16]

Согласно концепции Франца фон Шварца, которую разделяли туркестанские генерал-губернаторы К.П.фон Кауфман и барон А.В. Вревский, Туркестан является исторической прародиной для европейцев. На его территории, по убеждению Шварца, в глубокой древности происходило формирование индогерманских племен и именно отсюда в течение многих веков шла миграция арийского населения в направлении Европы, Ближнего Востока и Северной Индии. Шварц считал, что Централь-

ная Азия также является колыбелью древней культуры германцев, кельтов, славян и других народов. "Именно здесь в образе жизни, обычаях и традициях, – указывал Ф.фон Шварц, – можно найти много отголосков из библейских сюжетов и сочинений Гомера". Только в Туркестане, как писал он в своём главном труде, ему удалось больше проникнуться содержанием Библии и гомеровского эпоса, лучше их понять и по достоинству оценить.[17] Вот только некоторые выдержки из его воспоминаний-размышлений о Туркестане:

"Европейцы, прибывающие сюда в пожилом возрасте, предрасположены к апоплексическим ударам и к разрыву сердца. Большинство смертей европейцев является следствием этих болезней. Кауфман погиб от паралича; второй генерал-губернатор Черняев от разрыва сердца, а промежуточный генерал-губернатор Колпаковский от паралича мозга.[18] [...] Сонная болезнь и бессонница тоже очевидно связаны с жарким климатом. Очень распространены здесь среди европейцев нервные головные боли. Туркестан продолжает высыхать. Причины: быстрое уменьшение Аральского моря; киргизы и туркмены объясняют это тем, что Аральское море имеет подземный сток в Каспий; высыхают и другие озёра; следы высыхания заметны также на Балхашском озере. Второй причиной является уменьшение ледников. Этих причин уже достаточно, чтобы убедиться в том, что будущее Туркестана в высшей степени безнадёжно. [...] В связи с этим у меня всегда вызывало чувство сострадания, когда русские политики и учёные с горячностью говорят о блестящем будущем края; мол, теперешнее опустошение – результат постоянных войн и политического неустройства.

...Не войны привели к опустошению, а, наоборот, сами войны были вызваны опустошениями из-за природных условий: прогрессировавшее высыхание ...сокращало культурную площадь и жителям (туземным) всё труднее стало прокормиться. Тогда они, в поисках выхода кинулись огромной массой на Запад, в Европу, Переднюю Азию, Индию; это и было переселение народов. [...]

Оставшимся ничего другого не осталось, как [...] истреблять друг друга, чтобы тем самым дать место тем, кто остался в живых... Вот почему эти войны были не завоевательными, а истребительными: в XVIII в. китайцы истребили всё население Джунгарии, а столетием раньше дунгане и таранчи всё китайское население Илийской долины (около 1,5 – 2,5 миллиона китайцев).[19]

Русские с гордостью указывают на попытки освоения новых земель в Ташкенте, Самарканде, Семиречье и других, где возникли зажиточные колонии. Но они забывают, что [...] если в одном месте была орошена и освоена пустовавшая земля, то [...] необходимая вода была отнята у других оазисов...

Самарканд, например, за время господства русских сильно поднялся.... Но, зато нижележащая Бухара, обязанная своим существованием Зеравшану, обречена на погибель и быстро приближается к высыханию из-за недостатка воды и вызванного тем самым образования песков и возникновения болезней. То же можно сказать – хотя это не столь очевидно – о Семиречье, где розданная русским земля была просто отнята у киргизов.

В Туркестане каждая пядь годной к обработке земли и каждая капля воды использованы [...] и освоение целины имеет своим неизбежным последствием запустение другой плодородной земли.

Миллионы, затраченные русскими на строительство каналов для орошения целины (канал у Ходжента, у Мургаба) просто выброшены, ибо если в том или ином месте цель и была достигнута, то общее опустошение Туркестана этим только ускоряется. [...] Туркестан в экономическом отношении будущности не имеет и неотвратимо обречён на гибель".

В главе, пикантно названной "Что русскому здорово, то немцу смерть", немецкий астроном, служивший России, пишет:

"В 1864 г. создано было объединённое командование (до того каждый генерал действовал самостоятельно). Генерал Верёвкин взял город Туркестан; здесь имел место случай, характерный для духа русских солдат: кокандский генерал Алимкул двигался с армией в 15.000 человек к г.Туркестану, чтобы отвоевать его... и 16 декабря [...] окружил роту есаула Серова вблизи селения Икан [...] своей сотней казаков отбивался он 3 дня и 3 ночи от 80-ти кратного превосходства, притом без пищи, без воды, без сна; и хоть Алимкул предложил им почётную капитуляцию [...] они в конце третьего дня пробились, когда уже нельзя было сносить смрад трупов, которых для защиты складывали в штабеля; [...] они захватили с собой всех 43-х тяжелораненых, хотя все оставшиеся также имели уже ранения".

В сноске автор, перенесясь на несколько лет вперед, приводит ещё один пример стойкости русского солдата при осаде в 1880 г. Геок-Тепе:

"...туркмены захватили две горные пушки и канонира Агафона Никитина; туркмены [...] требовали, чтобы Никитин обслужил у них пушки, и когда он отказался, то ему отрезали по очереди все пальцы рук, ног, а затем с живого содрали кожу. [...] Если сопоставить это поведение казаков с поведением англичан в Кабуле [...], когда 18-ти тысячная армия сдалась [...] на постыднейших условиях [...], то нельзя сомневаться в том, каков будет результат возможного столкновения русских с англичанами на азиатской почве.

Русские не намеревались идти дальше, т.к. захват среднеазиатских ханств не давал материальной выгоды, требовал больших расходов, и вызывал недоверие англичан. Но для человека, знакомого с духом русских офицеров [...] ясно, что дальнейшее продвижение русских лишь вопрос времени. [...] Были, правда другие соображения

Базар у ворот Бухары. Фото Г.Мерцбахера (из книги Шварца «Туркестан»)

(снабжение армии, например), но главным фактором был дух офицеров [...], ищущих случая отличиться [...]; при этом они не останавливаются даже перед тем, чтобы игнорировать ясные указания своих начальников и правительства [...]; в России придерживаются в таких случаях указаний Екатерины II о том, что для победителя нет судьи; этому принципу Россия обязана большинством своих успехов [...].

По этому принципу действовал Черняев; Военное министерство строго запретило ему продвигаться на юг, а он, имея всего 2000 человек да 10 старых пушек времён Наполеона [...], атакует Ташкент с его 90.000 жителями, стеной в 25 километров длиной, защищенной к тому же 15-тысячной армией и таким же количеством вооружённых граждан. [...]Черняев отступает, [...] остаётся без денег, без надежд на подкрепление, [...] но как истинно русский не оробел, [...] конфискует все денежные переводы по почте, [...] захватывает Ниязбек, откуда Ташкент снабжался водой [...], берёт Чиназ с его переправой через Сыр-Дарью, через которую ташкентцы ожидали подмогу от эмира бухарского, вступает в связь с партией мира в Ташкенте, с которой [...] договаривается о сдаче города; [...] ташкентцев выручает Алимкул; Алимкул погибает [...] а капитан Абрамов взрывает Камеланские ворота, двигается дальше вдоль стены к Карасарайским воротам, где жили прорусски настроенные горожане [...]; каждую улицу приходится брать штурмом, стреляют из окон и садов, [...] везде баррикады [...] и лишь на второй день вечером Ташкент сдаётся... О панике, охватившей туземцев, можно судить из того, что 5000 кокандских кавалеристов, преследуемых всего сорока казаками, в диком отчаянии мчались 11 километров до Чирчика, где бросились в глубокую и бушующую реку.

Тут же после сдачи города Черняев выкидывает коленце, принесшее ему уважение ташкентцев: трупы не убраны, а он идёт один, сопровождаемый лишь солдатом, несшим его бельё, в баню через базар, где были толпы туземцев. [...] После бани ему из толпы подают пиалу чая, которую он тут же опоражнивает: простота [...] произвела впечатление, о нем возникают легенды.

[...]Захват Ташкента совершён был против явного желания русского правительства, и Черняев [...] был затем снят. [...] Но вернуть Ташкент Коканду было невозможно, так как прорусская партия в Ташкенте отдана была бы на расправу её фанатичным противникам, и Россия потеряла бы доверие у туземцев"[20].

Франц фон Шварц размышляет и о происхождении и значении топонима "Ташкент":

"Слово в современном его прочтении состоит из тюркского "таш" и персидского "кент", т.е. "каменный город"; но так как камня здесь вовсе нет, [...] то с таким же правом слово можно истолковать, как город без камня.

Иные считают, что Ташкент – это город, имеющий в поперечнике один "таш", т.е. 8 км. Я, однако, считаю, что Ташкент, называемый арабскими писателями Шашкент, означает просто то же, что греческое "гексаполис", т.е. "шесть городов". Так, например, основанное Якуб-беком царство называлось "алты-шахар" (шесть городов), а после присоединения [...] седьмого города, Кара-шахара, получила название "етты-ша-

Группа туркмен-теке. Фото Г.Мерцбахера (из книги Шварца «Туркестан»)

хар" (семь городов). А тюркские пришельцы, для которых слово "Шашкент" было чуждым, переделало его в Ташкент, как они переиначили "Тшашмкент" в "Чимкент"; слово же "кент" они не изменяли, так как оно уже привилось, ср. Коканд, Самарканд, Чимкент, Пайкенд, Яркенд; "канд" произносится вместо "кент", если предшествующий слог оканчивается на *а, о, и* ; правильней было бы писать "Ташканд": так это слово и произносится туземцами; русские же, не зная лингвистику, стали писать "Ташкент".

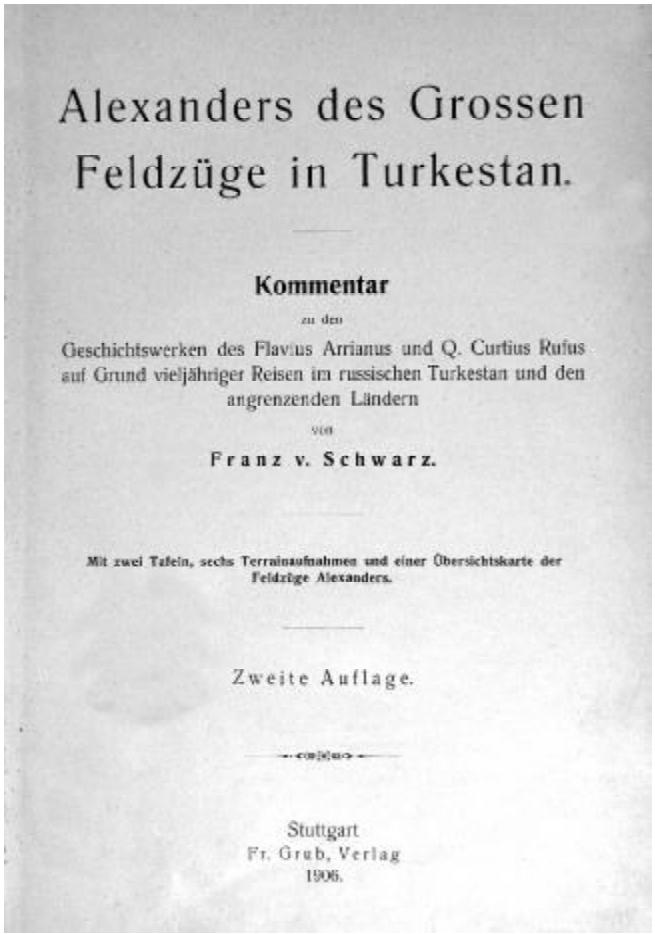
[...] До русских Ташкент тоже был опоясан стеной из лёсса. [...] Верхний край стены зигзагообразный, иногда разукрашен. [...] Высота ташкентской стены, которую я в 1874 году ещё застал, равна была 4,5 – 6 метрам, а её окружность 25 км. [...] Кроме стены, ташкентцы имели ещё ряд наблюдательных пунктов вне города: искусственные, конической формы холмы, высотой 12-15 м., на которых стояла стража. Наблюдательные пункты устанавливались парами и тянулись по дороге на Фергану до почтовой станции Уральская, в 70 км от Ташкента. В настоящее время городская стена Ташкента обветшала, восточную её часть сносят, а материалы употребляются для выделки кирпича.

Прежде в Ташкенте была "урда", т.е. цитадель, окружённая отдельной стеной, находившейся на высоком левом берегу Боз-су. Урда была взорвана русскими сейчас же после занятия города и теперь застроена казармами и другими зданиями"[21].

Касаясь менталитета коренных жителей Туркестана, Франц фон Шварц делает сакраментальный вывод:

"Мусульманский фатализм и жаркий климат привели к тому, что жители Средней Азии держатся принципа: стоять лучше, чем ходить; сидеть лучше, чем стоять; лежать лучше, чем сидеть; умереть намного лучше, чем жить"[22].

Ряд спорных, но смелых гипотез, выдвинутых Шварцем, неизбежно зажег к дискуссии его некоторых оппонентов, но одновременно он обрёл и единомышленников. Самым серьёзным среди критиков был академик В.В. Бартольд. Его рецензия на главный труд Франца фон Шварца, была опубликована сначала на страницах "Русского Туркестана" (1901, №25), а затем перепечатана в ЗВО РАО (т.XIV, вып.1, 1902). В ней, по словам И.И.Умнякова, "изложив в главных чертах содержание книги, заканчивающейся решительным заявлением автора, что "Туркестан не имеет экономической будущности и обречен на неизбежную гибель", и отметив существенные ошибки, рецензент приходит к выводу, что книга дает нам талантливый, бойко написанный очерк быта коренного и русского населения, со множеством интересных подробностей, но без надлежащей критики, без правильного освещения, без внимательного рассмотрения истинных нужд края. Суждения о прошлом, настоящем и будущем Туркестана преподносятся с одинаковой смелостью и решительностью. Несмотря на важность затронутых вопросов, едва ли о каком-нибудь доводе автора можно сказать, что он явился результатом серьезно-


Alexanders des Grossen
Feldzüge in Turkestan.

Kommentar
zu den
Geschichtswerken des Flavius Arrianus und Q. Curtius Rufus
auf Grund vieljähriger Reisen im russischen Turkestan und den angrenzenden Ländern
von
Franz v. Schwarz.

Mit zwei Tafeln, sechs Terrainaufnahmen und einer Übersichtskarte der Feldzüge Alexanders.

Zweite Auflage.

Stuttgart
Fr. Grub, Verlag
1906.

го изучения предмета"[23]. Много лет спустя в небольшой статье, опубликованной в "Известиях Средазкомстатриса" (вып.1, 1926) В.В. Бартольд вернулся к критике теории Шварца о неминуемой гибели Туркестана вследствие обезвоживания края.[24]

В ходе своих туркестанских экспедиций Франц фон Шварц собрал материалы для еще одной книги, названной им "Поход Александра Великого в Туркестан" и опубликованной в его родном Мюнхене (1893), а затем переизданной в Штутгарте (1906).[25] Узбекский историк Р.М.Рахманова, занимавшаяся выяснением туркестанского маршрута греко-македонских войск, отмечает: "Пройдя по местам похода Александра Македонского и изучив труды античных авторов, Франц фон Шварц написал небольшую работу, посвящённую только среднеазиатской части похода греков, высказывая интересные соображения по топографии похода на основе сопоставления данных источников и личных впечатлений. Большую ценность составляют топографические и маршрутные карты, фотографии и схемы, выполненные автором. Надо сказать, что уже в конце прошлого века работа Франца фон Шварца подверглась критике со стороны русской археолого-исторической общественности за допущенные им неточности. Но сам факт, что среднеазиатской античностью специально занимался не историк, свидетельствует о большом интересе, которая вызывала эта область истории"[26].

О следах пребывания Александра в Средней Азии Шварц высказал всевозможные догадки и гипотезы, исходящие не только из рассмотренных им нарративных источников, но и записанных им местных преданий, легенд и анализа среднеазиатских топонимов и гидронимов. Так, например, он первым попытался локализовать Аорн – названный Аррианом одним из двух крупнейших городов Бактрии.[27] Он пришел к выводу, что Аорн располагался в долине реки Хульм на месте Таш-Кургана.[28] Эта гипотеза с тех пор имела как своих сторонников, так и противников. Например, опираясь на собственные археологические изыскания, академик Э.В.Ртвеладзе не принял эту гипотезу и предложил свою, отождествив Аорн с городищем Алтын-Дильертепа в 35 км к северу от Балха (античный город Бактры).[29]

В то же время, Ф.фон Шварц правильно локализовал город бранхидов в районе Келифа.[30] Его особое внимание привлекла последняя военная кампания Александра Македонского, происходившая осенью и весной 328-327 гг. до н.э. в равнинных и горных областях, расположенных между Маракандой и Бактрами. Военные действия развернулись главным образом в Ксениппе, Наутаке, Паретакене, где были осаждены и взяты горные крепости-петры: Скала Сисимитра, Скала в Согдиане, Скала Хориенна, а также в Габазе и Бубакене. Шварц высказал предположения о локализации всех этих горных крепостей, исходящие из анализа сведений античных письменных источников, подкреплённых данными из составленных им самим географических карт.[31]

Книгу Ф.фон Шварца о походах Александра Македонского в Туркестан вскоре после её выхода в свет подверг критике Н.И.Веселовский.[32] Э.В.Ртвеладзе напротив, отмечая, что ошибки и заблуждения западных исследователей связаны с тем, что сами они места пребывания Александра в Средней Азии никогда не посещали и не были знакомы с реальной географией областей, по которым проходили греко-македонские войска, пишет, что "исключение составляет, пожалуй, только Ф. Шварц – автор большой работы на немецком языке, живший в Туркестане и проводивший астрономические наблюдения в экспедиции Н.А.Маева".[33] Всё правильно. Но, справедливости ради напомним, что Франц фон Шварц принимал участие не только в этой экспедиции, а и в ряде других.[34] Важно, что именно его исследования впоследствии стимулировали в Германии интерес учёных к этому региону мира.

Притяжение Памира

Очарованный Францем фон Шварцем выдающийся немецкий исследователь Вилли Рикмер Рикмерс (1873-1965) стоял у истоков снаряжения грандиозных экспедиций в русский Туркестан и на Памир. В 1913 г. в восточной части хребта Петра Великого в Дарвазе, работала большая немецкая экспедиция, организованная Германским и Австрийским альпийским обществом; во главе её стояли В.Рикмер Рикмерс, Х.фон Фикер и Р.Клебелсберг. Предполагалось, что она положит начало систематических исследований Памира, которые должны были продолжаться в следующие годы. Однако, Первая мировая война, а затем революция 1917 г. в России помешали осуществлению этих планов.[35]

После поражения Германии в Первой мировой войне, которую она вела, как известно, за жизненное пространство, группа немцев основала эзотерическую организацию "Туле". Официальной её целью было изучение древнегерманской культуры. Но у теоретиков "Туле" была и другая, более важная цель: достичь победы в невидимом, метафизическом мире. Дескать, это приведёт к господству германской расы и в том материальном мире, где мы живем. Им казалось, что если овладеть некими особыми знаниями, ирреальное пространство материализуется и превратится в реальное. Вопрос о жизненном пространстве, повторимся, в то время был больным для немцев. В Германии той поры возникли и другие закрытые общества, среди которых "Врил" и "Аненэрбе" ("Наследие предков"). Последнее в годы Третьего рейха имело около 50 исследовательских институтов в составе СС. Общество "Аненербе" занималось поиском древних знаний, позволяющих разрабатывать новейшие технологии, управлять с помощью магических методов человеческим сознанием, проводить генетические манипуляции в целях создания "сверхчеловека".

В поисках древних знаний "Аненербе" отправляло экспедиции в разные концы света. Так, не без участия этих организаций возникла идея совместной советско-германской экспедиции на Памир, который единомышленники Франца фон Шварца – члены немецких элитарных оккультных обществ считали прародиной индогерманской арийской расы. Парижский журналист Луи Повель и инженер-химик Жак Бержье в своей книге "Утро магов", посвящённой поиску утрачённых древних знаний и космогоническим представлениям в Третьем рейхе, пишут**:** "Мы сознательно ограничиваем себя только известным периодом германской истории. Мы могли бы, дабы ввести "фантастику" в современную историю, показать, например, вторжение в Европу азиатских идей в дни, когда европейские идеи пробуждают Азию: явление столь же поразительное, как неевклидово пространство или парадоксы атомного ядра".[36]

Интересно, что в самом начале 20-х гг. созданный в Ташкенте Туркестанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), планировал организовать этнографическую экспедицию под руководством бывшего члена Туркестанского кружка любителей археологии и будущего академика М.С.Андреева в страну горных таджиков. Учёный секретарь Туркомстариса И.И.Умняков писал по этому поводу**:**

"К числу самых любопытных и интересных народностей Средней Азии, несомненно, могут быть отнесены таджики как самые древние, известные нам обитатели страны, искони типичные земледельцы и прямые потомки древних арийцев. Смешавшись в той или иной степени с другими народностями на равнинах Средней Азии, открытых со всех сторон для иноземных нашествий, они сохранились в наиболее чистом виде в глубине горных долин, среди громадных горных массивов в Туркестане, главным образом в южной его части, захватив далее в значительной степени Восточную Бухару, Бадахшан, простираясь разбросано в разных местах по Афганистану и постепенно редеют по мере приближения к южным пределам последнего. Среди горных таджиков Туркестана и Бухары сохранились остатки древних форм быта, любопытнейшие обычаи, изучение которых, несомненно, прольёт в дальнейшем много света по разным вопросам этнографии и далёкого прошлого индоевропейских народов. Как в отношении типов, так и языка они сохранили наибольшую чистоту…".[37]

После окончания Первой мировой войны молодой немецкий генерал Карл Хаусхофер занимал кафедру в Мюнхенском университете. Считается, что он был посвящен в члены некоего секретного общества во время своего пребывания на Ближнем Востоке в качестве военного советника кайзера. Впоследствии он был не только одним из первых членов нацистской партии, но и самым близким другом Рудольфа Гесса – заместителя Гитлера и вошел в историю как основоположник геополитки. А тогда, на рубеже 20-х гг. он погрузился в политическую географию и вскоре основал журнал "Геополитика", опубликовал в нем серию научных работ. Один из его ассистентов, член общества "Туле", как и сам мюнхенский профессор, в нужное время познакомил Хаусхофера с Гитлером. После неудачного путча (8-9 ноября 1923 г.) Гитлер оказался в тюрьме Ландшург, а Хаусхофер вместе с Гессом почти ежедневно на-

вещали его. Хаусхофер посвящал, ученик внимал. Оставаясь затем вместе с Гессом, Гитлер устраивал словесную амальгаму из тезисов Хаусхофера и проектов Розенберга.

Своенравный цензор Гесс следил, чтобы тайное учение таковым и осталось. Так была продиктована книга Гитлера "Майн Кампф". По Хаусхоферу, германский народ произошел из Центральной Азии, и от индоевропейской расы зависит благородство и величие всего человечества. Хаусхоферская необходимость *«возвращения к истокам»* означала завоевание Восточной Европы, Средней и Центральной Азии с Памиром, Тибетом, Гоби. Он утверждал, что за хребтом Гималаев существует особая зона, которая может рассматриваться как "центр мира". Этот район защищен от нападений с моря и, таким образом, весьма безопасен. Любое движение народов, проживающих там, неизбежно отзывается на их ближайших соседях и, подобно цепной реакции, передается в отдаленные места планеты. Оттуда исходили различные нашествия, которые захватывали в своем движении другие азиатские народы, один за другим, и вели их на Запад.

Карл Хаусхофер считал, что стратегия наступления на этот район может сдержать натиск сибирских народов, то есть русского коммунизма, на Европу. Вот почему идеологам Третьего рейха столь важным казалось установление контактов с народами этой области, которая географически совпадает с той, где буддисты тибетской и других (бурятской и монгольской) традиций поддерживают вечное царство Шамбалы, место обитания Царя Мира.[38]

Забытая экспедиция

Но и советских коллег Хаусхофера неодолимо влекло туда же. Осенью 1925 г. во время празднования 200-летия РАН, в Москве была высказана мысль о пользе совместных с немцами экспедиций на территории СССР. В числе возможных объектов исследований немецкий метеоролог, профессор Х.фон Фикер назвал Западный Памир. В конце июня 1926 г. в Берлине состоялось первое собеседование немецкой группы с представителями АН СССР, после чего Фикер составил предварительный план "Русско-германской экспедиции в области Трансалая и Сельтау" на Памире. Весной 1927 г. этот план поступил в Президиум АН СССР. Одновременно председатель Германского и Австрийского альпийского общества доктор Шмидт-Отт в письме к непременному секретарю советской Академии наук сформулировал основные пожелания немецких учёных.

К непосредственной организации самой экспедиции приступили сразу после получения принципиального согласия советского правительства. Геолог Д.И.Щербаков, находившийся в командировке в Берлине, получил из Москвы указание договорится с альпийским Обществом по всем вопросам предстоящих совместных работ. В октябре 1927 г. Общество устроило совещание, на котором участвовали два немецких министра – доктор Шмидт-Отт и Сидов, профессор Фикер, профессор Клебельсберг, профессор Стачтей, доктор Швайнц, доктор Рикмер Рикмерс, а с советской стороны – Д.И.Щербаков, представитель Геологического комитета Д.В.Наливкин и член Полярной комиссии АН СССР профессор Л.Л.Брейтфус. Финансирование экспедиции осуществлялось, с одной стороны, Академией наук СССР, а с другой – Германским и Австрийским альпийским обществом на паритетных началах.

Советская группа в окончательном варианте состояла из управляющего делами Совета народных комиссаров СССР, ректора МВТУ, инженера-технолога Н.П.Горбунова, профессора Среднеазиатского государственного университета Н.Л.Корженевского, метеоролога Среднеазиатского метеорологического института Р.Р.Циммермана, астронома Пулковской обсерватории Я.И.Беляева, инженера-геодезиста К.В.Исакова, топографа И.Г.Дорофеева, геолога и геохимика Д.И.Щербакова, зоологов А.Н.Рейхардта и Г.Н.Соколова, членов Ленинградской секции коротковолновиков, инструктора по радио В.М.Табульского и радиотехника С.А.Бримана. В состав аэрологической группы входили лётчик-наблюдатель О.К.Базенау, авиационный техник Е.А.Янвист, моторист П.Г.Выломов и студенты Среднеазиатского государственного университета, наблюдатели метеорологических станций Н.А.Гурьев, А.М.Загрубский, В.Г.Поздеев и А.А.Знаменский. В группу альпинистов входили Н.В.Крыленко, Е.Ф.Розмирович, О.Ю.Шмидт, Е.М.Россельс и Л.А.Перлин. Киносектор экспедиции был организован акционерным обществом "Межрабпомфильм", которое прикомандировало к экспедиции режиссёра В.А.Шнейдерова и кинооператора И.М.Толчана.

Немецкую группу составляли доктор В.Рикмер Рикмерс, известный своими путешествиями по Кавказу и Средней Азии, доктор Р.Финстервальдер (геодезист), его ассистент доктор Г.Бирзак, зоолог Института исследований головного мозга, доктор В.Рейнинг, доктор Л.Нёт (геолог), научный сотрудник Прусской академии наук, доктор В.Ленц (лингвист) и альпинисты: доктор Ф.Борхерс, доктор Е.Алвейн (врач), Е. Шнейдер (студент), К.Вин (студент), доктор Ф.Кольхаупт (врач).

Общее руководство всей экспедицией ВКП(б) возложила на Николая Петровича Гор-

бунова (1892-1937) – одного из организаторов советской науки, который сразу после большевистского переворота в октябре 1917 г. стал личным секретарем Ленина, в 1918-1919 гг. провел большую работу по привлечению РАН и других российских научных учреждений к сотрудничеству с советской властью, впоследствии стал академиком и непременным секретарем АН СССР и, конечно, был репрессирован как и большинство близких Ленину людей. Его заместителем по экспедиции назначили другого незаурядного человека – уже упомянутого Дмитрия Ивановича Щербакова (1893-1966), впоследствии также академика, возглавлявшего Отделение геолого-географических наук АН СССР. Его научные труды оказали огромное влияние на развитие современной минералогии, геохимии и петрографии. Во главе немецкой группы по назначению Общества стоял Вилли Рикмер Рикмерс, а старшим группы германских альпинистов являлся Ф.Борхерс. В научный совет экспедиции входили крупнейшие ученые того времени, занимавшиеся Центральной Азией: академик С.Ф.Ольденбург, академик В.В.Бартольд, академик В.Л.Комаров, академик А.Е.Ферсман, профессор Н.Л.Корженевский, а также Н.П.Горбунов, Д.И.Щербаков, Х.фон Фикер и другие.

Молодой доктор Вольфганг Ленц (1900-1986) – впоследствии выдающийся иранист, профессор Гамбургского университета, оставивший обширное научное наследие, в том числе труды по интерпретации Гат Заратуштры и дешифровке сохранившихся фрагментов текстов из Турфана, взял на себя общую задачу накопления материалов для европейской науки как по собственно памирским диалектам, так и по таджикским говорам персидского языка. Кроме него, сборами предметов материальной культуры предполагал заниматься В.Рикмер Рикмерс, имевший специальное поручение некоторых немецких музеев собрать различные узоры и вышивки в глухих районах горного Таджикистана. В этом деле помощь В.Рикмерсу должен был оказать преподаватель восточных языков из Ташкента А.Г.Иванов.

Ленц приехал в Ленинград в конце марта 1928 г., а в самом начале апреля выехал в Ташкент. Из Ташкента он совершил в апреле и мае поездки в Самарканд, Бухару и селение Исфара в Ферганской долине с целью изучения различных таджикских диалектов. В начале июня прибыл в город Ош. 19 июня направился вместе с основным отрядом экспедиции в Алайскую долину, Каракуль и Танымас, куда добрался 13 июля и затем отправился по рекам Танымас и Кудара вниз к селению Орошор. До начала сентября работал в Орошоре и его окрестностях (Ташкурган): изучал таджикские диалекты долины Бартанга, фольклор, производил фонографические записи и общие этнологические наблюдения. В начале сентября выехал вместе с альпинистом Ф.Кольхаупом через перевал Хурджин в долину Язгулема, через перевал Гушхон в долину Ванча и далее по реке Пяндж вниз до села Шадак. Дальнейший его маршрут шёл через перевалы Висхари и Гарданикафтар. В селении Джаилган В.Ленц покинул Ф.Кольхаупа. После встречи 7 октября с Рикмер Рикмерсом Ленц расстался с экспедицией и направился самостоятельно через Гарм в Душанбе, куда прибыл 21 октября. В Ташкент В. Ленц возвратился к 28 ноября, пробыл там до 11 декабря и затем направился в Берлин.

Благодаря усовершенствованным фонографам В.Ленцу удалось собрать большое количество разговорных текстов главнейших памирских диалектов, взятых из живой разговорной речи, с сохранением акцентуальных особенностей, как отдельных слов, так и целых предложений. Записаны также мотивы и мелодии народных песен. Работая продолжительное время в селении Орошор, В.Ленц составил словарь таджикских наречий долины Бартанг, записал многочисленные сказки, поговорки и собрал материалы по народным обрядам. Кроме того, будучи в Фергане, Душанбе и Ташкенте, Ленц ознакомился с особенностями различных таджикских говоров.

Кроме собранных Ленцем материалов, попутные этнографические наблюдения производились и прочими участниками экспедиции. Сделать сводку результатов их сборов, а также дополнения было поручено новоизбранному члену-корреспонденту АН СССР, преподавателю факультета восточных языков САГУ М.С.Андрееву, специально с этой целью командированному Н.П.Горбуновым на Южный Памир летом 1929 г. Обработка и издание ранее собранных лингвистических и этнологических материалов поручены научному сотруднику АН СССР И.И. Зарубину.[39] Трое членов немецкой части экспедиции: Э.Алвейн, К.Вин и Е. Шнейдер совершили пешее восхождение на пик Кауфмана (7134 м), впоследствии переименованный в пик Ленина.

Непостижим до сего времени феномен Советско-германской экспедиции 1928 г. и на её основе последовавшей затем многолетней Таджикско-Памирской экспедиции (немцев в нее приглашать, впрочем, перестали), развернувшей свои работы на территории всей Средней Азии. “Основной задачей экспедиции, – писал Ефим Россельс, имея в виду Советско-германскую экспедицию, – являлось составление точной географической карты и обследование “бе-

лого пятна", которое и занимает значительную часть намеченной области и вокруг которого местные жители сложили множество легенд о том, что в недосягаемых ущельях Танымасса живёт какое-то таинственное племя, которое бережно охраняет подступы к своим владениям. Легенды говорят, что много-много лет назад какое-то древнее племя, спасаясь от своих поработителей, ушло через таинственные перевалы — Кашаль-Аяк и Танымасс — и пропало без вести".[40] Впоследствии, после ареста и расстрела Н.П.Горбунова многое из материалов той экспедиции было безвозвратно утрачено или предано забвению.

Тем временем немцы, отлученные от совместной экспедиции, вовсе не отказались от своей программы. Когда их пути с русскими коллегами окончательно разошлись, организованные СС и координируемые Институтом Аненэрбе немецкие экспедиции в Гималаи со стороны Британской Индии продолжались вплоть до краха гитлеризма в 1945 г. В частности, Вольфганг Ленц в 1935 г. продолжил свои лингвистические изыскания на Гиндукуше в составе немецкой экспедиции, а в 1939 г. группа, которую возглавлял Эрнст Шефер, член СС и чиновник Института Анерэрбе, достигнув Тибета, получила аудиенцию далай-ламы и несколько месяцев жила в священных городах Лхасе и Шигатзе. Материалы этой экспедиции хранятся в Национальном архиве США в Вашингтоне. Позднее, в 1944 г. другой нацистский посланник в Гималаи – член элитного отряда альпинистов австриец Генрих Харрер (1912-2006), бежав из британского плена, нашел понимание у тибетских чиновников и в конце концов стал доверенным лицом юного далай-ламы. Он оставался при нем вплоть до китайского вторжения и позднее написал автобиографическую книгу "Семь лет в Тибете" (ее русский перевод издан в 2002 г.), послужившую основой для скандально известного фильма культового режиссёра Жана Жака Анно, в котором главную роль исполнил звезда Голливуда Брэд Питт.

* * *

Одного из самых загадочных для меня людей, когда-либо встреченных на жизненном пути, знали на Памире под именем Азиз Ниалло.[41] В 20-е годы XX в. его прислал в Ташкент один из основателей и руководителей ЧК–ОГПУ Вячеслав Менжинский для изучения феномена басмаческого движения. Со временем Азиз Ниалло (его подлинное имя было Андрей Владимирович Станишевский) сделался редчайшим знатоком Памира, Средней Азии и сопредельных стран.[42] Его перу принадлежит несколько исторических книг и десятки статей. Прожив в Ташкенте долгую жизнь, до начала 90-х годов, он унёс с собой многие тайны среднеазиатской истории. В первой половине 80-х он рассказал мне, что в свое время являлся начальником Особой секретной партии в составе сначала Советско-германской, а впоследствии Таджикско-Памирской экспедиции. О целях этой партии он лишь туманно поведал мне, тогда молодому и "неостепенённому" младшему научному сотруднику Института истории АН Узбекистана, что одной из её задач было уточнение пограничной демаркационной линии, проходящей на Памире между Советским Союзом и сопредельными государствами. Можно лишь строить предположения, что еще могло интересовать чекистов на Памире. Но это уже другая тема. Стоит лишь отметить еще одно удивительное обстоятельство: даже когда исследователи стирали одно за другим "белые пятна" на карте Памира и он изучался всё шире и глубже, сакральная география и сакральная история этого удивительного района мира оставались вне научного поиска, а на сведения, добытые первыми экспедициями, больше никто внимания не обращал. Мифология, востребованная в той или иной степени двумя самыми влиятельными тоталитарными режимами XX в., изменившими весь ход мировой истории, давно утратила актуальность, но сама она как культурный феномен так и не стала предметом комплексного изучения ни в Германии, ни в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Достоверно известно, что когда генерал-губернатору и командующему войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютанту К.П.Кауфману с большим трудом удалось получить согласие императора Александра II на осуществление Хивинского похода, Горчаков убедительно просил Константина Петровича, по дороге в Хиву ни в каком случае не трогать Кашгара, дабы не создать этим осложнений с Китаем и с Англией. (См. об этом: *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913; Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. Т.1. М., 2004). Другой дипломат, граф Шувалов в разговоре с лордом Гренвилем, оказалось, даже не знал, что Амударья и Окс – одно и то же. Наконец третий, Бехер, никак не мог себе уяснить, какая из рек – Гюрген или Атрек – протекают южнее. Генерал М.Г.Черняев неоднократно вспоминал случай, когда канцлер Горчаков во время его доклада совершенно не мог ориентироваться в среднеазиатском вопросе и даже не имел достаточных географических сведений, постоянно путая города и области Средней Азии с Сибирью. И эта неосведомлённость вместе с незнанием географии Востока привели во многом к крайне печальным результатам, а страх перед Англией был в то время среди дипломатов так велик, что даже те успехи в Средней Азии, которыми Россия была обязана стоявшим здесь на страже туркестанским генерал-губернаторам, сводились на нет распоряжениями центрального дипломатического ведомства. См. об этом: *Логофет Д.Н.*. Бухарское ханство под русским протекторатом. Том I. СПб.,

1911, с.9; *Венюков М.* Опыт военного обозрения русских границ в Азию. Вып. 1. СПб, 1873, с.423.

[2] *Щеглов В.П.* Избранные труды. Ташкент, 1989, с.270.

[3] *Постоев А.И.* 60 лет Ташкентской Астрономической Обсерватории (1874-1934) // Труды Ташкентской астрономической обсерватории. Т. V. LX. 1874-1934. Ташкент, 1935, с.5.

[4] Мое внимание на фигуру Франца фон Шварца в своё время обратил подававший большие надежды историк Пётр Петрович Воробьёв, безвременно, в расцвете лет ушедший из жизни, не успевший реализовать свой, несомненно, незаурядный творческий потенциал. Будучи младшим научным сотрудником Отдела историографии, источниковедения и археографии Института истории АН Республики Узбекистан, он одновременно являлся стажёром-исследователем Института Европейской истории в городе Майнце (Германия) и, в совершенстве владея немецким языком, готовил под моим руководством докторскую диссертацию, посвящённую немецкому присутствию в Средней Азии. Часть научного архива П.П. Воробьёва передана его родственниками на хранение во Французский институт по изучению Центральной Азии (IFEAC) в Ташкенте. Другая часть его архива и завершённая, но, к сожалению, до сей поры не изданная книга находятся в Институте Европейской истории в Майнце.

[5] *Гвоздецкий Н.А., Федчина В.Н., Азатьян А.А., Донцова З.Н.* Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX – начале XX в. М., 1964, с.114. В книге опечатка – вместо астронома Франца фон Шварца упоминается астроном Г. Шварц.

[6] *Маев Н.А.* Очерки Гиссарского края // Туркестанские ведомости, 1876. №№ 2-7, 9-14; О путешествии гг. Маева, Вишневского и Шварца // Туркестанский сборник, т.152, с. 62-63; *Маев Н.А.* Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства // ЗИРГО, т.XII, 1876, с.349-463.

[7] Карта Гиссарского края и Кулябского бекства, составленная по сведениям, собранным 3-го Туркестанского стрелкового батальона подпоручиком Вишневским и по астрономическим пунктам, определенным г. Шварцем, под начальством майора Маева в 1875 г. (Приложение к газете "Туркестанские Ведомости", 1876).

[8] *Маев Н.А.* Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып.V. СПб., 1879, с.130-255.

[9] См.: Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Часть III. 1869-1880. Сост. О.В. Маслова. Материалы к библиографии. Вып. IX. Ташкент, 1962. С. 60,65,66,68,69.

[10] *Северцов Н.А.* Путешествия по Туркестанскому краю. М., 1947, с.206.

[11] *Щеглов В.П.* Институт астрономии АН УзССР и его история // История Ташкентской астрономической обсерватории – Астрономического института Академии наук УзССР. Ташкент, 1989, с.270-271.

[12] *Щеглов В.П.* Краткая история Ташкентской астрономической обсерватории – Астрономического института Академии наук Узбекской ССР (1873-1973) // Астрономическому институту Академии наук Узбекской ССР 100 лет. Ташкент, 1974. С.7.

[13] Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, с.86.

[14] *Щеглов В.П.* Роль Ташкентской обсерватории в географическом и картографическом изучении территории бывшего Туркестана) // Труды Ташкентской астрономической обсерватории. Т. V. LX. 1874-1934. Ташкент, 1935, с.20.

[15] *Schwarz F. von.* Turkestan, die Wiege der indogermanischer Völker, nach fünfzenjährigen Aufenthalt in Turkestan. Freiburg im Breisgau, 1900, XX+606 S. mit 1 farb. Taf., 178. Fig. u. 1 Karte d. Turkestan.

[16] *Schwarz F. von.* Turkestan, die Wiege der indogermanischen Völker. Nach fünfzenjährigen Aufenthalt in Turkestan dargestellt von Franz v. Schwarz vormals Astronom der Taschkenter Sternwarte und Leiter des Turkestanischen Meteorologischen Instituts. Freiburg im Breisgau. Herdesche Verlagshandlung, 1900. 584 s. Zweigniederlassungen in Wien, Strassburg, München, und St. Louis, Mo.

[17] Ibid, s.XX.

[18] Ibid, s.532-534.

[19] Ibid, s.583.

[20] Ibid, s.286-288.

[21] Ibid, s.532-534.

[22] Ibid.

[23] *Бартольд В.В.* Новая книга о Туркестане // ЗВОРАО, т.XIV, вып. I, СПб., 1902, с.053-060.

[24] *Бартольд В.В.* Соч., т.III. М., 1965, с.307- 310.

[25] Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan. Kommentar zu den Geschichswerken des Flavius Arrianus U. Q. Gurtius Rufus auf Grund vieljärhriger Reisen im Russischen Turkestan und angsenzenden Ländern von Franz v. Schwarz. München, 1893. 103 s.; *Schwarz F. von.* Alexanders des Grossen Feldzüge in Turkestan. Stuttgart, 1906.

[26] *Рахманова Р.М.* Из истории изучения среднеазиатской античности до октября 1917 г. // Научные труды ТашГУ. Вып. 281. Материалы по истории Средней Азии. Ташкент, 1966, с.6-7.

[27] *Арриан.* Поход Александра. М., 1993, с.136-137.

[28] *Schwarz F. von.* Alexanders des Grossen Feldzüge in Turkestan, s.28.

[29] *Ртвеладзе Э.В.* Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002, с.27. См. также: *Савицкий Г.И.* Арриан как источник по истории Средней Азии // Труды Самаркандского педагогического института, т.3. Самарканд, 1941.

[30] *Ртвеладзе Э.В.* Указ. соч., с.69.

[31] *Schwarz F. von.* Alexanders des Grossen Feldzüge in Turkestan, s.37.

[32] См.: *Лунин Б.В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979, с.117-118; См. также: ЗВОРАО, т.VIII. СПб., 1894, с.375-376.

[33] *Ртвеладзе Э.В.* Указ. соч., с.14.

[34] См., например: Отзыв действительного члена О.Э. Штубендорфа о трудах Ф. Ф. Шварца // Отчет ИРГО за 1881 год. СПб., 1882, с.12-16 (Приложение); См. также: Центральный государственный архив Республики Узбекистан, Ф. Р-1, опись 22, дело 507 (Экспедиция Шварца для определения астрономического положения Хивы, 1883 год), 8 листов; *Шварц Ф.Ф.* Магнитные наблюдения, произведённые в Средней Азии в 1877-1882 гг. Ф.Шварцем // Записки Ташкентской астрономической и физической обсерватории. 1889. Вып. 3, с.1-252. (Теория фигуры Земли, гравиметрия и земной магнетизм).

[35] Памирская экспедиция 1928 г. Труды экспедиции. Вып. 1. Общий отчёт. Л., 1929.

[36] *Повель Л., Бержье Ж.* Утро магов. М.,1991,с.9, 10.

[37] Центральный государственный архив Республики Узбекистан, ф. 34, оп.1, д.2104, л.89 (об.).

[38] *Повель Л., Бержье Ж.* Указ. соч., с.61, 62, 64, 65; *Непомнящий Н.Н.* Тайны оккультного рейха. М., 2004, с.21-22.

[39] *Горбунов Н.П.* Избранные труды. По неисследованному Памиру. М., 1987, с.20-23, 32, 97.

[40] *Россельс Е.* Банда батьки Горбунова (экспедиция на Памир). М.-Л., 1930, с.8.

[41] *Абаева Т.Г.* Исследования А.В. Станишевского (Азиза Ниалло) о Памире // Страны и народы Востока. Вып.XVI. М., 1975, с.262-291.

[42] *Абаева Т.Г., Тохтаходжаева И.Х., Юнусходжаева М.Ю.* Афганистика в Узбекистане и вклад республики в советско-афганские научные и культурные связи // Советский Узбекистан и зарубежный Восток. Ташкент, 1984, с.61-62, 65.

ЮТАКИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

В.А.БУЛАТОВА-ЛЕВИНА*

О, жизнь моя, как старец Дамаскин
Обличия твои перечисляю.
И склеиваю наново куски,
И всё люблю, и всё благословляю.

А.Зимина (О.Г.Олсуфьева)

Родилась я в 1915 году в Москве, в Сокольническом районе, вся история и топонимика которого была связана с охотничьими увлечениями царя Алексея Михайловича и потешными забавами, а потом и серьезными деяниями его сына Петра. Там же закончила школу-семилетку. Еще в школе меня влекло к истории и искусству. Первым моим "наставником" в древней истории стал гимназический учебник Дмитрия Ивановича Иловайского, хранившийся у папы, и в его же библиотеке я познакомилась с историей искусств в тоненьких книжечках искусствоведа Байе.

После школы, подавив свои желания, без особого выбора (существовала социальная квота на детей служащих), поступила в Планировочно-геодезический техникум – это был 1931 год. Будучи студенткой, усердно ходила на выставки, в музеи и картинные галереи. По окончании техникума (1934 г.) с дипломом техника-планировщика поступила на работу в Шестую архитектурно-планировочную мастерскую Отдела планировки Москвы.

Помимо работы, архитекторов и нас (техников) обязали заниматься рисунком, да еще с живой натуры, хотя в годы учебы мы рисовали только композиции из кубиков и пирамид. Сначала было трудно, непривычно, даже стыдно, а потом втянулись и с азартом обсуждали рисунки друг друга. Коллектив в основном был молодой, неделя – короткая, и мы часто устраивали лыжные походы в Сокольнический парк, не говоря уже о посещении выставок, лекций и диспутов в Политехническом музее.

Но особое место в моей юной жизни заняли циклы лекции по искусству и литературе, которые читали в МГУ профессора Абрам Маркович Эфрос и Алексей Карпович Дживелегов. Иллюстрировались их лекции лучшими артистами МХАТа и Малого театра – Иваном Москвиным, Василием Качаловым, Еленой Гоголевой, Софьей Гиацинтовой, Николаем Рыжовым. Впечатление неизгладимое!.. Это было пиршество для ума и глаз – слушать и видеть такое созвездие людей науки и сцены. Повсюду меня сопровождал архитектор Митхат Булатов, за которого в 1935 году я и вышла замуж. Так в семью старообрядцев Рогожской общины вошел татарин-иноверец из Тобольска. Своим замужеством я внесла большое смятение в душу фанатично-религиозной мамы. Папа был более толерантным человеком и заботился только о моем счастье.

В 1937 году мы с мужем уехали из голодной, безработной, но одушевленной широкими замыслами Москвы в далекий Узбекистан по договоренности с Узпланпроектом, где оба начали работать над генеральным планом Самарканда. Сознавая всю ответственность работы над древними городами, М.С.Булатов, чтобы ознакомить сотрудников Узпланпроекта с историей городов Средней Азии, пригласил археолога М.Е.Массона прочитать цикл лекций. Михаил Евгеньевич делал это живо и интересно, а мы, затаив дыхание, слушали... Вот тогда и была решена моя судьба. Вновь ожило решение заняться историей и искусством. В 1940 году я поступила на исторический факультет САГУ со специализацией по кафедре археологии Средней Азии, где с 1946 по 1949 годы была аспирантом. М.Е.Массон учел полученную мной ранее квалификацию и ориентировал на историю архитектуры и градостроительства.

Все годы учебы сотрудники кафедры, ее студенты и аспиранты были связаны с археологическими исследованиями в Туркмении. Изучались все этапы ее истории – от палеолита и бронзы до XIX века. Кафедра стала нам родным домом, где, несмотря на грозные распека-

*Вера Андреевна Булатова-Левина – археолог, кандидат исторических наук. После окончания в 1945 г. Среднеазиатского гос. университета (с 1960 – Ташкентский гос.ун-т) работала в ЮТАКЭ, затем научный сотрудник Специальных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры Узбекской ССР (1950-1957), Института истории и археологии Академии наук Узбекистана (1957-1975). Автор более 30 научных работ, в т.ч. монографий "Архитектура туркменского народного жилища" (совм. с Д.Овезовым и Г.А.Пугаченковой, М., 1953), "Древняя Кува" (Ташкент, 1972), "Древний Ташкент" (совм. с М.И.Филанович, Ташкент, 1973), "Памятники зодчества Хорезма" (совм. с Л.Ю.Маньковской, Ташкент, 1978), "Памятники зодчества Ташкента XIV-XIX вв." (совм. с Л.Ю.Маньковской) и др.

В.А.Булатова-Левина в год окончания университета (1945).

ния Михаила Евгеньевича, мы чувствовали свою защищенность и нужность.

Предметы кафедры вели лучшие знатоки своего дела, уже овеянные легендами – профессор Николай Гурьевич Маллицкий преподавал этнографию Средней Азии, Александр Александрович Семенов – среднеазиатскую эпиграфику и метрологию, Массон вел сразу три курса: исторической топографии, нумизматики и археологии, Лев Васильевич Ошанин –палеоантропологию народов Средней Азии. Несколько позже состав преподавателей пополнили Галина Пугаченкова (архитектура Средней Азии) и Замятнин (методика археологических работ).

Наш курс был немногочисленным – Лазарь Альбаум, Зулейха Альхамова, Елена Давидович, Борис Литвинский и я – "отсеявшихся" я не считаю, их было три-четыре человека. Был у нас и свой ангел-хранитель: Ксения Ивановна Массон – лаборант кафедры (жена Михаила Евгеньевича, его спутница в экспедиционных скитаниях и помощница на кафедре, мать двоих его детей: сына Вадима и дочери Серафимы).

Кафедра археологии была маленьким научным центром Ташкента – ее еженедельные заседания как магнитом притягивали всю научную элиту города и приезжих ученых. Михаил Евгеньевич делал это не без педагогического умысла; он привлекал нас к дискуссиям, доклады и сообщения специалистов по смежным дисциплинам расширяли наш кругозор, укрепляли нашу аргументацию, непосредственные контакты с учеными заставляли нас напрягать все свои способности и читать – читать бесконечно много, чтобы быть на уровне современной науки.

Летом 1941 года вся страна была повержена в горе и ужас – началась война с Германией. В Узбекистан потянулись потоки беженцев из западных районов страны, захваченных стремительно наступавшими немецкими войсками. Из Ленинграда и Москвы выезжали в эвакуацию ученые, музыканты, художники. Их спешно размещали везде, где было можно и где нельзя… Аудитории делили полотнищами на отсеки и вселяли по несколько семей. Настала пора недоедания, болезней, вшей, нехватки мыла и других примет военного времени. Весь период моей учебы длилось это тяжкое время.

В САГУ нам читали лекции блестящие ученые: Евгений Алексеевич Косминский (Европа в средние века), Борис Дмитриевич Греков (Золотая Орда и Русь), Александр Юрьевич Якубовский (Средняя Азия в период монгольского нашествия), Борис Робертович Виппер (История искусств), Илья Павлович Петрушевский (История ислама). Вот уж поистине, не быть бы счастью, да несчастье помогло… Аудитории были переполнены, так как помимо студентов была масса желающих послушать корифеев советской науки. В холоде, коченеющими пальцами, на самодельных тетрадях (в ход шло все – оберточная бумага, обои, макулатура из учреждений, в последнем случае писали между строк) мы жадно ловили каждое слово…

Такая сокровищница знаний открывалась перед нами, что грешно было терять время на что-то другое или думать о неудобствах. Если мало было еды, то духовной пищи хватало вдоволь: литературные вечера, лекции, концерты, спектакли, – только выбирай… Анна Ахматова, Владимир Луговской, Алексей Толстой, Константин Симонов, спектакли с участием Натальи Ужвий, выступления Александра Вертинского. Мы, не стесняясь, ходили в театры и на концерты в своих латаных и перелицованных платьицах, штопаных чулках, изношенной обуви… Пределом мечтаний были непромокающие сапожки и теплое пальто, на худой конец телогрейка: появились такие куртки защитного цвета, на вате, стеганые как одеяла. Они долго существовали еще и после войны, – в них ездили на уборку хлопка. На этом фоне появление на наших лекциях жены А.Н.Толстого в роскошных (по военным временам) туалетах было нонсенсом и вызывало немалое возмущение в женских душах.

В книжных магазинах было много книг, соблазнительных не только для нас, историков. Но … стипендия всего 250 рублей, а буханка хлеба на рынке стоила 200 рублей. Вот и вставала дилемма – хлеб насущный или знания… Ради хлеба насущного Ксения Ивановна продавала книги из библиотеки Михаила Евгеньевича "погонными метрами" – это его горькие слова. В первый год существования кафедры он даже и зарплату не получал.

Но вот пришел май 1945 года. Как сейчас помню, мы сидели на экзамене у М.Е., когда

кто-то распахнул дверь и прокричал: “Война кончилась! На митинг!”. Мы рванулись было, но наш порыв был остановлен Массоном, который холодно сказал, чтобы мы продолжали готовиться к ответу, он же сходит на митинг, а потом примет экзамен. Какие экзамены, какие ответы?!.. Мы всей душой были в актовом зале! И тогда Ксения Ивановна на свой страх и риск отпустила нас с условием, чтобы мы не попались на глаза М.Е. и до его прихода вернулись в аудиторию. Конечно, мы вмиг оказались на митинге, плакали и целовались, слушали сбивчивые выступления взволнованных людей, и пафосное слово М.Е. А мозг сверлила одна только мысль – как он мог? Конечно, Ксению Ивановну мы не подвели.

Она умерла во время операции в феврале 1946 года. Это случилось в отсутствие мужа, который уехал с Г.А.Пугаченковой в длительную командировку. Ксения Ивановна решила, что теперь самое подходящее время для ее обследования и операции, вручила мне будильник и попросила следить, чтобы дети вовремя уходили на занятия и вовремя ели: Вадим – в институт, а Сима – в первый класс. Мы жили в одном доме на улице 9 января, и это было не трудно. Ничто не предвещало беды. Ксения Ивановна собралась и ушла в больницу. Накануне операции я была у нее, и Ксения Ивановна, что-то предчувствуя, все говорила, что она за Симу не беспокоится, хотя ей было всего 7 лет, а вот за Вадима и Мишеньку волнуется – уж очень они не приспособлены к жизни. Я ей говорила: готовьтесь к операции и думайте о себе. Но она относилась к типу тех слишком самоотверженных людей, которые живут только ради близких. После операции случился перитонит и ее не стало. Хоронили Ксению Ивановну мы – студенты кафедры археологии. М.Е.Массон ни на одну из телеграмм, посланных на его имя, не откликнулся и на похоронах отсутствовал. Похоронили ее на Боткинском кладбище на участке с левой стороны от храма. Памятник поставили на деньги, собранные среди студентов и, в основном, на стипендию Вадима, которую он откладывал на сберкнижку.

Душа ее могла быть спокойна: Мишенька – патриарх среднеазиатской археологии, еще долго возглавлял одну из крупнейших целевых экспедиций в СССР – ЮТАКЭ. Тогда-то и были найдены прославившие ее ритоны. Вадим стал крупным ученым, продолжая работы в Южной Туркмении.

Наш профессор был прирожденным педагогом и, конечно, великим лицедеем. Он всеми средствами создавал себе имидж профессора-эрудита и великодушного отца студенчества. В ход шли и звонкая латынь, и стойкий французский капрал на письменном столе, и солдатская койка, заправленная суконным одеялом, и неизменная профессорская шапочка, и размеренная по часам жизнь в “поле” (особенно в “поле”, и как мы подчас страдали от этой муштры!), и дома. Лицедействовал он и за обеденным столом в экспедиции, и на лекциях, и в своем кабинете, окруженный книгами и всегда склоненный над рукописями… На наших “пятницах” (заседаниях кафедры) не стеснялся подловить на каких-либо неточностях всеми уважаемых докладчиков, например, Лазаря Израилевича Рempеля или Антонину Константиновну Писарчик. Мы понимали, что это делается нам в назидание, но становилось не по себе.

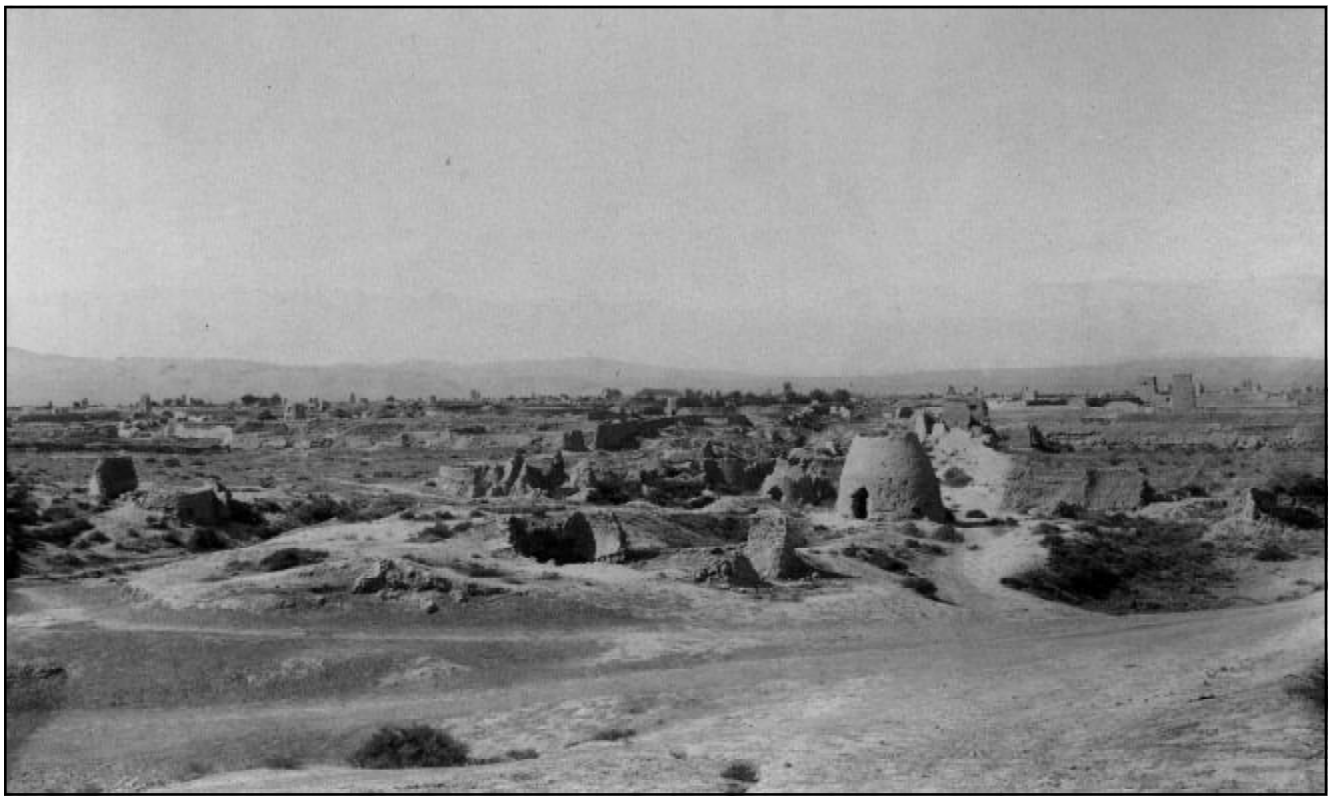
От нас он требовал честного отношения к науке и фактам, уважения к своим предшественникам, полной отдачи и точности во время полевых и камеральных работ и неустанного трудолюбия. Не все выдерживали это испытание то кипятком, то холодным душем. Был даже случай, когда в знак протеста на какую-то несправедливость Альхамова, Давидович и Литвинский сели в “бест”. Тогда миротворцем выступала Пугаченкова.

Воистину, “не делай того, что делает мулла, а делай то, о чем он проповедует”. Наш владыка был чаще жестким, чем великодушным. Недаром его первым прозвищем было “фараон”. Был также жестоко обижен Альбаум – настолько, что хотел уйти с кафедры. Крепко досталось и мне за “разглашение тайн” ЮТАКЭ. А дело было в том, что Булатов пробовал найти закономерности в построении форм нашей керамики (средневековье Анау), чтобы точно ее реставрировать, хотя бы графически. Для нас же! Но он не был ютакинцем и, по мнению М.Е., лез не в свое дело. На нас словно отрабатывались педагогические приемы. Это позднее он стал “папой”, или “батей”, угощал конфетами и полюбил хоровое пение и художественную самодеятельность.

И после войны мы жили очень интересной, заполненной до краев жизнью, которая получила какой-то новый смысл. Теоретические занятия чередовались с “полем”. С 1946 года мы неизменно каждую осень выезжали в Туркмению, где археологическое братство становилось еще более дружным. Сначала это были Старая и Новая Ниса, где нашими полевыми наставниками были пионеры туркменской археологии: А.А.Марущенко и С.А.Ершов, археологи В.Д.Жуков и М.И.Вязьмитина, а далее, для меня – Анау, Пештак (Абиверд) и несколько памятников в долине Амударьи.

В 1946 году за мной была закреплена тема: “Поздние поселения и города Южной Туркмении”. Научным руководителем стала моя ро-

Ютакинцы во главе М.Е.Массоном перед мечетью Анау. 1947 г.



Анау. Панорама позднесредневекового городища. Фото из архива ИИМК РАН.

Анау, 1947 г.
Слева направо сидят:
М.С.Мерщиев,
В.Булатова-Левина,
М.Е.Массон,
Г.А.Пугаченкова.
Стоят:
Б.В.Дмитровский,
Е.Александрова,
Х.Алпысбаев, Г.Кацурис
и студенты кафедры
археологии САГУ.

весница Г.А.Пугаченкова. Первыми же самостоятельными работами явились эпизодические раскопки на Нисе, где отряд, в составе которого была и я, вскрывал помещение хозяйственного назначения – винохранилище – как оказалось впоследствии. Мы усердно, с большими предосторожностями препарировали громадный хум, а в углу помещения обнаружили кучу остраконов, исписанных тушью. Целое ведро их мы отнесли М.Е.Массону. Радость не имела границ – ведь это были первые парфянские надписи, найденные на Нисе!

Вторым объектом моих исследований оказалась угловая башня Старой Нисы, где наставником в освоении премудростей полевой археологии был незабвенной памяти Сергей Андрианович Ершов – ашхабадский краевед, самый старший среди нас (ему было уже пятьдесят) и один из первооткрывателей туркменских древностей. Они вдвоем с Марущенко исходили и изъездили Туркмению с самыми скудными средствами, а порой движимые только энтузиазмом, и дали первичное представление о древнейшей культуре этой удивительной земли. Их исследования стали отправной точкой отсчета для работ более оснащенной ЮТАКЭ, которую возглавил М.Е.Массон.

Вот вдвоем с С.А.Ершовым мы и расчищали эту громадину, копошились как муравьи в щели-разрезе, который должен был дать представление о ее устройстве и внешнем виде. Попутно велись наблюдения в Багире и его окрестностях над жильем и оборонительными сырцовыми башнями – дингами.

Мне посчастливилось увидеть и всю синеголубую прелесть исчезнувшей вскоре мечети Анау с ее драконами, так как в это время я занималась обследованием жилья и дингов, сосредоточенных вокруг средневекового городища. Они были заброшены, покинуты жителями и представляли собой печальные руины. Шёл 1946 год. Со мной был Борис Дмитровский – архитектор, который вел и обмеры мечети Анау, и помогал мне с обмерами и зарисовками жилья и дингов. В анауской мечети он, Елена Александрова и Галина Пугаченкова проделывали чудеса эквилибристики при замерах высотных точек здания, так как в их распоряжении не было даже примитивных лесов.

С рабочей силой тогда было трудно – слишком явно ощущалась убыль мужского населения после войны, и Михаилу Евгеньевичу пришлось прибегнуть к помощи правоохранительных органов – нам выделили команду уголовников, которые приехали на грузовиках с вооруженной охраной и собаками. Когда их припекло солнышко и они поснимали рубахи, зрелище открылось впечатляющее – торсы и руки заключенных покрывала татуировка с разнообразными сюжетами: самыми популярными были портреты Ленина, русалки, змеи, могилы с печальной ивой. Все это сопровождалось надписями, среди которых самой приличной была душещипательная “Не забуду мать родную!”. Как-то на рабочую площадку приехали кинооператоры, чтобы снять процесс археологических работ, но подобной картины и они не выдержали – ограничились съемками камеральной обработки в полевом музее экспедиции. У нас особых затруднений с этой “рабочей силой” не было, если не считать постоянного нервного напряжения. В следующий полевой сезон предпочли обойтись помощью местного населения, включая женщин и подростков.

В 1948 году мы, как обычно, начали свой полевой сезон на Нисе (селение Верхний Багир). Он ознаменовался находкой ритонов из слоновой кости (отряд Е.А.Давидович), причем сама Елена Абрамовна быстренько была отозвана в Ташкент под предлогом, что ей надо

заканчивать диссертацию (хотя перед началом экспедиции эта же причина не повлияла на на ее выезд), и раскопом занялись Михаил Мерщиев и Вадим Массон, к тому времени уже студент кафедры.

М.Е.Массона в этот сезон с нами не было. По семейным обстоятельствам (роды Г.А.Пугаченковой, которая в этом же году официально стала его женой), он отсутствовал, а нам прислал телеграмму, где поздравлял с рождением "ютакинца" – их сына Анатолия. Михаила Евгеньевича заменяла М.И.Вязьмитина, а начальником лагеря был М.С.Мерщиев. Я и Б.В.Дмитровский готовились к отъезду в Чарджоу, откуда должны были отправиться в наше путешествие по селениям Средней Амударьи. Но судьба распорядилась иначе....

В ночь с 5 на 6 октября 1948 года подземный гул и сильнейший толчок выбросили нас из постели. Земля напряженно дрожала под ногами. В горах Копетдага грозно гудело и сверкали какие-то вспышки. Было жутко, как перед концом света. По команде Мерщиева мы собрались в середине двора. К счастью, пострадавших от разрушившихся стен медресе, где мы квартировали, среди археологов не было. Синяки никто не считал. Пострадал только наш завхоз Иван Филиппович. Его со сломанной ногой быстро эвакуировали в Чарджоу.

Рассвет застал нас среди развалин медресе. Вадим Массон пошел с кем-то осматривать раскопы на Нисе, часть сотрудников во главе с Мерщиевым осталась в лагере, чтобы по возможности собрать имущество экспедиции; часть, и я в том числе, отправились на разведку в Ашхабад. Багир лежал в развалинах: было непонятно, где дорога, где дома. Наш пеший переход Багир – Ашхабад прошел среди стонов и криков, засыпанных и раненых жителей Верхнего и Нижнего Багира, а потом по шоссе, пересеченному трещинами от землетрясения. Навстречу шли люди из Ашхабада, которые очень выразительно, жестами дали понять, что и там все разрушено. Над Ашхабадом висел темный купол из пыли, подсвечиваемый отблесками пламени: горел педагогический институт и многие другие здания. Наконец мы вошли в город, где все было разрушено до неузнаваемости. Мы даже не могли сориентироваться: от улиц оставались только тропки по середине проезжей части, а по обе ее стороны груды кирпичей, прикрытых крышами. Кругом стонущие, плачущие, молящие о помощи люди. А сколько их под завалами? Но мы еще не представляли себе всей масштабности катастрофы... Где позволяло свободное пространство, организовывались госпиталя под открытым небом. Уже появились отряды военных, стянутых на помощь городу из ближайших частей.

На площади Ленина мы разыскали штаб Академии и получили первое задание по оказанию помощи сотрудникам Института истории. Разбирать завалы приходилось руками, и эта работа чаще всего заканчивалась извлечением трупов сотрудников института или членов их семей. Шоковое состояние, в котором мы находились, помогало не сойти с ума от всех ужасов, окружавших нас. Дмитрий Васильевич Наливкин – в то время председатель Президиума Туркменского филиала АН СССР (ТФАН) – был в штабе и знал всю ситуацию, но помочь нам с эвакуацией не мог, да мы и не просили. Но вскоре он предложил два места в самолете, вывозившем геологов. Посоветовавшись, мы с Вадимом отправили двух студенток. Вот и все попытки нас эвакуировать.

Разместились мы во дворе какого-то дома неподалеку от стадиона, на котором по ночам слышались выстрелы, – это расстреливали мародеров: тех, кто решил воспользоваться всеобщей бедой. Через некоторое время нам предоставилась возможность помочь нашему отряду, работавшему над консервацией ритонов. Их нельзя было оставить открытыми. Еще когда здесь была Елена Давидович, она осаждала Михаила Евгеньевича телеграммами и телефонными звонками с просьбой прислать специалиста-реставратора и консерванты. Дело-то было очень ответственное! Тут же сообщили и в Президиум ТФАН. Наша консервация была, конечно, примитивной – с помощью спирта, желатина и еще каких-то консервантов, которые мы с трудом выкопали из развалин складов Академии. За нее мы получили потом головомойку...

Вот в эти тяжелые дни к нам прибыл Хасан Алпызбаев, студент кафедры, командированный М.Е.Массоном в Ашхабад с подробной инструкцией, что и как делать: в случае полной гибели экспедиции – определить место установки памятника; в случае частичной – кто, кого и в какой последовательности должен был замещать погибших (если погибла Вязьмитина, то ее замещает Левина-Булатова, если погибли и та и другая, то ...имярек). Эта инструкция вызвала только горькую улыбку. Мы то ждали его – нашего бога. Академик Наливкин тогда сказал: "В этом весь Михаил Евгеньевич!".

В городе разлагались трупы. Городские власти боялись заражения воды (водопроводная сеть во многих местах пострадала) и, как следствие – желудочно-кишечных заболеваний, – потому приступили к эвакуации лишних людей – командированных, участников экспедиций, гостей, раненых, так как линия железной дороги уже была приведена в относительный порядок.

Мы попали в одну из первых партий и отправились поездом Ашхабад – Ташкент. Деньги на билеты мы наскребли с трудом, не хватало только на один билет и Хасан решил ехать в пустой цистерне – способ, привычный ему еще со времен голодного беспризорною детства (почему М.Е. отправил его без денег на обратный билет, мы так и не поняли). Привезенное в Ашхабад экспедиционное имущество мы отдали в распоряжение штаба ТФАН для пострадавших.

В Багире на раскопе с ритонами остался Борис Литвинский. Ташкент встретил нас бравурным маршем, а в наших душах был ужас и недоумение… М.Е.Массон был на перроне, но к нам не подошел, да и мы что-то не стремились в его объятия. Издали его цепкий взгляд, однако отметил, что кое у кого были экспедиционные спальные мешки. Позже мы отчитывались за работу на раскопе и за экспедиционное имущество…

В том же октябре, обеспечив выезд реставраторов из Ленинграда и Москвы, М.Е.Массон и М.С.Мерщиев приехали на раскоп, чтобы извлечь ритоны, уже освобожденные от культурных наслоений и потому беззащитные от грядущих снегов и дождей – и доставить их в Ташкент для камеральной обработки. Работа продолжалась до 20 ноября: извлекли и загипсовали 30 ритонов и привезли в Ташкент 30 “гробиков” – капсул, над которыми потом началось многомесячное священнодействие. Реставрация ритонов стала испытанием терпения всех сотрудников кафедры. Самым терпеливым и умелым оказался Мерщиев, который артистически реставрировал самые крупные и разрушенные. Моего терпения не хватило и на маленький ритон: восстановив основную форму, я его отдала для окончательной доделки “богу реставрации” – Михаилу Сергеевичу Мерщиеву.

Восстановленные ритоны долго украшали нашу кафедру, а потом были переданы в музей Академии наук Туркменской ССР (ныне основная их часть хранится в Национальном музее Туркменистана). Это, конечно, было открытие века, открытие целого пласта художественной культуры Парфии.

Еще в 1947 году мы с Дмитровским обследовали Пештак и Хивеабад в Каахкинском районе Туркмении, в предгорной долине Копетдага, где за 20 лет до нас проводил разведку А.А.Семенов. На средневековом городище Пештак сделали глазомерную съемку, собрали многочисленный подъемный материал XII-XV вв. Четко читались основные части города: арк, шахристан, рабад. Хорошо сохранились стены города. Хивеабад – это один из немногих уцелевших памятников XVIII века с четкой прямоугольной планировкой, с центральной площадью и четырьмя воротами по странам света. Собрали подъемный материал. Эти объекты мы обследовали при полном безлюдье и безмолвии, как будто на Луне. И только по окончании работ нашли сельсовет, где и оформили свои документ!

Обследования поселений и городов Южной Туркмении было продолжено в 1949 году. Мой немногочисленный отряд, состоявший из двух человек – меня и Б.В.Дмитровского, – получил порядковый № 13, над чем всё подтрунивал М.Е.Массон. “Чертова дюжина” оказалась для нас милостивой, и сезон начался и закончился благополучно. Из Чарджоу маленький одномоторный биплан, широко известный как “кукурузник”, доставил нас в Бурдалык – доселе неведомую нам географическую точку. Самолет улетел, а мы со своим багажом остались в чистом поле – ни жилищ, ни людей. Куда идти?! Багаж неподъемный, от жары мы уже и говорить не могли. Далеко на горизонте маячил красный флаг – не иначе как над сельсоветом или правлением колхоза. Потихоньку, подтягивая багаж, потащились к этому маяку спасения и не ошиблись. Предъявили свои документы и нас, прежде всего, напоили чаем (какая же эта благодатная традиция у туркмен, только путник в пустыне может оценить ее по достоинству!). После того, как мы пришли в себя, нас повели устраивать на ночлег. К нашему изумлению, это был местный роддом. Медсестра успокоила, сказав, что местные жительницы предпочитают рожать дома и с помощью своих повитух.

Тогда только что вошел в моду дуст, и наша медсестра обильно усыпала все жилые и нежилые комнаты этой отравой… Из этого пристанища мы и начали свои походы по разным направлениям. По всему маршруту мы были под приглядом пограничников и о нашем прибытии везде знали заранее. Это было даже хорошо: о крыше над головой не стоило заботиться, а документы, которые дважды терял рассеянный Борис Вячеславович, сразу же находились. Вместе с ним я исколесила все побережье Амударьи: где пешком, а где на арбе. Жили впроголодь, спали, где попало и как попало, нещадно были искусаны комарами. Нас будил спозаранку и усыплял по ночам монотонный скрежет ручных мельниц, на которых многострадальные туркменки мололи зерно, чтобы испечь хлеб для своей семьи. О продаже его и речи не было, так что мы ели чудесный туркменский чёрек от случая к случаю, пили (о, ужас!) сырую воду из арыков (знал бы об этом М.Е.!!! За такое он тут же отослал бы нас в Ташкент). Часто тутовники в заброшенных усадьбах оказывались единственным источни-

Абиверд (Пештак). Панорама позднесередневекового городища. Фото из архива ИИМК РАН.

ком питания для изголодавшихся исследователей. Это дало повод Борису Вячеславовичу сделать забавную карикатуру, которая называлась “Не хлебом единым…”.

Во время наших странствий в Мирзачульском районе мы наткнулись на жилую усадьбу, перепрыгнули арык и очутились в крохотном дворике. Собаки не было, стояла мертвая тишина. Мы с опаской осмотрелись, но никого не увидели. Мое внимание привлекли игрушки, оставленные детьми: на маленькой тахте лежали две глиняные фигурки, из еще влажной глины, так что сомнений в их современности не было. Одна из фигурок была почти точной копией древней Анахиты, которую мы недавно нашли по соседству: статичная поза, одежда с прямыми складками, округлое лицо с намеченными глазами и ртом, и головной убор в виде тиары. Как же этот образ из глубины веков дошел до наших дней!.. Взять с собой эти фигурки мы не посмели, так как маленькие владельцы были где-то поблизости и, может быть, наблюдали за нами, а фотоаппарата с собой не было, да и не должно было быть: мы находились в погранзоне, где любая съемка строжайше запрещалась. Пораженные увиденным, мы с Борисом еще долго оставались под впечатлением, тем более, что всего несколько дней назад он зарисовывал древнюю статуэтку Анахиты, чуть более детализированную и сделанную профессионально.

Плохо было то, что вся пограничная полоса к тому времени обезлюдела: мы ходили по покинутым усадьбам, и не у кого было спросить о названиях или назначениях тех или иных деталей. Опрос жителей прилегавших селений не всегда эффективен, но и то, что удавалось собрать, очень интересно в плане этнографическом и историко-архитектурном. Большой графический и опросный материал по жилью и поселениям туркмен Ахала, Атека, Марыйской области, Приамударьинского района вошел в состав II и III томов ЮТАКЭ и стал основой моей диссертации. В результате ко мне возник интерес со стороны этнографов, что меня очень смущало. Ну, какой я этнограф?!

В 1949 году закончилась моя работа в Туркмении. Остались добрые друзья, общие научные интересы, наше археологическое братство, зародившееся на кафедре археологии.

Дальнейшая моя научная деятельность была связана с памятниками архитектуры Узбекистана. А работы ЮТАКЭ продолжались, приходили новые студенты, исследовали все новые и новые объекты. Для меня же остались яркие, на всю последующую жизнь, воспоминания о трудной, но такой счастливой поре нашей молодости, которая с высоты прожитых лет кажется далекой, почти уже всеми забытой, но все-таки славной эпохой.

Ташкент, 17 марта 1990 – 20 мая 2006 г.

П О Л Е М И К А

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФУЗУЛИ

А. ЯЗБЕРДИЕВ

О шейх Фузули, было б равным слово мое слову твоему!
Махтумкули Фраги, (XVIII в.)

Во второй половине XX в. впервые были написаны и изданы многотомные "История Туркменской ССР" в 2-томах 4-х книгах (Ашхабад, 1957) и "История туркменской литературы" в 6-ти томах и 10-ти книгах (Ашхабад, 1975-1984). Их первые тома посвящены истории туркменского народа и истории туркменской литературы с древнейших времен до 1917 г. Это был безусловный успех туркменской гуманитарной науки той эпохи и результат кропотливого труда целого поколения ученых. В то же время, оба издания представляют собой исследования, написанные в сложных условиях тоталитарного режима, с позиций марксистско-ленинской методологии, когда к изучению истории культуры, науки и литературы разных народов, входивших в состав СССР, исследователям предписывалось подходить по определенной идеологической схеме. Из нее следовало, что эпоха, предшествовавшая победе большевиков в Российской империи, была временем беспросветного существования обездоленных и угнетенных наций, которым только Октябрьская революция дала возможность для социального развития и духовного возрождения. По этой причине многие яркие явления национальных культур, которые не вписывались в такую концепцию, либо игнорировались, либо вовсе не интересовали иных советских исследователей и порой даже не были им известны.

Какие изъяны очевидны в упомянутой "Истории туркменской литературы"? Прежде всего, в ней не нашло отражения творчество значительной части поэтов, живших как на территории современного Туркменистана, так и в сопредельных регионах и в разные эпохи, чье творчество неразрывно связано с контекстом туркменской литературы. В числе "забытых" оказались Баязит Бистами (776-875), Мухаммед Хорезми (780-880), Кесайи Мервези (973-1002), Махмуд Замахшари (1075-1144), Наджмаддин Кубра (1145-1221), Рашидаддин Ватват (XII в.), Гул Сулейман Бакыргани (ум.1186), Джеладдин Руми (1207-1273), Мухаммед Гаймаз Туркмен (XIII в.), Шейх Шереп Хорезми (XIV в.), Баба Совдаи (1366-?), Пир Пудак (ум.1465), Солтан Якуби (ум.1490), Рухи Языри (ум.1490), Мехри Хатын (1460-1506), Шах Исмаил Хатаи (1486-1524), Патша Ходжа (XVI в.), Сопы Аллаяр (1606-1706), Сеидмухаммед Саяды (ок.1640-1710), Хайдаркули Туркмен (XVII в.), Молламурат Хорезми (1780-1845) и др. За пределами литературной истории осталось также немалое число фольклорных произведений и анонимных дестанов. Из них укажем на "Книгу моего деда Коркута", "Искандер-нама", "Хатам-нама", "Абу Муслим-нама", "Палван Ахмет Замчи", "Эмир Хамза", "Аслы и Керем", "Хюйрукгла и Хемра", "Саят и Хемра", "Мелике Дилярам", "Варка и Гульша" и др.

Во-вторых, жизнь и творчество тех классических поэтов, которые, как принято считать, изучены глубоко и всесторонне, на самом деле оценивалось довольно поверхностно. Далеко не все их литературное наследие бралось в расчет. Определенная часть произведений поэтов, классифицировавшаяся по своей тематике как религиозная, мистическая была оставлена за бортом литературной истории. В этом смысле достаточно взглянуть на полноту охвата наследия двух наиболее выдающихся поэтов – Махтумкули Фраги (1733-1783) и Нурмухаммеда Андалиба (1711-1780). Часть поэтического наследия первого из них из-за того, что в ней звучат суфийские мотивы, в советское время не рассматривались вообще. Эти произведения поэта стали впервые публиковаться и сделались достоянием читательской публики лишь после того, как перед развалом Советского Союза ослаб идеологический контроль и наступил так называемый период гласности.[1] Добрая половина произведений Андалиба разделила ту же участь. Между тем, такие его замечательные дестаны как "Зейнел араб", "Баба Ровшен", поэмы "Сагды Вакгас", "Кысса-и Фыргун" ("Повествование о фараоне") и другие в последней четверти XIX в. и в начале XX в. не раз печатались в крупных городах Средней Азии литографским способом и на арабской графике (то есть в своих оригиналах) и широко распространялись среди туркмен.[2] Но они ни разу не переиздавались в советское время, также как и упомянутая выше часть поэтического наследия Махтумкули.

В-третьих, творчество отдельных поэтов были крайне тенденциозно интерпретировано. Такой субъективный подход к изучению литературного наследия так же стал следствием установок коммунистической идеологии с ее ярко выраженной антирелигиозной направленностью. Раздел литературной истории Туркменистана, посвященной поэме Хыдыр Кули Вепаи (XV в.) "Светоч ислама" является наглядным тому примером.[3]

В-четвертых, некоторые туркменские поэты, вопреки достоверно известным сведениям, в "Истории туркменской литературы" фигурируют как представители литературы другого народа и, как это ни парадоксально, прослежено их влияние на туркменскую литературу. Наиболее яркие примеры – осве-

щение творчества Несими (1368-1417) и Фузули (1494-1556). Как же такое могло произойти? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к вопросу о туркменской культуре и, в частности, литературе, существовавшей в средние века в странах Ближнего Востока, в особенности в Ираке. Позиция, традиционно занимаемая по этому вопросу азербайджанскими учеными, на наш взгляд, противоречит историческим фактам. Однако, при советской власти она широко распространилась благодаря многочисленным публикациям – прежде всего в энциклопедиях, книгах по истории литературы и едва ли не во всех русскоязычных изданиях произведений этих поэтов.[4] По инерции такая заведомо ложная позиция продолжает распространяться и сегодня, прежде всего через интернет.[5]

Возникновение и расцвет туркменской культуры в Западной, или Передней Азии было обусловлено необычайной политической активностью туркмен за пределами их исторической родины как в домонгольский период, так и в последующие века. Существуют данные, что они начали мигрировать в Ирак еще в VIII в.,[6] после чего их культура постепенно стала пускать свои корни в новых землях. Этот процесс усилился и стал еще более заметным в связи с созданием огромной державы туркмен-сельджуков. "Благодаря образованию сельджукской империи, – писал академик В.В.Бартольд, – огузский, или туркменский народ приобрел для мусульманского мира такое значение, какого не имел в средние века ни один из других турецких народов".[7] "Наши сведения о литературной жизни туркменского народа приобретают совершенно иной характер с XI в., – продолжал эту мысль проф. Е.Э.Бертельс. – Событием, имевшим исключительное значение для жизни всего Ближнего Востока, было возвышение сельджуков, начавшееся уже в двадцатых годах XI века… Огузские племена мощными волнами разливаются по всем краям халифата, проникают в Малую Азию и в Закавказье. Господство сельджуков влечет за собой последствия исключительной важности. Именно в это время складывается богатейшая культурная жизнь, создается сельджукское искусство, которому предстояло сыграть огромную роль не только в жизни стран Востока, но и во всем культурном мире".[8]

О серьезности характера присутствия туркмен на Ближнем Востоке свидетельствуют сообщения знаменитого венецианского путешественника Марко Поло (1254-1324). Когда он в ноябре 1271 г. пересек Босфор,[9] страну к востоку от этого пролива он назвал Туркменией. Об этом Марко Поло пишет в XXI главе своей книги „Путешествие», озаглавленной "Здесь описывается Туркмения". Ниже мы приводим ее текст с незначительным сокращением: "В Туркмении [живут] три народа: [из них] туркмены чтут Мухаммеда и следуют его закону; люди простые, и язык у них грубый. Живут они в горах и в равнинах, повсюду, где знают, что есть привольные пастбища, так как занимаются скотоводством. Водятся здесь, скажу вам, добрые туркменские лошади и хорошие, дорогие мулы. Есть тут еще армяне и греки; живут вперемешку по городам и городищам; занимаются они торговлей и ремеслами. Выделываются тут, знайте, самые тонкие и красивые в свете [туркменские] ковры, а также ткутся отменные, богатые материи красного и другого цвета, много и других вещей изготавливается здесь".[10]

Известно, что в средние века представители отдельных туркменских династий создали в разных частях Передней и Южной Азии целый ряд больших и малых государственных образований – от империй до независимых удельных княжеств. Среди них – Османская империя (XIII-XX в.), а также государства Гарагоюнлы и Акгоюнлы (XIV-XVI в.) со столицей в Тебризе, включавшие современные территории Азербайджана, Армении, Западного Ирана и Ирака. В этот период происходила тюркизация местных древних народов, в том числе тех, которые жили па территории нынешних Азербайджана и Турции. Эти и подобные им факты объясняют причину той роли, которую туркмены играли тогда не только в экономической, политической, но также и в научной, духовной и литературной жизни этого региона. Этноним *туркмен* фигурирует здесь в письменных источниках начиная с XI в.

Вопреки этой исторической истине, азербайджанские гуманитарии, судя по их публикациям по вопросам литературного наследия и истории, начиная с 30-х годов XX в. начали целенаправленную компанию, суть которой, если не целиком, то, во всяком случае, во многих отношениях сводится к тому, чтобы там, где это возможно, умалить, перечеркнуть туркменское присутствие к югу и к западу от Каспийского моря. Все это делалось для того, чтобы многие важные исторические события, вершившиеся туркменами, приписать к истории азербайджанского народа, который, как это хорошо известно, на протяжении средних веков был раздроблен на ряд мелких ханств и до XIX в. находился в вассальной зависимости от Ирана. Соответственно, литературное наследие, созданное туркменскими поэтами и учеными средневековья в этом регионе, было объявлено азербайджанским. Языковая близость и вариативность неогласованной арабской графики дают здесь широкие возможности для спекуляции.

Мы уже писали о том, что только в Азербайджане туркмен Ирака сегодня называют азербайджанцами.[11] Между тем, в современном Ираке именно туркмены составляют третью по численности после арабов и курдов часть населения – эти данные зафиксировано в официальных международных документах ООН, энциклопедиях и справочниках. По официальным данным саддамовского режима, в 1995 г. их численность составляла около миллиона человек, фактически же их было тогда около трех миллионов.[12] Наряду с ними в Ираке есть и этническая группа азербайджанцев, но она настолько мала, что обычно даже не упоминается в обзорах национального состава страны. Как и в средние века, туркмены проживают в Багдаде и окрестных городах и селениях – прежде всего, в Киркуке и Таль-Афаре. Именно из их среды когда-то вышли Несими и Фузули. Иракские туркмены, пережившие тяжелые испытания в годы правления Саддама Хусейна, являются ныне влиятельной политической силой и предъявляют исторические права на город Киркук, в районе которого сосредоточены 7% мировых запасов нефти.

После провозглашения независимости Туркменистана в 1991 г. иракские туркмены (прежде всего,

ученые и литераторы) в одиночку и целыми делегациями ежегодно посещают родину своих предков. Когда в том же 1991 г. в Ашхабаде была создана Гуманитарная ассоциация туркмен мира, то в состав ее правления наряду с представителями туркмен, живущих за рубежом, был избран и председатель партии иракских туркмен "Бирлик" ("Единство") Ахмет Бегдали Гунеш.[13] С тех пор иракские туркмены регулярно принимают участие в ежегодных конференциях по истории социальной и культурной жизни туркмен мира, проводимых этой организацией в Ашхабаде.

Впрочем, всех этих фактов для азербайджанских авторов попросту не существует. Вопреки очевидности на протяжении нескольких последних десятилетий они пытаются убедить себя и других в том, что народ, который в Передней Азии средних веков назывался туркменами, на самом деле – азербайджанцы. Весьма характерно недавнее высказывание писателя Эльчина Гасанова, который в одном интервью на вопрос – кого, на его взгляд, можно назвать истинно азербайджанским писателем и поэтом – ответил вполне откровенно: "Это – Хагани, Вазех, Ширази, Сабир. С признанием их азербайджанцами у нас проблем нет. Но в то же время мы также считаем азербайджанцем и Физули.[14] Но это также трудно доказать. Ведь он жил в Сирии, никогда не был в Азербайджане и писал не на азербайджанском, а на арабском языке[14a]. Поймите, я не говорю, что Низами или Физули не являются азербайджанцами, но это еще нужно доказать всему миру. А для этого нам нужно, прежде всего, построить правильную линию пропаганды. Пока она на очень низком уровне. В этом смысле, нам нужно не стесняться учиться у армян. Посмотрите, как умело они распустили информацию о том, что Рамиль Сафаров убил спящего армянина. На самом деле "спящий армянин" это – миф. Но в него успело поверить очень много людей в мире. Также и нам нужно работать над тем, чтобы во всем мире поверили в то, что Низами и Физули – азербайджанцы".[15] Пожалуй, комментарии излишни. А вот с доказательствами собственных мифов в Азербайджане всегда были проблемы.

30 лет назад проф. А.Ю.Казиев пытался отрицать существование туркменской школы миниатюрной живописи, возникшей и процветавшей в Тебризе, при дворе туркменских правителей Гарагоюнлы и Акгоюнлы. "Эта школа, – писал он, – названная некоторыми авторами туркменской, по существу была азербайджанской и продолжала традиции и стилевые особенности тебризской школы XIV в."[16] Здесь тоже вполне очевидная реальность искажена, перевернута наизнанку. Но вымысел и действительность не уживаются вместе. Не решенный на научной основе вопрос, сколько бы не прошло времени, ждет своего часа, когда будет внесена ясность и отброшены подобные псевдонаучные измышления. Как раз это и случилось с туркменской школой миниатюрной живописи. Правда, восстановление и утверждение исторической истины по этому вопросу – заслуга отнюдь не туркменских ученых.

В Туркменистане никто, похоже, не ведал о существовании на рубеже XV-XVI вв. туркменской школы художников-оформителей рукописных книг до тех пор, пока в начале 80-х годов в Центральную научную библиотеку Академии наук Туркменской ССР не поступило фундаментальное исследование «Книжное искусство Центральной Азии в XIV-XVI веках», изданное ЮНЕСКО,[17] и пока автор этих строк не перевел опубликованную там статью английского исследователя Базиля Робинсона «Туркменская школа (до 1503 г.)»[18] сначала на туркменский язык,[19] а затем и на русский.[20] Лишь после этих публикаций в Ашхабаде местное телевидение организовало цикл передач об этом изящном искусстве старых туркменских мастеров, им заинтересовались туркменские художники и искусствоведы. Почти четверть века Б. Робинсон глубоко и всесторонне изучал рукописи, хранящиеся в библиотеках и ориенталистских центрах разных стран мира, в которых хранятся образцы творчества придворных художников эпохи Гарагоюнлы и Акгоюнлы. Ему удалось убедительно доказать существование не только туркменской школы в Тебризе и Ширазе, но и туркменского стиля книжных миниатюр, который достиг своего апогея в 1475-1500 гг. Вопреки утверждению А.Ю.Казиева, в работах крупных искусствоведов, посвященных этому вопросу, систематически воспроизводятся репродукции работ, которые называются не иначе как образцами туркменской школы миниатюрной живописи.[21]

Случай Б.Робинсона – не единственный. Другой яркий пример того, как современным туркменам возвращали их забытое наследие, связан с именем московского востоковеда, профессора Газанфара Алиева, который тоже впервые со всей определенностью показал, что живший в Индии видный государственный деятель империи Великих Моголов Мухаммед Байрам-хан (1505-1561) был выдающимся туркменским поэтом.[22] Благодаря публикации Г.Ю.Алиева имя Байрам-хана вышло из тени забвения и постепенно стало неотъемлемой частью историко-культурного достояния туркмен. Но другим средневековым поэтам, жившим далеко за пределами родины предков, в Туркменистане XX в. повезло меньше – так и не нашлось ученых, которые вернули бы их имена отчизне.

Азербайджанские ученые искажают историческую истину не только в отношении туркменских поэтов, но и ученых средневековья. Например, Искандер-бег Туркмен (1560-1634), автор монументального труда по истории правления сефевидского шаха Аббаса I (1587-1629) по происхождению был туркменом, что отмечал еще ленинградский иранист А.А.Ромаскевич (1885-1942),[23] переводивщий с персидского те части его сочинения "Тарих-и алам арай-и Аббаси"("Аббасова мир украшающая история"), которые относятся к туркменам и Туркменистану. Туркменом называли его В.В.Бартольд, [24] а также европейские ученые Сильвестр де Саси, Ф.Эрдман, Б.Дорн, А.Мюллер, Л.Л.Миллан, В.Минорский, Э.Браун, Р.Сейворы и др. Туркменом его признают в иранском научном мире и только по версии азербайджанского автора А.А.Рахмани Искандер-бег Туркмен якобы происходил из некоего туркменского племени азербайджанского народа.[25] Однако, из таких первоисточников, каковыми являются эпосы "Огузнама", "Книга моего деда Коркута", а также "Диван-е лугат-е ат-тюрк" Махмуда Кашгари, "Родословная туркмен" Абулгази-хана хорошо известно, что никакого туркменского племени в соста-

ве азербайджанского народа никогда не было! Но были туркмены, которые поселились в Ардебиле, ныне принадлежащем Ирану. Это они основали Сефевидское государство, которое существовало с 1502 по 1736 г. и включавшего в себя значительную часть территории Ближнего и Среднего Востока.[26] Занимая важные посты в этом государстве, многие туркменские деятели, как это ясно видно из того же "Тарих-и алам арай-и Аббаси", к своим именам прибавляли слово "Туркмен", подчеркивая тем самым свою национальную принадлежность. Искандер-бег Туркмен был одним из них.

Выдающийся филолог-иранист Е.Э.Бертельс (1890-1957) еще в середине 40-х гг. опубликовал цитированную выше статью "Литературное прошлое туркменского народа. От древнейших времен до XVIII века". Именно в те годы в СССР набирала темпы начавшаяся еще в довоенное время практика дележа тюрко- и персоязычного литературного наследия, когда поэты далекого прошлого прописывались в современных "национальных квартирах". Е.Э.Бертельс понимал, что туркменское литературоведение еще не в состоянии было полностью охватить, соответствующим образом изучить огромное духовное наследие и написать полнокровную историю туркменской литературы. Поэтому ученый написал эту свою работу, пытаясь защитить от растаскивания туркменское литературное наследство. Глубокий знаток источников по истории литературы ираноязычных и тюркоязычных народов, он изложил основные этапы и особенности истории туркменской литературы в разных регионах Азии. Его статья и сейчас не потеряла своего значения и может служить программной при изучении этой темы. Хорошо владея тонкостями туркменского литературного языка, Е.Э.Бертельс прямо указал на принадлежность к ней ряда выдающихся поэтов, живших в Передней Азии. Далеко не все из них, как уже отмечалось, попали в упомянутую выше «Историю туркменской литературы». Прежде всего, речь идет, конечно, о тех, кого в Советском Союзе объявили классиками азербайджанской литературы. Так как указанная статья Бертельса опубликована в труднодоступном источнике, приведем несколько больших цитат из нее, позволяющих оценить характер его суждений.[27]

Е.Э.Бертельс, в частности, констатировал: «Некоторые исследователи считают, что Несими по происхождению был туркменом.[28] Решить вопрос о его происхождении можно будет лишь тогда, когда мы получим критические издания как его собственных произведений, так и довольно богатой, имеющейся в стамбульских библиотеках литературы по хуруфизму. Можно, однако, заметить и сейчас, что изучение Несими для туркменской литературы безусловно имеет очень большое значение, ибо едва ли случайно то исключительное внимание, которое ему уделяли туркменские классики. (Нур)мухаммед Гариб, известный под прозванием Андалиб (соловей), посвятил мученику хуруфизма целую поэму. Громадное значение Несими в том, что безыскусной духовной поэзии XII-XIII вв. он противопоставляет сложнейшую философскую лирику, унаследовавшую всю технику персидской суфийской поэзии и так подготавливает почву для Махтумкули и его современников».[29]

Относительно Хатаи Е.Э.Бертельс писал: «Века, последовавшие за падением дома тимуридов – одна из самых тяжелых эпох в жизни Средней Азии. Начинается непрерывная борьба между сефевидским Ираном, османской Турцией и среднеазиатскими ханствами. Туркменские племена жили на территории всех этих складывавщихся государственных образований, в значительной степени именно на стыке их. Воинская доблесть туркменов всем боровшимся противникам была прекрасно известна. *Не забудем, что сам основатель мощи сефевидов шах Исмаил (1486-1524), писавший на своем родном языке неплохие стихи в прославление имама Али, пользуясь тахаллусом Хатаи, был по происхождению туркменом и его главной опорой были именно туркменские племена*"[30] (Курсив мой – **А. Я**.).

По Е.Э.Бертельсу, «В XIV в. крайне важный вклад в туркменскую литературу делает такой своеобразный и интересный поэт, как кази Бурханэддин Сивасский (1344-1397). Его предки принадлежали к племени салор и имели местопребывание в Хорезме. Во время больших передвижений туркменских племен один из них по имени Мухаммад ибн Расул Севиндж перебрался в Кастамуни в Малой Азии. Его сын Хусамаддин Хусейн изменил военной профессии своих предков, посвятив себя изучению юридических наук, добился получения почетной должности кази области Кайсария. Его потомки продолжали заниматься научной работой. Все они получили большую известность, в какой нибудь из отраслей знания. Правнуку Хусейну Бурханеддину Ахмаду было суждено затмить все достижения своих ученых предков».[31] Оценивая его литературное наследие, Е.Э.Бертельс также подчеркивал: «Бурханеддин одним из первых создает газели на своем родном языке. Значение его дивана крайне велико, ибо здесь мы впервые видим перенос всей блестящей техники персидской поэзии на туркменскую почву…Изучение поэзии Бурханеддина будет иметь огромное значение для истории туркменской литературы».[32] Эти вполне аргументированные доводы Е.Э.Бертельса, к авторитету которого то и дело прибегали азербайджанские историки литературы, были им хорошо известны. Тем не менее, не вступая в полемику с уважаемым профессором, они попросту игнорировали такие его взгляды.

Лишь отдельные азербайджанские ученые признавали факт проживания туркмен в Ираке. Так, проф. Р.М.Алиев в предисловии к русскому изданию сочинений Фузули писал: «Как явствует из показаний средневековых источников, такие города, как Кербала, Хилле, Багдад были густо заселены азербайджанцами и туркменами».[33] Это признание, однако, ничего не означает, так как суждения всех азербайджанских авторов сводились к тому, что из названных двух народов литературным наследием обладали только азербайджанцы, но никак не туркмены. Вот еще один типичный пример: известный писатель Анар в одной из своих статей безаппеляционно заявляет: «На Востоке часто встречаются падишахи, султаны, занимавшиеся поэтическим творчеством. Если мы обратим свои взоры на XIV-XVI века, то столкнемся с немалым количеством имен таких поэтов-государей. Например, азербайджанский поэт кази Бурханэддин был правителем Сиваса»[34] и т.д.

В Азербайджане, начиная с 30-х годов XX века, приступили, что называется всем миром изучать творчество Несими и Фузули, и не только их, но и других тюркоязычных поэтов, живших и творивших в средневековую эпоху в Ираке, априори объявив их классиками азербайджанской литературы. Душой этой кампании был профессор азербайджанского университета Гамид Араслы, который писал о них статьи, монографии, редактировал работы других ученых, посвященных их творчеству. В частности, он подготовил четырехтомное издание сочинений Фузули на азербайджанском языке.[35] Деятельность эта сама по себе похвальная, если она при этом еще и добросовестная. Но о работах Г.М. Араслы этого никак не скажешь. Всюду, где в источниках говорится, скажем, о Фузули как о туркменском, турецком или просто тюркоязычном поэте, он без колебаний заменил их прилагательным *азербайджанский*. Не остановила его даже надпись на могильной плите поэта в Багдаде, прямо говорящая о национальной принадлежности: "Туркменский поэт Фузули".

Еще один документ: второй сын Шаха Исмаила Хатаи принц Сами Мирза (1517-1567) в своей тезкире (антологии) «Тохфе-и Сами» («Подарок Сами»), завершенной в 1552 г., то есть еще при жизни Фузули, пишет о нём: «Фузули происходит из града пребывания мира – Багдада, где еще не появлялся лучший чем он поэт; он пишет стихи на двух языках – тюркском и арабском».[36] Ни о каком азербайджанском в XVI в. нигде не упоминается. Так правомерно ли переносить на столь отдаленное прошлое современный этноним? Когда это происходит, появляются и вовсе умопомрачительные выводы. Так, строки Шаха Исмаила Хатаи: «Гитдикче тукенур арабын кёйи, месгени, // Багдат ичинде хер ниче ким туркмен гопар» (Перевод: «Постепенно у араба истощается жилище, Поскольку в Багдаде всюду водится туркмен») Г.М.Араслы прокомментировал следующим образом: «Как явствует из этого бейта, сефевиды постепенно ущемляли права арабов и проводили политику азербайджанизации местного арабского населения в Багдаде».[37]

Говоря об отношении к Несими и Фузули в Средней Азии или же об их влиянии на литературу этого региона, Г.М.Араслы с восторгом писал, как узбекские поэты XVI-XX веков «своим творчеством продолжали литературную школу Физули»,[38] как в далекой Уйгурии, находящейся ныне в Китайском Туркестане, «Физули изучается с глубокой любовью» и что молодые научные кадры этой страны «проявляют к его творчеству живейший интерес», а «в 1957 г. в Кашгаре была найдена неизвестная рукопись произведений Физули»[39] и т.д. Однако, говоря о Фузули и туркменской литературе, Г.М.Араслы ни словом не обмолвился о том факте, что одна из ранних рукописей произведений Фузули была переписана менее чем через сто лет после его смерти, в 1644 г. в Туркменистане жителем Мерва, туркменским каллиграфом Довлетша Хасан оглы. Этот бесценный манускрипт ныне находится в хранилище рукописей Академии наук Азербайджана.[40] Трудно предположить, чтобы о нем не знал Г.М.Араслы, однако ни разу не счел нужным упомянуть об этом.[41]

В дальнейшем туркменские каллиграфы беспрерывно продолжали размножать рукописные списки поэта. Это привело к тому, что до 1917 г. в каждой более или менее образованной туркменской семье имелись книги Фузули на арабской графике, а его поэзия была исключительно популярна в народе. Вот любопытнейшее, хотя и дилетантское наблюдение русского военного востоковеда, генерала М.В.Грулева, который в конце XIX в. служил в Туркестанском крае: "Сколько могу судить по расспросам, из туркменской среды вышли всего лишь два писателя Фузили и Гариб".[42] В течение XVII-XIX вв. произведения поэта преподавались в туркменских мектебах и медресе, где учащиеся и студенты пользовались этими книгами в оригинале.

Разумеется, Г.М.Араслы никогда не упоминал тот факт, что самый первый печатный «Диван» Фузули, выпущенный в свет в Средней Азии, был издан в 1882 г. в Хиве среднеазиатским первопечатником, туркменом Атаджаном Абдал оглы (1856-1927).[43] Но самое главное, он, как литературовед по достоинству не оценил или попросту не стал обращать внимания на один весьма существенное обстоятельство: через сто лет после смерти Фузули на основе, или под непосредственным влиянием его знаменитой поэмы «Лейли и Меджнун» великий туркменский поэт, ученый и переводчик Нурмухаммед Гариб (Андалиб), ни имя, ни литературный псевдоним которого, в отличие от Е.Э.Бертельса, не смог правильно написать Г.М.Араслы,[44] хотя произведения Андалиба на туркменском и русском языках неоднократно издавались в Ашхабаде и Москве, так вот именно Андалиб создал в Туркменистане свой превосходный дестан под тем же названием. Фактически, он завершил традицию литературной обработки этого древнего сюжета в тюркоязычной литературе. После Андалиба никто уже не создал на эту тему произведение, которое по своему художественному уровню могло бы соперничать с его версией, адаптированной к туркменским реалиям. Вот почему совсем не удивительно, что информаторы М.В.Грулева назвали ему вместе с Фузули имя Гариба. Кроме того, как уже отмечалось выше, тот же Андалиб, а также еще один поэт XVIII в. Акмухаммед создали поэмы, посвященные Несими. Нет, пожалуй, ни одного классика туркменской литературы, который бы неоднократно не упомянул в своих произведениях имена Несими и Фузули. Такая тесная взаимосвязь туркменских литераторов с этими двумя поэтами, по замечанию Е.Э.Бертельса, «едва ли случайна».[45] Ее не найти в литературе ни одного другого тюркоязычного народа, в том числе и азербайджанского. Все это совсем не устраивало Г.М.Араслы, поэтому он старательно не замечал ничего, что свидетельствовало о каких-либо связях Фузули с туркменской литературой.

Кульминация усилий азербайджанских ученых по присвоению имени Фузули наступила в1958 г., когда в этой республике отметили 400-летие со дня его смерти и этой своеобразной дате посвятили специальный выпуск журнала «Известия АН Азербайджанской ССР», а также выпустили в свет еще целый ряд других изданий, включающих как произведения самого поэта, так и исследования о его творчестве. В Баку тогда установили помпезный памятник Фузули, а в 1959 г. русское селение Карягино, расположенное в небольшой долине между Карабахом и Ираном, возникшее в 1827 г. и названное по

фамилии полковника Карягина, который был связан с размещением русских поселенцев на Кавказе, переименовали в город Физули.[46] Как это часто бывало в советской практике переименований, никакого отношения к данному месту увековеченное таким образом лицо совершенно не имело.

Таким же образом в 1973 г. в Азербайджане было отмечено и 600-летие со дня рождения Несими. Одновременно там началось изучение творчества Хатаи как представителя азербайджанской литературы.

Жизнь и творчество туркменских поэтов, живших в сопредельных зарубежных странах, изучались и туркменскими учеными. Однако их усилия в этом деле наталкивались на серьезные препятствия. Это происходило не потому, что они не обладали необходимыми материалами и, соответственно, не могли написать об этих поэтах серьезных и глубоких работ. Причина их поражения заключалась в том, что при советской власти в Туркменистане проводилась весьма своеобразная политика, выражавшаяся в отрицании отдельных литературных памятников, имен и преследовании тех, кто занимался их изучением. Характерна в этом смысле история публикации огузского героического эпоса «Книга моего деда Коркута». Еще в конце XIX-начале XX вв. В.В.Бартольд перевел на русский язык четыре рассказа из этого эпоса, а в 1922 г. закончил его полный филологический перевод, впервые изданный в Баку, а затем, с поправками и обширными комментариями, в академической серии "Литературные памятники".[47] Академики А.Ю.Якубовский и В.М.Жирмунский посвятили этому эпосу свои исследования, опубликованные в этом же издании. Изучали и публиковали его зарубежные тюркологи. И хотя тот же Г.А.Араслы и его коллега М.Г.Тахмасиб, готовившие бакинское издание, подверглись за это серьезной критике,[48] только в Туркменистане филологи Мяти Косаев и Баймухаммед Каррыев, опубликовавшие туркменский текст "Книги Коркута", в 1952 г. были арестованы, обвинены в издании и популяризации "антинародного, антипартийного эпоса" и приговорены к смертной казни. Правда, спустя полгода это наказание было несколько «смягчено» и заменено 25-летним тюремным заключением, а в 1956 г. оба ученых вышли на свободу.[49]

Но репрессии против литературных памятников и их исследователей продолжались в Туркменистане и позже. Еще один пример такого рода – философская поэма Довлетмамеда Азади «Бехиштнама» («Повествование о рае»). Долгое время считалось, что она утеряна навсегда, и только в 1966 г. на юго-западе Туркменистана нашелся экземпляр литографского издания этой поэмы. В 1914 г. её напечатал на свои средства в частной бухарской литографии туркменский просветитель, ахун Курбанберди Ходжагелди оглы Гургени (умер в 1929 г.). Об этой уникальной находке литературного произведения XVIII в. писала центральная и местная пресса.[50] Но когда в 1982 г. в Ашхабаде вышла книга «Избранные произведения» Азади, куда вошли его философские поэмы «Вагзи азат» («Свободная проповедь») и упомянутая «Бехиштнама», а также стихотворения,[51] то лица, принимавшие участие в подготовке к печати этой книги, по указанию Центрального комитета Компартии республики получили строгие выговоры, а 20-ти тысячный тираж книги полностью конфискован.[52]

И все-таки в 60-70-х годах XX в. в туркменской печати стали появляться статьи о Несими и Фузули как о классиках туркменской литературы: печатались посвященные им стихи, поэмы, драматические произведения,[53] начали переводить на туркменский язык стихи, написанные Несими по-персидски.[54] В Туркменском академическом театре драмы им. Молланепеса поставили спектакль о Несими. Написанную в 1968 г. поэму Аннаберды Агабаева "Казнь Несими" блестяще перевел на русский язык знаменитый актер и поэт Леонид Филатов.[55] Работа в этом плане особенно активизировалась в период подготовки к 600-летию Несими. В 1972 г. был издан туркменский диван поэта, подготовленный профессором Назаром Гуллаевым под редакцией профессора Мяти Косаева.[56] В аннотации к этой книги читаем:

«Выдающийся представитель туркменской литературы XIV-XV веков Сеид Имадеддин Несими был жестоко казнен в Халебе (Алеппо), с него живого содрали кожу с ног до головы. Имя бесстрашного поэта дошло до наших дней через туркменские народные сказания, произведения его потомков - туркменских писателей. Сейчас прогрессивное человечество готовится отмечать 600-летие со дня рождения великого поэта. Потомки Несими – туркмены внесут в этот праздник его поэзии свой достойный вклад. Несими писал свои произведения на туркменском, арабском и персидском языках. В данный сборник включены только стихи, написанные им на туркменском. Несмотря на то, что со времени их написания прошли шесть столетий, они и сегодня вполне понятны туркменскому читателю».[57]

Здесь уместно вспомнить эпизод, связанный с юбилеем Несими. С 26 сентября по 5 октября 1972 г. в Ашхабаде проходила международная конференция ЮНЕСКО по теме «Социальное и культурное развитие Центральной Азии в XIX-XX веках». В ней приняли участие свыше 300 ученых и дипломатов из многих стран мира. В составе московской делегации был известный литературовед, профессор Халык Короглы, азербайджанец по национальности. Во время перерыва конференции он пришел в Центральную научную библиотеку Академии наук Туркменистана и попросил меня (в то время я работал заместителем директора этой библиотеки) напечатать на машинке небольшое письмо. Я выполнил просьбу гостя. В этой записке, адресованной председателю конференции, содержалось предложение принять на конференции ЮНЕСКО специальное постановление о проведении на международном уровне 600-летнего юбилея классика азербайджанской литературы Несими. Когда Х.Г.Короглы пришел за своим письмом, вручив его, я спросил профессора: «Разве Несими – азербайджанский поэт?». Такого вопроса он, видимо, никак в библиотеке не ожидал. Он ведь не спроста обратился со своей просьбой к нам, а не к коллегам в Институт языка и литературы им. Махтумкули, находящийся в соседнем здании – там бы наверняка задали ему массу других неудобных вопросов. Как бы там ни было, услышав мой вопрос, Халык Гусейнович просто

опешил, но тут же нашелся и полушутя ответил на туркменском языке буквально следующее: «Несими и туркменский, и азербайджанский поэт, он наш промежуточный поэт». Как специалист он прекрасно знал, что личность и творчество Несими неотделимы от туркменской литературы, и в своем учебном пособии на эту тему, изданном в том же году, он сам уделил ему пару страниц, хотя и там назвал поэта азербайджанцем.[58]

При относительно благоприятных условиях, которые были у филологов в Баку, ученые Туркменистана слишком долго не смели писать о Несими и Фузули как о туркменских поэтах. Кто пытался это делать, приглашались в ЦК, где штатные идеологи проводили с ним "воспитательные" беседы. Самое поразительное, что последние руководствовались не столько директивами из Москвы, сколько собственной бдительностью, считая своим партийным долгом пресекать любые проявления национального самосознания. Так было в годы сталинизма, так продолжалось и в период брежневского застоя. Но никакими репрессиями им так и не удалось перевоспитать самостоятельно мыслящих исследователей. Все равно оставались люди, которые занимались своим делом без оглядки на политическую конъюнктуру, руководствуясь лишь собственными понятиями о своем профессиональном долге. Прежде всего это относится к талантливым литературоведам, профессорам Р.Реджеби (1922-2002) и Ш. Гандымову, которые уже в первые годы после приобретения независимости Туркменистаном, выпустили в свет „Избранные произведения» Несими в трех томах (Ашхабад,1993-1994). В обстоятельном предисловии к своему изданию (т. 1-й, с.5-53) составители книг убедительно показали вымышленность и несостоятельность, приводимых Г.Араслы данных относительно биографии поэта и искусственность привязания его,таким образом, к Азербайджану и азербайджанской литературе.

По-настоящему изучение творческого наследия Фузули в Туркменистане, можно сказать, началось с издания в Ашхабаде в 1963 г. его главного творения – поэмы «Лейли и Меджнун».[59] Упомянутый профессор Р.Реджеби подготовил его на основе одного литографского издания, вышедшего в Ташкенте до 1917 г.[60] Он же сделал достоянием туркменского читателя замечательные поэмы Саади «Гулистан» и «Бостан», мастерски переведя их с персидского на туркменский язык. К своему изданию «Лейли и Меджнуна» Фузули, Р.Реджеби написал в качестве предисловия статью «Когда мы сравниваем Фузули и Андалиба».[61] в котором подверг компаративному анализу поэму «Лейли и Меджнун» Фузули и дестан «Лейли и Меджнун» Андалиба. На конкретных примерах он показал, что эти два выдающихся произведения близки друг другу не только по тематике, литературному пафосу, но и тем, что оба они написаны на одном и том же языке – туркменском.

Однако раздел «Фузули и туркменская литература», помещенный в первом томе «Истории туркменской литературы»,[62] написан совершенно в ином ракурсе. Его автор профессор С.А.Каррыев (1923-1985), он же ответственный редактор тома, в отличие от Р.Реджеби не работал со старыми рукописями или же литографскими изданиями произведений поэта, выпущенных до 1917 г. на основе рукописных списков. Анализируя языковые особенности произведений Фузули, С.А.Каррыев использовал транслитерированные на азербайджанский язык тексты произведений поэта, выпущенные в Баку в советское время. Приведем только один пример, взятый С.А.Каррыевым из этих азербайджанских изданий:

Эй Фузули, масканим чун Кэрбаладыр, шеримин
Хормати хяр ерде вардыр, халг онун муштагыдыр.
Нэ гызылдыр, нэ кюмюш, нэ лаглу мирварыдыр
Сада топрагдырса, лакын Кэрбала топрагыдыр.[63]

Определение таким путем принадлежности поэта к литературе какого либо народа будет совершенно не верно. Тем не менее С.А.Каррыев, к сожалению, сделал именно это и допустил тем самым грубую ошибку.[64] Теперь обратимся к подлиннику приведенного четверостишия:

ای فضولی، مسکنم چون کربلادر، شعر مم
حرمتی هر یرده دراد، خلق اونگا مشتاقدر
هن قیزیلدر، هن کومش، هن لعل و هن مرواریدر
وطه سی پروا غیدر لاکن کربلا توپراقدر[65]

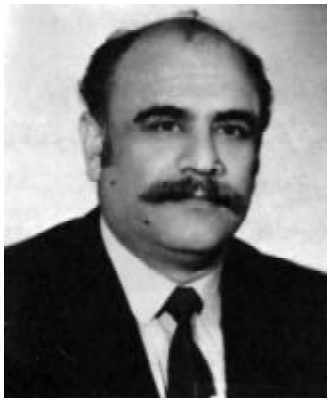
Этот же куплет без натяжек, без трудностей, без каких либо изменении слов стиха можно транслитерировать по-туркменски следующим образом:

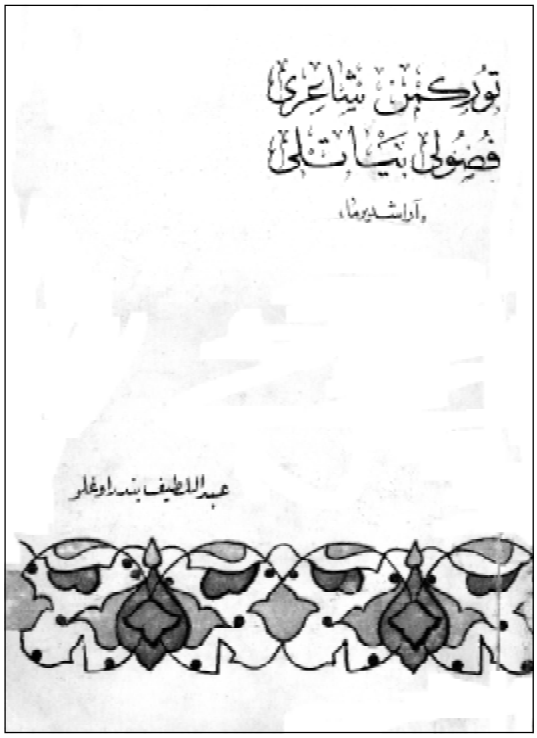
Eý Fuzuly, mesgenim çun Kerbeladyr, şygrymyň
Hormati här ýerde bardyr, halk onuň muştagydyr.
Ne gyzyldyr, ne kümüş, ne laglu ne mirwarydyr,
Sada topragdyrsa, leýkin Kerbela topragydyr.

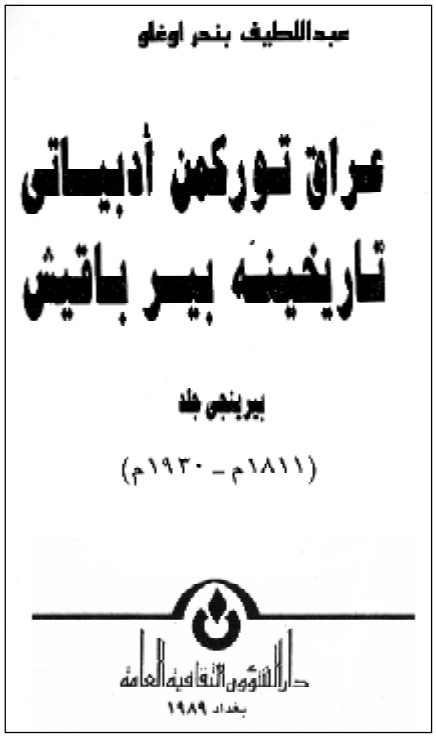
На этом примере видно, что тюркский диван Фузули и его поэма «Лейли и Меджнун» в одинаковой степени понятны двум народам – туркменам и азербайджанцам. И если уж говорить о том, к литературе какого народа принадлежит поэт, логичнее на базе всех имеющихся на этот счет сообщений источников установить его происхождение.

В этой связи заслуживают пристального внимания взгляды потомков Фузули, живущих по сей день в Ираке. Они не понимают, как вообще может оспариваться национальная принадлежность Фузули. Поэтому, когда современный иракский туркменский писатель и филолог Абделлатиф Бендер оглы (р.1937) написал книгу "Туркменский поэт Фузули Баятлы", изданную в Багдаде, то даже не счел нужным специально остановиться на этом вопросе. Он попутно коснулся его, лишь когда обратился к источникам, чтобы определить место рождения поэта:

«Махмуд ал-Кашгари в своем «Диван-е лугат-е ат-тюрк» писал, что племя баят происходят от огузов. Огузы один из тюркских народов и все они являются туркменами и разделяются на 22 племени. Историческая действительность такова, что аббасидские халифы переселили этих туркмен из Северного Азербайджана в Багдад и в селения, находящиеся в его окрестностях. Основная задача, возложенная на них, заключалась в том, что они должны были защищать государство (то есть халифат) от всех племен и народов, которые будут восставать против него.[65] От этих туркмен в Ираке проис-







Абделлатиф Бендер оглы и обложки его книг «Туркменский поэт Фузули Баятлы» и «Взгляд на историю литературы иракских туркмен»

ходит баятское племя. Племя баят с давних времен проживает в районе Дузхорматы Керкукской области. Основная часть этого племени верит в шиитское учение, которое побудило Фузули на создание замечательной любовной лирики. Садыки,[66] выдвинувший предложение, что Фузули происходил из племени баят и жил в Багдаде, будто бы хочет сказать: «Фузули происходит из людей племени баят, проживавших в районе Дузхорматы и жил в Багдаде».

По нашему мнению, тот факт, что историки и составители тезкире (антологии) не указывают конкретно место рождения Фузули, прежде всего, объясняется тем, что многочисленные баятские селения в Ираке расположены таким образом, что они объединены друг с другом и ни одно из них не имеет конкретного названия. Эти места в целом известны как регион или край, где живут баяты. Отсюда становится ясным, что местом рождения Фузули является именно эта зона. Более конкретно – это район Дузхорматы и, в особенности, местность «Бир овечли», что находится на западе от этого города, в 30-35 километрах от Дузхорматы. Здешние жители с большой любовью относятся к Фузули и шиитскому учению».

Очень важными являются выводы Абделлатифа Бендер оглы, изложенные в другом его труде, двухтомнике «Взгляд на историю литературы иракских туркмен», который вышел в свет в Багдаде в 1989 г., где он пишет: «С давних времен на языке иракских туркмен имелась присущая им собственная литература. Корни этого языка и литературы восходят к огузам, дабы они, согласно историческим сведениям, начиная с 54 года хиджры (673 г. христианского летоисчислении) начали в массовом порядке мигрировать в Ирак из Средней Азии… Обосновываясь в этой стране, они не забыли свои культурные традиции и устное народное творчество».

И в другом месте: «Еще в 656 г. хиджры (1258 г.), то есть до завоевания Ирака монголами, языком туркменских княжеств в Ираке был туркменский». «В начале XV в., то есть с 1403 г. официальным языком в государстве Гарагоюнлы, в составе которого находился и Ирак, являлся туркменский. Языком государства Акгоюнлы, пришедшего к нему на смену в 1465 г., тоже был туркменский». И еще одна цитата: «На литературном поприще прославившийся своими прекрасными стихами Имадэддин Несими (1370-1417) писал свои стихи на языке иракских туркмен. И «Книга моего деда Коркута» была написана на туркменском. Основная часть стихов Мухаммеда Фузули (1498-1556) тоже создана на туркменском языке».

После того, как в 1534 г. Османская империя покорила Ирак, язык туркмен этой страны попал под влияние османского (турецкого) языка. В настоящее время туркменские литераторы Ирака пишут свои произведения на турецком. Однако Фузули писал еще на чистом туркменском языке. Это обстоятельство объясняет нам одну из причин, почему местом наиболее широкого распространения произведений Фузули как в виде рукописей, так и печатных изданий, являлись Туркменистан и Средняя Азия.

К приведенным выше сведениям можно добавить еще два непреложных факта. Во-первых, соплеменники Фузули – баяты – и в наше время проживают в районах Средней Амударьи и в других местах Туркменистана.[67] Во-вторых, произведения Фузули распространялись в Средней Азии до 1917 года не только в виде рукописей, но и литографским способом. В настоящее время они хранятся в фондах крупных национальных и научных библиотек среднеазиатских государств. Об этой части литературного наследия Фузули ученые до сих пор не имеют полного представления, что и заставляет специально остановиться на данном вопросе.

История публикаций произведений Фузули до 1917 года

Произведения тюркоязычных поэтов средневековой эпохи, где бы они не жили, какой бы нации не принадлежали, в значительной мере были понятны всем народам, входящим в эту языковую группу мира. В этом вопросе основную роль сыграла не только их языковая общность или существование опять-таки общего для них книжного литературного, так называемого чагатайского языка, но и арабский алфавит, которым они пользовались. Отсутствие в нем букв, правильно обозначающих все гласные и согласные фонемы каждого тюркского народа, и способность по-разному передавать фонемы разных языков одними и теми же знаками, сделал этот алфавит удивительно вариативным. Возможно, этим объясняется тот факт, что ни один из тюркских народов мира до начала XX в. не создал на его базе официально утвержденную каким-либо научным обществом или съездом свою собственную графическую систему, отражающую в себе фонетические особенности только его языка. Благодаря этому обстоятельству представитель каждого тюркского народа мог прочитать произведения этих средневековых поэтов на своем родном или близком к нему языке. В противном случае было бы невозможно объяснить широкое распространение литературного наследия поэтов без перевода на тот или иной конкретный язык по всему тюркскому миру, иногда на очень далеких расстояниях от места их рождения и проживания.

Тебризские издания произведений Фузули. Обзор печатных изданий произведений Фузули, хотя и условно, приходится начать с Тебриза. Этот город длительное время был культурным центром и тюркских, и иранских народов, в нем началось современное иранское книгопечатание. Нет ничего невозможного в том, что в Тебризе могло быть напечатано первое собрание стихов Фузули. Во всяком случае во время рабочей поездки в Тебриз осенью 2000 г. мне удалось поработать в крупнейшей библиотеке этого города с целью поискать в ее фондах старопечатные издания произведений туркменских поэтов, живших и творивших в этом регионе. В особенности меня интересовали тебризские и стамбульские издания произведений Фузули, так о них у нас и раньше были немалые сведения. Единственное, что мне удалось там найти – это небольшая книжка объемом 63 страницы, представляющее собой отдельное издание новеллы Фузули «Ринд-у-захид» («Беспутный и отшельник»), изданная типографским способом.[68] На титульном листе указывалось, что книга выпущена в свет в Тебризе в 1220 г. хиджры, т.е. в 1805-1806 г. Лица, готовившие ее к печати, и типография, где она напечатана, не указаны. Сейчас она хранится в этой библиотеке под шифром 802/90. Ни иранские книговеды, ни их зарубежные коллеги о печатной книге, изданной в Иране в столь ранее время, ничего не сообщают. Одни считают, что первой книгой, выпущенной в Иране типографским способом, является «Фатхнама» («Книга о победе»), изданная в 1812 г. Другие полагают, что такой книгой являлась «Джихадийе»(«Священная война за родину и веру»), напечатанная в 1818 г. Обе посвящены военным событиям, происходившим между Ираном и Россией в начале XIX в. Но место их издания – Тебриз.[69]

У нас нет дополнительных архивных и других сведений относительно вышеупомянутого издания «Ринд-у-захид». Поэтому воздержимся от категоричного утверждения, что оно являлось первой печатной книгой в Иране. Решение этого вопроса оставим за иранскими книговедами.

Произведения Фузули начали издаваться в Тебризе, как об этом сообщает проф. Г.Араслы, с 1828 г.,[70] то есть вскоре после возникновения книгопечатания в этом городе. По имеющимся на сегодня данным, в Тебризе печатались три разных произведения поэта. «Диван Фузули» с 1828 по 1882 г. переиздавался 12 раз, поэма «Лейли и Меджнун» с 1848 по 1869 г. – 7 раз, упомянутая новелла «Ринд-у-захид» в 1806 г. – один раз, и в одном издании «Лейли и Меджнуна» не указан год выпуска в свет. Таким образом, произведения Фузули в Тебризе до 1917 г. печатались 20 раз. Эту цифру, вероятно, нельзя считать полной. Во-первых, в указателях библиографов А.Алиева[71] и Ф.Каратая[72] зарегистрированные печатные книги Фузули разнятся между собой и взаимно дополняют друг друга. Во-вторых, на издания произведений поэта, не учтенные этими библиографами, мы указали выше. В третьих, в указателе А.Алиева, наиболее полно учитывающего печатные издания Фузули, самая последняя книга датирована 1882 г. Трудно поверить, что произведения поэта с 1883 по 1917 г. не печатались в Тебризе.

Египетские издания произведений Фузули. Сведения об издании произведений Фузули в Египте незначительны. Известны только две книги поэта, напечатанные в этой стране. Первая из них – «Диван Фузули», изданный в 1254 г. хиджры, т.е. в 1838 г., в знаменитой Булакской типографии, находившейся в окрестностях Каира. Он включал 122 страницы текста. Эту книгу учел в своем указателе Ф.Е.Каратай.[73] Если не иметь в виду упомянутое тебризское издание «Ринд-у-захид», то данная книга представляет собой первое печатное издание произведений поэта.

Второй книгой Фузули, изданной в Египте, стала его проза «Хадыкат-ус-суада» («Сад избранных»). Эту книгу тоже зарегистрировал Ф.Е.Каратей.[74] Кроме того, три экземпляра ее хранятся в Национальной библиотеки Турции в Анкаре. Из них явствует, что эта книга объемом 364 стр. издана в 1271 г. хиджры, т.е. в 1854 г. в каирской типографии «Амирие-Мисрийе».

Чем можно объяснить, что обе эти книги, написанные на туркменском языке, были изданы в стране, основное население которой составляют арабы? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к истории Египта. В этой стране с 1250 по 1517 гг. правила династия Мамлюков, чьими предками были тюркоязычные невольники из кипчаков и огузов. Язык их оказал влияние и на арабский язык. Это подтверждают туркменские слова, имеющиеся в «Турецко-арабском словаре», составленном в 1245 г. в Египте или Сирии.[75] До конца XIX в. Египет находился в составе Османской империи как одна из ее провинций, ею управлял губернатор, назначаемый турецким султаном, а государственным языком в пределах Египта считался турецкий. Эти об-

Обложки среднеазиатских литографических изданий произведений Фузули

Обложки среднеазиатских литографических изданий произведений Фузули

стоятельства явились основными причинами того, что в начале своего существования типография «Булак» («Родник») печатала книги на турецком. Так, из 58 книг, выпущенных этой типографией в 1822-1830 гг., более половины были на турецком языке.[76] Тематика книг охватывала разные отрасли знаний, хотя преобладали история войн и военное дело. С 1828 г. стала выходить первая египетская газета «Вакаи Мисрийе» («Египетские события») параллельно на турецком и арабском языках. Все эти обстоятельства создали необходимые условия для издания в первой половине XIX в. в Египте туркменского дивана Фузули.

После этих двух книг произведения Фузули, по-видимому, в этой стране больше не издавались. Во-первых, в связи со смертью выдающегося государственного деятеля Египта Мухаммеда Али Ковалали (1769-1849), в разных рангах продолжительное время (с 1803 по 1849 г.) правившего своей страной, культурная жизнь, наука и литература, процветавшая в течение полувека, пришли в упадок. Основанная им типография «Булак» в 1861 г., была закрыта. Во-вторых, в связи с ослаблением мощи Османской империи к концу XIX в., роль турецкого языка в этой стране стала неуклонно снижаться и в первой четверти XX в. его окончательно вытеснил арабский.

Турецкие издания произведений Фузули. По сравнению с Ираном в Турции произведения Фузули печатались более регулярно. Например, в Стамбуле их вышло в полтора раза больше, чем в Тебризе. Это и понятно, ибо в Турции, население которого почти сплошь состояло из тюркоязычного народа, спрос и интерес к произведениям Фузули были гораздо больше, чем в Иране. Кроме того, если в Тебризе издавались только две книги поэта – «Диван» и поэма »Лейли и Меджнун», то в Стамбуле печатались все его произведения в виде самостоятельных книг. По нашим данным, произведения Фузули в Стамбуле за 1848-1910 гг. издавались 31 раз. В отличие от тебризских литографских изданий, все они напечатаны наборным способом.

Динамика турецких изданий Фузули

Год	Кол-во	Год	Кол-во	Год	Кол-во
1848	1	1872	1	1890	2
1851	1	1874	1	1896	1
1856	1	1878	3	1897	1
1865	1	1879	2	1902	1
1867	1	1882	1	1909	1
1868	1	1884	1	1910	2
1869	4	1885	1	Без года	4

По сложившейся традиции эти издания выпускались под своим персидским и арабским названиями: «Диван Фузули» – 5 раз, «Кулиет-е ве диван Фузули» – 8 раз, «Диван Фузули мэ Лейли и Меджнун» – 3 раза, «Лейли ве Меджнун» – 5 раз, «Хадыкат ас-суада» – 6 раз, «Рисале-и Зиххат ве мераз» – 2 раза, «Ринд-у-захид» – 1 раз, «Бенг-у-баде» – 1 раз, «Фузулинин гайр метбуг эшгары» – 1 раз.

Из этих изданий в своих указателях учли: Ф.Е.-Каратай – 18,[77] А.Алиев – 10[78] и А.Язбердиев – 33.[79] Интересно, что одно из этих изданий, а именно «Диван Фузули с поэмой «Лейли и Меджнун», выпущенный в 1902 г. в Стамбуле в частной типографии Махмуд-бека, напечатан по заказу крупного среднеазиатского книготорговца Сыддык Ходжа Ходженди.[80] Были и другие среднеазиатские книготорговцы, которые ездили в этот город и печатали там свои книги.[81] Это объясняет, почему старопечатные издания произведений Фузули, выпущенные в Стамбуле, распространялись в Средней Азии.

Среднеазиатские издания произведений Фузули. В Средней Азии книгопечатание на местных и других восточных языках на основе арабской графики началось в последней четверти XIX в., точнее в 1874 г. В тот год хивинский хан Мухаммед Рахим II (1865-1910) в своем дворце основал первую литографию в регионе. Поэтому произведения Фузули в Средней Азии, по сравнению с вышеупомянутыми каирскими, тебризскими и стамбульскими изданиями, выпускались в свет позднее.

Как отмечалось выше, в хивинской литографии в 1882 г. была напечатана первое среднеазиатская печатная книга Фузули. Это была пятая по счету книга, вышедшая из стен этой литографии. Она издана под названием «Диван-е Фузули Багдади» и включает стихи, написанные поэтом на туркменском языке. Сохранилось несколько экземпляров этого издания в хранилище рукописей Института востоковедения им. Бируни АН Узбекистана. Хивинское издание открыло путь к дальнейшему регулярному изданию произведений поэта, но уже в Ташкенте.

Книгопечатание стало развиваться в Средней Азии после ее завоевания Российской империей и первая типография открылась в Ташкенте при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Основная задача ее сначала заключалась в печатании планов, отчетов, распоряжений различных колониальных структур. В этой типографии в 1868 г. вышла первая в Туркестанском крае книга на русском языке. Вскоре Ташкент превратился в основной региональный центр по изданию книг не только на русском, но также на языках местных народов, арабском и персидском. Предприниматели, приехавшие сюда из России вслед за военными, стали открывать свои частные типографии. В начале они не имели арабских литер, поэтому в первые годы своего существования печатали в основном книги на русском. Но владельцы типографий не замедлили с приобретением литографских станков, так как быстро поняли, что как и всюду в мусульманском мире, в Средней Азии весьма выгодно печатать и продавать книги на восточных языках. Таким образом, в Ташкенте стали параллельно работать два вида печатных станков – наборный и литографский. Первым способом печатались книги на кириллице и латинице, вторым – на арабской графике. К сожалению, каталоги, охватывающие все книги, напечатанные арабским шрифтом на тюркских языках в Стамбуле, Казани, Тебризе и Ташкенте до 1917 г., еще не составлены. Ясно одно, что Ташкент за короткий срок (с 1883 по 1917 г.) превратился в один из мировых центров по изданию книг на восточных языках. Вполне возможно, что он оставил позади

себя такие крупные книгоиздательские центры как Стамбул и Казань. Со всех уголков Средней Азии в Ташкент стекались книготорговцы, чтобы в его частных типографиях и литографиях заказывать на свои средства тиражирование различных книг. Среди них немало было и туркменских профессиональных книгоиздателей и книготорговцев.[82]

Произведения Фузули занимали одно из ведущих мест среди книг, напечатанных в частных типолитографиях Ташкента. Всего, по нашим данным, произведения поэта были изданы в этом городе с 1884 по 1916 г. 71 раз. Они, также как стамбульские и тебризские издания, печатались арабскими и персидскими названиями: « Диван-е Фузули м? Лейли и Меджнун» – 33 раза, «Диван Фузули» – 15 раз, «Диван Мовлана Фузули» – 8 раз, «Газалиет-е Фузули» – 8 раз, «Куллиет-е Фузули» – 3 раза, «Лейли и Меджнун» – 2 раза, «Китаб-е Фузули« – 1 раз, «Есери Фузули мусеввер Лейли ве Меджнун» – 1 раз.

Динамика ташкентских изданий Фузули

Год	Кол-во	Год	Кол-во	Год	Кол-во
1882	1	1899	1	1909	2
1884	1	1900	5	1910	1
1888	1	1901	2	1911	1
1889	2	1902	1	1912	2
1891	2	1903	2	1913	4
1892	2	1904	2	1914	4
1893	4	1905	3	1915	1
1895	2	1906	1	1916	3
1896	3	1907	6	Без года	18
1897	2	1908	1		

Книги выпускались в следующих печатных заведениях города: в типо-литографии братьев Каменских – 4 издания, П.Е.Брейденбаха – 3, Костелова – 3, Брайля – 1, С.И.Лахтина – 4, С.А.Порцева – 6, В.М.Ильина – 4, Г.Х.Арифджанова – 19, С.Я.Яковлева – 2, в типографии штаба Туркестанкого генерал-губернаторства – 3. В 22-х книгах не указаны типо-литографии, в которых они печатались.

На свои средства в заказном порядке книги печатали местные профессиональные книготорговцы: Закир Мухаммед Хаджи оглы – 3 издания, Абдулмалик Абдулнеби оглы – 6, Шамурад Шаныгмат оглы – 3, Якуб Ходжа Падша Ходжа оглы – 5, Закир Бегмухаммед оглы – 5, Мухаммед Несип Али Мухаммед – 3, Сеид Ходжа Омар Ходжа оглы – 2, Кемалхан Исламхан оглы – 2, Гулам Хасан Арифджан оглы – 4, Мирза Ахмет Мирза Керим оглы – 2, Абдулла Эсадулла оглы – 1, Юсупджан Закирджан оглы – 1, Тимур Ходжа Ходженди – 3, Шерип Ходжа Ходженди – 2, Мухаммед Ибадуллахан оглы – 1, Сабир оглы – 1, Гулам Ресул Хаджи – 1, Абдул Рауф Хаджи – 1, Абдулла Мовлана – 1, Абдурахман Экберов – 1, Рахим Ходжа Ишан Али Ходжа оглы – 1, Солтан оглы – 1, Якуб Ходжа Саххаб – 1, организация «Шерикет-е хайрыйе» – 3 и в 18 книгах не указаны их издатели. Г.М.Араслы, в основном занимавшийся изучением литературного наследия Фузули, из этих изданий конкретно знал только четыре[83] и совершенно неверно утверждал о том, что будто бы произведения Фузули печатались до 1917 г., помимо Ташкента, также в Самарканде, Бухаре и других городах Узбекистана.[84]

Есть некоторые сведения и о тиражах ташкентских изданий Фузули. В библиографическом указателе, помещенном в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» и в официальной «Книжной летописи», составлявшейся на основе обязательных цензурных экземпляров вышедших в свет печатных изданий и предоставленных в Главное управление по делам печати России в Санкт-Петербурге,[85] приведены следующие конкретные и достоверные сведения о тиражах отдельных книг поэта: "Диван Фузули" с поэмой "Лейли и Меджнун" выходили в 1892, 1893[86] и 1913 гг.,[87] соответственно в 1200, 4000 и 2200 экземплярах, а отдельно "Диван Фузули" выходил в 1912[88] и в 1913 г.,[89] соответственно в 9000 и 4000 экземплярах. Эти цифры, вероятно, характерны и для остальных 71-м изданий, за исключением одного хивинского, отпечатанного тиражом около 300 экз.[90]

Исходя из вышеприведенных примеров и учитывая также тот факт, что отдельные ташкентские издания выходили в значительно больших тиражах, можно допустить, что в среднем каждая книга Фузули печаталась в этом городе тиражом не менее 5000 экземпляров. Согласно этому подсчету за 1882-1917 годы общее число экземпляров напечатанных книг поэта и распространенных в Средней Азии составил 355 тыс. экземпляров. В таких больших масштабах произведения Фузули не печатались ни в Турции, ни в Иране и количество среднеазиатских печатных книг Фузули за указанный выше период в полтора раза больше, чем тебризские, каирские и стамбульские издания, вместе взятые, за 1828-1910 гг. Мы убедились также в том, что среднеазиатские издания произведений поэта, выпущенные до 1917 г., не распространялись в странах Ближнего Востока и Кавказа. О том, что дело обстояло именно так, показал анализ библиографического указателя турецкого книговеда Ф.Е.Каратая, в котором учитываются все книги, изданные арабской графикой и на тюркских языках за 1729-1928 гг. В нем из 71 издания произведений Фузули, выпущенных в Хиве и Ташкенте за указанный период, учтено только одно, а именно «Диван Фузули" с поэмой «Лейли и Меджнун» (Ташкент, 1892).[91]

Вот другой пример. В упомянутой Национальной библиотеке Тебриза хранится как ценное собрание личная библиотека писателя Мухаммеда Нахичевани, состоящая из 1880 томов, причем издан каталог этого собрания. Его анализ также показывает, что там нет ни одного среднеазиатского издания Фузули. Из огромного количества книг, выпущенных в этом регионе на восточных языках, в книжном собрании М.Нахичевани оказалась только одна книга, напечатанная в 1910 г. в Ташкенте, а именно сборник стихов Хаджимурада Салих оглы, вышедшая под названием «Прогулка в розовом саду».

Можно отметить и следующее обстоятельство. Ни одно из рассмотренных изданий Фузули не было издано в Азербайджане. Ни один из среднеазиатских книготорговцев, напечатав книги поэта, в свою очередь, не ездил в рассматриваемый период в Азербайджан с целью их реализации в этом регионе. Иными словами, эти книги, напечатанные на языке оригинала арабской графикой, не были пред-

назначены для азербайджанского читателя, а распространялись среди населения Средней Азии. Вывод очевиден: именно в Туркестанском крае до 1917 г. произведения Фузули пользовались наибольшим спросом. Там они были доступны в оригинале в не меньшей степени, чем азербайджанцам. Более того, хотя начиная с 30-х гг. XIX в. в Тифлисе, а затем и в Баку (с первых лет XX в.) начали печатать книги на восточных языках арабской графикой, в Закавказье и, в частности, на территории современной Азербайджанской республики до 1917 года произведения Фузули не были изданы ни разу.

При написании новой фундаментальной истории туркменской литературы необходимо, конечно, учесть все аспекты ее развития. И великий Фузули должен по-праву занять в ней свое достойное место, как и ряд других туркменских поэтов, живших и творивших вне пределов своей исторической родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Магтымгулы.* Багышла бизни. Чап эдилмедик гошгулар. Ашгабат, 1990. 48 с.

[2] Подробно о них см.: *Язбердиев А.* Старопечатные туркменские книги. Проблемы собирания, библиографирования и изучения. М., 2001. 167 с.; его же, **Gündogar metbeçiligi we köne türkmen basma kitaplary. Asgabat,** 2002. 680 s.

[3] *Язбердиев А.* История издания поэмы «Светоч ислама» Хыдыр Кули Вепаи // Книга. Исследования и материалы. Т.81. М., 2003, с.216-238; Yazberdiyew A. "Luminary of islam" by Hidir Kuli Vepai and the history of its publishing // Journal of Asian Civilizations, 2002, Vol. XXV,No.1, pp.161-194.

[4] О Фузули см., например, статьи М.Ю.Гулизаде в "Краткой литературной энциклопедии" (т.7. М., 1972, с.952-955), третьем издании "Большой советской энциклопедии" (т.27. М., 1977, с.382-383) и в девятитомной академической "Истории всемирной литературы" (т.3. М., 1985, с.542-544), в учебном пособии М.А.Дадаш-заде "Азербайджанская литература" (М., 1979, с.61-69) и др. Не иначе как продуктом советского дележа классиков средневековой литературы Востока является и литературно-библиографический справочник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им.-М.И.Рудомино и Института востоковедения РАН "Основные произведения иностранной художественной литературы. Азия, Африка" (3-е изд, испр. и доп. М.-СПб., 1998). В этом солидном издании есть, например, Джами, но нет Навои, есть Юнус Эмре, но нет Фузули и т.д. Стало быть, уже в постсоветской России осталась привычка расчленять единый культурный пласт на так называемую "иностранную литературу" и "литератур народов СССР", хотя теперь, казалось бы, среднеазиатские народы, равно как и кавказские для России тоже стали иностранными. И это далеко не единственный пример неадекватности в современном российском востоковедении.

[5] Достаточно заглянуть на сайт www.simurg.ru, где классики тюркоязычной поэзии распределены по национальным литературам согласно советской традиции.

[6] *Баятлы Н.* Туркменлер ве Ырак туркменлери // ИАНТ СОН, 1966, № 2, с.64-67.

[7] *Бартольд В.В.* Соч., т.II, ч.1. М., 1963, с.574.

[8] *Бертельс Е.Э.* Литературное прошлое туркменского народа. От древнейших времен до XV века // Совет эдебияты, 1944, №№ 9-10, с.186.

[9] *Кунин К.И.* Марко Поло и его книга // Марко Поло. Путешествие. - Л., 1940, с.VII.

[10] Книга Марко Поло. М., 1955, с.55-56. См. также: Марко Поло. Путешествие, с.17-18.

[11] КЦ 1997-1998. СПб., 1999, с.175.

[12] Turkish Daily News, 1995, October 28.

[13] Дунйе туркменлерининн Гуманитар бирлешиги. 2-нжи гойб. Ашгабат, 1993, с.73.

[14] Информация, содержащаяся в этом предложении полностью неверная: Фузули никогда не жил в Сирии и .свои произведения помимо арабского также писал на туркменском и персидском языках. Ещё одно замечание общего характера: в Азербайджане на русском языке имя, точнее – литературный псевдоним поэта пишут как *Физули*. Однако правильно писать *Фузули*. Именно так писали его в русской транслитерации в царской России, так писал и Е.Э.Бертельс уже в советскую эпоху. Так же оно передается латиницей в турецкой и западноевропейской традиции (В Британской энциклопедии *Fuzuli,* и редко встречаемая форма *Fuduli).* В данной статье приводятся оба варианта написания имена поэта, то есть в тех случаях, когда цитируются или даны ссылки азербайджанских авторов, сохранен их вариант написания этого имени, получивший распространение в СССР.

[15] http://www.elcin-gasanov.com/contents.php?cid=189

[16] *Казиев А.Ю.* Художественное оформление азребайджанской рукописной книги XIII-XVII веков. М., 1977, с.14.

[17] The Art of the Book in Central Asia 14th-16th centuries. General editor Basil *Gray*. Paris-London, 1979.

[18] *Robinson B.* Turkman School to 1503 // The Art the Book in Central Asia 14th–16th Centuries, pp.215-247.

[19] *Робинсон Б.* Туркмен миниатюра мекдеби. 1503-нжи йыла ченли // Türkmen dili hem edebiýaty, 1994, s. 1, 36-41-nji sah.; ą 2, 28-33-nji sah.

[20] *Робинсон Б.* Туркменская школа миниатюрной живописи (до 1503 г.) // Культурные ценности, 1997-1998. СПб., 1999, с.175-190.

[21] *Ashrafi M.M.* Arts of the Book and Miniatures // History of Civilizations of Centrasl Asia. Vol.IV. Part 2. Paris, 2000, pp.469-472 (Developments in the western Iranian lands under the Il Khanid and Turkmen dynasties).

[22] *Алиев Г.Ю.* Байрам-хан, туркменский поэт. Ашхабад, 1969. До издания этой книги туркменскими учеными почти ничего не было сделано по изучению творчества этого поэта: они воздерживались от подобных исследований по политическим соображениям. Проф. Г.Ю. Алиев открыл им дорогу. Только после издания его монографии в Туркменистане туркменские ученые впервые смогли выпустить в свет «Избранные произведения» поэта на туркменском языке. См.: *Байрам-хан.* Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1970, 158 с. В своей монографии о Байрам-хане Г.Ю.Алиев впервые поведал о еще одном туркменском поэте – Елкули Эниси, жившем в XVI в. в той же Индии и сообщил о нем весьма серьезные сведения. Благодаря этому Эниси занял свое место в истории туркменской литературы.

[23] МИТТ, т.II, с.11

[24] *Бартольд В.В.* Соч., т.II. ч. I. М., 1963, с.598.

[25] *Рахмани А.А.* "Тарих-и ала марай-и Аббаси" как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, с.12-13.

[26] Азербайджанские историки и здесь пытались утвердить, переиначить прошлое на свой лад (см., например: *Эфендиев О.А.* Образование азербайджанского государства сефевидов в начале XVI в. Баку, 1961), однако из любого независимого от их влияния источника можно узнать о туркменском происхождении Сефевидов. Один из недавних тому примеров – шеститомник ЮНЕСКО "History of Civilizations of Centrasl Asia» (Vol.V. Paris, 2003, pp.247-248).

[27] Еще раньше, в 1929 г. В.В.Бартольд в своем "Очерке истории туркменского народа", в частности, отметил, что эта его работа не заключает в себе "полного свода данных о прошлом туркменского народа, для этого потребовалось бы, может быть, работа нескольких поколений. Моя цель заключалась только в том, чтобы дать культурным деятелям Туркменистана те общие сведения по истории туркмен, которых у них не было и которые они, по условиям настоящего времени, не имели бы возможность собрать сами" (*Бартольд В.В.* Соч., т. II . ч. I, с.545).

Можно указать еще на „Очерки по истории туркменской литературы XVIII-XIX вв.», изданных на туркменском языке, где указанная работа Е.Э.Бертельса опубликована в качестве предисловия этой книги (с.5-36).

[28] См. статью Ф. Бабингера в «Энциклопедии Ислама» т.III, с.974 (на англ. яз.). – **прим. Е.Э.Бертельса.**

[29] *Бертельс Е.Э.* Указ. соч., с.195-196.

[30] Там же, с.198.

[31] Там же, с.194.

[32] Там же, с.195.

[33] *Физули.* Избранное. Баку, 1958, с.8.

[34] *Анар.* Шаирин зэвэри // Шах Исмайыл Хетаи. Мугалелер топлусу. Бакы, 1988, с.42.

[35] *Физули.* Эсэрлери, ч.1-4. Бакы, 1958-1961.

[36] *Сами Мирза.* Тохфе-и Сами. Тегеран, 1314/1936.

[37] *Араслы Г.* Великий азербайджанский поэт Физули. Баку, 1958, с.38.

[38] Там же, с.234.

[39] Там же, с.23.

[40] Об этом см.: *Физули.* Эсэрлери. 3-нжи йилд. Бакы, 1958, с.235; Туркмен эдебиятынын тарыхы. 1-нжи йилд. Ашгабат, 1975, с.397.

[41] *Араслы Х.* Эн гэдим вэ мукэммэл Фузули диваны // Фузули диваны. Бакы, 1958, с.3-10.

[42] *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909, с.217. Автор был крупным специалистом по военной истории и дипломатии, но, судя по его представлениям о восточной литературе, ее он совершенно не знал. Но тот факт, что местные информаторы смогли назвать ему лишь имя Фузули как своего национального поэта, более чем красноречив. Второй названный им поэт – Нурмухаммед Гарип (ок.1712-1780), известный также под псевдонимом Андалиб, был основоположником жанра дестанного эпоса в туркменской литературе.

[43] Подробно об этом см.: **Ýazberdiýew A. Gündogar metbeciligi we köne türkmen basma kitaplary. Aşgabat, 2002, s.223, 384;** *Язбердиев А.* Старопечатные туркменские книги, с.91.

[44] *Араслы Г.* Великий азербайджанский поэт Физули, с.235.

[45] *Бертельс Е. Э.* Литературное прошлое туркменского народа, с.196.

[46] *Поспелов Е.М.* Имена городов: вчера и сегодня (1917-1992). Топонимический словарь. М., 1993, с.75.

[47] Книга моего деда Коркута. М.-Л., 1962.

[48] *Гаджиев Д., Кули-Заде М.* Об одной антинародной книге // Лит. газета, 1951, 7 июля.

[49] Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). СПб., 2003, с.195-196, 219. Подробно об этом см.: *Эсенов А.* Профессор Мяти Косаев (1906-1984). Ашгабат, 1992, с.17-34; *Хоммадурдыев Ж.* Мяти Косаеве хем-де Баймухаммет Гаррыеве суд эдилиши. Ашгабат, 1993, 54 с.

[50] Эсенов Р.Рукописи, найденные на Каспии // Правда, 1968, 16 янв.; Его же, Находка в Гасан-Кули // Известия, 1967, 26 ноября; *Мередов А.* Найдена поэма Азади // Лит. газета, 1968, 7 авг.; *Его же,* Довлетмеммет Азадынын нябелли поэмасы // Совет Туркменистаны, 1967, 19 ноябрь; *Его же,* Довлетмеммет Азады ве онун «Бехиштнама» поэмасы // ИАНТ СОН, 1969, № 3, с.77-87.

[51] *Азады Д.* Сайланан эсерлер (Танкыды текст). Ашгабат, 1982, 262 с

[52] Один экземпляр этой книги сохранил М.Аннакурдов. Он ныне хранится в отделе редких изданий Национальной библиотеки Туркменистана под шифром Т2/41114.

[53] О них см.: *Гуллаев Н.* «Эдебият ве сунгатын» окыныларынын дыкгатына // Эдебият ве сунгат, 1987, 18 сент.

[54] *Гурбанов Г.* Несиминин газаллары // Эдебият ве сунгат, 1973, 16 сент.

[55] Журнал "Ашхабад", 1980, №1, с.13-16.

[56] Сейит Ымадэддин Несими. Шыгырлар. Ашгабат, 1972. 287с.

[57] Там же, с.2.

[58] *Короглы Х.Г.* Туркменская литература. М., 1982, с.112-113.

[59] *Физулы.* Лейли ве Межнун, Ашгабат, 1963. 308с.

[60] *Физули.* Диван-е Фузули мэ Лейли ве Межнун. Ташкент, (б. г.). 159 с.

[61] *Режеби Р.* Фузулы ве Андалып денешдириленде // Фузулы. Лейли ве Межнун. Ашгабат, 1963, с.22-56.

[62] Туркмен эдебиятынын тарыхы. 1-нжи жилт. Ашгабат, 1975, с.393-410.

[63] Туркмен эдебиятынын тарыхы. 1-нжи жилт, с.397. Данный куплет в качестве примера был взят С.А.Каррыевым из: *Физули.* Эсэрлери. 3-нжи ж. Бакы, 1958, с.23.

[64] Данный очерк о творчестве Фузули был написан в очень тревожное для его автора время, то есть вслед за вышеупомянутым жестоким наказанием, которое получил его старший брат Баймухаммед Каррыев за издание «Книги моего деда Коркуда».

[65] Информацию источников по данному вопросу Г.М. Араслы следующим образом переиначил: «И вот в целях охраны Багдада и предотвращения любого восстания, которое могла поднять какая-нибудь арабская династия или арабское племя, аббасидские халифы переселили сюда многие племена из разных районов Азербайджана, в частности из его северных областей. Эти азербайджанские племена, переселенные в Багдад, были расселены в его окрестностях, где они стали нести караульную службу по охране аббасидской столицы». (*Араслы Г.* Великий азербайджанский поэт Физули, с.36).

[66] Здесь имеется ввиду Садык бек Авшар, автор антологии «Меджме-ул-хавас» («Сборник избранных»), которую он составил в 1598 г., то есть спустя 43 года после смерти Фузули.

[67] *Атаныязов С.* Туркменистанын географик атларынын душундиришли созлеги. Ашгабат, 1980, с.60.

[68] Подробно о содержании этой книги см.: *Бертельс Е.Э.* Избранные труды. Т.2. Низами и Фузули. М., 1962, с.498-499.

[69] Подробно об этом см.: *Щеглова О.П.* Иранская литографированная книга. М., 1979. Первоначальный этап типографского книгопечатания в Иране в этом исследовании определяется 1818-1832 годами. В 1932 г. в Тебризе была основана литография. Она, также как и первая типография в этом городе, являлась первым подобным печатным заведением во всем Иране. Литографический способ печатания оставался основным в Иране до середины 20-х гг. XX в. Затем она снова, на сей раз уже навсегда, уступила свое место типографскому книгопечатанию.

[70] *Араслы Г.* Эн гэдим вэ мукэммэл Фузули диваны, с.3.

[71] *Элиев А.* Азэрбайҹан китабы. Библиографиа. 1 чилд. 1780-1920. Бакы, 1963, с.5-14.

[72] ***Karatay F.E.*** **Türkçe basmalar alfabe katalogu. (1729-1928). Cilt.1. Istanbul, 1956, s.219.**

[73] Там же, с.219.

[74] Там же, с.508.

[75] Подробно об этом см.: *Курышжанов А.* Элементы туркменского языка в тюрко-арабском словаре XIII в. // ИАНТ СОН, 1966, №2, с.67-78.

[76] Подробно о книгопечатание в Египте XIX в. см.: *Рафиков А.Х.* Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973, 215 с. *Heyworth-Dunne, J.* Printing and translatins under Muhammed Ali of Egypt. The foundation of modern Arabic // Journal of the Royal Asiatic Society, 1940, pp.325-349.

[77] *Karatay F.E.* Ayni eser, 219-221, 508-nji sah.

[78] *Элиев А.* Азэрбайҹан китабы. 1 чилд, 5-183 с.

[79] ***Ýazberdiýew A.*** **Gündogar metbeçiligi we köne türkmen basma kitaplary, s. 322-527.**

[80] Как и всюду в мире, в Средней Азии тоже, после возникновения книгопечатания, местные книгоиздатели и книготорговцы выполняли почетную миссию по распространению среди населения грамотности, образования и культуры. Во второй половине XIX в. и в течение первых двух десятилетий XX в. (до 1917 г.) на основе арабской графики они выпустили в свет огромное количество книг. К сожалению, жизнь и деятельность этих просветителей, внесших огромный вклад в развитие культуры народов Средней Азии, по сей день еще не изучены и не оценены по достоинству. Сыддык Ходжа Ходженди был одним из таких людей. Он на свои средства печатал кни-

ги не только в Стамбуле, но и в сопредельных со Средней Азией странах и распространил их среди узбеков, таджиков, туркмен и других народов этого края. Г.А. Дмитриев сообщает об этом следующее: «Некоторые из крупных местных книготорговцев предпочитали заказывать книги не в местных литографиях, а в индийских. На титульных листах известных нам индийских изданий имеется надпись «Напечатано иждивением (или по заказу) книготорговца Сыддык Ходжа Ходженди», т.е. жителя города Ходжента. Как видно из архивных документов, это был крупный ходжентский купец, торговавший книгами в Самаркандской, Ферганской и Сыр-Дарьинской областях Туркестанского генерал-губернаторства. По нашим сведениям, он получал крупные партии книг из Индии с конца 80-х годов XIX века до 1918 г.. Только за три месяца 1893 г. он получил из Индии (через Кашгар) около 400 экземпляров книг самого различного содержания. Любопытно отметить, что все эти книги (за исключением двух турецкого происхождения) были напечатаны в Индии. Книги, привозившиеся Сыддык Ходжой из Индии, были самыми разнообразными по содержанию. Однако, в тех случаях, когда они печатались по его заказу (преимущественно в Лакхнау, в литографии Монши Нуль-Кишвара), это бывали сочинения развлекательного характера, рассчитанные на массового читателя. Таковы «Повесть о Дале и Мухтаре» (Лакхнау, 1901) – персидская сказка эпохи Гаруна ар-Рашида, «Сказка о царевиче Бахраме и принцессе Гульандом» (Лакхнау, 1901), «Повесть об Адылхане и трех дервишах» (Лакхнау, 1901). Аналогичные операции с индийскими книгами проводил и другой среднеазиатский книготорговец – Мулла Мир-Сабир». (*Дмитриев Г.Л.* Распространение индийских изданий в Средней Азии в конце XIX-начале XX веков // Книга. Исследования и материалы. Т.VI. М., 1962, с.249). Сыддык Ходжа Ходженди не принял Советскую власть в Средней Азии и вскоре переехал в Индию и продолжал в этой стране свою издательскую деятельность. В частности, в столице этого государства Дели в 1934 г. он издал произведения туркменских поэтов на языке оригинала: »Диван» Махтумкули Фраги и «Зохре и Тахир» Саяды.

[81] О них см.: *Язбердиев А.* Старопечатные туркменские книги, с.

[82] Подробно об одном из них см.: *Язбердиев А.* Мирзахид Мирсыддык оглы и его издательская деятельность 1908-1916 гг. // Miras, 2003, №4, с.82-88.

[83] *Араслы Г.* Эн гэдим вэ мукэммэл Фузули диваны, с.3.

[84] *Араслы Г.* Великий азербайджанский поэт Физули, с.235.

[85] Причину того, что многие издания произведений Фузули не нашли отражения в указанных библиографических указателях, объясняется следующим обстоятельством. Согласно «Положению» Главного цензурного управления России того времени, если какое-либо произведение по разрешению его ранее было опубликовано, то при повторном, очень часто неоднократном переиздании таких книг, 12 установленных обязательных экземпляров не посылалось в это учреждение, и, соответственно, они не отражались в регистрационных библиографических журналах.

[86] *Смирнов В.* Мусульманские печатные издания в России за 1892 год // ЗВОРАО, 1893, т.VIII, вып.1-2, с.197.; 1894, т.VIII, вып.3-4, с.395.

[87] Книжная летопись, 1914, №19, с.21, п/№ 11532.

[88] Книжная летопись, 1912, №49, с.33, п/№ 33736.

[89] Книжная летопись, 1914, №19, с.21, п/№ 11532.

[90] *Самойлович А.Н.* Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. Хивинские придворные книгохранилища и книгопечатня // ИАНТ СОН, 1981, №1, с.74-82. (Эту статью мы подготовили к печати и опубликовали на основе неоконченной рукописи А.Н.Самойловича, которая хранится в Рукописном отделе Национальной библиотеки РФ (ф.671, оп.1, №145, л.1-152). См. также: *Язбердиев А.* А.Н.Самойлович о дореволюционных хивинских книгохранилищах и книгопечатне // ИАНТ, 1981, №1, с.69-73.

[91] **Karatay F.E. Aýni eser, p.5-220.**

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА

Имя “Тохаристан” почти в течение тысячелетия носила центральноазиатская страна по верхнему течению Окса\Амударьи. Страна эта ранее была известна как Бактрия, или Бактриана и включала территории, соответствующие по современной политико-географической терминологии, Южному Узбекистану, Юго-Восточной Туркмении, Южному Таджикистану и Северному Афганистану. Имя ‘Тохаристан’ впервые появляется в китайском тексте, датированном 383 г. н. э. Однако, вполне вероятно, что к тому времени оно было уже в ходу в течение нескольких столетий.

“Тохаристан” означает “страна тохар”. Но кто такие были эти тохары? До II в. до н.э. о народе с подобным именем в Центральной Азии не слышал никто из западных античных географов или историков, то есть писавших на греческом, либо на латыни. Эти авторы называли будущий Тохаристан Бактрией или Бактрианой. Между 141 и 128 г. до н. э. эллинистическая Греко-Бактрия была разрушена кочевниками. Среди прочих номадов-захватчиков присутствовали и тохары. До II в. до н. э. они были известны исключительно на востоке Центральной Азии: в западном и северо-западном приграничных регионах Китая.

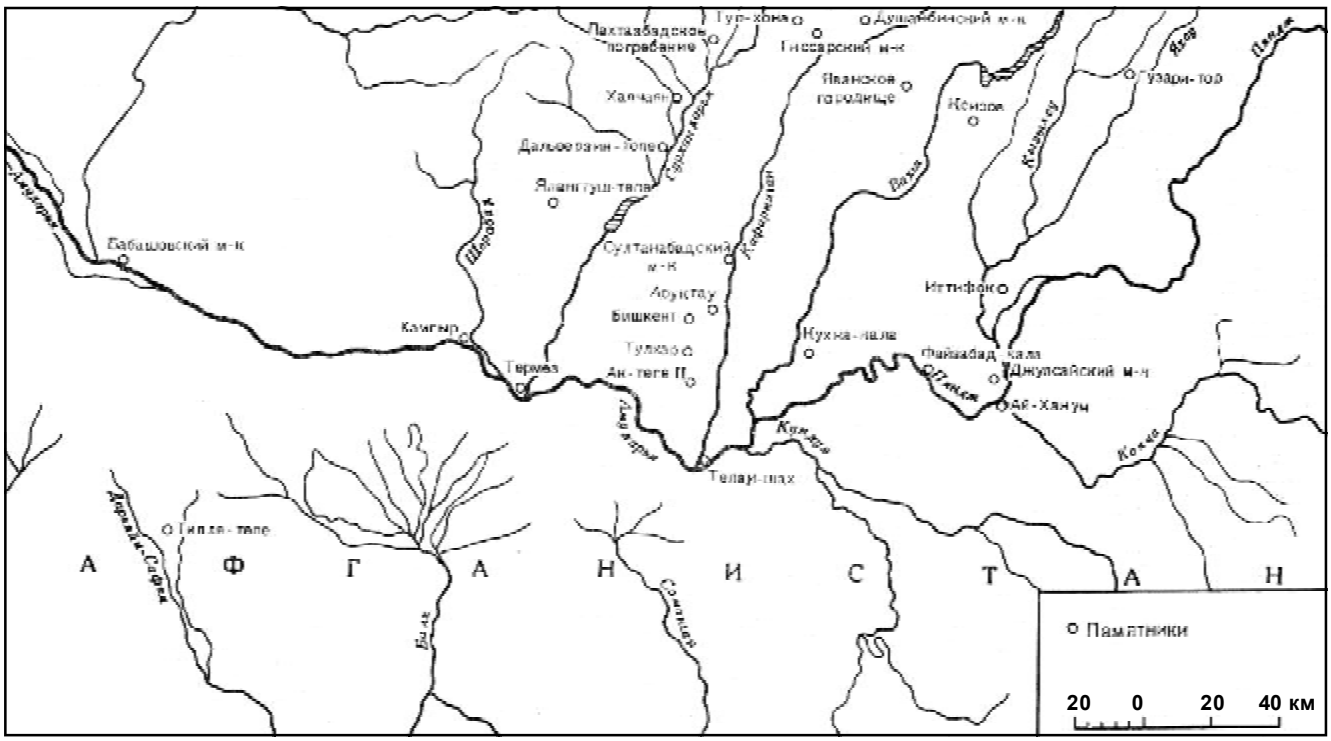
Китайским источникам в Средней Азии для II в. до н.э. известно ограниченное число народов. В связи с захватом Греко-Бактрии в них фигурируют только юэчжи и усуни. Для западных, греко-латинских источников в связи с этими же событиями известны, по крайней мере, четыре народа: тохары, ассии (ассиани), сакарауки (сакараулы) и пассиане. Историческая судьба тохар и юэчжей, в соответствии с информацией этих двух разных групп письменных источников, вырисовывается практически идентичной. Прочие народы, фигурирующие в западных письменных источниках и, в частности, сакарауки или сакараулы, появились, вероятно, из северных районов Средней Азии или пришли сюда с северо-запада.

Погребальные памятники кочевников Северной Бактрии-Тохаристана II в. до н. э. – IV в. н.э. проливают свет на проблему их этнической идентификации. Могильники Бабашов и Ксиров – одни из них *(Илл.1)*.

Могильник Ксиров находится в Дангаринском районе Южного Таджикистана. Подавляющее большинство погребальных сооружений представлено здесь обычными могильными ямами и лишь незначительное число объектов имеет подбои в северной или южной стенках могильных ям. Погребенные лежат вытянутом положении, головой на запад или с некоторыми отклонениями (на ЮЗ и СЗ). Единственное исключение – костяк, лежащий головой на восток. Группы этих оград или курганов в плане выглядят как цепочки или, в одном случае, как веретено. Все группы вытянуты в плане с севера на юг. Раскопки памятника проводились под руководством автора статьи с 1977 по 1990 г., с перерывами. [1]

Памятники Бишкентской долины. В отличие от Ксирова, могильные сооружения Бишкентской долины, расположенной на юго-востоке Таджикистана, ориентированы не с востока на запад, а с юга на север. Обычные могильные ямы без подбоев здесь крайне редки. Очень редки и ограды. Подавляющее большинство погребений в этой долине представляют собой курганы и имеют подбои в восточной или западной стенках. Ограды представлены только в одном и далеко не самом большом могильнике, в могильнике Аруктау, где количество их весьма невелико и составляет лишь 5,6% от общего числа погребений. В плане группы этих погребальных сооружений выглядят как пятна неопределенной формы. Здесь есть также редкие группы, в которых курганы располагаются в плане в виде полос или цепочек. Вытянуты эти группы, однако, в отличие от ксировских, не с севера на юг, а с востока на запад.

Могильник Бабашов, расположенный в Восточном Туркменистане, типологически занимает промежуточное место между бешкентскими могильниками и Ксировом. Хотя могильные ямы в Бабашове ориентированы на север, отклонения от северной ориентации здесь встречаются чаще. Помимо СВ и СЗ ориентации здесь представлена также и восточная. Большинство могильных сооружений представлено здесь, как и в Ксирове, простыми могильными ямами. Все намогильные сооружения в Бабашове – ограды. Могильник Бабашов оказывается близким с Ксировом даже и по такому признаку как средняя глубина могильной ямы. В Бабашове она составляет 122,1 см, тогда как в Ксирове – 121,6 см. В Тулхаре же и в Аруктау могильные ямы значительно глубже: 177,5 см и 181,8 см соответственно. Анализ топографического расположения групп могильника Бабашов приводит к выводу о существовании на данной территории двух синхронных могильников (субмогильников), отличающихся как по устройству могильных сооружений, так и глубинами могиль-



Илл.1. Карта-схема расположения основных могильников Северной Бактрии–Тохаристана.

ных ям. В юго-восточной части Бабашова расположены группы, в которых обнаружены погребальные памятники, представляющие собой исключительно грунтовые ямы без подбоя. Это группы №№ VI, XIII, XVI, XVII, XVIII и XXI. В северо-западной части могильника представлены как простые грунтовые ямы, так и ямы с подбоями в восточной или западной стенках (группы №№ IV, X, XII и XIV).

Ограды "подбойных" групп располагаются либо на равнинной местности, либо поверх невысоких холмов. Ямный же могильник (субмогильник) находится на увале (*Илл. 2*). Кроме того, группы эти отличаются также и по глубине погребений, причем значительно. Средняя глубина подбойных погребений юго-восточного могильника составляет 149,0 см (для ямных погребений – 139,9 см), в то время, как средняя глубина погребений северо-западного (ямного) могильника – 74,8 см!

Возможно, в Бабашове похоронен тот же самый народ, что и в Ксирове. Промежуточное положение Бабашова между Ксировом и могильниками Бешкентской долины можно объяснить тем, что Бабашов более позднего времени, чем Ксиров. И эти кочевники, жившие у западных границ Бактрии-Тохаристана, оказались под влиянием их соседей, кочевников, пришедших к границам Греко-Бактрии с севера или с северо-запада Средней Азии.

Семиречье и Северный Тянь-Шань. По устройству погребальных сооружений как могильник Ксиров, так и Бабашов, более всего оказываются близки синхронным погребальным памятникам Семиречья и Северного Тянь-Шаня. Также, как и в Ксирове, подавляющее большинство погребений представляют здесь собой грунтовые ямы (до 80 % и даже более) и лишь небольшой процент погребений - это могильные ямы с подбоем. Погребения эти ориентированы как правило на запад и очень редко – на восток.

Семиречье или Джетысу – этот тот самый регион, где во втором веке до нашей эры обитали какое-то время юэчжи, а затем – усуни. По их географическому происхождению и, как о том свидетельствуют исследования знаменитого синолога И.Г.Паллибленка, также и в языковом отношении, народ усуней был очень близок с юэчжами. Это позволяет предполагать, что и погребальный обряд обоих народов был также близок, если не идентичен.

Определенную близость обнаруживает могильник Ксиров по устройству погребальных сооружений и их ориентации с могильниками Пазырыкской культуры Южной Сибири и тиллятепинскими княжескими североафганистанскими погребениями.

Датировка северобактрийских могильников кочевников. Прежде чем обсуждать этот вопрос, обратим внимание на мнение Б.А.Литвинского и А.В. Седова о том, что Бишкентская долина была, возможно, для какого-то племени таким же священным местом как область Герры у скифов (Геродот, IV,71), но с той разницей, что в Бишкенте были сосредоточены не царские погребения, как у скифов, а всех членов племенной группировки.[2] В случае, если Бишкентская долина действительно играла такую роль, представляется маловероятным хронологический разрыв между известным нам временем прихода кочевников к берегам Окса в середине II в. до н. э. и предлагаемой А.В.Седовым датировкой наиболее ранних погребений этого памятника концом I в. до н. э.[3] При этом разрыв этот оказывается протяженностью больше столетия.

Согласно А.В.Седову, две керамические формы, из представленных в Тулхаре, некоторые типы мисок и одноручных кувшинов встречаются также и в

комплексах айханумского типа.[4] Керамика эта не близка, а именно идентична айханумской.[5] По нашему мнению, кроме того, чрезвычайно близки и сосуды, которые А.М. Мандельштам называет бокалами,[6] а А.В. Седов – кубками,[7] и один тип горшков, также чрезвычайно близкий айханумским.[8] Таким образом, нет оснований столь сильно омолаживать датировку Тулухарского могильника.

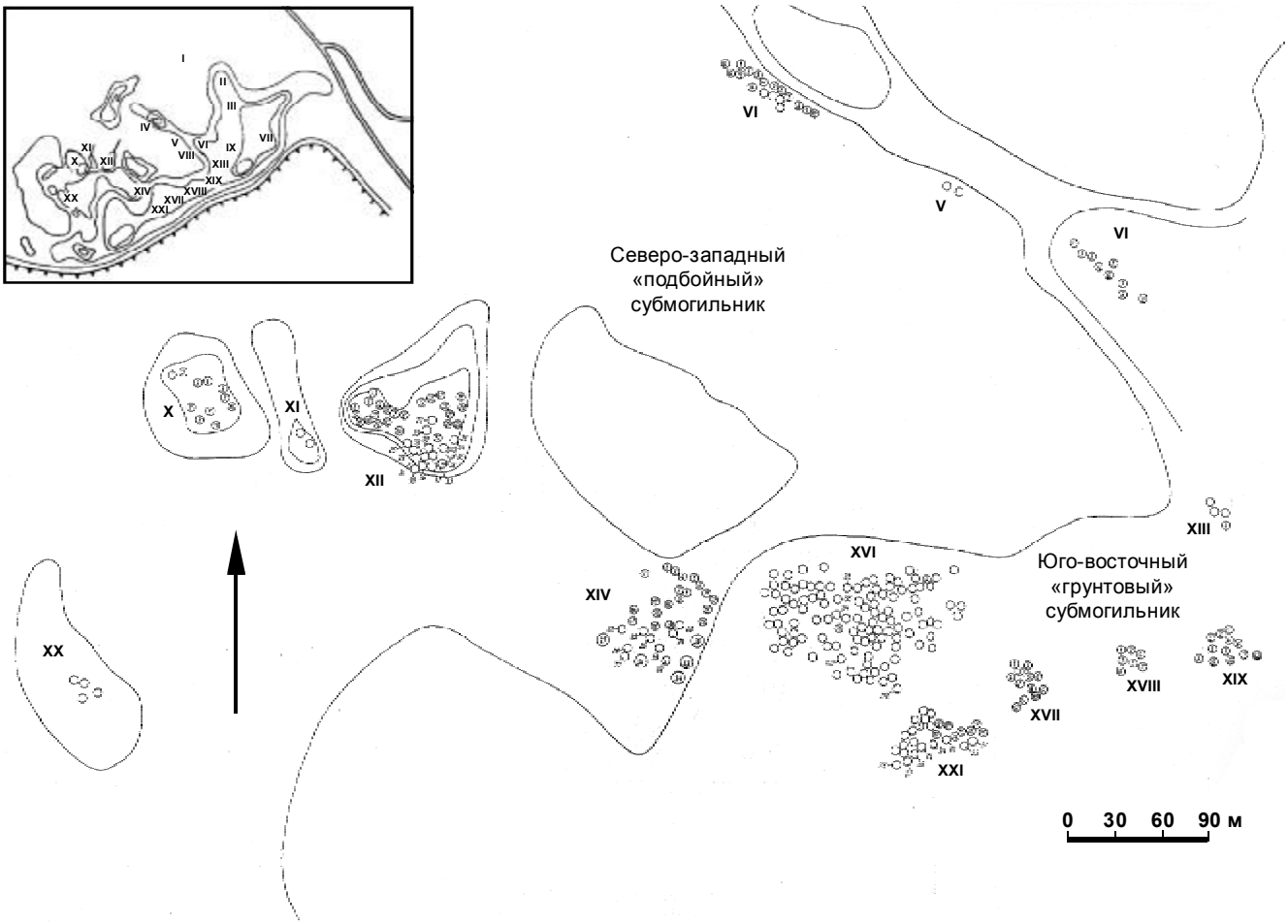
Могильник Ксиров датирован нами в пределах середины II в. до н.э.–II в.н.э. Вывод, что наиболее ранние погребения Тулхара и Ксирова могут датироваться II в. до н. э., в части Ксирова подтверждает и анализ сопровождающего инвентаря погребений этого памятника, среди которого представлен в частности, довольно архаичный для II в. до н.э. кинжал (подобные датируются обычно IV-III вв. до н.э.).

Лепная керамика, практически идентичная ксировской, была обнаружена в кроющем слое городища Ай-Ханум,[9] где она уверенно датируется II–I вв. до н.э. В могильнике Ксиров обнаружена одна пластинчатая пряжка, находящая себе аналогии в материалах II-I вв. до н.э. Аналогичные ксировским золотые кольцевидные серьги с муфточкой-приемником датированы А.В.Седовым I-II вв. н.э.[10] Однако, в соответствии с мнением Б.Муше, подобные серьги известны уже для II в. до н.э.[11] В Ксирове найдена одна из четырех монет первой, наиболее ранней серии оболов "подражаний оболам Эвкратида". Серия эта датирована Е.В.Зеймалем с конца II в. до н.э.[12]

Что касается верхней даты Ксирова: одна из двух монет серии II датирована Е.В.Зеймалем серединой I в. н.э. И одна из двух монет серии VI датирована этим исследователем концом I – началом II в. н.э. Учитывая, что серебряные монеты могут оставаться в обращении и еще какое-то время после выхода их в обращение, верхняя дата – II в. н. э. кажется нам допустимой и наиболее вероятной.

Датировка Бабашовского могильника. А.М. Мандельштам отмечает, что среди материалов, обнаруженных при исследовании могильника, нет таких, которые могли бы послужить твердой опорой для его датировки, таких как монеты или вещи, время бытования которых можно было бы считать хорошо установленным и достаточно ограниченным.[13]

Исследователь констатирует, что, обращаясь к типологическому анализу материалов, происходящих из могильника, он сталкнулся с большими трудностями, чем при датировке могильников Бешкентской долины. Причина тому – неизученность памятников оседлого населения античной эпохи из района, где располагается этот могильник, а резуль-



Илл.2. Бабашовский могильник. План (по А.М.Мандельштаму). «Подбойный» и «грунтовый» субмогильники.

таты раскопок городищ, расположенных в Сурхандарьинской долине, пока еще достаточно полно не опубликованы, за исключением материалов из Халчаяна.[14] Последние, однако, использовать довольно трудно, поскольку датировка Халчаяна строится на сопоставлении с керамикой хронологической классификации археологических материалов М.М.Дьяконова, которая, как уже было ясно, нуждалась в уточнении.

Таким образом, важнейшей опорой при датировке могильников Бабашовского могильника закономерно становятся материалы Кобадиана и Бишкентских могильников.[15]

Самой надежной основой для определения времени сложения Бабашовского могильника А.М.Мандельштам считает типологический анализ найденной в этом могильнике керамики. Отмечая общее между памятниками Бешкентской долины и Бабашова, этот исследователь подчеркивает наличие и там, и тут бокалов четырех типов - цилиндроконических, выпукло-конических, колоколовидных и рюмкообразных, а также тонкостенных мисок. Это, по мнению исследователя, "позволяет считать рассматриваемые памятники близкими по времени или, точнее говоря, частично синхронными".[16]

С другой стороны, отмечаются следующие различия:

1. В Бабашовском могильнике отсутствуют кувшины, сосудики с боковым носиком, лишь единичными фрагментами представлены вазы и горшки.

2. В Бабашовском могильнике имеются кубки (подобие бокалов со срезанной ножкой), отсутствующие в погребальных памятниках Бишкентской долины. Аналогичная ситуация и с кружками. Единственный сосуд, типологически близкий с кружками, в Бишкентской долине был найден в относительно позднем захоронении.

3. В Бабашовском могильнике обнаружено значительное количество бокалов рюмкообразной формы, редких в бешкентских могильниках. И, напротив, там единичны обычные в последних цилиндроконические и выпукло-конические бокалы.[17]

При определении датировки Бабашовского могильника А.М.Мандельштам привлекает также и материалы исследования городища Хан-газа, где были обнаружены характерные формы сосудов (целые и фрагментированные) и, в частности, крупные бокалы со слегка вогнутыми краями, кубки и тонкостенные кружки-кувшинчики на поддоне с небольшой ручкой на плечиках.[18]

Единственный обнаруженный в Бабашовском могильнике меч и два из трех найденных здесь кинжалов не имеют перекрестий и наверший, что это заставляет считать их сравнительно более поздними. Что же касается наконечников стрел, то они здесь тех же двух типов, что и найденные в Тулхарском могильнике.

Предметы, связанные с одеждой и с обувью, вероятно, мало изменились и существовали в течение длительного времени. В Бабашовском могильнике они те же, что и в могильниках Бишкентской долины.

Большинство украшений никак не может быть использовано для датировки. Имеются, однако, отдельные изделия, для которых можно предложить узкую датировку, а также и аналогичные найденным в могильниках Бешкентской долины. В конечном счете, А.М.Мандельштам предлагает датировку для Бабашовского могильника: I в. до н.э.–III в.н.э. При этом он отмечает, что наиболее вероятная дата – I в. до н.э.–II в.н.э. Исследователь допускает, что отдельные погребения, возможно, относятся и к концу II в. до н. э. Ср. датировку Бабашова I-III вв., предложенную Н.Г.Горбуновой.[19]

Прав, очевидно, А.В.Седов, датируя Бабашовский могильник I-IV вв. В пользу этой датировки говорит выявленное еще А.М.Мандельштамом хронологическое соответствие между курганными могильниками юга Трансоксианы, а также проделанное А.В.Седовым, сопоставление материалов из этих памятников с происходящими из исследованных в последние годы городищ Бешкентской долины.[20] При этом нельзя исключить возможности того, что отдельные погребения памятника должны относиться к I в. до н. э.

Аруктауский могильник датирован А.В.Седовым I-IV вв. Но не лучше ли датировать этот памятник I–III вв., поскольку в нем отсутствуют характерные для Бабашова кубки, кружки и рюмкообразные бокалы, характерные для поздних погребений последнего памятника?

* * *

В письменных источниках есть дополнительные свидетельства в пользу справедливости нашей концепции по этнической идентификации кочевников Северной Бактрии. Первоначально, до того, как юэчжи завоевали Бактрию, народ этот, согласно китайским хроникам, какое-то время обитал севернее реки Окс, идентифицируемой как Амударья с верховьями по реке Пяндж. На следующем этапе, после того, как были завоеваны территории на юг от этой реки, там были созданы пять княжеств-ябгу. Наиболее восточное из них, ябгу Хюми, исследователи сопоставляют с современным Ваханом на Памире, а наиболее западное, Туми, – с современным Термезом на юге Узбекистана. Третье княжество, среднее в этой цепочке, называвшееся ябгу Гуйшуань – Кушания, соответствует, таким образом, примерно современной провинции Тохар в Северном Афганистане. Это княжество характерно тем, что оно дважды, если не трижды маркировано как юэчжийское:

Во-первых, как одно из пяти юэчжийских княжеств-ябгу. Во-вторых, как ябгу, подчинившее четыре других и в результате создавшее ядро будущей Кушанской империи, империи, которую составители китайских хроник называли Государством Больших (да) юэчжей. И, наконец, в-третьих, как ябгу, чей правитель стал царем и основателем династии правителей этого Государства больших юэчжей.

Страна Больших юэчжей, где этот народ обитал накануне своего вторжения в Бактрию (Дахя), лежала на север от реки Окс. Область этой страны, прилегавшей непосредственно к княжеству Гуйшуань, должна была, в силу своего географического положения, быть также как и это ябгу Гуйшуань

"более юэчжийской", чем другие районы этой страны. Представляется маловероятным, чтобы здесь жили не юэчжи, а их союзники. Эта область должна соответствовать современной Кулябской области Южного Таджикистана (восточная часть Хатлонской области). Составной частью именно этой области является и Дангаринский район, где располагается могильник Ксиров.

Раннесредневековый китайский пилигрим Сюаньцзан упоминал среди прочих стран и царство Химатала. По описанию этой страны можно заключить, что речь здесь идет о землях, примерно соответствующим территории современной североафганистанской провинции Тохар. Химатала здесь названа "древней страной Ту-хо-ло", что означает "древняя страна Тохаристан". Кроме того, имеется одно сообщение эпохи Тан, согласно которому в этом районе находилось небольшое губернаторство, называвшийся Юэчжи. Дополнительные указания, что Бактрия-Тохаристан в узком смысле - восточные области этой страны, находит В. В. Бартольд, анализируя средневековые арабоязычные письменные источники.[21] К такому же выводу при анализе письменных источников пришел и другой исследователь, Р.Гиршман.[22]

Тулхарский и Аруктауский же могильники скорее всего были оставлены среднеазиатскими либо пришедшими с северо-запада, из более отдаленных евроазиатских областей, сарматоидными, по всей видимости, ираноязычными кочевниками.

Могильник Бабашов также, скорее всего, оставлен большими юэчжами, хотя с полной уверенностью утверждать это нельзя. Типологически промежуточное положение Бабашова мы склонны объяснить диффузией, тем, что кочевники, оставившие этот могильник, видимо, в течение длительного времени жили в окружении сарматоидных ираноязычных номадов и ираноязычного оседлого населения.

Возможность идентификации Бабашовского могильника как оставленного тохарами делается еще более вероятной, если вспомнить сообщение Юстина (кн. XLII, гл.1-2), согласно которому тохары принимали участие в военных действиях против парфянских войск Фраата и Артабана. Вполне вероятно, что пришедшие на юг Средней Азии тохары, – они же по всей очевидности и юэчжи, – разделились и, в то время как часть их захватила Греко-Бактрию, другая воевала с Парфией.

Евгений Денисов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сведения о раскопках могильника Ксиров можно найти в выпусках АРТ XIV-XXI и XXIV (Душанбе, 1979-1988, 1993), а также в АО 1978, 1980, 1981, 1984 гг. (М., 1979-1986).

[2] *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984, с.175.

[3] Там же, с.104-134.

[4] Там же, с.128.

[5] *Bernard, P.* Fouilles d'Ai-Khanoum I. (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Paris, 1973. Pl.123, g-j.

[6] *Мандельштам А.М.* Кочевники на пути в Индию. М.-Л., (МИА, № 136), 1966, табл.XX, 3 и табл.XXI, 1.

[7] *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Указ. соч., с.128.

[8] *Bernard, P.* Op. sit., pl.119, e; pl.92, 136.

[9] *Bernard, P.* Campagne de fouille 1978 a Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAIBL, 1980, pp.155-156; *Lyonnet, B.* Les nomades et la chute du Royaume greco-bactrien: quelques nouveau indices en provenance de l'Asie Centrale orientale. Vers l'identification des Tokhares-Yueh-Chi // "Histoire et cultes de l'Asie Centrales preislamique", Paris, 1991, pp.153-161.

[10] *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Указ. соч., с.129.

[11] *Musche, B.* Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden. Leiden–N.Y.–Kobenhavn–Koln, 1988, ss.56-58, Taf.VIII.

[12] *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983, с.93-94, табл.10, 1(01-03). *Зеймаль Е.В.* Подражания оболам Эвкратида // В кн.: *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984, с.186, табл.XV, 1-4.

[13] *Мандельштам А.М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Тр. ТАЭ, т. VII. Л., 1975, с.125.

[14] *Пугаченкова Г.А.* Халчаян. Ташкент, 1966.

[15] Сейчас уже имеется большой материал из близких к Бабашову районов (Термез, Кампыр-тепе и др.) – **Прим. ред.**

[16] *Мандельштам А.М.* Памятники кочевников кушанского времени, с.126.

[17] Там же, с.126-127.

[18] Там же, с.127-128.

[19] *Горбунова Н.Г.* Скотоводы Бактрии и Согда и сарматы // Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции 13-16 сентября 1994 года, Волгоград, 1994, с.60; *Она же*: Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кизилкумов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, вып.35. (Спб.) , 2001.

[20] *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Указ. соч., с.120-134.

[21] *Бартольд В.В.* Соч., т. VII. М., 1971, с.47.

[22] *Ghirshman, R.* Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans (MDAFA, t. XII), Le Caire, 1946, p.113, n.4.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ ПОХОДЕ АРАБОВ В КИТАЙ

Накануне арабского завоевания Средняя Азия, являвшаяся частью Тюркского каганата, находилась в сфере влияния Китайской империи. В первой половине VIII в. в самый разгар завоевательных войн арабов Китай был занят долгой и изнурительной войной с Тибетом, которая продолжалась вплоть до самого 133/750-51 г. Именно к этому времени относится первая и единственная попытка Китая отвоевать от арабов Среднюю Азию.[1] В июле этого года арабский полководец Зийад ибн Салих в районе Таласа наголову разбил 30-ти тысячную армию китайцев и захватил большое количество пленных,[2] а военачальник китайской армии Гао Сянь-чжи с остатками своих войск бежал обратно в Китай.[3] После этого кровопролитного сражения, продолжавшегося 5 дней, китайцы окончательно отказались от своих притязаний к Средней Азии, где арабы стали полновластными хозяевами.[4]

В арабских источниках имеется также сообщение о походе Кутайбы ибн Муслима в 96/714-15 г. в Кашгар и о его посольстве к "царю ас-Сина".[5] Однако, как явствует из текста уйгурской редакции сочинения ат-Табари, под "царем ас-Сина" здесь следует понимать не китайского императора, а правителя Хотана, которому подчинялся и Кашгар.[6] Предполагается, что в 134/752-53 г. Абу Муслим готовился совершить поход в Китай, но так и не смог его совершить из-за своей смерти.[7]

В китайских источниках приводятся сведения о посольствах, посланных арабами к китайскому двору, первое из которых было отправлено в 651 г. халифом Усманом. Посол прибыл к китайскому императору с дарами и передал ему послание арабского халифа, в котором он сообщал, что они получили престол 34 года тому назад и царствуют уже три колена. После этого арабские халифы регулярно отправляли посольства в Китай, последним из которых был Харун ар-Рашид, направивший сразу трех посланников.[8] Каждое из этих посольств, которых всего было не менее 12-ти, предоставляло китайскому императору дары – обычно это были чистокровные арабские кони и драгоценности.[9] Китайское правительство, которое обычно не предпринимало ответных действий, никогда обстоятельно не исследовало причины и цель посылаемых к ним посольств и по обыкновению рассматривало их как знаки уважения и подчинения, а присылаемые дары – как дань.[10] Посольства прибывали обычно с торговыми караванами, поэтому прибытие торгового каравана всегда рассматривалось в Китае как "посольство".[11] Других данных о военных действиях арабов против Китая в средневековых арабских источниках, насколько известно, нет. Но такие известия имеются в средневековых армянских источниках.

В историческом сочинении армянского автора VIII в. Гевонда приводится интереснейший рассказ, в котором описывается ранее не известный военный поход арабов в Китай и их посольство к китайскому императору. Согласно его данным, в правление халифа ал-Валида (правил в 86–96/705–715 гг.) арабский военачальник по имени Махмет, который ранее был наместником Армении, попросил у халифа предоставить ему большое войско, чтобы он мог поехать с ним в страну Тченов (т.е. в Китай), и привести в повиновение китайского государя. Халиф исполнил его просьбу и снарядил для него огромное войско в 200 тысяч человек. Махмет выехал вместе с этим войском из Дамаска и, проехав через Сирию, Персию и Хорасан, достиг пределов Китайской империи. Расположившись лагерем на берегу большой реки по имени Ботис, он написал китайскому царю следующее послание: "Почему ты один не повинуешься властелину нашему, имя которого приводит в трепет все народы. На кого ты надеешься, что не покоряешься нам? Не считаешь ли ты нас за девушек, среди которых ты, принарядившись, роскошничаешь? Теперь же, если ты не подчинишься рабски нашему игу, знай, что опустошу землю твою и положу конец твоему владычеству. Но не будь беспечным, не медли с ответом, а, как только можно скорее дай нам знать, что ты намерен делать".

Когда царь китайский по имени Дженбакур прочитал письмо, он призвал к себе своих телохранителей и сановников и стал советоваться с ними, какой написать ответ на полученное письмо. Наконец, согласились дать следующий ответ: "Ужели ты славнее всех царей, которые с начала и до сих пор повелевали светом – царя вавилонского, который покорил вселенную, македонского, персидского? Знай, что ты бесстыднее всякой собаки. Ты дышишь только похотливостью и скверным сластолюбием. Слух о красоте моих девиц заставил тебя жертвовать собою и жизнью войска, пришедшего с тобой. Будто бы не было для вас могил в Дамаске. Знай, что страна наша никому не покорялась, и я не могу согласиться на предложения твои. А если ты просишь у меня подарков, то я тебе дам их по обычаю царей, и ты отправишься с миром в страну свою".

Махмет снова послал к Дженбакуру письмо, в котором писал: "Дай мне 30 тысяч дев, тогда я отправлюсь с миром, а если не дашь, пойду на тебя войной". Китайский царь согласился на его требование и послал к Махмету сказать, чтобы он остался в своем лагере, пока тот исполнит его просьбу. Между тем он приказал своим войскам изготовить закрытые колесницы, обитые парчой, и посадить в них отборных всадников, вооруженных с ног до головы, вместо дев, которых просил Махмет, чтобы заманить неприятелей в ловушку.

Прибыв на берег реки, они расположились лагерем против войска Махмета. В колесницах поместилось 40 тысяч всадников, а сам Дженбакур с несколькими всадниками остался поодаль за несколько стадий и послал к военачальнику Махмету с ве-

стью: “Приди и возьми требуемых тобою 30 тысяч дев, которых я выбрал из всего царства моего. Возьми заслуженных из войска твоего по числу дев, перейди на эту сторону реки, и я раздам девиц моих по жребию, кому какая достанется, чтобы не произошло ссоры между твоими войсками”. Вместе с этой вестью он послал корабли, чтобы все войска Махмета могли разом переправиться.

Выбранные, лучшие из войска Махмета, переправились через реку в числе 30 тысяч человек. Едва только они вступили на противоположный берег, китайский царь приказал своим людям напасть на войско исмаильтян (т.е. арабов). Когда началась битва, вдруг вышли и те, которые до этого скрывались в своих кибитках, окружили их и перерезали всех мечом. Не спасся ни один воин даже бегством. Между тем канаты кораблей были отрезаны, чтобы уже не было никакой возможности опять переправиться на противоположный берег и спастись от преследования. Один только Махмет с несколькими всадниками, сев на коня, бросился вплавь через реку, надеясь на силу коней. Таким образом, пристыженные китайским царем, они возвратились восвояси и не смели более идти войной на Китай”[12].

Этот же рассказ вкратце приводит и другой армянский историк Степанос Таронеци (X – XI вв.), который уточняет, что прежде чем отправиться в поход, Махмет долгое время “не переставал питать в своем сердце замыслы на землю Тченов”[13]. Эти данные, содержащиеся в армянских источниках, имеют огромное значение для истории арабских завоеваний в Средней Азии и открывают новую страницу в истории ранних походов арабов на Востоке. Из данных этих источников следует, что первый военных поход арабов в Китай был осуществлен еще в правление омейядского халифа ал-Валида неким военачальником по имени Махмет[14]. В сочинении Гевонда имеются данные, позволяющие точно определить, кем был этот военачальник Махмет. Согласно его данным, в 701 г. Махмет по поручению халифа ‘Абд ал-Малика (правил в 65–86/685–705 гг.) завоевал Армению, в 703 г. он подавил восстание армянских князей, а в 705 г. учинил кровавую расправу над ними. После этого вновь назначенный халиф ал-Валид своей грамотой отозвал его из Армении и вместо него назначил некоего ‘Абд ал-‘Азиза. После этого Махмет просил халифа дать ему войско с тем, чтобы он отправился в поход против китайского царя[15].

По данным арабских источников, в 73/692-93 г. наместником Армении и всего Северного наместничества, в состав которого входили также Азербайджан, Джазира, Мосул и пограничная с Византией область (*ас-сугур*), был назначен брат халифа ‘Абд ал-Малика – Мухаммад ибн Марван ибн ал-Хакам, который оставался на этой должности до 91/709-10 г.[16] Все события, описанные в истории Гевонда с участием Махмета, в точности совпадают с хроникой военно-политической деятельности Мухаммада ибн Марвана, зафиксированной в арабских источниках[17]. Следовательно, мы имеем полное основание утверждать, что арабским военачальником, совершившим поход в Китай в правление халифа ал-Валида, был не кто иной, как Мухаммад ибн Марван, являвшийся сыном халифа Марвана I (правил в 64–65/684–685 гг.), братом халифа ‘Абд ал-Малика (правил в 65 – 86/685–705 гг.) и отцом последнего омейядского халифа Марвана II (правил в 127–132/744–750 гг.).

Из источников о Мухаммаде ибн Марване известно, что в 65/685 г. халиф Марван I перед своей смертью назначил его наместником Джазиры[18]. В 71/690-91 г. Мухаммад ибн Марван пришел со своим войском из Джазиры на помощь к халифу ‘Абд ал-Малику для совместной борьбы против внутренних врагов династии Омейядов[19]. В 73/692-93 г. Абд ал-Малик назначил его наместником Армении и всего Северного наместничества[20]. В этом же году он выступил из Джазиры в военный поход против византийцев[21]. В 75/694-95 г. он вновь выступил в поход против Византии[22] и разбил греков[23]. Около 80/699-700 г. Мухаммад ибн Марван организовал ряд военных походов в Армению[24]. В 82/701-02 г. он воевал с врагами халифа ‘Абд ал-Малика в Ираке[25], а затем совершил свой большой карательный поход в Армению, после чего окончательно покорил эту страну[26]. В том же году он взял город Двин и сделался хозяином всей страны[27]. В 84/703 г. он по приказу халифа ‘Абд ал-Малика жестоко подавил антиарабское восстание в Армении[28]. В 86/705 г., т.е. в первый год правления халифа ал-Валида, он выступил против объединенных сил византийцев и армян, и победив их, учинил кровавую расправу над армянскими князьями[29]. После этого халиф, идя навстречу требованиям и жалобам армян, отозвал Мухаммада ибн Марвана из Армении и назначил вместо него ‘Абд ал-‘Азиза ибн Хатима ал-Бахили (правил в 86–91/705–709 гг.)[30]. Что касается Мухаммада ибн Марвана, то он оставался на своем посту верховного наместника всего Севера, в который входила и Армения, до 91/709-10 г., когда вместо него на эту должность был назначен брат халифа ал-Валида – Маслама ибн ‘Абд ал-Малик (правил в 91–114/709–732 гг.)[31]. После этого в арабских источниках сведения о Мухаммаде ибн Марване обрываются, а в армянских источниках приводится вышеприведенный рассказ о его походе в Китай[32].

Известно, что в это время халиф ал-Валид, окрыленный стремительными успехами Кутайбы ибн Муслима на Востоке и Масламы ибн ‘Абд ал-Малика на Севере, питал определенные надежды завоевать Китай, представлявший в то время единственную значительную силу, оставшуюся не подчиненной власти Арабского халифата. Особенно сильно эти настроения стали проявляться в 92/710-11 г., когда другой арабский военачальник Мухаммад ибн ал-Касим ас-Сакафи морским путем достиг устья Инда и завоевал Синд[33]. Именно тогда верховный наместник Ирака и Хорасана ал-Хаджжадж ибн Йусуф, бывший до этого в оппозиции омейядским халифам, объявил, что назначит наместником Китая того из обоих полководцев, кто первый достигнет этой страны[34].

Следует полагать, что мысль о совершении своего похода в Китай уже давно вынашивал также и халиф ал-Валид, который, будучи в плохих отношениях с ал-Хаджжаджем, возможно, хотел опере-

дить последнего в завоевании этой страны, с тем, чтобы посадить там наместником своего человека. Именно с этой целью он еще задолго до начала похода, вероятно, внушал эту мысль своему дяде Мухаммаду ибн Марвану, который относился к числу самых надежных его людей и имел за своими плечами большой опыт ведения войны против неверных в Византии и Армении. Об этом свидетельствуют и слова армянских авторов, повествующие о том, что "...в то время Махмет был подстрекаем против Тченов"[35] и "не переставал питать в своем сердце замыслы на землю Тченов"[36].

Следовательно, исходя из этих данных, можно с достаточным основанием предполагать, что поход Мухаммада ибн Марвана в Китай был совершен именно в 91/709-10 или 92/710-11 г., когда он был освобожден от своей должности и, оставшись не у дел, попросил у халифа ал-Валида предоставить ему войско для того, чтобы он мог совершить поход в Китай. Наместником Хорасана в эти годы, как известно, был Кутайба ибн Муслим, который в это время был занят подавлением антиарабских восстаний в Сиджистане, Тохаристане и Южном Согде[37]. Поэтому Мухаммад ибн Марван, имея на руках грамоту халифа, мог беспрепятственно проехать через Хорасан и достигнуть границ Китайской империи.

Второй вопрос, требующий своего разрешения в рассказе армянских источников, это определение местоположения реки Ботис, на берегу которой происходило сражение между арабскими и китайскими войсками. По данным, армянских источников, Махмет со своим войском выехал из Дамаска и, проехав через Сирию, Персию и Хорасан, достиг пределов Тченастана, т.е. Китайской империи. Он встал лагерем на берегу большой реки Ботис и отсюда написал грамоту "царю Тченов"[38]. Высказывалось мнение, что под рекой Ботис имеется в виду река Джейхун, т.е. Амударья, или река Талас в Чуйской долине[39]. Однако, в армянских источниках под "страной Тченов" имеется в виду именно Китай, а титулом *дженбакур* именовался только китайский император, тогда как под "землей Син" подразумевается Восточный Туркестан[40]. Кроме того, о реке Ботис имеется прямое указание в сочинении "Сурат ал-арз" Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми (X в.), согласно, которому, в средние века так называлось нижнее течение реки Хуанхэ в Китае[41]. Эта же река зафиксирована на карте Птолемея в форме Bautisos[42]. Следовательно, арабские войска под руководством Мухаммада ибн Марвана действительно дошли до пределов Китайской империи и вступили в контакт с китайским императором. Таким образом, имеющиеся данные позволяют предполагать, что сообщение армянских источников о ранее неизвестном военном походе арабов в Китай, имевшем место в начале VIII в., скорее всего, соответствует действительности, и открывает новую страницу в истории арабских завоеваний в Средней Азии и на Востоке в целом.

Шамсиддин Камолиддин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. Л., 1969, с.361, 369.
[2] *Ибн ал-Асир, Абу-л-Хасан 'Али ибн Мухаммад аш-Шайбани ал-Джазари.* Ал-Лубаб фи тазхиб ал-ансаб, фи 3 аджза. Миср, 1356–1369/1937–1950. Т.5. С.212; *Большаков О.Г.* К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы *Востока. Вып. 22. М., 1980, с.132-136.*
[3] *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. 6. СПб., 1903, с.142-143.
[4] *Бартольд В.В.* Соч., т. 1. М., 1963, с.200; *Карев Ю.В.* Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII вв. // Средняя Азия: археология, история, культура. Материалы международной конф., посв. 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М., 2000, с.208-209.
[5] *Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari*, ser. II, p.1275–1280.
[6] *Абу Джа'фар Мухаммад ат-Табари.* Тарих ар-русул ва-л-мулук. Пер. с араб. Ш.Закирова, пер. с уйгурского М.Кутлукова // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X – XIX вв. Ташкент, 1988, с.11-16.
[7] *Карев Ю.В.* Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII вв., с.210-211.
[8] *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т.2. М.-Л., – 1951 с.332-333.
[9] *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. Пер. с англ. М., 1981, с.579-583.
[10] Там же, с.46.
[11] *Бартольд В.В.* Соч., т.II. Часть 1. М., 1963, с.185.
[12] История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века. Пер. с арм. К.Патканян. СПб., 1862, с.25-26; *Тер-Мкртичян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии. VIII–XVIII вв. М., 1985, с.54-55.
[13] *Тер-Мкртичян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии, с.58.
[14] Этот Махмет отождествляется с арабским военачальником по имени Мухаммад ибн Окба, а битва, о которой идет речь в армянских источниках – с битвой при реке Талас, имевшей место в 133/750-51 г.. См.: История халифов, с.12; *Тер-Мкртичян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии с.56.
[15] История халифов. С. 12, 25 – 26; *Тер-Мкртичян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии, с.54-55.
[16] *Абу Мухаммад Ахмад ибн ал-А'сам ал-Куфи.* Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII – IX вв.) / Пер. с араб. З.М.Буниятова. Баку, 1981, с.12.
[17] О нем см.: Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, Annales, ed. M.J. de Goeje, I – III series, Lugduni-Batavorum: E.J.Brill, 1964, ser. II, p.592, 804-808, 853, 863, 887, 889, 1073-1075, 1096, 1871, 1873, 1876.
[18] Ibid, p.592.
[19] Ibid, p.804.
[20] *Абу Мухаммад Ахмад ибн ал-А'сам ал-Куфи,* с.12.
[21] *Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari*, ser. II, p.853.
[22] Ibid, p.863.
[23] *Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'kubi*, Historiae, pars I – II, ed. M.Th.Houtsma, Lugduni-Batavorum; E.J.Brill, 1883, vol. II, p. 281.
[24] *Тер-Гевондян А.Н.* Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977, с.73.
[25] *Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari*, ser. II, p. 1073 – 1075, 1096.
[26] *Тер-Гевондян А.Н.* Указ. соч., с.73.
[27] Там же, с.74.
[28] Там же, с.75-76.
[29] *Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari*, ser. II, p.1177, 1181; Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'kubi, II, p. 272; *Абу Мухаммад Ахмад ибн ал-А'сам ал-Куфи*, с.14.

[30] *Тер-Гевондян А.Н.* Указ. соч., с 78.
[31] Там же, с.79, 85, 271.
[32] Имеются данные, что он умер в 101/719-20 г. См.: *Абу Мухаммад Ахмад ибн ал-А'сам ал-Куфи*, с.79.
[33] Согласно ат-Табари, это событие произошло в 90/708-09 г. См.: *Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari,* ser. II, p.1200.
[34] *Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'kubi*, II, p. 346; *Бартольд В.В.* Соч., т.I, с.243.
[35] История халифов, с.25; *Тер-Мкртичян Л.Х.* Указ. соч., с.54.
[36] Там же, с.58.
[37] *Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari*, ser. II, p.1218-1235.
[38] История халифов. С. 25; *Тер-Мкртичян Л.Х.* Указ. соч., с.54.
[39] Там же, с.54., 58.
[40] Там же, с.58, прим.
[41] *Ахмедов А.* Сведения о тюркских народах в трудах Хорезми // ОНУ, 1987, № 3, с.58.
[42] Tabulae Georaphicae Cl.Ptolemaei ad mentem auctoris restitutae et emendatae, per Gerardum Mercatorem illustriss. Ducis cliviaecosmographum, Colonia Lalendis Julij, 1583. Asiae VIII Tab.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДЖАНИДОВ И СЕФЕВИДОВ

По свидетельству письменных источников, взаимоотношения Бухарского ханства с сефевидским Ираном в XVII – первой половине XVIII вв. были враждебными и сложными по причине кровопролитной борьбы этих стран за расширение своих территорий. В этих сражениях принимали активное участие балхские правители.

Сефевиды еще со времён правления Шейбанидов вели борьбу за овладение Балхом, но потерпели поражение. Когда власть в Балхе перешла в руки Джанида Вали Мухаммад-хана, они не хотели смириться с этим, и вновь повели интенсивную подготовку к новому вторжению, чтобы посадить там своего ставленника. Джаниды хотели предотвратить войну и нормализовать отношения между обеими странами. С этой целью они через правителя Мерва – Бекташ-хана вступили в переговоры с шахом Аббасом, и в Бухару был отправлен Байрам Али Шамлу.[1] Но предотвратить надвигающуюся войну все же не удалось.

Шах Аббас в начале 1602 г., собрав сорокотысячную армию, двинулся в Хорасан. Два месяца провел он на пастбищах Бадхыза, пополняя армию новыми силами, фуражом и провиантом. Закончив приготовления, шах двинулся на Меручак и вскоре достиг Чечекту.[2] Вали Мухаммад направил в Мавераннахр к своему брату Баки Мухаммад-хану гонца с известием о случившемся. В августе 1602 г. Баки Мухаммад-хан двинулся к берегам Амударьи и, переправившись через реку, оставил на переправах усиленную охрану, а сам направился к Балху. В конечном итоге, в решающем сражении в Пул-и хатабе Сефевиды потерпели поражение, а шах Аббас спасся бегством в Иран.[3] Таким образом, попытка правителей сефевидского Ирана посадить на балхский престол своего ставленника, провалилась.

В 1605 г. шах Аббас повторил попытку. В тот год Джехангир-хан завладел Гарчистаном и частью Хазареджата и обосновался в Убехе и Шафелане.[4] В конце 1606 г. он, собрав войско из горцев Хазареджата, в сопровождении сефевидского отряда вновь вторгся в пределы Балха. Шахбек-кукельташ, правитель Балха, и местные правители Меймене, Шибиргана, Гурзувана и других мест укрепили свои крепости и известили об опасности Вали Мухаммад-хана, который после смерти своего брата Баки Мухаммад-хана стал правителем Бухары. Вали Мухаммад-хан отправил к ним на помощь значительное войско под начальством Хаджи-бия. В это время Джехангир-хан и Салим-султан подошли к Мургабу и переправились через него, а в Меручаке к ним присоединились ополчения катаганов.

В местности Алмар произошло кровопролитное сражение; оба войска понесли большие потери. В конечном итоге победа досталась Джанидам. Уцелевшие Джехангир-хан и Салим-султан бежали в Гарчистан, но не смогли закрепиться там и были изгнаны, преследовавшим их джанидским войском.[5]

По сведениям Махмуда ибн Вали, в 1606 г. они снова появились в пределах Чекекту и Гурзувана. Надир Мухаммад-хан, только что назначенный правителем Балха, послал против них войска, однако обнаружить их там не удалось.[6] В 1607 г. Джехангир-хан и Салим-султан вновь вторглись в Балх через Джузджан, но и эта попытка Сефевидов посадить в Балхе своего ставленника провалилась.

Однако, они не оставили свои планы и решили столкнуть бухарского хана с правителем Балха, надеясь в результате все-таки поставить Балх под свой контроль. Для осуществления такого плана представился удобный случай. Как известно, в 1610 г. отношения Вали Мухаммад-хана со своими племянниками – Имам-Кули-султаном и Надир Мухаммад-ханом, правившими в Самарканде и Балхе, окончательно испортились из-за стремления последних к независимости. Шах Аббас, пользуясь удобным случаем, решил поддержать бухарского хана. С этой целью в 1610 г. в Бухару прибыл сефевидский представитель Мирза Али-бек, а в Исфахан послан из Бухары Мирза Шахмухаммад для налаживания отношений между двумя странами.

В начале 1611 г. Имам-Кули-хан и Надир-Мухаммад начали военные действия и дошли до Гарма, где в местечке Танг-и Харам разбили лагерь. Вали-Мухаммад-хан из Бухары выступил против них, и, доехав до местности Катлиш, расположенной между Карши и Ходжа Оби Гармом, узнал об измене ряда самаркандских беков. Вместе с тем многие его сторонники и воины, оставив его, присоединились к войскам султанов. Хан сильно расстроился и возвратился в Бухару. Там против него поднялись султаны и те воины, которые оставили его в пути. Все старания Вали-Мухаммад-хана защитить Бухару не увенчались успехом.

В конце 1620 г. Рустам-хан – сын Вали Мухаммад-хана, с двухтысячным отрядом при поддержке кызылбашских сил направился на Меручак. Надир Мухаммад-хан сосредоточил против них часть своей армии. В результате ожесточенного сражения Сефевиды были разгромлены и снова бежали в сторону Герата.[7] Активизация Рустам-султана и Сефевидов на границах Балха вынудила Надир Мухаммад-хана объединить большие силы в пограничных округах. К тому же из-за постоянных набегов казахских султанов в пределах Мавераннахра ему пришлось отправить туда значительную часть армии в помощь старшему брату.[8] Естественно, вести борьбу одновременно на два фронта Надир Мухаммад-хан не мог и поэтому вступил в переговоры с шахом Аббасом I для нормализации отношений между обоими государствами. С этой целью в 1621 г. в Исфахан прибыл балхский представитель Пайанда-мирза с богатыми дарами, чтобы договориться об укреплении мира и дружбы между обеими странами. С дорогими подарками и посланием о мире и согласии приехал в Балх и иранский представитель Мухаммад Салих-бек, бывший везирь Ширвана.[9] Однако этот "мирный" шаг иранского шаха оказался дипломатическим трюком, направленным на изоляцию балхского правительства накануне большого похода Сефевидов на Кандагар, к которому он планомерно готовился.[10] В 1622 г. в Иран была отправлена другая делегация из Балха во главе с Сайид Ибрахим-ходжой. Очевидец этих событий Искандер Мунши сообщает, что балхский представитель заверил шаха о том, что Имам-Кули-хан и Надир-Мухаммад-хан желают только мира и дружбы с ним, а причиной напряженности, существующей между их странами – Рустам-султан, который пребывает вблизи балхских границ и часто опустошает пограничные округа. Он также поставил условие, чтобы для нормализации отношений шах забрал Рустам-султана к себе.[11] Однако обещание не было выполнено и Рустам-султан по-прежнему продолжал опустошительные набеги на балхские владения.

Надир Мухаммад-хан решил навсегда покончить с этим очагом беспорядков и осенью 1623 г. направил на сторону Бала-Мургаба многочисленное войско под общим командованием Йалангтуш-бия и направил в Иран своего посланника Пайанда Мирза Чухра-агаси с богатыми подарками и выражением чувств своей дружбы. Балхский посол вел с шахом продолжительные переговоры и по достигнутой договоренности Надир Мухаммад-хан уступил тогда Ирану округ Бала-Мургаб.[12] Вслед за этими событиями Имамкули-хан направил к шаху своего посла Абдурахим-ходжу, который выразил свои "чувства дружбы и заверения об укреплении мира и дружбы между двумя государствами".[13] Шах Аббас I написал ответ Надир Мухаммад-хану, вручив его в руки бывшему министру Шервана – Мухаммад Салих-беку и "вместе с прибывшими Пайанда Мирзой и Абд ар-Рахим-ходжой проводил их в обратную дорогу".[14]

Мирные отношения между Бухарским ханством и Ираном были нарушены, начиная с 1631 г., во время правления шаха Сефи 1 (1629-1642). В 1631 г. Рустам-султан снова появился в Убехе и вторгся в юго-западные районы Балхской области. Особенно сильному ограблению подвергались тогда окрестные районы Меручака, Меймене и Джузджана. Весной 1632 г., соединившись с Зейн ал-ханом и Хусейнкули-ханом – правителями Герата и Мешхеда, он повторил свой набег, а затем, опасаясь преследователей (Йалангтуш-аталыка, Баки-бия диванбеги и др.), укрылся в мощной пограничной крепости Меручак. Абд ал-Азиз-султан осадил крепость, однако овладеть ею не смог. Абд ал-Азиз-султан и Йалангтуш-бий, заключив мир с условием, что Рустам-султан и его союзники возвратят награбленное добро и своевременно будут посылать в Балх харадж, сняли осаду и вернулись Шибирган.[15] В 1632-1637 гг. Абд ал-Азиз-султан неоднократно совершал набеги на Хорасан, разграбил районы Герата и окрестности Мешхеда и даже однажды (в 1637 г.) подверг осаде Герат. Сефевиды продолжали поддерживать Рустам-султана, обосновавшегося на сей раз (с 1630 г.) в Мешхеде.[16] Однако, эти взаимные опустошительные набеги не помешали бухарскому хану и иранскому шаху поддерживать дипломатические связи, в которых стороны отнюдь не забывали о собственных интересах.

В 1689 г. Субханкули-хан (1680-1702) совершил поход на Хорасан. Бухарцы захватили крепость Бала-и Мургаб (к северо-востоку от современной Кушки), отданную Сефевидам Надир-Мухаммад-ханом в целях добрососедских отношений.[17] Бухарское, балхское и бадахшанское войска, вступившие туда через Андхуд, осадили его плотным кольцом. Через несколько дней Абдаллах-султан, сефевидский правитель области, вынужден был сдать крепость джанидским эмирам.[18] Имущество обитателей крепости и окружающих местностей было разграблено, дети и жены взяты в плен.[19]

После смерти Убейдаллах-хана в 1711 г., когда на престол был возведён его брат Абу-л-Файз-хан (1711-1747), Балх вновь оказался под влиянием Сефевидов. На балхский престол был посажен потомок Джанида Вали Мухаммад-хана Абдаллах – ставленник Сефевидов. Правление ставленников сефевидского Ирана в Балхе продолжалось до вторжения в Балх войск Надир-шаха Афшара, который весной 1736 г. взошел на трон Сафавидов и поручил завоевание Балха своему старшему сыну Ризакули-мирзе и эмиру Тахмасп-хан Джалаиру. Поход Ризакули-хана на Балх начался весной 1737 г. Они окружили крепость. Защитники сорок дней стойко сопротивлялись, но начавшийся голод вынудил андхудцев сдаться.[20] Сефевиды, разрушив крепость Андхуда, подвергли разорению весь округ.[21] Ризакули-хан, назначив в Андхуд Ниязкули-дадхака и послав на Чекекту и Шибирган часть своего войска, направился в Балх. В конечном итоге в 1737 г. Балх и его округа (Андхуд, Шибирган, Чечекту, Сан-у Ченхарйак и др.) перешли в руки Ризакули-хана.[22] Подчинив Балх, Сефевиды захватили инициативу в борьбе с Джанидами и впоследствии Балх служил важным стратегическим плацдармом для вторжения во внутренние районы Мавераннахра. Бесконечные войны, которые вел Надир-шах с 1739 г. против Бухарского ханства, значительно истощили материальные и людские ресурсы Балха с его

округами. Население вынуждено было поставлять его огромной армии не только провиант, фураж, денежные средства, но и вспомогательные строительные отряды и ополченцев. Так, перед открытием военных действий против Бухары Надир-шах велел правителю Балха Нияз-хану навести понтонные мосты через Амударью у переправ Термеза и Келифа, и собрать войска из подвластных Балху округов.

Весной 1741 г. Надир-шах с большим войском вновь появился в Балхе в связи с бунтом племени конгурат, и жители города и его районов в течение десяти дней вынуждены были кормить их и собирать для его армии 7500 воинов.[23] По сообщениям Мухаммад Казима, Надир-шах не доверял Нияз-хану и, в январе 1741 г. он послал в Балх в качестве везиря своего особо доверенного чиновника Мирза-бека Ма'дани Нишапури.[24] Народные массы Балха, Андхуда и других округов страны в 1742 и 1745 гг. ответили массовыми выступлениями на жестокость и беззакония, чинимые сефевидскими войсками.

Межгосударственные отношения Сефевидов с Бухарским ханством, пройдя испытания огнем и кровью, вылились в итоге в отношения добросердечной дружбы и мира. Эти дружеские связи реально укреплялись обменом с обеих сторон подарками, посланиями, направлением друг к другу своих высокопоставленных представителей.

Абдукахор Саидов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Искандар-бек Мунши*. Та'рихи 'алам-арайи Аббаси, Тегеран, 1414, с.422.
[2] Там же, с.428.
[3] *Махмуд ибн Вали*. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рукопись India Office Library, инв. № 575, лл. 66б, 67а-68б.
[4] Та'рихи 'алам-арайи Аббаси, с.495; Бахр ал-асрар, лл. 82а, 173б.
[5] Там же, л.174а.
[6] Там же, л. 175а.
[7] Бахр ал-асрар, л. 192а-194б.
[8] Бахр ал-асрар, л. 111б; Та'рихи 'алемараи Аббаси, с.678.
[9] Там же, стр. 678-679.
[10] *Ахмедов Б.А.* История Балха. Ташкент, 1982, с.204.
[11] Та'рихи 'алам-арайи Аббаси, с.692.
[12] *Ходжамкули-бек Балхи*. Та'рихи Кипчак-хани. Рукописи Бодлеянской библиотеки № 117, л. 199б; Та'рих 'аламараи Аббаси, с.700.
[13] Искадер-бек Туркман. Та'рихи 'аламараи Аббаси, Т. 2, Тегеран, 1334 (1956), с.942.
[14] Там же, стр. 977.
[15] Бахр ал-асрар, л. 206б-209б.
[16] Там же, л. 222б-236а.
[17] *Ходжа Самандар Термези*. "Дастур ал-мулук" ("Назидание государям"). Факсимиле старейшей рукописи, пер. с перс., предисл., прим. и указатели М.А.Салахетдиновой, М., 1971, с.26-133.
[18] Там же.
[19] Мухит ат-таварих. Рукопись Ин-та востоковедения АН Республики Узбекистан, № 835, л. 138б
[20] Мухит ат-таварих, л. 99а – 100б.
[21] *Тухфаи хани*. Та'лифи Мухаммад Вафаи Карминаги. Рукопись Ин-та востоковедения АН Республики Узбекистан, инв. № 2604, л. 17а.
[22] Мухаммад-Казим. Наме-йи 'аламара-йи Надири. Рукопись Ин-та востоковедения РАН, д. 430, т. II, л. 107а.
[23] Намейи 'аламарайи Надири, т. 11, л. 154а, 256а, 257б.
[24] Там же, л. 283б.

МИФ И ПИСЬМЕННОСТЬ В КУЛЬТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Письменность всегда рассматривалась как символ культуры. Недаром в 1854 г. Дэниел Уилсон для обозначения бесписьменного периода человеческой истории предложил термин "доистория". Тем самым, само понятие истории было напрямую связано с наличием письма. Соответственно, отсутствие письма, и наличие вместо него мифа подразумевало и отсутствие истории.

Важный семиотический статус письменности сопряжен, таким образом, с понятием "высокая культура". Отсюда стремление показать, что в прошлом того или иного этноса была древняя письменная традиция. Но так как нередко ее трудно предъявить, возникает миф о "съеденном знании". Этот миф (в обобщенном виде) повествует о том, что записанные на каком-либо органическом носителе (бумага, древесная кора) знания какого-либо этноса, были съедены неразумным животным, и этнос утерял свою древнюю культуру. Конечно, в реальности письменность не может быть утеряна.[1] Так, тюркские народы всего за полтора тысячелетия сменили несколько видов письма. Древнетюркскую руническую письменность сменила арабская, ее – латиница, на смену латинице пришла кириллица. Сейчас многие тюркоязычные народы снова возвращаются к латинице. Каждый раз смена письма связана с новым историческим этапом развития – принятием другой религии или идеологии, изменением формы государственности. Но при этом утери письма не происходило.

Связано это с тем, что письмо выполняет определенные функции в обществе. Необходимость в письменности связывается с существованием государства, поскольку она возникает для нужд делопроизводства – учета, записи налогов, движения товаров, ведения дипломатической переписки и т.д. Письменность в свою очередь способствует формированию единого литературного языка и, как следствие, – формированию нации-государства. Сопряженность письменности с понятием государства можно проиллюстрировать историей о "Москве – третьем Риме".

В 1453 г. Византия быта захвачена тюрками, ко всеобщему переживанию христианских стран. В 1472 г. Иван III сочетался браком с греческой прин-

цессой Зоей Палеолог и тем самым, как предполагалось, сделал первый, хотя и окольный шаг к наследованию Византийской империи. В дальнейшем появятся во все большем числе символы, легенды и фальшивки, чтобы засвидетельствовать законность наследования, объявить о том, что слава будущих времен ничем не уступит славе прошедшего и чтобы забыть, наконец, насколько это возможно, следы монгольского или азиатского прошлого. Для этого прежде всего был принят в качестве национального герба византийский двуглавый орел. Затем последовала "византизация династических регалий, переданных монгольскими царями своим верным московским вассалам (в частности, знаменитой короны, называемой "шапкой Мономаха"). Следующим шагом стало создание популярной легенды о "белой тиаре", согласно которой легендарная тиара папы Сильвестрия, обратившего императора Константина, перешла в Византию и оттуда в Новгород и Москву. К такого же рода фактам относится "Легенда о Вавилонском царстве", в котором была представлена имперская генеалогия, присоединяющая Москву через Византию к древнему Вавилону. Вместе с тем, эта идея не получила той народной поддержки, которую такого рода притязания имели в новое время в Италии и Германии. Когда в 1547 г. Иван IV короновался на царство, его духовник Макарий не ограничился однако, возложением на молодого князя высшего титула. Чтобы тот еще более сверкал, Макарий составил императорскую генеалогию через Рюрика, императора Августа и различных сказочных персонажей к Энею и Ною.[2]

Но был и еще один аргумент, "позволявший" говорить о легитимности Москвы как наследнице Византии. Это Либерея – уникальная библиотека, в которой, как считалось, сконцентрирована вся мудрость человечества и которая якобы была частью приданного Зои Палеолог. Впоследствии Либерея бесследно исчезла. В данном случае мы имеем еще один вариант мифа о "съеденном знании". На этом сюжете создано немало литературных произведений; наиболее известный пример – роман Б.Акунина "Алтын Толобас".

Книги нередко становятся важнейшим аргументом мифологизированной истории. Так, в Казахстане еще в советское время большой популярностью пользовался миф об Отрарской библиотеке, которая якобы была второй по величине в мире – после погибшей в огне Александрийской библиотеки. Но согласно этому мифу, Отрарская библиотека не разделила участи Александрийской. Она якобы была спрятана в неких подземных галереях, существовавших под городом, и воины Чингисхана не смогли добраться до этого символа общечеловеческой культуры. И по сей день, будоража умы людей, появляются слухи о случайных находках книг в древних провалах, о людях, видевших своими глазами пещеры, забитые древними фолиантами, написанными неизвестными письменами.[3] Подобными преданиями овеяны практически все известные руины центральноазиатских городов. Вероятно, что такие истории вообще характерны для всех регионов мира: одна из них легла в основу романа итальянского писателя Умберто Эко "Имя Розы".

Из сказанного видно, что в создании мифологизированной истории большая роль принадлежит сюжетам о наличии древней и исключительно "своей" письменности. Наличие письменности дает право на то, чтобы претендовать на культурное наследие, автохтонность и, в конечном счете, на исключительное право владения территорией, зачастую даже той, на которой проживает другой этнос. Примером может быть "война" за булгарское наследие, развернувшаяся между представителями тюркских народов Поволжья.

Вообще борьба за прошлое стала одной из характерных черт современности. Сначала тоненькие ручейки мифологизированной истории вылились на страницы газет и журналов, а сейчас полноводные реки мутной воды несут "информацию" в школы и университеты, выплескиваются полновесными монографиями и фолиантами. Здесь наблюдается интересная картина, – "съеденное знание" для мифотворцев – не проблема. Все, что было создано человечеством – объявляется наследием своего народа. Так, кандидат физико-математических наук Е.С.Омаров искренне полагает, что кочевые народы изобрели и письменность, и штаны, и архитектуру, и еще много чего другого.[4]

По мнению известного в Казахстане сочинителя Касыма Масими, древними уйгурами были созданы практически все цивилизации, которые когда-либо существовали на Земле, в том числе мифическая Атлантида и некий континент Му.[5] Не отстают от коллег и мифотворцы из соседнего Кыргызстана. Здесь в качестве славных предков кыргызов объявлены различные этносы древности и раннего средневековья имевшие "в их этнических названиях элемент "аз": аримаспы, юечжи, арси, тюргеши, саки, массагеты, апасиаки, огузы, усуни, исседоны, тохары, сакарауки и входящие в эту же группу древние кыргызы. Все эти народы признаются одной из двух ветвей древних тюрков (вторая - Куны).[6]

В формировании современного узбекского народа, как известно, принимали участие ирано- и тюркоязычные этносы. Кроме того, сам этноним "узбек" связан с достаточно поздним появлением в оазисах Средней Азии тюркоязычных племен с территории Казахстана. Столь же сложным является формирование и территории современной Республики Узбекистан в нынешних границах, установленных после так называемого национального размежевания в 1924 г. Все это вынуждает ангажированных узбекских историков удревнять историю народа на этой территории, искать престижных, героических предков (Амир Тимур и др.).

Сложная этнополитическая ситуация на Северном Кавказе явилась фактором, сделавшим этот регион одним из наиболее ярких в мифологизации истории. Вопрос о территориальных границах здесь в ряде случаев привел к кровопролитным межэтническим конфликтам. Обращение же к истории всегда служило мощным аргументом в отстаивании своих прав на землю. Естественно, подразумевается, что чем древнее предки, тем весомее аргументы в споре. В сложной ситуации здесь оказались ираноязычные осетины и тюркоязычные карачаевцы и балкарцы, имеющие одних и тех же предков – ала-

нов, сравнительно поздних поселенцев на Кавказе. Сходные факторы и общее прошлое обусловили развитие этномифологической мысли по одному сценарию. И те и другие доказывают громадную древность появления аланов на этой территории, но при этом балкарцы и карачаевцы объявляют алан и скифов тюркоязычным народом – прямым предком тюрков Северного Кавказа.[7]

Этническое мифотворчество достаточно сильно проявляется не только в Центральной Азии и на Кавказе. Процесс этот имеет место практически во всех странах СНГ и начался он не сегодня. Его развитие связано, прежде всего, с распадом СССР, потерей старой и поиском новой идентичности. Именно в такие переломные периоды, периоды реформирования государственности, сопровождаемые ростом национального самосознания на смену старому мифу приходит новый (достаточно вспомнить чешскую Карледворскую рукопись, теорию о варягах-русь, немецкий ископаемый зуб и т.д.). Новый миф не создается на пустом месте, – мифотворцы используют научные теории, привнося в них новый идеологизированный смысл. Справедливости ради отметим, что зачастую мифотворчество является реакцией на мифотворчество иного этноса.[8]

Не менее значимым во вновь создаваемых национальных историях является не только обладание древней письменностью, книгами, но и теми, кто их создавал. Другим примером является борьба за то, кому принадлежит авторство "Джами ат-таварих" (Кем был ее автор Кадыргали Жалаири – татарином или казахом? На каком языке написано это произведение – казахском или татарском?). Вариантом такой борьбы служит и проблема, поставленная кыргызскими учеными – как правильно надо писать имя автора "Диван лугат-ат тюрки" ("Словарь тюркских наречий") – Махмуд Кашгари или Махмуд Барсхани? Тем временем в Туркменистане выдвинули свой вариант: Махмыт Кашгарлы.

Наконец, еще с советского периода развернулось скрытое соперничество между казахским и узбекскими интеллектуалами по вопросу о том, кто с большим правом может называть "своим" одного из величайших философов и ученых-энциклопедистов Востока аль-Фараби (870-950).[9] При всем этом следует учитывать, что ни один из современных народов в IX-X вв. еще не существовал. Достоверно лишь то, что Мухаммед Абу Наср аль-Фараби, известный в средневековой Европе как Алфарабиус, родился в Туркестане и был по национальности турок (тюрк), учился в Багдаде и умер в Дамаске,[10] а его философские, математические, социально-этические и логические трактаты абсолютно лишены какой-либо национальной окраски. Его обширное письменное наследие, в равной степени как и творения Махмуда Кашгари, Алишера Навои, аль-Бируни, Ибн Сины и других выходцев из Центральной Азии, впитавших в себя знания Востока и Запада (прежде всего, античной Греции) – достояние не только всех тюрко- и ираноязычных народов, но и всего человечества.

Анвар Галиев

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Потеря письма хуннами по-видимому объясняется разгромом их империи, утратой государственности и последовавшим за этим переходом к другому хозяйственно-культурному типу.

[2] *Poliakov L.* Le creuset eurasienne in Le mythe aryen. Essai sur les sources du racisme et des nationalismes. Paris, 1987. Цит по: *Гливаковский А.К. Поляков Л.* Россия: Евразийская идея // Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР. М., 1989. с.118.

[3] Нельзя отрицать, что все подобные рассказы – выдумки. Иногда сказочные истории о "пещере Аладдина" находят неожиданное подтверждение. Достаточно вспомнить кумранские рукописи, таблички "кохау ронго-ронго" и т.д. Да и само описание пещеры Аладдина, по замечанию некоторых археологов, очень напоминает потайные комнаты в пирамидах Египта. В нашем случае, речь идет о тех библиотеках, которые вероятнее всего никогда не существовали, а слухи о них являются частью мифа о "съеденном или запрятанном знании". Интересно отметить факт, что вокруг реально существовавших и спрятанных "библиотек" не возникали домыслы. "Кумранские рукописи", случайно обнаруженные, стали практически сразу достоянием науки, так же как и документы с горы Муг. "Кохау ронго-ронго" всегда были частью культуры жителей Пасхи.

[4] К числу изобретений автора, имеющих отношение как истории, так и к арифметике следует отнести тождественность скифов, саков и кыпчаков. См.: *Омаров Е.* Скиф + сак = скыфсак= кыпшак (о происхождении кыпчаков) // Вестник университета "Кайнар".1997, №2. С "открытиями" в области гунноведения, читатель может ознакомиться в статьях: *Омаров Е.С.* Эфталиты – белые гунны (или о великом государстве Аргу) // Вестник университета "Кайнар", 1998. №1; *Он же.* Аттила и империя европейских гуннов // Вестник университета "Кайнар", 1997 №3; *Он же.* Казахстан – наследник империи гуннов // Вестник университета "Кайнар", 1997, №2; *Куанганов Ш.Т.* Гун немесе аргун тарих туралы. Алматы, Білім,1997.

[5] *Масими К.* Племенное объединение "Уйгур". История уйгурской державы. Алматы, 1998.

[6] *Эсен уулу Кылыч.* Азия, или кочевники Азы. Бишкек, Илим, 1993.

[7] *Мизиев И.* Древнейшие этнокультурные пласты истории тюркских народов // Элем. Вып.1. Алма-Ата, 1990, с.134-154.

[8] Наиболее яркий пример – книги Мурада Аджи, который справедливо указывает на явные подлоги в российской и советской историографии, особенно в вопросах тюркологии и взаимоотношений славян с тюрками, но вместе с тем сам создает новый миф. Сказанное относится в определенной мере и к книге С.Р.Изидиновой "Половцы. Мифы и исторические реалии" (Севастополь, 1995). Оба автора, так же как и Олжас Сулейменов в "Аз и Я" совершенно справедливо отмечают многие факты из истории кыпчакско-русских взаимоотношений, подвергнутых явной фальсификации. Сразу же отмечу, что в оценке книги О.Сулейменова я солидарен с мнением выдающегося востоковеда В.И.Абаева, который, давая оценку "Аз и Я" в своей работе "Жанровые истоки «Слова о полку Игореве»", писал: "В этой книге два раздела "К истории СПИ" и "Честное "Слово" относятся, на мой взгляд, к лучшим и наиболее объективным страницам, когда либо посвященным "Слову о полку Игореве". Если у автора кое-где заметна тюркофильская тенденция, то это тоже хорошо: как противовес односторонней "иловайской" тенденции. К сожалению, в других разделах книги О.Сулейменова много сомнительного и ошибочного. Этим воспользовались "иловайцы" и постарались опорочить всю книгу". См.: *Абаев В.И.* Избранные труды. Т.1. Владикавказ, 1990. с.536.

[9] *Саттаров Р.* Тенге как жертва таджикско-казахских споров из-за наследия аль-Фараби // http://zonakz.net/articles/16224

[10] *Бартольд В.В.* Соч., т.VI. М., 1966, с.166.

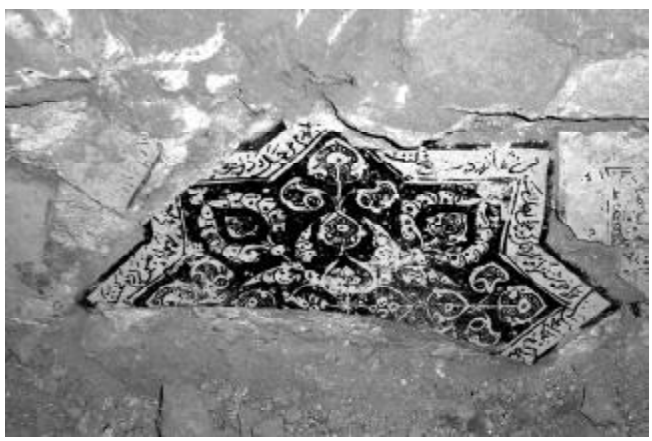
ИЗРАЗЦОВАЯ ПАНЕЛЬ ИНТЕРЬЕРА МАВЗОЛЕЯ АБУ САИДА АБУЛ ХАЙРА

В 2004 г. во время укрепительных ремонтных работ стен в интерьере мавзолея Абу Саида Абул Хайра (Меана-баба, XI-XIV вв., Южный Туркменистан, *Илл.1*)[1] было выявлено большое количество фрагментов декоративной панели, обнаруженной еще в начале 1980-х гг. во время архитектурных обмерных изысканий. Панель была набрана из крупных керамических расписных люстровых плиток двух видов: восьмиконечной звезды (размер по диагонали 31 см) и креста с заостренными углами (размер по длине также 31 см). Фрагменты этих плиток сохранились лишь в самой нижней части стены, которая находилась под толстыми слоями грунта, образовавшегося, видимо, от ремонтного мусора, накапливавшегося в течении нескольких веков (*Илл.2-3*). Находясь долгое время в сырости, плитки потеряли первоначальный блеск и цветовую гамму. К сожалению, не обнаружено ни одного целого образца. Характер расположения их на стенах свидетельствует о том, что панель подвергалась частым ремонтам – отпадавшие от стен плитки вновь крепили к стене на ганчевом растворе, причем впоследствии крепили уже разбитые на несколько фрагментов плитки, при этом не всегда удачно совпадал их рисунок. Но, несмотря на фрагментарное состояние, выявленные остатки позволяют восстановить целостную картину композиционного решения как самих плит, так и всей панели в целом.

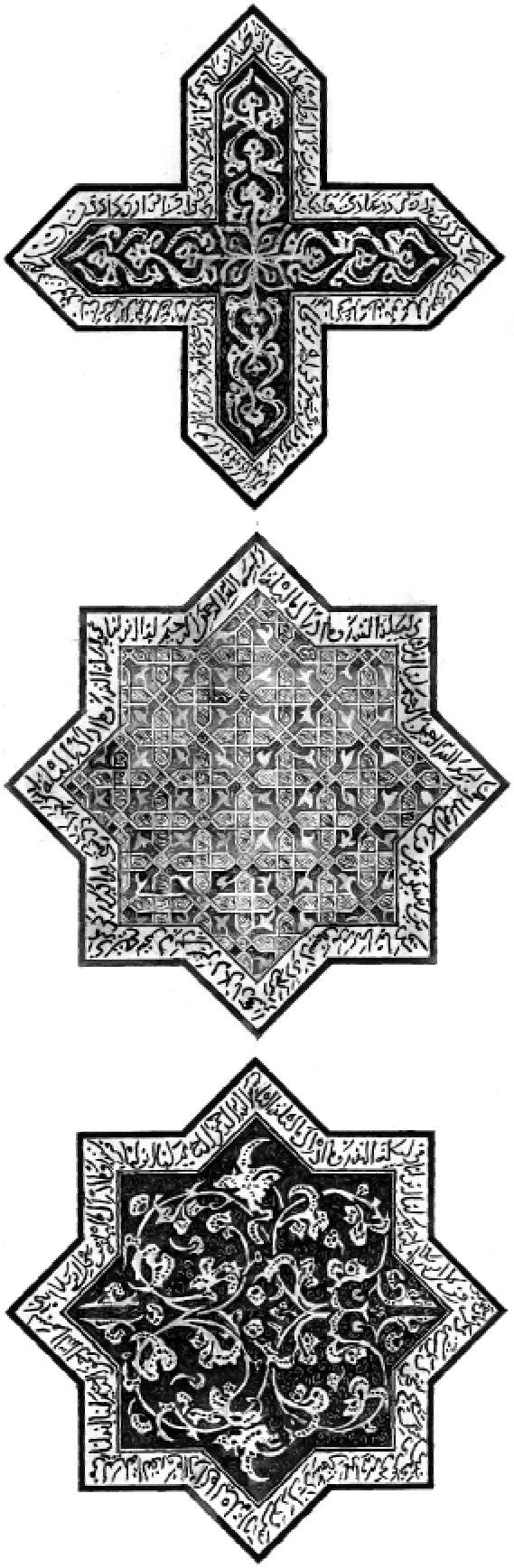
Лицевое поле плиток покрыто белой краской, поверх которой бордовым цветом наносился орнаментальный рисунок. Возможно, что бордовая краска на одни плитки наносилась до покрытия глазурью, на другие – после. Таким образом, подглазурная краска принимала золотистый оттенок. Композицию центральной части крестообразных плиток составляет распустившийся четырехлепестковый цветок, от которого по осевым лучам креста отходят миндалевидные бутоны, посаженные один на другой (*Илл.4*). Края – как крестообразных плит, так и восьмиконечных звезд – окаймляют арабские надписи. Несмотря на то, что орнаментальный мотив на всех крестообразных плитках один и тот же, исполнение линий и завитков разнится. Видимо, над ними работало несколько художников. Плитки же в виде восьмиконечной звезды содержали два различных по сюжету орнаментальных рисунка: один состоит только из растительных переплетений, другой являет геометрический узор с небольшими растительными вставками (*Илл.5-6*).

Старый пол выявлен на глубине 60 см. от современной поверхности. Он также был покрыт керамической глазурованной плиткой, но бирюзовой поливы.[2] Аналогичный пол, выложенный голубой глазурованной плиткой, известен по раскопкам ЮТАКЭ в помещении богатого жилого дома XIII в. в Новой Нисе. В этом помещении жилого дома нижнюю часть стен также украшала панель, которая была набрана из люстровых плиток, имевших такие же формы как плитки панели мавзолея Абу

Илл.1. Мавзолей Меана-баба. Общий вид. 2005 г.



Илл.2-3. Мавзолей Меана-баба, интерьер. Изразцы in situ. 2005 г.



Илл.4-6. Меана-баба. Крестообразная и восьмилучевые плитки (графическая реконструкция).

Саида – остроконечный крест и восьмиконечная звезда (*Илл.7*). Бордюр плиток в виде восьмиконечных звезд из Новой Нисы также как и на идентичных плитках из мавзолея Абу Саида содержит надписи почерком насх.[3] Надписи на нисийских изразцах – это четверостишия любовного содержания на персидском языке. Надписи на плитках из мавзолея Абу-Саида, в отличии от нисийских обрамляют не только восьмилучевые звезды, но и края остроконечных крестов. Надписи, обрамляющие восьмиконечные звезды из мавзолея Абу Саида, преимущественно на арабском языке и содержат суры и аяты Корана, а крестообразные плитки содержат легенды о деяниях шейха Абу Саида на персидском языке, выписанные из книги Мухаммеда ибн ал-Мунаввара "Эсрар ат-тохид".[4] Центральное поле плиток в форме восьмиконечной звезды, найденных на городище Новая Ниса, занимают изображения сидящих людей. На одной плитке это старец с бородой в роскошном халате, его голова прорисована в профиль, на другой – девушка (возможно, безбородый юноша) с тюрбаном на голове, лицо в анфас.

Исследователи нисийских изразцов, сопоставляя их с аналогичными изразцами из Дамгана (средневековый город на севере Ирана), высказывают предположение о возможном изготовлении этих плиток в иранском городе Кашане, известном своей знаменитой люстровой керамикой. И, действительно, на первый взгляд изразцы из Дамгана имеют много общих черт с нисийскими: на них также имеются зооморфные и антропоморфные изображения, края восьмиконечных звезд окаймляет полоса с надписями. Кроме того, окрестность именно центральных областей Ирана богата люстром – специальным материалом, которым покрыты рассматриваемые изразцы, что придает им особый блеск и оттенок. Большинство исследователей, изучавших подобные изразцы из разных коллекций Запада, склоняются к тому, что в XIII-XIV вв. именно Кашан был главным поставщиком люстровых изразцов во многие регионы Среднего Востока. Это подтверждается наличием на некоторых изразцах имени мастера, изготовившего изделие, или надписей типа: "*...в городе Кашане; да спасет его Аллах от несчастий*". В частности один из таких изразцов хранится в Британском музее, еще четыре в частных коллекциях. Аналогичные плитки из Кашана, хранящиеся в Исламском музее Берлина и в Лувре имеют дату изготовления: 1266-1267 гг.

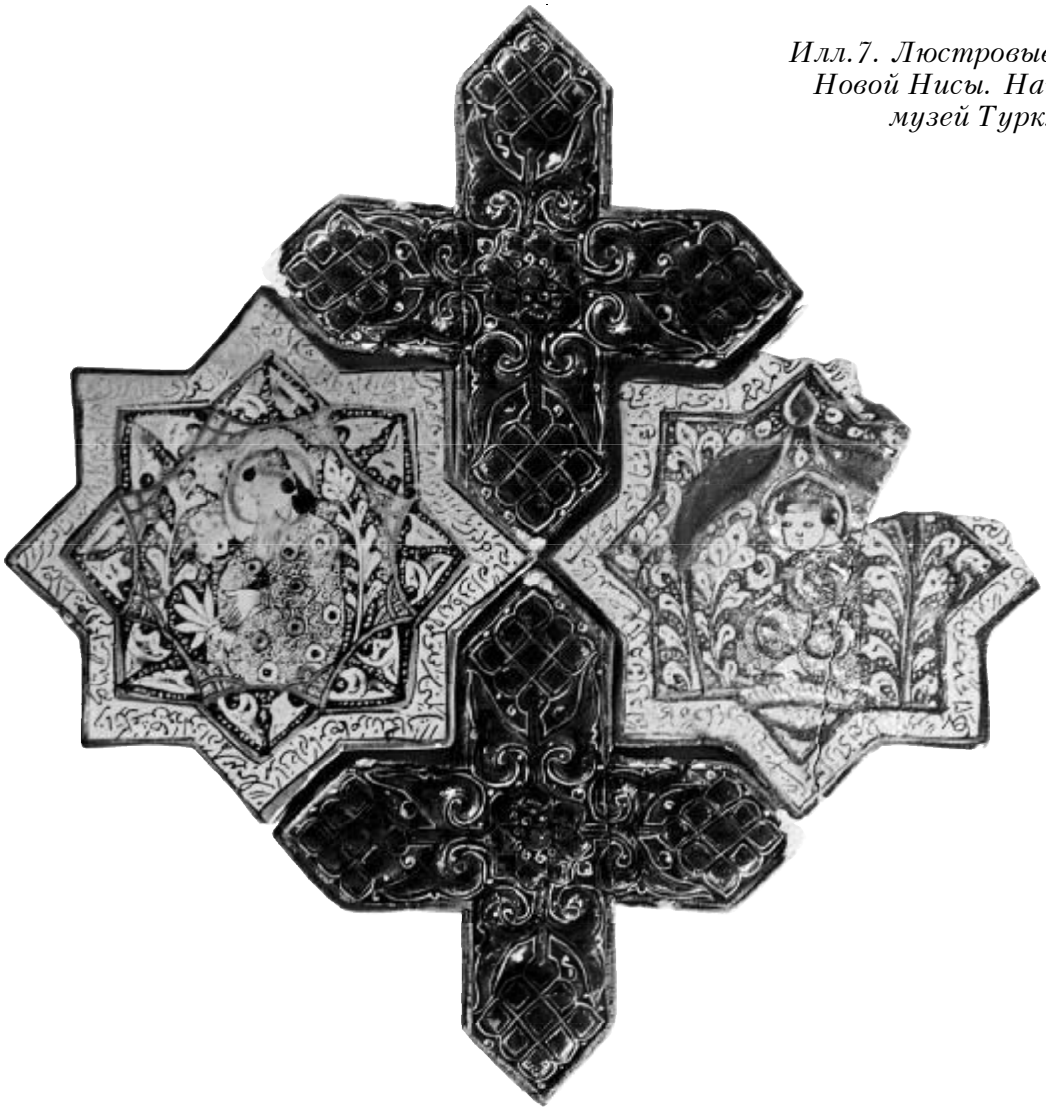
Основными отличительными сторонами изобразительного стиля кашанских изразцов являются:

– надписи, окаймляющие центральную композицию;

– мелкие спирали или полуокружности в виде запятой, которыми покрыты большие люстровые поля композиции;

– плавные линии, образующие большие спирали, внутренние поля которых заполнены животными, птицами и растительностью;

Но в тоже время, как уже отмечали отдельные исследователи,[5] выявление большого количества люстровых артефактов на территории Южного Туркменистана наталкивает на мысль об их местном происхождении. Трудно представить, чтобы эти



Илл.7. Люстровые плитки из Новой Нисы. Национальный музей Туркменистана.

изящные облицовочные изделия изготовлялись на расстоянии более тысячи километров от строительной площадки. К тому же, несмотря на вышеуказанные сходства, на хорасанских изделиях прослеживаются явно автохтонные мотивы орнамента, что дает основание не исключать версию о причастности к ним руки местного художника. Это же отметила и Г.А.Пугаченкова при рассмотрении аналогичных изразцов из поселения XIII-XIV вв. возле урочища Гёк-Гумбез в Мервском оазисе.[6] Истоки же происхождения формы восьмиконечной звезды и креста в изобразительном искусстве Центральной Азии имеют очень глубокие корни и связаны с космологическими представлениями древнейших земледельцев этого субконтинента. В их основу заложена та же мысль, что и в широко распространенную свастику – идея плодородия и, как следствие, изобилия. Однако, семантика этих знаков уже в античное время начала трансформироваться, а с приходом ислама, все больше теряя свою первоначальную основу, приобрела в изобразительном искусстве сугубо декоративное звучание. Эти формы часто встречаются в художественном оформлении архитектурных памятников домонгольского периода, и, видимо, в искусстве конца XIII–начала XIV вв. получили новый виток развития. В этот период особенно популярным становится использование изразцов в форме восьмиконечной звезды и креста в оформлении стен интерьеров жилых помещений местной аристократии. Изобразительные сюжеты, которыми заполнены внутренние поля этих форм, отражали вкусы и нравы заказчиков. В дворцовых помещениях в Тахт-и Сулеймане (юго-запад Ирана), например, можно видеть фантастические существа – драконов, ползущих среди цветов, и летящих сказочных птиц, на изразцах Дамгана – сцены с дикими животными, на отдельных плитках, как и на изразцах из Нисы, изображения людей. Нисийские сюжеты дополнены строками из любовной лирики.

В отличии от упомянутых изразцов, на плитках из мавзолея Абу Саида отсутствуют изображения живых существ, что, возможно, обусловлено мемориальным характером здания. Правда, плитки с зооморфными изображениями встречаются и в мавзолеях – например, в том же Дамгане или Верамине.[7] По мнению английского искусствоведа Венеции Портер, суфизм допускал также использование любовной поэзии в усыпальницах, так как в суфийской традиции человеческая любовь могла использоваться в качестве аллегории божественной любви.[8] Здесь уместно упомянуть еще об одной изразцовой плитке, найденной недалеко от мавзолеев

Илл.8. Изразец из Мервского оазиса.

Имам Бакр и Имам Шафи в Мервском оазисе. Это фрагмент в виде восьмиконечной звезды, края которой также обрамляет надпись арабской вязью. Контуры этой полосы с надписью подчеркнуты линией голубого цвета. Центральное поле занимают сидящие лицом к лицу две человеческие фигуры (*Илл.8*). Их иконография напоминает подобные "луноликие" лица, широко распространенные в изобразительном искусстве XIII в. Возможно, здесь изображены две девушки, хотя не исключено, что это девушка и юноша (к сожалению, трудно это установить из-за плохой сохранности). Одежда этих фигур покрыты спиралевидными завитками – характерный элемент "кашанской" керамики. Поля вокруг голов очерчены голубой линией. Отдельные акценты голубого цвета также внедрены в одежду фигур. Причем, если у левой фигуры на одежде голубым цветом изображен растительный побег, то у правой фигуры по халату разбросаны голубые кружочки, напоминающие нераспустившиеся бутоны. Кроме того, во многих местах плитки сделаны зеленые пятна.

Среди известных изразцов рассматриваемого типа самые близкие параллели изразцы мавзолея Абу Саида имеют с аналогичными изразцами из мавзолея Имамзаде Яхья в Варамине и с изразцами неизвестного происхождения, хранящиеся в Лондонском музее Виктории и Альберта.[9] Эти панно, набранные из монохромных люстровых изразцов, на которых полоса каймы (как восьмилучевой звезды, так и крестовины) заполнена надписями, а орнаментальный рисунок композиции составляют растительные мотивы. Но, в отличии от них, среди изразцов мавзолея Абу Саида попадаются экземпляры и с геометрическим орнаментом.

Всесторонний анализ выявленной люстровой декорации мавзолея Абу Саида – дело будущих исследований. Естественно, дополнительные данные, которые, возможно, появятся после более детального изучения всех надписей на обнаруженных фрагментах плиток, позволят, вероятно, найти ответы хотя бы на некоторые из многочисленных вопросов, интересующих исследователей. Обнаруженная панель в мавзолее Абу Саида является очередным звеном в эволюционной цепи развития приема внутреннего оформления нижних частей стен в Центральной Азии. Как известно, истоки этого приема уходят в эпоху энеолита. Археологические исследования памятников медного века на территории Южного Туркменистана выявили панели в интерьерах жилищ, расписанные простейшим геометрическим узором в черных и красных тонах. Особенно богатую настенную роспись выявили недавние археологические раскопки на поселении Йылгынлыдепе, расположенном в нескольких километрах восточнее мавзолея Меана-баба. Эпоха бронзы в этом регионе отмечена каменными мозаичными панно с орнаментальными и сюжетными композициями в подземных мавзолеях так называемого царского некрополя на Гонур-депе в Маргиане. Сасанидский период представляет вскрытая археологами панель, декорированная резным штуком в виде розеток и арабесок, которая украшала подиумы зороастрийского храма Меле-Хейран в соседнем с Меана Серахском оахисе. Наиболее хорошо изучены резные ганчевые панели жилых помещений средневекового, домонгольского Мерва. Богатейший ассортимент резной декорации на панелях стен интерьеров в архитектуре Хорасана сельджукского периода свидетельствует не только о глубокой преемственности традиций, но и предопределяет появление его, на уже более высоком качественном уровне, в постройках послемонгольского периода в целом и в интерьере мавзолея Абу Саида в частности.

Мухаммед Мамедов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Памятник неоднократно публиковался. См., например: *Прибыткова А.М.* Памятники архитектуры XI века в Туркмении. М., 1955, с.20-36; *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма / Труды ЮТАКЭ, т.VIII. М.,1958, с.358-366; *Бородина И.Ф.* Интерьер мавзолея Абу-Саида близ Меана (Туркменистан) // АН № 18. М.,1969, с.181-189. *Harrow L.* The Tomb complex of Abu Sa'id Fadl Allah B.Abi'l-Khair at Mihna // Iran XLIII, 2005, p.197-215.

[2] Такими кирпичами с зелено-голубой поливой еще в 1929 г. была выстлана линия входного порога в мавзолей Абу-Саида (*Семенов А.А.* Развалины гг.Мейхене и Чехче в древнем Хаверане // Известия Тадж. филиала АН СССР. Душанбе, 1946, с.55-56).

[3] *Гюзальян Л.Т., Дьяконов М.М.* Надписи на звездчатых изразцах XIII в. с городища Новая Ниса // Труды ЮТАКЭ, т.1, Ашхабад,1949, с.418-419.

[4] Автор приносит благодарность д-ру Гуламхусейну Гуламхусейнзаде и Ахмеду Халмурадову, любезно предоставившим информацию о содержании этих надписей.

[5] *Пугаченкова Г.А.* Указ. соч., с.366-370; *Атагарры-ев Е.* Средневековый Дехистан. История и культура города Юго-Западного Туркменистана. Л., 1986, с.114.

[6] *Пугаченкова Г.А.* Указ. соч., с.368.

[7] *Крачковская В.А.* Изразцы мавзолея Пир Хусейна // III Международный конгресс по Иранскому искусству и археологии. Доклады. М.-Л., 1939, с.110.

[8] *Porter V.* Islamic Tiles. London, 1995, p.36.

[9] *Stanley T.* Palace and Mosque. Islamic Art from the Middle East. London, 2006, p.51

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ АМУЛЕТНИЦ-ТУМАРОВ

С давних времен человек стремился оградить себя от воздействия внешних враждебных сил, используя для этого самые разные предметы, наделяемые охранительным значением. Именно к таким предметам-оберегам относится группа среднеазиатских ювелирных изделий – амулетниц *тумар*. Они имели как декоративное, так и в большей степени сакральное значение, связанное с верой в их защитную, магико-охранительную функцию. Многие аспекты бытования этого вида украшений исследованы в достаточно полном объеме (ареал распространения, технология изготовления, декоративные особенности, способы ношения, семантика и т.д.); в ряду научных публикации на эту тему хотелось бы в первую очередь отметить монографию Д.Фахретдиновой,[1] где дан всесторонний анализ тумаров, изготовленных в различных центрах ювелирного искусства (хорезмийские, самаркандские, бухарские и проч.). Однако за пределами внимания исследователей оставались вопросы генезиса этих изделий – где, когда, в какой среде появился этот вид украшений.

Тумар представляет собой специальный серебряный, реже – золотой футлярчик, в который вкладывался собственно талисман (амулет), оберегающий от сглаза и болезней, бесплодия и нечистой силы. Изготовленный в виде украшения, он сопровождал человека практически с первых дней появления на свет – новорожденного малыша обязательно защищал треугольный амулет. Взрослые (в основном женщины) носили тумары головные, которые крепились на головной убор, нашейные, наспинные, нагрудные, подмышечные (последние с помощью длинной цепочки надевались через плечо – это место оберегалось особо, так как считалось, что именно отсюда, из подмышки, может вылететь душа человека – и он умрет.[2] Изготавливались также парные тумары (кош тумор) – прямоугольные или цилиндрические, которые крепились к одежде с левой и правой стороны груди или спины, рукавам платья. Тумар стал непременной частью общего, в том числе свадебного, комплекса ювелирных украшений, его ношение обеспечивало защиту и благополучие его владельцу.

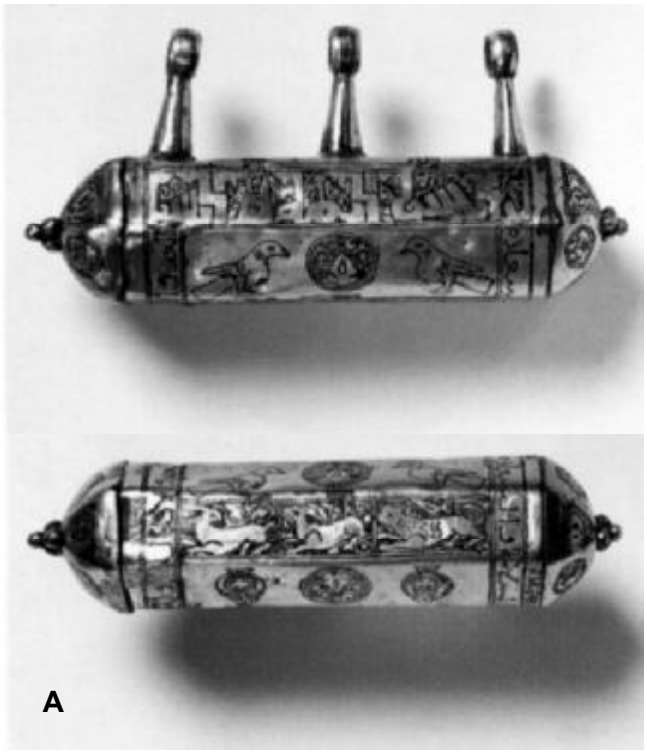
Тумары получили широкое распространение в быту и обрядовой практике узбеков, каракалпаков, уйгуров, туркмен, казахов, таджиков и других народов среднеазиатского региона; этот вид украшения бытовал также на Ближнем Востоке, в Египте. Такого рода амулеты среднеазиатского производства были обнаружены также на Руси, в Прибалтике и даже Норвегии.[3] Узбекские и таджикские амулеты подразделялись на нашейные (*буйинтумор*), нагрудные (*кукрактумор*), подмышечные (*култик тумор*); существовал также амулет *бозубанд* (букв. браслет), трубчатой формы, чья форма, по предположению Д.Фахретдиновой, восходит к нарукавным подвязкам.[4] Все они отличались богатой декорировкой, сложной разработкой формы, обилием подвесок. У каракалпаков были распространены в основном крупные нагрудные амулетницы-тумары, известные как *хейкель* (букв.: памятник, идол). По мнению исследователей, отталкивавшихся от названия изделия, генезис этого вида тумаров связан с антропоморфными фигурками божков (например, богиня-мать), которые носились в качестве оберега.[5] Они представляют собой лаконичный по форме цилиндрический футляр с навершием в виде бычьих или бараньих рогов, инкрустированный самоцветами.

Казахские тумары представлены четырьмя основными формами: треугольный амулет (*туморша*), прямоугольный подмышечный (*колтыкша*), трубчатый (*бойтумор*), сложносоставной треугольный трубчатый.[6] У туркмен известны как взрослые, так и детские амулетницы: *безбент* – парные дисковидные футляры, прикрывающие плечи наподобие закинутого за спину щита, и, соответственно, по своему семантическому значению связанному с ним. Безбенты украшались инкрустацией и позолотой, с идущим по периметру орнаментом "*йылан ызы*" ("след змеи"), имеющим охранительное значение. Женские тумары чаще подвешивались на ремень, перекинутый через плечо, или двухцветный крученый шнур из верблюжьей шерсти (таким образом, использовался прием многократной защиты – шерсть сама по себе выступала как оберег, черно-белый шнур (*аладжа*) – давний, связанный еще с зороастризмом талисман от сглаза, символизирующий двух змей как олицетворение добра и зла,[7] и, наконец, сам тумар). Носился такой амулет на левом боку.[8] Уйгурские и киргизские амулеты во многом аналогичны узбекским и таджикским, более того, этот вид украшений покупался уйгурами у среднеазиатских торговцев.[9] В Восточном Туркестане женщины носили треугольные нагрудные амулеты (*тумар, бойтумар*), реже наплечные, наспинные, прямоугольные и круглые подмышечные (*базубанд*), однако уже в 1930-е гг. традиция ношения этих украшений сходит на нет.[10]

Аналогичные тумарам украшения были распространены также у монголоязычных народов. Это были амулеты со вложенными в них кусочками бумаги с буддийскими молитвами, "священными" предметами вроде лоскутов материи или особыми травами,[11] причем способ их ношения был аналогичен среднеазиатским (нагрудные, подмышечные, наспинные и проч.).

Форма тумара выбиралась в зависимости от способа его ношения: так, нашейные амулетницы выполнялись в виде небольших треугольников, для подмышечного ношения были более удобны прямоугольные футляры, как некий аналог современной сумочки, нагрудные имели в основном прямоугольную или цилиндрическую форму. Самая распространенная форма – полый, горизонтально расположенный цилиндр с напаянной треугольной пластиной и многочисленными подвесками в нижней части.

Технология изготовления и способы декорировки тумаров, их эстетические характеристики разли-

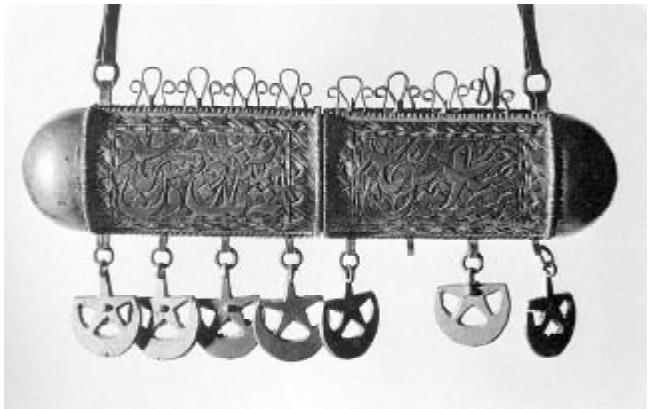


А

Б

В

Д



Е

Илл.1. Разновидности тумаров:
а) афганские, XI-XII вв.;
б) бухарский, XIX в.;
в) хивинские, XIX в.;
г) самаркандский, XIX в.,
д) каракалпакские, XIX в.

чалась в зависимости от производящей среды: от монументальных изделий степняков до ажурных форм городских ювелиров. Туркменские и каракалпакские отличались монолитностью соединений частей тумара, массивными замкнутыми формами, в то время как узбекские и таджикские представляли собой подвижные конструкции с множеством дополнительных штампованных подвесок, бусин, напоминающих россыпь зерен – классических символов, с которыми связаны пожелания плодородия и изобилия, многочисленного потомства. Сам футляр декорировался накладной сканью и зернью, чернением и позолотой, гравировкой или контррельефным узором в виде несложных растительных или геометрических фигур, благопожелательными надписями, инкрустировался многочисленными полудрагоценными камнями: сердоликами, кораллами, бирюзой, лазуритами, более дешевые – стеклом. Городские ювелиры делали также плоские (без собственно футляра и обязательных крышек) тумары, превращая их в сугубо декоративные украшения. К такой же категории относились украшения в технике открытой филиграни, когда футлярчик, словно сплетенный из тонкой проволоки, превращался в ажурный, просвечивающий насквозь медальон. Лист с начертанной молитвой в такие тумары уже не спрячешь, они могли быть только украшением – так практическая функция амулета постепенно заменялась декоративной, но вера в его защитные свойства сохранялась.

Илл.2. Текинский оркучли-тумар, XIX в.

Сакральными свойствами наделялась как сам футляр, точнее, его исходная форма, декор (орнамент, камни, каждый из которых также имел определенные магические свойства), и, наконец, вложенный амулет.

Выбор формы тумара – прямоугольной, треугольной, круглой, цилиндрической или призматической – в каждом случае был продуман и продиктован ее сакральными свойствами. Любая простейшая фигура в представлениях древних несла в себе емкие представления, связанные с геометрической символикой космоса. Круг символизировал небесные светила – Солнце или Луну, и, соответственно, их покровительство, квадрат – Землю (стороны света). Треугольник, наиболее распространенная, классическая, форма, один из самых древних и загадочных символов в истории человечества, был связан с магией оберега от сглаза (один из архаичных примеров в культуре степи – амулет из имеющей треугольную форму бараньей лопатки – как символ защиты тыла, спины, а также традиционный атрибут гаданий). У многих народов с треугольником связывалась идея созидающей божественной силы, вознесения, близости к верхнему миру, и, соответственно, его покровительства. Треугольник вершиной вверх соотносился также с активным мужским началом, потенцией, если же вершина была обращена вниз – то это пассивное женское начало, поэтому на тумарах вершина треугольника была, как правило, направлена вверх. Более поздние по происхождению восьмиугольные футляры были связаны уже с исламскими представлениями: восьмиугольник, древний символ, вариант восьмилучевой звезды, связанной с идеей созидания и плодородия, явлением божества, в культуре ислама стал ассоциироваться с графическим начертанием слова “Аллах”, т.е. по сути, сохранил отношение к идее присутствия, и, соответственно, покровительства, божества. Поэтому не случайно в восьмиугольных футлярах хранили миниатюрные Кораны; это был исключительно мужской вид украшения.[12]

Орнаменты на тумарах также имели закодированное охранное значение. В сельских районах, где было развито скотоводство, тумар чаще всего украшался изображением рогов барана – баран был одним из самых распространенных тотемных животных-покровителей у всех народов, чье прошлое было связано с кочевым образом жизни. В оседло-земледельческих культурах (городских, сельских) на лицевой стороне помещали надпись “Аллах акбар” или изречения из Корана, растительные узоры типа ислими, олицетворяющие красоту божественного творения и прочие связанные с исламом символы. Именно такими были самые ранние из известных ныне образцы тумаров, относящиеся к X-XII вв.[13]

Широкое распространение этого вида украшения у разных народов, стойкость его бытования, вплоть до XX в., побуждает обратиться к вопросу о его генезисе (среда и время появления). Ответ на этот вопрос может подсказать содержимое тумара. В качестве вкладываемого внутрь талисмана исполь-

зовались различные предметы, в той или иной степени наделяемые сильными охранительными свойствами. Подавляющая часть этих предметов была связана с древней языческой магией, что уже само по себе говорит об архаичности этого вида украшения. С принятием ислама перечень языческих талисманов дополнился небольшим листом бумаги с текстом молитвы из Корана, читаемым или стилизованным арабским письмом. Такой тумар оберегал своего хозяина священным словом, сочетая в себе покровительство и древних языческих божеств, и Аллаха. В этом переплетении различных верований не было ничего необычного – приняв ислам, народы Средней Азии сохранили в своей памяти, обычаях и обрядах отголоски более древних религиозных представлений. Собственно, с содержимым связано и само название "тумар", что в переводе с арабского означает молитву, написанную на бумаге, которой предназначалась роль оберега.[14] Очевидно, это название возникло как калька с тюркского названия амулета – битиг (бичиг, бичик), что означает "надпись", "письмо"; это слово встречается еще в орхоно-енисейских надписях (слово "битик биттим", т.е. "писал писание").[15]

К числу более древних амулетов, устойчиво сохраняющихся в сельской среде, относятся: лечебно-заговорные травы, клочья овечьей или верблюжьей шерсти, резкий запах которой отпугивал скорпионов и змей, а значит, мог уберечь человека и от злых чар. Использовались также горькие и соленые специи и пряности с резким запахом, острые и колюще-режущие предметы, способные напугать и отогнать нечистых духов: перец, соль, игла, острый кусочек коралла или просто стекла с режущим краем и проч., роль оберега могла выполнять даже сажа с котла или домашнего очага.

В перечне предметов-оберегов, способных пролить свет на генезис украшения, особое внимание привлекает игла. Д.Фахретдинова считает, что металлические амулетницы изначально имели утилитарное назначение: они возникли "как подражание трубчатым костям птиц и животных, в которых наши предки хранили иглы и служили, соответственно, игольницами".[16] По ее словам, сама игла, сразу или в какое-то

Илл.3. Текинский тумар с нашейной лентой. Вторая пол. XIX в. Серебро, позолота, сердолик,гравировка.

время, становится оберегом, как и многие бытовые колющие и режущие вещи (стрела, нож, гребень, серп), и смысл того и другого сливается.[17]

Футляр с иглой, наделяемый магическим свойством оберегать жизнь своего хозяина, является, пожалуй, ключевым образом для раскрытия вопроса о генезисе этого вида украшений. Этот таинственный предмет встречается в русском фольклоре и связан с образом Кощея Бессмертного, чья жизнь заключалась в игле, а хранилась та игла в яйце. Сломаешь иглу – смерть Кощею. Игла, понимаемая в русских сказках как смерть Кощеева, на самом деле, по логике, выступает в качестве охранительницы его жизни.

При чем же тут Кощей? Этот злой колдун, похититель невест в русских сказках и есть собирательный образ кочевников, набеги которых на протяжении веков держали в страхе Русь: тюркское *кощ, кош, коч* – рус. кочевать, кочевье, семья, стойбище; *кощщи, кошчи* – кочевник; так и появилось русское слово "Кощей". Данная версия происхождения слова Кощей была предложена О. Сулейменовым.[18] Анализируя текст "Слова о полку Игореве", он дает новую трактовку некоторым неверно интерпретированным предшествующими исследователями старославянским словам, выявляя их тюркские корни. Так, в "Слове..." поганым кощеем именуется хан Кончак: "стреляй, господине, Кончака, поганого *кощея*, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!". Как отмечают исследователи, это тюркское слово было распространенным эпитетом врага-иноверца и пришло оно в славянский язык в IV в н.э от тюркоязычных половцев и гуннов. Кстати, общеизвестно, что тюркские корни имеет и другой популярный персонаж русских народных сказок – Баба Яга, имя которой произошло от тюркского "Бабай Ага", т.е. "почтенный дед". Как и Кощей, Баба Яга стала отрицательным образом в народном фольклоре, как отражение различных исторических ситуаций взаимоотношений славян с кочевой степью. Таким образом, сказочный образ Кощея появился в результате контактов славян с кочевниками, а бессмертным он стал потому, что набеги степняков казались славянам бесконечными. Очевидно, футляры-обереги, в которых хранилась игла, были столь широко распространены в кочевой среде, что даже в русских народных сказках сохранилась эта связь образа кочевника с защитным амулетом с иглой, охраняющей жизнь, делающей его неуязвимым.

Не все придерживаются толкования О.Сулейменова. Б.А.Рыбаков считал, что Кощей – это славянский Аид, а миф о похищении Кощеем Бессмертным царицы – это подобие мифа о похищении Аидом Персефоны.[19] Таким образом, ни о каких тюркских корнях здесь нет и речи. Н.Дмитриев предложил толковать это слово как "ездовая прислуга", "наездник".[20] Распространена также версия, что слово Кощей произошло от старославянского слова "кощь" ("кошть"), т.е. кость, в смысле "тощий, худой телом", нечто сухое, худое, тощее (по сути – мёртвое).[21] Слово "кощунствовать", т.е. "оскорблять святыни", происходит от того же корня, следовательно "кощей" – также "богохульник".[22] Иная трактовка предлагает видеть связь между именем Кощея и славянским "кош" – связкой кожаных шнурков, по образу узелкового письма: "такими прaписьменами записывалась история рода; хранителя узелков и называли кощей".[23] Еще одна версия: Кощей от славянского "кошь" (или "кош"), что значит корзина, короб, кошель, а с другой стороны – жребий, судьба.[24]

Одна из распространенных официальных версий связана все же с тюркизмом: в энциклопедии "Мифы народов мира" сказано, что Кащей (Кощей) – это заимствование из тюркского *kosci*, т.е. "пленник", "раб", произошедшее в период ранних славяно-тюркских связей.[25] Конечно, в данном случае пленником выступает не сам Кощей, а люди, которых он похищал: первоначально кощеями назывались пленники этого злого колдуна или божества, а потом имя нарицательное стало именем собственным.[26]

Вышеприведенный обзор свидетельствует о полярности мнений относительно происхождения слова "Кощей", однако важнейший атрибут нашего злого гения – яйцо, в котором хранится игла, в которой заключена его жизнь – вновь обращает нас к тюркской культуре, к миру степного кочевья. В качестве поддержки этого мнения можно привести и тот факт, что форма наиболее ранних сохранившихся тумаров близка овалу, т.е. яйцу: это удлиненный цилиндр, с двух сторон завершающийся куполками, один из которых выполнял роль крышки (упомянутые чачские находки из кладов Сайрам-су и Сиджака, первая четверть XI, XII-нач.XIII вв.,[27] а также тумары, обнаруженные в Афганистане, XI-XII вв.). По сюжету сказок о Кощее яйцо с волшебной иглой, оберегающей его жизнь, охраняют животные: "игла – в яйце, яйцо – в утке, утка в зайце, заяц – в золотом ларце, ларец висит на высоком дубе". Очевидно, и в этом сюжетном ряде с уткой и зайцем следует видеть отголоски древних тотемных верований – связь определенного рода (в данном случае – одной персоны) с животными-покровителями. Образы зайца и водоплавающей птицы (утка, гусь) были известны в искусстве степи еще со времен скифов.[28] Они имели культовое значение и оба в той или иной степени были связаны с идеей плодородия, продолжения жизни, соответственно, ее охраной. Отметим, что и заяц, и утка по своему символическому коду (плодовитость) имеют также непосредственное отношение к яйцу, как средоточию жизни. Как и в случае с иглой, заяц и утка трактуются в сюжете сказки как вместилища кощеевой смерти, однако, по существу дела, они выступают именно в качестве оберегов-охранителей его жизни; в данном случае в фольклорной интерпретации срабатывает принцип перевертыша – что в одной культуре воспринимается как оберег, в другой трактуется с обратным смыслом. Не случайно также в сюжете присутствует медведь, помогающий герою: он выворачивает с корнем дуб, на котором висит упомянутый ларец. Медведь – это уже классический русский тотемный символ, связанный с охранительной магией, образ, наиболее популярный в славянском фольклоре и как бы противостоящий зайцу и утке.

Проводя параллели между сказочными мотивами и реальными бытовавшими у наших далеких

предков культовыми представлениями, следует иметь в виду, что последние, становясь основной эпических и фольклорных сюжетов, в значительной степени приукрашивались и видоизменялись богатой народной фантазией, и потому полных совпадений здесь быть не может. Тем не менее, фольклор может быть действенным подспорьем для поиска корней тех или иных бытовавших в действительности реалий.

Таким образом, предположение о происхождении слова Кощей от тюркского "кочевник", высказанное О.Сулейменовым на основе лингвистических данных, подтверждается соответствующими "сказочными" атрибутами – яйцом как неким футляром, в котором хранится оберег-игла – предметом, типичным для культур степного круга, и "волшебными" животными как аналогами тотемов-покровителей кочевников.

Когда же возник у степняков обычай ношения охраняющего их жизнь магического футляра с иглой? В определенном смысле мы сможем дать ответ на данный вопрос, выяснив, когда и при каких обстоятельствах миф о Кощее Бессмертном появился в славянском фольклоре. Ряд исследователей сходится во мнении, что Кощей олицетворяет собой хазарина или верховного правителя Хазарии – кагана;[29] соответственно, можно предположить, что данный образ возник в VII-VIII вв. Существует также предположение, что миф о Кощее сформировался "не позднее первых веков нашей эры, до того, как скифы и сарматы были сметены нашествием гуннов".[30] В любом случае, судя по приведенной выше версии появления слова "Кощей" в эпоху гуннов, именно к этому времени можно отнести и появление тумара.

Таким образом, амулеты-тумары по своему происхождению связаны с культурой подвижных скотоводов; их можно рассматривать как вид ювелирного украшения, связанного с магическими представлениями степных кочевых народов. Время их появления связано с архаичными пластами культуры; как ориентир, можно рассматривать время контактов ранних кочевников со славянскими народами. Широкое распространение тумаров связано с миграциями тюркских племен. Так, например, со времен появления невольников-мамлюков в Египте, из которых была сформирована гвардия правителей династии Айюбидов, здесь появляются не только определенные, тюркские по своему генезису, ювелирные украшения (пресловутые тумары), но и тюркские обычаи, одежда (татарские кафтаны и тюбетейки без чалмы, среднеазиатские атласные ткани).

Под влиянием кочевнической художественной и обрядовой традиции тумары становятся популярны и в оседло-земледельческой (сельской и городской) среде. Подобные изделия в исполнении городских ювелиров – яркий пример синтеза традиций кочевой и оседло-земледельческой культур. С принятием тюрками ислама тумар становится мусульманским оберегом, имеющим непосредственное отношение к главной святыне этой религии – Корану, сохраняя, вместе с тем, отголоски более ранних магических представлений. Сохранение языческого символа в культуре ислама с некоторым изменением семантического кода – еще один пример стойкости архаических верований тюркских народов и высокого уровня адаптивной способности кочевой культуры в новых исторических условиях.

Эльмира Гюль

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Фахретдинова Д.А.* Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.
[2] Там же, с.144.
[3] Там же, с.54.
[4] Там же, с.148.
[5] *Алиева З.* К семантике каракалпакских ювелирных украшений // Журнал "San'at", 1999, № 2, с.273-274.
[6] *Тохтабаева Ш.* Серебряный путь казахских мастеров. Алматы, 2005.
[7] *Мамедов М.А.* Генезис образа драконов в искусстве Центральной Азии (к проблеме интерпретации изображения на портале мечети Анау) // КЦ 2002-2003. СПб., 2004, с.58.
[8] *Залетаев В.* Древние и новые дороги Туркмении. М., 1979, с.129.
[9] *Чвырь Л.А.* Сравнительный очерк традиционных украшений уйгуров и соседних народов Средней Азии. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986, с.223.
[10] Там же, с.215.
[11] Там же, с.231.
[12] Наследники Шелкового пути: Узбекистан. Штутгарт, 1997, с.299.
[13] *Фахретдинова Д.А.* Указ. соч., с.52-53.
[14] Там же, с.141.
[15] *Дмитриев Н.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3, М., 1958, с.42.
[16] *Фахретдинова Д.А.* Указ. соч., с.53.
[17] Там же, с.54.
[18] *Сулейменов О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. М., 2005, с.139.
[19] *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987, с.315-347.
[20] *Дмитриев Н.* Указ.соч., с.42.
[21] http://symbols.intimfoto.ru/slavian/koshei.html
[22] http://grangerhome.narod.ru/history/urok8.htm
[23] http://symbols.intimfoto.ru/slavian/koshei.html
[24] http://vokrugskazki.narod.ru/Koshej.htm
[25] Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1991, с.629.
[26] http://vokrugskazki.narod.ru/Koshej.htm
[27] *Фахретдинова Д.А.* Указ. соч., с.53.
[28] *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985; *Завьялов В.А.* Лунный заяц // Записки ИИМК РАН, № 1. СПб., 2006, с.83-93.
[29] http://mandara.narod.ru/Kimeria.htm
[30] http://grangerhome.narod.ru/history/urok8.htm

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Международные научные конференции в Туркменистане

2004-2006 гг. отмечены активизацией гуманитарных тематических форумов, организуемых под эгидой Президента Туркменистана С.А.Ниязова (Туркменбаши), начало которым положено в 2000 г.* Они проводились на высоком организационном уровне и полностью финансировались из государственного бюджета, что позволило привлечь к участию в них целого ряда зарубежных специалистов, а также стимулировать научные изыскания их коллег из Туркменистана.

8-9 января 2004 г. в Ашхабаде состоялась Международная научная конференция, посвященная богослову-мутазилиту, законоведу ханафитского толка, филологу и литератору Махмуду ибн Умару Абу-л-Касиму **аз-Замахшари** (1075-1144), организованная Министерством культуры и информации Туркменистана и Культурным центром Посольства Исламской Республики Иран в Туркменистане. Было заслушано 18 докладов историков, литературоведов, лингвистов из научных учреждений Ашхабада, а также иранских ученых из университетов Тегерана, Мешхеда, Исфахана, Кума и Кермана. Имя аз-Замахшари в XX в. было фактически предано забвению на его родине, хотя он входит в блестящую плеяду звезд первой величины в исламском мире и еще при жизни удостоился прозвищ Джараллах (Покровительствуемый Аллахом) и Фахрхваризм (Гордость Хорезма).

Вся его жизнь была связана с Гурганджем (Куня-Ургенчем), откуда он не раз отправлялся в долгие путешествия и куда неизменно возвращался. По некоторым сведениям, там он и умер. Конференция способствовала привлечению внимания к его богатейшему грамматико-лексикографическому, литературному и собственно богословскому наследию (сохранилось около 20-ти из примерно 50-ти оставленных им трудов). По окончании конференции участники совершили поездку на север Туркменистана и посетили руины города Замахшара (Измыкшир), где родился и вырос этот незаурядный человек, живший 900 лет назад, обладавший безупречным нравственным авторитетом среди современников и оказавший огромное влияние на потомков.

22-23 октября 2004 г. Ашхабад стал местом проведения Международной конференции **"Туркменистан – родина Анауской культуры и белой пшеницы"**, посвященной 100-летию археологической экспедиции Рафаэля Пампелли.** Ее организаторами выступили Институт истории при Кабинете министров Туркменистана и Министерство сельского хозяйства страны. В Ашхабад приехали более 40 ученых из 14 стран, в том числе российские специалисты *В.М.Массон, В.И.Сарианиди, Н.А.Дубова, Л.Б.Кирчо, Г.Ф.Коробкова, В.Н.Пилипко, А.А.Бурханов*, их американские коллеги *Ф.Хиберт, Ф.Кол, К.Торнтон, Р.Дайсон, Д.Кулидж, Н.Миллер, К.Мур*, а также археологи из Ирана, Пакистана, Индии, Турции, Италии, Германии, Узбекистана и др. Почетным гостем конференции была *Луиза Пампелли* (США) – правнучка профессора Р.Пампелли, который в 1904 г. фактически положил начало археологическим исследованиям в Туркменистане. На заседаниях пяти секций были заслушаны доклады, посвященные месту Анауской культуры в системе ранних цивилизаций Древнего Востока, орошаемому земледелию и скотоводству в древности, влиянию окружающей среды на культурогенез в Центральной и Передней Азии, анализу письменных источников по истории Туркменистана, а также традициям и современным вопросам зерноводства и селекции белой пшеницы, древнейшие образцы которой были впервые обнаружены 100 лет назад во время раскопок Анау.

17-18 ноября 2004 г. Министерство культуры и телерадиовещания Туркменистана, Национальный культурный центр "Мирас" и Институт истории при Кабинете Министров Туркменистана провели Международную конференцию **"Султан Санджар и его эпоха"**, приуроченную к завершению реставрации мавзолея последнего правителя империи Великих Сельджуков. Реставрационные работы на памятнике архитектуры XII в., в 1999 г. внесенного вместе с другими объектами городища Древний Мерв в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, повлекли заметные изменения в его внешнем и внутреннем облике. Эти работы осуществила турецкая фирма "Гентес пекерли" на основании протокола между правительствами Туркменистана и Турции, а финансирование осуществлялось за счет турецкой стороны.* Гости конференции перед началом ее работы отправились в Марыйский велаят, где приняли участие в торжественной церемонии презентации мавзолея, на которую прибыла также делегация высокопоставленных чиновников, парламентариев, бизнесменов, ученых и журналистов из Анкары в составе 114 человек во главе с государственным министром Турецкой Республики *Беширом Аталайи.* Выступая перед собравшимися, он выразил уверенность в том, что этот символический подарок народа Турции братскому туркменскому народу станет новым шагом в углублении исконных исторических связей, расширении плодотворного сотрудничества между двумя странами во всех сферах. В том числе и духовной. Сама конференция состоялась на следующий день после возвращения из Мары.

На пленарном заседании, состоявшемся в большом зале здания Кабинета министров Туркменистана, были заслушаны доклады *А.Аширова* (Туркменистан), *В.М.Массона* (Россия) и *Ф.Туркмена* (Турция). На заседаниях секций выступили ученые

*См.: КЦ 2000-2001, с.211-212.

** Об этой экспедиции см.: КЦ 1999, с.137-145.

* *Мамедов М.* Мавзолей султана Санджара. Istanbul, 2004, с.60-61.

из 23 стран и их туркменские коллеги. Они посвятили свои доклады отражению темы конференции в книге Сапармурата Туркменбаши "Рухнама" (*Н.Реза Хан, Г.Киясова, Ши Юн Лин, О.Соловьева, Н.Сувханов* и др.), вопросам сельджукского искусства, культуры XII в. (*П.Хоффмайстер, М.Салим, К.Кураева, Дж.Курбанова, Й.Гирлихс, Н.С.Бяшимова* и др.), различным аспектам реставрации и архитектуры мавзолея Санджара и средневекового Мерва (*Т.Уильямс, М.А.Мамедов, Н.Байматова, Н.А.Ковалева, В.И.Артемьев. А.Х.Урманова, Д.Гандрэ, А.Атан, Х.Юсупов, М.Вагнер, М.Рафик Мугал*), личности султана Санджара, его образу в средневековой литературе (*М.Денисон, З.Азаева, К.Нурбатов, Г.Гуламхусейнзаде, А.Шахимоглы, Б.-Р.Логашова, М.Айдогдыев* и др.) и истории государства Великих Сельджуков (*О.Четин, Э.Мерчил, А.Аджар, Т.Джемил, Н.Гаджаров, И.Аманлыев, О.А.Гундогдыев* и др.) На церемонии закрытия конференции было выражено общее мнение о том, что этот форум, также как и предыдущие, широко освещавшийся местными СМИ, внес весомый вклад в дело изучения и возвращения туркменскому народу его подлинной истории, ставшей сегодня достоянием всего человечества.

С сельджукской эпохой и султаном Санджаром связаны жизнь и творчество его придворного поэта-панегириста, писавшего на фарси, которому была посвящена конференция, организованная в Ашхабаде 24 апреля 2005 г. Министерством культуры и телерадиовещания Туркменистана совместно с Культурным центром Посольства Исламской Республики Иран в Туркменистане. Имя этого поэта XII в. – Аухад ад-дин **Анвари Абиверди** – ныне известно мало, но в свое время он получил от самого Санджара титут "царя поэтов" и довел до совершенства жанр касыды (панегирика). Он также серьезно занимался астрономическими наблюдениями и философией, углубивший в суфизм. Творчество Анвари оказало значительное влияние на литературу и естествознание средневекового Ирана и Туркестана, с ним связано множество народных легенд и притч. Собравшиеся в здании Национального института рукописей имени Сапармурата Туркменбаши иранские и туркменские литературоведы поделились своими изысканиями, проливающими свет на многие исторические факты, связанные с Анвари и высказали свою оценку его творчества, определив его место в истории литературы. Как заметил д-р *Г.Гуламхусейнзаде*, "из разнообразия поэтических стилей того времени – эпических, лирических, мистических и других – хвалебные оды, которые сочинял Анвари, были наименее популярны. Однако его поэзия была настолько талантлива, что очень быстро завоевала широкое признание. Он восхвалял правителей, но в отличие от других поэтов делал это простым, понятным для народа языком, что и стало причиной его небывалого успеха".

12-13 октября 2005 г. в Ашхабаде собрались около 50 представителей науки из более 20 стран – США, России, Великобритании, Италии, Японии, Польши, Индии. Турции, государств Центральноазиатского региона, которые приехали на Международную конференцию **"Священная Рухнама и взаимное влияние культур и цивилизаций в третьем тысячелетии"**. Ее организация была поручена Государственному институту культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока при Президенте Туркменистана, Национальному культурному центру "Мирас" и Министерству культуры и телерадиовещания. В центре внимания форума была знаменитая книга Сапармурата Туркменбаши, провозглашенная его гениальным историко-философским трудом. Смысл прозвучавших на этой конференции выступлений сводился к признанию и поддержке во всем мире проводимой Туркменистаном политики сближения и дружбы народов, позитивного взаимодействия культур, политики, нацеленной на изучение и защиту наследия предков, его сохранения для будущих поколений. Кроме того, в докладах ученых говорилось о значении "Рухнама" как источника духовности современного туркменского общества, говорилось о месте этой книги в общественном сознании и формировании государственной идеологии Туркменистана.

Тематически связана с этой конференцией и следующая, проведенная 2-3 мая 2006 г. Национальным культурным центром "Мирас", Министерством культуры и телерадиовещания Туркменистана и Национальным институтом рукописей в в Ашхабаде и Балканском велаяте. Она называлась **"Священная Рухнама и литературное наследие Гараджаоглана в системе общечеловеческих духовных ценностей"** и была приурочена к 400-летию этого популярного поэта и певца XVII в., жившего в Османской империи. Он является одним из самых значительных представителей ашикской поэзии, тесно связанной с народным песенным творчеством. Гараджаоглан был родом из Дехистана (юго-запад Туркмении) и оказал заметное влияние на классиков туркменской литературы XVIII-XIX вв., а его сочинения всегда были в репертуаре туркменских бахши. Участники конференции приняли участие в торжественной церемонии открытия памятника Гараджаоглану, установленного в центре Ашхабада.

25-27 мая 2006 г. в Ашхабаде и Куня-Ургенче состоялась Международная научная конференция **"Постоянно нейтральный Туркменистан – ЮНЕСКО: оценка историко-культурных ценностей и определение путей сохранения памятников всемирного наследия"**.* По приглашению Министерства культуры и телерадиовещания Туркменистана на конференцию приехали ведущие специалисты в области исламской архитектуры, археологи, искусствоведы, историки-ориенталисты из США, Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, России, Франции, Судана, Египта, Турции, Азербайджана, Ирана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Индии, Пакистана и Японии - всего около пятидесяти иностранных гостей. Активное участие приняли и туркменские исследователи из всех гуманитарных вузов страны, научных институтов и центров.

Айдогды Курбанов.

* Подробно о ней см.: *Армарчук Е.А.* Куня-Ургенч и "Список мирового наследия" ЮНЕСКО // Восток, 2006, № 6, с.154-159.

Новые объекты в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО

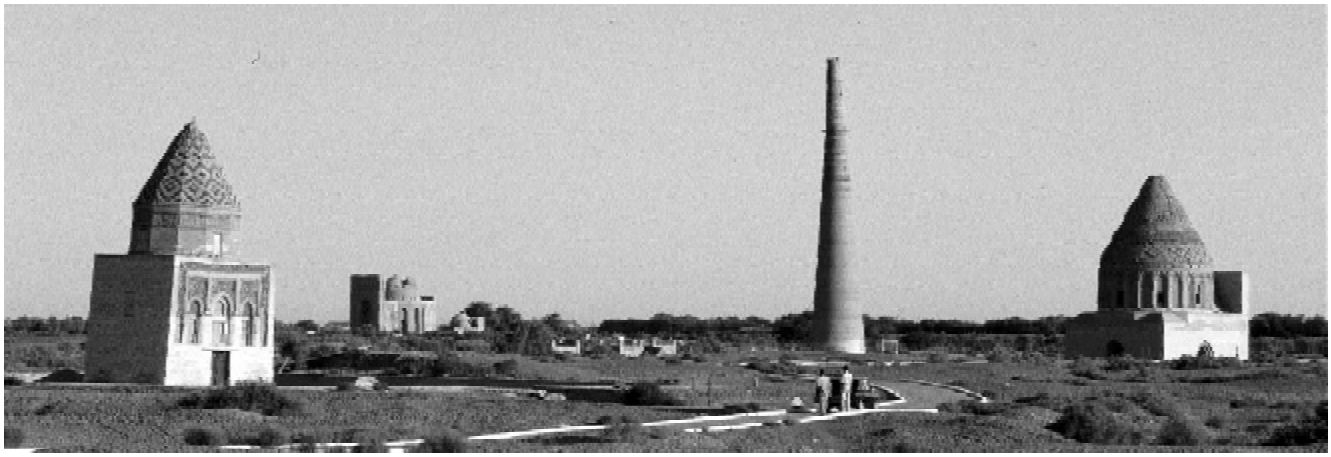
На XXIX сессии Комитета всемирного наследия, состоявшейся 10-17 июля 2005 г. в Дурбане (ЮАР) под председательством заместителя Генерального директора ЮНЕСКО по наследию и национальным архивам Темба Вакаше внесены семнадцать новых культурных объектов в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Теперь в нем 812 объектов, из них 628 – памятники культуры, 160 – природы и 24 – смешанных. Эти объекты расположены на территории 137 государств-членов ЮНЕСКО. В Список вошли три новые страны: Бахрейн, Босния-Герцеговина и Республика Молдова. Среди новых памятников Списка – три пограничных. Было также принято решение расширить шесть уже ранее внесенных в Список объектов. Один из внесенных ныне памятников – Селитровые комбинаты в Умберстоне и Санта-Лауре (Чили) – одновременно включен в Список всемирного наследия под угрозой.

Новые памятники в Списке: город-музей **Гирокастра** (Албания), архитектурный, жилой и культурный **ансамбль Радзивиллов в Несвиже** (Беларусь), **Геодезическая дуга Струве** – цепь измерительных треугольников, простирающаяся через 10 стран на 2820 км от Хаммерфеста в Норвегии до Черного моря. Дуга состоит из цепи смежных треугольников, рассчитанных в 1816–1855 гг. астрономом Фридрихом Георгом Вильгельмом Струве и позволившим впервые точно измерить градус длинного отрезка меридиана. Это градусное измерение дуги меридиана позволило определить точный размер и форму Земли; оно сыграло ключевую роль в развитии географии и составлении точных топографических карт. Это замечательный пример научной кооперации ученых разных стран и сотрудничества монархов во имя науки. Изначально дуга состояла из 258 основных треугольников и 265 главных пунктов. В этот объект, внесенный в Список ЮНЕСКО, входят 34 оригинальных основных пункта с различными маркировками – просверленные в скале отверстия, железные кресты, каменные пирамиды и обелиски.

В числе других новых объектов Списка – **дом, мастерская и музей Плантена** (Бельгия), **квартал Старого моста** в историческом центре города **Мостар** (Босния и Герцеговина), Исторические центры **Макао** (Китай), колониального города **Сьенфуэгос** (Куба), древний **Ярославль** (Россия), **библейские холмы в Мегиддо, Хазоре и Беер-Шеве**, а также **"Путь ладана" и четыре древних набатейских города, – Авдат, Халуца, Мамшит и Шивта в пустыне Негев** (Израиль), **Сиракузы** и **скальный некрополь в Панталике** (Италия), современный город **Гавр** (Франция) – замечательный пример послевоенной архитектуры и урбанизма, основанный на методологическом единстве, использовании блочных структур, систематическом применении модульных схем и новаторском использовании возможностей бетона; **священный лес Ошун-Ошогбо** (Нигерия).

Еще три новых объекта расположены на Среднем Востоке. Это **Калаат аль-Бахрейн** – типичный искусственный холм, созданный несколькими последовательными пластами жизнедеятельности населения. Стратиграфия холма на 300 м из 600 свидетельствует о постоянном присутствии здесь человека с 2300 года до н.э. до XVI в. н.э. На вершине 12-метрового холма высится португальский форт, давший имя всему объекту (*qal'a* – форт (араб.)). Этот памятник – бывшая столица одного из крупнейших древних царств региона – Дилмун. Здесь хранится самая богатая из ныне известных коллекций останков цивилизации, о которой ранее было известно лишь из шумерских летописей.

Мавзолей Улджейту, Иран



Куня-Ургенч, Туркменистан

В Список внесен и **мавзолей Улджейту**, возведенный в 1302-1312 гг. в городе Солтание, былой столице Ильханидов. Солтание, расположенный в провинции Занджан в 240 км от Тегерана на северо-западе Ирана, – один из самых захватывающих примеров персидского зодчества и важный памятник в развитии всей исламской архитектуры. Восьмиугольное здание мавзолея увенчано величественным куполом высотой 50 м, выложенным лазурной фаянсовой плиткой, и окружено восемью вздымающимися в небо минаретами. Эта постройка – древнейший в Иране образец двойного купола. Внутреннее убранство мавзолея – тоже восхитительно, а такой специалист как А.Поуп считал это сооружение "предвестником Тадж-Махала".

Еще один новый объект – **Куня-Ургенч** на северо-западе Туркменистана, на левобережье Амударьи. Старый Ургенч был столицей Хорезма, находившегося в составе империи Ахеменидов, а затем независимого государства Хорезмшахов, павшего в начале XIII в. в результате монгольского вторжения и вновь расцветшего в составе Золотой Орды. На городище сохранилось несколько памятников XI–XVI вв. Несколько куняургенчских святынь (прежде всего, гробница суфийского шейха Наджм ад-Дин ал-Кубра) до сих пор служат центрами притяжения паломников-мусульман.

Уникальность архитектурных памятников Куня-Ургенча объясняется в первую очередь тем, что здесь длительное время существовала самостоятельная школа мастеров-строителей, сумевших выработать свой особый архитектурный стиль. Традиции этой школы распространились на обширной территории мусульманского мира и прослеживаются в конструкциях, формах и декоре многих сооружений тимуридской эпохи в Узбекистане и Афганистане, в казахстанской степи и золотоордынских городах Поволжья, а также в Закавказье, Турции, Иране, Пакистане, Индии. Самые тесные архитектурные связи обнаруживаются, конечно, с районами Хорезма, окружающими Куня-Ургенч, и с областями, непосредственно входившими в состав государства Хорезмшахов. Прежде всего это Дехистан с монументальными руинами на юго-западе Туркменистана, а также северные провинции Ирана от Тебриза до Мешхеда. Из Куня-Ургенча в конце XIV в. Тамерлан вывез целые артели мастеров-архитекторов и строителей, которые возвели для него прекрасные здания Самарканда.

В отличие от таких известных старых городов Центральной Азии как Бухара, Самарканд или Хива, в Куня-Ургенче лучше всего сохранился исторический ландшафт, так после переселения жителей на новое место в 1646 г. эта территория больше никогда не застраивалась, частично превратившись в огромное кладбище. Кроме того, если в других крупных археологических парках Центральной Азии многие исторические объекты уничтожены в результате интенсивных сельскохозяйственных работ на протяжении всего XX в., то городище Куня-Ургенча не подвергалось и такому отрицательному воздействию. Это делает его поистине уникальным заповедником с естественным историческим рельефом и целостностью еще неизученных археологических памятников.

На примере памятников Куня-Ургенча можно увидеть всё многообразие приемов и декора исламской архитектуры Центральной Азии. Здесь имеются сооружения из сырца и жженного кирпича, простые однокамерные купольные постройки, восходящие к древнему чартаку, и сложные по композиции здания, иногда с длительной историей развития, ремонтов и переделок. Эти памятники демонстрируют также эволюцию способов обработки внутренней поверхности сводов от ячеистых парусов к сталактитовым (мукарнас), причем последние доведены местными мастерами до высочайшего совершенства. Наконец, лучшие памятники этого города отличаются высокой степенью декоративности. Они дают выдающиеся образцы классических арабесок в монохромной терракоте и яркой красочности эмалей. Безудержная игра цвета, оживляющая геометрическую сухость орнамента, не соперничает, а предвосхищает тотальную полихромию гораздо более поздних памятников Самарканда, Шахрисябза, Герата, Исфахана, Хивы и ряда других.

* * *

Комитет всемирного наследия, состоящий из 21 члена, отвечает за соблюдение Конвенции 1972 года о защите всемирного природного и культурного наследия.

Кароль Дармуни
c.darmouni@unesco.org

Вторая международная конференция "Золотая Орда и ее наследники"

22-24 апреля 2005 г. в Стамбуле состоялась Вторая международная конференция "Золотая Орда и ее наследники", посвященная памяти Гаяза Исхаки, Саадета Чагатая и Тахира Чагатая (первая прошла в 1998 г. в Казани под эгидой Академии наук Татарстана). Очередную встречу ученых подготовил и профинансировал Фонд Аяза-Тахира Туркестан "Идел-Урал". Трибуну в центре конференц-зала украшал флаг Золотой Орды, привезенный из Татарстана, а рядом вывешены государственные флаги тех стран, представители которых собрались в Стамбуле. На заседаниях заслушано 45 докладов (независимая комиссия оргкомитета выбрала их из 130 заявленных), посвященных проблемам истории, культуры и археологии Золотой Орды, Казанского, Крымского, Сибирского, Астраханского и Касимовского ханств, Большой Орды, вопросам истории и культуры татар и других тюркских народов средневековья до XX в., изучению наследия тюркских народов и Золотой Орды в учебных заведениях, проблемам исламских обществ в XX в., творчеству деятелей культуры и литературы, в частности Каюма Насыри, Габдуллы Тукая, Гаяза Исхаки, Шигабутдина Марджани и др.

Самые большие делегации были из Турции и России – за счет ученых из Казани, которые представляли Казанский государственный университет (КГУ), Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова, Институт истории им. Ш.Марджани АН Республики Татарстан и Татарский государственный гуманитарный университет. С трибуны конференции выступили академики АН РТ М.А. Усманов и М.З.Закиев, профессора Д.М.Исхаков, Ж.С.Миннулин, А.А.Бурханов, Н.Хисамов, Ф.М. Хисамова и стажер Казанского университета Исмаил Турекоглы (Турция). Всего заслушано двадцать докладов из России, четыре – из США, по два – из Венгрии, Украины и Японии, по одному – из Франции, Нидерландов, Азербайджана, Монголии и Узбекистана. В составе турецкой делегации были выходцы из Татарстана – выпускники КГУ, ныне работающие в вузах Стамбула – Лейсан Шахин, Ильсияр Рамеева, Ильяс Камалов, а также турецкие ученые, ранее проходившие стажировку в КГУ. Среди докладчиков были зарубежные ученые татарского происхождения: профессора Надир Давлет (Турция), Юлай Шамильоглы (США) и Айша Азади Рорлих (США), поэтому татарский язык наряду с турецким и английским фактически стал третьим рабочим языком конференции. На конференции выяснилось, что сегодня в мире специализируются по Золотой Орде не более 30 специалистов.

На огромном территории, некогда занимаемой Золотой Ордой и татарскими ханствами XV-XVIII вв., сохранилось очень мало следов их материальной культуры. Основные места их локализации – левобережный Хорезм (Туркменистан), Крым (Украина) и Болгар (Россия). Зарубежные коллеги не без удивления узнали о том, что от городов Улуса Джучи – Сарая (Сарай-Бату), Сарай-аль-Джедида (Сарай Берке), Хаджитархана и других почти ничего не сохранилось, так как начиная с XVI в. они целенаправленно уничтожались, а ныне места былых городов разрушаются новостройками, "черными археологами", либо превращены в мусорные свалки. Это касается, в частности, Водянского городища и Укека (около Саратова). В целом же в России золотоордынская тема представляет ныне лишь частный интерес узкого круга исследователей и нумизматов. Достаточно сказать, что первый выпуск ежегодника "История и культура Улуса Джучи" за 2006 год (под ред. проф. И.А.Гилязова и к.и.н. И.Л.Измайлова) издан в Казани тиражом всего 100 экз. и эта цифра, очевидно, отражает реальный спрос. Разительный контраст в этом отношении являет современная Турция, где наследие Османской империи не только широко изучается, но и бережно сохранилось. Огромное число памятников XV-XVIII вв. – это не раскопки и не руины: так или иначе они по-прежнему функционируют, являя собой либо музеи, либо мечети, либо гостиницы, либо охранные зоны.

Следующую конференцию по Золотой Орде решено организовать в Крыму, а в дальнейшем – в Венгрии и Монголии.

Альберт Бурханов

Международный экспертный форум по улучшению управления и планированию культурных ландшафтов Всемирного наследия

С 29 мая по 2 июня 2006 г. в Персеполе (Иран) состоялся Международный экспертный форум по улучшению управления и планированию культурных ландшафтов Мирового наследия, проведенной Иранской организацией культурного наследия и туризма (ICHTO), Исследовательской организацией культурного наследия и туризма (ROCHT), Исследовательским Фондом Парса – Пасаргады (PPRF) и ЮНЕСКО. Семинар стал возможным благодаря финансовой поддержке правительства Ирана и Фонда Всемирного наследия ЮНЕСКО, а также сотрудничества с отделением ICHTO в провинции Фарс. В его работе принимали участие 60 представителей из восьми стран (Иран, Франция, Германия, Италия, Япония, Индия, Туркменистан, Казахстан), представляющих межгосударственные и неправительственные организации, включая ИКОМОС и ЮНЕСКО, университеты, местные органы власти и других партнеров.

Д-р *Абдин Салих*, директор регионального представительства ЮНЕСКО в Тегеране, поздравил всех участников с открытием международного экспертного семинара и выразил благодарность его организаторам. Он отметил, что Комитет Всемирного наследия ЮНЕСКО поддерживает ряд международных и региональных семинаров, касающихся культурного ландшафта как особой категории памятников, лучше представленной за последние 10 лет в Списке всемирного наследия. С приветственным словом выступил д-р *Таха Хашеми,* заместитель руководителя ICHTO. В своём докладе "Культурный ландшафт: новый взгляд на наследие" он отме-

тил, что продолжающиеся контакты ICHTO и ЮНЕСКО открывают новые горизонты к более эффективным шагам в менеджменте и повышении технических знаний так же как ознакомление заинтересованных людей и руководителей различных сфер с великими сокровищами иранской культуры. Он подчеркнул, что форум даст возможность международным экспертам получить информацию о самых последних достижениях менеджмента и поднимет уровень отношений и международного сотрудничества.

На заседаниях семинара было заслушано более 20 докладов, на которых затрагивались следующие основные темы:

- охранные зоны культурных ландшафтов Всемирного наследия, основанные на оценке их значимости;
- общественное вовлечение, механизм традиционного менеджмента культурного ландшафта Всемирного наследия;
- законодательство, земельная собственность, эксплуатация земли и менеджмент культурного ландшафта Всемирного наследия;
- презентация и поддержка туризма в зонах культурного ландшафта Всемирного Наследия.

Обширная дискуссия на семинаре явилась результатом активного участия международных и национальных экспертов, в особенности иранских.

Участники представили Комитету всемирного наследия ЮНЕСКО, правительствам государств – участников Конвенции всемирного наследия, международным и неправительственным организациям, соответствующим специализированным институтам и частным лицам публикуемый ниже документ.

Эджегуль Мурадова

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО УСИЛЕНИЯ МЕНЕДЖМЕНТА И ПЛАНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕГО ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Мы, эксперты, собравшиеся в Персеполе (Исламская Республика Иран), с теплотой выражаем нашу благодарность ICHTO, ROCHT, PPRF и UNESCO за обеспечение форума возможностью обсуждать пути и способы усиления менеджмента и планирования процессов культурного ландшафта Мирового Наследия;

отмечая, что этот Семинар был первым, когдалибо организованным по этой теме, в регионе, предлагаем это продолжать, а результаты опубликовать и широко распространить;

оценивая, что интегрированный менеджмент культурного ландшафта Всемирного Наследия является долгим и глубоким процессом, вовлекать много посредников;

принимая во внимание ценную работу, достигнутую в прошлых декадах по консервации культурного ландшафта Всемирного наследия, особенно:

1972. Конвенция ЮНЕСКО относительно защиты всемирного культурного и природного наследия;

1993. Скорфейд. План акции для культурных ландшафтов, принятый Комитетом Всемирного наследия ЮНЕСКО на 17 сессиях;

2001. Вакиама. Рекомендации на Священных горах в Азии;

2002. Феррара. Рекомендации по культурным ландшафтам: консервация Чаленджа;

2002. Падуя. Рекомендации по менеджменту памятника Всемирного наследия;

2003. Амстердам. Рекомендации по взаимосвязи всемирных и местных ценностей : руководящая поддержка перспектив Всемирного наследия;

2003. Конвенция ЮНЕСКО для защиты бесценного культурного наследия;

2005. Определения и категории культурного ландшафта в рамках оперативных директив для осуществления Конвенции Всемирного наследия.

ДЛЯ ПОНИМАНИЯ...

1. предложить национальным и местным властям, меж- и негосударственным организациям, университетам, специализированным институтам и частным лицам защищать и поддерживать развитие культурных ландшафтов; активно привлекать к дискуссиям, относящимся к разным типам и категориям культурных ландшафтов на их территории с точки зрения широкого понимания культурных ландшафтов и их будущего включения в Список Всемирного наследия;

2. предложить национальным и местным властям повысить поддержку в научном исследовании и оценке природного, окружающего и культурного наследия ценностей культурного ландшафта и широко пропагандировать эту информацию;

ДЛЯ ЗАЩИТЫ...

3. **предложить национальным властям** рассмотреть вероятность учреждённого национального законодательства по консервации и поддержке развития культурных ландшафтов в своих странах, если такого закона там еще нет, и учитывая согласованность с другими существующими юридическими правами. Такое законодательство будет определять собственность, использовать права и административного управления культурным ландшафтом.

ДЛЯ ПОДДЕРЖИВАЮЩЕЙ КОНСЕРВАЦИИ...

4. **предложить государствам-участникам** детально разрабатывать национальную стратегию для интегрированного управления планирования культурных ландшафтов, основанную на долгосрочном предвидении для поддерживающего развития, и привести в исполнение эти стратегии на всех уровнях, в соответствии со Статьей 5 Конвенции Всемирного наследия и параграфом 119 Оперативного руководства для выполнения Конвенции Всемирного Наследия;

5. **предложить национальным и местным властям** повысить уважение и поддержку в отношении жизни общин, находящихся под угрозой, кочевых и туземных обществ, и их социальным и экономическим основам существованию, их традиционному использованию земли и образу жизни, которые создают культурные ландшафты;

6. **предложить менеджерам памятников культурного ландшафта и властям** планирование полного исследования динамических отношений между неосязаемым и осязаемым и ассоциированным культурным наследием, людьми, и развитие жизнеспособной местной экономики, которое даст возможность полной интеграции в рамках общего развития планирования и процесса менеджмента;

7. **предложить национальным и местным властям, меж- и негосударственным организациям, университетам, специализированным институтам и частным лицам** активно развивать новое партнерство к интегрированному региональному и поддерживающему развитию уровней культурного ландшафта;

8. **предложить национальным и местным властям** оценить потенциальное воздействие на культурные ландшафты, их экологическую целостность и всё связанное с ценностями наследия до принятия решения по основным общественным работам и строительству, которые трудно будет изменить;

...И ДЛЯ РАЗВИТИЯ УСПЕШНОГО ТУРИЗМА

9. **предложить национальным и местным властям, и туристическим организациям** при планировании инфраструктуры туризма полностью уважать местные традиции, базу знаний, культурные производства и окружающий ландшафт;

10. **предложить национальным и местным властям, туристическим организациям и туристам** гарантировать уважение достоинства членов местных общин, их ценности и наследие при презентации и приближении туризма к культурному ландшафту;

ДЛЯ СОЗДАНИЯ КОМПЕТЕНТНЫХ СЛУЖБ И УЛУЧШЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ...

11. **предложить национальным и местным властям, меж- и негосударственным организациям, университетам, специализированным институтам и частным лицам** создать компетентные службы и образовательные программы, чтобы увеличить приток человеческих ресурсов для профессионального вмешательства и управления в целях поддержания развития культурного ландшафта;

12. **предложить национальным и местным властям** установить реальные критерии для осознания важности культурных ландшафтов с точки зрения усиления решающей роли участия местных общин в процессе консервации культурных ландшафтов, основанного на доверии, ясности и диалоге;

13. **предложить менеджерам памятника культурного ландшафта** полностью одобрить и создать на священном характере и продолжении систем доверия, которые часто обеспечивают здоровые местные общины, основанные на управлении и консервации свойств культурного ландшафта;

14. **предложить национальным и местным властям** повысить образование в сфере Всемирного наследия внутри национальных программ с особым акцентом на взаимодействии между людьми и их окружением и усилением партнерства с негосударственными организациями в неформальной деятельности.

КОНКРЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДЛЯ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

15. **предложить Комитету Всемирного наследия ЮНЕСКО** пересмотреть и дополнить, закончить и распространить Руководство по менеджменту культурного ландшафта и собрать, опубликовать и распространить опыт успешный опыт менеджмента и методологию культурных ландшафтов Мирового Наследия, как первоначально спланированный План Акции, принятый Комитетом Мирового Наследия в 1993;

16. **предложить ЮНЕСКО и государствам-участникам** регулярно организовать Собрания Экспертов, относительно выпусков Мирового Наследия и Культурных Ландшафтов, особенно:

- развитие культурно-устойчивого туризма, основанного на возможностях которые есть у памятника;
- интегрированная консервация и менеджмент;
- культурное воздействие оценок для общественных работ;
- рискованная ситуация и укрепительная консервация;
- внутренние взаимосвязи между неосязаемым и осязаемым наследием.

17. **предложить ЮНЕСКО и государствам-участникам** увеличить экпертную региональную фору по распределению и обмену информацией общего наследия и использованию путей повышения региональной кооперации для выполнения Конвенции Мирового наследия;

18. **предложить Комитету Мирового Наследия ЮНЕСКО и ICCROM** рассмотреть поддерживающие региональные программы для Интегрированной Территориальной Консервации, схожая с прежней ITUC Программой ICCROM (The International Centre for the study of the Preservation and Restoration of Cultural Property), должна быть организована на памятнике;

19. **предложить национальным и местным властям,** которые управляют Мировым Наследием с потенциальными Культурными ценностями рассмотреть возможности расширить существующие собственности для повышения консервации и управления большей зоной культурного ландшафта;

20. **предложить Комитету Мирового Наследия ЮНЕСКО и Центру Мирового Наследия** обсудить предпринятую серию исследований по Мировому Наследию и Большие Объемные Публикации, начинающиеся с “Мировое Наследие и Дам”, схожую с “Мировое Наследие и Горное дело” и изучить в свете увеличения разрушения незаменимых культурных ландшафтов и памятников Мирового Наследия.

Совещание директоров академических институтов истории стран СНГ

18-19 сентября 2006 г. в Душанбе прошло Совещание руководителей институтов истории академий наук стран СНГ, организованное Институтом истории, археологии и этнографии им. А.Дониша. В его работе приняли участие директора и ведущие специалисты научно-исследовательских институтов исторического профиля из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Армении и Таджикистана. К сожалению, в силу различных обстоятельств не все приглашенные руководители институтов истории национальных академий наук смогли приехать в таджикскую столицу.

Совещание в Душанбе стало вторым из подобного рода встреч ученых с целью объединения усилий в выработке согласованных подходов к объективному освещению нашей общей истории в учебной и научной литературе каждой из стран содружества. Инициатором проведения подобных встреч (первое совещание прошло в декабре 2005 г. Москве) является Институт всеобщей истории РАН, которому Президиум РАН поручил координировать работу в гуманитарной сфере по реализации договоренностей, зафиксированных в декларации "О формировании и развитии единого научно-образовательного пространства стран СНГ".

Участники совещания обсудили разнообразный круг проблем, связанных с изучением и преподаванием национальной и всеобщей истории в наших странах. В центре внимания были проблемы освещения в учебной литературе, прежде всего, в курсах средней школы, различных периодов общей истории стран и народов, ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза, а также перспективы сотрудничества исторических учреждений СНГ.

Докладчики представили информацию о состоянии изучения национальной истории, в том числе и общей истории, в своих государствах, и о преподавании этих дисциплин в средней школе. Было отмечено, что в учебниках существуют принципиальные различия, как в общих подходах, так и в конкретном освещении многих исторических проблем. Директор Института всеобщей истории РАН академик *А.О.Чубарьян* высказался за то, чтобы авторы российских учебников пересмотрели свои привычные позиции и дали объективную оценку нашей общей истории, в том числе и процессам вхождения стран и народов в состав Российской империи. "В ряде наших учебников, – сказал академик, – не прошла ностальгия по старой сильной России, авторы этих учебников болезненно воспринимают любое негативное высказывание о нашей стране, в том числе и о политике царизма. Думаю, что от такого подхода нужно отходить. В свое время академик М.В.Нечкина выдвинула "теорию наименьшего зла", которую одобрял Сталин. Из нее следовало, что хотя присоединение некоторых народов было не добровольным, но, тем не менее, они выбирали из двух зол меньшее…Нужно разбираться, в каких условиях происходило присоединение. Где-то в этом участвовала армия, где-то оно происходило мирно. Скажем, в Грузии сейчас резко осуждают "Георгиевский трактат", по которому эта страна присоединилась к России, словно забывая, что он был подписан по инициативе самой Грузии".

В этой связи на Совещании был обсужден перечень наиболее острых и дискуссионных вопросов, по которым существуют различные подходы и которые часто вызывают острые споры и критику со стороны образовательного сообщества стран СНГ. Было признано целесообразным усилить роль историков и институтов истории Академий наук в подготовке учебников и в выработке научных подходов к освещению общей истории.

На совещании обсуждались также вопросы создания Международной ассоциации институтов истории академий наук и издания под ее эгидой периодического научного журнала "Историческое пространство (проблемы истории стран СНГ)"; принятия Устава Ассоциации и программы ее деятельности на ближайшие три года. Также было решено о проведении ежегодной работы летней школы молодых ученых-историков (первая прошла в Москве в августе 2006 г., где наряду со многими организационными вопросами принято решение о предоставлении возможности молодым ученым-историкам из стран СНГ работать в архивах Российской Федерации).

В Душанбе подписаны договора о взаимном научном сотрудничестве между Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, с одной стороны, и Институтом всеобщей истории РАН, Институтом истории и этнологии им.Ч. Валиханова Министерства образования и науки Республики Казахстан, с другой. Кроме того, был подписан аналогичный договор между институтами истории России и Казахстана.

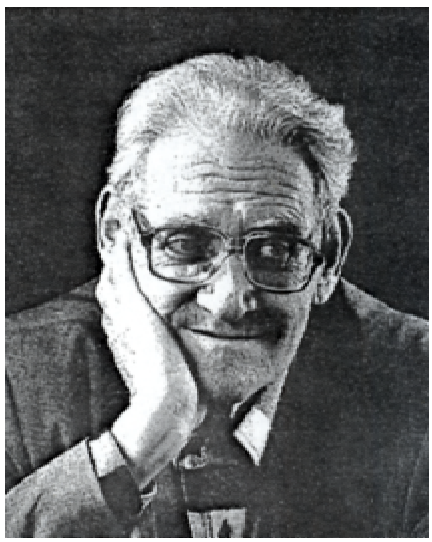
Затем состоялся круглый стол на тему: "Условия складывания многонациональной Российской империи и формы вхождения в нее других народов и государств". Все участники сошлись в одном: нужно учитывать самые различные факторы жизни народов в составе царской России, в том числе экономические, культурные и геополитические. Важны и современные трактовки самого понятия "империя". И тогда учебники будут формировать у молодого поколения уважительное, добрососедское отношение друг к другу.

В деловой и конструктивной обстановке были обсуждены проблемы сотрудничества историков и исторических учреждений стран СНГ, а также перспективы развития исторической науки в целом.

Бахринисо Кабилова

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ЯКОВЛЕВИЧА СТАВИСКОГО

Прошел XX век – время великих археологических открытий в Центральной Азии. Уходят один за другим люди, которые были главными действующими лицами в этой уже фактически завершившейся эпопее, еще ждущей своего Геродота, способного понять, описать, систематизировать и оценить по достоинству такую узкую на первый взгляд, но далеко не простую, требующую профессиональной эрудиции и специальных знаний, полную скрытых ловушек тему. Никто из археологов – тех, кто знал и знает предмет изнутри, пусть и фрагментарно, в рамках своих объектов, не отважился на общий историографический труд: в эпоху дисперсности науки такое, видимо, по силам лишь коллективу единомышленников.[1] Однако, в стране, которая в минувшем столетии была бесспорным лидером в центральноазиатской археологии, вместе с утратой имперской идеологии исчезла и та научная парадигма, которая стимулировала интерес российских исследователей к самым разным уголкам планеты и обеспечивала успешное функционирование больших, комплексных экспедиций далеко за пределами коренной России. После того как русские добровольно ушли из своих "колоний", археологи из Москвы и Питера, посвятившие жизнь изучению древностей Средней Азии, по сути оказались не у дел. Если кто-то из них и продолжает до сих пор свои полевые работы, то лишь в силу инерции: остались старые дружеские связи в ныне независимых государствах и пока еще удается выбивать малые гранты, покрывающие расходы разве что на одного человека. Но за этими учеными уже никого нет: целые направления российской науки, столь успешные в прошлом, зачахли и прекратили существование на наших глазах. Само же российское востоковедение на исходе минувшего века совершило столь резкий крен в политологию, что восстановить баланс путем реанимации исторических исследований на прежнем уровне теперь едва ли возможно.



В этом смысле жизнь и судьба Бориса Яковлевича Ставиского (1926-2006) – типичный пример советского археолога-востоковеда, тесно связанного как с Ленинградом, так и с Москвой, но всем сердцем любившего Среднюю Азию: землю своего детства, молодости и зрелых лет, особенно – изумительно красивый горный край от Зеравшана до Амударьи, где когда-то располагались древний Согд – "страна плодородных долин" и Северная Бактрия-Тохаристан. В этих географических пределах он работал всю свою жизнь, став глубоким знатоком происходящих оттуда древностей и найденных там памятников. Вместе с тем он вовсе не был узким специалистом. Ставиский – это популяризатор знаний об античной культуре ираноязычных народов, населявших огромный ареал Евразии от Северного Причерноморья до Алтая и Монголии, Иранское плато и среднеазиатское Междуречье. Академик Ставиский – это более 460 научных работ, в том числе монографии, научно-популярные книги и учебники. Профессор Ставиский – это замечательный педагог, по словам В.П.Никонорова, умевший пробудить в студентах самый неподдельный интерес к темам своих лекций.[2] Наконец, это просто цельная личность, состоявшийся во всех отношениях профессионал, чей след в российском востоковедении слишком глубок, чтобы время могло стереть его в обозримом будущем, а уж светлый образ этого человека тем более никогда не исчезнет в памяти близких ему людей, каковых не так уж и мало в весьма удаленных друг от друга городах и странах.

Борис Яковлевич родился в Иркутской области, где его родители-врачи работали после окончания Медицинского факультета Иркутского университета. В 1928 г. они уехали на работу в Таджикистан, а маленький Борис остался у бабушки с дедушкой в Иркутске. Лишь в 1930 г., обустроившись в Сталинабаде (нынешнем Душанбе), родители смогли забрать сына к себе. Там в 1944 г. он окончил Первую мужскую среднюю школу, а через два года, досдав необходимые экзамены за первый курс, был зачислен сразу на второй курс отделения археологии Ленинградского университета. С 1946 г. студентом-практикантом Борис Ставиский участвовал в работах Согдийско-таджикской археологической экспедиции Эрмитажа и АН СССР под руководством выдающегося арабиста и организатора науки, члена-

корреспондента АН СССР, профессора А.Ю.Якубовского (1886-1953), который в то время совмещал преподавательскую работу с руководством секторами Средней Азии и Кавказа в ИИМК и Эрмитаже. Александр Юрьевич стал для Ставиского больше чем старшим наставником, сфокусировав его профессиональные интересы на всю жизнь. В своем первом полевом сезоне Б.Ставиский вел разведочное обследование Верхнего Зеравшана, включая городище Древнего Пенджикента, в следующем году под наблюдением археолога А.И.Треножкина, который еще в 1940 г. защитил диссертацию на тему "Согд и Чач", производил раскопки жилой башни на пенджикентской цитадели, а в 1948 г. опытный наставник доверил ему самому руководить раскопками оссуарного некрополя к юго-востоку от крепостной стены Пенджикента. Годы учебы – это счастливая пора овладения профессией в общении и с такими именитыми наставниками как М.И.Артамонов, А.М.Беленицкий, А.Н.Бернштам, М.П.Грязнов, М.М.Дьяконов, Б.Б.Пиотровский, К.В.Тревер, это начало дружбы со сверстниками-коллегами, потом также ставшими корифеями (Л.И.Альбаум, Л.Н.Гумилев, Т.И.Зеймаль, В.А.Лившиц и др.).

Летом 1949 г. Ставиский окончил ЛГУ, но, несмотря на рекомендацию кафедры, "по анкетным данным" не был допущен до приемных экзаменов в аспирантуру ИИМК. Разумеется, как любой советский еврей, он и раньше сталкивался с вульгарной бытовой юдофобией, но здесь пришлось испытать на себе, что такое латентный государственный антисемитизм, который в это время приближался к своей кульминации.[3] Впрочем, нет худа без добра: 24 июня 1949 г. директор Эрмитажа академик И.А.Орбели взял его на работу научным сотрудником-хранителем в отделение Средней Азии и Кавказа Отдела Востока. Здесь ему предстояло трудиться 16 плодотворных лет, продолжая участвовать в раскопках в Пенджикенте в качестве одного из ведущих сотрудников экспедиции и одновременно работая над диссертацией "Пенджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII-VIII вв.". Б.Я.Ставиский защитил ее лишь в 1954 г. на заседании Ученого совета Эрмитажа. В этой работе он впервые в науке дал всесторонний анализ оссуарных захоронений и на основе археологических, а также письменных источников (авестийских и арабо-персидских) реконструировал погребальный обряд согдийцев доисламского времени. В пенджикентском шахристане Ставискому довелось открыть яркие образцы настенной живописи, иллюстрирующие согдийский эпос. Среди его блестящих находок – ныне знаменитые росписи с изображениями арфистки (она украшает обложку его книги "Искусство Средней Азии: Древний период, VI в. до н.э. – VIII в. н.э." М., 1974), а также сценой пиршества, с царем и вельможами и др. Не оставляя Пенджикент, в 1955-1957 гг. он возглавлял экспедицию Эрмитажа и Самаркандского музея на городище Кулдор-тепе, в 1957-1959 гг. – разведки и раскопки в Кухистане (в горах Верхнего Зеравшана), а в 1959-1960 гг. – на городище Яхшибай-тепе в зоне строительства Кумкурганского водохранилища на реке Сурхандарья на юге Узбекистана (в составе экспедиции академика Я.Г.Гулямова). Исследования горного Согда под руководством Б.Я.Ставиского продолжались и в 60-70-е гг., когда начал функционировать Зеравшанский археологический отряд Таджикской археологической экспедиции. В результате было полностью раскопано сельское поселение Гардани Хисор и крепость Кум, где укрывался от арабов бежавший правитель Пенджикента.

Но главным делом жизни Б.Я.Ставиского стало многолетнее исследование уникального историко-культурного памятника кушанской эпохи – буддийского культового центра в Старом Термезе на юге Узбекистана, на правом берегу Амударьи, обнаруженного еще в 1927 г. искусствоведом А.С.Стрелковым (1896-1938) – участником экспедиции московского музея восточных культур (ныне ГМИНВ). Борис Яковлевич с присущим ему благородством сделал все, чтобы вклад этого талантливого ученого, расстрелянного в ГУЛАГе и вычеркнутого из истории науки, не был совершенно забыт. Сам он приступил к раскопкам Кара-тепе весной 1961 г., возглавив совместную экспедицию Эрмитажа и ГМИНВ, к которой позже присоединились и другие исследовательские организации России и Узбекистана. За 35 лет здесь вскрыто более десятка буддийских комплексов II-IV вв., включавших множество пещерных и наземных помещений с остатками буддийских ступ, скульптур, монументальной стенной живописи, найдено около 200 образцов эпиграфики: надписей на керамических сосудах и стенах пещер, выполненных различными алфавитами и на разных языках.[4] "Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе" опубликованы в шести выпусках под редакцией Б.Я.Ставиского, они издавались в Москве хотя и в серийном оформлении, но под разными заголовками. Он сам дал этому странному факту точное и исчерпывающее объяснение: "Поскольку в советское время выпуск серийных изданий был возможен только с позволения Идеологической комиссии ЦК КПСС, Издательство восточной литературы нашло "выход" в выпуске сборников и коллективных монографий без указания их порядковых номеров, а лишь слегка варьируя названия".[5]

Все последующие годы Борис Яковлевич развивал и углублял две генеральные темы своего научного творчества: это история среднеазиатского буддизма и культура Бактрии эпохи Кушан (I-IV вв.). Он стал признанным международным авторитетом в этой области, его статьи и книги переводились и публиковались за рубежом, он получал множество приглашений на различные конференции и симпозиумы, проходившие в разных странах, но по прихоти "компетентных органов" всегда оставался дома, лишь отсылая доклады, и этот абсурд продолжался до тех пор, пока во второй половине 80-х не ослабла железная хватка советского режима. По сугубо семейным обстоятельствам Б.Я.Ставиский в 1965 г. уволился из Эрмитажа и переехал в Москву, где был зачислен в ГМИНВ и одновременно стал читать лекции на кафедре истории искусств МГУ. В 1968 г. по рекомендации Г.А.Кошеленко он был принят на работу во Всесоюзную научно-исследовательскую лабораторию консервации и реставрации

Министерства культуры СССР (позднее ВНИИ реставрации, теперь ГосНИИР): являлся там ученым секретарем, заведующим сектором среднеазиатской монументальной живописи. В стенах этого учреждения в те годы сложился высокопрофессиональный коллектив, душой которого стали Борис Яковлевич и другой выдающийся исследователь, реставратор-практик и авестолог Леонид Аркадьевич Лелеков (1934-1988): они были единомышленниками и друзьями, неизменно помогая друг другу в работе, потому что за каждым из них стоял интеллект, вооруженный глубокими и весьма специфическими знаниями. Говоря о круге близких Ставискому людей, нельзя не упомянуть еще одну удивительную личность. Это Сергей Николаевич Юренев (1896-1973) – легендарный краевед, археолог и этнограф, знаток старой Бухары, с которым Борис Яковлевич поддерживал дружеские связи в 60-е годы и в память о нем в 1996 г. подготовил к печати книжку воспоминаний, изданную Бухарским музеем.

В 1977 г. вышли в свет сразу две книги Б.Я.Ставиского: монография "Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры", переизданная на японском (Tokyo, 1978-1979) и французском языках (Paris, 1986) и научно-популярная "К югу от Железных ворот", а через два года на Ученом Совете Института археологии АН СССР он защитил докторскую диссертацию по теме "Бактрия-Тохаристан в кушанский период". Оппонентами его выступали В.М.Массон, В.Г.Луконин и Г.А.Федоров-Давыдов – имена, говорящие сами за себя. В том же году в Лейпциге на немецком языке была издана его большая книга-альбом "Искусство кушан". Несмотря на то, что сам Борис Яковлевич не считал себя искусствоведом, в числе своих учителей он называл профессора МГУ Всеволода Владимировича Павлова (1898-1972) – одного из крупнейших историков искусства древнего Египта. Его влияние на творческий метод Ставиского вполне очевидно. Это касается их общих подходов (хотя и на совершенно разном материале) к проблемам традиций и новаторства в искусстве, декоративности и монументальности, к выявлению связи артефактов с религиозными представлениями, ее обусловленности каноном. Не случайно свою книгу "Искусство Средней Азии" Ставиский посвятил памяти В.В.Павлова.[6] При этом он всегда подчеркивал, что на историю искусства смотрит с позиций археолога и историка культуры. Действительно, в его работах над аналитической всегда доминирует описательная сторона, хотя, выявляя общие тенденции развития среднеазиатского искусства в древности, он, конечно, обращался к компаративистике.

На протяжении ряда лет серьезная полемика была у него с Г.А.Пугаченковой и Л.И.Ремпелем по поводу периодизации истории искусств Средней Азии. Последний опубликовал фрагменты их переписки,[7] и вот как он характеризовал самого Бориса Яковлевича: "В полемике всегда был корректен, даже любезен… Споры, дискуссии, перебранки чередовались с временными затишьями, когда Ставиский и я пожимали друг другу руки. Лишь Галина Анатольевна Пугаченкова оставалась непреклонной…"[8]

К этому можно добавить, что на склоне лет Б.Я. Ставискому пришлось выдержать атаку своих старых коллег-археологов, с которыми многие годы он работал бок о бок и которые достаточно резко отреагировали на публикацию его во многом итоговой книги "Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии)" (М., 1998).[9] Эта монография вообще получила редкий для научной книги резонанс, удостоившись вполне доброжелательных рецензий как в массовой печати,[10] так и в профессиональных изданиях.[11] Ответ же своим критикам, как всегда вежливый, ироничный и в чем-то даже оправдывающий их (досталось только академику Г.М.Бонгард-Левину), Ставиский поместил в малотиражном издании РАО "Древности" (№35, М., 2002), которое сам и редактировал. "Будем считать, – резюмировал он, – что в 2001-2002 г. произошло эмоциональное разбирательство в достаточно узком кругу".

Эскизный портрет Бориса Яковлевича Ставиского будет неполным, если не сказать чуть больше о его многолетней педагогической деятельности, начавшейся еще в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И.Герцена, а затем продолженной в Москве. С 1995 г. до конца своих дней он был профессором РГГУ, в котором сначала возглавлял Учебно-научный центр реставрации и экспертизы, а с 1998 г. преподавал на кафедре всеобщей истории искусств факультета истории искусства. В эти годы он издал курс лекции "Введение в историю культуры и искусств народов Средней Азии" (М., 1992), учебные пособия "История и культура Средней Азии в древности" (совм. с Б.И. Вайнберг, М., 1994) и "Искусство и культура древних иранцев: Великая степь. Иранское плато, Средняя и Центральная Азия" (совм. с С.А.Яценко, М., 2002). Наконец, под его научным руководством стали кандидатами наук Ю.Якубов, Н.С.Сычева, Е.Ю.Негматуллаева, он выступал оппонентом на защите 70-ти диссертаций – кандидатских и докторских, среди которых многие исследователи являются его воспитанниками.

Б.Я.Ставиский не был обойден вниманием и признанием своих заслуг: с 1987 г. он являлся членом-корреспондентом IsMEO, с 1991 г. – академиком РАЕН, в 1996 г. удостоен почетного звания "Заслуженный деятель искусств РФ", в 1999 г. получил таджикский орден "Дусти" ("Дружба"), в 2000 г. избран председателем РАО. Все это лишь часть списка его наград и титулов, который публиковался не раз и который нет смысла повторять.[12] Тем более, что вся эта сугубо поверхностная характеристика, хотя и определяет общественный статус человека, ничего не говорит о его личности. Гораздо важнее, что он был самим воплощением интеллигентности – отсюда его открытость, простота в общении, душевная чуткость и добрая внимательность к людям.

Борис Яковлевич был одним из инициаторов создания ежегодника "Культурные ценности", с самого начала вошел в наш международный редакционный совет и во многом помог выработать концепцию этого издания, став его постоянным внутренним рецензентом и способствуя его известности в научной среде.[13] Хотя и прожил он достаточно дол-

гую и достойную жизнь (без малого 80 лет), а в последние годы не был избавлен от возрастных недугов, кончина его все равно кажется несправедливой и преждевременной. Тот, кто работал, постоянно контактировал с ним, слушал его лекции, бывал в его гостеприимной квартире-библиотеке, не может не ощутить образовавшейся после него пустоты. Так бывает, когда теряешь старого друга, единомышленника и просто умного собеседника. Да, как всякий пишущий, весь он не ушел – по крайней мере, остались его напечатанные тексты. Но разве заменят они живой неповторимый голос (а у Ставиского была очень характерная интонация слов), и вместе с ним – возможность диалога? Вот в чем щемящая печаль и горечь таких утрат.

Руслан Мурадов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Единственный опыт такого рода предприняли Светлана Горшенина и Клод Рапэн, написавшие на французском языке книгу "От Кабула до Самарканда: Археологи в Средней Азии", изданную в научно-популярной серии "Открытия", которую издательство "Галлимар" задумывало как яркие, обильно иллюстрированные пособия для юношества. Но в археологических кругах России эта книга вызвала лишь негативную реакцию: см. рец. Г.А.Кошеленко (РА, 2003, №3, с.176-180) и комментарий авторов книги (КЦ 2002-2203, с.191-204).

[2] ЗВО РАО, т.II (XXVII). СПБ., 2006, с.606.

[3] См., например, сб. документов: Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации. 1938-1953. М., 2005. Сам Борис Яковлевич иногда с горечью говорил о том злосчастном времени, когда Сталин начал массовую кампанию по борьбе с космополитами и достойнейшие люди, такие как его старший друг и коллега Александр Маркович Беленицкий, подвергались преследованиям только потому, что были евреями. Об этом, в частности, Б.Я.Ставиский написал в одной из своих последних прижизненных публикаций в сб.: Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. СПб., 2005, с.30.

[4] *Ставиский Б.Я.* Проблемы истории буддизма в Средней Азии // Восток, 1996, №5,с.145.

[5] ЗВО РАО, т.I (XXVI). СПб., 2002, с.537.

[6] Эта книга, вышедшая в популярной серии "Очерки истории и теории изобразительных искусств", была переиздана на немецком (Bonn, 1982) и польском языках (Warszawa, 1988).

[7] *Ремпель Л.И.* Мои современники. Ташкент, 1992, с.364-368.

[8] Там же. с.365.

[9] *Сердитых З.В.* Рец. в сб.: Проблемы истории, филологии, культуры. Вып.VII. Москва – Магнитогорск, 1999, с.358-361; *Литвинский Б.А.* Буддизм в Средней Азии // ВДИ. 2001, №4, С.188-199; *Кошеленко Г.А.* О новейшей работе относительно судеб буддизма в Средней Азии // ВДИ, 2001, №4, с.200-211.

[10] *Орлов Н.* Доисламские древности Средней Азии // Независимая газета, 1998, 3 декабря; *Юсупов Х.* Судьба буддизма в Средней Азии // Нейтральный Туркменистан, 1999, 2 авнуста.

[11] *Kotchetov A.* The Destiny of Buddhism in Middle Asia // IBASCCA, Issue 22. M., 2000, p.237-241; *Якубов Ю.* Слово о моем учителе // Проблемы древней и средневековой истории и культуры Центральной Азии. Душанбе, 2001, с.9.

[12] См., например, вышеуказанный сборник, приуроченный к 75-летию ученого, а также два издания (1997 и 2001 гг.) биобиблиографического указателя "Борис Яковлевич Ставиский", изданные в РГГУ и ГосНИИР.

[13] Именно Б.Я.Ставиский написал первый в научной периодике отклик на выпуски КЦ. См.: "Восток", 2001, №2, с.189-195.

ЕГЕНУ АТАГАРРЫЕВУ – 70 ЛЕТ

Доктор исторических наук, академик АН Туркменистана, профессор Е.Атагаррыев – крупный специалист в области средневековой археологии Центральной Азии. Основные направления его научных исследований – историческая реконструкция особенностей функционирования и развития средневековых центральноазиатских городов в IX-XV вв. Многолетние археологические раскопки на средневековых городищах Шехр-Ислам, Куфен и Дехистан позволили Е.Атагаррыеву разработать ряд актуальных проблем средневековой истории и культуры Туркменистана и сопредельных стран Востока.

Он родился в 1934 г. в селе Ак-Гонур Тедженского района в крестьянской семье. Детство его, как и у всех его сверстников, прошлось на суровые военные годы. Рано потеряв родителей, сначала отца, затем мать, он воспитывался дядей. После окончания средней школы, где его отличала огромная тяга к знаниям, Е.Атагаррыев начал свою трудовую жизнь в 1951 г. в семилетней школе соседнего Кировского района, сначала учителем, затем завучем. Распознав в школьном учителе грамотного и талантливого молодого человека, уже через год его пригласили заведовать отделом в местную районную комсомольскую организацию. Но не для него было это занятие – юноша поступил в Чарджоуский педагогический институт, закончив который в 1957 г. получил направление на работу в среднюю школу в прикаспийском районе Гасанкули (Эсенгулы). Отработав два года в школе, Е.Атагаррыев в 1959 г. подал документы в Институт истории АН Туркменистана для поступления в аспирантуру. Ученый секретарь Института К.В.Атемасов, внимательно выслушав молодого специалиста, сообщил, что мест в аспирантуре нет и предложил заняться археологией, мотивируя тем, что получено письмо от члена-корреспондента АН СССР С.П.Толстова, в котором говорится о необходимости готовить национальные кадры археологов в Туркменистане, богатом археологическими памятниками.

Так Еген Атагаррыев пришел в археологию. Это был серьезный поворот в его биографии, определивший весь дальнейший жизненный путь. Длинный, динамичный, насыщенный радостями открытий и горечью разочарований, путь от простого археолога-коллектора до лидера, возглавившего археологическую науку Туркменистана.

А начиналось все с первого раскопа, когда осенью 1959 г. он вместе с первопроходцем в исследовании туркменских древностей Александром Алек-

сандровичем Марущенко работал на городище Чопан-депе. Именно тогда А.А.Марущенко, приметив способности у молодого парня, с энтузиазмом начал знакомить его с методикой проведения раскопок. Внимание Е.Атагаррыева все больше и больше привлекали средневековые поселения, в большом количестве разбросанные по территории Южного Туркменистана. Одно из них – Шехр-Ислам, который показал ему в 1960 г. незабвенный Марущенко. В следующем году Е.Атагаррыев поступил в аспирантуру Московского института этнографии им. Миклухо-Маклая, а городище Шехр-Ислам стало объектом его многолетних стационарных археологических исследований. Результаты сделанных им открытий обобщены и отражены в кандидатской диссертации "Средневековое городище Шехр-Ислам (Языр): историко-археологический очерк", научный руководитель которой — один из корифеев советской археологической науки С.П.Толстов. Диссертация была блестяще защищена в 1967 г. в МГУ. На основе богатого археологического материала ученый аргументировано показал динамику развития Шехр-Ислама от небольшой крепости-рабата, охранявшего земледельческий оазис от нападения кочевников, до крупного ремесленного центра Северного Хорасана. Этому способствовало географическое расположение города, находившегося на важном участке караванного пути, связывавшего Хорасан с Хорезмом, что и привело к увеличению численности населения. Проблема водоснабжения города была частично решена за счет устройства крытого кирпичного водопровода — уникального для того периода гидротехнического сооружения протяженностью 20 км. Научные публикации Е.Атагаррыева по городищу Шехр-Ислам содержат емкую и лаконичную информацию от исторической топографии до классификации керамических изделий и других предметов материальной культуры, а также затрагивают проблемы хозяйственной деятельности средневекового населения Южного Туркменистана, торговые и культурные связи с соседними и отдаленными регионами Востока.

Следующим объектом изучения пытливого исследователя становится средневековое городище Куфен (Чугондор), расположенное на территории нынешнего Каахкинского этрапа. Стационарные археологические раскопки, начатые здесь в 1967 г. и проводившиеся в течении многих полевых сезонов, дали совершенно новые данные о планировке жилых и хозяйственных построек и ремесленных производствах, позволили установить ту значимую роль, которую играло это городище в жизни средневекового населения области Абиверд. В ходе многочисленных археологических рекогносцировочных поездок по Туркменистану уже состоявшийся археолог, имевший за плечами немалый опыт полевых и камеральных работ, Е.Атагаррыев заострил внимание городище Дехистан – огромном по площади и не подвергавшемся археологическим раскопкам, с остатками замечательных архитектурных памятников. Эта местность давно будоражила его мысли как один из ключевых объектов, располагавшихся на торговом пути, связывавшем Хорезм с Ираном и арабскими странами. И вот, по завершению раскопок Куфена, Е.Атагаррыев принял решение исследовать городище в Мисрианском оазисе, отождествляемое со средневековым Дехистаном. Именно эти исследования оказались самыми результативными в его научной биографии. Они проводились в труднейших условиях (пустынная, безводная местность, до самого близкого населенного пункта 25 км, плюс бездорожье), но в тоже время наградой за настойчивость и упорство археолога были новые и новые открытия и находки. Эти исследования продолжались в течение долгих 20 лет.

Осуществляя сплошное обследование Мисрианского оазиса, Е.Атагаррыев стремился к максимально полному охвату самых разных сторон жизни средневекового города. Благодаря ему значительно расширились наши знания не только по археологии, но и по средневековой архитектуре Дехистана: выявлен целый ряд архитектурных остатков монументальных зданий и гражданских сооружений, и ремесленных производств, обогатились представления о керамическом и изобразительном искусстве средневековья. Уникальные находки Е.Атагаррыева стали дискуссионной темой у искусствоведов. Все это вошло в монографию Е.Атагаррыева "Средневековый Дехистан" (Л., 1986), а затем в диссертационную работу на соискание ученой степени доктора исторических наук "Дехистан и Северный Хорасан в IX-XV веках (к проблеме становления и развития средневековых городов Востока)". В докторской диссертации, которая была успешно защищена им в МГУ в 1988 г., Е.Атагаррыев на базе комплексного анализа материалов, полученных в ходе археологических исследований и письменных источников, изучил процесс развития средневекового города в конкретном историческом регионе (Дехистан и Северный Хорасан), дал характеристику его экономики, культуры, политической истории и особенностям функционирования в различные исторические периоды. В его исследованиях важное место занимает также вопрос о средневековой урбанизации на юге Центральной Азии в эпоху расцвета городской культуры.

С 1994 по 1997 гг. Е.Атагаррыев в качестве руководителя с туркменской стороны участвует в совместной туркмено-французской археологической экспедиции по изучению древнейших памятников Машат-Мисрианского оазиса. Вместе с коллегой и другом профессором Оливье Леконтом проведено комплексное исследование обширной территории архаического Дехистана, составлена палеогеографическая карта древней долины с нанесением памятников, датируемых от железного века до позднего средневековья. Произведены также раскопки горо-

дища Геокчик-депе, выявлена его полная стратиграфия, обнаружены монументальные фортификационные сооружения, относящиеся к первому тысячелетию до н.э.

Е.Атагаррыев – автор свыше 200 научных и научно-популярных работ, опубликованных в разных изданиях Германии, Италии, Монголии, Туркменистана, Франции, России и стран СНГ. Он внес большой вклад в изучение историко-культурного наследия народов Центральной Азии и неоднократно представлял археологическую науку Туркменистана на международных научных симпозиумах. Он состоял членом Проблемного совета по археологии Средней Азии Института археологии АН СССР, специализированного ученого совета Института истории им. Ш.Батырова АН ТССР по присуждению ученой степени кандидата и доктора наук, специализированного ученого совета Института археологии УзССР.

Е.Атагаррыев долгое время был главным редактором научно-популярного журнала "Памятники Туркменистана" и членом редколлегии журнала "Известия АН ТССР (серия общественных наук)". За свои научные и учебно-методические разработки он не раз поощрялся правительственными наградами. Ему были присвоены звания "Заслуженный работник культуры Туркменистана", "Почетный старейшина народа". Несколько лет он возглавлял Комитет по Международным премиям имени Махтумкули, активно участвовал в общественной жизни Туркменистана после обретения независимости. Высокий авторитет Егена Атагаррыева обусловлен его чисто человеческими качествами: доброжелательность, отзывчивость, честность и порядочность – это свойства его натуры. Бывая с экспедицией в разных уголках страны, благодаря именно этим чертам характера Е.Атагаррыев становился самым желанным гостем у местных жителей. А в поселке Мадау, находящемся в 25 км от развалин Дехистана, его вообще считают своим земляком (видимо, сказались его ежегодные визиты в течении 30 лет) и заводя разговор о нем, с гордостью говорят: "Наш Еген"! Е.Атагаррыев проводил большую работу среди населения, объясняя необходимость бережного отношению к историко-культурным памятникам, он организатор нескольких музеев краеведения при сельских школах. За его плечами огромный стаж и педагогической деятельности. Совмещая научную деятельность с преподавательской, он читал соответствующие курсы лекций в ТГУ, Туркменском государственном педагогическом институте им. С.Сейди г.Туркменабата (бывш. Чарджоу), а также в Туркменском государственном институте культуры, в котором при нем открылась кафедра археологии. Некоторые из них небезуспешно работают в Государственных историко-культурных заповедниках Туркменистана, применяя на практике знания, полученные на курсах лекций профессора Е.Атагаррыева и археологических раскопках, которые проводились под его руководством. Особую роль играл Е.Атагаррыев в деле охраны памятников истории и культуры. Много лет до выхода на пенсию он возглавлял специальный Научно-методический совет при Министерстве культуры Туркменистана.

И еще об одном штрихе, мало кому известном, но без которого был бы не полным портрет Е.Атагаррыева – это его увлечение поэзией. В его стихах отражены духовный мир и бесконечная любовь ученого к родной земле, к ее прошлому и настоящему. К земле, которая его вырастила и приоткрыла ему завесу тайны под многометровыми культурными слоями – этими бесценными документами, рассказывающими о жизни наших предков. Археологические раскопки Е.Атагаррыева отличаются высоким методическим уровнем, к чему он всегда призывает молодых коллег. Большие организаторские способности и умение работать с людьми позволили Егену Атагаррыеву долгое время плодотворно руководить сплоченным коллективом туркменских археологов. Оливье Леконт в одном из своих интервью назвал его "караванбаши туркменской археологии". И, пожалуй, в этом лаконичном, но очень емком определении точно отразилась место Егена-ага в центральноазиатской археологической науке.

Мухаммед Мамедов

ТУРКМЕНИСТАН БЫЛ ЕЕ ЖИЗНЬЮ

28 мая 2005 г. не стало Галины Петровны Васильевой – замечательного человека, талантливого этнографа-туркменоведа. Мне до сих пор не верится, что ее больше нет. Познакомился я с Галиной Петровной без малого полвека назад – весной 1959 года, незадолго до окончания университета. Тогда она работала старшим научным сотрудником в отделе народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР. В те годы институт располагался в самом центре Москвы, на нынешней Воздвиженке, близ главной библиотеки страны, занимая роскошный особняк купцов Морозовых, выстроенный в конце XIX в. в псевдомавританском стиле. От нашего исторического факультета МГУ на соседней Никитской (тогда – улице Герцена) ходу было ровно пять минут. Поэтому мы, студенты кафедры этнографии, иногда приходили туда послушать выступления известных ученых, в том числе и прославленного исследователя Древнего Хорезма, директора института Сергея Павловича Толстова. Приближался конец учебы. Предстояло распределение студентов-историков по городам и весям нашей необъятной Родины. Многие правдами и неправдами стремились остаться в Москве. По крайней мере, из одиннадцати выпускников нашей кафедры (двенадцатая, немка, уехала домой в ГДР), добровольцев отправится в далекие края, кроме автора этих строк, не нашлось. Я же, побывавший во время трех студенческих экспедиций во многих уголках Туркменистана, полюбил этот загадочный

и тогда еще малоизученный в этнографическом плане край и решил работать "в жарком Туркестане", как пелось в нашей студенческой песне. Это желание и привело меня в один из теплых майских дней непосредственно к Галине Петровне Васильевой. Дело в том, что она в то время по совместительству являлась и заведующей образованного лишь за год до этого сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Создаваемому национальному очагу этнографической науки нужен был опытный наставник. Выбор пал на Г.П.Васильеву, которая уже полтора десятка лет изучала туркмен, побывала в ряде мест Туркменистана во время экспедиций, имела немало научных публикаций, в том числе изданную в виде монографии свою кандидатскую диссертацию "Туркмены-нохурли" (М., 1954). В отделе Средней Азии и Казахстана, находившемся в небольшой комнате на втором этаже, меня встретила еще довольно молодая обаятельная женщина с живыми глазами и приветливой улыбкой. На груди ее я заметил красивое туркменское украшение из серебра – своего рода символ региона, который был объектом ее интересов. Галина Петровна, убедившись, что я всерьез хочу связать свою судьбу с Туркменистаном, была рада, что под ее началом будет еще один сотрудник, причем с базовым этнографическим образованием. Так, пописав мое заявление, она дала мне официальную путевку в науку. В том же 1959 г. она приняла на работу уже в Ашхабаде еще несколько человек – выпускников туркменских вузов, благодаря чему сектор, в котором кроме нее было всего три сотрудника, сразу вырос в три раза. Много лет спустя, делая дарственную надпись на своей последней книге "История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. Конец XVIII-XX вв.", изданной в 2003 г., Г.П.Васильева полушутя напомнила мне о том времени: "*Дорогому Серёже Демидову от его первой начальницы и соратницы в изучении туркмен – народа нелегкой судьбы. 17 марта 2004 г.*" К сожалению, под началом Галины Петровны мне довелось поработать совсем недолго: началась чехарда со сменой заведующих сектором. А в экспедицию, которую она возглавляла, удалось съездить лишь весной 1983 г., когда группа туркменских этнографов изучала жизнь и быт населения Бахарденского и Геоктепинского районов. Но научные контакты с ней поддерживались все эти годы. Уже не будучи заведующей нашим сектором, она неоднократно приезжала в Туркменистан в экспедиции или на конференции, внимательно следила за работой сектора и радовалась успехам его сотрудников, помогая не только добрыми советами и рецензированием их работ, но и руководя или консультируя при подготовке диссертаций. Полагаю, что Галину Петровну еще не раз добрым словом вспомнят ее бывшие подопечные в Ашхабаде, Москве, других городах и странах, куда их забросила судьба.

Галина Петровна Васильева родилась в 1920 г. на Кубани, в городе Ейске, где и прошло ее детство. Отец ее был ответственным работником райземотдела и по делам службы часто ездил на двуколке по станицам и хуторам своего района. Не раз брал с собой дочь. Таким образом, уже тогда городская девочка соприкасалась со своеобразным традиционным укладом жизни многонационального казачьего края, а разностороннее изучение быта и духовной культуры того или иного народа – краеугольный камень этнографической науки. Видимо, не случайно, когда семья Васильевых переехала в Подмосковье, по окончании десятилетки Галина выбрала для дальнейшего образования исторический факультет МГУ. Получив диплом в 1942 г., она стала учительницей истории в средней школе, а в 1944 г. поступила в аспирантуру истфака МГУ по специальности "Этнография народов Средней Азии".

В 1945 г. по рекомендации своего руководителя, профессора С.П.Толстова, Васильева впервые приехала в Туркменистан, чтобы заняться изучением древнего племени *нохурли*, компактно проживающего в большом селении в горах Копетдага. В Ашхабаде ученые из Туркменского филиала АН СССР оказали молодой аспирантке моральную поддержку, поделились опытом сбора полевого этнографического материала. Особенно тепло напутствовал Васильеву один из основателей этнографической и исторической науки Туркменистана Г.И.Карпов, у которого уже были публикации по упомянутому племени. Он подсказал, с чего начать знакомство с нохурцами, к кому лучше всего обратиться при сборе материалов по истории нохурли, назвал несколько имен почтенных аксакалов. "Мне были очень полезны его советы, – вспоминала Галина Петровна. – В 1946 г. я опять виделась в Ашхабаде с Георгием Ивановичем и он подробно расспрашивал меня, как идут мои дела... Память о нем осталась светлая: он был очень душевным, благожелательным человеком!". Результатом поездок в Нохур стало серьезное диссертационное исследование, которое Васильева защитила в декабре 1948 г. А с 1947 г. она уже была научным сотрудником Института этнографии АН СССР, сначала младшим, затем старшим, проработав там почти 58 лет, до конца своих дней. По словам ее коллег, будучи уже тяжело больной, еще за полтора-два месяца до ухода из жизни Галина Петровна продолжала работать и была полна творческих планов, что присуще лишь настоящим ученым.

После изучения южного горного региона, куда входят Нохур и ряд других селений, где проживают нохурли, научные интересы Васильевой сосредоточились на севере Туркменистана, где она с 1948 по 1966 г. возглавляла Туркменский отряд ХАЭЭ,

а затем (в 1967-1984 гг.) – на западе и юго-западе республики, когда Галина Петровна руководила Западнотуркменским отрядом Среднеазиатской экспедиции своего института. За все эти годы она совершила больше двадцати выездов в поле, как говорят этнографы, имея ввиду экспедиции по сбору этнографического материала. Результатом этих исследований явился целый ряд научных публикаций, в том числе и монография "Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане" (М., 1969). Основной сферой научных интересов Г.П.Васильевой были материальная культура туркмен и их происхождение. Ее изыскания дали новые историко-этнографические данные о существовании на территории республики предшествовавшего огузам (IX-XI вв.) тюркского пласта, свидетельствующего о более раннем начале тюркизации территории Туркменистана. Она первой обнаружила кипчакский компонент и обосновала его роль в формировании ряда крупных туркменских племен на позднем этапе этногенеза, связанном с монгольским завоеванием и нахлынувшими в XIII-XIV вв. в низовья Амударьи и Прикаспий тюрко-монгольскими племенами; она указала на роль тюрков-джелаиров в этногенезе туркмен. Анализ туркменских земледельческих традиций, некоторых видов национальной одежды, украшений и других элементов материальной кульутры позволил Васильевой выявить древние связи с культурой населения Ирана, горных таджиков, узбеков Хорезма, других аборигенных этносов Средней Азии и некоторых народов Кавказа. Значительное внимание уделила Г.П.Васильева изучению стационарного и мобильного жилища туркмен, их ювелирных украшений в сопоставлении с археологическим материалом, узорчатых кошм и других характерных элементов культуры.

В 1990 г., будучи уже в солидном возрасте, Галина Петровна Васильева защитила докторскую диссертацию и продолжала активно трудиться в институте, обрабатывая богатый этнографический материал, собранный ею за несколько десятилетий. Она опубликовала около 200 научных и научно-популярных работ, главным образом по этнографии туркмен. Венцом ее деятельности стала упомянутая выше книга по истории этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. Это исследование уникально в том плане, что целиком охватывает народ, занимавший в недавнем прошлом одну из наиболее крупных по территории советских республик, а также прилегающие к ней регионы Афганистана и Ирана, имеющий диаспоры в России и ряде других стран. И хотя собственно этнографические исследования по туркменам относятся уже к XX в., автор расширяет рамки своей работы, включая и XIX, и конец XVIII в., когда сведения о них носили в основном лишь информационный характер. То, что она говорит только о российской и советской этнографической науке, нисколько не умаляет значения ее труда, так как 95 процентов публикаций о туркменах было именно на русском языке. Васильева выделяет в своей теме различные периоды, справедливо отмечая расцвет этнографического изучения туркмен с 1945 до начала 90-х гг., когда сформировалась и собственно туркменская этнография. На страницах ее книги мы встречаем десятки имен ученых Москвы, Ашхабада, Санкт-Петербурга, Ташкента и некоторых других городов, которые в той или иной мере внесли свой вклад в историко-этнографическое изучение Туркменистана. Среди них не только маститые и титулованные авторы сотен публикаций, но и те, кто представлен всего двумя-тремя статьями. Каждое имя сопровождается краткой биографией и анализом научного наследия ученого с библиографическим списком его трудов. Среди них представлены почти все, с кем и мне довелось работать многие годы в Ашхабаде.

Галина Петровна вернула на страницах своей книги немало незаслуженно забытых имен исследователей предыдущих периодов и констатировала, что "этнография как наука после развала СССР практически перестала существовать в Туркменистане. Да и характеризовать ее как *отечественную* мы уже не имеем права". Дело в том, что в конце 90-х был упразднен весьма поредевший к тому времени академический отдел этнографии в Ашхабаде, выросший из того институтского сектора, который 50 лет назад сформировала Г.П.Васильева. Часть сотрудников (в том числе и автор этих строк) покинула Туркмению, остальные перешли на другую работу или вышли на пенсию, а некоторые ушли из жизни. Поистине, "иных уж нет, а те далече". К слову, аналогичные в той или иной степени процессы происходили с этнографическими отделами и в других бывших союзных республиках. В московском же Институте этнологии и антропологии им.Н.Н.Миклухо-Маклая после смерти В.Н.Басилова в 1998 г., а теперь и Г.П.Васильевой традиция туркменоведения также прервалась.

24 ноября 1964 г. республиканская газета "Туркменская искра" поместила интервью с двумя московскими учеными, чьи научные интересы были тесно связаны с Туркменистаном – литературоведом-филологом Х.Г.Кор-оглы и этнографом Г.П.Васильевой. Галина Петровна рассказала тогда о своей работе в Тахтинском районе Ташаузской области и передала через газету привет всем тахтинцам, поздравив их с победой на хлопковом фронте. Интервью заканчивалось ее словами: "Да, душой мы сейчас с нашими туркменскими друзьями". Это были предельно искренние слова, потому что она всегда оставалась другом далекого солнечного края и всем сердцем любила его народ.

Сергей Демидов

ВКЛАД АКАДЕМИКА Б. А. ЛИТВИНСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА ДРЕВНЕГО МИРА

Среди самых разнообразных научных интересов академика РАЕН и Академии наук Республики Таджикистан Бориса Анатольевича Литвинского, связанных с изучением истории и культуры древней Центральной Азии, очень важное место занимает тема оружиеведения и военного дела. Глубокое изучение данной проблематики он начал еще на рубеже 1950-х – 1960-х гг. В то время в отечественной исторической науке работы по военному делу древности, особенно Средней Азии, были крайне редки. Но Борис Анатольевич уже тогда прозорливо осознавал важность исследования различных аспектов военного прошлого народов Средней Азии для более глубокого понимания особенностей их истории, материального и духовного бытия. Увлекшись этой темой, практически неразработанной в археологической науке, он начал сбор соответствующих материалов как во время своих полевых исследований на памятниках Таджикистана, так и при ознакомлении с музейными коллекциями Москвы, Ленинграда, Душанбе, Алма-Аты, Фрунзе, Ташкента и других городов. Прежде всего, по результатам экспедиции, работавшей в Кайрак-Кумах на севере Таджикистана, в западной части Ферганской долины в 1954-1956 гг., Б.А.Литвинский описал найденные там предметы вооружения, относящиеся к эпохам поздней бронзы и раннего железа — бронзовые двулезвийные ножи и кинжалы и бронзовые наконечники стрел.[1] Затем последовали его первые специальные статьи по оружиеведению древней Средней Азии, которые сразу же стали событием в археологической науке. Две из них были посвящены древнему стрелковому оружию. В первой работе приводится наиболее полная для того времени сводка находок железных наконечников стрел, бытовавших на территории Средней Азии от последних веков до н.э. по VIII в. н.э. включительно, а также дается их типология.[2] В другой статье также впервые для среднеазиатского региона рассматриваются эволюция и распространение сложносоставных луков в эпохи древности и раннего средневековья.[3] Третья работа, написанная Б.А.Литвинским в соавторстве с крупнейшим знатоком античной письменной традиции И.В.Пьянковым, представляет собой очень информативный очерк о характерных чертах военного искусства оседлых и кочевых народов Средней Азии в VI—IV вв. до н.э. – их наступательном и защитном вооружении, фортификации и боевом использовании войск.[4]

Следующую статью по рассматриваемой тематике Б.А.Литвинский посвятил оружию сакского времени (VII-III вв. до н.э.), найденному на Памире, в Фергане и в области современного Ташкента. Объектами его изучения стали железные боевые топоры, металлические кинжалы-акинаки и наконечники стрел, получившие теперь свое место в предложенных автором типологических классификациях.[5] Позднее все вышеназванные статьи в частично переработанном и дополненном виде нашли свое отражение в разделе "Вооружение" монографии по археологии и истории древних кочевников Восточного Памира и прилегающих к нему областей.[6] Кроме того, была опубликована часть материалов по вооружению народов Ферганы и прилегающих к ней территорий во II–I вв. до н.э. – VII–VIII вв. н. э., которые были собраны Б.А.Литвинским в его докторской диссертации, защищенной в 1969 г.[7] Его перу принадлежит также интересная заметка по ранней истории стремян в Средней Азии, толчком к написанию которой послужила находка железных стремян в одном из раннесредневековых курумов могильника Бобои-Дархан в Западной Фергане.[8]

Все перечисленные работы Бориса Анатольевича носят ярко выраженный новаторский характер. Они превосходят предшествующие разработки соответствующих сюжетов по глубине сравнительно-типологического анализа, охвату источников и научно-исследовательской литературы, обоснованности суждений и выводов. Эти статьи не устарели до сих пор, без ссылки на них не обходится ни одно серьезное исследование по проблемам оружиеведения и военного дела Центральной Азии, а также Ближнего и Среднего Востока от эпохи поздней бронзы до раннего средневековья. С методической точки зрения названные труды Литвинского являются образцовыми для историков древнего военного дела нынешнего поколения. В них автор не ограничивается заданными в заглавии географическими рамками исследования, а очень широко привлекает аналогии с других территорий Древнего Востока и из евразийских степей. Все данные он изучает комплексно, т.е. рассматривает вещественные находки, изображения на памятниках искусства и сообщения письменной традиции, которые часто весьма существенно дополняют друг друга. Эти материалы он знает досконально. Весьма уместно в его методике привлечение теоретических и экспериментальных данных, позволяющих достаточно наглядно представить возможные физико-технические характеристики разных видов древнего наступательного и защитного вооружения. Его тексты всегда сопровождаются большим числом ссылок на уже имеющуюся литературу по проблеме и обширнейшими библиографическими списками, причем цитируемые работы самым тщательным образом им штудируются, а полученная из них информация критически переосмысливается. Это, как уже справедливо отмечалось, вообще является одной из наиболее характерных черт его научного творчества, своего рода его визитной карточкой: "По сути дела, для всех его (Б.А. Литвинского — **В.Н**.) работ в сфере археологии, истории, этнографии… показательно наличие в них предваряющих или сопутствующих основному тексту историографических экскурсов как таковых. Это помогает читателю глубже и шире уяснить процесс накопления знаний по соответствующим научным проблемам, степень их изученности и задачи дальнейшего исследования".[9]

Новым и исключительно важным этапом в научной деятельности Б.А.Литвинского стала работа над находками, добытыми во время раскопок городища Тахти Сангин ("Каменная крепость"), расположенном на западном берегу реки Вахш в Южном Таджикистане, которые проводились в 1975-1991 гг. силами Тахтикобадского отряда (начальник И.Р. Пичикян) в составе Южно-Таджикской археологической экспедиции (начальник Б.А.Литвинский). Открытый здесь храмовый комплекс, т. н. "храм Окса", построенный в эпоху раннего эллинизма, дал в руки ученых огромный вещественный материал, всесторонне характеризующий культуру и искусство древней Бактрии, начиная с ахеменидского и заканчивая кушанским временем (от VI-V вв. до н.э. по III-IV вв. н.э.). Борис Анатольевич, принявший самое деятельное участие в исследовании этого памятника и в обработке полученных данных, самостоятельно или в соавторстве с И.Р.Пичикяном опубликовал большое число работ, в том числе и по проблемам оружиеведения. В храме Окса обнаружено значительное число предметов воинского снаряжения, принесенных в качестве даров местному божеству, которые включают в себя железные и бронзовые наконечники стрел, копий и дротов; железные подтоки, мечи и кинжалы; рукояти и части ножен (устья, пеналы и бутероли), изготовленные из слоновой кости; костяные накладки на лук; многочисленные фрагменты металлических панцирей, а также детали шлемов и щитов. По многообразию и обилию коллекции древнего оружия из Тахти-Сангина нет равных в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Первоначально, по мере проработки этих материалов в свет вышла целая серия статей, посвященных различным предметам вооружения из храма Окса: о ножнах акинака мидийского типа из слоновой кости;[10] о железных наконечниках стрел, в которой Б.А.Литвинский предложил идею их формализованного описания;[11] о бронзовых наконечниках стрел;[12] об изготовленной из слоновой кости рукояти греческой махайры с изображением грифона;[13] о круглом эллинском щите с накладной бронзовой эмблемой в виде трех бегущих ног ("трискеле");[14] о рукоятях и ножнах греческих мечей – ксифосов и махайр[15] (атрибуцию деталей ножен ранее осуществил И. Р. Пичикян[16]); об овальном щите кельтского происхождения типа "тюреос".[17]

В ходе работы над обобщающим трудом по вооружению из Тахти-Сангина Б.А.Литвинский написал также экскурсы по истории защитного доспеха на Ближнем Востоке во II тыс. до н.э.,[18] истории и типологии шлемов в Бактрии и сопредельных областях,[19] о происхождении акинака[20] и о древнейших луках на Востоке.[21] Касается он оружиеведческой тематики и в своих интерпретациях сюжетных изображений на некоторых произведениях искусства из храма Окса, изготовленных из слоновой кости, – пенале ножен миниатюрной махайры со сценой боя[22] и пластинах-обкладках стенки шкатулки (?) со сценой охоты.[23]

Итогом столь плодотворной подготовительной работы стало появление специального тома, посвященного оружию из Тахти-Сангина, второго по счету в задуманной Б.А.Литвинским серии полной публикации результатов раскопок под общим заглавием "Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан)",[24] в который в той или иной мере вошел материал из перечисленных выше статей.[25] Выход этой монументальной монографии, несомненно, представляет собой выдающееся событие в истории изучения военного дела не только Бактрии и Центральной Азии, но и всего Древнего мира. В научный оборот теперь полностью введена колоссальная коллекция разнообразных предметов вооружения из храма Окса. Автор этих строк еще в 1994-1995 гг., во время написания книги о военном деле древней Бактрии, которая была издана в английской серии "Montvert Publications", сетовал на то, что находки оружия из Тахти-Сангина опубликованы далеко не полностью.[26] Разумеется, я прекрасно осознавал, что выполнение подобного замысла потребует поистине титанических усилий и большого времени. По правде говоря, я и предвидеть тогда не мог, что пройдет сравнительно немного времени, и эта задача будет так блестяще решена! Впрочем, удивляться не приходится: всему "виной" легендарное трудолюбие Бориса Анатольевича, помноженное на его безграничную преданность своему делу и потрясающую эрудицию.

Упомянутый том включает в себя 528 страниц текста и 56 листов иллюстраций (111 таблиц). Его текст состоит из каталогов и типологических классификаций отдельных категорий вооружения, найденных в храме Окса (костяных накладок на лук, бронзовых и железных наконечников стрел, наконечников копий, дротов и подтоков, мечей и кинжалов и деталей их ножен, фрагментов панцирных доспехов, шлемов и щитов), которые сопровождаются очерками истории соответствующих видов воинского снаряжения в Центральной Азии, степной зоне Евразии и Греции. Принятие во внимание последней исключительно важно, поскольку на Тахти-Сангине было выявлено значительное число предметов боевой экипировки греческого происхождения, относящихся в основном к эллинистической эпохе. В этой связи очень показателен, например, тот факт, что собранная там коллекция частей ножен греческих мечей (ксифосов и махайр) является самой большой для всей бывшей территории эллинского мира вообще. Эволюция бактрийского и центральноазиатского вооружения прослеживается в контексте развития древневосточного и греческого оружия. Важно подчеркнуть, что Б.А.Литвинский в присущем ему стиле к каждой главе своей монографии приводит подробную историографическую справку и дает практически полный критический обзор основных мнений по рассматриваемым проблемам, ссылаясь при этом почти на 1300 статей и книг (раздел "Библиография" насчитывает у него 53 страницы!).

Хотя сам автор указывает, что его книга "не является историей вооружения ни Греции, ни Ближнего Востока, ни скифо-сарматских племен... основная ее задача – публикация оружейного комплекса из храма Окса и сопоставление его с комплексами других регионов" [27], ее с полным правом следует рассматривать как научную энциклопедию по оружиеведению всего Древнего мира – так много

полезной информации могут почерпнуть из нее даже исследователи, изучающие военную историю государств и народов, территориально и хронологически весьма далеких от Бактрии и всего региона Центральной Азии. Вне охвата в монографии остались только те немногие виды оружия, которые не представлены в собственно тахтисангинском комплексе, а именно боевые топоры,[28] булавы, праща, конский доспех.

Б.А.Литвинскому удалось в рамках своего исследования соединить лучшие традиции отечественной археологии и ориенталистики, базирующиеся на исчерпывающем знании источников, глубоко продуманной методике и прекрасном ознакомлении с историографией, с достижениями классической западной науки о военных греко-римских древностях. В этом смысле его книга превосходит другую, также давно ожидавшуюся монографию — о находках предметов вооружения в крепости Дура-Европос на Евфрате, добытых американскими и французскими археологами в 1920-х — 1930-х гг., которая принадлежит перу одного из ведущих английских специалистов по римскому вооружению, С.Джеймса.[29] Ни в коей мере не хочу сказать, что она разочаровала: наоборот, это очень фундаментальный труд, проливающий значительный свет на историю военного дела в сиро-месопотамском приграничье в эпоху противостояния Римского государства, с одной стороны, и иранских империй Аршакидов и Сасанидов, с другой. Однако ее автор демонстрирует, прежде всего, блестящее знание западных (римских) военных древностей, что свойственно всем представителям британской школы античного оружиеведения, тогда как обширная литература на русском языке по археологии и по военному делу оседлых и кочевых народов Центральной Азии, в которой можно было бы почерпнуть очень большое количество сопоставительных материалов, важных с точки зрения выявления восточных элементов как в предметах военного назначения, так и в соответствующих изобразительных данных из Дура-Европос, осталась ему неизвестной. К сожалению, пресловутая поговорка: "Rossica non leguntur!" все еще отражает отношение части наших коллег из дальнего зарубежья даже к необходимым им по тематике научным изданиям на русском языке. Поэтому в очередной раз важно отметить, что одним из основных методологических принципов Бориса Анатольевича как раз является доскональное штудирование исследовательской литературы на всех основных западноевропейских языках по любой из изучаемых им проблем, что в итоге самым положительным образом сказывается на качестве проведенной исследовательской работы.

Без какого-либо преувеличения можно сказать, что сейчас в мире нет другого такого специалиста, работающего в сфере археологии и истории древней Центральной Азии, который мог бы справиться с темой бактрийского вооружения на столь же высочайшем научном уровне, как это сделал Б.А.Литвинский. Поэтому абсолютно закономерен тот факт, что за написание и издание двух первых томов полной публикации материалов из храма Окса он был удостоен очень престижной французской премии имени Романа Гиршмана, присуждаемой за выдающиеся достижения в области иранской археологии.

За последние годы в отечественной науке значительно вырос интерес к изучению далекого военного прошлого. В 1998 г. в Санкт-Петербурге по инициативе В.М.Массона, А.Н.Кирпичникова и М.Б. Пиотровского состоялась международная конференция под заглавием "Военная археология: Вооружение и военное дело в исторической и социальной перспективе".[30] В ней впервые после дореволюционных лет прозвучал термин "военная археология", введенный в научный обиход Н.И.Веселовским, как обозначение особого направления в археологической науке, изучающего "материальные древности, связанные с военным делом, и иные следы былой военной активности".[31] Б.А.Литвинский своими трудами на этом поприще прочно занимает место флагмана современной российской военной археологии. К этому стоит добавить, что в настоящее время он входит в состав Редакционного совета новой научно-популярной серии "Militaria Antiqua", которая была создана при издательстве "Петербургское Востоковедение" с целью донесения до широкого читателя объективной научной информации о военном деле народов и государств Евразийского материка в древности и средневековье.[32]

В высшей степени поразительно то обстоятельство, что военная археология, сама по себе требующая от исследователя полной мобилизации всех его творческих и физических ресурсов, в научных изысканиях Бориса Анатольевича является лишь одним из многих других направлений, в которых он добился выдающихся результатов. Не менее впечатляющи его достижения в изучении религиозной жизни, материальной и музыкальной культуры, архитектуры и изобразительного искусства древних народов Центральной Азии. Сейчас он трудится над следующим, третьим томом серии "Храм Окса в Бактрии", в котором рассматриваются искусство и художественное ремесло. Пожелаем же ему новых замечательных трудовых свершений и творческого долголетия, в том числе и в области военной археологии!

Валерий Никоноров

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А.* Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) // ТИИАН ТаджССР. Т.XXXIII. Душанбе, 1962, с.197-202, 217-223.

[2] *Литвинский Б.А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965, № 2, с.75-91.

[3] *Литвинский Б.А.* Сложносоставной лук в древней Средней Азии (К проблеме эволюции лука на Востоке) // СА, 1966, № 4, с.51-69.

[4] *Литвинский Б.А., Пьянков И.В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. // ВДИ, 1966, № 3, с.36-52.

[5] *Литвинский Б.А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время (Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел) // МКТ, Вып. 1. Душанбе, 1968, с. 69-115.

[6] *Литвинский Б.А.* Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972, с.83-131; см. также: *Litvinskij B.A.*

Eisenzeitliche Kurgane zwischen Pamir und Aral-See. München, 1984 (MAVA. Bd. 22), с.27-51.

[7] См.: *Литвинский Б. А.* История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильников) / автореферат докт. дисс. М., 1969; *Litvinskij B. A.* Antike und frühmittelalteliche Grabhügel im westlichen Ferghana-Becken, Tadikistan. München, 1986 (MAVA. Bd. 16), с.71-85.

[8] *Литвинский Б. А.* К истории стремян в Средней Азии // МКТ. Вып. 3. Душанбе, 1978, с.111-119.

[9] *Лунин Б.В.* Б.А.Литвинский как историограф среднеазиатского востоковедения // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Б.А.-Литвинского (Москва, 14-16 октября 1998 г.). М., 2001, с.66.

[10] *Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Ножны акинака из Бактрии // ВДИ, 1981, № 3, с. 87-100; *Litvinskii B.A., Pichikian I.R.* An *Akinak* Scabbard from Bactria // SovAA. Vol. XXI, Nos. 1-2, 1982, p.139-182.

[11] *Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.,1981, с.206-209.

[12] *Литвинский Б.А.* Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с.153-157.

[13] *Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Ахеменидская рукоять с протомой грифона из храма Окса // ВДИ, 1993, № 4, с.67-89; *Litvinskij B.A., Piuikian I.R.* An Achaemenian griffin handle from the temple of the Oxus. The makhaira in northern Bactria // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Firenze, 1995 (Monografie di Mesopotamia. V), с.107-128.

[14] *Litvinsky B.A., Pichikyan I.R.* An Attic Shield with a Triskelion from the Temple of the Oxus (A Discovery of an Archaic Emblem from Athens in Northern Bactria) // ACSS. Vol. 4, No. 2, 1997, p.109-121.

[15] *Litvinskij B.A., Piuikjan I.R.* Handles and Ceremonial Scabbards of Greek Swords from the Temple of the Oxus in Northern Bactria // EW. Vol. 49, Nos. 1-4, 1999, p. 47-104.

[16] См.: *Пичикян И.Р.* Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии // СА, 1980, № 4, с.202-212; *Пичикян И.Р.* Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М., 1986, с.264-272.

[17] *Литвинский Б.А.* Щит типа тюреос в Бактрии // Средняя Азия: Археология. История. Культура (Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной). М., 2000, с.221-224.

[18] *Литвинский Б А.* Защитный доспех на Ближнем Востоке во II тыс. до н. э. (письменные источники и археологические данные) // "У времени в плену". Памяти Сергея Сергеевича Цельникера. М., 2000, с.106-120.

[19] *Litvinsky B.A.* Helmets in Ancient Bactria and Adjacent Regions (typology and history) // IB IASCCA. Issue 22. M., 2000, p.64-95; см. также: *Pichikyan I.* The Description of the Finds of Helmet Parts at the Temple of Oxus // IBIASCCA. Issue 22. M., 2000, p.62-63. Борис Анатольевич является также автором статьи о доисламских шлемах в таком авторитетнейшем международном справочном издании, как "Encyclopaedia Iranica" [*Litvinsky B.A.* Helmet. I. In Pre-Islamic Iran // Encyclopaedia Iranica. Vol. XII. Costa Mesa, 2004].

[20] *Литвинский Б А.* К проблеме происхождения акинака // Миф. 7. На акад. Дмитрии Сергеевич Раевски. 'БрпнЭпйт. София, 2001, с.48-60.

[21] *Литвинский Б.А.* Заметки о древнейших луках на Востоке // Петербургский Рериховский сборник. СПб., 2002, с.216-226.

[22] *Litvinskij B.A., Pichikjan I.R.* Александр Македонский сражает персов (далекое эхо Сидонского саркофага в храме Окса – Северной Бактрии) // RANL. Ser. IX. Vol. VIII, fasc.1, 1997, с. 5-18.

[23] *Litvinsky B.A.* The Bactrian Ivory Plate with a Hunting Scene from the Temple of the Oxus // SRAA. 7, 2001, p.137-166; *Литвинский Б. А.* Бактрийцы на охоте // ЗВОРАО, т. I (XXVI). СПб., 2002, с.181-213.

[24] Первый том, вышедший в 2000 г., посвящен описанию и анализу результатов раскопок на Тахти-Сангине за весь период 1975–1991 гг., стратиграфии и хронологии храма Окса, его архитектуре и религиозной жизни в Бактрии [см.: *Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000].

[25] *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.

[26] *Nikonorov V.P.* The Armies of Bactria, 700 B.C. – 450 A.D. Vol. 1. Stockport, 1997, p.14.

[27] *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии, с.23.

[28] Впрочем, в конце книги, в Приложении 2 приводятся данные о железных боевых топорах памирских саков [*Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии, с.418-424].

[29] *James S.* The Excavations at Dura Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters, 1928 to 1937. Final Report VII: The Arms and Armour and Other Military Equipment. London, 2004.

[30] См.: Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Междунар. конф. СПб., 1998.

[31] *Массон В.М.* Война как социальное явление и военная археология // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции (2-5 сентября 1998 г.). СПб., 1998, с.6.

[32] В этой серии уже вышли восемь книг-выпусков:

I: *Худяков Ю.С.* Сабля Багыра: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб.; М., 2003.

II: *Горончаровский В А.* Между империей и варварами: Военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003.

III: *Рубцов С М.* Римляне на Нижнем Дунае: Военная история римско-дакийских войн (конец I – начало II вв. н. э.). СПб.; М., 2003.

IV: *Виноградов Ю.А.* "Там закололся Митридат...": Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. СПб.; М., 2004.

V: *Нефёдкин А.К.* Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э. – V в. н. э. СПб.; М., 2004.

VI: *Никоноров В.П., Худяков Ю С.* "Свистящие стрелы" Маодуня и "Марсов меч" Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.; М., 2004.

VII: *Ветюков В.А.* Меч, сокрытый в глубине вод: Военная традиция средневекового Вьетнама. СПб., 2005.

VIII: *Мусин А.Е.* Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.

IX: *Виноградов Ю.А.* "Счастливый город" в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э.– IV в. н. э.). СПб., 2006.

X: *Шувалов П.В.* Секрет армии Юстиниана: Восточноримская армия в 491–641 гг. СПб., 2006.

XI: *Худяков Ю.С.* Золотая волчья голова на боевых штандартах: Оружие и войны древних тюрок. СПб.: 2006.

В дальнейшем в серии "Militaria Antiqua" предполагается выпустить книги о военном деле древних тюрок, сасанидского Ирана, Византии X в., Парфии, Бактрии и др.

ВСЛЕД ЗА АМЕРИКОЙ ОН ОТКРЫЛ ТУРКЕСТАН[1]

9 апреля 1876 года Туркестанскому генерал-губернатору К.П.фон Кауфману вручили срочный пакет из Санкт-Петербурга, скрепленный печатями Министерства иностранных дел. Его сотрудник, тайный советник Николай Карлович Гирс сообщал о безуспешных розысках послом Королевства Баварии полковника русской службы А.Г.Ротчева. Сей ратник, говорилось в депеше, 18 апреля 1871 года вступил в брак с баронессой Марией фон Ридерер и в том же году ее оставил, не давая о себе знать. Баварскую подданную интересовала не столько любовная сторона дела, как материальное положение пропавшего мужа, о чем свидетельствует ремарка Кауфмана: "В Туркестанском крае он едва ли мог оставить какое-либо имущество, кроме долгов". Дело баронессы, судя по архивным и опубликованным ныне источникам, обрастало все новыми подробностями о ее беглом супруге. Каждая подробность сама по себе, в чем убедится читатель ниже, любопытна, романтична и трагична одновременно.

Выясняется, что весной 1870-го Александр Гаврилович Ротчев, преклонных лет чиновник Семиреченского областного правления, обремененный службой и обстоятельствами, просит отправить его в отпуск. С тем, как он решил для себя, не возвращаться более обратно. Последняя просьба была уважена быстро, так как его патрон Кауфман находился по делам службы в Копале – соседнем с областным Верным городе. И приказ об отпуске "…в Полтаву и Петербург на 4 месяца с сохранением содержания" был подписан 7 июня 1870 года. Губернатор Семиреченской области Г.А.Колпаковский, близко знавший Ротчева, к отпускным добавляет в долг еще 300 рублей. 14 марта 1871 г. по письменному прошению, посланному нарочным из Европы, А.Г.-Ротчев был уволен из штата Семиреченского областного правления. В Туркестанском крае он прожил неполных два года, успел исколесить местные достопримечательности, был свидетелем покорения Самарканда и Бухары, добрался пешком через Алатауские горы до вожделенных берегов Иссык-Куля, отписал в петербургскую прессу свои впечатления о Семиречье, изложил соображения экономико-географического характера, подчеркнув будущность торговли России и Средней Азии, предложил организовать краевую газету "Туркестанские ведомости". Ротчев жил и работал во времена, когда только закладывался город Верный, ныне южная столица Казахстана Алматы.

Отметим необычные обстоятельства не менее странного отпуска. Поездка в Европу пришлась на весну 1871 г., бурно проходившую в условиях окончания Франко-прусской войны и начала восстания парижского пролетариата, а также усиления репрессивных мер в самой России. Недруги припишут публицисту Ротчеву участие в событиях и освещение им Парижской коммуны, первого революционного правительства. И, хотя прямых свидетельств на то не имеется, явной окажется его "ссылка в глушь, в Саратов", предусмотренная диссиденту соображениями большой политики. Но об этом чуть позже. Вернемся к главному: через месяц после отставки А.Г.Ротчев венчается с баронессой фон Ридерер. Хотя причину поездки в Европу он называл другой. Дескать, свидание с родными, со своей дорогой супругой Еленой Павловной Забаринской (полагают, он был с ней в разводе с 1853 г.). Выходит, из Семиречья Ротчев спешит не в имение Забаринских под Полтавой, а в Мюнхен, в Баварию. Путь не из близких, даже учитывая четыре месяца отпуска. Пара гнедых – транспорт не очень скорый и надежный. Это обстоятельство в череде дней его жизни остается загадкой для биографов.

В Белокаменной и в Северной Пальмире

Александр Гаврилович Ротчев родился в 1806 г. Москве, в Бронной слободе, в семье живописца и ваятеля Г.Я.Ротчева.[2] Учился в Московском университете, но за неимением средств ушел с курса и устроился переводчиком в Московскую театральную дирекцию. Пробовал себя на литературном поприще и небезуспешно: переводил Гюго, Байрона, Шиллера, Мольера, Дюма, Шекспира. Его изложение "Эрнани" Виктора Гюго было запрещено к постановке на сцене цензурой, а "Вильгельм Телль" Шиллера дозволен к представлению только один раз, в бенефис трагика Василия Андреевича Каратыгина. В 1833 г. Ротчев переводится в Петербург и получает место кописта и переводчика при директоре императорских театров, обер-гофмейстере С.С.Гагарине. Его поэзия становится известной в обеих столицах. Поэта Ротчева считают весьма талантливым, обладающим высокой культурой поэтического мастерства. Он входит в общество молодых любителей литературы, – так называемый "кружок профессора С.Е.Раича", – заводит дружбу с А.И.Полежаевым и А.А.Шишковым, связывается с революционно настроенными студентами и в 1826 г. привлекается по делу декабристов. Он принадлежал к тому кругу университетской молодежи, где ходили по рукам вольнолюбивые сочинения Пушкина и Рылеева, где с упоением читали поэму Полежаева "Сашка". Ротчев стоял у истоков "Литературной газеты", с 1829 г. состоял членом Общества любителей российской словесности. Его стихи отдельным сборником никогда не издавались за исключением поэтического цикла "Подражание Корану" (1828). Критики писали: "*Это собрание двенадцати небольших пьес, коих содержание взято из Алкорана Мугаммедова, можно назвать первым опытом юного поэта. На первый случай можно извинить, что г-н Ротчев идет по следам других: читатели припомнят, что первым начал подражать сильным песням Мугаммеда Пушкин. Но и после Пушкина стихи г-на Ротчева прочитаете с удовольствием*". Между прочим, "арабские подражания" Пушкина и Ротчева, критика склонна пола-

А.Г.Ротчев (1806-1873)

гать своеобразной перепиской двух поэтов, хорошо знавших друг друга.

Ротчев писал романтические "подражания", скрываясь также за псевдонимом "Ф.Тютчев" (не потому, что подражал признанному поэту, а скорее, как собрат по перу, как спутник по избранной стезе). Впрочем, Ротчев оценил литературную критику и стал подписывать достойные его таланта стихи более прозрачно, например, начальной буквой "Р.", несомненно чувствуя возросшие силы незаурядной творческой фамилии Ротчевых.

Однажды в Америке

Литературная одиссея приводит поэта к романтике дальних путешествий. Десятая кругосветная экспедиция, под началом лейтенанта Михаила Тебенькова , 5 августа 1835 г. подняла в Кронштадте алые паруса, взяв курс на Копенгаген, Портсмут, Рио-де-Жанейро, Вальпараисо, – "глагол на Азию простерть, обвить моря орлом двуглавым". Корвет "Елена", обогнув мыс Горн, 16 апреля 1836 г. пристал к американским берегам в Новоархангельске. В составе экипажа "Елены" приятели по университету, новые товарищи, и, как покажет время, друзья семейного круга: Михаил Тебеньков, Петр Костромитинов, Константин Тимковский.[3] Ротчев поступает на службу в Российско-американскую торговую компанию, где проявляет себя строгим администратором и сметливым купцом, ревизором и дипломатом, автором занимательного труда "Очерки северо-западных берегов Америки". Он служит при правителях Русской Америки Иване Купреянове и Адольфе Этолине, назначается управляющим форта Росс, что на берегах Калифорнии. К месту службы Ротчев отправился в составе экипажа "Ситка", совершив новое многотрудное плавание, которое продолжалось с 1 июля по 13 октября 1836 г. Парусник "Ситка" под гром корабельных пушек торжественно встал якорем в бухте Сан-Франциско, что в 18 милях к северу от залива Бодего (Румянцева). С высокого обрывистого берега жители форта Росс отсалютовали долгожданным гостям.

Первыми на американский континент вступила семья Ротчева: его супруга – княжна Елена Павловна с полугодовалой дочкой Ольгой на руках, родившейся, между прочим, на просторах Атлантического океана. Сам глава семейства вел по крутому трапу семилетнего сына Михаила; судовой врач Волынский и помощник комиссионера Костромитинов помогли няне Ротчевых перенести на берег трехлетнего Константина и двухлетнюю Леночку. Этот любопытный факт обойден молчанием историографами освоения Русской Америки, однако, подмечен полтавскими краеведами, которые уделили биографии О.А.Ротчевой (в замужестве Забаринской) отдельную страницу.[4]

В 1839-1840 гг. Российско-американская компания легкомысленно упразднила важную в экономическом отношении русскую колонию Росс в Северной Калифорнии. 15 апреля 1839 г. все строения, а также 180-тоннажные суда "Кяхта" и "Волга" – гордость местного флота, – были переданы в собственность городу Сан-Франциско. В 1841 г. хозяином русской земли на американском континенте стал швейцарец И.А.Суттеру, капитан и золотопромышленник, искатель приключений. Он приобрел форт Росс всего за 30 тысяч пиастров. Несмотря на прозорливые депеши А.Г.Ротчева, – впереди была "золотая лихорадка", – правительство Российской империи не обратило на них внимание. Тему протеста решением правительства бросить на произвол судьбы русское наследие Аляски Ротчев продолжит в "Очерках торговли Семиреченской области": "*…в 1817 году мы заняли залив Бодего на берегах Калифорнии, и вследствие нехозяйственного и нерационального распоряжения представителей ныне сошедшей в могилу Российско-Американской компании, мы вынуждены были бросить за блюдо чечевицы это богатое наследие, эту житницу владений наших на северо-западных берегах Америки*".

Покинув американские берега на паруснике "Наследник Александр", 23 июня 1842 г. семья Ротчевых прибывает в Охотский порт. Отсюда они совершают увлекательное и трудное, полное неожиданностей путешествие: на санях от Охотска до Якутска, на барже вверх по Лене до Иркутска, на расстояние более тысячи белых, безмолвных верст. Со временем семья выберет Иркутск местом обитания и творчества. А пока дорога ведет дальше, в Петербург, где Ротчеву предстоит сдача дел дирекции компании. Затем он увольняется со службы и, наконец, 5 мая 1843 г. подает в отставку, но через пять лет возвращается в Военное министерство, где работает переводчиком, редактором, управляющим типографии и газетного стола ряда петербургских изданий – "Русский инвалид", "Северная почта",

"Ведомости С.-Петербургской городской полиции", "Петербургский листок".

В 50-е гг. бывший комиссионер компании публикует путевые записки в "Пантеоне", "Северной пчеле", "Сыне Отечества". Его публицистика и художественная проза, не менее чем поэзия, моментально становятся популярны: "Сцены на море" ("Библиотека для чтения", 1835), "Очерки северо-западных берегов Америки" ("Сын Отечества", 1838), "Новый Эльдорадо в Калифорнии" ("Отечественные записки", т. 62, 1852), "Воспоминания русского путешественника о Вестиндии, Калифорнии и Остиндии" ("Отечественные записки", тт. 2 и 5, 1854 и Пантеон, т. XII, 1854), "Русские письма из Европы, Америки, Африки и Азии" ("Северная пчела", 1854).

Книга А.Г.Ротчева "Правда об Англии, или сказание о расширении владений ее во всех частях света" (СПб., 1854) выдержала несколько изданий и имела в русском обществе шумный успех. Памфлет, написанный против продажи Аляски Соединенным Штатам, был отмечен в 1855 г. августейшим благоволением и присуждением автору Бриллиантового перстня, а год спустя – орденом Св.Станислава 3-й степени. В 1860 г. Ротчева избирают членом-сотрудником Императорского Вольного экономического общества.

Покинув Русскую Америку, Александр Гаврилович побывал на Курильских островах и на берегах Амура, принимал участие в исследовании золотоносных месторождений Восточной Сибири, затем вновь совершил кругосветное путешествие, попытал счастья на земле милой его сердцу Калифорнии, жил в странах Центральной Америки, Кубы, Южной Азии, Ближнего Востока. Писал стихи, блестящие очерки, политические репортажи, которых с нетерпением ждали на родине.

Его книга "Нравы, обычаи и памятники всех народов земного шара", богата иллюстрированная, написанная живым ротчевским языком, имела колоссальный успех и, по оценке В.Г.Белинского, "затмила собою все когда-либо являвшиеся в России так называемые великолепные и роскошные издания". Блестящие знания в области экономики и политики были оценены не на берегах Невы, а на набережной Темзы, где правительство Соединенного королевства предложило Ротчеву стать первым русским директором Английского банка в Лиме, столице Перу. В Лондоне он знакомится с Чарлзом Диккенсом, посещает его поместье Гейсдхил.

Его приятель Александр Герцен в письмах в Россию отметил: "У меня часто бывает Ротчев, …весьма умный и интеллигентный человек. В течении семи лет он был губернатором в Калифорнии, а сейчас приехал из Мадраса и Калькутты и собирается в Австралию. Он знает эти страны, как вы Бернский кантон; он побывал на Курилах и на китайской границе, его рассказы заставляют Гауга дрожать от зависти. Калифорния для него не мешок с золотом – он находит, что там и отчасти в Австралии, общество основано на совершенно иных принципах равенства и свободы, против которых североамериканские порядки представляются отсталыми".

Иркутская сага

По мнению русско-американского писателя В.П.Петрова, история существования поселения Росс в 1812-41 гг., проникновения русских к самой южной точке Америки и на ее на западные берега, а с ними основателя форта Ивана Кускова и последнего правителя форта Росс Александра Ротчева будут интересовать еще не одно поколение исследователей.[5] Но не менее занимательна биография супруги Ротчева, княжны Е.П. Гагариной. Ей посвятил свой первый сборник "Подражание Корану" молодой пиит Ротчев. С княжной его связывала нежная дружба и глубокая любовь, общность интересов. В 1828 г. в Можайской церкви московский студент тайно обвенчался с именитой аристократкой, дочерью князя П.П.Гагарина.[6] В следующем году в семье Ротчевых появился первенец, наследник и любимый сын, которого нарекли Михаилом. Едва вступившая в двадцатую весну и обладающая, помимо всех других талантов, неотразимым шармом, Елена Павловна сыграла весьма важную роль в жизни Ротчева, особенно в годы его правления русской колонией Росс. Она была любознательной и смелой женщиной, много ездила верхом, изучала быт и нравы индейских племен, флору и фауну живописного, но сурового уголка Калифорнии.

Прибыв в Россию с набором дорожных впечатлений, Елена Павловна пробовала себя в литературе под псевдонимом "г-жа Улльяк Тремадер". В этом странном, на первый взгляд сочетании, несомненно звучит "язык местоимений" краснокожих индейцев. Отметим, что в 1852 г. в Петербурге вышла ее самая популярная книга "Маленькие натуралисты, или семейные беседы о животных, растениях, минералах". На этих страницах отразился и собственный опыт юнната и коллектора "принцессы Аляски". Княжна Гагарина, тем временем, занялась педагогической деятельностью. В 1855 г. она была назначена смотрительницей Иркутского сиропитательного дома купчихи Елизаветы Медведниковой. Это было первое учебное заведение Сибири для девочек-сирот из бедных слоёв. Здесь она преподавала по собственной программе математику и естествознание, вела с воспитанницами основы домоводства. В Иркутске княжна Елена Павловна окунулась в общественную деятельность, пополнив общество декабристов, ее единомышленников и друзей. Из переписки Волконского с Поджио следует, что приезд "жены Ротчева ожидался", что дети Волконского учились под ее присмотром. "Она женщина довольно образованная, большая почитательница Руссо, Жорж Санд и Кенэ; с ней можно беседовать несколько часов сряду", – отзывался о ней И.Д. Якушкин. В некрологе, опубликованном много лет спустя в "Петербургском листке", о г-же Ротчевой сказано как о вдове известного путешественника и писателя–публициста.

В Восточную Сибирь вместе с матерью отправилась и семья Ротчева: дочери Елена и Ольга, затем перевелся по службе сын Константин. В Иркутске дочери Ротчева вышли замуж. Елена Александровна обвенчалась с петрашевцем Ф.Н.Львовым, вышедшего на вольное поселение.[7] Брак принес

дочку Юлию. Е.А.Ротчева (Львова) пережила мужа более чем на двадцать лет. Ее младшая сестра, Ольга Александровна Ротчева в1856 г. разделила судьбу с вдовцом А.И.Забаринским.[8] В 1863 г. Елена Павловна решилась ехать к зятю, в его поместье на Полтавщину. Вместе с матерью отправилась в путь и семья старшей дочери.

Под сводами древнего Туркестана

Деятельность журналиста Ротчева в Северной Пальмире, тем временем, обретает скандальный характер. Его имя нежданно-негаданно прозвучало на судебном процессе, вместе с группой журналистов Юркевича-Литвинова. Ротчев обвинялся в нарушении постановлений о гласности в печати. И, хотя Александр Гаврилович был оправдан, двери столичных редакций для него закрылись. К этому времени, надо полагать, состоялось знакомство Ротчева и Константина Петровича фон Кауфмана. Назначенный генерал-губернатором вновь образованного Туркестанского края, Кауфман взял опального журналиста под свою опеку с тайной надеждой сделать его своим историографом. Положительную роль в согласии перевестись в Туркестан сыграл авантюрный, в лучшем смысле этого слова, характер А.Г.Ротчева. Да и лирике поэта была не чужда философская тематика Востока, отчасти созданная в духе ориентализма. Вспомним его “Подражание Корану”:

Тому ль познать святое благо рая,
Кто в час мольбы, с бессмыслием лица,
К закату иль к востоку им вращая,
Постигнуть мнил всесильного Творца!
В тот час, когда покоится природа,
Ты звезды зрел в безбрежных высотах
Или среди безоблачного свода
Видал луну, горящую в лучах;
Но зря восход полдневного светила
Их бедный блеск ужель не забывал?
Ужель тебе душа не говорила,
Чтоб к вечному мольбы ты посылал?

В 1867 г. А.Г.Ротчев назначается в свиту Кауфмана и отправляется в дальний путь в Ташкент через Омск, Семипалатинск и Верный. Весть об образовании новой Семиреченской области облетела в тот год многие города и веси. Люди срывались с насиженных мест, устремлялись целыми семьями в благодатную страну Семи Рек, где, как доносила молва, простые арбузы вызревают с переднее колесо телеги. И тянулись по дорогам через Омск и Семипалатинск повозки с нехитрым домашним скарбом. Шли пешим порядком тульские печники, московские маляры, сибирские кузнецы, курские землекопы, воронежские плотники – словом, рабочий люд пореформенной России. Среди возможных коллег и знакомых Ротчева по Туркестану (назовем тех, кто оставил воспоминания, связанные, так или иначе, с ротчевским периодом) блистательные имена русских ученых, дипломатов, деятелей литературы и искусства, общественных деятелей. Это священники Андрей Малов и Михаил Путинцев, купцы Н.А.Иванов и М.А.Хлудов, дипломаты П.И.Пашино и К.В. Струве, художники В.В.Верещагин и Н.Н.Каразин, востоковед В.В.Радлов , инспектора народных училищ П.А.Галицкий и Д.Новак, ташкентский библиограф Н.В.Димитровский, “вольный архитектор” Верного П.М.Зенков. Одни отправились в неведомые земли “на ловлю счастья и чинов”, другие с серьезными намерениями, третьи составили канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства. В свите и ближайшем окружении фон Кауфмана, среди путешествующих с ним – начальник канцелярии генерал-майор А.К.Гейнс, начальник штаба Туркестанского военного округа В.Д.Дандевиль, его помощник, полковник генерального штаба М.Ф.Петрушевский, военные деятели, историки и географы Ф.Р.Остен-Сакен и А.И.Макшеев, геодезисты и топографы, картографы А.П.Проценко, З.Л.Матусовский, В.А.Полторацкий, С.И. Жилинский, инженеры-строители Д.К.Зацепин и С.К.Янчевский, чиновники особых поручений, военные писатели Н.А.Маев, А.Г.Хорошхин и И.И. Солтановский. По воспоминаниям участника событий Макшеева, генерал-адъютанта фон Кауфмана и его свиту встречали пышно, словно небесного посланника. Кавалькада в несколько верст тянулась вдоль тракта Омск – Семипалатинск – Верный. Проезжающих сопровождал губернатор Семиречья генерал-майор Г.А.Колпаковский с конвоем сибирских казаков, священники совершали благодарственные молебствия, народ толпился на околицах станиц с хлебом-солью.

Сотни степных джигитов участвовали в национальных играх, празднествах, джигитовках. Местная киргизская знать, султаны Алатавского округа, ставили гостям полные восточных яств и музыки белоснежные юрты. Во время проезда генерал-губернатора края в Алматинской станице фон Кауфмана принимал начальник Алатавского округа барон Н.Е.Фридерикс, высоким гостям был дан смотр всех родов войск Семиречья, парадом командовал генерал-лейтенант Д.Г.Колокольцев, исполняющий обязанности наказного атамана Семиреченского казачьего войска.[9]

Гостеприимная встреча на земле Русского Туркестана была на редкость триумфальной. Десять день, проведенные в конце октября 1867 г. в столице Семиречья, произвели сильное впечатление на Ротчева, не искушенного раутами и балами Русской Америки. Прибыв со всем экзотическим набором степных приключений в Ташкент, Ротчев, однако, не растерял в пути присутствия духа. И даже предложенная ставка курьера, вместо предполагаемой должности редактора и издателя, не смутила его. Тем более, он успевает познакомится с памятниками Средней Азии, увидеть мистическую вуаль древнего Самарканда. Он едет, вернее возвращается, в Семиреченскую область “…с целью ознакомления с этим краем и сбора исторических, этнографических, статистических и других сведений, необходимых для предполагаемого издания”.[10]

По заданию губернатора области Г.А.Колпаковского, Ротчев отправляется в “малые историко-географические одиссеи”. В местности Чингельды, на правом берегу реки Или, ведет разведку с целью

возможного строительства путей сообщения, переноса областного центра Верного из сейсмически опасного района предгорьев Алатау. Однажды, проезжая земли султана Тезека, его экипаж опрокинулся и Ротчев серьезно повредил ногу. Он остается в ауле гостеприимного хозяина (между прочим, родственника умершего в 1865 г. здесь, у перевала Алтын-Эмель, казахского просветителя Чокана Валиханова).

Возможно, поездка Ротчева в село Тезека не была случайной и связана с попыткой найти следы творческого наследия Чокана. Тот в свое время, одним из первых европейцев достиг Восточного Туркестана, следуя под видом купца торгового каравана. И хотя, поездка в Кашгар была тайной за семью печатями, Ротчев, как журналист и издатель петербургских газет, знал кое-что о покойном и его предприятии. Чокан Валиханов, кроме прочего, изучал подробности гибели немецкого ученого А.Шлагинтвейта.[11] Ротчев увлекается идеей Чокана попасть в Индию со стороны Туркестана, пишет обстоятельные докладные о необходимости развития торговли на новых российских территориях. В своих стремлениях он не был одинок. Во время его пребывания в Верном здесь уже снаряжались экспедиции, чтобы пройти древними торговыми путями "через Кашгар и Бомбей к Индийскому морю-окияну". Причем, что странно, путешествия все были исключительно зимние, когда горные перевалы закрыты и дороги особенно трудны.

В январе 1868 г. в Прииссыккулье отправился торговый караван Михаила Хлудова, купца московской мануфактуры. Он прошел перевалами Ассы, Санташ, Музарт, стал первым российским купцом, торговавшим в Западном Китае. В декабре 1869 г. этим же маршрутом прошел Александр Каульбарс, возглавив первую гляциологическую экспедицию в Центральный Тянь-Шань и попутно основав в Прииссыккулье город Каракол (некогда город Пржевальск). Наконец, венгерский этнограф Ласло Берженчей собрался было идти из Верного в "Индийские края" тем же путем, в тех же условиях зимы 1874 г.

В снежную зиму 1869 г. Ротчев добирается до вожделенных берегов высокогорного "киргизского моря" Иссык-Куль. Возможно, он воспользовался новым путем, через западные ворота Иссык-Куля, Боамским ущельем. В то время военный строитель П.Ф.Кольдевин строил дорогу через перевал Кастек, соединяя укрепления Верное и Токмак с поселениями Чуйской долины. Потрясенный природой Тянь-Шаня, горным, незамерзающим оазисом, его нефритовым водоемом, путешественник Ротчев строит планы будущего судоходства, увлекает местную администрацию подводной археологией. В устье горной реки Кой-су ему покажут медную чашу, выброшенную волнами Иссык-Куля.[12] В 1871 г. сибирский краевед Н.А.Абрамов сделал перевод таинственной надписи на чаше*: «Весенние дни доставляют нам счастье. О, водонос! Дай мне оживляющей влаги… Похожий на розу напиток сосуда красу придает, подобно тому, как роза оживляет тюльпан, жизнью считай лишь то время, которое смертным дает наслаждение».*

В станице Алматинской

Здесь А.Г.Ротчев жил и работал более двух лет. Обыватели с почтением называли Алматинскую станицу городом, столицей Семиречья. В одном из ротчевских наблюдений находим, что "…под именем Укрепление Верное понимают не только крепость, расположенную на берегах горной, своенравной реки, вытекающих из высоких, снежных гор. Но и с двух сторон ее две казачьи станицы, Большую и Малую. А также Татарскую торговую слободку, расположенную несколько особняком, и прочие предместья… Верный, теперь столица Семиреченской области, основана в 1854 г. при Гасфордте, на месте прежнего туземного поселения Алматы (т.е. Яблоневое)… Все население занимает до тысячи домов"**.** Добавим к сказанному очевидцем, что возведение собственно Верного, так называемого Нового города, спроектированного на бумаге, началось в 1869 г., на выгоне казков Алматинской станицы. История сохранила имя первопоселенца, городничего А.Е.Андреева. К осени следующего года его семья въехала в первый дом строящегося города.

В пору своего основания Верный больше напоминал образцовую деревеньку, благоустроенную переселенцами из разных уголков пореформенной России. Крепкие избы под соломенными крышами строились по углам прямоугольного квартала. Внутри за нехитрой изгородью, кружевным плетнем или глинянным дувалом, находился хозяйственный двор. Обязательными были ледник –погреб со льдом, который позволял хранить запасы круглый год, а также банька да конюшня. Тропинка, обсаженная цветами, вела через фруктовый сад или огород к навесам для инвентаря. Обыкновенно к загонам с живностью или к прудам с птицей прокладывался арык, т.е. канал, густо заросший смородиной или терновником, – он же граница между соседскими дворами. Но были и городские усадьбы на одно строение, вынесенные задворками к реке Алматинке. Здесь и жилые дома были солиднее, под тесовой или железной крышей. С улицы ставились массивные деревянные ворота, которые открывали вид на лужайку перед домом, отдаленно напоминающую "английский парк".

Переселенцы использовали не столько семиреченские строительные приемы, как следовали привычным вкусам, обрядам и обычаям. Так, например, опорные камни фундамента они поливали кровью зарезанного петуха. Под углы нижних венцов сруба помещали монеты, в потаенные места жилища – ладан да шерсть. Считалось, что таким образом в доме сохранятся тепло и уют, а нечистая сила не коснется родных и близких людей. Поскольку переселенцы ничего не знали о Семиречье, то старались забрать со старого места жительства самое дорогое и необходимое. Везли они, например, полевые цветы в кадушках и плоские тяжелые камни в тряпицах для гнета при квашении капусты. Откуда им было знать, что солнца, цветов и камней в горном Заилийском крае хватит на всех с лихвой! По замечанию первопоселенца, "*…от предгорьев горного Алатавского хребта до глубины долины, в которой расположены станицы, идут пашни и сады.*

Все пространство на расстояние 10-15 верст, представляет наклонную, каменистую плоскость, т.о. речки по этой местности имеют довольно крутое падение. Оно и дает громадный запас механической силы, возможность отделять от ручьев арыки, направлять их на дело, на орошение, на мельницы… Великолепный климат, роскошная растительность и обилие водных источников, блага, которыми наделила природа Алматинскую долину, с первого раза поражают новоприбывшего". Между прочим, наклонная, каменистая местность, результат работы древних и новых селевых потоков, также обратила внимание сметливого первопоселенца : "*…разбросанные повсюду и всевозможных видов камни представляют удобные данные для геологического ознакомления с горными породами Алатавского хребта. Но по форме своей, совершенно неправильной, более или менее окатанной, по чрезмерной твердости, недоступной для тески, валуны отнюдь не могут доставлять удобный и дешевый материал для фундаментов значительных зданий. Несмотря на то, что они разнесены природою повсюду. Да так, что, где бы не вздумали строиться, эти камни уже есть на месте*"**.** Потому, наверное, город Верный возводился не каменный, дворцовый, а сплошь деревянный, одноэтажный, строился первопоселенцами, убежденными в коварстве селевых потоков и землетрясений, которыми природа сполна наделила горный Заилийский край. Время до основания стерло с лица земли алматинские дома и подворья, ушли в небытие городские символы, – яблоневые сады да тополевые рощи, неслышно журчанье старых арыков. А с ними растворились в коллективной памяти горожан названия и понятия благоустроенных предками станиц, преданы забвению имена первоустроителей и доброхотов былой жизни.

Здесь, в Алматинской станице, 19 февраля 1868 г. открыло свои действия правительство Семиречья, его областное правление. С точки зрения архитектуры это был арендованный у казака бревенчатый, срубленный из тянь-шанской ели дом, посреди недавно посаженной рощи (по воспоминаниям, – "скромный домик, за густыми акациями, бывших начальников Алатавского округа и киргизов Большой Орды; теперь, с орлом и надписью "Семиреченское областное правление").

Прибыв в Верный вторично, уже весной 1868 г., А.Г.Ротчев назначается на скромную должность делопроизводителя Областного правления. В одном из частных писем А.Г.Ротчев отметит: "…опытность, даровитость, благонамеренность и душевная теплота Начальника Семиреченской области (Г.А.Колпаковского. – **В.П.**) решительно подкупили меня, и я, предугадывая, что программа газеты встретит препятствия и возбудит толки – утомленный литературной и официальной деятельностью, недавно довольно дорого поплатившийся за эту деятельность, просил ходатайства генерала Колпаковского об оставлении меня на службе при нем".[13] В бытность Ротчева в Верном председателями правления –вицегубернаторами были А.Ф.Озеров, и сменивший его Е.А.Россицкий, а непосредственным начальником – Н.А.Аристов.[14] Среди ротчевского окружения – немало чиновников, знакомых российскому читателю по газетам и журналам: П.М.Зенков, П.Я.Рейнталь, В.А.Монастырский, В.К. Герн, В.И.Шевагин, К.А.Ларионов, И.А.Куратов. В инженерной дистанции и штабе войск Семиреченской области также работало немало петербужцев, наверняка знакомых и с А.Г.Ротчевым, и его публицистикой – офицер Семиреченского казачьего войска, кавалергард, будущий обер-шталмейстер Императорского двора А.А.Гринвальд, адьютанты штаба, военные писатели и географы Л.Ф.Костенко и барон А.В.Каульбарс, инженеры-строители Н.И.Криштановский, В.А.Фишер и К.С.Фабиан. Благодаря их опубликованным дневникам, воспоминаниям, письмам многое из ротчевской одиссеи в Семиречье становится понятным и близким.

Послесловие

Если поискать в интернете, об удивительной жизни Александра Ротчева можно найти немало сведений, большей частью о его калифорнийской одиссее. Но, к сожалению, зачастую это недобросовестная информация, повторяющая ошибки скудной и давно устаревшей справочно-энциклопедической литературы. Иные сайты не могут назвать даже правильной даты или места рождения нашего героя, не говоря уже о его родителях и близком окружении. Недостаточно изучен туркестанский период, остается неизвестным его творческое наследие (за исключением прочитанных литературоведами двух ротчевских статей "Из Ташкента" и "Очерки тороговли Семиреченской области"). Сообщается, например, что Ротчев из Петербурга через Оренбург, чуть ли не плацкартным вагоном поезда уехал в Ташкент, жил там и участвовал в издании "Туркестанских ведомостей" (в одном справочнике его называют редактором никогда не существовавшей газеты "Средняя Азия").

Напомним, краевые "Ведомости" вышли 28 апреля 1870 г. в Ташкенте, "Публикации по Семиреченской области и Кульджинскому краю" увидели свет 18 июля 1870 г. в Верном, о чем Ротчев узнал из "Биржевых ведомостей " (1870, № 243): "*…мы получили сегодня первый нумер «Туркестанских ведомостей» и с особенным удовольствием приветствуем нового собрата из Средней Азии, имеющего задачу быть пионером русской мысли и русского слова…*". Остается неясной доля участия Ротчева в подготовке первых печатных изданий края. Возможно разгадка событий кроется в архивных бумагах, воспоминаниях Н.А.Маева, редактора "Туркестанских Ведомостей" в 1870-92 гг.

Отметим также, в 60-70-е гг. XIX в. поездки в Русский Туркестан осуществлялись не поездом, а гужем, окольными, но безопасными дорогами Западной Сибири, ведь воинственные кокандцы грабили всякого, тем более европейца, и конного, и пешего, кто проникал к ним со стороны Оренбуржья или Закаспия. Расстояние от Верного до Ташкента, в 800 верст полного бездорожья обыкновенно преодолевалось извозчиком, на перекладных, за полмесяца; и только фельдъегерской почтой – за 4-5 дней (скачки днем и ночью, без сна и отдыха).

Остается не изученным период жизни Ротчева в Европе. Лишь сухие строки биографии о том, что в 1870-71 гг. он дескать посылал из Франции в русские газеты корреспонденции о Франко-прусской войне и Парижской коммуне. Добавим к сказанному, в Мюнхене Александр Гаврилович успел жениться на баронессе фон Ридерер. Дело баронессы , обнаруженное в Ташкентском архиве, сообщает и другие важные стороны жизни и деятельности Ротчева. В частности, что личные документы и портрет его были отправлены в Баварию. А это – ключ к поиску свидетельств личной и творческой биографий Ротчева. В этой связи весьма плодотворны розыски мюнхенского краеведа А.Э.Полонского о семье баронов Ридерер фон Паар-цу-Шенау, возможных родственников баронессы Ридерер.

Затем А.Г.Ротчев вернулся в Россию и, вероятно, был сослан в Саратов, где короткое время успел поработать редактором "Саратовского справочного листка". Работал инкогнито, подписывая номера псевдонимом. Современники замечают, что "год назад он совершенно случайно остановился в Саратове и сделался главнейшим участником "Саратовского листка". Скончался Александр Гаврилович скоропостижно 20 августа 1873 г. На могильной плите друзья начертали "Как человек – он заблуждался, как христианин – он умер". Эта надпись, говорится в некрологе, "едва ли не будет лучшею характеристикою его долгой и замечательной, полной всевозможных приключений жизни. Не все отнесутся к Ротчеву с благодарным чувством, но каждый, знавший его, скажет, что он был человек очень умный и добрый, хотя и заблуждавшийся. Смерть, вероятно, примирит его с теми, кто мог на него жаловаться; не имеющие же повода жаловаться на него скажут вместе с нами: мир праху его!"

Кладбище Спасо-Преображенского монастыря не сохранилось. Погиб в саратовском пожаре 1974 г. архив Ротчева. До сих пор не издано поэтическое, историко-культурное наследие А.Г.Ротчева, что также затрудняет представить цельный образ соотечественника, несмотря на робкие попытки.[8] Словом, новые поиски и находки в архивах, более пристальное изучение биографии и, как итог, – книга о русском писателе и театральном деятеле, публицисте и критике, редакторе и издателе, путешественнике и предпринимателе Александре Гавриловиче Ротчеве еще не написана и ждет своего часа.

Владимир Проскурин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первая версия очерка под названием "От Аляски до Семиречья" опубликована в журнале "Простор", 2006, №1.

[2] Относительно места и времени рождения поэта и его родителей есть и другие мнения биографов (см.: *Безъязычный В.* "Он был человек…". По страницам одной необыкновенной биографии // Журнал "Волга", 1970, № 12, с.178). Дом Ротчевых в Москве сохранился до сих пор, расположен во дворе театра на Малой Бронной.

Фамилия "Ротчев" могла писаться через "д". Так, его родной дядя Василий Яковлевич Родчев (1768-1803), живописец Санкт-Петербургской Академии художеств времени царствования Екатерины II, автор работ "Андрокл" и "Св.Себастьян" , за которые удостоен звания академика. По документам он значится сыном "вольного столяра немца". В архиве Академии художеств (РГИА, Ф.789) имеются документы на живописцев Родчевых Василия Яковлевича, Андрея Карповича, Ивана Ивановича. Здесь же свидетельство, выданное в 1834 г. "сыну умершего губернского секретаря Ротчеву Александру Гаврилову "…вследствие поданного от матери его прошения", что "отец его Гаврила Яковлев Ротчев действительно поступил в число воспитанников Академии 21 апреля 1773 г.; по окончании же курса учения выпущен из оной 5 апреля 1788 г., на основании Высочайше дарованной Академии Художеств 11 ноября 1764 г. привилегии 14 класса. Во время обучения его в сей Академии награжден оной двумя медалями… по намерению Академического Совета от 29 мая того же года он был отправлен в Париж, для дальнейшей практики. Откуда и возвратился в Россию в июле месяце 1792 года". Данные любезно представлены автору исследователем С.П.Забаринской.

[3] Тебеньков Михаил Дмитриевич (1802-1872) – вице-адмирал (с 1860 г.), правитель Русской Америки (1845-50), издатель "Атласа сев.-зап. берегов Америки и Алеутских островов" (1854 г., Демидовская премия); Костромитинов Петр Степанович, великоустюжский купец, торговый агент Российско-американской компании, правитель форта Росс (1829-36), вице-консул России в Сан-Франциско (с 1852 г.). В 1854 г. был вынужден продать с молотка форт Росс; Тимковский Константин Иванович (1814-1881), лейтенант флота (с 1845 г. в отставке), выпускник Московского университета, петрашевец, в 1849 г. осужден на каторжные работы в Сибирь (прототип героя Достоевского в романе "Бесы"). Участник Крымской войны 1854 г., прощен и восстановлен в правах.

[4] *Павловский И.Ф.* Полтавцы. Полтава, 1914. (Биографы полагают, что еще был сын Александр, который умер в младенчестве, и что юный Михаил в 1838 г. отправлен с юнкером К.И.Тимковским в Петербург. Ряд иных биографических сведений о семье требуют уточнения).

[5] *Петров В.* Русские в истории Америки. М., 1991, с.59. Виктор Порфирьевич Петров, подробно написавший о пребывании русских в Калифорнии в первой половине XIX в. и крепости Росс, немало страниц этой книги посвятил Ротчеву, отметив, что он оставил самый яркий след в истории этого селения (с.47). В.П.Петров является также автором романа в 2-х томах "Сага Форта Росс" (Вашингтон, 1961-1963), построенного на перипетиях судьбы семьи Ротчевых. С.П.Забаринская (см. о ней ниже в ссылке 8) писала: "В середине 60-х гг. мой отец получил в подарок от В.Петрова "Сагу Форта Росс" с персональной дарственной надписью. Это произошло благодаря их заочному знакомству через посредничество Владимира Иосифовича Безъязычного, первого, кто случайно вывел из небытия образ моих предков…".

[6] Гагарин Павел Петрович, князь. Его дети: Елена (1805 г.р.), Анна (1806 г.р.), Владимир (1807 г.р.), Ардальон (1809 г.р.) – все уроженцы Москвы, где их крестили в храмах Замоскворечья. В 1824 г. Московское дворянское депутатское собрание внесло мальчиков в 5-ю часть дворянской родословной книги. Архивные свидетельства ветви древа князей Гагариных приведены по данным А.В.Краско и С.П.Забаринской.

Ротчева (кн. Гагарина) Е.П. (некролог) // Петербургский листок, 1880, № 17. О ней см. также: *Матханова Н.П.* Прекрасная Елена // Земля Иркутская (альманах), 2005.

[7] Львов Федор Николаевич (1823-1885), выпускник Московского университета, химик. В 1849 г. штабс-капитан лейб-гвардии егерского полка, петрашевец, осужден на каторжные работы в Сибирь вместе с Достоевским, Плещеевым, Дуровым, другими литераторами и учеными, в т.ч. с отставным лейтенантом флота К.И. Тимковским, спутником Ротчева в кругосветном плавании на компанейском корвете "Елена". Его жена Львова (Ротчева) Елена Александровна (1833-1907(?).

Их дочь Юлия Федоровна (1873-?) вышла замуж за Вакселя Александра Александровича, представителя старинной фамилии, родоначальником которой был шведский моряк Свен Ваксель, сподвижник Витуса Беринга. У них была дочь Ольга (1903-1932), вышедшая замуж за Смольевского Арсения Федоровича (1883-1967). У них, в свою очередь, в 1923 г. родился сын Арсений, который в своем доме в Ленинграде создал своеобразный музей семьи Ротчевых. Правнук Ротчева обратил внимание литературоведов на отношения его матери Ольги Ваксель и Осипа Мандельштама (см. журнал "Литературная учеба", 1991, № 1, с.163-170). Этой теме посвящена изданная в 2002 г. книга А.С.Ласкина "Ангел, летящий на велосипеде" .

[8] З а б а р и н с к и й Ахиллес Иванович (1820-1895) происходил из старинного шляхетского рода, в семье был первенцем, мать немка. Служил в лейб-гвардии Преображенском полку, окончил академию Генерального штаба. В 1853 г. командирован в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н.Муравьева-Амурского, где занял место начальника штаба по морскому и сухопутному ведомствам. За производство геодезических и гравировальных работ, составление карты Забайкальского округа масштабом 10 верст в дюйме, был удостоен в 1853 г. Монаршего благоволения. В Сибири пробыл до 1857 г. В 1860-77 гг. председатель Полтавской губернской палаты. После отставки получил чин тайного советника. Состоял президентом Полтавского сельскохозяйственного общества, гласным уездной управы и городской Думы. Его вторая жена З а б а р и н с к а я (Р о т ч е в а) Ольга Александровна состояла попечительницей Полтавской Мариинской женской гимназии. У них было два общих сына Павел и Петр. З а б а р и н с к и й Петр Ахиллесович (1857-1915) окончил Полтавскую гимназию и Новороссийский университет по естественному отделению, автор ряда работ по естествознанию. Жена - Варфоломеева Александра Андреевна. Их сын – З а б а р и н с к и й Петр Петрович, историк отечественной науки и техники, автор книг серии "ЖЗЛ", редактор "Архива истории науки и техники", член Комиссии по истории знаний НИИ истории науки и техники (1932-39). Погиб на Финской войне. З а б а р и н с к и й Павел Петрович (1906-1988), засл. геолог РСФСР, доктор геолого-минералогических наук, эксперт ЮНЕСКО по нефти и газу, профессор Грозненского нефтяного института, разведчик нефтяных месторождений в Али-Юрте и Махачкале. Его старшая дочь Светлана (р.1937) – хранительница семейных преданий, собрала воспоминания о своем пращуре А.Г.Ротчеве, член Международного клуба "Иркутск – Форт Росс". В домашнем архиве С.П.Забаринской хранятся портреты дочерей Ротчева Елены Александровны и Ольги Александровны, Е.А.Ротчевой с мужем Ф.Н.Львовым и дочерью Юлией; групповой портрет О.А.Заборинской с дочерью Марией Гаццари и с племянницей Юлией Львовой; портрет кн. Елены Павловны Гагариной в преклонном возрасте.

[9] *Макшеев А.И.* Пребывание и встреча Кауфмана в Верном осенью 1867 года // Русская старина, 1913, т.153, кн.3.

[10] О чем поспешили дать объявление "Биржевые ведомости" (1869, № 74), мол, в Верном "с живым нетерпением ожидают появления "Туркестанского Вестника" под руководством г-на Ротчева".

[11] По этому поводу в журнале «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, herausgegeben von A.Ermann» за 1860 г. писалось, что "сведения г-на Валиханова об обстоятельствах смерти Адольфа Шлагинтвейта попали в немецкую периодическую печать". Тем временем российское издание "Иллюстрация" (12 января1861 г.) кратко, но весьма неточно, проинформировало читателей, якобы "череп покойного Шлагинтвейта, убитого во время его странствования, привезен из Яркенда (Восточная Индия) одним английским офицером". Теперь известно точно, что Адольф Шлагинтвейт погиб в Кашгаре 26 августа 1857 г.

[12] *Колпаковский Г.А.* Об остатках древних поселений на Иссык-Куле // ИИРГО, т.3, 1870.

[13] К о л п а к о в с к и й Герасим Алексеевич (1819-1896), военный губернатор Семиреченской области (1867-83), и.о. генерал-губернатора Туркестанского края (1881-82), почетный член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоял в ИРГО. Содействовал успеху многих экспедиций по изучению производительных сил и культуры Туркестана. Дипломат Ю.Шуйлер. посетивший Верный осенью 1871 г., как и многие другие, попал под обаяние личности Колпаковского, отметил нравы, обычаи и порядки при нем, его преобразовательную деятельность: "...достаточно даже недолго пробыть в Семиречье, чтобы убедиться в глубоких различиях между администрацией этой провинции и управлением чиновников в Ташкенте".

В переписке А.Г.Ротчев сообщает адресату , что "собрал сведения о торговле, первый труд окончен". Это были "Очерки торговли Семиреченской области. 1868-1869 гг." опубликованные в газете "Биржевые ведомости".

[14] А р и с т о в Николай Александрович (1847–после 1898), востоковед, этнограф, выпускник юридического факультета Казанского университета (1864), председатель областного правления Семиреченской области, вице-губернатор (с 1 июня 1881 г.; в 1868-81 – начальник распорядительного отделения областного правления; с 1889 г. в отставке). В Верный переведен по службе 4 января1868 г. из Западной Сибири, где служил делопроизводителем Тобольского губернского правления, участковым заседателем Тарского округа. Службу в Туркестане начал столоначальником, затем был верненским уездным судьей, инспектором народных училищ, младшим чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области (1868). Занимался этнографией, автор исследований культуры тюркских народов. С 1893 г. член ИРГО, сотрудник журнала "Живая старина". С 1879 г. – председатель областного статистического комитета Семиречья, с 1870 г. редактор газеты "Публикации по Семиреченской области и Кульджинскому краю" (впоследствии – "Семиреченские областные ведомости").

[15] Имеются ввиду две публикации: *Ротчев А.Г.* Воспоминания русского путешественника. М., 1991; *Гуривенко А.Н.* Романтизм переводов А.Г.Ротчева // Из истории русского художественного перевода XIX века. М., 2002.

СЕМИРЕЧЬЕ ДАЛЁКОЕ И БЛИЗКОЕ

Владимира Николаевича Проскурина – автора опубликованной выше статьи, можно по праву назвать краеведом, чей внимательный взгляд обращен в прошлую жизнь Туркестанского края. Минула целая человеческая жизнь с тех пор, как этот дальний форпост Российской империи был превращён в советские республики, составлявшие Среднюю Азию и Казахстан, и едва достигло совершеннолетия поколение людей, родившихся в год образования на этом огромном пространстве независимых центральноазиатских государств. Мир "шестой части суши" – там, где был СССР – теперь иной. Другой стала Европа, сменился и почтовый адрес нашего краеведа. Ныне он живет и здравствует в славном немецком городе Берлине, в уютной квартире около самого большого и живописного городского парка за дворцом Шарлоттенбург. Но и там он продолжает "ведать" бывшей столицей советского Казахстана, а электронные письма в благословенную Алма-Ату подписывает в духе эмигрантов первой послереволюционной волны: "Проскурин из Берлинска". Или "Семирек из Шарлоттенграда". К слову, столицу

Германии он знает не хуже иных старожилов, проводит экскурсии по русскому Берлину, по его потаённым уголкам, связанным с именами туркестанцев.

Заслуженный работник культуры Республики Казахстан, профессор университета "Туран", академик Международной академии информатизации, почетный член Казахского общества охраны памятников истории и культуры, Владимир Проскурин продолжает изучать прошлое родных пенат, находя в западноевропейских и российских архивах и библиотеках новые свидетельства и фотографии. Он возвращает к жизни имена туркестанских деятелей, волею судеб покинувших родину в годы революций, войн или иных катаклизмов, промелькнувших в калейдоскопе истории XX века. Пример тому – прошедшая с успехом в Париже весной 2006 г. выставка "Дорогами кочевий" (из новых поступлений коллекции фотодокументов краеведа В.Н.Проскурина). Мы решили поздравить нашего автора с недавним 60-летним юбилеем в несвойственном ежегоднику "Культурные ценности" жанре интервью, потому что разговор с таким человеком невозможно заменить никаким панегириком и, тем более, дежурной статьей.

– Владимир Николаевич, Ваши исследования по истории Семиречья, его столицы, известной под тремя названиями Верный – Алма-Ата – Алматы, снискали Вам авторитет в научных кругах, интерес и признание достаточно широкой аудитории. Материал, собранный Вами, просто огромен. Занимательно слушать Ваши лекции и радиопередачи, экскурсии по родному краю, смотреть телепрограммы, читать книги, многочисленные очерки и эссе, выуживая их из интернета. И, конечно, интереснее всего общаться лично. Кто развил в Вас страсть к краеведению? Что послужило толчком для будущего дела всей жизни? И кем Вы считаете себя в первую очередь: ученым, преподавателем, писателем-краеведом?

– Провести жесткое разделение не получится. Уже в студенчестве меня увлекла исследовательская работа. В те юные годы я занимался горными видами спорта и моим первым стадионом стала Всесоюзная турбаза "Горельник", в предгорьях Алма-Аты (она же альма-матер "шестидесятников"). Там, на горных тропах, у костра под гитару, познакомился со знающими людьми (среди отдыхающих были и космонавты, и ученые, и артисты, и художники). Смешно вспоминать, эти солидные туристы называли меня, желторотого и босоногого инструктора, по имени-отчеству. Таковы были неписанные правила гор. Со многими из этих людей я долгие годы поддерживал контакты, ездил в гости, вместе путешествовали по Союзу. Долгие часы проводил в библиотеках и архивах Москвы, Питера, Омска, Оренбурга. Моими собеседниками, проводниками и наставниками стали П.С.Рототаев, А.П.Горбунов, Б.А.Кириков, А.Ф.Крашенинников, Н.П.Ивлев, А.П.Окладников, С.Г.Кляшторный, М.К.Козыбаев, Г.А.Пугаченкова (в этом сонме именитых можно назвать немало иных – ярких и самобытных личностей, которые оказали на меня особое влияние. Всем им низкий поклон). Каждый из моих визави направлял мысли в нужное русло, помог со специализацией. В московской Академии общественных наук получил подготовку редактора–издателя; затем окончил курсы реставратора-архитектора. Стал членом творческих союзов журналистов, кинематографистов, архитекторов. Столичные друзья, замечая мой разрастающийся диапазон, в шутку называли Владимиром Гиляровским-вторым…

Отчасти сыграли свою роль в выбранном мною пути и родители. Аккумулировала творчество семья, где сегодня моя пристань… Жена у меня педагог, воспитавший не только плеяду способных учеников, а прежде всего, двух наших прелестных дочерей. Теперь они наша любовь и опора. Мой отец – технарь, был доцентом казахстанского политеха. Он работал в московском институте "Цветметзолото". У отца был аналитический ум, он много читал, знал дюжину иностранных языков, отлично владел кистью художника-копииста. Мама, не взирая на свое техническое образование – она училась там же, где отец – больше тяготела к искусству и литературе, преподавала музыку. В годы войны наша семья была эвакуирована в Казахстан, да так здесь и осели. После 1991 года судьба разбросала нас по всему земному шару: родственники живут в Майами, Николаеве, Тбилиси, Берлине, Москве, Нью-Йорке. Уж простите за нескромность, но по количеству заслуженных деятелей, внесших вклад в национальное достояние республики, наша семья, пожалуй, держит пальму первенства. Мария Александровна Гольцева, моя бабушка, была концертмейстером Оперного театра в Алма-Ате, стояла у истоков музыкального образования Казахстана. Ее правнук Алексей Кутунов стал военным дирижером, первым руководителем Президентского оркестра республики. Старший мой брат Алексей Николаевич и его

супруга Баян Туякбаева прославились в деле изучения архитектурных памятников, оба получили звание "Заслуженный архитектор Казахстана" за реставрацию мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. Так что присутствует семейное влияние и на выбор моей профессии: круг коллег и единомышленников брата – это и мой круг.

– *Расскажите, с чего началась Ваша работа в системе охраны памятников?*

– Памятники архитектуры лучше сохраняются, когда они включены в жизнь общества – это аксиома. Казахстан вместе с суверенитетом приобрел право говорить о том, что у него своя, самобытная, древняя история. А история – это прежде всего память, материализованная в памятниках. Без истории и памятников, согласитесь, нет и нации.

Как и во многих странах, в Республике Казахстан памятники истории и культуры нашли свое отражение в национальной валюте. На всех крупных купюрах присутствует изображение комплекса Ходжа Ахмеда Ясави. На других воссозданы образы мавзолея Бабаджи Хатун, фрагмент некрополя Сейсен-ата на Мангышлаке, наскальные гравюры урочища Танбалы-тас в окрестности Алматы. В композиции символа Независимости, обелиска на главной площади южной столицы, навершие образованно из фигуры "Золотого человека", парящего на крылатом барсе. Сам обелиск – увеличенная копия *кулпытаса* из некрополя Ушкан-ата работы народного мастера-камнереза Егесина (XIX в.). Наконец, государственный герб страны образуют элементы головного убора упомянутого "Золотого человека", этого казахского Тутанхамона, жившего в V-IV вв. до н.э., чьи мумифицированные останки вместе с великолепным одеянием найдены археологами в кургане Иссык. Так если казахские памятники запечатлены на купюрах, охраняемых бронированными дверьми банков, то почему же в реальной жизни богатейший фонд культуры предыдущих поколений остается незащищенным?

Вспоминаю, как в далеком 1966 году я был приглашен к министру культуры для объяснений по поводу моих настойчивых требований сохранения историко-культурного наследия Алма-Аты в связи с необоснованным сносом очередного архитектурного памятника. Меня познакомили с Тохтагазы Жанысбековым, возглавлявшим тогда министерский отдел охраны памятников и музеев. Наша памятная беседа закончилась вручением мне удостоверения общественного инспектора. А дружба с Тохтагазы и его коллегами, моими единомышленниками, счастливо затянулась на годы. Если считать мандат инспектора за начало моей трудовой деятельности, верно то, что вот уже сорок лет я пребываю в этой ипостаси. Однако, моя работа не была штатной: я жил в мире моих увлечений и пристрастий. Моя работа заключалась больше в публицистике. Со страниц казахстанских газет и журналов всеми мне доступными средствами я привлекал внимание общественности к действенной охране культурного наследия. Некоторое время занимался выпуском региональной литературы, в частности, энциклопедий "Алма-Ата" и "Караганда", редактировал ежегодники "Памятники истории и культуры Казахстана", издавал собственные брошюры об Алма-Ате и алмаатинцах. По моим сценариям созданы документальные киноленты и телефильмы. Я серьезно увлекся топонимикой окрестностей Алма-Аты, затем – историей города, его старых домов и их обитателей, постепенно овладевая наукой и практикой глобального краеведения, экологией природы и культуры.

Прошлого, нашей беспокойной молодости не вернуть. А сколько было вложено сил и сколько испытано счастливых минут открытий, связанных с поиском материалов для Свода памятников истории и культуры Семиречья! Мне довелось составлять исторические справки-паспорта на памятники архитектуры, включенные в историко-опорный план градостроительного развития Алма-Аты. Увы, сегодня дело моей жизни оказалось неактуальным: город моей юности превращается из мест, где обитала душа, в некий бизнес-центр, в "многофункциональный комплекс Нурлытау" (по определению новоявленных инициаторов и авторов перестройки Алматы). И туда уже не вписываются романтические золотые крылечки и резные ставенки, журчащие арыки и естественная, живая природа, вечные, как нам казалось, рощи и кладбища. Старое не нашло компромисса с настоящим…

– *Старому городу остается только одно – лечь воспоминаниями, документами, фотографиями в архивную пыль или воскреснуть в краеведческих альбомах, книгах, фильмах.*

– Да, и моим уделом остается научно-популярная литература, эссеистика, документальный очерк, где *happy end* – жуткий анахронизм. В Германии я вдруг осознал значение пословицы "Мой дом – моя крепость". В этом огороженном форпосте я успеваю подготовить в среднем одну книгу в год. Прежде всего это – фотоальбомы под общим названием "Весь Алматы", изданные по моим материалам, и коллекции почтовых открыток. Мне выпала возможность принять участие в московских проектах, написать статьи для многотомных изданий "Архитекторы Российской империи" и "Российские немцы". В Алматы с моим участием только что издан справочный том "Памятники истории и культуры Казахстана". Передал издателям новую книгу рассказов о старой Алма-Ате.

– *В начале 60-х советское краеведение, разгромленное тридцатью годами ранее, обрело вторую жизнь: в республиках стали создаваться добровольные общества охраны памятников истории и культуры (ДООПИК), возникли интересные историко-краеведческие издания. Разумеется, все делалось под неусыпным контролем партии и правительства, не то что в относительно вольные 20-е, но и теперь, я полагаю, многое зависело от конкретных людей, от правильно поданной частной инициативы. В Туркмении, например, ничего бы не получилось, не будь тогда во властных структурах одной влиятельной личности: Аннамухамед Клычев, тогдашний председатель Президиума Верховного Совета Туркменской ССР, сам возглавил местный ДООПИК и много лет был душой этого дела. Тогда многое в сфере охраны, реставрации и пропаганды наследия удалось сделать именно благодаря его поддержке и связям. А как было в Ка-*

захстане? Ведь именно в те годы Вы начали свою деятельность.

– Ну, как говорится, не без курьеза. И связан господин случай с возрождения знаменитого архитектурного комплекса в городе Туркестане. Теперь этот памятник в Казахстане пишут с казахским прононсом: *Кожа Ахмет Ясауи,* что по-русски звучит, согласитесь, несколько нелепо. Так вот, легенда повествуют, что мусульмане, живущие за рубежом, постоянно добивались от советского правительства разрешения для паломничества к могиле великого туркестанского шейха, считая его мавзолей второй Меккой. Среди тех, кто хотел совершить там зиарат, были, дескать, даже весьма влиятельные особы: президент Индонезии доктор Сукарно и египетский лидер Гамаль Абдель Насер. Атеистическая Москва, как правило, оставляла без внимания подобные просьбы, ссылаясь на отсутствие благоустройства и туристского сервиса в этом присырдарьинском уголке Южного Казахстана. Однажды, говорят, советский премьер А.Н.Косыгин в телефонном разговоре с Д.А.Кунаевым, тогдашним руководителем Казахстана, обронил: "Если Казахстан не в силах решить вопрос о реставрации памятника, этим займется Москва". На что будто бы Димаш Ахмедович патриотически ответил: "Республика в силах".

Так, или иначе, но 11 февраля 1966 года было подписано постановление правительства, по которому поручалось организовать в республике работу по охране памятников истории и культуры. И начинать нужно было с Туркестана. Могущественный Кунаев лично контролировал налаживание механизма реставрационных работ. Он ежегодно, не менее двух раз, посещал казахстанскую Мекку, не забывая уединяться в Кудук-хане, дабы испить святой воды из священного колодца шейха Ясави.

– *Как Вы теперь оцениваете состояние системы охраны памятников в Казахстане?*

– Тридцать первых лет развития охранной службы можно считать положительным явлением. Напомню, тогда были созданы специальные научно-реставрационные производственные мастерские (СНРПМ) с прорабскими участками на местах. Методом проб и ошибок казахские реставраторы пришли к пониманию средневековых технологий и материалов, запустили производство кирпича и майоликовой плитки по рецептам древних мастеров. В дальнейшем все эти начинания объединились в трест "Казреставрация". В начале 80-х годов проектная группа при тресте выросла в головной институт "Казпроектрестарация" (затем Институт материальной культуры). В институте выросли высококвалифицированные кадры, созданы библиотека и архив исследований, наработаны материалы по объектам Шелкового пути. Но с 1995 года начался развал системы. Прежде всего, был ликвидирован головной департамент историко-культурного наследия. Оказались выброшенными и невостребованными десятки специалистов, ликвидированы производственно-технические базы, под сукно положены наработанные проекты изучения, реставрации и консервации конкретных памятников. Многие из них оказались в руках зарубежных реставраторов, не всегда понимающих специфику казахстанских памятных и исторических мест. Приоритетом стала коммерция – вложить, прокрутить деньги, получить проценты. Культурное наследие казахов попало, что называется, под покровительство бога торговли Меркурия.

Только за последние 10-15 лет в Алматы поставлено на учет 20 памятников монументального искусства (за это же время снесено 5); 22 здания, представляющих собой историческую ценность (из них снесено 12); 14 памятников советской архитектуры (снесено, перепланировано, искажено – 8). Строительство новостроек в исторических кварталах города и, соответственно, снос памятников старины, ведется при равновеликом непротивлении и равнодушии общества и государственных органов. Подверглись перепланировке и искажению художественного образа здания гражданской архитектуры, переданные под посольства, иные дипломатические представительства и зарубежные компании. Продолжается новое строительство в охранной зоне Алматинского государственного историко-архитектурного мемориального заповедника.

– *А как же охранное законодательство?*

– Закон, он вроде и не причем. Хотя, по этому поводу должен ответить прокурор, остающийся пока по ту сторону Градостроительного кодекса (или по эту сторону Закона Казахстана "Об охране и использовании историко-культурного наследия". Вольное толкование закона позволило здешним чиновникам протолкнуть понятие "использование памятника", что имело горькие последствия. Поспешность и волевое решение нанесли непоправимый вред всей системе, привели к неоправданным, нелепым, абсурдным потерям и расходам.

Разительное расхождение слов и дел – непременный элемент политики не только коммунистической державы. Характерная для Страны Советов ситуация, когда законодательство было сугубо декларативным, совершенно не изменилась. С одной стороны – народ, которому дозволяется любить свое прошлое, с другой стороны – власть, постоянно следящая за балансом классовых (понимаемых теперь в смысле кланово-партийной преданности) интересов. Конфликтность взаимоотношений разных социальных групп не оставляет шансов для формирования полноценной системы защиты культурного наследия. К сожалению, не вечны и памятники. Мировая история богата примерами, когда целые государства разваливались вслед за последними маркерами нравственной силы народа – его духовными символами.

Другая проблема – это подготовка кадров. С одной стороны, я убежден: реставраторов не готовят – это призвание, ими надо родиться. И жить на дотации, не извлекая материальных выгод – это не та сфера, где можно хорошо заработать. Сегодня остались единицы из тех, кто способен на подобный труд и существование. Те, кого давно уволили, постепенно потеряли квалификацию, а для подготовки новых потребуются годы! Тут одно из двух: терпеливо выращивать молодое поколение, вкладывая средства в их образование, или потом за гораздо бо́льшие деньги приглашать специалистов из-за рубежа…

– После распада СССР в постсоветских обществах возник интерес к своим корням и истории своего народа. И, как следствие, он породил лавину «исследований», которые опираются на активную критику общепринятой научной исторической школы. Каково Ваше отношение к этим новым, порой скандальным исследованиям?

– Думаю, подлинного ученого и профессионала от дилетанта отличает прежде всего то, что он умеет получать необходимую информацию из любого источника. К тому же, основой любого исторического исследования являются не сами источники, а извлекаемые из них данные – исторические факты. Впрочем, выполняя так называемый социальный заказ по модной в наши дни проблеме этнокультурной и национальной идентичности, выдавая желаемое за действительное, ученый-гуманитарий стоит перед выбором. На весы истины ставятся его карьера и материальное благополучие, будущее семьи. Согласитесь, продолжать писать историю построения коммунизма в отдельно взятой республике – уже безрассудно, заниматься историей современного Казахстана – еще опасно: мол, то ли еще будет? Остается бывшему историку КПСС с легкостью дилетанта взяться за нейтральную, с его точки зрения, археологическую науку. И тут происходит сущее наваждение. С одного памятника материальной культуры автоматически распространяются выводы на целый регион и всю эпоху. Именно это недопустимо. Можно ли, например, по одной монете, найденной на раскопках некого городища, судить-рядить о тысячелетии Алматы? Умножая квазихронологию и дутую славу региона – оказывается, очень даже можно. Вот уж, действительно, говоря словами поэта, *«нам глубь веков уже видна неразличимою детально, и лишь историку дана возможность врать документально».*

Причем, заметьте, подобные псевдонаучные дискуссии, быстро впитываемые обывателями, разгораются по мере выбора столицы Казахстана. А их в одно ушедшее столетие было четыре: Оренбург, Кзыл-Орда, Алма-Ата, Акмолинск (нынешняя Астана). Тем временем, практически стерты с лица земли важные памятники прошлого Семиречья, среди них археологический комплекс Бурана с несторианскими кладбищами вокруг Пишпека, а также городища Талгар и Алмату. Снесены памятники, созданные для увековечивания выдающихся людей и знаменательных исторических событий, часовни в память жертв верненских землетрясений 1887 и 1910 гг., надгробья на могилах первопоселенцев и военных, героически погибших в годы освоения края.

Особенность сегодняшнего времени заключается в том, что традиционный уклад жизни (семейный, общественный, национальный) со своими духовно-нравственными ценностями уже разрушен. На смену традиционному обществу приходит гражданское. Условия жизни изменились, но требования к воспитанию, надеюсь, остались те же. Разве не хотят современные родители, чтобы их чада выросли гармонично развитыми, образованными людьми, сознающими себя гражданами своего государства и патриотами своей Родины, нравственными людьми, сознательно делающими выбор в пользу общественного блага?

– Банально, но верно. Однако в обществах, переживающих духовный кризис, утративших веру, оторвавшихся от своих духовных и национальных корней эта задача чрезмерно усложняется.

– Казахский писатель Абдижамил Нурпеисов, обращаясь к молодому поколению, говорит в своих книгах-исповедях о том, как попирая законы Всевышнего, законы природы, человек, войдя в азарт, перестал замечать, что разрушает самого себя, разрушает основы, которые держат его мир, его душу, и лишает себя всякой надежды. Его роман "Последний долг" переведен на многие языки мира. Однако, желающих читать наставления аксакала у него на родине явно поубавилось. В Казахстане сегодня весьма популярен другой жанр и иные кумиры – такие как писатель Мурад Аджи с его весьма далекими от науки размышлениями о "степной культуре" или "религии Степи". Он – желанный собеседник высоких покровителей, ему предоставляют эфирное время и газетные полосы, его воззрения уже проникают в учебники!

Ревизия истории нередко играет негативную дифференцирующую роль, подпитывая этноцентризм и этническую ксенофобию, противопоставляя этнические группы друг другу, создавая мифы и конфликты. Суверенизация бывших республик Средней Азии и Казахстана в каждой из них по-своему привела к мистификации и этнизации объектов культурно-образовательного процесса, породила новые, порой нелепые и беспомощные мифы о своем мнимом прошлом. А ведь вольная интерпретация истории далеко не безобидна: она разделяет людей по расовой, языковой и конфессиональной принадлежности и непосредственно влияет на геополитические стратегии, которые вряд ли способствуют урегулированию межнациональных конфликтов и движению к открытому гражданскому обществу. Здесь впору процитировать строки Игоря Губермана:

История ходит по кругу
Из крови – по грязи – во тьму,
Где лгут и себе, и друг другу,
И память не служит уму.

– Как Вы думаете, человек – хозяин своей судьбы или игрушка в ее руках?

– Если в шутку, он – хозяин игрушки.

– И последнее: какой ответ историка на вопрос «было, не было, как именно было», можно считать самым честным?

– Полагаю, блуждать в поисках непререкаемой истины, каковой в природе нет и никогда не было, бесперспективно. Потому отвечу поэтической строкой, вновь пришедшей на ум:

В прошлом были те же соль и мыло,
Хлеб, вино и запах тополей;
В прошлом только будущее было
Радужней, надежней, и светлей....

Беседу вел Руслан Мурадов

НАЗАР БАЗАРБАЕВИЧ ХАЛИМОВ (1942-2005)

63 года прожил Назар Халимов – туркменский филолог-арабист и историк культуры, человек ярких дарований и широких научных интересов: полиглот, переводчик, археограф, религиовед, фольклорист, исследователь и реставратор исламских архитектурных памятников. Его безвременная смерть стала поистине невосполнимой утратой для науки, которой он служил, потому что не успел сделать многое из того, над чем работал, что задумывал и что мог осуществить, пожалуй, только он один с его специфическими знаниями и опытом.

Н.Б.Халимов родился 19 мая 1942 г. в Ташаузе (ныне Дашогуз) в семье служащего. В 1959 г. из средней школы перешел в школу рабочей молодежи и с 1960 г. начал свою трудовую жизнь – из-за нехватки педагогических кадров в системе народного образования 18-летний юноша стал преподавать русский язык в сельских школах. Тяга к средневековой культуре и познанию языков привела его в 1965 г. в Ташкентский государственный университет: он поступил на Восточный факультет по специальности "арабский язык и литература". Заведующим кафедрой арабистики и его первым наставником стал Баки Закирович Халидов (1905-1968), чей сын, Анас Бакиевич, впоследствии доктор филологических наук, был в то время заведующим арабским кабинетом им. И.Ю.Крачковского в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН) и во многом помогал Назару сделать первые шаги в науке. После успешного окончания ТашГУ в 1970 г. Халимову была присвоена квалификация востоковеда-филолога-арабиста. Отработав войсковым переводчиком в штабе Туркестанского военного округа, в 1973 г. он возвратился в Туркменистан и стал научным сотрудником Института истории им. Ш.Батырова АН Туркменской ССР. Основной темой его исследований с тех пор являлись манускрипты, хранившиеся в Рукописной фонде Института языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменской ССР: это несколько тысяч старинных книг на арабском, персидском и тюркских языках, которые не только не были научно обработаны и систематизированы, но зачастую даже не подвергались идентификации. Перед молодым и пытливым исследователем открылся непочатый край работы. Его девизом стало выражение академика Б.А.Рыбакова, определившего всю археографическую деятельность четырьмя словами: *искать, находить, изучать, издавать!* Н.Халимов уже знал фонды Собрания восточных рукописей АН Узбекской ССР и бухарской коллекции нынешнего Института восточных рукописей РАН, его охотно консультировали председатель Археографической комиссии АН СССР профессор С.О.Шмидт, председатель Восточной секции этой комиссии академик А.Н.Кононов, а научным руководителем диссертации стал профессор Олег Федорович Акимушкин – один из крупнейших современных специалистов по мусульманской рукописной книге и суфизму. Назар Халимов всегда с теплотой и благодарностью говорил об этих людях, сыгравших столь важную роль в его становлении как ученого. В 70-80-е годы большой популярностью у рядовых читателей и специалистов пользовался журнал "Памятники Туркменистана", выходивший параллельно на русском и туркменском языках. У Халимова установилось тесное сотрудничество с этим изданием, а с 1982 г. до самого закрытия журнала в 1991 г. он состоял членом его редакционной коллегии. На страницах этого и других специализированных изданий постоянно выходили его статьи и заметки, вводящие в научный оборот новые археографические материалы, а также затрагивающие актуальные вопросы изучения, описания богатейшего рукописного наследия республики, организации лаборатории по реставрации древних рукописей. Работая в системе Академии наук, Назар Халимов тесно сотрудничал с представителями смежных исторических дисциплин, особенно плодотворно – с археологами, с которыми у него завязались как дружеские, так и сугубо профессиональные взаимоотношения. Он участвовал во многих археологических и этнографических экспедициях, а главным объектом его интереса была арабская эпиграфика, достаточно широко представленная на памятниках материальной культуры Туркменистана. Особое отношение он питал к богатому надписями Куня-Ургенчу с его шедеврами архитектуры XI-XIV вв., тяга к познанию которых, по собственному признанию Назара, у него была с самого детства, ведь он вырос в этих краях и знал не по наслышке эти яркие свидетельства далекого прошлого Хорезма. К сожалению, он не дожил всего несколько дней до того знаменательного дня, когда Куня-Ургенч был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Когда в 1980 г. в другом достопримечательном месте Туркменистана был создан самый первый в республике Государственный историко-культурный заповедник "Ниса", началась кропотливая работа по определению и установлению границ заповедной зоны, разрабатывалось и утверждалось положение и штатное расписание этой, тогда еще совершенно новой для нас научно-исследовательской и культурно-просветительской структуры. Наряду со специалистами, работавшими в то время в сфере охраны

памятников и известными археологами, занимавшимися исследованием нисийских древностей, к этой работе привлекли и Н.Халимова, который и был назначен первым в истории этого заповедника директором. Учитывая отсутствие в Туркменистане опыта работы подобных учреждений, Халимов стал налаживать контакты с руководителями и специалистами заповедников из других союзных республик, ездил в командировки, приглашал к сотрудничеству коллег. В бытность Назара Халимова директором вокруг охраняемой территории была возведена металлическая ограда, установлены полевые вагончики для работы сотрудников (эти временные помещения служат заповеднику до сих пор), продолжались археологические раскопки на Старой Нисе и сделаны первые, хотя порой и неудачные попытки консервации древних сырцовых сооружений. Но именно эти принципиальные шаги заложили научный фундамент в методику и практику сохранения очень хрупких, обреченных на быстрое уничтожение сырцовых конструкций, вскрытых археологами.

Возглавляя Государственный историко-культурный заповедник "Ниса", Назар Халимов не переставал проявлять интерес к памятникам Куня-Ургенча. И как результат - издание его очень ёмкой по содержанию и лаконичной по изложению книги "Путешествие в древний Ургенч"). Это практически первая, и по сей день единственная научно-популярная книга на туркменском языке о Куня-Ургенче и его историко-культурном наследии. В ней автор не только излагает свое виденье нерешенных проблем в исследовании выдающихся архитектурных сооружений легендарного города, но и впервые вводит в научный оборот ранее не изученные и потому малоизвестные памятники позднесредневекового Куня-Ургенча, краткие сведения о которых приводились в его ранних научных сообщениях. Сегодня мало кто задумывается, что ведь в большой степени благодаря этой публикации и активной деятельности самого Назара Халимова на эти неприметные из-за соседства с объектами мировой значимости памятники было обращено внимание: они поставлены на государственный учет и к настоящему времени многие из них отреставрированы. Очень интересными, но на первый взгляд не совсем понятными для архитекторов-реставраторов были предложения, выдвигавшиеся Н.Халимовым относительно конструкции несохранившегося фонаря минарета Кутлуг-Тимура и методам укрепления верхнего аварийного участка его ствола. Не являясь профессиональным архитектором, Халимов в ходе возникавших дискуссий очень грамотно отстаивал свои идеи по многим ключевым вопросам реставрации памятников архитектуры и убедительно доказывал, даже опытным специалистам, правоту своих замыслов. Помнится заседание Научно-методического совета по реставрации памятников при Министерстве культуры Туркменистана, на котором должны были рассматривать проект реставрации мавзолея Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче, разработанный ташкентскими коллегами в УзНИПИР. Уже набрался кворум членов совета и пора было начинать, но один из опытнейших архитекторов, заслуженный строитель Туркменистана Е.М.Высоцкий встал и заявил: "Надо дождаться Назара! Все-таки вопрос касается известнейшего памятника архитектуры…". Вот как высоко ценилось мнение "непрофессионала". Такое уважение архитекторов и реставраторов востоковед-филолог Назар Халимов заслужил своими знаниями традиционных строительных приемов, сохранившихся во многих регионах, особенно в его родном Хорезме, в оазисах былого Хивинского ханства, и той любовью, которую он питал к архитектурному наследию предков и готовностью "пойти на все" ради их спасения. Например, он несколько раз просил членов методического совета дать ему возможность лично с двумя подсобниками подняться на верх минарета Кутлуг-Тимура (т.е. на высоту почти 60 м) и при помощи устройства лебедок осуществить традиционно-народными методами ремонтно-укрепительные работы. Однако, осуществление такого мероприятия без достаточных страховочных гарантий было небезопасно и совет, естественно, не мог на это пойти. Зато начать работы по укреплению дехистанских минаретов Халимову все-таки удалось…

Накопленный им материал по памятникам Куня-Ургенча лег в основу другой его книги – "Памятники Ургенча (сооружения, надписи и легенды)". Рассматривая эти уникальные сооружения в широком историко-архитектурном ракурсе, автор приводит ряд интересных и очень ценных рассказов и легенд, бытующих среди населения региона, которые были записаны им во время частых поездок и бесед со старожилами края. Несомненно, большую ценность для науки в этом труде представляет анализ эпиграфических надписей на архитектурных сооружениях столицы Хорезмшахов.

В 1986 г., в целях завершения начатых в свое время научных исследований по рукописному наследию, Назар Халимов вернулся в Институт истории им.Ш.Батырова, где завершил работу над аннотированным каталогом арабских рукописей Академии наук Туркменистана. Он описал более 800 манускриптов, большинство которых датируются XVII-XVIII вв. – в основном это сочинения по мусульманскому праву (фикх), грамматике арабского языка, теологии, суфизму. Он выявил среди них труды ученых среднеазиатского происхождения, которые ранее не были отмечены ни в картотеках, ни в инвентарных книгах фонда, в ряде списков обнаружил комментарии и глоссы к учебным пособиям, не отмеченные в капитальном классическом труде немецкого востоковеда К.Броккельмана "История арабской литературы". Работа Н.Халимова получила всякую оценку в кругах арабистов и сама стала библиографической редкостью. В 1991 г. он блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме "Рукописная книга в истории культуры туркмен".

После упразднения Института истории им.Ш. Батырова в 1997 г. Назар Халимов перешел в Национальный институт рукописей Туркменистана им.Сапармурата Туркменбаши, образованный на базе Рукописного фонда Академии наук. Там он в течение нескольких лет вместе с коллегами занимался систематизацией, описанием и подготовкой к

печати каталога персидских рукописей. В эти годы объектом научных интересов Н.Халимова становятся труды среднеазиатских ученых средневековья, которые он переводил с языка оригинала на современный туркменский и русский, а также исламский мистицизм и деятельность ярких представителей этого религиозно-философского течения в Хорезме. В результате появились интересные сообщения, статьи и книги, среди которых особое место занимают его переводы трактатов Наджм ад-Дина ал-Кубра (последний из них он так и не успел опубликовать), а также народных преданий об этом шейхе. В сотрудничестве с Национальным управлением по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Назар Халимов по рекомендации академика В.М.Массона приступил к работе над масштабным проектом "Свод эпиграфических памятников Туркменистана", но осуществить его уже не довелось…

Хочется сказать несколько слов о личности этого незаурядного ученого. Светская образованность сочеталась в нем с глубокой мусульманской культурой, которая была не конъюнктурной маской, а его глубинной сутью. Живя в атеистической среде, в атмосфере царившего долгие годы в нашем обществе религиозного нигилизма, он никогда не скрывал своей веры. Быть мусульманином значило для него быть самим собой. Как всякий профессиональный арабист, он прекрасно знал аяты Корана и хадисы Пророка, что позволяло ему внятно читать нужные молитвенные тексты в качестве муллы, обычно приглашаемого на *садака* – жертвоприношения во имя Аллаха или в дни поминовения умерших близких. И в этом отношении авторитет его был чрезвычайно высок.

Вспоминая Назара Базарбаевича Халимова, нельзя не затронуть и замечательные свойства его натуры – остроумие, щедрость, общительность, желание всегда прийти на помощь, бескорыстие и открытость. Несмотря на то, что не все в жизни у него было гладко, а порой приходилось совсем туго, в любых, даже самых горестных и безнадежных ситуациях он не терял присущий ему оптимизм и находил повод для шуток. А еще он был прекрасным рассказчиком суфийских притч и далеко не расхожих, пожалуй, лишь ему ведомых анекдотов. Шутил со всеми, не взирая на возраст и положение, и для всех он был своим – друзья и знакомые звали его Назар-ага, Назар-мулла или просто Назар. В нем словно воплотились черты тех восточных мудрецов-острословов и суфиев, наследие которых было особым предметом его исканий. Да и сам он в зрелые годы стал похож на дервиша, очарованного странника, может быть, и смущая кого-то своим облачением, но и в немалой степени провоцируя их со свойственным ему веселым лукавством. Мало кто, общавшийся с Назаром Халимовым, вспомнив о нем, не улыбнется той доброй и светлой улыбкой, которую вызывал этот удивительный человек.

Мухаммед Мамедов

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ Н.Б. ХАЛИМОВА

1. Древние рукописи – богатство народа // ПТ, 1975, № 2 (20). С.24-25.
2. Обзор медицинских рукописей // ПТ, 1976, № 2 (22). С.26-27.
3. Вопросы математики и физики в трактате туркменского астронома XIV в. Камал ад-дина ат-Туркмани, написанном в столице Золотой Орды // Труды XX-XXII конференций аспирантов и молодых специалистов. Секция истории математики и механики. М., 1977. С.23-27.
4. Геометрический трактат ат-Тафтазани // Труды XX-XXII конференций аспирантов и молодых специалистов. Секция истории математики и механики. М., 1977. С.28-31.
5. О собирании и изучении арабографических рукописей в Туркменской ССР // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978, с.220-
6. Куня-Ургенч: памятники и легенды // ПТ, 1978, № 1 (25). С.19-21.
7. Надписи на средневековых мельничных жерновах // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С.249-250.
8. Описание автографа Довлетмамеда Азади // ИАНТ СОН, 1979, №2. С.81-83.
9. Трактат Сааддина ат-Тафтазани об углах треугольника // ПТ, 1979, № 2 (28). С.22-23 (Совм. с Е.Атагаррыевым).
10. Стихи из автографа Азади // ПТ, 1980, № 1 (29). С.16-18.
11. Ибн Сина и его наследие // ПТ, 1980, № 2 (30). С.12-16.
12. Об описании персидско-таджикских рукописей из фонда АН ТССР и подготовка каталога к печати // Тезисы докладов рабочего совещания по проблеме восточной археографии. Ташкент, 1980.
13. Некоторые исторические книги в собрании рукописей Академии наук Туркменской ССР // Тезисы докладов науч. конф. молодых ученых., посв. 35-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Ашхабад, 1980. С.51-53.
14. Реставрация памятников Туркменистана // ПТ, 1981, №1 (31). С.23-24.
15. Надгробие XIV века из Куня-Ургенча // СА, 1981, № 2. С.298-299.
16. Мавзолей Али Рамитани в Куня-Ургенче // ПТ, 1981, № 2 (32). С.26-27 (Совм. с К.Базарбаевым).
17. Новые сведения об архитектурных памятниках Куня-Ургенча (по материалам рукописных книг) // ИАНТ СОН, 1981, № 6. С.19-25.
18. Мавзолей шейха Аттара // ПТ, 1982, № 1 (33). С.27 (Совм.с А.Чуриевым).
19. "Поздние" памятники Ургенча // ПТ, 1982, № 2 (34). С.15-17.
20. Новое о Старой Нисе // ПТ, 1983, № 2 (36). С.23.
21. Историко-культурное значение восточных рукописей Академии наук Туркменской ССР // ИАНТ СОН, 1985, № 6. С.48-53.
22. Из истории собирания восточных рукописей и создания рукописного фонда АН Туркменской ССР // ИАНТ СОН, 1986, № 3. С.42-45.
23. Гадымы Ургенже сыяхат (Путешествие в древний Ургенч) / Отв. ред. Е.Атагаррыев. Ашгабат, "Ылым", 1986. 80 с. (на туркм. яз.)
24. Минареты Дехистана: вопросы реставрации // ПТ, 1987, № 2 (44). С.13-14.
25. Заказные книги туркмен (XIV-XVII вв.) // ИАНТ СОН, 1988, № 1. С.19-23.
26. Каталог арабских рукописей Академии наук Туркменской ССР / Отв. ред. В.В.Лебедев. Ашхабад, "Ылым", 1988. 488 с.
27. Два схожих мавзолея // ПТ, 1988, № 2 (46). С.4-6 (Совм. с С.Языевой).

28. К истории формирования собрания восточных рукописей АН ТССР // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989. С.85-89.

29. Литература Востока и текстология стихов Махтумкули // Махтумкули – 250. Ашхабад, 1989. С.318-329.

30. Великий туркменский поэт Махтумкули (на араб.яз.) // Журнал "Бирлик сеси", Багдад, 1990, № 47. С.14-16.

31. Огузнама (предисл., сост. и прим.). Ашхабад, "Ылым", 1990. 3,45 п.л. (на туркм.яз.).

32. Мерв и его культура по поздним письменным источникам // Мерв в древней и средневековой истории Востока. Тезисы докладов науч. симпозиума. Ашхабад, 1990. С.75-77.

33. Раскопки Куня-Ургенча 1989 г. // ПТ, 1990, №2. С.32.

34. "Туркмены Ирака" Абду-л-Латифа Бендер-оглы (пер. с араб. на туркм.) // Журнал "Яшлык", 1991, № 8. С.28-31.

35. Исторические документы о туркменах Ирака (пер. с араб. на туркм.) // журнал "Яшлык", 1991, № 11. С.6-9.

36. Рукописная книга в истории культуры туркмен / Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ашхабад, 1991. 24 с.

37. Памятники Ургенча (сооружения, надписи и легенды). Ашхабад, "Туркменистан", 1991. 144 с.

38. Продолжение "Родословной туркмен" анонимного автора XIX в. (предисл., переложение на туркм.яз., коммент. и указатели). Ашхабат, Изд-во "Рух", 1992.

39. Махмуд Кашгари и "Дивану-лугати ат-тюрк". Т.1. (Предисл., пер. на туркм.яз. и коммент.) Ашхабад, Изд-во "Рух", 1993. 20 п.л.

40. Urgenc'deki eski kulturel abideler ve restorasyonu (памятники Ургенча и их реставрация – на турец.яз.) // X. Vakif haftasi kitabi. Ankara, 1993. S.105-108.

41. Комментарии Кемал ад-Дина ал-Туркумани к "Избранному по астрономии" ал-Чагминни / пер. с араб. Ашхабад, "Ылым", 1993. 344 с. (Совм. с М.Атагаррыевым).

42. Шых Ыслам Хожа Хорезми. Муъину-л-мурид яда Эрсарыбабанын кырк дуе берип яздыран китабы. Ашгабат, 1995 (Предисл., переложение на туркм. яз., комментарии. Совм. с Дж.Геокленовым). 5 п.л.

43. Два трактата о суфизме // КЦ 1995. СПб., 1997. С.63-67.

44. Некоторые данные об индийско-среднеазиатских книжных связях (XVII-XIX вв.) // Индия и Туркменистан: живое наследие. Нью-Дели – Ашхабад, 1999. С.119-126.

45. Наджм ад-Дин ал-Кубра // Историко-культурное наследие Туркменистана: энциклопедический справочник. Istanbul, 2000. С.230-232.

46. Наджм ад-Дин ал-Кубра / Отв. ред. Р.Мурадов. Delhi – Ashgabat, 2001. 136 с. (Совм. с Гуламом Расулом Матто).

47. Туркменский народный роман о шейхе Наджм ад-Дине Кубра // Сборник статей Международной научной конференции, посвященной шейху Наджм ад-Дину Кубра. Ашхабад, 2001. С.32-38.

48. Хорезм-нама: Народный роман о шейхе Наджм ад-дине Кубра // КЦ 2000-2001. СПб., 2002. С.141-154.

49. Эпиграфика мечети в Анау // Р.Пампелли и развитие археологической науки Туркменистана. Тезисы докладов. Ашхабад, 2003. С.94-96.

50. Надписи соборной мечети Дехистана // Журнал "Мирас" (Ашхабад), 2004, №2. С.100-101.

51. Об астрономической летописи ал-Хазини "Продуманный зидж султана Санджара" // Султан Санджар и его эпоха. Материалы международной научной конф. Ашхабад, 2004. С.324-325 (Совм. с М.Атагаррыевым).

ИМИНЖАН СУЛЕЙМАНОВИЧ МАСИМОВ (1940-2006)

В середине января 2006 г. из Казахстана пришла печальная весть – скончался Иминжан Сулейманович Масимов. Тихо и незаметно ушел наш Эмиль, как звали его все, так или иначе связанные с археологией Средней Азии. Трудно передать те чувства, которые вызывает такая печальная весть. Мы знали, что он давно и тяжело болен, но никогда не слышали от него ни одной жалобы. Основные черты личности И.Масимова – огромное мужество и сила воли, человеческая скромность и подлинная страсть к науке – как-то затушевывали критическое состояние его здоровья. Он работал поистине до самых последних дней. А реальный вклад его в археологию эпохи бронзы Южного Туркменистана нам еще только предстоит оценить.

Уроженец уйгурского села Чилик Алма-Атинской области Казахстана, после окончания Ташкентского государственного университета он был направлен на работу в Туркменистан, где прошла вся его жизнь и научная деятельность. С 1967 г. Масимов работал в Институте истории АН Туркменской ССР, пройдя путь от лаборанта отдела археологии до старшего научного сотрудника. Окончив аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию. После ликвидации АН Туркменистана в 1997 г. и создания Института истории при Кабинете министров Туркменистана, И.С.Масимов продолжил там свою деятельность в качестве ведущего научного сотрудника. В 2005 г., за несколько месяцев до кончины, он вышел на пенсию и уехал на свою историческую родину.

Эти сухие факты формальной биографии ни в какой мере не отражают яркую личность Эмиля, его талант исследователя и страсть настоящего ученого-первооткрывателя. Кафедра археологии ТашГУ дала И.С.Масимову прекрасную школу проведения маршрутных обследований памятников археологии самых разных эпох опыт и археологической систематики, в первую очередь наиболее массового керамического материала. Учась в аспирантуре ЛОИА АН СССР и ведя исследования на Алтындепе под руководством В.М.Массона, И.С.Масимов активно осваивает и разрабатывает методику археологических раскопок сложнейших объектов – поселений Средней Азии эпохи бронзы с их многослойными остатками сырцовых архитектурных сооружений. А совместная работа с А.А.Марущенко и А.Ф. Ганялиным в 1970-х – 1980-х годах дали Эмилю такое знание конкретных памятников в самых разных уголках Туркменистана и археологических материалов, накопленных в хранилищах Ашхабада, которым не обладает больше ни один специалист.

В научной биографии И.С.Масимова четко выделяются три основных этапа, или направления исследований, причем все три связаны с важнейшей

проблемой происхождения и развития так называемой Маргианской цивилизации эпохи бронзы. Результаты его раскопок ремесленного квартала на Алтын-депе и изучения керамических печей на других памятниках эпохи бронзы, отражены в кандидатской диссертации и монографии "Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане". На этой фактологической базе он показал роль гончарного ремесла как одного из важнейших производств в структуре экономики раннегородской культуры эпохи средней бронзы Туркменистана конца III тысячелетия до н.э. Второе направление – это публикация и анализ результатов раскопок А.Ф. Ганялина на Намазга-депе, которые не только ввели в научный оборот, прямо скажем, пропадающие археологические коллекции и важную для науки документацию, но и позволили И.С.Масимову на конкретном материале показать локальное своеобразие культуры эпохи средней бронзы центрального района подгорной зоны Туркменистана, в частности, выделить целый ряд форм и особенностей изготовления посуды Намазга-депе. Благодаря этим публикациям мы можем теперь судить также не только о керамическом производстве и массовых категориях археологического материала, но и о характере и деталях домостроения на Намазга-депе. Так, немаловажным представляется принципиальное различие конструкции очагов в жилых помещениях на Алтын-депе и на Намазга-депе. На Алтыне для жилых строений эпохи средней бронзы характерны очаги на подквадратных сырцовых основаниях в центре помещений, продолжающие традиции эпохи позднего энеолита и ранней бронзы. В домах на Намазга-депе абсолютно преобладают пристенные и внутристенные очаги[1]. Последние, так называемые очаги-камины, являются одной из важнейших черт домостроительства бактрийско-маргианских поселений конца III–II тыс. до н.э. Наконец, третьим и наиболее важным направлением научной деятельности И. С. Масимова стали работы в Маргиане. Их поистине можно именовать героическими. В условиях безводной пустыни, при мизерном финансировании и почти без технических средств крохотная группа энтузиастов археологии под руководством И.С.Масимова обследовала и картировала наиболее древние оазисы дельты Мургаба – Келлелинский, Ерги-Богазский, Таипский, Аджи-Куинский, Адам-Басанский. Значение этих разведок трудно переоценить – хотя бы потому, что теперь большая часть этих земель подверглась сельскохозяйственному освоению и многие памятники исчезли навсегда. Открытие и раскопки поселений Келлелинского оазиса, где были изучены самые ранние памятники эпохи средней бронзы на Мургабе и материалы Ерги-Богазского оазиса, свидетельствующие о начале освоения этих земель в конце IV тыс. до н. э., являются основой современных представлений о формировании блестящей Маргианской цивилизации эпохи бронзы. На Келлели-4 И.С.Масимовым исследован так называемый дом-крепость – почти квадратное в плане оборонительное сооружение с прямоугольными башнями и внутренней жилой застройкой. В дальнейшем подобная фортификация (более четко выработанного архитектурного канона) являлась обязательным компонентом структуры центральных поселений оазисов конца эпохи средней – начала эпохи поздней бронзы Маргианы и Бактрии. При обследовании мургабских поселений именно И.С.Масимов нашел и первые оттиски древневосточных цилиндрических печатей. Можно еще долго продолжать список открытий этого блестящего археолога-полевика с потрясающим чутьем и интуицией.

Важным итогом его исследований представляется его гипотеза о длительном периоде формирования мургабской цивилизации в самой Маргиане на основе тесных контактов с поселениями подгорной зоны Копетдага. Эта точка зрения изложена в последних докладах и заметках И.С.Масимова и в работах его ученика Б.Н.Удеумурадова. Основанная на детальном знании массового материала – керамики, статуэток, печатей – и огромном полевом опыте, она подтверждается в последние годы и новыми открытиями. Так, обнаружены первые памятники эпохи позднего энеолита в Узбекистане, на путях древнего населения юга Средней Азии к источникам металлов в долине Зеравшана

И еще одна сторона деятельности И.С.Масимова – он был не только автором свыше 80 научных работ, но и прекрасным наставником молодых археологов. Руководя дипломными и курсовыми работами студентов Туркменского государственного университета, он сочетал требовательность с умением дать им максимально возможный объем знаний и, главное, увлечь молодежь научным поиском. О высоком уровне и научном авторитете И.С.Масимова свидетельствует его активное участие в целом ряде международных симпозиумов и исследовательских программ, а его роль в интернациональном проекте по составлению археологической карты древней дельты Мургаба (1990–1995 гг.) была столь велика, что 25–27 марта 2006 г. в Равенне (Италия) состоялся специальный международный симпозиум «The Middle Asia Intercultural Space» (MAIS), посвященный его памяти.

Настоящий ученый, абсолютно лишенный чистолюбия и апломба, тонкий, ироничный, по-восточному мудрый Эмиль был скромным тружеником, глубоко порядочным человеком, искренним другом, простым в общении и непритязательным в быту. Таким он и останется в памяти всех, кто его знал.

Нургозель Бяшимова, Любовь Кирчо

[1] Данное наблюдение подтверждается и материалами раскопок Б. А. Литвинского на Намазга-депе в 1952 г.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ И.С.МАСИМОВА

1. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в районе ст. Баба-Дурмаз // КД. Вып.II. Ашхабад, 1968. С.25–29.
2. Стратиграфический шурф на Коша-депе // АО 1968 года. М., 1969. С.440–441.
3. Буддийская статуэтка из Ак-Калы (Средняя Амударья) // СА, 1969, № 3. С.247–251. (Совм. с В.Н.Пилипко).
4. Безымянный холм // ПТ, 1970, № 1. С.13.
5. Ремесленный квартал городища Алтын-депе // АО 1969 года. М., 1970. С.421–422.
6. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-депе // КД. Вып. III. Ашхабад, 1970. С.51–63.
7. К изучению керамического производства эпохи бронзы Южного Туркменистана // Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971. С.109–110.
8. Раскопки керамических печей эпохи бронзы Южного Туркменистана // АО 1970 года. М., 1971. С.432–433.
9. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе // КД. Вып.IV. Ашхабад, 1972. С.35–46.
10. Новые данные о керамических печах эпохи бронзы // ИАНТ СОН, 1972, № 2. С.82–85.
11. Работы в ремесленном квартале Алтын-депе // АО 1971 года. М., 1972. С.528.
12. Раскопки квартала гончаров эпохи бронзы на поселении Алтын-депе // Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1971 г. М., 1972. С.281–282.
13. Раскопки керамических печей эпохи бронзы на Алтын-депе // АО 1972 года. М., 1973. С.482–483.
14. Раскопки святилища эпохи бронзы на Алтын-депе // СА, 1973, № 2. С.139–145.
15. Гончарное производство раннегородского центра эпохи бронзы (по материалам Алтын-депе) // Древний город Средней Азии. Тезисы докладов. Л., 1973. С.12–13.
16. Керамическое производство Южного Туркменистана эпохи бронзы. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л., 1973. 16 с.
17. Гончарное производство раннегородского центра эпохи бронзы (по материалам раскопок Алтын-депе) // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С.86–88.
18. Новый раскоп на Алтын-депе // АО 1973 года. М., 1974. С.509.
19. Обследование памятников ранней бронзы // АО 1973 года. М., 1974. С.507–509. (Совм. с А.А.Ляпиным).
20. Комплекс керамики из раскопа “А1” поселения Намазга-депе // Материальная культура Туркменистана. Вып. 2. Ашхабад, 1975. С.39–55.
21. Находки с Гяур-кала Старого Мерва // ПТ, 1975, № 2 (20). С.16–17.
22. Новый оазис бронзы в низовьях р. Мургаб // АО 1975 года. М., 1976. С.550–551.
23. Древности Келлелинского оазиса // ПТ, 1976, № 2. С.30–31.
24. Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Под ред. В.М.Массона. Ашхабад, “Ылым”, 1976. 112 с., ил.
25. Материальная культура Южной Туркмении в период развитой и поздней бронзы // Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976. С.123–152.
26. Археолого-топографические работы в низовьях древнего Мургаба // АО 1976 года. М., 1977. С.552 (Совм. с А.А.Ляпиным).
27. Раскопки квартала гончаров Алтын-депе в 1971 г. // КД, Вып.VI. Ашхабад, 1977. С.6–21.
28. Низовья Мургаба во II тыс. до н.э. и их освоение древнеземледельческими племенами // Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии. Тезисы докладов советских ученых. М., 1977. С.25–27.
29. Изучение культуры эпохи бронзы в низовьях Мургаба // АО 1977 года. М., 1978. С.546–547. (Совм. с Р. Курбановой, Л. Русаковской, В. Вдовиным, Б. Удеумурадовым).
30. Находки из Шор-депе // ПТ, 1978, №1. С.22–23.
31. Раскопки жилых комплексов на Алтын-депе // КД. Вып.VII. Ашхабад, 1978. С.3–13.
32. Археологические обследования памятников в Марыйской области // КД. Вып.VIII. Ашхабад, 1979. С.55–62.
33. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА, 1979, № 1. С.111–131.
34. К вопросу об освоении низовий Мургаба древнеземледельческими племенами // ИАНТ СОН, 1979, № 2. С.72–77.
35. Зооморфные статуэтки Келлелинского оазиса // ПТ, 1979, № 1. С.4–6.
36. Изучение памятников эпохи бронзы в дельте Мургаба // Успехи среднеазиатской археологии. Вып.4. Л., 1979. С.82–83.
37. Второй год раскопок поселения Таипдепе // АО 1978 года. М., 1979. С.568. (Совместно с. В.Ю.Вдовиным, Б.Н.Удеумурадовым).
38. Келлели – новый оазис эпохи бронзы низовий Мургаба // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980. С.3–21.
39. Типологический и пространственный анализ древних поселений // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. Тезисы докладов. Ашхабад, 1980. С.40–43.
40. Работы на Таипдепе I // АО 1979 года. М., 1980. С.464–465.
41. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // СА, 1981, № 1. С.132–150.
42. Печати древнемургабского оазиса // ПТ,1981, № 1(31). С.18–20.
43. Раскопки в Келлелинском оазисе // АО 1980 года. М., 1981. С.466–467.
44. The Study of Bronze Age Sites in the Lower Murgab // The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries. (Ed. by Ph. L. Kohl). Armonk; New York, 1981. P.194–220.
45. Первый советско-американский симпозиум по проблемам археологии Средней Азии, Ближнего Востока и Древней Индии // ИАНТ СОН, 1982, № 5. С.94–96.
46. Келлелинский оазис и проблемы генезиса культуры эпохи бронзы в Маргиане // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов. Ереван, 1982. С.53–55.
47. Культура низовьев Мургаба в бронзовом веке и ее связи с Бактрией // Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи. Тезисы докладов. Душанбе, 1982. С.73–75.
48. Советско-американский симпозиум // ПТ, 1982, № 2. С.22–23.
49. Новые памятники раннежелезного века Мургабского оазиса // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад, 1982. С.20–33.
50. Типология древних поселений и социально-экономическая реконструкция древнего общества (на примере поселений в Мургабском оазисе) // ИБ МАИКЦА. Вып.2. М., 1982. С.76–78.
51. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II советско-американский симпозиум. Тезисы докладов. Самарканд, 6–12 сентября 1983 г. Ташкент, 1983. С.72–74.
52. Культура низовьев Мургаба в бронзовом веке и ее связи с Бактрией // ИБ МАИКЦА. Вып.4. М., 1983. С.63–64.

53. Раскопки в Келлелинском оазисе // АО 1981 года. М., 1983. С.476–477.

54. Жилой дом на Келлели // ПТ, 1984, № 2. С.16–18.

55. Новые материалы по раннежелезному веку низовий Мургаба // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад, 1984. С.12–27. (Совместно с Б.Н.Удеумурадовым).

56. Раскопки в Келлелинском оазисе // АО 1982 года. М., 1984. С.488–489.

57. Раскопки памятников древнемургабской дельты // АО 1983 года. М., 1985. С.552–553.

58. Le Bassin du Murhab a l'Age du Bronze et ses relations avec la Bactriane // L'archйologie de la Bactriane ancienne. Paris, 1985. P.223–228.

59. Раскопки поселения-крепости Келлели 3 // АО 1984 года. М., 1986. С.472–473.

60. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986. С.171–181.

61. Инновации в эпоху бронзы в низовьях Мургаба // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху. Тезисы совещания. Ашхабад, 1987. С.59–60.

62. Раскопки Келлели 3 (ТССР) // АО 1985 года. М., 1987. С.605–606.

63. Новые материалы к проблеме связей низовьев Мургаба с Индией и Белуджистаном в эпоху бронзы // ИАНТ СОН, 1988, № 2. С.27–33.

64. Терракотовая скульптура эпохи бронзы Келлелинского оазиса // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990. С.??-??.

65. Караван-сарай Минара // ИАНТ СОН, 1990, № 6. С.38–42. (Совм. с Дж.Дурдыевым).

66. Келлелинский оазис в эпоху бронзы // Мерв в древней и средневековой истории Востока. Тезисы докладов. Ашхабад, 1990. С.21–23.

67. Еще раз о средневековом караванном пути из Мерва в Хорезм // ПТ, 1990, № 1. С.12–13. (Совм. с Дж. Дурдыевым).

68. Долина Мургаба: взаимодействие общества и природы в эпоху бронзы // История взаимодействия общества и природы: факты и концепции. Тезисы докладов. Москва, 1990.

69. Бассейн Мургаба в бронзовом веке // Мерв в древней и средневековой истории Востока. II. Культурные взаимодействия и связи. Тезисы докладов. Ашхабад, 1991. С.15–17.

70. Структурирование оазисных систем и культурно-исторические процессы в Маргиане в эпоху бронзы // Социально-пространственные структуры в стадиальной характеристике культурно-исторического процесса. Тезисы региональной конференции. Москва, 1992. С. 80–84.

71. Металлообрабатывающее производство в Южном Туркменистане в эпоху бронзы // Тезисы докладов. Душанбе, 1993.

72. Неолитические охотники на Мургабе // Мерв в древней и средневековой истории Востока V: Мерв древний – Мары современный. Тезисы докладов. Мары, 1994. С.23-25 (Совм. с Л.Беловой).

73. Культурно-исторические процессы в Маргиане в эпоху бронзы. // Мерв в древней и средневековой истории Востока V: Мерв древний – Мары современный. Тезисы докладов. Мары, 1994. С.29-32.

74. О начальной фазе освоения низовьев Мургаба // Археологические и этнологические исследования в Туркменистане (Краткое содержание докладов). Ашхабад, 1996. С.38-40.

75. Археологические работы в Туркменистане в 1990-е годы // КЦ 1996. СПб., 1998. С.177-178. (совм. с Б.Удеумурадовым).

76. Об энеолитической культуре Мургаба // Археология и этнология в Туркменистане: новые исследования и актуальные проблемы. Тезисы докладов. Ашхабад. 1998. С.17.

77. Preliminary analysis of the Bronze Age material collected by the Margiana archaeological project and a first chronological assessment // The Archaeological Map of Murgab delta. Preliminary reports 1990–95. Rome, 1998. Pp.35–46. (In collaboration with S. Salvatori & B. Udeumuradov).

78. Древние культурные связи Туркменистана и Индии по данным археологии // Индия и Туркменистан: живое наследие. Нью-Дели – Ашхабад, 1998. С.79-88.

79. Истоки древнемургабской цивилизации // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы). Материалы к международной научной конференции. Ашхабад – Санкт-Петербург, 2000. С.25–26.

80. Археология Туркменистана 90-х годов // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002. С.168-172.

81. Шелковый путь и вопросы взаимосвязей древних цивилизаций Туркменистана и Китая // Диалог цивилизаций. Вып.II. Бишкек, 2003. С.69–70.

82. Печати эпохи бронзы из раскопок американской экспедиции Р.Пампелли в Анау // Р.Пампелли и развитие археологической науки Туркменистана. Тезисы докладов. Ашхабад, 2003. С.29-32.

83. Следы анауской культуры в Китае // Р.Пампелли и развитие археологической науки Туркменистана. Тезисы докладов. Ашхабад, 2003. С.59-63.

84. Исследования экспедиции Р. Пампелли в Мервском оазисе // Туркменистан – родина анауской культуры и Ак бугдая (к 100-летию археологической экспедиции американского ученого Рафаэля Пампелли в Туркменистан). Тезисы докладов международной научной конференции. Ашхабад, 2004. С.87–88.

85. К предыстории открытия цивилизации Маргуш // Журнал "Возрождение" (Ашхабад), № 7. 2005, С.7-10.

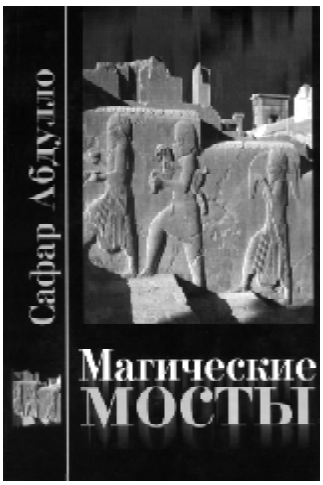
86. История археологического изучения Маргианы // КЦ 2004-2005. СПб., 2007. С.5-12.

РЕЦЕНЗИИ

АБДУЛЛО С. Магические мосты / Сб. статей. Алматы. Дайк-Пресс, 2005. 300 с. ISBN 9965-699-51-8

Книга Сафара Абдулло – ираниста-филолога, литературного критика и переводчика, научного сотрудника Института востоковедения Министерства образования и науки Республики Казахстан, включает его статьи разных лет и выступления по вопросам литературы и истории культуры Центральной Азии. Ее концептуальный посыл ясно выражает название. Магические мосты – это образ, заимствованный у Германа Гессе: *«Я добирался до Индии и Китая не кораблем и не поездом, туда нужно было искать магические мосты».* Именно поиском таких мостов занят автор, чье глубокое знание фарси-язычной литературы позволяет не только компетентно судить о ней, но и рассматривать этот феномен мировой культуры в широком историческом контексте, выявляя множество нитей, которыми испокон веков связаны иранские и среднеазиатские народы. С.Абдулло, волей судьбы оказавшийся на перекрестке трех культур – таджикской, русской и казахской – собственным примером демонстрирует благотворность такого синтеза, позволяющего интеллектуалу и художнику видеть поверх барьеров, возводимых в границах моноэтничности.

Сборник разделен на три части, статьи 1980-2004 гг. разбросаны в них не по хронологии, а по условным тематическим блокам: здесь и литературно-критические эссе, очерки о любимых поэтах, публицистика, рецензии. В нашей же рецензии вопреки законам этого жанра начнем с того, что явно идет в разрез с гуманистическим пафосом книги, да и самим замыслом автора, ведь он предупреждает читателя: "Эти статьи были написаны по разным случаям и с различной степенью глубины проникновения в суть явлений и вещей сквозь призму авторского видения, но с единственным стремлением – дать объективную оценку беспристрастного исследователя". Объективности, беспристрастности по некоторым вопросам как раз и не хватило автору. Почему он не осуществил в полной мере столь благую цель? Нужно учесть, что под одной обложкой собраны именно разновременные тексты, в которых присутствует, как подчеркивает сам С.Абдулло, "некий налет времени". Понятно, что за четверть века многое меняется и во взглядах, и в стилистике каждого литератора, если только он не застыл в своем развитии. Эволюция неизбежна тем более, когда прожитые годы были переломными для большой страны, в которой мы жили, и полны драматических, если не сказать трагических событий, связанных с появлением "горячих точек", одной из которых стал Таджикистан. Что же помешало цивилизованному, разумному решению социально-политических и экономических проблем в этой республике? Политологи уже написали массу работ, пытаясь ответить на этот вопрос. Сафар Абдулло – литератор и у него другие задачи, однако он, как и многие его земляки, искренне стремясь к возрождению национальной культуры и народного духа, когда-то уверовал в крайне опасную концепцию этнической исключительности. Основными ее признаками, по определению академика Э.В.Ртвеладзе, независимо от происхождения (иранского или тюркского) того или иного ученого, являются: 1. Признание своего народа обладателем древнейшей государственности в Средней Азии. 2. Свой народ обязательно является древнейшим народом этого региона, также весьма древним считается и его самоназвание. 3. Гипертрофированный ареал государств или границ и территории расселения своего народа. 4. Неоправданное возвеличивание своего народа и принижение значимости других народов, т.е. выходит, что свой этнос выполняет миссию цивилизованного народа по отношению к другим "варварским" народам.[1] Увы, все это есть, а точнее, было у С.Абдулло. Было, судя по датировке текстов, до страшной братоубийственной войны.[2] К счастью, он поправляет сам себя в прекрасном вступительном слове к собранию сочинений Олжаса Сулейменова, который сумел "возвысить степь, не унижая горы".



[1] *Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С.* Современные мифы о далеком прошлом народов Центральной Азии. Ташкент, 2006, с.12.

[2] Иные его слова заведомо эпатажны: "…оба народа, русский и таджикский, чья культура намного выше культуры кочевников, оказались под пятой тюркских и монгольских завоевателей" (с.23). Есть у него и утверждение, что вся сегодняшняя Средняя Азия некогда была частью Ирана (с.59) Историю персидско-таджикской литературы он начинает с Авесты (с.128), что, конечно,

Сам автор щедро украсил книгу замечательными цитатами и собственными афоризмами, которые часто служат у него преамбулой: "...разговор о поэзии подобен тому, как если бы мы оценивали певчую птицу не за красоту ее голоса, а за вкус ее мяса" (слова Назыма Хикмета). Или: "Есть два типа поэтов. Одни преследуют поэзию. А других преследует сама поэзия". Сафара Абдулло интересуют последние – те, кто не пишет, а творит, и у кого вовсе нет посредственных стихов, либо они воздерживаются их публиковать. Восхищаясь их талантом, он становится комплиментарным, даже о замеченном эпигонстве отдельных строк импонирующих ему авторов пишет с надеждой, что перепевы чужих мотивов – явление у них случайное и оправдывает их слишком сильной магией учителей. Он помогает русскоязычному читателю приблизиться к пониманию особенностей персидской поэзии, классической и современной, профессионально разбирает творчество таких мастеров слова как Абулкасим Лахути, Лоик Шерали, Мумин Каноат, Бозор Сабир, Гульназар, сетует на неадекватность их переводов, что зачастую не позволяет без знания фарси увидеть всю красоту и понять глубину стихотворных строк. Он прямо заявляет: "Я сомневаюсь в переводимости истиной поэзии, ибо она существует в стихах того языка, на котором создана. Перевод – всегда потеря" (с.109). Мысль сама по себе не новая, но применительно к персидской лирике, пожалуй, наиболее применимая. Поэмы М.Каноата в сборнике С.Абдулло занимают особое место: он обращается к ним, размышляя, в частности, о соотношении эпического и лирического начал в советской поэме. Правда, едва ли оправданы повторы одних и тех же суждений и цитат (а Каноату посвящены целых три статьи) – Сауле Усембековой, которая подготовила к печати этот сборник, следовало, быть может, что-то и сократить. Но, с другой стороны, в этом есть предельная честность, ведь С.Абдулло не поддался соблазну подправить, отредактировать старые статьи или вовсе отказаться от них. Оставлено все как есть даже в тех ранних текстах, написанных в духе советского литературного официоза. И это позволяет проследить эволюцию его творчества как литературоведа, ведь литературоведение, как утверждал классик этого жанра, не только наука, но в значительной мере искусство.[3]

Во второй половине 80-х в его текстах звучат уже иные обертоны. Он с болью говорит о том, что 20-60-е годы в СССР была жестко прервана традиция персидской поэзии, "и таджикские поэты с готовностью не помнящих родства подчинили свое творчество требованиям соцреализма, не освоив богатейшего наследия классической литературы" (с.126). Интересно, что самого сервильного, а потому и самого титулованного таджикского поэта советской эпохи Мирзо Турсун-заде он в своей книге корректно не трогает. По словам Абдулло, восстановление оборванной связи с великим наследием началось только в конце 60-х, когда во весь голос заговорили Каноат, Лоик и Бозор Собир.

Сафар Абдулло – искусный полемист, что демонстрирует его убедительный ответ на одно из демагогических выступлений газеты "Коммунист Таджикистана" в еще мирном 1988 г. – ответ, отвергнутый редакцией и увидевший свет лишь в этом сборнике, когда уже отгремели выстрелы и затянулись раны Гражданской войны 1992-1997 гг., после которой многое из написанного ранее воспринимается уже иначе. В его статье – боль за свой народ, переживший в XX в. глубокий духовный кризис, вызванный советизацией общественной жизни и утратой традиционной арабской письменности, что особенно болезненно для наследников богатейшей книжной культуры средневековья. Автор приводит свидетельства идентичности фарси-дари-таджикского языка, а удачные компаративные ссылки, подкрепленные примерами и мнениями таких авторитетов как Лахути и Айни, делают его позицию достаточно сильной. Но его яркий публицистический дар раскрылся на волне горбачевской гласности отнюдь не в консервативном Душанбе, а на страницах московских изданий. Страстная статья в защиту таджикского языка, опубликованная в теоретическом журнале ЦК КПСС "Коммунист" (1989, №8) всего на нескольких примерах обнажила весь абсурд советской национальной политики, которая очень скоро завершилась чудовищным коллапсом огромной многонациональной державы.

Эхом острых дискуссий 80-х является статья "История не терпит суесловья...", написанная для московского журнала "Дружба народов" еще в 1982 г.,

выходит за рамки серьезного обсуждения, потому что языковая преемственность отнюдь не сокращает пропасть между глубоко архаичной, безписьменной культурой и религией индоиранцев поздней бронзы и раннего железа, когда жил пророк Заратуштра и когда складывались авестийские Гаты, передаваемые жрецами из поколения в поколение изустно, прежде чем был изобретен особый авестийский алфавит, и миром фарсиязычной классической поэзии. Едва ли стоит спорить с общеизвестным: так называемая персидско-таджикская литература возникла на рубеже VIII-IX вв., первоначально на территории, именовавшейся Хорасаном и Мавераннахром (Трансоксиана), населенной иранцами (преимущественно в городах Самарканд, Бухара, Балх, Мерв и др.) и выросла на гребне волны антиарабских выступлений, приведших к власти иранские династии (сначала Тахиридов и Саффаридов, а затем Саманидов). См.: История всемирной литературы в 9 т. Т.2. М., 1984, с. 256. Хронологический, культурный, этнический и, наконец, конфессиональный разрыв в этой цепи гораздо весомее, чем между "шестью веками славы" и таджикской советской литературой. Впрочем, в стремлении удревнить свою историю С.Абдулло совсем не одинок: в независимом Таджикистане стало уже аксиомой, что возраст родной литературы составляет ни много – ни мало 35 веков. Само понятие *таджик*, появившееся лишь после арабского завоевания, теперь в Душанбе распространяют на все исчезнувшие народы, которые оказали влияние на этногенез населения Средней Азии и уверенно ставят знак равенства между прилагательными иранский и таджикский, говоря не только о языке, что вполне допустимо, но и о династиях и народностях. Все это уже не наука, а политика, реагирующая на трансформацию этнической индентичности в национализм. Авторитетные ученые очень редко втягиваются в политическое мифотворчество, но такие случаи все-таки есть. Что касается термина *таджик*, то едва ли у кого-либо найдутся аргументы опровергнуть академика В.В.Бартольда, или академика Б.Г.Гафурова, собравших исчерпывающие данные по этому вопросу. Можно только добавить, что консолидация нации у таджиков не завершилась и в конце XX в. (См.: Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998, с.507), а в первом томе фундаментальной "Истории таджикского народа" (Душанбе, 1998) слово *таджик* не встречается вовсе, ибо по сути этот добротный труд под редакцией Б.А.Литвинского и В.А.Ранова является историей всей Средней Азии. А в многотомнике ЮНЕСКО "History of Civilizations of Central Asia" только в пятом томе, охватывающем XVI-XIX вв., как и положено, впервые появляются таджики.

[3] *Чуковский К.И.* Живой как жизнь. М., 1962, с.143.

но увидевшая свет лишь девять лет спустя в таджикском русскоязычном журнале "Памир". В ней С.Абдулло тщательно анализирует исторический роман узбекского писателя М.Махмудова "Бессмертные утесы", изобилующий провокационными националистическими высказываниями персонажей. Этот роман, опубликованный в 1981 г., уже тогда обозначил тенденцию идеализации и героизации личности Тимура, которая в 90-е годы привела в Узбекистане к его официальной реабилитации (хотя еще в 1986 г. главная газета ЦК Компартии Узбекской ССР "Правда Востока" клеймила его как феодального деспота) и, более того, возведению в ранг "великого сына узбекского народа".[4] На страницах книги помещен также материал заседания участников "круглого стола", опубликованный в журнале "Вопросы литературы" (1989, №10), на котором обсуждалась, в частности, "болезнь всеобщей каталогизации", заставляющая и сегодня спорить о национальной "прописке" писателей и ученых средних веков, принадлежащих мировой культуре. С.Абдулло справедливо подвергает сомнению то обстоятельство, что, к примеру, великий Низами в советском литературоведении был записан в азербайджанские классики. К этому можно добавить, что зародившаяся в сталинском государстве практика получила в Иране очень точное определение: *шаирдузди* (кража поэтов). А те, кто изобретает национальные маркеры для исторических личностей, живших в совершенно иной, чем ныне, этнокультурной реальности, в этнологии называются "колонизаторами истории".[5]

Это они вычисляют тысячелетия "своей" государственности и придумывают пантеон культурных героев, а местные олигархи потом охотно пользуются этими "открытиями" для достижения власти или укрепления своего корпоративного государства. Сами идеологи национализма при этом нередко оказываются лишними в созданных по их лекалам этнократических режимах, уходя в подполье или выбирая эмиграцию. Они становятся жертвами ими же взращенных монстров, потому что любая основанная на этнической нетерпимости политика неизбежно стремится к культурной дивергенции, причем не столько международной, сколько **интро**-национальной, вследствие чего и разгораются гражданские войны. Что уж говорить о том, что "различия между украинцами и русскими, между казахами и киргизами, между узбеками и таджиками стали гораздо более многообразными и жесткими за последние годы, чем это было в советский, а тем более в досоветский период, когда и сама культурная конфигурация была несколько иной, базируясь на династических, религиозных, региональных/местных лояльностях".[6] Все это должно претить сердцу поэта, который по природе своей гиперэтничен, не любит и не хочет признавать границ – не только физических, мешающих свободному передвижению, но и виртуальных, идеологических, препятствующих свободе творчества и выражения.

Есть в сборнике и статьи, написанные уже в Алматы, где С.Абдулло проживает с 1993 г.: "Далеко зашли мы в невежестве своем..." – о квазинаучных "открытиях" некого Алимкула Буркитбаева в области авестологии, тюркологии и коранистики; Интересен доклад "Иран и Туран по «Шахнаме» Фирдоуси" прочитанный на Международном симпозиуме по фундаментальным вопросам иранистики в Москве в 1999 г., в котором С.Абдулло обращает внимание на историческую географию эпоса и, в частности, на локализацию Турана. Чтобы не впадать в заблуждения на этот счет, он предлагает рассматривать топонимику "Шахнаме" как некое структурное единство. В другом докладе на примере творчества Саади он выявляет частые разночтения в персидской поэзии (например, *шараб* – это виноградный сок, или вино?) и вдохновенно говорит о подробно разработанной этим классиком концепции гуманизма, приводит его блистательные афоризмы, объясняет суть его бессмертных сочинений "Гулистан" и "Бустан". Нельзя пройти мимо его замечания по поводу цикла Сергея Есенина "Персидские мотивы", в котором он видит стремление русского поэта не столько писать "под Восток", сколько создать свою "русскую" воображаемую Персию.

Третий раздел книги С.Абдулло составляют рецензии на работы коллег: Юсуфа Акбарова о современной таджикской лирике, Аскара Хакимова о тематике и жанрах таджикской поэзии 60-70-х гг. XX в. Здесь же статьи "Песня, льющаяся не в лад", "Гоним «вал» – снижаем качество" – об уровне стихотворных переводов таджикских поэтов на русский язык, критические отзывы на отдельные сборники стихов. Завершает раздел сообщение автора на пленуме Союза писателей Таджикистана в 1986 г. Это его размышления о состоянии родной литературы, с откровенными, подчас безжалостными оценками творчества литераторов без оглядки на их возраст и, как сказали бы сейчас, раскрученность, за которой как правило нет ни таланта, ни вдохновения, зато есть конъюнктура и плагиат. Вместо эпилога в книгу включено стихотворение самого Сафара Абдулло "Яд печали" (Плач на смерть великого поэта Лоика-Достойного) – пронзительная молитва, звучащая, словно реквием по Учителю и другу, мастеру Слова, которое так и не услышали современники. А послесловием к сборнику служит написанное Сауле Усенбековой проникновенное слово о самом авторе, озаглавленное "Хранитель древнего огня" – так назвал Сафара Абдулло мудрый дервиш Тимур Зульфикаров, русский писатель с таджикской душой, который давно уже возвел свои магические мосты между Европой и Азией, между Западом и Востоком. Все споры о том, что определяет нашу этничность – язык, генеалогия или страна проживания, отходят на второй план, становятся не столь существенными, когда рождается настоящая поэзия, способная выражать себя на любом языке. Главное, чтобы это был мега-язык, объединяющий разные народы так, как сегодня нас объединяет русский.

Русскоязычная культура (также как когда-то фарсиязычная) является, пожалуй, той единствен-

[4] См., например: Тезисы Международной научной конференции "Амир Темур и его место в мировой истории". Ташкент, 1996.

[5] *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003, с.114.

[6] Там же, с.117.

ной платформой, на которой возможен экономический и культурный прогресс огромного региона, в советской терминологии именуемого Средней Азией и Казахстаном. Никакой иной реальной языковой альтернативы нет и в обозримой перспективе, конечно, не будет. Распад той социально-культурной общности, которая называлась советским народом, продолжается во многом благодаря убыванию русского языка как единственного коммуникативного средства общения внутри бывшей империи. Этнологи уже отметили, что политизация лингвистической проблематики реально способствовала успешной суверенизации, но уводила далеко от создания подлинно демократических обществ.[7] В прошлом эффект вавилонской башни уже приводил к комплексной деградации этого региона вследствие исчезновения Халифата и сокращения роли арабского языка, а затем и вытеснения фарси после образования замкнутых тюркских деспотий. Вот почему если не политическая, то культурная реинтеграция на территории бывшего СССР представляется неизбежным историческим императивом. Сколь бы не была велика человеческая деструктивность, инстинкт выживания сильнее любых попыток политиканов завести людей в тупик, подталкивая их групповые объединения к экстремизму и насилию. Но прежде чем на пространстве Центральной Азии укоренится общественная толерантность, вытеснив первобытный трайбализм и межклановую конкуренцию так называемых региональных элит, каждому из нас нужно стремится найти те магические мосты, о которых говорил Гессе, а не продолжать жить, под собою не чуя страны, как выразился Мандельштам. “Сила общественного сознания в том, что она примиряет всех людей и все культуры” – утверждает в авторском предисловии к своему сборнику Сафар Абдулло. И в этих словах, возможно, квинтэссенция его опыта, который сполна отражен на страницах этой книги.

А.Тумаилов

[7] *Казиев С.Ш.* Русский язык и развитие этнополитической ситуации в современном Казахстане // Русский язык в тюркославянских этнокультурных взаимодействиях. М., 2005, с.185.

GORSHENINA S. The Private Collections of Russian Turkestan in the Second Half of the 19th and Early 20th Century. Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 2004. 206 p.
ISBN 3-87997-624-4

В немецкой серии ANOR, издаваемой по инициативе проф. Юргена Пауля (Институт ориенталистики, Халле) и проф. Ингеборг Балдауф (Гумбольдтский университет, Берлин) публикуются в авторской редакции исследования, посвященные истории и культуре мусульманской Центральной Азии на английском или немецком языках. 15-й выпуск ANOR представляет собой работу Светланы Горшениной “Частные коллекции Русского Туркестана во второй половине XIX – начале XX веков”. Ранее уже выходили ее книги на французском языке “Дорогами Самарканда (Центральная Азия в объективе путешественников прошлого)”,[1] “Исследователи Центральной Азии (путешественники и авантюристы от Марко Поло до Эллы Малле)”, “Высокогорная Азия: глазами исследователей и ученых 1820-1940 гг. (совм. с А.Бауудом и Ф.Форе)”, а также “От Кабула до Самарканда: археологи в Средней Азии (совм. с К.Рапэном)”.[2]

Новая книга посвящена формированию истоков и содержанию коллекций из Русского Туркестана. Эти коллекции были собраны различными людьми – офицерами русской армии, учеными, путешественниками и антикварами. Автор показывает, какие экспонаты были собраны ими на протяжении нескольких десятилетий и как менялись со временем композиции этих коллекций. В первой части, названной “Традиционные восточные рынки и появление антикварного бизнеса в Центральной Азии” автор задается вопросом: возможно ли выделить характерные черты среднеазиатских коллекций? Она показывает их эволюцию от смешанного типа, где были представлены как природные экспонаты (минералы, гербарии, таксидермические модели), так и артефакты (древние и современные произведения искусства и этнографические объекты) – к сепаратному, когда началась специализация по разным темам. В кратком историческом экскурсе “Преимущества и недостатки бытия в “центре мира” С.Горшенина отмечает сложное геополитическое расположение региона между китайским, индийским, иранским, тюркским и славянским мирами, каждый из которых на разных этапах истории оказал заметное влияние на культуру Центральной Азии.

Русская колониальная экспансия во второй половине XIX в. привела к открытию Туркестана для остального мира. Традиционные рынки Центральной Азии стали доступными для европейцев, на восточных базарах появились новые клиенты, которые спровоцировали резкий скачок в развитии антикварных рынков Русского Туркестана. Автор заостряет внимание на их специализации, привлекая для этого свидетельства современников, архивные документы и ряд публикаций различных авторов. Обращено внимание на такое новое для региона

[1] См. рец.: КЦ 2000-2001. СПб., 2002, с.236-237.
[2] См. полемику: КЦ 2002-2003. СПб., 2004, с.191-204.

явление как фальсификация древностей, отмечен упадок традиционных ремесел, начавшийся после проникновения из России новых материалов и технологий. Нагляднее всего этот процесс виден на примере ковроделия, качество которого заметно ухудшилось после вытеснения натуральных красителей шерсти анилиновыми, а также постепенной коммерциализации самого процесса изготовления ковров, который из предмета сугубо внутреннего, семейного обихода превратился в выгодный товар. С.Горшенина пишет и о том, как спрос на наиболее ценные предметы повлиял на формирование специфического рынка таких объектов. Этот спрос породил и так называемую "черную археологию", когда целый ряд исторических мест в регионе стал подвергаться систематическому разграблению местными жителями и всевозможными кладоискателями, одержимыми жаждой легкой наживы.

Вторая часть книги называется "Коллекции: формирование, экспорт, нынешнее местонахождение". В ней описываются основные пути получения объектов для коллекций кроме их покупки: археологические находки и коллекционирование археологических материалов; захват в ходе военный действий и выплаты контрибуций; подарки; создание систематических и планомерных коллекций для музеев. С.Горшенина пишет об экспорте коллекций из Туркестана в Россию и Европу и мотивах собирателей, в числе которых были генерал-губернаторы К.Р.фон Кауфман, А.Б.Вревский, начальник Закаспийской области генерал А.В.Комаров, русские востоковеды П.И.Лерх, А.Л.Кун, швейцарский коллекционер Х.Мозер, французский путешественник Ж.Шаффанжон, председатель Императорской археологической комиссии граф А.А.Бобринский, археолог В.Л.Вяткин и многие другие. Особо внимание уделено современным музеям и хранилищам России, Узбекистана и других стран, где находятся туркестанские коллекции.

Коллекции, описанные в книге, были в некотором отношении средством формирования представлений и взглядов европейцев на захваченную Центральную Азию и ее жителей. Люди, побывавшие там, привозили не только впечатления и записки, но и рисунки, чертежи, а позже – фотографии, которые были визуальным дополнением к их лекциям об азиатских странствиях. Но именно через коллекции, открытые для всеобщего обозрения на европейских и американских выставках, происходило массовое познание Туркестанского края, гораздо более впечатляющее, чем мало кем читаемые книги путешествий или газетные репортажи. Публикации коллекций – еще один аспект темы, поднятой С.Горшениной. Она приводит достаточно полную библиографию изданий, которые не только представляют собой каталоги выставок, но и содержат сами материалы многих коллекции – прежде всего рисунков и фотографий. Таковы альбомы К.П.фон Кауфмана, С.М.Дудина, Н.Ф.Бурдукова, А.А.Боголюбова и др.

Третья и четвертая части книги представляет собой описание конкретных центральноазиатских коллекций. Выделены российские, западноевропейские и собственно туркестанские коллекции, находящиеся в Ташкенте, Бухаре и других городах региона. Выясняется их характер, какие они были – специализированные или универсальные? Затем отмечаются преобладающие элементы центральноазиатских коллекций: этнографические, археологические, нумизматические, архитектурные детали, геологические и антропологические объекты, собрания рукописей, рабочих архивов местных художников (*устно*), личных зарисовок и чертежей, фотодокументов.

"В заключение мы может с уверенностью сказать, – пишет С.Горшенина, – что феномен собирательства в Туркестане и, особенно, популяризация коллекций их владельцами во второй половине XIX – начале XX вв. привлекли внимание ученых из разных стран мира к культуре и истории Центральной Азии, таким образом открыв новые перспективы для исследования практически неизвестного и уникального материала. Они разожгли длинные научные дискуссии и пробудили общественный интерес к центральноазиатскому региону".

В приложении дан аннотированный перечень туркестанских, русских и международных выставок второй половины XIX – начала XX вв., на которых были представлены частные коллекции Русского Туркестана. В книге приведены сведения о 50-ти выставках за период с 1867 по1915 г. – они устраивались чаще всего в Ташкенте, Москве и Санкт-Петербурге, а также в Париже, Вене, Копенгагене, Стокгольме, Чикаго, Сент-Луисе (США), Люттихе (Бельгия), Милане, Бордо, Мюнхене, Берлине, Лондоне, Турине, Казани, Харькове, Нижнем Новгороде и Ашхабаде.

Книга С.Гершениной богато иллюстрирована. 107 черно-белых репродукций редких старых фотографий, книжных гравюр и выставочных экспонатов существенно дополняют текст, позволяя зримо представить атмосферу времени, характер дизайна тех лет – от графики до мебели и архитектуры, что делает книгу достаточно наглядной и убедительной. В целом она очень объемно представляет материал, ныне почти забытый, но исключительно интересный и важный для нашего понимания столь актуального ныне ориенталистского дискурса.

Р.Денега

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНИСТАНА 1995-1999

Издававшийся в Ашхабаде с января 1960 г. научно-теоретический журнал по общественным наукам был создан на базе объединенного журнала "Известия Академии наук Туркменской ССР" (1952-1959), непосредственным предшественником которого являлся орган ТФАН СССР "Известия Туркменского филиала Академии наук СССР" (1941-1951), регулярно выходивший 6 раз в год объемом 6 печатных листов (около 100 стр.). Изначально заявленная программа и периодичность этого издания сохранялась в течение 50 лет без существенных изменений. Оно адекватно отражало работу научно-исследовательских учреждений Туркменистана. На его страницах публиковались оригинальные научные работы и наиболее выдающиеся доклады, прочитанные и обсужденные на сессиях, в президиуме, на заседаниях ученых советов институтов, секторов, музеев. "Известия" помещали критические статьи, библиографические заметки и аннотации по советской и иностранной научной литературе, отражали хронику научной жизни Туркмении. Тираж журнала колебался от 1000 экз. (в годы Великой Отечественной войны), до 1500 экз. в 50-е гг. После разделения на три самостоятельные серии (физико-технических, химических и геологических наук, биологических наук и общественных наук), последняя стала выходить тиражом около 600 экз. на русском и туркменском языках – тексты публиковались без перевода, но с аннотациями на английском (русские тексты) или на русском (туркменские тексты). С 1990 г. серия стала именоваться "Гуманитарные науки", а тираж сократился почти вдвое. С 1992 г. название на обложке стало писаться по-туркменски: "Туркменистан ылымлар академиясынын хабарлары. Гуманитар ылымлары". В 1993 г. издание было приостановлено – вышло только три номера за первое полугодие тиражом 200 экз.

В 1995 г. вновь стали выходить сводные выпуски, состоящие из трех разделов (гуманитарные науки, биологические науки, физико-математические, технические, химические и геологические науки) под названием "Известия Академии наук Туркменистана" и под редакцией президента АНТ А.М.Ходжамамедова (1995-1996, №1, тираж 300 экз.) С №2 за 1996 г. – снова отдельное издание серии "Гуманитарные науки" (главный редактор Аннадурды Оразов). Однако, вышло только 5 номеров тиражом 100 экз. В 1997 г. не было выпущено ни одного номера, а в 1998 г. издан один объединенный номер (гуманитарнные, биологические науки и др.) под ред. А.М.Ходжамамедова тиражом 100 экз., в 1999 – еще два номера объемом 48 стр. и тиражом 150 экз. На этом выпуск "Известий" прекратился.* В последних номерах доля статей по общественным наукам резко сократилась, в основном это были работы по вопросам образования и юстиции. Принимая во внимание тот факт, что после перерыва в 1994 г. журнал перестал распространяться по научным библиотекам СНГ, ниже приводится указатель статей по истории, археологии, этнографии, искусствоведению, опубликованных на его страницах в 1995-1999 гг.

*С 1 марта 1999 г. началось издание ежемесячного журнала на туркменском языке "Turkmenistanda ylym we tehnika" («Наука и техника в Туркменистане»), в котором преобладают публикации по физико-математическим, техническим, химическим и геологическим наукам.

	Год	№	стр.
Атагаррыев Е., Нургельдыев Я.Х. Водоснабжение городов Северного Хорасана в IX-XV вв.	1996	4	15-24
Атаева Г.П. О суевериях в быту туркменских женщин	1995	2	14-19
Атдаев С.Дж. К истории хозяйственной жизни хивинских туркмен в XVIII в.	1995	2	3-7
Атдаев С.Дж. Хивинские туркмены во времена похода Надир-шаха в 1740 г.	1995	6	3-9
Березкин Ю.Е. Продолжение раскопок Йылгынлы-депе: архитектура верхних слоев	1996	1	8-16
Гельдыева Г., Дубова Н.А. Антропологические особенности населения эпохи античности Северо-Западного Туркменистана	1996	2	61-64
Диванкулиева Б.Х. К вопросу об этнической истории туркмен-гарадашлы	1995	1	10-17
Каррыева А.Б. Рай-чини (дестан)	1995	5	10-19
Каррыева А.Б. Туркменская дестанная символика	1995	4	10-19
Керими Д.К. Русский драмтеатр имени А.С.Пушкина (1970-1994 гг.)	1996	6	20-26
Клевакина Р.П. Концепции Новой экономической политики в историографии 80-х и начала 90-х годов	1996	3	20-29
Клычева Р. Некоторые историко-этнографические данные о курдах Хорасана (конец XIX-начало XX в.)	1998	1	13-20
Клычева Р. О курдах Северо-Восточного Ирана	1996	6	12-19
Курбанов М.Б., Курбанова А.А. Пути самореализации творческой личности в национальной культуре	1995	5	3-10
Нургельдыев Я.Х. Кяризные системы подгорной полосы Копетдага	1999	2	3-11
Нурыев А. Земельно-водная политика хивинских ханов в отношении туркмен (вторая половина XIX – начало XX в.)	1995	1	3-10

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Овезова Л.П. Об истории создания Асхабадского благотворительного общества (1890-1896) 1996 6 64-67
Одеков Р.В. Безэквивалентная лексика в исторических описаниях средневекового Туркменистана 1996 4 46-51
Одеков Р.В. Лингвистический аспект этнографии 1996 1 27-32
Одеков Р.В. Этническая и общественно-политическая лексика (по материалам средневековых источников) 1996 3 53-56
Оразова А.А. Создание союза "Кошчи" и его организационное укрепление (1920-1924 гг.) 1996 3 30-38
Пилипко В.Н. Ганлы-депе – новое древнеземледельческое поселение в окрестностях Гёкдепе 1995 3 11-17
Реджепова З. О некоторых средневековых украшениях 1995 1 36-40
Соегов М. История одного учебника в предисловиях и рецензиях [о первом букваре туркменского языка А.С.Алиева] 1995 6 92-95
Соегов М. Из истории изучения древнетюркских письменных памятников в Туркменистане 1996 1 42-43
Старухина Л. О некоторых чертах тематизма симфонических произведений туркменских композиторов 1995 2 46-49
Уйгуров К.О. Становление системы специального среднего и высшего образования в Туркменистане (1920-1941 гг.) 1995 6 18-23
Хлопин И.Н. Археологические остатки культуры ариев и туров 1998 1 21-28
Хлопин И.Н. Коллективные погребения в Южном Туркменистане 1996 5 22-26
Ходжакулиев М.К. Сражение 1858 г. под Гаррыгала 1996 2 3-10
Ходжакулиев М.К. Состояние вооруженных сил каджаров накануне Гаррыгалинского сражения 1858 г. 1996 5 7-14
Ходжакулиева Б.А. Мектебы и медресе Закаспийской области в конце XIX-начале XX в. 1995 6 10-17
Ходжакулиева Б.А. Русско-туземные школы в Закаспийской области (конец XIX-начало XX в.) 1995 4 13-18
Ходжакулиева Б.А. Специальные учебные заведения Закаспийской области в конце XIX-начале XX в 1995 2 20-26
Ходжаниязов Т., Нургельдыев Я.Х. Сардобы в системе водоснабжения городов Туркменистана в IX-XV вв. 1996 2 16-20
Чарыханов Р. К вопросу о проблемах историографии туркменской музыкальной культуры 1996 3 68-71
Юсупов Х. Взгляд из Хорезма на мавзолей султана Санджара 1995 4 47-48
Юсупов Х. Новые данные о памятниках Куня-Ургенча 1996 3 11-19
Юсупов Х. Об интерпретации памятников Куня-Ургенча 1995 5 41-45
Юсупов Х., Юсупов Т. Раскопки в Куня-Ургенче 1998 1 29-34

ХРОНИКА

Атаев С.К. Зарубежная историография о белуджской литературе 1995 6 89-91
Мурадова Э.А. Древний Амуль: проблемы истории и культуры Средней Амударьи 1996 3 72-74
Мурадова Э.А. Мерв и сельджукская эпоха [междунар. сипозиум, Мары,1993 г.] 1995 1 46-47
Пальванова Б. Конференция ЮНЕСКО [Социальные изменения, демографич. тенденции, структура семьи и межплеменные отношения в мусульманских обществах на примере Центральной Азии. Лондон, 1992 г.] 1995 5 49-52
Соегов М., Сарыханов М. Один из первых (К 100-летию А.П.Поцелуевского) ... 1995 4 53-54
Язбердиев А. Б.П.Пальванова (к 50-летию научной деятельности) 1996 6 75-78

ИЗДАНО В КАЗАХСТАНЕ

На фоне глубокого нокаута, в который отправлено научное книгоиздание в государствах Средней Азии, Республика Казахстан демонстрирует невиданный прежде размах свободного выпуска научной и научно-популярной литературы, среди которой встречаются и плевелы, но гораздо больше зерен – действительно качественных и серьезных книг, достойных чтения и внимания исследователей. Ниже приводится обзор некоторых из них, увидевших свет в 2003-2006 гг. и поступивших в распоряжение редакции нашего ежегодника.

Аманниязов К.Н. Туркмены Мангышлака. *Алматы, «Дэуір», 2004. 144 с.*

Книга представляет собой первый на русском языке историко-этнографический очерк о мангышлакских туркменах XIX-XX вв., их происхождении, расселении и генеалогии отдельных племен и родов. Первая часть посвящена племени *абдал* – одной из древних и известных ветвей туркменского народа. Автор обосновывает эволюцию этого этнонима от эфталитов (эфталы-хебдалы-авшары-абдалы), ссылаясь на значительное число средневековых источников, рассказывает о мангышлакских абдалах, их родовом объединении эсен или и их наиболее известных представителях – от легендарного Эсен-ата до реальных Абдал-баба, Ходжа Непеса, Атаназар-бека и др. В отдельной главе повествуется о мангышлакских ходжа – особой религиозно-социальной группе туркмен, ведущей происхождение от арабских курайшитов – родственников пророка Мухаммеда. Второая часть книги содержит сведения о генеалогии туркмен по Рашид ад-Дину, а также по источникам XIX в.. содержит данные о численности туркмен и казахови в XVIII в. Книга снабжена рядом генеалогических таблиц, архивными документами и фотографиями.

Автор – доктор геолого-минералогических наук Курбан Аманниязов в течение полувека собирал материалы о своих предках и обобщил свои поиски в данной работе, которая издана в соответствии с программой "Культурное наследие" президента Казахстана Н.А.Назарбаева, которая охватывает широкий круг деятельности ассамблеи малых народов Казахстана.

Байпаков К. Древние города Казахстана. *Алматы, «Аруна», 2005. 316 с. (серия «Детская энциклопедия Казахстана»).*

Научно-популярное энциклопедическое издание, подготовленное директором Института археологии им. А.Х.Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан, академиком Карлом Байпаковым, дает возможность любознательному читателю окунуться в мир древностей Казахстана и пройти по всем городам, когда-либо существовавшим на его территории. Дневники, путевые заметки, первые карты этих мест и так называемые "диваны" (списки) средневековых путешественников – таких как Ибн Баттута, ал-Макдиси, Сюань Цзянь, Гильом Рубрук, Плано Карпини, Марко Поло, а также фотографии городских сооружений и изделий древних мастеров позволяют заглянуть в казахстанское средневековье, ярче представить его облик. Книга состоит из шести глав: "У истоков городской культуры", "Городская жизнь в Жетысу – краю семи рек", "В долинах Таласа и Чу", "Городская культура на юге Казахстана", "Городские центры от Урала до Иртыша", "От А до Я: все древние города Казахстана". В последней даны справки о 108 больших и малых поселениях, как исследованных археологами, так и не подвергавшихся еще раскопкам. На степных просторах от вершин Тянь-Шаня до реки Урал и Каспийского моря на протяжении веков пересекались разные по своему характеру типы культур. "Они дополняли и обогащали друг друга, – отмечает автор, – и это помогало развитию общества. Во многом благодаря археологическим данным выяснилось, что в цивилизациях таких средневековых государств, как Западнотюркский, а затем Тюргешский и Карлукский каганаты, а также государств караханидов, кыпчаков, центры которых находились на территории Казахстана, гармонично слились традиции кочевников и земледельцев, города и степи". Энциклопедия К.Байпакова развенчивает широко распространенные наивные представления о казахах как номадах, не знавших оседлости и не оставивших никаких заметных следов материальной культуры. Книга богато иллюстрирована цветными и черно-белыми фотографиями и наглядными рисунками-реконструкциями, снабжена историческими картами, выдержками из средневековых письменных источников, содержит попутные справки о крупнейших городах и государствах Центральной Азии, о царских династиях и великих личностях в истории, о выдающихся исследователях этого региона, дает толкования понятий и терминов, содержит краткую библиографию.

Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе – город Кедер. *Под общей ред. И.Н.Тасмагамбетова. Науч. ред. В.М.Массон. Алматы, «Баур», 2005. 184 с., 17 рис., 106 цв. илл.*

В работе характеризуется один из крупнейших средневековых городов Казахстана, столица Отрарского оазиса в X в., известный как Кедер и отождествляемый с городищем Куйрыктобе. В 1980-84 и 1998 гг. там проводились раскопки Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им.-Ч.Валиханова, а затем Института археологии им.-А.Х.Маргулана. Вскрыт дворец VII-первой половины IX в., городские кварталы VI-VIII, IX-X, XI-XII вв., соборная мечеть. Собрана богатая коллекция керамики первых веков н.э. – XIV в., в том числе большой комплекс глазурованной посуды и обычной керамики, коропластики, изделия из стекла, металла, кости, цветных камней. В парадном зале дворца обнаружены уникальные образцы обугленного деревянного резного фриза доисламского

времени со светскими и религиозными сюжетами. Весь текст книги представлен синхронно на казахском, русском и английском языках.

Степная цивилизация Восточной Евразии. Том 1. Древние эпохи. *Гл. ред. М.Жолдасбеков, отв. ред. К.А.Акишев. Астана, «KUL TEGIN», 2003. 264 с.*

Сборник содержитстатьи по различным аспектам первобытной археологии Восточной Евразии. Это блок статей в разделе "Каменный век", некоторые из которых ранее публиковались в сборнике "По следам древних культур Казахстана" (Алма-Ата, 1970), другие публикуются впервые. Раздел "Эпоха бронзы" открывает обзорная статья А.Х.-Маргулана из Вестника АН Каз ССР (1956, №3), затем в научный оборот вводятся новые материалы (статьи Г.Б.Здановича и И.М.Батаниной "Укрепленные центры эпохи средней бронзы в Южном Зауралье", В.В.Варфоломеева "Кент и его округа", В.В.Ткачева "Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе", С.А.Григорьева "Металлургия эпохи бронзы Центрального Казхастана"). В ряде статей предлагается культурно-историческая интерпретация обширного свода известных науке источников по эпохе бронзы и раннего железа. В частности, в разделе "Ранний железный век" помещены статьи А.Д.Таирова "Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии", С.Ю.-Гуцалова "Кочевники Южного урала в конц V-III вв. до н.э.", М.К.Хабдулиной "Поселения раннесакского времени на р.Селеты". Сборник завершает историко-культурологическое исследование А.К.-Акишева – комментарий к позднезороастрийскому сочинению Арта Вираз Намаг, содержащему уникальную информацию по истории религии, лингвистике, этнологии и археологии региона. Сборник подготовлен к изданию в лаборатории археологических реконструкций Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева.

Свод памятников истории и культуры города Алматы. *Алматы, ТОО «Казахская энциклопедия», 2006, 360 с.*

Первый фундаментальный энциклопедический том из серии книг, издаваемых в Казахстане по государственной программе "Культурное наследие" содержит 258 оригинальных справочных статей, историко-архитектурные очерки, фотодокументы, схемы и планы, более ста биографий архитекторов и строителей, археологов и краеведов, меценатов и глав администрации города за всю историю Алматы. Энциклопедия состоит из трех разделов, в написании которых приняли участие Е.Г.Малиновская-Рюнтю (раздел "Современная архитектура"), К.М.Байпаков и М.М.Нурпеисов (памятники археологии), В.Н.Проскурин (историко-архитектурный раздел "Верный"). Бесспорен инновационный подход авторов – специалистов в области археологии, истории архитектуры, градостроительства и монументального искусства. Материалы книги, помимо смены творческих установок, аккумулируют политические и социальные перемены в жизни республики на всех этапах сложения современного города. Города, известного в истории под тремя названиями, – "колониального Верного" (1854 -1921), "социалистической Алма-Аты" (1929-1993) и ныне "южной столицы Республики Казахстан"; города, который трижды возрождался после крупнейших в истории Земли землетрясений и селей; города, - который строился архитекторами, инженерами, конструкторами Российской империи и Советского Союза, СНГ и независимого Казахстана. Среди авторов российских и всесоюзных проектов – имена зодчих А.Л.Бенуа, К.А.Борисоглебского, А.Гегелло, М. Гинзбурга, Д.К.Зацепина, Н.Круглова, Н.Нарановича, Ю.Г.Ратушного, Н.И.Рипинского, Б.Рубаненко, А.П.Соколова, С.К.Тропаревского. Сегодня в Алматы насчитывается 126 недвижимых памятников: 81 архитектурный объект и 45 произведений монументального искусства. Но авторы алфавитных обзорных статей и справок, сообщают читателю не только о памятниках, включенных в государственный реестр, но и тех, что безвозвратно утеряны, перепланированы, снесены, и сохранились лишь в исторических описаниях или на старинных фотографиях. В книге впервые приводится история сталинских новостроек и даны биографии репрессированных архитекторов. Энциклопедия снабжена научным справочным аппаратом, словарем терминов, обширной библиографией. Это издание, несомненно, станет идейно-нравственным ориентиром в организации и проведении целевых и адресных имиджевых акций, проектов в сфере идеологического информационно-правового обеспечения сохранения и развития культурного наследия.

Уарзиати В.С., Галиев А.А. Символы и знаки Великой степи. *Отв. ред. А.К.Султангалиева. Алматы, Казахская академия труда и социальных отношений, 2006. 198 с.*

Совместное исследование известного осетинского этнолога, проф. Вилена Уарзиати и казахского историка, проф. Анвара Галиева посвящено ранее неизученным вопросам истории древних и средневековых кочевников Евразийских степей. При помощи методов семиотики сделана попытка реконструкции мировоззрения скифов, саков, алан-осетин, хунну-гуннов, древних тюрков и кипчаков. Широкое привлечение различных источников показало, что эти народы создали яркие, самобытные картины мира. Кроме того, хорошо известные всем нам вещи раскрыли свою глубинную суть, продемонстрировав культурно-генетические связи двух таких разных народов как казахи и осетины. Содержание глав книги говорит само за себя: "К истории этнокультурной символики алан-осетин", "Из истории сако-скифского наследия". "Средневековый герб алан-осетин", "Модель космоса гуннов-хунну", "Шаньюй хунну", "Ритуалы хунну", "Обряды посвящения у тюрков", "Вода в мифе и ритуале", "Модель Социума и Космоса кипчаков".

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АН	—	Архитектурное наследство
АН СССР	—	Академия наук СССР
АО	—	Археологические открытия
АРТ	—	Археологические работы в Таджикистане
АСУ	—	Архитектура и строительство Узбекистана
БМАК	—	Бактрийско-маргианский археологический комплекс
БСЭ	—	Большая советская энциклопедия
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВИА	—	Всеобщая история архитектуры в 12 т.
ВНИИТАГ	—	Всесоюзный научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры
ЗВО РАО	—	Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ИАНТ ГН	—	Известия Академии наук Туркменистана, гуманитарные науки
ИАНТ СОН	—	Известия Академии наук Туркменской ССР, серия общественных наук
ИИА МАУ	—	Институт истории и археологии АН Узбекской ССР. Материалы по археологии Узбекистана
ИБ МАИКЦА	—	Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии
ИВ	—	Институт Востоковедения РАН
ИИАЭ	—	Институт истории, археологии и этнографии
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
ИМКУ	—	История материальной культуры Узбекистана, Самарканд
ИРГО	—	Императорское российское географическое общество
КД	—	Каракумские древности
КЦ	—	Культурные ценности
ЛИСИ	—	Ленинградский инженерно-строительный институт
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ	—	Московский государственный университет
МИТТ	—	Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л.: 1939-1940
МХЭ	—	Материалы Хорезмской экспедиции. М.
ОНУ	—	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПТ	—	Памятники Туркменистана
РА	—	Российская археология. М.
РАЕН	—	Российская академия естественных наук
РАН	—	Российская академия наук
СА	—	Советская археология. М.
САУ	—	Строительство и архитектура Узбекистана
СТАЭ	—	Согдийско-таджикская археологическая экспедиция
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТашГУ	—	Ташкентский государственный университет
ТГНИИ	—	Туркменский государственный научно-исследовательский институт
ТГУ	—	Туркменский государственный университет им. Махтумкули

ТКЛА	—	Туркестанский кружок любителей археологии
УСА	—	Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ТФАН	—	Туркменский филиал Академии наук СССР
УзбФАН	—	Узбекский филиал Академии наук СССР
ХАЭЭ	—	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЦГА РУз	—	Центральный Государственный архив Республики Узбекистан
ЦГАТ	—	Центральный государственный архив Туркменистана
ЭВ	—	Эпиграфика Востока
ЭО	—	Этнографическое обозрение. М.
ЮТАКЭ	—	Южно-туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BSOAS	—	Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London
EI	—	Encyclopeadia of Islam
МКТ	—	Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
ТИИАНТаджССР	—	Труды Института истории АН Таджикской ССР. Душанбе.
ACSS	—	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden.
EW	—	East and West. Rome.
IBIASCCA	—	Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Moscow.
MAVA	—	Materialen zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München.
RANL	—	Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di Scienze Morali, Storiche e Filologiche. Roma.
SRAA	—	Silk Road Art and Archaeology. Kamakura.
SovAA	—	Soviet Anthropology and Archaeology. Selected articles from Soviet journals in English translation. New York.

Научное издание

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ
2004-2006

Центральная Азия
в прошлом и настоящем

Ответственный редактор *Р.Г.Мурадов*
Технический редактор .....
Корректор .....
Оператор верстки *В.А.Сорокин*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 16.08.2007
Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Кудряшов. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,0.
Тираж 500. Заказ № ..... .

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ
199061, Санкт-Петербург, Средний пр., В.О., д.41.